

ИОСИФ РАБИН

**В РАЗНЫЕ
ГОДЫ**

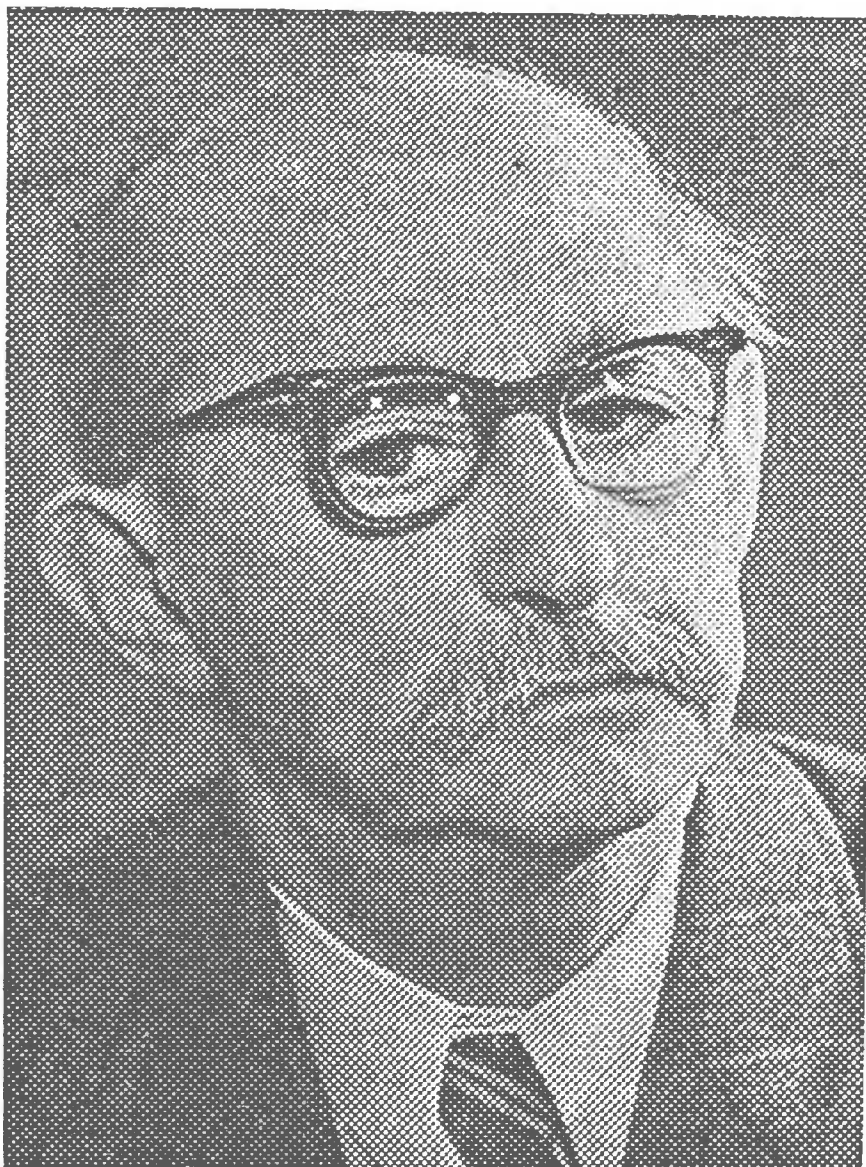
ИОСИФ РАБИН

В РАЗНЫЕ ГОДЫ

РОМАНЫ
РАССКАЗЫ

Перевод с еврейского

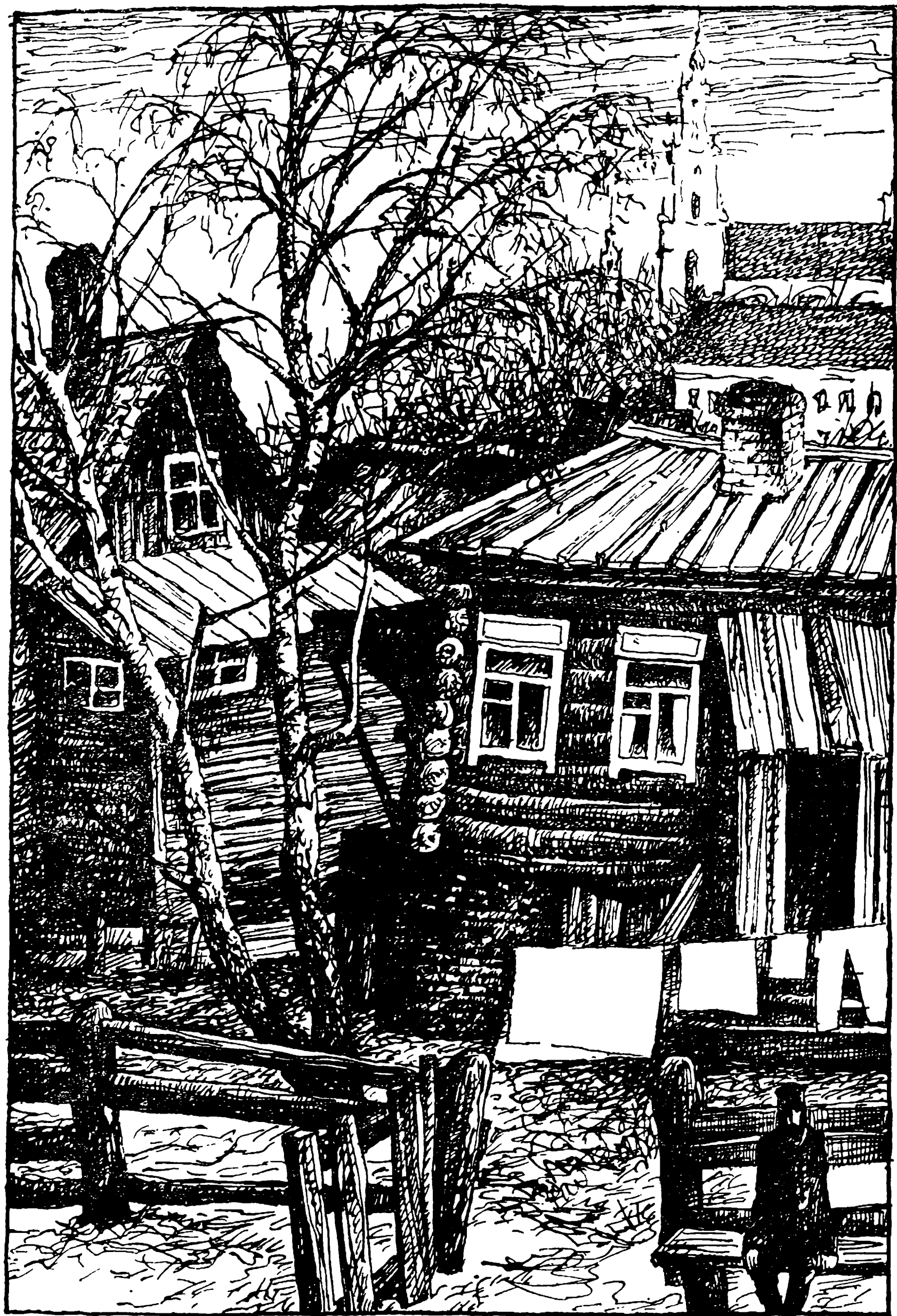
Москва
Советский писатель 1981

Иосиф Рабин — старейший советский еврейский писатель. Первые его произведения появились в печати в 1919 году. Произведения И. Рабина переведены на русский, польский, немецкий, французский, английский языки. Роман «В разные годы» представляет собой историческое полотно из жизни еврейского населения Гродно и прилегающих к нему районов в период с 1812 года по конец XIX века. Писатель ярко рисует историческое своеобразие описываемой эпохи, исследует классовую дифференциацию внутри еврейских общин, становление капиталистических отношений и появление ростков рабочего движения в Литве и Белоруссии.

Герои рассказов И. Рабина — наши современники, с их радостями, горестями, поисками счастья.

Художник Николай КОРОТКИН

В РАЗНЫЕ ГОДЫ

РОМАН

Часть первая

СТОЛЯР ГЕШЛ И ЕГО ВНУК

ЗВЕНО ПЕРВОЕ

Ложь со свет пройдешь,
да назад не вернешься.

Народная поговорка

1

Короткий и холодный зимний день подходил к концу. К вечеру потеплело, небо затуманилось, и запорошил легкий, тихий снежок. Под падающим снежком, который постепенно застилает все вокруг, на улицах Гродно показалась медленно двигающаяся процессия. В предвечерних сумерках колышутся островерхие плюшевые скуфьи православных священников вперемежку с круглыми шелковыми шапочками католиков, суконные рясы с широченными рукавами и длиннополые бархатные сутаны; парчовые ризы с крестами спереди и сзади. А среди всего этого церковного облачения бабьи платки и косынки, крестьянские полушубки, сапоги и лапти, одеяла и женские шляпки. Белеющая в сумраке снежная завеса скрадывает движение людского потока, и трудно понять, откуда он течет и куда...

Из окон низеньких домишек в один и в два этажа с любопытством выглядывают горожане и недоумевают: в первый раз они видят такое — православные и католики вместе идут. К тому же никто не несет крестов, не видно икон и хоругвей, не слышно пения.

И лишь те, кто вышел на улицу поглядеть поближе, что тут происходит, видят: да это ведь остатки разбитого Наполеонова войска плетутся назад в свою французскую страну. Сам-то Наполеон еще раньше бежал. Укутанный одеялами и платками, он

мчался в карете по дороге на Варшаву. А примчавшись туда, император французов, никогда не перестававший думать о своем величии, сказал:

— От великого до смешного один шаг.

2

Едва тусклое декабрьское утро заглянуло в законопаченные на зиму окна гродненских домишек, обитатели Еврейской улицы и прилегающих к ней переулков уже были на ногах, по-зимнему тепло одетые и готовые в путь. И в самом деле, вскоре все еврейское население города — стар и млад — высыпало наружу и, как на праздник, радостно и весело потянулось к Слободке.

Стоял трескучий мороз, деревья вдоль дороги были покрыты густым инеем, из-за легкого розовеющего облака постепенно стало выглядывать позднее зимнее солнце.

Тихо. Ни ветерка. Зато шумит и гудит толпа, которая собралась на Слободке у въезда в город и ждет не дождется русских войск. Посредине в длинной хорьковой шубе и высоком штрайм-ле¹ стоит раввин. Рядом с ним кагальные старосты с нарядным балдахин²ом о четырех древках.

Мальчишки, да и пареньки постарше то и дело выбегают на дорогу. Им не терпится первыми узнать, не идут, не едут ли.

Наконец издали доносится топот подкованных конских копыт по мерзлому, скрипучему снегу.

— Едут! Едут!

Денис Давыдов со своими партизанами вступает в Гродно.

Все впились глазами в Давыдова. Он оброс густой, черной как смоль, курчавой бородой. На нем черный казачий чекмень, красные шаровары. Красная фуражка с черным околышем сдвинута на затылок, на боку пашка.

Приподнявшись в седле, Давыдов приветливо помахал рукой встречающим. Тогда выступил вперед глава общины и от имени еврейского населения поздравил русское воинство, освободившее город. Благосклонно выслушав речь, Давыдов поблагодарил евреев за их верность России. Он знает, сказал Давыдов, евреи привержены к русским и неоднократно доставляли важные сведения о неприятеле.

— Ура! Ура! — разнесся в морозном воздухе восторженный крик из сотен глоток. С хохотом и веселыми возгласами молодежь подбрасывала вверх шапки.

Четыре старосты за все четыре древка подняли балдахин и вознесли его над головой Дениса Давыдова. Давыдов тронул ко-

¹ Ш т р а й м л — бархатная шапка с околышем из пышного меха, которую носят представители еврейского духовенства.

ня и под балдахином гродненских евреев въехал в город по Скидлевской дороге.

Это было 9 декабря 1812 года, в один из дней праздника хануки, выпавшего в тот год на начало декабря.

3

На главной площади, напротив русской церкви, Депис Давыдов остановил своих партизан. Он сошел с коня и велел ударить в барабаны городской полиции. Когда собралось изрядно народу — евреев и неевреев, он приказал барабану умолкнуть и объявил:

— Зная приверженность евреев к России и к русским, избираю старшину кагала в начальники полиции. Начальника дело — выбрать из евреев помощников для надзора как за полицией, так и за порядком в городе.

Помощников было выбрано двое: Пинхос Бас и Зелик Федер.

Пинхос приглянулся Давыдову всем своим обликом: молодой, высокий, с длинной шелковистой черной бородой, с горящими глазами; одет в легкий полущубок, на голове пыжиковая шапка с длинными, завязанными на макушке наушниками. Давыдов отметил про себя его спокойную манеру держаться, достоинство и ум, угадывавшиеся в нем.

Второго, Зелика Федера, Давыдов знал и прежде. Зелик сухощав, подвижен, невысок, но крепок, с едва пробивающейся темно-каштановой бородкой, с большими быстрыми карими глазами, которые, казалось, все видят, все понимают и схватывают на лету. Федер не раз приносил Давыдову важные военные сведения. И теперь Давыдов обрадовался ему. На него он может полностью положиться.

Зелик Федер, чьи большие карие глаза все видят и все понимают, долгое время не понимал сам себя. Он жил в тревоге и смятении. Чего-то ему не хватало. Чего-то он искал. Но чего именно? Куда его влечет? Этого он не знал. Он был еще очень молод.

До переезда знаменитой типографии Боруха Рома в Вильно, когда она еще находилась здесь, в Гродно, Зелик часто заходил туда, присматривался к работе, даже собирался стать наборщиком. Потом ему пришлось это оставить и ограничиться хасидской¹ молельней, в которую он, сам миснагид² и сын миснагида, стал захаживать. Ему казалось, что тут он нашел нечто новое,

¹ Х а с и д ы — приверженцы хасидизма, религиозно-мистического движения среди евреев, возникшего в конце тридцатых годов XVIII века.

² М и с н а г и д — противник хасидизма.

иное, чем в молитвенном доме миснагидов (других сравнений он делать не мог). Сильнее всего он чувствовал это в дни праздников, особенно в день симхес-тойре, когда все, взявшись за руки, самозабвенно плясали, весело кружась в хороводе. Вступал и он в круг.

О том, что Наполеон вторгся в Россию, Зелик узнал именно здесь, в хасидской молельне, из воззвания старого любавичского цадика¹, реб Шнейер-Залмана Шнейерсона. Глава хасидов призывал евреев всеми средствами помогать русской армии в войне против Наполеона.

Вот когда Зелик Федер нашел себя, понял, на что он может пригодиться.

Этого, возможно, было бы еще недостаточно, чтобы побудить его душой и телом отдаться делу. Но в той же молельне, от тех же хасидов он услышал о пророчестве старого цадика, которое тот вывел из Ветхого завета. Реб Шнейер-Залман выбрал из «Книги чисел»² двадцать четыре слова, говорившие о гибели мятежников, и, переставив в них буквы, составил новую фразу из двадцати четырех слов, гласившую:

«Главари мятежников французских сперва будут преуспевать, но в конце будут посрамлены, ибо царь правды отомстит им, и погибнет Бонапарт. Тогда мир успокоится и возрадуется».

Зелик почувствовал: это перст божий. Француз хочет сладкими речами совратить евреев с пути истинного, чтобы они перестали быть евреями. Не бывать этому!

И тогда Зелик вспомнил про своего дядю, дядюшку Гешла из Форштадта, отличного столяра и искусного резчика по дереву.

4

Дядюшка Гешл, который жил за Неманом, в Форштадте, слыл среди своей родни и по ту и по эту сторону реки простаком: он слишком добр, слишком благодушен, ничего не стоит обвести его вокруг пальца. Больше, чем кому-либо, претила эта слабость другому дядюшке — Ошерлу Блондеру.

Жадный до денег, низенький, пузатенький дядя Ошерл (почему-то все звали его уменьшительным именем Ошерл, а не Ошер, как нарекли его при рождении) был наделен богом красивой, окладистой бородой и густой шевелюрой. Когда бы он вам ни повстречался, от него за версту отдавало самодовольством. Разговаривал он медленно, степенно, по-субботному умиротворенно цедя слова и любясь собой. Главное для него были

¹ Ц а д и к (праведник) — духовный руководитель, глава паствы хасидов.

² «Числа» — четвертая книга Моисеева Пятикнижия (первого раздела Библии).

он сам, его жена и его дети. Пропавши пропадом хоть весь мир, не его это забота, лишь бы он и его семья уцелели. Когда, бывало, ему доводилось услышать о чьем-то горе, он тихонько и благопристойно вздыхал. Но не от сострадания, а оттого, что, не ровен час, как бы и с ним чего не приключилось. Вот так же, легонько и учтиво вздыхая, он злословит о дядюшке Гешле:

— Чужой дурак — потеха, а свой — кара божья.

Зелик Федер долго не мог разобраться, к кому из двух дядюшек его больше влечет, кому из них отдать предпочтение.

Дядюшка Гешл был хорош тем, что к хануке, например, он мастерила для Зелика, когда тот был еще ребенком, юлу, к шури-му — трещотку, а то, бывало, подарит санки с подрезами, на которых можно съезжать с высокой Форштадтской горы. Причем свои подарки он преподносил так, что выходило, будто его облагодетельствовали, приняв их и забыв отблагодарить.

К дяде Ошерлу, наоборот, все относились с большим почтением и «спасибо» говорили ему загодя, хоть и знали, что подарка от него никто никогда не дождется. Он вообще не любил ничего давать, зато любил поучать, рассказывая всегда одну и ту же притчу:

«Однажды, когда школьный учитель показывал детям, как складываются слоги, один из мальчиков спросил:

— Господин учитель, вы говорите, что «п» и «е» читается «пе». А зачем нам это «е»? Ведь и так, и этак «пе».

— Скажи-ка мне, умник ты этакий, — ответил на это учитель, — где ты был, когда я показывал, как читается «г» и «е»? Почему ты тогда не задавал вопросов? Голова не тем была занята? В пуговицы играл? Хорошо ли так?»

И, поглаживая свою красивую бороду, дядя Ошерл нравоучительно заключал:

— Вот так-то, дети мои. Надо быть благочестивыми и усердно учиться.

5

Столяр Гешл высок. Руки длинные, натруженные, с костлявыми пальцами. А бородка у него короткая, скромная. Такая не просит и не приносит чести. Лицо все в мелких морщинах, но это его не слишком старит. Когда смотришь на лицо дядюшки Гешла, первым делом видишь его темно-янтарные глаза, добрые и честные.

Уже много лет дядюшка Гешл живет по соседству с большой синагогой, что в Форштадте. Около трех столетий, а может и того больше, стоит здесь, на самом высоком месте в городе, на Форштадтской горе, трехэтажная деревянная синагога, стены которой украшены великолепной росписью и тончайшей резь-

бой. Столяру Гешлу любы красивые вещи, он и сам красив душой. Конечно, он набожен, верует в бога и славит его, но любит он резьбу и живопись деревянного божьего дома.

Трижды в день столяр Гешл приходит в синагогу молиться. На утреннюю молитву он спешит чуть свет. Ему предстоит день, полный работы, рубанок и молоток ждут его, и, едва переступив порог, он на ходу высвобождает из рукава левую руку и застегивает свой кафтанишко на одну пуговицу. Он надевает на оголенную руку один из филактериев¹ и произносит благословение. Надевает на лоб второй филактерий и произносит благословение. Затем он торопливо начинает читать наизусть молитву: «Как хороши шатры твои...»

Но стоит ему поднять голову и увидеть священный ковчег, как его янтарные глаза начинают блестеть. Губы шепчут хорошо знакомые слова, губы молятся, а сам он, жаждущий и алчущий, впитывает в себя представшую перед ним красоту. Сердце его трепещет от радости, когда он смотрит на молодого оленя, взметнувшего упругие передние ноги перед прыжком. Этот благородный олень с ветвистой короной на голове полон жизни, молодых сил, телесной мощи. Вот он сейчас оттолкнется крепкими задними ногами от земли и, как вихрь, устремится к своей желанной. И хотя лани не видно, ее сила чувствуется. Она требует, зовет, влечет и манит к себе молодого могучего оленя.

На той же круглой колонне священного ковчега изображен лев со вскинутой головой и грозно раскрытой пастью. Он устрашающе рычит. Берегись попасться ему теперь в лапы. Он голоден. Но тут же Гешлу начинает казаться, что он ошибся. Нет, лев вовсе не рычит. И никого он не устрашает. В это светлое утро он славит бога, благодарит его за то, что создан львом.

На самом верху стоит орел, раскинув мощные крылья. Вот он взмахнет ими, и они запумят, рассекая воздух. Кроткое сердце дядюшки Гешла замирает от страха. Орел, не дай бог, еще врежется в расписной потолок и разmozжит себе голову...

Изображенные на священном ковчеге древней форштадтской синагоги птицы и звери окружены и увиты ажурными узорами, сотканными из разных плодов, листьев, трав... Должно быть, эта радостная, светлая резьба была создана много лет назад золотыми руками народных мастеров.

Гешл теряет счет времени. Когда он прервал молитву? На чем остановился? По всему судя, пора кончать. Он торопливо снимает филактерии, складывает их и, натягивая рукав кафтаны уже на пути к двери, спешит домой.

¹ Ф и л а к т е р и и — две кожаные коробочки особой формы, в которых находятся написанные на пергаменте цитаты из Библии. Во время утренней молитвы в будни набожные евреи с помощью специальных ремешков укрепляют филактерии на лбу и предплечье левой руки.

Когда Гешл направляется в синагогу к предвечерней молитве (случается, он пропускает ее и наверстывает упущенное во время вечерней), солнце озаряет скаты гонтовых крыш, облепивших трехэтажную деревянную синагогу. Она выглядит так легко и воздушно, что Гешлу кажется: помоги ему кто-нибудь — и вдвоем они сумели бы поднять ее и перенести на другую улицу.

Внутри синагоги светло. И дядюшка Гешл видит, что кое-где резьба стерлась, треснула. В свободный час он придет сюда с долотом и стамеской и восстановит все точно так, как было. Здесь, на западной стене синагоги, есть и его резьба. Восточная стена отдана Библии, западная же своя, местная: он ее украсил ромашками и настурциями, листьями клена, березы и дуба.

Столяр Гешл счастлив, его глаза вспыхивают янтарным блеском, когда кто-нибудь из прихожан говорит ему:

— Гешеле, твои цветы пахнут! Благодать! А листья — они живые, трепещут на ветру. Хоть сорви и отнеси домой детям.

В такие дни он приходит домой веселый, чуть не приплясывая. И жена понимает: не от вина он захмелел, а от переполнившего его чувства красоты и счастья.

В Форштадте знают: дядюшка Гешл зарабатывает свой хлеб насущный столярничеством, а рай небесный — резьбой.

6

Это было, когда французы еще стояли в городе.

Теплый летний день в конце июня.

Зелик Федер идет в гости к своему дяде, столяру Гешлу. Он давно у него не был, да и дело есть.

Зелик уверен, что дядя не откажет в его просьбе, слишком он добр для этого. Но как объяснить дяде, зачем ему, Зелику, коробка с ремнем, которую можно носить на шее? Коробка с гнездами для разной мелочи вроде тесьмы, гребенок, иголок, ниток и тому подобных вещей.

Он может сказать дяде, что пойдет по деревням и местечкам торговать вразнос. Добывать на жизнь. Но ведь дядя посмотрит на него как на сумасшедшего: нашел, мол, время... И ради чего? Что это может дать?

Что сказать тогда? Был бы дядя Гешл не таким добрым и мягким, а человеком, который может заупрямиться и настоять на своем, можно было бы, пожалуй, и намекнуть, что время как раз самое подходящее и есть ради чего... Но этого делать нельзя. Добродушный Гешл начнет его отговаривать, уговаривать, просить, доказывать...

Тем временем Зелик дошел до реки, спустился с высокого косогора к причалу и, переправившись через Неман, вышел на другой берег, более низкий, где начинается Форштадт.

Дядю он едва мог узнать. Вид больной, еле ходит.

— Что с вами? — спросил Зелик.

Тетя Гинда мигнула: мол, не спрашивай, не заводи разговоров.

Не тут-то было. Гешл заметил ее знак и рассердился. Это еще что! Ему как раз хочется побеседовать с кем-нибудь.

— Болен я, Зелик, болен! — простонал он.

— Что у вас болит?

— Все болит, везде болит, — голос дяди дрожал, — я этого не перенесу...

— Вы пугаете меня, дядя. Скажите толком: что с вами?

— Не со мной, дорогой, а со старой синагогой. Нехорошо. Скверно!

Зелик посмотрел на него с подозрением: заговаривается старик, несет несуразицу.

— Что стряслось, дядя?

— Лошади!

Видно, плохо с дядей. Жалко его. А о том, чтобы попросить его сделать коробку, и думать нечего.

Но тут Гешл, вне себя от ярости, крикнул:

— Лошадей они поставили в старую синагогу! Божий храм превратили в конюшню! Разрушают всю красоту! Если бы я мог...

— Довольно, Гешл, хватит, — просит жена. — Бог покарает их, успокойся.

— Правда, отец, успокойся, бог непременно их накажет, — стала упрашивать и тринадцатилетняя дочка Либе-Шева.

Но Гешл даже не слышал, что говорит любимая дочь. Схватив Зелика за руку, он тряс ее и кричал:

— За уничтожение такой резьбы и росписи их следует подвергнуть всем четырем видам смертной казни: закидать камнями, сжечь, обезглавить, удавить!

Теперь Зелик начал кое-что понимать.

— Знаете, дядя, давайте-ка лучше пройдемся к реке, погуляем немного, вы успокоитесь.

Часа через два, когда Зелик и Гешл пришли с прогулки, Гинда и Либе-Шева только диву дались: отец выглядел гораздо лучше, стал таким же, как прежде, и его темно-янтарные глаза были полны обычной доброты.

В тот же день Гешл взялся за дело — стал мастерить коробку с гнездами.

И должно быть потому, что столяр Гешл вложил в свою поделку все мастерство и любовь резчика Гешла, Зелика повсюду сопровождала удача.

Спокойно и уверенно ходит он из деревни в деревню, из местечка в местечко, шагает по проселкам и трактам, ночует в корчмах и крестьянских избах. Продает мелочной товар. При том за сходную цену.

Своими большими карими глазами, схватывающими и понимающими все на лету, он высматривает, выведывает то, что нужно, а выведенное запоминает и знает, кому что надо передать.

Зелик любит рисковать. Смелая выдумка ему по сердцу. Когда ловкая проделка удается, все в нем ликует от счастья. Он доволен собой.

Ему помогает Гешл.

Ему помогает дочь Гешла Либе-Шева.

Между тем... Солнечное лето, согревавшее тихие воды Немана, идет на убыль. Похолодало. К ночи усталые, короткие дни торопятся на отдых. Наступает осень...

В эту пору Зелик Федер и повстречался с Денисом Давыдовым.

Поздней весной, на самом пороге лета, неподалеку от высокой Форштадтской горы, где стоит старая деревянная синагога, расположился Наполеон со своей свитой. Ежедневно он поднимался на крутую гору и рассматривал в подзорную трубу противоположный берег реки. В доме Гешла запомнили, — особенно хорошо запомнила это тринадцатилетняя Либе-Шева, — как Наполеон, короткий и толстый, взбегал на гору и подносил к глазам свою трубу. Либе-Шева рассказывала Зелику, что сам Наполеон оставался при этом в своем «кораблике» — в шляпе-треуголке, генералы же стояли вокруг него с обнаженными головами, держа «кораблики» под мышкой.

Потом, когда французская армия переправилась через Неман, Наполеон и его свита ушли вместе с ней.

Однако здесь, на старой границе, у Немапа, по соседству со старой синагогой, был оставлен генерал с небольшим отрядом солдат и офицеров. Все следовавшие из Парижа курьеры и фельдъегеря обязаны были являться к этому генералу.

Либе-Шеве, которая жила рядом, иногда удавалось заметить нечто такое, о чем стоит сообщить Зелику.

И вот однажды случилось: в слякотный, дождливый осенний день из Парижа прибыл кабинет-курьер с пакетом для императора. Прибыл на старую границу и явился к генералу за указаниями, куда держать путь дальше.

К тому времени Зелик познакомился еще с несколькими евреями, занимавшимися тем же делом, что и он. Услышав о кабинет-курьере, он чуть не подпрыгнул от радости. Смелая, дерзкая мысль пришла ему в голову: задержать спешащего к Наполеону курьера и передать его в руки русской армии.

На осенних дорогах уже падал первый снег. Гнилой, мокрый, тяжелый. Едва коснувшись земли, он тут же таял, будто и не было его. В лесу ранний снег украсил зимней белизной вершины деревьев. Но тоже ненадолго. Вскоре на мокрую траву посыпалась частая капель.

И вот уже несколько суток подряд снова льет дождь над размытым проселком. Монотонно и непрерывно стучит он по одинокой карете, будто назло, чтобы доконать седока. Хлюпает под колесами жидкая грязь, вся дорога в лужах. Грязь липнет к колесам, они еле двигаются или скользят по опавшим желтым и зеленым листьям. Карета въезжает в лес. Сразу темнеет, и тьма все густеет. Кабинет-курьеру, который сидит в карете, становится не по себе — он в чужой стране, невероятно огромной и далекой, в чужом лесу, где с ветки на ветку, с листа на лист падают колкие, как иглы, холодные капли.

Все деревья в лесу теперь схожи, все тропы и просеки выглядят одинаково. Кучер с трудом различает дорогу.

И, наверно, поэтому из-за занавесок на забрызганных дождем окошечках кареты так часто выглядывает кабинет-курьер. Он уверен, что в России вечные дожди, вечная слякоть. Кругом, куда ни глянь, все лес, мокрый лес. Без солнца, без птиц.

Он не бывал здесь летом. Откуда ему знать, как хороши эти места. Вот совсем неподалеку отсюда есть чудесная поляна, где в знойный летний день можно укрыться от солнца, а в ненастный от непогоды. Там и теперь сидят у костра люди. Кругом дремучий лес.

По одну сторону непролазный ельник, весь усыпанный кочками и устланный мхом, по другую — густой старый березняк. Березы здесь низкорослые, покрытые жесткими «грибами» плесени, похожими на конские копыта. На земле валяются полуистлевшие деревья с отставшей дырявой корой, побитые пашнем и полные гнилой древесной трухи. Но посередине, на взгорке, просторно. Здесь сосна. Деревья стройны и высоки. Летним полднем здесь полно солнца, птичьего гомона, тихий ветерок гуляет среди веток. Хорошо и весело здесь летом. Хорошо и ранней осенью. Осенними ночами можно видеть, как в лес падают звезды. Но теперь, поздней осенью, когда все кругом гниет и оголено, здесь и впрямь невесело и нехорошо.

Один из троих сидящих у костра, самый молодой, — Зелик Федер. Напротив Зелика, засунув руки в рукава и прикрыв глаза, словно он дремлет, сидит широкоплечий, рослый мужчина с густой черной бородой. Подвязанный веревкой овчинный тулупчик и тяжелые сапоги из грубой кожи придают ему вид извозчика или грузчика. На самом деле он купец и вдобавок образованный богослов, чуть ли не имеющий право быть раввином. Он очень набожен. Всегда серьезен, даже угрюм. Шутка, острота, веселая прибаутка, если иногда и сорвется с его уст, звучит до того сухо, до того строго и благочестиво, что перестает

быть забавной и веселой. И в торговых делах, и в частной жизни он на редкость прямолинеен. Ни в чем не знает середины. Белое — это белое, черное — черное. Полутонов он не признает. Резок, нетерпим, неуступчив. Но долг для него превыше всего. Долг надо исполнить без оговорок. Именно поэтому сидит он сегодня у костра вместе с Зеликом Федером. Зовут его Довид, реб Довид, разумеется. Для того чтобы узнать о Наполеоне, ему не нужно было, как Зелику, вертеться среди хасидов. Он и сам все знал. Хасидов он, кстати сказать, не любил, был их ярким противником. Если иной раз какое-нибудь его словцо и вызывало у людей улыбку, это случалось как раз тогда, когда он высмеивал хасидов.

Еще до того, как началась война, реб Довид знал, что Наполеон, находясь в Египте, говорил о возрождении еврейского государства. Реб Довид, да и многие люди его круга и положения поняли это так, что Бонапарт замыслил стать еврейским мессией. Им это сразу не понравилось. А позже, когда Наполеон созвал в Париже новый еврейский синедрион¹, всем, кто думал подобно реб Довиду, стал вполне очевиден настоящий смысл этой затеи, который, впрочем, и открыто был высказан: не талмуд, а синедрион (т. е. Наполеон) будет устанавливать законы еврейской жизни. Этого реб Довид не мог снести. Он должен пойти против Бонапарта, должен защищать своего бога, своего мессию. Он участвовал в сборе средств среди гродненских евреев в поддержку русской армии и истово молился за победу над Наполеоном. Ибо для реб Довида за понятием еврейского народа неизменно стояли бог и священное писание. Таков уж он был, реб Довид.

Третий из сидящих у костра, в крестьянской сермяге, подпоясанной красным кушаком, в теплой суконной шапке-ушанке, — фурман Арка. Время от времени он посасывает маленькую трубку и смачно сплевывает, высовывая при этом кончик языка. Между ним и богом значительно большее расстояние, чем между богом и его соседом реб Довидом. Никому и в голову не придет добавлять к его имени почетную приставку. Он не реб Арка, а просто Арка, фурман Арка.

В молитвах Арка не слишком искушен, в дороге, бывает, и пропустит молитву, не сомневаясь, что бог его простит. Ведь не назло он это делает, а радея о хлебе для жены и детей. С ним наравне трудится его верный коняга, молодой жеребец Красавчик. Арка любит красивых, статных лошадей. А Красавчик к тому же его кормилец. Невесть откуда и зачем черт принес французов. Кто их звал? И забрали они у Арки его доброго коня.

¹ С и н е д р и о н — совет старейшин в древней Иудее, до разрушения Иерусалима римлянами (70 г. н. э.), выполнявший функции высшего религиозного, правительственного и судебного учреждения.

Все трое сидят на сырой земле. Костер то вспыхивает, то гаснет, тлеет и разгорается снова. Сырость пронизывает до костей, падающие с веток капли проникают, кажется, сквозь кожу. Ноги стынут. Но никто из них не жалуется и не раскаивается. Раз надо, значит, надо. Все трое молчат. Где-то поблизости могут быть французы. Риск требует осторожности. Время от времени попыхивает трубкой и сплевывает Арка, чуть слышно шепчет:

— Красавчик...

Он не может утешиться, все думает о своем жеребчике. Разве знают эти французишки, как обращаться с таким конем, как беречь его и холить? Они, наверное, хлещут его кнутом, мучают, шкуру с него спускают. Арка даже вздрагивает при этой мысли. Ну, подвернись только кто-нибудь из них! Он готов вскочить, схватить его за ворот, душу из него вытряхнуть. Так обходиться с лошадью, добрым, верным конем...

Реб Довида раздражает курение Арки и его неумолчный шепот. При других обстоятельствах он не удержался бы и прикрикнул: «Не дыми, невежа!» Но сегодня он молчит. Сегодня они соратники, они делают одно и то же дело. И так как ему трудно заставить себя уступить кому-нибудь, он силится думать об Аркиной трубке как о чем-то несуществующем. Не было ее, нет и не будет. И вспоминать о ней не следует. Пропади она пропадом...

Все трое прислушиваются: не едут ли? Не идет ли кто?

— Тсс... — произносит вдруг Зелик, показывая рукой в сторону дороги. — Мне кажется...

Они напряженно вслушиваются.

— Да нет там никого и ничего, — возражает реб Довид. — Вот именно только кажется.

— А все-таки... послушайте! — настаивает Зелик. Он нетерпелив. Ему хочется услышать то, что невозможно услышать.

— Нет, молодой человек, — снова возражает реб Довид, — ничего не слышно и слышно не было. Померещилось.

Фурман Арка знает, что еще слишком рано. По трудной дороге и езда трудная. Он успокаивает Зелика:

— Дорога хлюпкая, склизкая. Такая дорога все кишки вывернет. Отрыгнется прошлогодний борщ... Дали бох¹.

— Конечно. Дорога с препятствиями, — соглашается на этот раз реб Довид. — Вам все только чудится, Зелик. Обман слуха, галлюцинация.

Так они сидят все трое — три человека, которые сегодня собрались вместе, объединенные одной целью, а завтра они, может быть, снова станут чужими, и каждый пойдет своей дорогой, поглощенный своими заботами.

¹ Д а л и б о х — уверение, то же примерно, что «ей-богу» (белорусск.).

Костер горит и гаснет, тлеет и снова разгорается. Дождь льет, ветер гонит дождевые капли за ворот, ноги стынут. И часто чудится, что ветер доносит неясный отзвук человеческой речи. Не французской ли?

Первый, кто действительно уловил стук приближающейся кареты, был, понятно, фурман Арка. Его слуху можно было довериться. Все встали. Реб Довид поднял глаза к обложенному небу и произнес:

— Боже праведный, ожесточи мое сердце!

И все трое, в сущности чужие, разные люди, которые, может быть, больше никогда в жизни не встретятся, стали как бы одним человеком, с единой волей.

Вот когда они по-настоящему почувствовали силу ветра — когда вышли из своего укрытия. Он набросился на них, хлеща по лицу листьями, ветками и дождем. Они поспешили повернуться к нему спиной. И вот тут-то все услышали, а потом и увидели карету. Коня еле плелись, отекая дождем, от опавших боков шел пар.

Зелик Федер, который умеет произнести на еврейский лад два-три французских слова, знает теперь, что делать. На своем ломаном языке он спрашивает кучера, куда направляется карета. Если к парому, они готовы помочь подтолкнуть ее. Дорога плохая, лошади устали, и французы охотно принимают помощь. К реке ведет широкая дорога, спускающаяся все ниже и ниже по откосу. У переправы люди ждут парома. Распоряжающийся здесь французский сержант ни на кого не обращает внимания. Но, завидев карету и узнав, кто едет, он тотчас отдает приказание приготовить паром. Зелик, реб Довид и Арка помогают толкать карету. Вместе с кабинет-курьером они переправляются на другой берег.

Дорога, поднимающаяся от реки на косогор, тоже размыта и полна жидкой грязи. Дождь все льет, а ветер валит с ног. Карета снова въезжает в лес. Тут фурман Арка внезапно хватает коней под уздцы. Зелик прыгает на козлы и выхватывает у кучера вожжи. Карета сворачивает на другую дорогу, совсем в другую сторону. И вместе с кабинет-курьером и кучером она прибывает к русским партизанам, прямо к Денису Давыдову.

...Вот почему Денис Давыдов может вполне положиться на Зелика Федера.

В праздничном, по-зимнему белом городе Гродно звездный вечер с легким, сухим морозцем. На балконах и в окнах горят иллюминационные огни, вывешены картины, славящие русскую

армию. Со всех концов города несется разноголосый перезвон церковных колоколов. На Еврейской улице и в прилегающих к ней переулках окна светятся веселыми ханукальными свечами. Сегодня у евреев двойное торжество: в честь давней победы над греческими завоевателями и только что одержанной победы над Наполеоном, поэтому в еврейских домах особенно радостно празднуют нынешнюю хануку. Люди вновь обрели чувство уверенности, которого так долго недоставало. Они в своих домах, их больше не будут выгонять, не будут глумиться, не тронут детей, не лишат достояния. Денис Давыдов сказал им сегодня хорошие слова. А Зелик Федер и Пинхос Бас управляют полицией.

В доме столяра Гешла на высокой Форштадтской горе по соседству со старой синагогой ханукальные свечи горят в красивом резном светильнике, который сделал сам Гешл. Светильник стоит на самом видном месте. Гинда досыта не наглядится на него. Он сделан в виде дерева с восемью ветвями, по четыре с каждой стороны. Ветви покрыты тонко вырезанными листьями. На конце каждой из них стоит голубь с подсвечником. А среди веток стоит высокий олень, вытянув прекрасную шею, словно собирается зажечь свечи. Сверху светильник увенчан короной, а внизу, как два верных хранителя, лежат два льва.

Гешл надел сегодня свой субботний сюртук. Гинда приготовила праздничный стол. На Либе-Шеве ее самое красивое платье. Сегодня отец с матерью в хорошем настроении. В них чувствуются покой и уверенность, царящие сегодня во многих еврейских домах. А вот дочь что-то не слишком спокойна — все поглядывает на дверь, на окно, словно кого-то ждет. С одной стороны видны заснеженные крыши и светящиеся окна, с другой — откос, ведущий к Неману.

Отец ничего не замечает. Он углублен в свои мысли. С ним это часто бывает: он больше занят своим внутренним миром, чем окружающим. Теперь он думает о резьбе в старой синагоге, разрушенной французами. Столько работы впереди. Недаром Гинда, его жена, говорит: «Мой Гешл живет с закрытыми глазами». О ней самой этого не скажешь. Она-то поистине живет с открытыми глазами. И, прекрасно зная своего мужа, безошибочно разбираясь в его поведении и настроениях, она щадит его, сочувствует ему. Гинда и дочь свою понимает. Она догадывается, почему Либе-Шева — ей вот уже скоро четырнадцать — так часто поглядывает на дверь. Гинда носит парик¹ (к слову, она сама делает парики, прирабатывая этим), знает все еврейские обычаи, искушена в религиозных предписаниях, касающихся домоводства, но это ничуть не убавляет ей женственности. Она не

¹ Н о с и т п а р и к — то есть она набожная женщина. Согласно предписаниям еврейской религии, замужним женщинам запрещено показываться на людях с неприкрытыми волосами.

кичится своими знаниями перед людьми. Не подобает, да и нельзя. Про себя Гинда знает, что у нее с Гешлом любовь началась задолго до свадьбы. То есть он, Гешл, об этом, конечно, и не догадывался. Она его полюбила. Бывала всюду, где только можно было с ним встретиться. Сама, поборов девичий стыд, пришла к родителям просить, чтобы ее за него просватали. Теперь, глядя на дочь, которая не находит себе места, Гинда вспоминает, как вспыхивает Либе-Шева, как потупляет взор, когда в доме появляется Зелик. А через минуту она уже не сводит с него глаз. Сперва Гинда не придавала этому значения, думала: ребенок, девчонка... Но теперь... Гинде вспоминаются ее девичьи годы, и ей хочется, чтобы дочь успокоилась. Она говорит:

— Я думаю, Гешл, Зелик вряд ли зайдет к нам сегодня.

Не успевает отец ответить, как Либе-Шева торопливо спрашивает:

— Почему?

— Разве ты сама не понимаешь, дитя мое? Он ведь служит в полиции, очень занят.

— Но ведь сегодня праздник, мама.

— А я думаю, он придет, — откликается наконец Гешл, — хоть на минутку, да заглянет.

Гинда видит: дочка сразу ожила. Ее глаза, такие же янтарные, как у отца, светятся, словно от доброй вести. Мало того — дочь приплясывая подходит к отцу, хватает его за руки и говорит:

— Какой ты добрый! Конечно, он придет.

И она уже снова глядит в окно.

Веселее всего сегодня в доме у фурмана Арки.

На днях к нему пришел знакомый балагула¹ и сообщил:

— Аре! Твой жеребчик! Я его видел. Запряжен в коляску, а вожжи держал такой щеголеватый панок.

Арка вскочил:

— Красавчика видел? Где? Когда?

Начались поиски, расспросы. Арка не ел, не пил, целыми днями метался по городу, пока наконец не дознался, где находится его конь. В тот день, когда в город вступил со своими партизанами Денис Давыдов, а Зелик и Пинхос стали заправлять полицией, Арка с кнутом в одной руке и уздой в другой вошел во двор к указанному шляхтичу и сразу побежал к конюшне. Жеребец стоял и неохотно жевал сено, при этом он с такой силой выпускал из ноздрей воздух, что пыль летела от сена.

— Красавчик! — позвал Арка.

Услышав знакомый голос, конь встрепенулся. Потом весело заржал и застучал копытами.

¹ Балагула — извозчик.

Арка надел на него узду и сказал:

— Пошли, милый...

К этим словам Красавчик давно был приучен, и он тут же, веселый, пошел за хозяином.

Во двор с истошным криком: «Вор!» — выскочил шляхтич. Он попытался выхватить у Арки узду, но тот взмахнул кнутом, отогнал панка и сам начал его отчитывать:

— Злоджий, крадек, шахрай, лобуз, кишеник! ¹ Увел у меня коня и еще кричит. Я тебе покажу, как коней воровать! Пошли в полицию! До Зелика, до Пинхоса! Али до Давыдова! Идем!

И хотя панок попался гонористый и, будь другое время, исколотили бы здесь Арку до полусмерти и выбросили вон, но сегодня все сошло благополучно. Шляхтич испугался. До него уже дошли слухи о Денисе Давыдове. К тому же пристало ли ему, ясновельможному пану, объясняться в полиции с Зеликом и Пинхосом?

Арка возвращался домой с конем, как генерал с поля боя после выигранного сражения.

И сегодня в его доме пир горой. Жена печет оладьи, а дети хватают их прямо со сковородки. Один Арка ни к чему не притрагивается. Он сыт. Даже рюмочка водки его не соблазняет. У него одно на уме — Красавчик. То и дело хватает он горящую ханукальную свечку и бежит в сарай поглядеть, что поделывает Красавчик. Он гладит его, обнимает за шею, шепчет нежные слова чуть ли не из «Песни песней» ².

Когда Арка возвращается, жена спрашивает его:

— Ну, муженек, как он там?

— Благодарение богу!

Большой книжный шкаф в доме у реб Довида сегодня наглухо закрыт. Сам реб Довид, как всегда, в шелковой ермолке и с длинным талескотном ³ под сюртуком, слоняется по дому, не зная, чем заняться. По привычке его так и тянет открыть шкаф, вынуть толстый фолиант и полистать. Но сегодня праздник — ханука. Сегодня надо веселиться. А веселье дается реб Довиду нелегко. Веселиться, по его представлению, это значит попусту тратить время. Рюмочку вина и ту он выпивает лишь тогда, когда это наказано обрядом, освящая субботу или в пасху. Сегодня, правда, можно. Не только можно, но и нужно. Да поди будь ве-

¹ З л о д ж и й и т. д. — вор, мошенник, негодяй, карманник (*искаж. польск.*).

² «Песнь песней» — любовная поэма, входящая в книги Ветхого завета.

³ Т а л е с к о т н — четырехугольное полотнище с круглым вырезом посередине для того, чтобы продеть голову, и с особого рода шерстяными кистями по углам. Религиозные евреи надевают его под верхнюю одежду для постоянного ношения.

селем только потому, что это можно, нужно, должно. Реб Довид старается. Начинает с того, что раздает детям ханукальные деньги¹. В доме действительно становится оживленнее. На суровом, сосредоточенном лице реб Довида появляется тень улыбки. Кажется, сейчас он и себе подарит ханукальные деньги и сядет играть с детьми в юлу. Он захватывает своей большой ладонью широкую бороду и хитро щурит глаза.

— Во что же, дети, мы будем играть? В какую, к примеру, игру? Юла? Лото? А может, «волк и овцы»?

Дети молчат. Что-то не верится им, что отец станет дурачиться, забавляться вместе с ними.

— Разве ты будешь играть, папа?

— А как же? Вы думаете, я говорю с вами не всерьез?

Дети смотрят на отца блестящими глазами. Они переглядываются. Это означает: «Давайте обыграем его! Все вместе!»

— Понимаю, понимаю... Хотите объединиться против меня? Ну что ж, скажу, как некогда сказал фараон: «Ухитримся же против него». Попробую я вас обыграть. Во что сыграем?

Дети все еще не верят. Неужели отец, хоть и праздник сегодня, разрешит себе сесть за игру? Отец...

— Знаешь, папа, мы будем играть в карты! Сегодня ведь можно.

Карты? Откуда к реб Довиду в дом попали карты, остается только удивляться. Он никогда не держал их в руках. Из любопытства взглянул на них и тут же отвернулся.

— Тьфу...

Дети играют.

Реб Довид больше не в силах удержаться, он подходит к шкафу и вынимает старинную книгу.

Но сегодня, видно, не суждено ему посидеть над книгой. Пришел гость, Ошерл Блондер, сосед.

— С праздником, реб Довид!

Реб Довид недолюбливает своего соседа. Сам он человек прямой, что на уме, то и на языке. Ошерл же ведет счет словам, лучше пусть останется про запас, лишнего никогда не скажет. А бывает, и скажет, да наоборот, вовсе не то, что думает. К тому же Довид не жалуется людей самодовольных и самовлюбленных. Ошерл это чувствует, знает, и все же его тянет к соседу: реб Довид вхож к раввину, к главе общины, он всегда узнает новости из первых уст. Ошерл и сегодня пришел за новостями с готовым вопросом:

— Объясните мне, пожалуйста, какую нам выгоду приносит то, что евреи служат в полиции? Подобаает ли это евреям?

¹ В праздник ханука принято было дарить детям деньги для игры в карты, лото или юлу.

— Для вас, реб Ошерл, первое дело выгода. Невсжественный вы человек. Нет в вас священной искры. Мы, евреи, помогали Денису Давыдову...

— А какое евреям дело до Дениса Давыдова? Вести войны, встревать в драки — не еврейское это дело.

— Вот как... Ну, а Иисус Навин, царь Давид, Хасмонеи — они что, не воевали?

— Когда это было! Еврею, реб Довид, прежде всего нужен заработок.

— Не вам жаловаться, реб Ошерл, вас бог заработками не обидел. Не пойму я вас. Какой-то вы двуликий... Шли бы вы себе домой и не омрачали праздник. Ведь сегодня ханука.

9

Зелик и Пинхос целыми днями заняты. Не хватает времени поесть, отдохнуть. Зимние дни с их морозами и снегопадами мелькают, как во сне. Незаметно прошла ханука. Повсюду только и слышно: «До Зелика... До Пинхоса...» Евреи произносят эти слова с гордостью, с удовлетворением, с уверенностью в том, что они теперь равные среди равных, больше не считаются людьми второго или третьего сорта. Раньше от одного только слова «полиция» бросало в дрожь, теперь оно даже звучит как-то по-свойски. За Зеликом и Пинхосом стоит Денис Давыдов.

Оба — и Зелик, и Пинхос, разные по складу люди, — с каждым днем все больше проникаются чувством дисциплины и порядка, свыкаются с мыслью, что они представители власти и ответственны за все, что происходит в городе. Прежде, например, им было безразлично, валяется ли на улице камень, завалена ли дорога снегом, распаталось ли у кого стекло в окошке. Какое им было дело до буяна-пьяницы или до того, поймали ли где-то вора. Теперь их заботит каждая малость, которая может нарушить покой и порядок в городе. В отношениях с горожанами они стараются соблюдать одну меру — меру справедливости. Оба чувствуют и оценивают себя совсем по-другому. Им доверили город, и на них лежит забота о нем.

Однако это недолго продолжалось. Денис Давыдов со своими партизанами ушел далеко вперед, на другую сторону границы. Хозяином города стал генерал Милорадович, вельможа, граф. И все возвратилось на круги своя. «До Зелика, до Пипхоса» звучало теперь для еврейского уха воспоминанием о безвозвратно минувших хороших днях.

Зелик, тот самый Зелик с карими глазами, которые все видят и все понимают, удивлялся: отчего так случилось? Он считал себя участником войны с Наполеоном. Сам Денис Давыдов не раз хвалил его, говорил: «Ты настоящий русский патриот». А вышло что? Насмешка?

Он спрашивает у Пинхоса, предвидел ли тот такой конец. И Пинхос отвечает:

— Да, предвидел.

Как всегда, Зелику приятно смотреть на Пинхоса. Молодого, высокого, с черной шелковистой бородой и горящими глазами. Ум и достоинство угадываются в нем. И Зелик переспрашивает:

— Правда? В самом деле предвидел?

Зелик стал удивляться, когда все уже было кончено. А Пинхос, оказывается, и не удивлялся. Еще в самом начале, когда Денис Давыдов передал полицию в его и Зелика руки, он подумал: надолго ли? Он понимал, что Денис Давыдов человек исключительный: горяч, строг, но справедлив. Ему правда дорога. Ну, а если на его место придет другой? Тот только глаза раскроет: как это так — жида в начальниках ходят?

Своей службой в полиции Пинхос хотел доказать, что евреи должны и могут пользоваться теми же правами, что и все народы. Они тоже умеют быть государственными людьми, могут и полицией руководить. Давыдов был им доволен, благосклонен к нему. Но ушел Давыдов — и вместе с ним ушла и благосклонность.

Вообще Пинхос не слишком доверял властителям, которые вдруг становятся добрыми. В таких случаях у него возникал вопрос: с чего бы это? Так было с Наполеоном. Пинхосу, конечно, было приятно, когда Наполеон хвалил еврейский народ, говорил о нем с большим уважением (теперь Пинхос понимает: Бонапарт поманил евреев конфеткой, чтобы побудить их принять его сторону и оказать ему помощь). Но вот Наполеон возвращается из Аустерлица в Париж и по дороге останавливается в Страсбурге, где к нему приходят с жалобой на евреев. И он тотчас вскипает, становится юдофобом и собирается ограничить евреев в гражданских правах.

Пинхосу что-то не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь король, принц, герцог или граф совершал благодеяние ради чьей-либо пользы, а не ради своей собственной.

Еще он знает: вступив в Гродно, Денис Давыдов сказал:

«Зная приверженность евреев к русским, я избираю кагального в начальники высшей полиции и возлагаю на него ответственность за всякого рода беспорядки, могущие возникнуть в городе... Кагальный должен помнить и гордиться властью, которою я облакаю его и евреев, и знать, что ревность его и их будут известны высшему начальству».

Есть ли на Руси начальство выше самого царя? За преданность, проявленную евреями в Отечественной войне, Александр Первый 29 июня 1814 года выразил еврейским общинам «свое милостивое расположение».

Пинхос сказал Зелику:

— Все хорошие слова о евреях поднимаются к небу, как красивое облачко, которое тут же тает. И следа не остается. Все плохие слова опускаются на землю, как туча, и надолго запоминаются.

Зелик не искушен в таких высоких материях, тут он полагается на Пинхоса. Зелик перед ним благоговееет. Ему известно, о Пинхосе в молодости говорили: «Это драгоценный камень». Он очень удачно женился. Красавица жена была дочерью знатных и богатых родителей. Супруги жили в любви и согласии, но суждено было случиться беде — во время первых родов жена Пинхоса умерла. Он не захотел больше вступать в брак, остался вдовцом. Сестра покойной жены, тоже девушка редкой красоты, вышла бы за него, но он и слышать об этом не желал.

Его вызвал раввин, читал правоучение:

— Пинхос, сын мой, говорят, ты обладаешь быстрым умом и острым глазом, поэтому должен понимать: все, что идет наперекор природе, плохо, не годится. Вдовцом хочешь остаться? Нельзя. Нельзя быть исключением. В мире так не водится. Еврей обязан беречь нравственную чистоту семьи. Наши святые мудрецы, будь благословенна их память, говорят...

— Ребе¹, но ведь это не заповедь, данная Моисею на Синае!

— Ну и что с того?

— Я дал обет.

— Я освобожу тебя от обета. Ты поступил необдуманно.

— Не могу, ребе, и... не хочу.

— Ты хочешь быть единственным в своем роде? Исключением из правила? Грешно это! Ты вступил на неверный путь. А ведь ты еще молод...

Раввин еще много и долго говорил, но Пинхос стоял на своем.

...Однажды в субботний день — слава Зелика и Пинхоса к тому времени уже отгремела — Ошерл Блондер зашел к своему соседу.

— Доброй субботы, реб Довид.

— Доброй субботы.

Лицо у Ошерла сияет, глаза насмешливо блестят, и реб Довид догадывается, что он пришел похвастаться, воскурить себе фимиам, показать, как он собой доволен. Реб Довиду это противно.

¹ Р е б е — здесь: учитель, почтительное обращение к раввину.

— Ну, кто был прав? — спрашивает Ошерл с ехидным смешком.

— О чем вы? К чему относятся ваши слова?

— Евреи в полиции! Кошунство! Чем это кончилось? Говорил ведь я...

— Вы говорили, что евреям нужен заработок.

— Я это и теперь говорю.

— Нет, теперь вы пришли как злопыхатель, подразнить, растравить, пришли доказать, что ваша мысль совпала с мыслями наших врагов.

— С самого начала можно было предвидеть, что прогонят... и к тому же с позором.

— В таком случае бог, будь благословенно его имя, не должен был вводить евреев в землю Ханаанскую. Ведь потом пришел Навуходоносор, все разрушил, всех изгнал. Вы, Ошерл, принадлежите к тем людям, которые сами к столу не готовят...

— А кто готовит? Зелик Федер?

— Какое высокомерие! Гордец! Зелик из тех, которые готовы пожертвовать собой. Такие готовят к столу, а ты подбираешь крохи из-под стола. И вообще... Довольно, хватит с меня. Иди домой, не мешай наслаждаться субботой.

— Вы, наверно, думаете, что этим все кончилось. Расплата еще впереди! Ох, и рассчитаются же с нами!

Злому языку недолго и беду накликать.

11

Прошли праздники. Прошло рождество, миновал Новый год. Умолк колокольный звон, непрерывно гудевший над городом. В Гродно наступили тишина и покой.

По утрам у Гинды в чулане поет петух. Большой красивый петух, распутив свои пестрые крылья, с гордостью дает знать всему Форштадту, что он принес миру ясный день. Гешл и Гинда просыпаются и не могут больше заснуть. Йошка-крикун (так прозвали они петуха) будит и зовет. Но у молодых сон крепкий, Либе-Шеву ему не разбудить. Гинда тихонько говорит мужу:

— Что-то Зелик не заходит, совсем пропал. Нехорошо он поступает.

— Занят, наверно. Почему нехорошо?

— Знаешь, муженек, что я тебе скажу. Ты ведь живешь с закрытыми глазами. Не видишь разве? Либе-Шева...

— Что с Либе-Шевой?

— Скучает по нем, ждет его.

— Вот как...

Он подымается, медленно спускает ноги с кровати, потом подходит к постели Либе-Шевы и долго смотрит на дочку. Возвращается, снова садится на кровать и говорит Гинде:

— Ты мне и в самом деле открыла глаза. Почему же он не приходит?

Больше он ничего не говорит. Не слышит, что отвечает жена, погружается в свои мысли. Сегодня он думает не о своих столярных делах, не о резьбе, не о красоте старой синагоги. Он размышляет о себе и о дочери: в самом деле, почему он так слеп? Почему не видит, что делается вокруг? В субботу, даст бог, он непременно пойдет в город и спросит Зелика, почему тот не показывается?

— Гешл,— окликает его жена,— чего ты так задумался? Забыл о молитве, забыл о работе...

Как всегда, входя в синагогу, Гешл на ходу привычно скидывает левый рукав, застегивает кафтан на одну пуговку, надевает на руку и на лоб филактерии и, не глядя в молитвенник, начинает читать: «Как хороши...» Сегодня он не видит ни оленя, ни льва. Губы шепчут молитвы, а мысли прикованы к дочери, которая вот незаметно подросла, стала девушкой на выданье. Да, думает Гешл, в одной руке двух голубей не удержишь. Отдашь красотах синагоги — забудешь про дочь. В субботу он непременно пойдет в город и разыщет Зелика.

Гешл теряет счет времени. Кажется, он читает уже последнюю молитву. Он снимает филактерии.

Дома его встречает дочь. Она готовит ему поест. Сегодня он ее не узнает. Она совсем изменилась в его глазах. Еще вчера была ребенком, а сегодня... О ком тоскуют ее глаза? Не об отце, не о матери... И это так странно Гешлу. Какой-то чужой она кажется ему.

Когда Гешл уходит, девушка снова выглядывает в окно. Гора вся в снегу. Неман покрыт льдом. По ком она скучает, кого ждет?

Лицо Либе-Шевы, юное, с еще не затершимися детскими черточками, не поражает красотой, но оно полно обаяния. У нее такие веселые ямочки на щеках. Улыбаются, смеются. А из-под длинных ресниц лукаво глядят добрые янтарные глаза. Вообще-то Либе-Шева молчаливица, но лицо ее говорит, оно все в движении, на нем можно прочесть все ее мысли, оно выдает все ее чувства. Когда дома никого нет и Либе-Шева остается одна, она затевает игру сама с собой. Вот и сейчас происходит то же самое. Она смотрит в окно и широко раскрывает глаза, как будто увидела кого-то. Она знает, кого видит. Она улыбается ему издалека. Вот он перешел по льду реку, поднимается по заснеженной горе. Он подходит к окну, заглядывает внутрь. Либе-Шева опускает глаза, она стесняется.

— Доброе утро, Либе-Шева.

— Утро доброе, Зелик. Почему ты не заходишь?

— А ты хочешь, чтобы я зашел?

Она поднимает глаза, смотрит на него. Ей хочется быть серьезной, суровой, но не выходит, она прыскает со смеху и пытается сквозь оконное стекло схватить парня за руку.

— Я ведь каждый день жду тебя, а ты не приходишь...

Либе-Шева так и светится обаянием, добротой, девичьей стыдливостью и мудростью сердца. Что-то он ей ответит?

Дверь отворяется, и входит Гинда. Мать видит свою дочку насквозь, понимает, что с ней творится. Либе-Шева сияет, взволнована, раздумянилась. Глядела в окно, наверно, играла в любовь. Ребенок и девушка. Подросток и взрослая...

«Я тоже была такая», — вспоминает мать. То было лучшее время в ее жизни. Ей тогда было хорошо. Она была счастлива. А теперь вот у дочери счастливый час. Ну и пусть, дай ей бог. Только бы люди не узнали. Ведь на смех поднимут, будут злословить. Мол, вместо того чтобы учиться молитвам, готовиться к благим делам, служить господу, девчонка дурит, предается грешным мыслям. Ох, только бы не заметили соседи, мало ли среди них злых языков. Успеет еще дочка быть благочестивой, носить парик, читать книгу законов. А пока... Недаром же бог наделил человека всеми чувствами.

«А может, я теперь сама грешу в мыслях? — думает мать. — Ох, должно быть, грешу...»

Гешл ждет субботы, считает дни. Наконец наступила пятница. У Гинды уже все готово. Медные подсвечники начищены до блеска, в подсвечники вставлены свечи. Приближается вечер, канун субботы. В доме стало светлее и веселее.

На рынок выходит городской магид¹ в субботнем платье, в праздничном штраймле и возвещает:

— Суббота, суббота! Пора благословлять свечи!

И тут же одна за другой закрываются лавки. Рынок пустеет. Над городом опускается суббота.

Магида в городе побаиваются. Язык у него острый, говорит красно и со страстью. В своих проповедях он расписывает все ужасы страшного суда и ада, которые постигнут грешников. Он точно знает, какая кара назначена за любой грех, за каждый проступок. Муки и страдания грешников и злодеев он описывает до того живо и подробно, что становится страшно. Люди каются в своих грехах, обещают быть благочестивыми и послушными.

Городской магид никого не щадит. Пусть только кто-нибудь не закроет своевременно свою лавку, магид непременно скажет об этом в своей проповеди, назовет имя, определит, какая кара ждет провинившегося на том свете. Вот люди и трепещут перед ним.

¹ М а г и д — здесь: религиозный проповедник.

Он не постесняется остановить еврея посреди улицы и проверить его талескотн, поглядеть, все ли кисти в порядке. И никто не прекословит. Правда, с фурманом Аркой вышла у него осечка, о которой магид не любит вспоминать. Арка вел своего конягу на водопой, а тут ему повстречался магид и захотел осмотреть его талескотн. Арка не дался.

— Ребе,— сказал он,— я только-только с дороги. Тяжелая была поездка. У меня самого кисти в порядке, а мой коняга, знаете ли, не посит талескотна.— И, запыхтев трубкой, Арка пошел своей дорогой.

Магид был ошарашен, но промолчал.

В пятницу вечером, когда Гешл вернулся с богослужения и весело произнес: «Доброй субботы», он первым делом подумал о том, что уже близок к цели: завтра после субботнего обеда он пойдет в город.

От этой мысли у него стало хорошо на душе. За столом он был весел, смешил жену и дочь, что с ним не так часто бывало. Он думал о дочери. И даже не замечал, что, думая о Либбе-Шеве, он все время видит с ней рядом Зелика. Не рано ли?

12

Назавтра, сразу же после обеда, Гешл пошел по льду в город. Заснеженные улицы были пусты и тихи. Дул теплый южный ветерок, предвещающий оттепель. Лавки и ларьки были закрыты. Не видно было ни саней, ни лошадей. На узких деревянных тротуарах степенным шагом прохаживалось совсем мало гуляющих.

В городе Гродно, который по-еврейски звали Городна, жило около восьми тысяч человек. Три четверти населения составляли евреи. Не удивительно, что в субботу город становился по-субботнему тихим. Будничный шум и гомон умолкали. Точно так же в пасху город становился пасхально чистым, но веселым и шумливым, а в судный день — объатым страхом, постыщимся и печально-тихим.

Ни колокольный звон христианских церквей в центре города, ни песнопения монахинь в двух женских монастырях на окраинах не в силах были уменьшить здесь власть субботы.

Местные жители это знают.

Но вот по улице прогуливаются два молодых офицера. Новоприбывшие. Им непонятно, почему сегодня закрыты лавки. Разве сегодня воскресенье? Попавшийся им навстречу Гешл разъясняет:

— Сегодня евреи празднуют субботу.

Гешл поворачивает в переулок неподалеку от синагогального двора, подходит к деревянному домику с маленькими окошками, гонтовой крышей, большими сенями и множеством соседей. Ед-

ва переступив порог сеней, можно оглохнуть от доносящихся со всех сторон детских голосов.

Гешл давно не был здесь. Он открывает одну из низких узких дверей, нагибается, чтобы не стукнуться лбом о косяк, и входит с веселым приветствием:

— Доброй субботы!

В комнате обрадовались:

— Доброго года, доброго года!

— Дядя Гешл пришел!

По правде говоря, Гешл здесь не такой уж близкий родственник и никакой не дядя. Тойба, мать Зелика, приходится ему двоюродной сестрой.

В комнате не очень светло. Деревянный потолок давно, по видимому, не белен. Но сегодня здесь по-субботнему уютно, тепло, стол покрыт белоснежной скатертью. Старый комод, на котором стоят заплывшие стеарином подсвечники, покрыт салфеткой. На стене висит вырезанный из бумаги мизрох¹. По обе стороны от него лев и олень, тоже вырезанные из бумаги.

Отец Зелика, Йойна-«человек» (он «человек» — приказчик у богатого подрядчика), здоровается с Гешлом за руку и задает ему неизменный при всех встречах вопрос:

— Что слышно в Форштадте? Старая синагога стоит на месте?

Всю неделю Йойна занят делами своего хозяина. С утра и до ночи он и все его помыслы принадлежат подрядчику. За это он получает каждый четверг жалованье, которого еле хватает, чтобы дотянуть до следующего четверга. Зато суббота его день. Самая любимая, лучшая часть субботы для Йойны — вечер пятницы, когда суббота только начинается, выходит из будней. Он забывает обо всех своих заботах. Он одет по-субботнему. В доме светло и чисто.

Из синагоги Йойна приходит повеселевший, как будто вновь родился на свет. Нет, теперь он больше не Йойна-«человек». Он сам себе хозяин. Никто ему не указ, и ни от кого он не зависит. А впереди еще весь субботний день.

На другой день, в субботу утром, он разрешает себе лишний час полежать в постели. Это его час. Сегодня он может подумать о себе. Когда-то он и его хозяин учились в одном хедере. Теперь тот стал богачом, живет как монарх, а он, Йойна, получает у него жалованье, едва достаточное на пропитание. Йойна спохватывается, что это совсем не субботние раздумья, и отгоняет их от себя. И вообще... Разве он смеет давать богу советы? Йойна хочет насладиться покоем, погреть в тепле свои кости. Но

¹ М и з р о х (восток) — здесь: картина. В домах религиозных евреев было принято вешать на восточной стене, к которой становятся лицом во время молитвы, картины с изображением сцены из Библии, орнамента или пейзажа.

позже, к концу субботнего обеда, когда на стол подают вкусно пахнувший, сладкий морковный цимес и жирный кугл, у Йойны вырывается тихий вздох. С каждым часом он все меньше остается субботним «хозяином» и все больше становится будничным «человеком».

Во время третьей трапезы он молчит, не разговаривает и все чаще невольно выпускает то вздох, то стон. А потом, поздним вечером, когда предвоскресный колокольный звон и песнопения монахинь провожают уходящую субботу, все мысли Йойны уже снова поглощены хозяином и его делами. Он снова «человек».

Гешл пришел в послеобеденное время, как раз тогда, когда у Йойны невольно вырывается первый вздох. Но пока все еще суббота.

— Что слышно у вас в Форштадте?

— Все как было, все стоит на месте. А где Зелик? Почему его не видно?

— Зелик взялся за ум.

— Очень рад, но что это означает?

— Он учится. Его компаньон по полиции Пинхос Бас обучает его русскому, немецкому, арифметике. Учит его читать ландкарту.

— А тот что? Превзошел все науки?

— Зелик им не нахвалится, отдаст за него все на свете. Вы должны понять, Гешл: по нынешним временам, если хочешь стоять твердо на ногах, надо уметь и читать, и считать, и хорошо говорить. Теперь пошла бойкая торговля с Германией. Я по себе чувствую, как трудно приходится, когда не хватает знаний.

— А по субботам он тоже учится?

— Упаси бог! Недоставало, чтобы такой слух дошел до магида. Улицу нельзя будет перейти.

Тем временем Тойба ставит на стол угощение.

— Покушайте, Гешл, покушайте, пожалуйста!

Детвора только этого и ждет. Ребятишки хорошо знают повадки дяди Гешла. Сам он не ест, только со стола берет и раздает детям. Когда еще выпадет такое счастье?

Зелика все нет. А время идет. Вот уже наступил час третьей трапезы. Комната заполняется сумерками. Йойна уже не скрывает своих вздохов. Гешлу пора уходить.

Предвоскресный колокольный звон провожает субботу. На паперти у польского костела сидят убогие и нищие, поют и просят милостыню.

Уже ночь на дворе, когда Гешл подходит к дому. В окошках Форштадта появляются грустные, беспокойные огоньки. У него дома все окна светятся, как будто суббота еще не ушла, а лишь должна прийти. Отворяя дверь, Гешл слышит веселый смех. Смеется Либе-Шева, смеется Гинда. С ними вместе смеется Зелик.

— Доброй недели вам!

Огородник Пиня, сосед Зелика, здоровенный детина с красным обветренным лицом и пудовыми кулаками, в тяжелых сапогах с налипшей на них сырой землей, однажды в солнечный полдень пришел усталый из пригородных садов и огородов домой. Войдя в большие сени деревянного домишки, где он живет по соседству с родителями Зелика, Пиня во весь голос сообщил радостную весть:

— Весна на дворе!

— Какие чудеса! — откликнулась Тойба. — Чему тут удивляться, скоро пасха.

В этот весенний день, канун пасхи, когда солнышко уже по-настоящему пригревало и подсушивало землю, а с гор устремились к Неману потоки талой воды, польская девочка лет девяти или десяти по имени Ядзя вышла из дому, потянула носиком воздух и задумалась: чем это так вкусно пахнет? Дым, валивший из трубы соседнего дома, не выдал тайны. Однако Ядзя сама догадалась: да ведь это запах пирога с творогом! Лучшего блюда она не знала. И тут же, как по волшебству, Ядзя отчетливо увидела лежащий на столе у тети Ружи большой пирог с румяной корочкой. Тетя живет совсем неподалеку, в соседней деревне. У нее всегда найдется чем полакомиться. Не сбегать ли к ней? Если как следует припустить, дома и оглянуться не успеют, как она вернется.

Раздумывая, идти или не идти, она тем временем идет. А чтобы сократить дорогу, поворачивает к огородам, начинающимся тут же, на окраине, где Ядзя живет. Она идет быстро, хотя земля и скользкая, и липкая, ловко перебирает детскими ножками, влекомая притягивающей силой творожного пирога. Глаза ее видят, как он свеж и поджарист, ноздри вдыхают его сладковатый запах, а на языке Ядзя уже ощущает вкус смачного куска.

Однако вскоре она начинает уставать. Теперь Ядзя понимает, что огородами ходить трудно. Ноги вязнут, как в глине, и ей все труднее поднимать их. Но ничего не поделаешь, теперь уже поздно выбирать другой путь. Она идет медленнее, но все же идет. И дорога становится короче. Совсем уже немного осталось идти. Но и силы убывают. Ядзя все больше слабеет. Все чаще ей приходится останавливаться, переводить дух.

А между тем солнце начинает садиться. Вот только что оно висело над крестом деревенской церквушки, которая виднеется вдали, а вот оно уже стоит над старой яблоней, растущей во дворе у тети Ружи. Недалеко уже. Совсем недалеко. Ядзя спешит и несколько раз падает. Темнеет. Девочку охватывает страх. Она бежит из последних сил, бежит, бежит... пока не вваливается к тете Руже, смертельно усталая, задохнувшаяся, с ног

до головы забрызганная грязью. И в одном башмачке. Где второй? Она даже не почувствовала, где и когда потеряла его.

— Что с тобой? Что стряслось? Ты ведь на черта похожа! Як шайтан...

Позже, когда Ядзя немного приходит в себя, она раздражается горькими слезами. Оказывается, она пришла в гости.

— А дома знают?

Ей стыдно сказать «нет», и она кивает головой: да, мол, знают.

Тетя Ружа умывает Ядзю, развешивает ее одежонку, укладывает девочку в постель, угощает ее творожником и чаем. На другой день утром Ядзя чихает и кашляет. Простудилась девочка. Тетя не позволяет ей вставать с кровати, поит чаем с малиной.

У чердачного окошка под самой крышей голубятня Ядзинового старшего брата. Разномастные голуби (белые, черно-белые, сизые, рыжие) греются на солнце, переступают с одной красной лапки на другую, что-то клюют, чистят перышки под крылом. Неожиданно один из голубей взмахнул крыльями и пошел в небо. Тут же за ним поднялись все остальные и, быстро махая крыльями, уносились все выше и выше.

Антек, брат Ядзи, босой, простоволосый, выбежал встревоженный из дому. Отчего это голуби всполошились? Не иначе как Ядзя опять бросала в них комья земли или даже камни, испугала их. Вне себя от гнева, Антек закричал:

— Ядзя! Сколько раз тебе говорил...

Голуби летели. Ядзя не отзывалась.

Заглядевшись на своих красиво паривших в воздухе голубей, на двух турманов, вертевшихся кубарем, Антек совсем забыл о сестренке.

Под вечер мама Мариша спросила его:

— Где Ядзя?

— Не знаю.

— Ты же звал ее.

— Она, наверно, прячется где-то. Разогнала голубей и испугалась.

Солнце заходило. Мариша сама пошла искать девочку. Наверно, заигралась с соседскими детьми, даже обедать не приходила.

— Ядзя, Ядзя, Ядвига! — кричит Мариша, но никто ей не отвечает.

Мать идет к соседям, к подружкам дочки. Ядзи нигде нет. Никто ее не видел. Где же она может быть?

Мама бранит Антека:

— Ты напугал ее, вот она и не приходит. Бог знает, где она... Ребенок ведь...

Мариша волнуется все больше и больше. День на исходе. Она не знает уже, что и думать. Соседи помогают искать, утешают, дают советы, но тревога овладевает и ими. Куда могла запропасться девочка?

И тут вдруг приходит соседка, даже родня и близкая подруга Мариши с башмачком в руках и спрашивает:

— Мариша, это не башмачок твоей Ядзи?

— Ядзи! Откуда?

— Нашла на огородах.

— На огородах? Как Ядзя туда попала? Матка боска ченстоховска... как там Ядзя могла оказаться?..

— На огородах? — переспрашивает другая соседка. — Тут что-то не так. Я видела там этого, как его... еврея-огородника. Как его зовут, до дьябла?.. Пиня! Ну да, Пиня. Он шел с огородов. Я сама его видела. У них ведь... скоро пасха ихняя. Может, он ее затащил...

Слух этот очень скоро облетел все дома вокруг, со всех сторон сбежались люди. И тогда еще кто-то сказал, что он может поклясться... Да, он может поклясться, что сам видел, как этот Пиня шел с огородов, очень торопился и такой веселый был, точно клад нашел. Як бога кохам!

— Пошли в полицию! Может быть, девочка еще жива...

И все разом с шумом и криком направились в полицию. Там им сказали: надо подождать до завтра, может, она все же придет...

На другой день с самого утра возле дома Мариши толпилось столько людей, сколько в воскресный день возле церкви. Все ждали: может, и в самом деле девочка придет. Поглядывали во все стороны, не покажется ли ребенок. Парни искали в сараях, на чердаках. Возможно, она где-то заснула и даже не слышит, что ее ищут. Девчата заглядывали в колодцы. Но нигде и следа девочки не было.

Были в толпе люди, которых судьба Ядзи нисколько не занимала. Им просто любопытно было смотреть на происходящее. Но были и такие, кто сильно досадовал бы, пояись сейчас Ядзя. Для них ребенок уже не существовал. Одним чужим ребенком больше, одним меньше. Не в этом дело. Имеется столько свидетелей, что огородник соблазнил, заманил девочку, она сопротивлялась и потеряла при этом башмачок. Почему молчит полиция?

Проходит час за часом. Мариша ходит разбитая, из ее груди поминутно вырывается стон. Господи Иисусе! Нет у нее больше слез, все выплакала.

Прибыла полиция. Свидетелей сколько угодно. Никто уже не сомневается в вине Пини. Столько доказательств. Но неужели он был один? Этого быть не может. Кто ему помогал?

И тут приходит на память: «До Зелика... До Пинхоса...» Заодно с огородником Пиней арестовывают Зелика и Пинхоса.

В деревянном доме с гонтовой крышей, маленькими окошками и большими сенями, в котором живут по соседству Зелик и Пиня, полиция устроила обыск. Искали следы преступления. Шарили и рылись повсюду, ничего не пропуская.

Портной Ице-Меер, отец многих детей и муж беременной жены, на все вопросы полицейских имел один ответ:

— Ищите...

При этом он внимательно следил за тем, как и где они ищут, смотрел им в руки, наблюдал за каждым пальцем. Не из боязни, что они могут чем-нибудь поживиться (что, кроме злосчастья, могут они у него забрать?), а как бы они сами чего не подбросили, не подложили бы окровавленного платочка, детского башмачка или другой улики.

— Ищите, ищите, — повторял он и смотрел на них как на воров. Ничего больше он не добавлял, и все прошло спокойно.

Совсем по-другому проходил обыск у дровосека Цали.

Весь город знает Цалю. Знает и он всех. Каждое утро точно в одно и то же время он выходит со своей пилой и топором на рынок. Кому надо напилить и наколоть дров, тот нанимает Цалю. Больших заработков это не дает, но он довольствуется тем, что имеет. Еда его иногда состоит из хлеба и картошки, а часто только из картошки. Одет он в широкие льняные штаны, старый, залатанный кафтан и сильно стоптанные сапоги. Никто не знает, была ли у него когда-нибудь семья. Теперь он живет бобылем. Он никогда не жалуется, по крайней мере никто от него жалоб не слышал. Зато знают, что он очень доволен исполнением богоугодного дела, составляющего смысл его жизни. По пятницам он не работает. Каждую пятницу утром он идет в баню, а потом занимается сбором милостыни для нищих, которые стесняются сами протягивать руку за подаванием. И ему охотно подают. Каждый сколько может. Все знают, что до последнего гроша он все отдаст нуждающимся. Живет Цаля в маленькой комнатухе, почти пустой, только и мебели в ней что скамья, на которой он спит, и табурет вместо стола. На окне лежат молитвенник и Псалтырь. В углу стоят пила и топор, отточенные до блеска.

Цаля неразговорчив. Никто не знает, о чем он думает, что он чувствует. С детьми он ласков, с ними он разговаривает, шутит, а иногда у него найдется для них и дешевая конфетка.

Когда полицейские вошли в его комнатуху, им и повернуться было негде. Все его имущество лежало на виду, незачем было и рыться. Но что-то они обязаны были делать. Цаля, знают они, человек тихий, молчальник, дровосек.

— Мы знаем, ты человек честный, но тебе ведь, наверно, известно, кто заманил девочку, где находится ее тело. Скажи нам правду, ты ведь знаешь...

Цаля, тихий, безобидный Цаля-молчальник, которого многие считают скрытым праведником и о котором никто не знает, что у него в мыслях, отчего он страдает и почему он живет в одиночестве, дровосек Цаля хмуро глянул на них большими зеленоватыми глазами и со злостью в голосе сказал:

— Все, что я знаю, известно и вам. Вы заманили девочку и убили ее. А обвинить вы хотите честных людей.

Полицейские от изумления опешили. Подумать только, кто осмеливается так разговаривать с полицией! Такого надо проучить как следует, тогда он заговорит по-другому. Они его забрали с собой.

15

Город волновался, город трясло как в лихорадке. Каждая минута приносила свежие новости. Фурмана Арку тоже арестовали (щеголеватый шляхтич не забыл, как Арка отобрал у него своего коня). Вообще говоря, никто не уверен в своей безопасности. Это особенно сильно почувствовали, когда появился новый свидетель — Антон Мерлес. Все знают — Мерлес способен довести людей до гибели.

Тяжело переживают обрушившуюся беду две девушки — Либе-Шева и Малка (младшая сестра покойной жены Пинхоса). Они познакомились, когда стояли с передачами у тюрьмы. Обе влюблены. Либе-Шева любит своего жениха Зелика, красавица Малка — Пинхоса, не желающего даже слышать о женитьбе. Девушек объединяет забота о своих любимых, безвинно томящихся в тюрьме. Девушки не могут понять, откуда на свете столько ненависти и зла? Почему? Почему, задаются они вопросом, люди клеветают друг на друга? Почему хотят честных и безвинных людей, таких, как Зелик и Пинхос, представить разбойниками? Отчего заставляют их напрасно страдать?

Малка хочет услышать ответ, который успокоил бы ее. С детских лет ей хочется, чтобы все кончалось хорошо, чтобы ничто не омрачало душу. Либе-Шева думает о том, как несправедливо устроен мир. Как это бог, создатель всего сущего, может допустить такое? Злые люди возводят напраслину, и им верят. И хотя Либе-Шева верит в бога и всем сердцем предана ему, однако что-то поколебало ее слепую веру.

Домой она приходит подавленная, мрачная.

Отец и мать утешают ее, как могут, уговаривают завтра к тюрьме не ходить. Завтра они сами понесут передачу.

— Почему?

— Ты ведь еще ребенок, девушка. Неудобно...

— Что ты говоришь, мама? Что значит неудобно? Зелик мой жених, мне удобно. Мой жених. Я каждый день буду ходить к тюрьме. Каждый день!

Ночью Либе-Шева почти не спит. Ей самой даже трудно сказать, снится ли это ей или мерещится: она видит своего жениха таким, каким он был в то время, когда служил в полиции, когда со всех сторон только и слышно было: «До Зелика... До Пинхоса...» Либе-Шева улыбается от радости. Какое это хорошее время было! Она ждала его, выглядывала из окошка. Тогда она и не знала еще, как он к ней относится, что думает о ней, но про себя уже звала его: «Мой жених...»

Но вот однажды в субботний день он пришел (отец как раз ушел тогда в город). Ах, как им было хорошо вдвоем, весело. Они смеялись и глядели друг другу в глаза. И... в самом деле стали женихом и невестой.

Тогда для нее весь мир сошелся на Зелике. А теперь мир опустел. Без Зелика жизнь не в жизнь. Ей хочется знать: что с ним сейчас? Как обращаются с ним в тюрьме? Его мучают, пытаются? Но она-то знает, что он ни в чем не виноват. Она не сомневается, что он докажет свою правоту, не сдастся. И что бы ни случилось с Зеликом, ее женихом, она не отступится от него. Каждый день она будет приходить к тюрьме, каждый день будет молить бога за него, всегда будет видеть его перед глазами. Она и сейчас улыбается ему своими веселыми ямочками на щеках...

Не спит и Гешл. Он силится понять, почему люди так кровожадны, и не может найти ответа. Но и простить этого нельзя. Возвести поклёп! Честная натура Гешла не может мириться с этим. Это не дает ему покоя. Хочется плакать от бессилия.

Утром, лишь только поднял голову, Гешл увидел, что Либе-Шева уже встала — готовит передачу для Зелика.

— Не слишком ли рано, дочка?

Она не отвечает. Удивительно, как отец иногда простых вещей не понимает. Как это может быть слишком рано? Разве она может спать, отдыхать, когда Зелик там?..

Но отец, конечно, все понимает и ни о чем больше не спрашивает. Он идет молиться. В старой деревянной синагоге сегодня полно молящихся, слышен плач. Это напоминает судный день... И Гешл, хотя он знает молитву наизусть, на этот раз читает ее по молитвеннику, чтобы ничто не отвлекало его, чтобы наболевшее сердце полностью прониклось ею.

После молитвы ему становится немного легче, он обрел надежду. И он спешит домой, к дочке, утешить ее. Но когда он входит в дом, Либе-Шевы уже и след простыл.

Реб Довид тоже ждет полицию. Чем он лучше или хуже других? Но оттого, что полиция может в любую минуту прийти и арестовать его, он не теряет спокойствия, не выказывает страха. Реб Довид принадлежит к тем искренне набожным людям, ко-

торые веруют всей душой. Если бы сам бог пришел к нему и сказал, что бога не существует, он и тогда не усомнился бы в своей вере. Во имя бога он готов, как некогда святые мученики, идти на смерть. Если ему, реб Довиду, суждена та же участь, он лишь возблагодарит творца за милость, проявленную к нему. Но у него есть и спор с богом. Он, реб Довид, имеет к богу претензию. Справедливая претензия ведь дозволена законом. Если он, всевышний, хочет наказать евреев, то никто, разумеется, ему не указ, но разве нет другой кары, как только представить евреев — вымолвить страшно! — убийцами детей? Опозорить перед всеми народами мира? И вообще... «Почему ты, всемогущий, должен прибегнуть к помощи мерзкого человека и его руками так жестоко карать нас?»

Размышления реб Довида прерывает незванный гость — заходит Ошерл Блондер, который сам ни во что не вмешивается, ни к чему не причастен и ни в чем не виноват. Зато он рад стараться попрекать и обвинять других. Сегодня он это делает сладким, слабым, еле слышным голоском, словно он за всю жизнь маковой росинки не имел во рту.

— Добрый день. Хочу у вас спросить, реб Довид.

— Конечно, лишь спросить! Спрашивать легче, чем отвечать. Задавать вопросы легче, чем решать их. В любом деле ты никогда не хочешь быть стороной, а поровишь стоять в сторонке. Ни богу свечка, ни черту кочерга.

Ошерл не отвечает на слова реб Довида. В них немало правды, но он знает свое: лучше спрашивать, стоять в сторонке. Береженого и бог бережет.

— Я хочу вас спросить...

— Что ты, Ошерл, можешь спросить: где можно легко заработать рублишко, как бы полегче жизнь прожить, полегче обрести место в раю?

— Это грешно?

— Над евреями города нависла угроза. А ты?

— Я предупреждал... Теперь я ничем помочь не могу. У меня семья... жена, дети.

— Вот и пойдя к своей жене, пусть она разрешит твои вопросы.

Кончилось тем, что Ошерл ничего не спросил. И он был доволен: в стороне постоишь — здоровее будешь.

Тяжелее всего в тюрьме приходится Зелику. Он привык все видеть, все понимать. Здесь он ничего не видит и ничего не понимает. Мало того — только здесь ему стало ясно, что до тюрьмы он тоже ничего не видел и не понимал. Он все задает себе вопросы, все спрашивает: «Почему?» — и не находит ответа.

В детстве на все «почему» находился ответ.

Почему отец мало зарабатывает? Потому, что счастья нет. Захочет бог — и отец станет богачом.

Все было ясно и понятно. А теперь? Зелик ведь не может забыть, что был участником войны против Наполеона, рисковал собой, был предан душой и телом. Столько было обещано, столько надежд было. А чем кончилось? На другой день все было забыто. Почему?

Пинхос умеет быть с самим собой. Пустых вопросов у него нет. Он на все имеет ответ. А он, Зелик, не находит пока ответа. К тому же Зелику ответ необходим не только для того, чтобы просто знать его, но и для того, чтобы что-то предпринять, действовать, сражаться...

Зелику приходится тяжело и во время допросов. У заместителя начальника полиции, готовящего материалы по делу «Об убиении девицы Ядзи в ритуальных целях» свои расчеты.

Вина огородника Пини для него более чем доказана. Столько свидетелей! Но что собой представляет Пиня? Невежественный простолюдин. Другое дело, если будет доказано, что к убийству причастны представители общины — «до Зелика, до Пинхоса». К Пинхосу заместитель начальника испытывает смешанное чувство, которое не совсем даже определилось, — не то уважение, не то боязнь (он еще помнит Дениса Давыдова, Давыдов ведь еще жив). Он чувствует себя неуверенно, когда ему приходится допрашивать Пинхоса и добиваться ответа у него.

Пинхос отвечает невозмутимо и холодно, будто делает одолжение, отвечая «да» или «нет».

Зато с Зеликом следователь чувствует себя гораздо свободнее. Зелик склонен к разговорам, — значит, проговорится. У него можно будет кое-что выпытать. Важно ухватиться за нить, а там она уже будет виться и виться. Такого можно припугнуть, устрасить...

Почему следователь решил, что Зелик склонен к разговорам, а потому проговорится? Обнаружилось, что Зелик умеет либо молчать, либо сам задавать вопросы следователю. Вдобавок он обладает еще одним свойством — он смеется. Это случается тогда, когда он своим вопросом вдруг так озадачит следователя, что у того язык отнимается.

— Напрасно смеешься. Тебе плакать надо.

— Плакать?

— Сам знаешь, какое наказание полагается за такое преступление.

— Преступление?

— Бери пример с Пинхоса. Он умный человек. Не запирается. Ответил «да» и подписался.

— Кто?

— Пинхос Бас.

Карие глаза Зелика заискрились. Он показал следователю ладонь и сказал:

— Вот когда здесь прорастет трава, Пинхос скажет «да».

Зелику самому понравилась его выходка, и он громко захохотал.

Смех выводит следователя из себя. Он долго не отпускает Зелика, выматывает из него душу, угрожает ему...

В камеру Зелик возвращается обессиленный. Он понимает, что следователь ловит его на неосторожном слове, выражении, которые можно было бы истолковать как угодно. Когда Зелик снова остается один, вновь возникают эти бесконечные «почему».

...В пятницу вечером городской магид, как всегда, вышел на рынок, чтобы возвестить:

— Суббота! Пора благословлять свечи! Кто нарушит святость субботы, того постигнет божья кара, тот навлечет на себя бедствия, наветы! Суббота! Суббота!

17

Пятница. Ночь на субботу. Как и в прошлые ночи, Мариша и сегодня плохо спала. Снился какой-то путаный, дурной сон, то появлялся, то исчезал. Потом она открыла глаза, увидела в окне светлое небо и яркую луну и больше уже заснуть не могла. Так и лежала с открытыми глазами.

Злосчастной матери все не верится, что Ядзя погибла. Ей трудно также поверить, что огородник Пиня убил ее дочку. Пиню она знает давно. Не только знает, он ей даже нравится. Здоровый, сильный, с загорелым от солнца и ветра лицом, он похож на ком сырой земли. К тому же он добрый, кроткий, улыбчивый, он никогда не пройдет мимо без того, чтобы не поздороваться с Маришей. Своей силой, широкими плечами, даже облепленными землей сапогами он напоминает Марише ее рано умершего мужа. Бывает, что Пиня, проходя мимо ее дома, просит напиться воды, тогда она со всей присущей полькам обходительностью приглашает его в дом: «Проше, пан Пиня...» А после его ухода она смотрит ему вслед и себя рассматривает: хорошо ли выглядела?

Мариша женщина средних лет, ей и сорока еще нет. Она полнотелая, ладная, с белокурыми, выгоревшими на солнце волосами. Ей нужен мужчина в семье, хозяин в доме.

Огородник Пиня хотя он и улыбнется ей и всегда поздоровается, а иногда и кружку воды выпьет, но держится на расстоянии. Она не знает, как это истолковать: то ли он стесняется, то ли не нравится она ему? Но часто она думает: может, так оно и лучше. Будь он с ней ближе, почувствуй она его ласку, она, возможно, не выдержала бы и еще, чего доброго, сотворила какую-нибудь глупость.

Нет, Пиня не сделает зла ее детям. Но полиция не дает по-

кая. Требуется, чтобы Мариша сказала перед свидетелями, что огородник Пиня виновен.

Нет, такого она не может сказать. Она не верит в это.

Соседка удивлялась:

— Кто же, как не он? Конечно, он!

Другая опять-таки совсем не понимает Маришу:

— Что с тобой? Загубили твое дитя... Этот ли, другой ли... Какая разница? Что ты раздумываешь?

— Сердце не велит. Совестно...

— А у него хватило совести растерзать твоего ребенка?

Подошла еще одна, уперлась руками в бока и проговорила:

— Ты почему щадишь этого еврея, Пиню своего? И то правда, люди знают, что он часто заходил к тебе... попить водички. А бывало — и подолгу задерживался. Ты без мужа, вдова, тебе можно... Но ради этого ребенка погубить?!.. А не ты ли сама, пожалуй, и помогала ему?

Тишина, которая вдруг наступила кругом, длилась долго.

Вспоминая теперь этот разговор, Мариша снова не в силах удержать слезы. Щемит сердце. Нет у нее слов, плакать хочется.

Так она и маялась до рассвета, а сон все не шел.

Назавтра, в субботу, к ней заявился гость — Антон Мерлес.

У Антона черные длинные, до плеч, волосы и черные франтоватые усики. Он одет уже по-летнему — в рыжем пиджаке и в рыжей шляпе. Получается какая-то черно-рыжая смесь. Никто точно не знал, откуда он появился, этот Антон Мерлес, в Гродно. Одни говорят, что раньше он жил где-то неподалеку в маленьком местечке, другие — что приехал из большого дальнего города. Но достоверно известно, что приехал он уже крещеный. Плут и бахвал, он на всех перекрестках растрезвонил, что крестил его сам архиепископ и что происходит он из богатой, знатной семьи. И деды, и прадеды его были раввинами. И еще в городе знают, что он тщеславен и коварен, кичится своими знаниями и умом. И то правда, голова у него хорошо работает, он скор на выдумки и способен на любые пакости. А так как врет он напропалую, врет — не поперхнется, а совести в нем нету, то многого может добиться своими коварными проделками. Полиция и та боится его. Он шлет доносы и губернатору, и министрам, а то и самому царю.

Еще прежде, чем он зашел к Марише, ему уже все ясно было. До него дошли слова ее соседки: «А не ты ли сама, пожалуй, и помогала ему?» «Счастливая мысль! — обрадовался Антон Мерлес. — Гениально!»

По обыкновению он первым делом сообщил Марише, что крестил его сам архиепископ и что происходит он из рода потомственных раввинов и богачей. Тем не менее он ушел от не-

правды к правде, стал христианином. Так что пани Мариша вполне может на него положиться и поверить ему. Он очень сочувствует ей, но при всем том не может понять, как она могла дружить с этим грязным евреем, как это он так сумел повлиять на нее, что она решилась помочь ему погубить ее родную дочь.

Мариша совсем смешалась:

— О чем вы говорите? Вы в своем уме?

— Я советую вам во всем сознаться,— сказал, как отрубил, Антон.

Мариша была ни жива ни мертва, но он не дал ей опомниться. Поднялся с места и повторил:

— Мой совет — признаться во всем.

И быстро вышел.

На улице его ждали соседи Мариши. Они удивились его скорому возвращению.

— Она призналась. Все подтвердила. Евреи напустили на нее порчу, обманули. А она им помогала.

В тот же день Маришу вызвали в полицию.

18

В городе Гродно благовестили, колокола звонили, перезванивались, наполняя все вокруг праздником и тревогой... Весеннее солнце яркими полосами разукрасило православный собор и католический костел. На просохших деревянных папертях собирались в кружки люди. До начала богослужения у всех на языке одно.

— Сама во всем призналась...

— И все молчат...

— До каких пор?

Субботний вечер приходит в город, неся с собой тревогу и страх. Вместе с вечерней печалью, которая ложится на белые оконные занавески, на застланные свежими скатертями столы, на ставшие почти уже будничными субботние светильники, в дома проникает слух, что завтра, в воскресенье, могут быть беспорядки. И тут же другой слух: готовится самооборона, будет оказано сопротивление. Позже, когда мужчины приходят с молитвы, они рассказывают, что в большом молитвенном доме реб Довид ударил ладонью по синагогальному столу и сказал: «Богу не угоден народ безропотный, как овца».

А колокола звонили, перекликались, наполняя город праздником и тревогой.

Из полиции Мариша пришла лишь на другой день, в воскресенье утром. Еле живая, напуганная до смерти, почти невменяемая. Ошалело и беспомощно оглядывалась по сторонам, смотрела на стены, на святые образа в углу, на солнце, заглянувшее в

окно, и не знала, что с ней творится. Вдруг она услышала шаги в сенях, и, прежде чем до ее сознания дошло, что там люди, в дверях показались тетя Ружа с Ядзей.

— Добры дзень,— хмуро сказала Ружа и начала отчитывать Маришу: — Как же так? Послала ко мне в гости ребенка по скользким и грязным огородам, а когда ребенок захворал, у тебя не нашлось времени прийти и спросить, что с ней... Какая же ты мать? Больше чтобы Ядзя ко мне одна не ходила... Что с тобой, Мариша? Что случилось?

Мариша упала как подкошенная.

19

В тот год в городе Гродно пасхальный праздник был особенно веселым. Все арестованные вернулись домой. За праздничной трапезой они рассказывали и об избавлении от ига фараона, и о своем избавлении из тюрьмы.

В день лагбоймера¹ были отпразднованы две свадьбы. Одна, веселая, шумная,— Зелика и Либешевы, другая, скромная, тихая,— Пинхоса и Малки.

Мариша пришла в себя. Соседи рассказывают, что Пиня теперь часто заходит к ней и подолгу засиживается. В одной из своих проповедей городской магид прочитал по этому поводу нравоучение. Однако реб Довид, говорят, сказал об этом так:

— Конечно, это грех. Но на этот раз бог, будь благословенно его имя, простит.

ЗВЕНО ВТОРОЕ

Мы с братом поссорились,
пошли нам, господи, беду —
помиримся.

Пословица

1

Каждые два-три года Либешева рожала по ребенку. Но, как в былые годы, что ни вечер стояла у окна, дожидалась Зелика. Будь ее воля, совсем бы его от себя не отпускала.

У Малки детей не было. Люди удивлялись: Пинхос здоров и крепок, Малка молода и красива,— с чего бы это? Последнее

¹ Лагбоймер — летний религиозный праздник. В период между пасхой и лагбоймером запрещено справлять свадьбы.

время Малка стеснялась поднять глаза на людей, избегала знакомых, нигде не показывалась.

Пинхос и Зелик дружили. Малка и Либе-Шева друг в дружке души не чаяли. Но с тех пор, как Либе-Шева забеременела, Малка перестала бывать у нее. Невмоготу ей было видеть на лицах сострадание к себе. Всем своим существом чувствовала, как с чужих губ уже готово слететь страшное слово: «Бездетная».

Она пугалась и вся вздрагивала, когда ей казалось, что мысль об этом мелькнула в чьих-либо глазах. Сегодня подумали, а завтра скажут. На чужой рот замка ведь не повесишь. Когда никто не мог ее видеть, где-нибудь в укромном уголке, она обливалась горячими слезами, кусала до крови губы от обиды и боли. Красота ее стала увядать. «Никто не знает, как мне горько,— шептала она, — я гибну!» И однажды, не в силах выдержать муку, она с рыданием прибежала к отцу:

— Помоги, отец! Он обвенчался со мной, но не муж он мне... Не приходит он ко мне...

Отец пожаловался раввину.

Раввин, совсем уже старый, седой, с лицом желтым, как пергамент, с ослабевшими, дрожащими руками, тихо, но с недовольством спросил Пинхоса:

— Помнишь ли ты десять заповедей?

— Да, ребе,— ответил Пинхос,— конечно, помню.

— И шестую заповедь помнишь?

— Помню, ребе.

— О чем она гласит?

— Лой тирцох!¹

— Лой тирцох — не убий. А ты взял молодой цветок, юную душу и терзаешь ее. Она увядает в твоих руках. Ты убиваешь ее и детей, которых ей бог судил.— Его голос ослабел, но в старых, почти совсем потухших глазах сверкнул гнев.— Убийца!

От изнеможения раввин опустил голову, и его борода упала на лежавший перед ним на столе фюлиант. Он молчал и не шевелился. Пинхос испугался: не случилось ли чего со старцем?

— Что с вами, ребе?

Раввин поднял голову и тихо, почти спокойно зашептал:

— Со мной? Что может быть со мной? Что мы и что наша жизнь? Не завтра, так послезавтра меня позовет к себе высший судия. Я уже оставил завещание... Но ты? Что с тобой? Ты ведь ученый муж. Я знал твоего отца, будь благословенна его память, он был хорошим евреем, щедрой рукой творил добро. И деда твоего, пусть будет он нам заступником перед богом, я тоже знал. Великой веры был человек, праведник... А ты? В кого ты уродился? Нет у тебя сердца...— Раввин снова немного помол-

¹ Лой тирцох! — Не убий!

чал, перевел дух. А потом: — В моей общине убийца! Из-за тебя я могу лишиться царства небесного. О горе мне, горе...

Раввин молча, без слез, плакал. Потом, уже умиротворенно, словно ничего его больше не волновало, сказал:

— Ну, говори...

— Ребе,— горячо заговорил Пинхос,— я сотворен не из дерева и не из камня, у меня есть сердце и есть душа, но стоит мне взглянуть на мою нынешнюю жену глазами мужчины, как передо мной возникает первая жена. Она упрекает меня, жалуется, хочет проклясть: «Вот так ты сохраняешь мне верность? Собираешься лечь с моей сестрой в постель? Ты ведь клялся мне в любви... Я лягу между вами». И я уступаю ей, ребе. Я не могу ей противиться. Мы любили друг друга... Я перестал быть человеком, ребе. Что мне делать?

— Как звали твою первую жену, мир праху ее?

— Эстерл.

— Не я ли сочетал вас браком?

— Вы, ребе.

— Помню. Это была тихая, кроткая голубица. Не стала же она хуже на том свете. В том мире злодеями не становятся. Но что же? Я скажу тебе... Ты вбил себе в голову блажь, представляешь себе то, чего никогда не бывает. Блажь хуже хвори. Из гроба никто не возвращается. Не захочешь — не увидишь ее. Забудь ее! Не мни себя умнее всех. Не гневи господа! Лой тирцох!

Старый раввин очень устал. Губы его дрожали. Голосом, будто исходившим откуда-то издалека, он произнес:

— Из твоих чресел народится сын. Нареки его моим именем. У меня нет детей...

Встревоженный вышел Пинхос от раввина. Сидя у него, он чувствовал себя подавленным справедливостью его слов, тяжестью собственной вины, заповедью «не убий». Но, понемногу успокоившись, он подумал: а ведь раввин не понял его полностью. Он увидел лишь его вину и совсем не заметил его правоту. Раввин стар, думал Пинхос, и уже не в силах постичь, что он, Пинхос, нарушает шестую заповедь не только по отношению к Малке, но и по отношению к себе. Здоровый, полнокровный, чувственный, знавший уже жену, он подавлял в себе желание и страсть. Сколько здоровья, сил, крови он потерял, сколько ночей провел без сна, сколько дней в посту, чтобы суметь устоять, не поддаться искушению исполнить свой долг мужа. Была бы она хоть не так похожа на сестру, не так красива, как сестра...

Эстерл стала его невестой потому, что понравилась его матери. Он даже не видел ее. И под свадебным балдахином, когда она стала его женой, он не рассмотрел ее лица, покрытого фатой. Лишь на другой день после свадьбы он увидел, как красива его

жена. Он был потрясен. Никогда в жизни он не подходил близко к посторонней женщине, боялся взглянуть на девушку. И вдруг... Такая красивая, добрая, ласковая, и вся — телом, душой, мыслями, чувствами — вся принадлежит ему. Можно ли это забыть? Забудет ли он когда-нибудь? И опять — если бы Малка хоть не была так красива, как Эстерл, и не так похожа на нее. Где-то в глубине души им владел страх перед ее любовью, которой он может оказаться недостойным...

Он женился потому, что Малка носила ему передачи в тюрьму, потому, что ему нельзя было обидеть ее, опозорить. Она назвалась его невестой, — как же мог он, выйдя из тюрьмы, не жениться на ней?

...Восемь дней спустя скончался старый раввин. Два обстоятельства на его похоронах вызвали удивление в городе.

В своем завещании раввин просил, чтобы его тело опустили в могилу, завернув в талес со всеми четырьмя кистями, что шло вразрез с обычаем. По обычаю одну кисть отрывают, и это означает, что преставившийся отныне свободен от всех земных обязанностей. Он переходит в иной мир. Желание раввина было исполнено, но, когда тело опускали в могилу, одна кисть все же случайно оборвалась.

Ошерл Блондер, вмешивающийся всюду, где это ему ничего не стоит, не преминул заметить:

— Это случилось, видимо, потому, что он никого не оставил после себя — ни сына, который читал бы по нем кадиш¹, ни внука, который носил бы его имя...

Когда могила была уже засыпана землей, к ней неожиданно протолкнулся дровосек Цаля и стал читать молитву.

Почему вдруг он, Цаля?

Этого никто не мог объяснить. Даже Ошерл Блондер вынужден был промолчать.

Примерно через год Малка родила мальчика. И в память о старом раввине его назвали Авигдор.

2

Как только Малка поняла, что беременна, и особенно когда это стало уже заметно для постороннего глаза, она ощутила себя несказанно счастливой. Она обрела уважение к самой себе и вся светилась любовью к растущей в ней жизни. Гордо и красиво несла она свое бремя, легко ступая по земле и не теряя изящества. При встрече со знакомыми ее добрые черные глаза приветливо улыбались, она была наверху блаженства, когда ее спрашивали, как она себя чувствует и кого ждет — мальчика или девочку.

¹ К а д и ш — славословие богу в память умершего родителя, которое сыновья обязаны читать ежедневно после каждой литургии в синагоге в течение одиннадцати месяцев.

Пинхос старался угодить ей во всем. Приносил подарки. Малка снова стала часто бывать в доме Либе-Шевы, где всегда пахло свежестырытыми пеленками, материнством. Она чувствовала себя здесь уютно, ей нравилось шептаться с Либе-Шевой о хозяйстве, о детях, о мужьях.

Брис¹ пришелся на раннюю весну, недели через две после праздника пурим.

Отец Малки, почитаемый в городе человек, узнав, что роды прошли благополучно и дочь родила мальчика, тотчас объявил, что устроит по этому случаю большое торжество. Последние недели он жил в глубокой тревоге. Неотступная мысль сверлила мозг: что, если, не дай бог, с младшей дочерью случится то же несчастье, что и со старшей? Смилуйся, отец небесный, не допусти этого!.. Он постился, ходил молиться к могиле старого раввина, молился у могилы старшей дочери, просил ее заступиться перед господом богом за свою сестру.

Теперь он ожил.

Из древних девственных лесов, окружавших город, повеяло тонким предвесенним дыханием. Хвойные деревья стряхивали с веток последние остатки обмякшего снега. Березы наливались соком. Из-под талых снегов запахло на солнце терпким запахом земли. Наступала весна, и город почувствовал это по многим приметам. Начались подрядные работы по выпечке мацы к пасхе. Круглые сутки трудились в пекарнях месильщицы, катальщицы, мукосеи, водолеи, у пылающих печей стояли с лопатами покрытые потом пекари. В доме у родителей Малки разобрали деревянные стенки, и стало гораздо просторнее.

В комнате, где лежит роженица, стены увешаны длинными белыми листками с охранными заклятиями от сглаза. Старая Ривке-Рохл, лучшая в городе повивальная бабка, одета сегодня по-праздничному, — в сверкающе новом повойнике на парике, в длинном, просторном синем платье в белый горошек. Пожалуй, еще неизвестно, кто в комнате у роженицы важнее — молодая мать Малка или бывалая повитуха Ривке-Рохл? Ибо что умеет мать? Вдыхать, стонать, кричать... Но принять дитя... Принять дитя, думает Ривке-Рохл, важнее, чем родить. Сегодня она здесь самый главный человек. Вот почему она нет-нет, да заглянет в столовую, полюбоваться на стоящий посредине большой дубовый стол, накрытый белой скатертью и ломящейся от яств и напитков. Не впервые ей приходится бывать на подобном торжестве у богачей, кому же лучше, чем ей, знать, каким должен быть стол. Всякий раз на брисе мальчика, которому Ривке-Рохл помогала появиться на свет, она чувствовала себя хозяйкой, главой дома.

¹ Б р и с — здесь: обряд обрезания.

Ей хочется, чтобы все выглядело как нельзя лучше, чтобы всего было вдоволь, всюду ощущалась радость, во всех углах сверкало. Пусть люди радуются и обряду, который совершается сегодня, и богатому столу, уставленному мясными и рыбными блюдами, студнем и рубленой печенкой, жирными картофельными куглами и сладкими макаронными запеканками, тортами, фруктами, орехами и конфетами, вином, водкой и медом.

Благочестивая Ривке-Рохл знает, что на брисе полагается есть и веселиться. Она, прожившая большую жизнь, полную и радостей, и горестей, разбирается в людях и знает, что за чужим столом всегда появляется желание хорошо поесть. И ей доставляет огромное удовольствие, когда гости едят, пьют, веселятся. Ведь это благодаря ей происходит это торжество, благодаря ее умению принимать детей, благодаря ее опытным и ловким рукам, которыми она помогает появиться новой жизни. Она любит также встречать гостей. И сегодня, лишь только слышит, как отворяется дверь, Ривке-Рохл спешит вместе с хозяевами навстречу гостям. Хозяева говорят то, что им надлежит говорить. Приветствуют гостей изречением из святого писания, здороваются за руку. Но сй ведь не подобает здороваться за руку с раввином или магидом. Ривке-Рохл знает, что ей можно и чего нельзя. Она приветствует гостей на свой лад. Распростерши руки, словно приглашая всех расступиться перед вновь пришедшими, она находит свои особые слова для каждого.

— Ребе,— встретила она раввина,— пусть множатся у нас торжества.

— На то божья воля,— отвечает раввин.

Пришел реб Зисл, именитый купец, поставляющий пшеницу в Пруссию. Ривке-Рохл знает, что он недавно выдал замуж дочь. Ему она говорит:

— Дай бог веселиться на таком же празднике у вас.

— Дай бог, дай бог!

Потом пришел высокий, дородный подрядчик реб Нисн со своим сыном. Ривке-Рохл захлопала в ладоши и во весь голос закричала: «Мой, мой... Я ведь его принимала!» — и бросилась целовать паренька.

Так, по своему разумению и на свой лад, встречает она и всех остальных знатных гостей. Но Ривке-Рохл не забывает при этом и о богоугодном деле, благодаря которому надеется попасть в рай. Благочестивая Ривке-Рохл, разбирающаяся в людях, знает, что волей-неволей богачам приходится приглашать на торжество и кое-кого из людей простого звания — родственников или знакомых. Таких гостей хозяева встречают без особого радушия, ни горячо, ни холодно. Дескать, раз пришел, так тому и быть... Не пришел бы — не соскучились бы по тебе. Такие гости чувствуют себя за столом неуверенно, как чужие, стесняются взять что-либо в рот. Ривке-Рохл подбадривает их добрым словом, следит за тем, чтобы они ели и пили, чувствовали себя сво-

бодно. Это и есть то богоугодное дело, которое творит Ривке-Рохл. Вот и сегодня пришли люди попроще — столяр Решл со своей женой, Зелик с Либе-Шевой и отец Зелика, приказчик Йойна.

Отец Малки неплохой человек, но как все богачи... Все дымоходы одинаково пахнут дымом, думает Ривке-Рохл, радушно и с почетом встречая гостей.

В доме зажгли множество свечей. У окна поставили два кресла. Одно — для пророка Ильи, другое — для сандика¹. Занял ли пророк Илья свое кресло, никто не видел, второе занял раввин. Кумовья взяли у роженицы лежавшего на подушках ребенка и передали его на руки раввину. Над мальчиком совершили обряд, благословили его и нарекли именем Авигдор. «Мазл-тов! Мазл-тов!» — слышалось со всех сторон, и гости сели за стол. Началась трапеза, и все усердно принялись за исполнение заповеди — насыщаться и наслаждаться на праздниках.

Веселая трапеза длилась долго. Но всему приходит конец, даже самому долгому дню. Когда собрались выходить из-за стола, вдруг обнаружили, что среди пировавших был и Цаля-дровосек. Он налил себе стакан меду, благословил его и произнес тост за новорожденного Авигдора, пожелав ему, как принято по обычаю, дожить до ста двадцати лет.

Каким образом здесь оказался дровосек Цаля? Кто его звал? Когда он пришел? Все недоумевали, но спросить постеснялись. Негоже стыдить человека при народе.

Магид все же спросил:

— Как вы попали сюда, Цаля?

— Я пришел попрощаться.

3

Для семьи Пинхоса Баса погожее лето прошло весело и быстро. Осень вначале выдалась облачной и дождливой, но потом стало солнечно, сухо, тихо. Из всех окрестных деревень в город возили зелень и фрукты, гусей и кур. Крестьяне в округе знали, что и к какому празднику надо везти. К Новому году — мед и фрукты, к судному дню — петухов и кур, к празднику кущей — хвою для покрытия шалашей. Был конец месяца элул². Наступали грозные дни³. По утрам трубили в рог. В синагоге и молельных было полно молящихся.

¹ С а н д и к — восприемник, человек, держащий на коленях ребенка во время обрезания.

² Э л у л — последний месяц еврейского религиозного календаря (август — сентябрь) перед наступлением грозных дней, с приходом месяца элула в синагоге трубят в бараний рог — призыв к покаянию.

³ Г р о з н ы е д н и — еврейские религиозные праздники Новый год и судный день. По представлению верующих, в эти дни на небесах решаются судьбы обитателей земли.

В доме у Пинхоса с радостью встречают канун праздников. Авигдорл растет здоровым и красивым мальчиком. Малка играет с ним, как с живой куклой.

После бриса дружба между Пинхосом и Зеликом остыла. Еще раньше началось отчуждение между Малкой и Либе-Шевой.

Малка довольна собой, своим мужем, своим ребенком. Ей хорошо и ничего и никого больше не нужно. Как в девичьи годы в родительском доме, ей хочется только спокойствия, жизни без тревог и забот. Она умеет восхищаться собой, радоваться своей расцветающей красоте, которая так привлекает мужа. Нет, ей больше ничего не нужно. Либе-Шева? Иногда она вспоминает о ней. Если той захочется прийти, пусть приходит. Она же к Либе-Шеве не пойдет больше. Были у обеих тяжелые времена, вместе стояли у тюрьмы... То время прошло. И еще она думает: Либе-Шева? Кто она? Не более чем дочь столяра. А всего неприятнее: Либе-Шева знает о том, что Пинхос не хотел ее, Малку, взять в жены, знает, что после женитьбы не жил с ней. Малке не нужны такие свидетели.

Либе-Шева сразу почувствовала, что отношение Малки к ней изменилось. Еще на брисе она видела, что они с Зеликом и ее мать с отцом здесь лишние, как бы незванные. Либе-Шева не нуждается в такой дружбе. А главное — Либе-Шева догадывается, что Малка думает о ней: дочка столяра... не более.

Неожиданно для себя она говорит матери:

— Мама, а ведь они не стоят папиного мизинца.

— Кто? О ком ты говоришь?

— О ком... — Либе-Шева умолкает. Потом, собравшись с духом, говорит, кого она имеет в виду.

— Можно было и раньше представить себе, что так будет, дитя мое, не принимай этого близко к сердцу. Мир не переделаешь.

Зелику Либе-Шева ничего не говорила. Не хотела огорчать его.

Но Зелик сам обо всем догадался. Он чувствовал, что и между ним и Пинхосом пробежала черная кошка. Сначала он не мог понять, что произошло. Пинхос умный человек, Зелик знает его не один год. Неужели Пинхос думает так же, как его жена, что зазорно дружить с Либе-Шевой, потому что она дочь столяра, а он, Зелик, сын приказчика — «человека», да и сам «человек». Правда, чуть более современный, чем его отец, с большими знаниями. Трудно поверить, что Пинхос так думает. Обоим — и Зелику и Пинхосу — всегда было ясно, что о человеке надо судить не по отцу и деду, а по его собственным делам. Обоим также было ясно, что жить своим трудом не менее почетно, чем быть торговцем. Напротив! И все же...

Что же изменилось? Малка! Все дело в Малке. Ей хочется почета. Как-никак она дочь богатого подрядчика и жена подрядчика (Пинхос помогает тестю в его делах).

Зелик тоже не спешил делиться с Либе-Шевой своими мыслями. Но мужу и жене ничего не скрывать друг от друга. В конце концов оба узнали, что творится на душе у каждого из них.

Потом обнаружилось, что Либе-Шева довольна тем, что произошло. Раньше Зелик по субботним дням уходил к Пинхосу в гости. Теперь он сидит дома. Ей веселее, и столяру Гешлу веселее, и его жене Гинде веселее.

Правда, за этим весельем скрывается горечь. Но она объединяет их, не дает им пасть в собственных глазах, смотреть на себя как на людей низшего сорта, помогает им относиться с уважением к себе.

Они живут скромно, но, благодарение богу, им не нужно ни у кого одалживаться, не нужно ни гнуться, ни кланяться, ни продавать душу за грош. Им вместе веселее. И непонятно, как бы они теперь могли обойтись один без другого. И все же... В бодрости и веселости, которыми они пытаются утешить себя, немалая толика горечи.

Малка, уж какая она была добрая, Пинхос, уж какой верный друг был, а оказалось... Столяр Гешл не пришелся им ко двору.

Столяр Гешл, как и прежде, три раза в день ходит в синагогу. И хотя он знает всю службу наизусть, Гешл сегодня заглядывает в молитвенник. Когда он смотрит в молитвенник, его никто не видит. Лишь молитвенник видит его. До сего времени ему никогда не приходилось быть в обществе стольких именитых горожан, как на брисе у Пинхоса. Он никогда не искал встреч с ними, не стремился сидеть с ними за одним столом. Но если уж привелось, раз его пригласили... По правде говоря, не о себе он думает, даже не о Гинде, а о детях. Они еще молоды, еще не растеряли гордости, верят, надеются...

Гешл молится, он смотрит в молитвенник, но не видит ни слов, ни строк. Ему хочется отвести душу, высказать свои обиды, но в молитвеннике нет тех слов, которые ему нужны. И когда он, по старой привычке, поднимает глаза к священному ковчегу, он вдруг видит: не к прыжку готовится молодой красивый олень — он хочет убежать. Убежать от льва, который разинул свою хищную пасть и ищет жертву. Олень хочет прорваться сквозь резьбу, которая оплела его, словно паутиной. Сегодня Гешл по-другому смотрит, потому и видит по-другому. Сегодня он не восхищается красотой резьбы. Что ему в этой красоте, если лев хочет сожрать оленя?

И посреди молитвы он вдруг запросто говорит богу:

— Малка не права, она не должна обижать Либе-Шеву, мать малых детей. Что касается меня, отец небесный, то я остаюсь твоим столяром и твоим резчиком. Разве этого недостаточно?

4

В один из осенних дождливых дней конца сентября — было это в субботу — Пинхос Бас пришел к Зелику и Либе-Шеве в гости.

— Я соскучился по тебе, Зелик, я соскучился по тебе, Либе-Шева... И погода жуткая. Наверно, такая погода стоит в аду.

Все обрадовались ему. В одно мгновение были забыты обиды и раздоры. Никто его ни о чем не расспрашивал. Но все заметили, что чернобородому, горячеглазому Пинхосу не хватает сегодня обычного спокойствия. И еще — чувствовалось, что он очень устал. Гинда поставила угощение, и все уселись за стол.

Пинхос как бы забыл, что давно не был в этом доме, давно не встречался с Зеликом, не беседовал с ним. Ему здесь хорошо, и всем хорошо с ним. На дворе завывает ветер, в окна хлещет косой дождь, с крыш шумно падает на землю дождевая вода, небо обложено тучами, и в дом проникает мало света. Оттого еще приятнее сидеть здесь, в уютном доме, с добрыми друзьями, попивать сладкую вишневую наливку, согревающую душу, разговаривать о детях, об их уме и одаренности.

Позже Пинхос начинает рассказывать новости. Кому он их дома расскажет? Тестю? Теще? Не нужно им это и непонятно. А в доме у Зелика есть кому слушать и понимать.

Сидящие за столом замечают, что Пинхос понемногу успокаивается, его усталость проходит. Пинхос со своей стороны рассматривает окружающих: Зелика с его большими карими глазами, все замечающими, все схватывающими на лету, Либе-Шеву, ее янтарные глаза и милые ямочки на щеках, длинные натруженные руки столяра Гешла с узловатыми пальцами, хлопчущую за столом Гинду, которая все обижается, что никто не ест и не пьет.

Ничто не изменилось. И Пинхос просит Либе-Шеву спеть его любимую песенку о том, как французы удирали из России.

И Либе-Шева поет:

Французик милый,
Французик хилый,
Хоть ты кричи,
Хоть ты и плачь —
Удирать придется вскачь...

Опять Пинхос долгое время не показывался у Зелика Федера. Но он собирался пригласить его и Либе-Шеву на день рождения своего первенца Авигдорла, которому скоро исполнит-

ся год. Он и представить себе не мог, что Малка будет возражать... Правда, он замечает, что ей доставляет удовольствие возражать ему, словно она этим вознаграждает себя за свою давнишнюю обиду. Он ей уступает. Он ее любит. У нее есть преимущество: она крепко держит его в своих красивых женских ручках. Без нее ему тоскливо. Она властно влечет его к себе, пленяет силой своей любви. И хотя он временами чувствует, что устает от ее привязанности, все же уступает ей во всем.

Но на этот раз он намерен настоять на своем.

Пинхос удивляется себе: что с ним стало? Он не желает споров. Стремится, подобно жене его Малке, к покою, избегает забот.

— Малкеле, они придут, я их приглашу.

— Они дороже тебе, чем я?

— Ну зачем ты так говоришь, Малка? Что ты против них имеешь?

— Ничего. Не ровня они мне. Знаю, ты не жалеешь меня. Тебе и сегодня безразлично — что Малка, что Эстер... Ты даже путаешь наши имена. Но не забудь... — Она положила руку на свой живот, напоминая ему, что хотя пока это еще не заметно, но она беременна.

Пинхосу ничего не остается, как умолкнуть.

Малка, конечно, понимает, что Пинхос обижен. Он теперь будет ходить насупленный, сердитый. Но она знает и другое: перед сном она прихорошится, повернется вокруг него полунагая, и он придет к ней, тихий, добрый, уступчивый.

На дне рождения Пинхос не находил себе места.

Во главе стола сидит Малка с мальчиком. Оба красивые, нарядные. Возле них Ривке-Рохл, считающая себя второй матерью. А как же? Ведь это она принимала Авигдорла. За богато накрытым столом гости. Дети сидят за отдельным столиком. Среди взрослых магид, реб Довид, Ошерл Блондер.

Пинхос недоволен тем, что он все больше поддается Малке. До каких пор? Сегодня, именно сегодня, на этом дне рождения, он поступил по-своему. Она сказала «нет», они ей не ровня... А он пригласил их. Как же иначе? Ведь они его ближайшие друзья. С Зеликом он связан с тех далеких времен, когда все знали одно: «до Зелика, до Пинхоса». Как Малка их встретит?

Едва открывается дверь, он тут как тут. Он хочет принять их как самых желанных гостей.

Но в дверях стоит незнакомый, чужой человек. Он принес подарок Авигдорлу.

— От кого?

— От дровосека Цали. — И уходит.

Все поражены. Цаля? Дровосек? Его теперь и не видно в городе. Кто он такой, чтобы присылать подарки? Непостижимо! Кому он нужен? Не только Малка и ее родители недовольны, но и никому из гостей это не понравилось.

— Какая дерзость! Чего только не позволяет себе этот дровосек! — негодует магид. — Нищий, гол как сокол! Я был у него дома. Псалтырь и молитвенник. Ничего больше. И он посмел...

— Ребе,— откликается реб Довид,— псалтырь и молитвенник? Разве этого мало, чтобы быть добрым евреем?

— Вы, реб Довид,— недовольно отвечает магид,— вечно находите для всех оправдание. Все для вас и благочестивы, и хороши.

— Я этого не говорю, реб магид. Вас, например, я вовсе не причисляю к хорошим.

Ошерл Блондер хотел бы вмешаться, замолвить доброе слово за магида. Но он быстро спохватывается. Реб Довид может сказать и ему, и магиду такое, что это им чести не прибавит. И он предпочитает промолчать и ни во что не вмешиваться.

В эту минуту, когда в воздухе еще висят слова «нищий, дерзость», в дверях показываются Зелик и Либе-Шева. Пинхос выходит из-за стола и радушно встречает их:

— Малка, принимай гостей.

Но Малки с ребенком уже нет за столом.

5

Прошло лет семь или восемь. И у Малки, и у Либе-Шевы были за это время и брисы, и другие семейные торжества. Но они не бывали друг у друга на празднествах.

Прежняя дружба иногда представлялась им старой забытой сказкой, совсем стершейся из памяти.

Их новая встреча произошла опять у ворот тюрьмы.

...С самого утра сегодня светло и тихо. Кажется, воздух в городе и тот пронизан праздником. Из открытых окон выглядывают, не шелохнутая, сверкающие белизной занавески. У дверей стоят принаряженные женщины, дожидаящиеся возвращения мужчин из синагог и молитвенных домов. С полными карманами орехов первыми прибегают с богослужения мальчики. После них приходят отцы, весело приветствуя матерей: «С праздником!»

Праздник чувствуется не только на улицах и улочках, где живут евреи, но везде и повсюду в городе. По-пасхальному ласково светит сегодня солнце над широкой, многоглавой православной церковью с ее округлыми патрами и присадистыми позолоченными крестами. Погожий день играет яркими солнечными бликами на остроконечном куполе высокого, воздушно легкого польского костела с рвущимися в небо крестами. И хотя население города за последние десятилетия намного выросло, а евреев в нем теперь лишь чуть более половины, на главных улицах нет сегодня обычного будничного шума. Даже булочные, где торгуют запретным ныне для евреев хлебом, выглядят по-пасхальному, очищенными от всего квашеного.

Особенно тихо сегодня на дровяном рынке, который находится в еврейской части города. Название «дровяной» не совсем верно. Правда, зимой на санях, летом на узких возках крестьяне из окрестных деревень привозят сюда дрова. Иногда чисто березовые, иногда смешанные с сосной и ольхой. Но кроме дров сюда привозят для продажи также кур и петухов, гусей и уток, мешки картофеля, корзины капусты, венки лука.

Здесь, на дровяном рынке, есть и мясные лавки, торгующие кошерным¹ мясом, и рыбные ларьки. На всякого рода лотках продают яблоки и груши, черешню и смородину, орехи и конфеты.

Теперь на рынке царит покой. Лишь неподалеку, возле больших куч песка и штабелей кирпича, привезенных для строительства нового дома, возятся дети да на одном из крытых лотков играют в «битки». Это предпраздничная игра. В нее играют накануне христианской пасхи. А состоит она в том, что двое игроков, держа в руках по яйцу, стараются острым концом одного надбить другое. Надбитое переходит к тому, кто надбил его. Игроки одеты празднично. Сегодня воскресный день. Собравшаяся вокруг толпа зевак, оживленно обсуждающих ход игры, с неослабным вниманием следит за тем, как известный в городе игрок в «битки» Азадкевич пробует на зуб маленькое яичко, облизывает языком, потом зажимает в ладони, оставляя свободным только кончик, и, крепко выругавшись, ищет, как бы половчее ударить им. Он выигрывает. Все довольны, зрители смеются.

На пустом, чисто выметенном рынке появляется местная тихопомешанная по прозвищу «Разумница». Она медленно и задумчиво бредет среди лавок, разговаривая сама с собой, словно изливая душу:

— Дурость-то какая... Променяла свой хороший разум на чужой. На глупый. Зачем? Зачем поменяла?

Торговки жалеют ее. Но сегодня их нет. А игрокам в «битки» не до нее. Взглянули и отвернулись.

В покой и тишину рынка врываются со смехом и криком два голоса. Оба городу знакомы: это Антон Мерлес и его дружок и прихвостень Довидл Товше «гуляют».

Антон за последние годы почти не изменился, только чуть потолще стал. Как и прежде, его черные длинные волосы висят до плеч, над губами чернеют усики, он одет в свой любимый рыжий костюм, так что, глядя на него, видишь какую-то черно-рыжую смесь. Его прихвостень Довидл Товше, длинный и тощий, как засохшая селедка, всегда одет во что-то поношенное,

¹ К о ш е р н о е — дозволенное к употреблению в соответствии с религиозными законами о пище.

рукава протерты, брюки обтрепаны. Что бы он ни надел, все висит на нем, как на огородном пугале. Однако у него всегда есть деньги на то, чтобы поставить Антону Мерлесу бутылку вина и закуску и повести его к женщинам. Довидл Товше хочет креститься, но Антон пока не позволяет ему сделать это.

Антон Мерлес, как известно, не только бахвал и врун, не только бессовестен, но не лишен способностей. Голова у него работает, он ловок на выдумки, легко находит выход из любого положения. Он знает, что может пригодиться властям, и желал бы, чтобы об этом знали даже в Петербурге. Но он, конечно, хорошо понимает, что ему, как выкресту, не всегда доверяют. Вот потому и держит Антон возле себя еврейского свидетеля, который подтверждает все, что бы он ни говорил и ни писал.

А почему Довидл Товше так обозлился на евреев?

6

У него нет отца. С тех пор, как он помнит себя, дети дразнили его «байструком», «мамзером»¹. Почему у него нет отца, он не понимал. Получалось как-то странно, отец вроде и не умер, но вроде и не жив.

Мать у него есть. Она гадалка, на картах гадает. Живут они с матерью на окраине, под горой, на берегу узкой и мелкой речонки. Кругом сады и огороды, а среди них затерялось несколько деревянных домов с соломенными крышами. В их маленьком домике — две комнатухи, темная и светлая. Еще в детстве Довидл заметил, что в каждой из комнат мать выглядит по-разному.

Вот он видит ее в темной комнате, где она раскладывает карты. Тут она выглядит старой. На голове ветхий темный платок. Лицо бледное, тусклое, будто намазанное мелом. Черная штора на окне не пропускает ни луча света. Горит единственная свеча, и мать-гадалка слабым, старческим голосом что-то бормочет. Зато когда она принимает клиента в светлой комнате, в платье без рукавов, аккуратно причесанная, мать выглядит молодой. Тогда она отсылает Довидла погулять, поиграть с детьми, живущими двумя улицами дальше, на взгорье. Там его встречают прозвищами «байструк» и «мамзер», с ним не хотят играть, его прогоняют. Чья-нибудь мать, пожалев его, зазывает Довидла в дом и угощает краюхой хлеба со сливовым повидлом и стаканом чая. Мальчик слышит разговор между хозяевами:

— Жалко ребенка, сирота, без отца растет...

— А что она его мать, ты уверена?

Кусок застревает у него в горле. Ни отца, ни матери. Кто

¹ М а м з е р — незаконнорожденный.

же он? Чей он? Почему его зовут «мамзер»? И в нем накапливается обида, недоверие, злоба. И возникает желание бить посуду, разбивать стекла в окнах.

Иногда он слышит, как говорят:

— Она ведь это делает ради мальчика. Должна же она его содержать, кормить, одевать...

Дома мать встречает его веселая, кормит чем-нибудь вкусным, умывает его, укладывает спать. Но он не может уснуть. Ему хочется знать: мать она ему или нет?

Позже он понял, почему мама в светлой комнате моложе и наряднее, почему она отсылает его гулять. И он всем сердцем пожелал, чтобы она не была его мамой, а чужой, чьей-нибудь мамой. К обиде и недоверию прибавилась пенависть, желание убежать от самого себя, подраться с кем-нибудь, побить, раскровенить!

Куда деться, куда уйти?

Когда Довидлу было лет шестнадцать, мать поделилась с ним тайной. Пусть знает правду. Он не ее сын.

К тому времени она заметно постарела. В темную комнатку еще приходили погадать на картах, а в светлую комнату приходило все меньше и меньше клиентов, пока их совсем не стало. Она очень переживала свой закат. Мир потерял для нее свою привлекательность. Но она не хотела сдаваться. Теперь, когда наступает старость, она гораздо сильнее, чем в молодости, хочет быть красивой, привлекательной, хочет нравиться мужчинам. Она ведь должна содержать Довидла. Кто его вырастит?

Некоторое время спустя он как-то услышал в городе разговор о том, что она все же его мать. Разъяренный, негодующий, он ворвался в дом и нещадно избил ее. Здесь он больше не останется, он должен убежать от всего того, что было. Он уйдет из города. Мало этого — он уйдет и от евреев, примет христианство. Ничто не должно ему напоминать о его детстве и юности.

Он ходил оборвышем, но его это мало беспокоило. Лишь бы «мать» давала деньги. Он каждый день требовал у нее денег, чтобы угощать Мерлеса. При этом он добивается от Мерлеса одного:

— Почему ты не позволяешь мне креститься? Я хочу стать человеком наравне со всеми.

— Ты не бери пример с меня. Ты у евреев Довидл-мамзер, таким же останешься и у христиан, только с другим именем. Не равняйся по мне. Для меня открыты все пути. Я еще буду большим начальником. Вот покончим тут с одним делом, и я барином поеду в Петербург. Ты только помоги мне.

Довидл, пожалуй, не так уж и зол на евреев. Они его не трогают, и он бы не трогал их. Он хочет креститься, чтобы стать иным, не таким, каким был. Но он во всем послушен Антону Мерлесу, цепко держащему его в своих руках.

Оба они пришли сегодня на дровяной рынок, чтобы разыскать своего закадычного дружка Азадкевича, с которым вместе должны «покончить с одним старым делом».

7

Те, кто близко знает Азадкевича, утверждают, что он совсем не такой уж плохой человек. Он любит голубей, не даст и собаки обидеть, под хмельком любит плясать. Потому и трудно понять: о чем бы ни заговорили, Азадкевич поворачивает разговор на свое — виноваты евреи. Его приятели сапожники и те смеются над ним. Если он сошьет сапоги не по мерке, виноваты Ицка и Мошка — они сглазили его.

Его жена спорит с ним.

Жена его Анка веселая, хорошая хозяйка, еще молода и красива. Девушкой она служила в еврейском доме. Жила там как родная, научилась разговаривать по-еврейски, знала, когда какой праздник наступает. В судный день постилась наравне со всеми евреями. В пурим любила поесть гоменташ¹, в пасху попить медку. Она даже следила, чтобы дети перед едой мыли руки и произносили благословение по еврейскому обычаю.

С Азадкевичем ей живется хорошо, он ее любит. Но как только коснется «еврейского вопроса», они расходятся. Спорят, ссорятся. Но ничего не помогает, она заходит к своим прежним хозяевам поесть гоменташ и попить медку. Благо, он не знает еще, что она по привычке придерживается еврейского закона и солил сырое мясо перед приготовлением.

Когда много лет назад «пропала» Ядзя, Азадкевич был одним из первых крикунов и подстрекателей. Он бегал в полицию, искал свидетелей, сам был свидетелем и вместе с колбасником Войцехом и Антоном Мерлесом писал доносы в Петербург.

Колбасник Войцех ругает евреев с таким смаком, будто ест что-то вкусное. А поест, видно по всему, он любит. Он дороден, плечист, с большим пузом. Его узнают сзади по жирному затылку. На новом рынке у него лавка. Он торгует свининой, копченой, жареной, вареной. На полках лежат большие куски ветчины, разные колбасы, вяленые языки. Из его лавки несет жирным запахом сытости, щекочущим ноздри и вызывающим аппетит.

Три дела доставляют Войцеху удовольствие — торговать, жрать и евреев ругать. Его голос слышен на весь рынок:

— Шановне нанове, слушайте, что пан Войцех вам говорит. Пан Войцех видит насквозь всех жуликов и мошенников.

Вокруг него собираются люди и слушают, как смачно и с каким удовольствием он ругает и подстрекает...

Теперь к Азадкевичу, Войцеху и Мерлесу прибавился четвертый — Довидл Товше.

¹ Г о м е н т а ш — треугольный пирог, начиненный маком.

Несмотря на то что каждый день от пасхи до пятидесятницы на счету и во время вечерней молитвы отмечается: сегодня день первый, сегодня день второй и т. д., — летний праздник наступил как-то удивительно быстро. И, как всегда, солнечный и веселый, без страхов грозных дней, когда и рыба в воде, и все живое на земле трепещет, без пасхальных хлопот и забот о маце и об очищении от всего квашеного. Пятидесятница — швуэс — приходит с легким и приятным настроением, к тому же с вкусной едой.

В доме у Пипхоса в полном разгаре приготовления к празднику. Малка втянулась в хозяйство. За прошедшие годы она располнела, ее тело дышит женской теплотой и материнской удовлетворенностью. Дети у нее красивые, здоровые, она их любит, балует. Она любит и мужа, Пинхоса. Они теперь живут в полном согласии. Малка руководит приготовлением всяких молочных блюд, печений, тортов, творожников, пельменей, блинов. В дом уже завезли зелень, чтобы украсить комнаты. Малка довольна, что есть такие хорошие праздники, когда надо готовить множество всяких блюд. Она не терпит скупости и скудости. И, как всегда, когда она в хорошем настроении, Малка начинает перекладывать серебро в шкафу.

И в доме Зелика готовятся к празднику. Здесь хозяйничает Либе-Шева. Она, как и прежде, проворна, быстра, у нее под руками все горит. Выглядит она как девушка, лишнего веса не набрала. Ее умение хозяйничать выражается не в щедрости, а в бережливости. Она должна ухитриться так разделить и оделить, чтобы из немногого стало много, чтобы было и недорого, и вкусно. И делает она это так, чтобы Зелик не подозревал, как трудно ей иногда приходится, чтобы ему никогда не пришла в голову мысль, что он зарабатывает недостаточно и, если бы он зарабатывал больше, она была бы лучшей хозяйкой. Главное, чтобы все были здоровы. Ее улыбка и сияние янтарных глаз всем придают бодрости, каждому она находит что сказать, ее душевное слово много значит не только для домочадцев, но и для знакомых и соседей.

От Либе-Шевы ни на шаг не отходит ее первенец Берл и все пристаёт:

— Мама, чем тебе помочь?

— Иди лучше погуляй, поиграй.

Но ему хочется быть дома, смотреть, как мать убирает, стряпает. Однако он не упорствует и идет. На дворе не с кем играть, и он отправляется к деду. Берл любит смотреть, как дед строгаёт и из-под рубанка вырастают стружки, как он забивает молот-

ком гвозди, как распиливает доски и опилки сеются на пол. От досок и стружек пахнет лесом, смолой, свежестью.

Между дедом и внуком тихая любовь. Обоим кажется, что со стороны это не видно. Но все видят, понимают и находят, что к такой красивой любви нельзя прикасаться словами. Без слов она еще красивее и душевнее.

Береле рад, когда дед берет его с собой в большую деревянную синагогу. Он берет его, когда идет туда с долотом и стамеской — подправить резьбу на восточной стене или вырезать что-нибудь новое на западной. Береле не отводит глаз от дедушкиных рук. Его собственные руки становятся беспокойными и тянутся к инструментам деда — хотя бы потрогать их пальцами, поддержать в руках. Дед понимает, что происходит с мальчиком.

— Ну, попробуй, сумеешь?

Оттого, что он держит в руках долото и может вести им по дереву, Береле трепещет и радуется, словно искра божья залетела к нему в сердце.

А если дедушка к тому же похвалит его, внук чувствует себя точно так, как дед, когда ему говорят: «Гешеле, твои цветы пахнут, благодать!» Внук готов пуститься в пляс. Глазки при этом горят, щечки алеют, ему кажется, что его руки могут сотворить самую красивую резьбу на свете.

От избытка чувств дед молчит. Его сердце полно блаженства.

В доме Мариши, понятно, не знают, что такое швуэс. Но о том, что у евреев скоро праздник, Мариша слыхала. И ей хочется сделать приятное огороднику Пине, который часто к ней заходит и подолгу остается у нее.

Старший сын Мариши женился, Ядзя вышла замуж. Пиня стал в ее доме своим человеком. Она находит повод, идет в город на дровяной рынок и расспрашивает знакомую еврейскую торговку:

— Скажи-ка мне, милая, что за праздник наступает у вас? Торговка подробно объясняет.

Мариша приходит домой, убирает дом зеленью и начинает готовить молочные блюда для Пини. Еще она собирает спечь для него картофельные оладьи. Он их любит. Она ждет его.

Буквально за несколько часов до праздника начались аресты.

Первыми, как и много лет назад, взяли огородника Пиню, Зелика и Пинхоса. На следующий день посадили фурмана Арку. Дровосека Цалю искали, но не нашли. А после праздника взяли новых людей — реб Довида и бывших хозяев Анки, Раковицких — мужа и жену.

Это было как гром среди ясного неба. За одну ночь праздник швуэс превратился в скорбный день «девятое аба»¹. Никто ничего не мог понять. Тот же навет, что много лет тому назад. Почему снова?

И вот уже нельзя пройти улицу, чтобы не услышать толков об употреблении крови на пасху.

Но как же так? Ведь Ядзя жива? Опа даже стала матерью...

Мог ли кто-нибудь догадаться, что все подстроено Антоном Мерлесом? Он придумал хитрую штуку, чтобы на этот раз довести дело до конца. Все им обеспечено. Он больше не провалится.

На второй день праздника Либе-Шева и Малка встретились у тюремных ворот с передачами для мужей (праздничные молочные блюда). Они посмотрели друг на друга и отвели глаза. Обе молчали, даже вздыхать старались негромко. Лишь на обратном пути они поняли, как тяжело далась им эта встреча, как нестерпимо душило молчание. И у обеих возникло желание облегчить тягостное ожидание у ворот тюрьмы. Хоть бы не стоять лицом к лицу, хоть бы поговорить с кем-нибудь, отвлечься от мыслей, которые появляются, когда они стоят рядом.

Назавтра Либе-Шева пришла к воротам с Береле. Малка привела с собой девочку. Теперь им стало легче, есть на кого смотреть, с кем поговорить.

Дети избегали друг друга. Если Береле случайно посмотрит на девочку, то его взгляд до того серьезен и строг, что девочка только крепче хватается за руку матери.

Береле уже многое знает. Он знает, как бог за шесть дней создал мир, как пророк Моисей вывел евреев из неволи и они сорок лет блуждали в пустыне. Особенно хорошо он запомнил, как на них напал Амалик.

Кроме того, что он знает из святого писания, он уже узнал из жизни: на его папу, доброго, честного папу, возвели навет и посадили его в тюрьму. У Береле есть причины быть озабоченным, есть о чем задуматься. Он молит бога заступиться за отца.

Девочка очень похожа на мать. Черпоглазая, смуглая, с алыми щечками. Как и мать, она любит, чтобы вокруг было весело и приятно (она не совсем понимает, почему стоит здесь у ворот). Суровость Береле ее удивляет. Станный мальчик, ничего не говорит, ни о чем не спрашивает, только угрюмо молчит...

Малкина девочка общительна, она не выдерживает затянувшегося молчания и обращается к мальчику:

¹ Девятое аба (тишебов) — девятый день месяца аба (по еврейскому религиозному календарю), когда, по библейской легенде, был разрушен иерусалимский храм; день поста, скорби и плача.

— Как тебя зовут? Меня зовут Сореле...

Этого было достаточно, чтобы обе мамы взглянули друг на друга глазами, полными слез, бросились друг другу в объятия, не произнеся при этом ни слова. Они долго стояли и молчали. И это молчание было громче слов. Оно было как крик.

Прошла неделя. Прошли две. Вот и месяц минул. Арестованные заявляют в один голос: «Вы обвиняете нас в убийстве девочки Ядзи, но она цела и невредима».

Тем временем наступает новый месяц. А полиция все ведет следствие, вызывает свидетелей, арестовывает подозреваемых.

Да каких свидетелей?

Антон Мерлеса, который был евреем, и Довидку Товше, который еще и теперь еврей. Им-то все известно. Коль скоро они говорят, им верить можно. Они говорят правду.

— Вот этот, длинный... Он сам еврей... Слушайте, что он рассказывает.

Но вот когда казалось, что все ясно, все виновные известны, в полиции вдруг наступило замешательство.

Из канцелярии губернатора пришло напоминание о необходимости при расследовании ритуальных убийств строго придерживаться полученных губернатором еще в 1817 году указаний из Петербурга: запрещается обвинять евреев в убийстве христианских детей только на основании суеверий, не имея достаточных улик. Если же где и возникнет подозрение, надлежит вести следствие в законном порядке, точно так же, как это делается в отношении людей других вероисповеданий.

Улики? Законно? Какие могут быть улики, если Ядзя жива, у нее самой уже есть дети...

Даже Азадкевич, готовый засвидетельствовать что угодно, даже Войцех, который клянется, что говорит только правду, вынуждены замолчать. Им нечем крыть. Ядзя, девочка, которую «убили», действительно жива. А они были уверены, что обойдется без улик, нашлись бы только свидетели.

Азадкевич и Войцех подумывают даже, что этот бывший еврей Антон Мерлес злонамеренно науськивал и подстрекал их, завел в трясину.

Но когда в полицию пришел Антон, все стало на свои места. Тогда Азадкевич и Войцех подумали: что ни говори, а голова у этого бывшего еврея что надо! Черт его побери!

Мерлес приходит в полицию не как проситель, не спрашивать или выпрашивать. Он приходит как человек, к голосу которого прислушиваются. Ведь всем известно, что он шлет доносы самому царю. И его побаиваются.

Не так давно Антон немного подстриг свои длинные волосы. Маленькие усики, наоборот, несколько отросли. К тому же он отпустил себе бакенбарды, чтобы хоть чем-то походить на дво-

рянина. В полиции для пущей важности Антон двумя пальцами левой руки подкрутил правый ус, потом той же рукой провел по своему рыжему пиджаку и лишь тогда зло спросил:

— Кто сказал, что Ядзя жива?

— Все это знают.

— Те, кто ничего больше не знают,— ничего не знают. Настоящую Ядзю убили. А ее тело забросили или закопали где-то.

В полиции изумлены:

— Настоящая Ядзя? Как это понимать?

— Я говорю о настоящей Ядзе, а Ядзя, о которой говорите вы, подставное лицо. Она не дочь Мариши, а дочь ее сестры.

Подставное лицо? Это выглядит дико. Все знают Ядзю, ее мать, брата, мужа, тетю Ружу...

— Чтобы спасти своего любовника, огородника Пиню, которому она помогала убивать собственного ребенка, Мариша привела из деревни свою племянницу, которую тоже зовут Ядзя, и выдала ее за свою дочь. Раз Ядзя оказалась жива, значит, понапрасну арестовали огородника. А когда его выпустили на волю, то вместе с ним освободили всех других.

Азадкевичу и Войцеху выдумка Антона так понравилась, что у них даже отнялся язык. Они стояли и только головами покачивали.

Полиции снова все ясно: надо как следует потрясти подставную Ядзю, ее мать, брата, тетю Ружу, мужа, и они выложат всю правду.

10

Вскоре наступило девятое аба. Было бы трудно сказать, что евреи оплакивали: разрушение храма господнего, которое произошло много веков тому назад, или крушение жизни, которое может случиться не сегодня завтра.

В древней форштадтской синагоге полно молящихся. Все в темных будничных одеждах, без обуви. После девяти «молочных дней», во время которых не употребляли ни мясной, ни рыбной пищи, лица у всех бледны. Да и накануне, перед большим постом, когда нельзя целые сутки ничего в рот взять, поели, как в дни траура по умершим, только круглую пищу: яйца, бублики, бобы, что должно было означать: на этой грешной земле все суется сует, все кругло и все кружится, приходит и уходит, сегодня я, завтра ты, все рождается, чтобы исчезнуть...

Кто сидит на полу, кто на перевернутых скамьях. Кое-где горят одинокие свечи, и их тусклый свет нагоняет страх на людей. Со священного ковчега снято нарядное покрывало, в полумраке совсем не видно резьбы. Сняты украшения и со свитков Торы, а вместо шелковых и бархатных рубашек на них надеты простые ситцевые. В тягостной тишине слышно, как с глухим

рыданием читают «Плач Иеремии». Наравне со всеми с молитвенником в руке сидит подле деда на низенькой скамеечке Береле. У ребенка в голове нет резко очерченного различия между прошедшим и настоящим. У него все связано непосредственно. Но есть вещи, в которых мальчик разбирается, как взрослый. Его детское сердце переполнено горем и скорбью. Он скорбит над разрушенным храмом и оплакивает отца, сидящего в тюрьме. Он жалеет мать, которая мучается и страдает. Горькие слезы текут по его щекам, но он их не чувствует. Он просит бога сделать так, чтобы отец вернулся домой, сделать так, чтобы пришел мессия. И он верит, что все, о чем он просит, непременно исполнится. Ведь все в божьих руках...

Домой он возвращается с дедом. Обычно Гешл ведет внука за руку, но сегодня он идет отдельно, сам по себе. Береле видит, что дед расстроен. Наверно, узнал что-нибудь неприятное. И это действительно так. После богослужения кто-то из знакомых рассказал ему о новом поклепе Антона Мерлеса. Гешл чувствует, чем это грозит. Но дома он, разумеется, ничего не расскажет. Либе-Шеве не надо пока этого знать.

Мальчику хочется как-то успокоить и утешить деда, и он берет его за руку, ведет его, но Гешл этого не чувствует.

Дома Береле вдруг объявляет, что он будет поститься.

— Что ты, сыночек? Ты не должен пока поститься,— говорит мать.

И дед говорит, что нельзя. Но мальчик хочет добиться своего.

— Как ты, мама, не понимаешь? Если я буду поститься, отец скорее вернется домой.

И Береле не ест и не пьет. Он держится, как взрослый. Он чувствует голод, но именно это придает ему силы. Тем, что он постится, он вымолит у бога, чтобы тот свел на нет поклеп, возведенный злодеем на евреев. Ослабевшими детскими руками он бы задушил того мерзавца.

На другой день дед идет поминать усопших. На кладбище полно людей. Они стоят у могил родных и шепчут молитвы. Временами слышится громкий плач, и Береле чувствует, что кладбище, всегда такое страшное, пугающее, напоминающее о мертвецах, сегодня его не пугает. Оно полно мольбы к матерям и отцам на том свете, чтобы они помогли, заступились перед богом, упросили его сотворить чудо.

Голод ощущается все сильнее. У Береле щемит сердце, но он не сдается. Все постятся...

Тюрьма располагает к раздумьям. Повседневная беспокойная жизнь отступает, остается где-то вдали. Со стороны ее можно лучше рассмотреть и лучше осмыслить. И Зелик, и Пинхос

думают. Думают много. О новом поклепе Антона Мерлеса они еще не знают.

Пинхос как бы кладет сегодняшний день на свою ладонь, разглядывает его, отмечает его особенности и сравнивает с прошедшим. Все уже было, было и такое... И Пинхос довольствуется выводом: так оно было, так есть, так будет. Он доискался до причины и нашел ответ. Выхода нет.

Горько, плохо, но такова судьба.

А Зелик, который так же, как Пинхос, знает, что и плохо, и горько, — не хочет мириться со своей участью. Зелик давно понял: если сидеть сложа руки, придется и в самом деле покориться судьбе. Зелик по своей натуре не может сидеть со сложенными руками, он должен вмешаться, должен действовать. Само по себе ничего не приходит.

Правда, он стал старше, но время, видимо, стоит на месте. Для кого-то еще годятся ответы на десятки «почему?» из его детства. Он вспоминает. Почему отец мало зарабатывает? Счастья у него нет. Захочет бог — и отец станет богачом.

Ну, а он сам, Зелик, почему он мало зарабатывает? Чем его дети хуже детей Малки? Чем хозяин лучше его? Такова божья воля. Такова судьба.

Нет, Зелик не может и не желает все объяснять судьбой. Но что предпринять? Как можно изменить судьбу? Что сделать, чтобы не было притеснений, чтобы был заработок, чтобы его дети не были хуже детей Малки? Зелик ищет ответа, но не находит его.

В тюрьме, вдали от всего живого, во власти одиночества, заполняющего собой все тесное пространство камеры, именно здесь, в тюрьме, вспоминаются иногда мысль, чувство, событие, которые, казалось, были тобой забыты, потеряны. Где-то в голове, будто сами про себя позабыв, притаились они и вдруг возникают из забвения в тюремном одиночестве, словно проснувшись от глубокого сна. Так появляется перед глазами Зелика такая картина.

В древней форштадтской синагоге стоит его тесть с долотом и стамеской в руках. Несколько человек наблюдают за его работой.

— Трудное у тебя ремесло, правда, Гешл? — говорит один из любопытствующих. — А вдруг ничего не выйдет? Что тогда делать?

— Не выходит с первого раза — делаешь второй раз, третий, десятый...

— А если и с десятого ничего не выйдет, — допытывается все тот же, — тогда что тебе остается? Если нельзя одолеть, надо отступить.

— О нет! — восклицает Гешл. — Не выходит с десятого раза — делаешь еще десять раз. Нельзя одолеть, но должно. Должно получиться.

«Должно!» — звучит в ушах Зелика. Его тесть, столяр Гешл, прав, должно получиться. Можно изменить судьбу. Но что для этого предпринять?

Пинхоса и Зелика меньше всего беспокоит собственное положение. Оба знают: если захотят их осудить, найдутся и преступления, и свидетели, и кара. Для Пинхоса это означает — судьба. Но Зелик не может ограничиться этим объяснением. Как изменить судьбу? Как?

Либе-Шева и Малка встречались каждый день у ворот тюрьмы. Но, кроме того, Малка часто приходила к Либе-Шеве домой. Как только слышит что-нибудь касающееся их мужей, она сразу же бежит по деревянному мосту в Форштадт, к Либе-Шеве, спросить у нее, как понять услышанное. Ей самой трудно что-либо правильно истолковать, оценить. Она склонна все воспринимать как хорошую примету. Ее врожденное тяготение к приятному, хорошему, к уюту, боязнь зла и горя не допускают мысли о возможности чего-нибудь плохого. И потому она начинает всегда одними и теми же словами:

— Либе-Шева, не пугай меня только: что это должно означать? — И выкладывает свою новость.

Либе-Шеве тоже хотелось бы, чтобы все кончалось хорошо, но оставаться слепой она не может и не хочет. Она умеет смотреть правде в глаза, как бы ни была эта правда страшна. Но так как Либе-Шева живет надеждой на то, что Зелик и Пинхос вернутся домой, она находит утешение и для себя, и для Малки.

Но когда Малка пришла с новостью о новом поклепе Антона Мерлеса, Либе-Шева оцепенела, потрясенная и растерявшаяся.

— Плохо! — воскликнула она. — Плохо!

— Не пугай меня, Либе-Шева. Чем плохо?

— Такую путаницу долго распутывать, тем временем наши будут сидеть. А чем все это может кончиться? Ох, нехорошо, нехорошо...

Малка не на шутку испугалась. Уж если Либе-Шева кричит «нехорошо» и «плохо», значит, дело, видно, очень скверно. У Малки совсем руки опустились. Все, что не касалось ее дома и детей, — не для нее, все это мужские дела. Она сама ничего не знает. Она полагается во всем на Либе-Шеву, свою опору.

— Милая, что же нам теперь делать?

— Что-то делать надо. Но что? Подумать нужно, хорошо подумать.

И Малка ждет, пока Либе-Шева хорошо подумает. Та думает за двоих.

Город полон слухов. И на Слободке, и в Форштадте по ту сторону Немана, в Юрзике, и на Коложах по эту сторону Немана — всюду рассказывают одно и то же: мать-христианка помогла убить свое собственное дитя. Ради кого? Ради любовника. Кто же любовник? Еврей.

Евреи знают, что вся эта история сплошной вымысел. Ну, а неевреи?

И опять новый слух: не только мать была соучастницей убийства, но и сестра ее, и сын. Всюду, где собираются люди, дома ли, на улице, на огороде, — всюду одно и то же на языке. Город взволнован, потрясен. Такого еще не бывало.

Листья на деревьях еще не успели пожелтеть, осень только-только вступала в город, а новость все разрасталась: оказывается, молодая мать Ядвига совсем не та Ядзя, которая когда-то исчезла и вроде вернулась жива и здорова. Девочку Ядзю евреи таки убили перед пасхой, а та Ядзя, что вернулась, подставная. Она не Маришина дочка, а дочка ее сестры Ружи, которая живет в ближней деревне. Вся семья знает, что и как, но сговорились и молчат — хотят спасти огородника-еврея от наказания.

Со временем, когда первое потрясение постепенно прошло, история эта начала вызывать сомнения. Не может того быть, чтобы целая семья так поступила! Христиане ведь! И откуда все стало известно? Кто был при этом?

— Есть свидетели!

— Свидетели? Кто они?

— Антон Мерлес.

— Что за Мерлес? Этот выкрест? Нашли кому верить! Он остался таким же евреем, каким был. Чтобы обелить своих братьев, он чернит христиан.

В городе роптали. Но полиция делала свое дело. Искали улики, искали свидетелей, вели следствие.

Первой вызвали Ядзю. Она пришла с ребенком на руках. До нее дошло что-то о девочке, которую евреи убили, а вместо нее подставили другую. Но ей и во сне не снилось, что это имеет отношение к ней.

О том, как вкусный запах творожного пирога вел ее когда-то через скользкие огороды к тете Руже в деревню, она тоже, пожалуй, как сквозь сон вспоминала.

— Как твое имя?

— Ядвига, Ядзя.

— Давно зовут тебя Ядзей?

Она с удивлением поглядела на следователя:

— Я не понимаю вас. Вы шутите?

— Нам некогда шутить. Как зовут твою мать?

— Мариша.

— Кто тебя научил этому? Твоя мать Ружа.

— Вы путаете. Ружа — моя тетя.

— Нам все известно. Дочь Мариши Ядзю евреи убили.

— Как так убили? Я же сижу перед вами живая.

— Будешь отрицать — арестуем. Запомни!

Ядзя вышла замуж за чиновника. Молодого, усердного, которого ожидала хорошая карьера. Человек с тактом, он знал, как вести себя с людьми, и требовал уважения к себе. Сама Ядзя окончила двухклассное училище. Она ценила мужа, пользующегося расположением своего начальника, понимала, как ценить самое себя — жену чиновника. Ей с самого начала не понравилось, что к ней обращаются на «ты».

— Не пугайте меня и не тыкайте. Я супруга чиновника.

— Чиновника, который утаил, что у него подставная жена...

Ядзя пришла в негодование: так оскорбить ее мужа! Он будет жаловаться губернатору. Они с мужем это так не оставят...

От крика проснулся ребенок, испугался и начал громко плакать. Его никак нельзя было успокоить. Мать почувствовала, что ребенок весь мокренький.

Ее попросили в следующий раз прийти без ребенка.

Второй к следователю вызвали тетю Ружу.

— Ваше имя?

— Ружа.

— Имя вашей дочери?

— Моей дочери?

— Да, да, вашей.

— У меня нет дочери. У меня только сыновья. Правда, я очень хотела иметь дочь, но бог... пан буг...

— А Ядзя?

— То моя племянница, дочь сестры.

— Вы эту песенку бросьте. Сговорились. Хотят выгородить еврея Пиню, который убил Маришину Ядзю.

— Не было у меня никогда дочери, только сыновья. Одному богу известно, как я хотела дочку, но matka боска...

— Мы применим строгие меры, и ты заговоришь.

— Да вы спросите кого угодно в деревне, у попа спросите, у ксендза... В бумаги посмотрите... Не было у меня девочки, одни мальчики.

— А Ядзя?

— Дочь сестры. Спросите сестру, ее сына, мужа Ядзиного спросите.

— Все вы сговорились. Хотите спасти Маришиного любовника, этого жида, огородника Пиню, убившего Ядзю.

— Бронь, боже! Ядзя жива!

— Это твоя Ядзя жива.

— Не было никогда у меня девочек, одни мальчики. Богу одному известно, как я хотела девочку...

— А Ядзя?

— Не моя она дочка, Маришина. Спросите кого угодно в де-

ревне. У попа спросите, у ксендза. Посмотрите в бумаги. Да хоть у еврейского ученого спросите...

— У еврейского ученого?

— Да, да. Он приходит в деревню учить детей корчмаря. Божий человек, справедливый. Корчмарь — наш близкий сосед...

Действительно, два раза в неделю к корчмарю в деревню приходит реб Хаим — меламед¹, учить детей корчмаря молитвам.

Известно также, что реб Хаим умеет надписывать адрес на русском и даже на немецком языках. Не известно, однако, что он иногда потихоньку берет у одного молодого человека в городе светскую книгу для чтения. Здоровьем реб Хаим слаб, у него с легкими неладно. И потому он живет одним желанием: дожить, пока его сын Менахем добьется толку в жизни, получит образование.

— У еврейского ученого? — переспросил следователь и задумался. — Близкий сосед, говоришь? Так, так...

Назавтра меламеда Хаима Рубина арестовали.

Выдумка Антона Мерлеса так понравилась полиции, она пришлась так кстати, что здесь не считали больше нужным что-либо проверять: имеются свидетели, и ладно. Но чем дальше, тем больше сомнений вызывало это дело. С первого взгляда все хорошо совпадало и сходилось. Но именно эта гладкость, правившаяся вначале, стала потом подозрительной. А тут еще случилось так, что Анка поссорилась с Азадкевичем. Бросила его и перешла жить в дом своих бывших хозяев, ныне сидящих в тюрьме.

13

Вообще-то говоря, Азадкевич и Анка долгое время жили-поживали хорошо и тихо. Если иногда у них и возникала ссора, то только из-за ее прежних хозяев — Раковицких.

Анка рано осталась без отца и матери. Со страхом в душе пошла она в прислуги к евреям. Постепенно страх прошел, Анка успокоилась, сжилась с хозяевами и стала чувствовать себя своей в их доме. К свадьбе с Азадкевичем Раковицкие дали ей хорошие подарки. Анка так привыкла, так привязалась к своим бывшим хозяевам, что и после свадьбы часто навещалась к ним. То по делу, а то и без дела, просто приходила в гости. Азадкевич не мог этого терпеть.

¹ М е л а м е д — учитель в начальной еврейской религиозной школе.

Анка хвалила Раковицких: хорошие люди, честные. Азадкевича это бесило.

Анка хвалила еврейскую пищу: гоменташ, фаршированную рыбу, мацу (ее она могла бы целый год щелкать). Азадкевич бранился.

— А вообще — что ты, Якуб, имеешь против евреев? Чем они тебе мешают? — спрашивала Анка.

Не была бы Анка молодой и красивой, не была бы плясуньей и певуньей, он за такие слова побил бы ее. А так он лишь грозился.

— Ты только тронь меня, Якуб, сразу же уйду от тебя к моим хозяевам.

Эта угроза приводила его в бешенство. Разъяренный, он кричал:

— Я рассчитаюсь с ними, с пархатыми! Они околдовали тебя.

И он рассчитался-таки с ними, донес, что они якобы помогли огороднику Пине заманить Ядзю.

В доме у Раковицких остались одни дети. Анка заменила им мать. Азадкевич приходил, кричал, звал ее домой. Она не шла.

По своему характеру Анка не выносила несправедливости. Она была доброй, правдивой, ее огорчало, что муж стал на плохой путь.

Сначала приходил колбасник Войцех и натравливал его на евреев. Потом появился Антон Мерлес. Неприязнь к выкресту-мешумеду¹ (мешумец, как она говорила) осталась у нее с тех пор, когда она жила в еврейской семье. Сколько раз она по-хорошему, полюбовно убеждала Якуба, что нечего ему плясать под дудку Антона, — не помогало. Поговорила с ним и по-плохому — тоже не помогло. Сердце подсказывало ей: там, где замешан мешумец, нельзя ждать хорошего. Так оно и вышло — оговорил ее хозяев. Этого она Якубу не могла простить. Она тогда еще подумала: хорошо, что у нее нет детей с ним.

Азадкевич же не мог ей простить ухода из дома. Он остался без жены, без хозяйки. А колбасник Войцех все приставал:

— Почему ты позволяешь своей Анке укрываться в еврейском доме? Она там совсем порченой станет.

И оба, Якуб Азадкевич и его приятель колбасник Войцех, с шумом и криком подходят к дому Раковицких, стучат в двери и окна и велют Анке вернуться домой. Они так кричат и стучат, что стекла в окнах начинают дребезжать. Дети в доме плачут от страха. Прохожие останавливаются. Что тут происходит?

— Евреи забрали у него жену, — объясняет Войцех, указывая на Азадкевича, — забрали и отдавать не хотят.

— У тебя ни стыда, ни совести, — отчитывает его соседка-

¹ М е ш у м е д — вероотступник.

полька. — У Раковицких в доме остались одни малые дети, как они могли забрать его жену?

— Маленькие жида тоже жида, — отвечает Войцех. — Что ты замолчал, Якуб? Выбивай стекла!

Один из сапожников-поляков, подтрунивающий над Азадкевичем, когда тот винит евреев, даже когда сапоги сделаны не по мерке, говорит с насмешкой:

— Скажи-ка, Якуб, чью жену вы спасаете — твою или Войцеха?

— Мою.

— Что же вы вдвоем за одной женой пришли? Кто все-таки ее муж?

— Да, да, кто ее муж? — хохочут кругом.

Все больше и больше людей собирается. Колбасник злится и хватает Якуба за руку:

— Бей стекла!

В эту минуту открывается дверь и на пороге появляется Анка, бледная, разгневанная, с палкой в руках.

— Кто собирается бить стекла? — Она замахивается палкой. — Ну-ка, кто?

— Вот это здорово! Вот это бой-баба! — восхищаются кругом.

— Вам палки захотелось? — спрашивает Анка, сделав шаг вперед.

— Ты дай им палкой по голове, — советует та же соседка-полька, что стыдила Войцеха. — Ни за что ни про что посадили соседей за решетку, теперь хотят погубить их детей...

Анка сделала еще один шаг вперед и, уставив палку в грудь мужа, сказала ему:

— Дурень ты, глупец! Колбасник приходил к тебе, а погладить хотел меня...

Слышится смех:

— Го-го-го! Пан Войцех охотник до колбасы и до чужих жен.

— А евреев пан Войцех не любит потому, что они у него не покупают свинины, — добавляет поляк-сапожник. — Но губа у него не дура, такая бабенка, как Анка, ему приглянулась. Как, Якуб, ты думаешь, нравится ему твоя жена?

Тут Анка подошла вплотную к мужу и сказала:

— Ты иди, Якуб, домой. Захочу — приду к тебе. Уходи по хорошему.

Якуб послушался без возражений.

— А ты, шкура швинська, хотел погладить меня своими потными, грязными руками? Ну, так я тебя сейчас поглажу.

Взмахнув палкой, она подступала к колбаснику. Войцех отступал. Если женщина, кобыета, ударит его, ему не смыть позора вовек. Он все подвигался и подвигался назад, Анка наступала на него. А вокруг свистели и кричали:

— Мошенник!

— Злоджей!

— Пират!

— Маленьких детей пугаешь, бессовестный! Бессердечный!

...Раковицкие просили допросить жену сапожника Азадкевича. Она знает их и может подтвердить их невиновность. В полиции вынуждены были обещать им вызвать ее свидетелем, но откладывали вызов со дня на день.

14

Ошерл Блондер редко показывался на людях. Приходя в синагогу, он быстро занимал свое место, молился отдельно, истово качаясь над молитвенником. Закончив молитву, наспех укладывал филактерии (или талес) и исчезал. Он ни с кем не заговаривал и не хотел, чтобы с ним заговорили. Трудные времена. Наветы. С тех пор как арестовали реб Довида, к которому он, бывало, заходил узнавать новости, он стал сам не свой. Не придут ли за ним? Может быть, кто-нибудь донес, что он заходил к реб Довиду. Привлекут, пожалуй, и его к ответственности. У страха глаза велики.

Однако знать, что происходит на свете, в каком состоянии дело с наветом, что поделывают арестованные, Ошерл, разумеется, хотел. Хотел не столько потому, что интересовался их участью, сколько потому, что его беспокоила собственная участь. А не должен ли он, чего доброго, уехать отсюда, к родственникам, например, в другой город.

Он перестал появляться и в синагоге. Молился дома. Захворал, дескать. Но не мог же он в день рошгашона оставаться дома? А в молитвенном доме нельзя оставаться немым. Люди поздравляют друг друга с Новым годом. Заодно его спрашивают, что ему известно про реб Довида. «Соседи. Вы часто заходили к нему, реб Ошерл».

Вопрос приводит Ошерла в замешательство. Губа за губу заплетается. Он притворно удивляется:

— Я — к нему? Никогда! Он имел неприятную привычку заходить ко мне. Без приглашения притом. А к нему?..

Задававший вопрос недоумевает и смущенно отходит в сторону. Хотя он-то точно знает, что Ошерл напрашивался в друзья к реб Довиду и тот был от этого не в восторге.

Ошерл занимает свое место. Он не в своей тарелке. Получилось-то как нехорошо! Перед самым Новым годом, перед богослужением, перед тем как обратиться к богу с мольбой о добром годе, он сказал ложь, злословил про честного человека. Его пронимает раскаяние, чуть ли не слезы готовы показаться. Он молил бога о прощении.

«Разве раб твой Ошер хотел зла? Он лишь хотел уберечь себя от беды». Ошерлу такое оправдание кажется вполне достаточ-

ным. Он успокаивается. К амвону подходит кантор. Ошерл усердно молится.

— Ты ведь знаешь, отец небесный, что я благочестив, никого пальцем не тронул, я верен и предан тебе.— Он хотел бы еще добавить, что подает милостыню, но... нельзя. Сегодня Новый год, божий дух витает в молитвенном доме, сегодня надо говорить правду. Но зато, обещает он мысленно, после праздника, в канун судного дня, если бог того захочет, он раздаст нищим милостыню.

Ошерл совсем успокаивается. После службы он бодро и весело поздравляет своих соседей в синагоге: «Лешоно тойво!» — доброго года!

Сразу после Нового года, в один из десяти покаянных дней, когда на осенней земле вокруг деревьев уже лежали кучи желто-красных шуршащих листьев, разлетавшихся с первым дуновением ветра, а усталое, обессиленное солнце светило неохотно и мало и еще меньше грело, Цаля-дровосек открыл дверь полицейского участка и прямо с порога объявил:

— Я слышал, вы меня ищете. Вот я и пришел.

Его не сразу узнали. Он совсем не был похож на того дровосека Цалю, который носил льняные штаны, старый, заплатаанный кафтан и стоптанные, кривые сапоги. Это был совсем другой Цаля. Прилично одет, можно сказать, даже красиво. В шляпе, в осеннем пальто на шелковой подкладке. Его большие зеленоватые глаза смотрели прямо перед собой. Черная борода была аккуратно расчесана. Весь его вид внушал уважение.

— Почему пришел с таким опозданием?

— Последнее время я жил в другом городе. И только недавно узнал, что меня ищут, хотят предъявить обвинение.

Для полиции его приход был неожиданным и даже лишним. Но его, разумеется, посадили. Случайно или не случайно, но попал он в камеру, где сидел реб Довид.

Реб Довид тоже не узнал его. Лишь после того как Цаля объяснил, кто он такой, Довид признал его и пожал ему руку. Он был рад, что в судный день ему не придется быть одному.

До прихода Цали реб Довид проводил время в молитве и учении. Только здесь, в тюрьме, он понял, сколько страниц Талмуда знает наизусть. Оставалось время и для раздумий. Реб Довиду мало раздумывать о своем назначении как человека и еврея. Его давнишним сокровенным желанием было страдать и жертвовать собой во имя бога и его учения. Попад в тюрьму, он был уверен, что желание его услышано. С каждым днем он все более уверовал в свое предназначение совершить подвиг и готовился к нему, не чувствуя ни страха, ни колебаний.

К тому же реб Довид считал, что весь мир погряз в грехах, что наступили времена мессии, и он стремился полностью, даже в мыслях своих, отрешиться от греховного мира, от всего,

что происходит вне стен его камеры. Даже о навете он избегал думать. Приход Цали напомнил ему о жизни. Верно, мир погряз в грехах, но убежать, спрятаться от него невозможно. Наступает судный день, в небесах будет решаться судьба всего живого, надо молиться, исповедоваться в грехах, вымаливать у верховного судьи добрый приговор.

Накануне, перед тем как принять покаянные удары, они исповедались друг перед другом.

— Реб Довид, — начал первым Цаля, — я грешен. Я должен рассказать все. Это стоит комом в моем горле — ни проглотить, ни выплюнуть. Я грешен, но не из-за своих прегрешений. Нас было два брата-близнеца. Не знаю, на сколько минут, но я старше. Когда старший приходит на свет божий один, ему всегда рады как первенцу. Но когда он появляется вместе с младшим, ему уже нет предпочтения. На первом месте оказывается младшенький. А тут еще младшенький первые годы был слабее здоровьем, чем я, и росточком поменьше. С ним нянчились, принимали всегда его сторону, во всем потакали ему. Он вырос красивый, балованный, гуляка. К семнадцати годам его начали сватать. Он правился всем невестам, ни одна из них не понравилась ему. Никто не понимал, в чем тут загвоздка. Пока не выяснилось, что он потихоньку встречается с красоткой, которая до него гуляла с другим. Но она имела большую власть над ним. Для нашей благочестивой, пользовавшейся доброй славой семьи это было большим ударом, крушением. Хорошая слава сменилась дурной. Отцу стыдно было появляться в синагоге. Но дальше пошло еще хуже. Красотка родила мальчика. Брат божился и клялся, что это не его ребенок. А красотка с ее смазливym личиком и масляным голоском клялась, что ребенка она прижила с ним. Как наша семья выглядела тогда в глазах людей, можно себе представить. Когда отец проходил по улице, мальчишки кричали ему вслед: «Мамзер!»

Младшенький — Шмулик звали его, — не долго думая, вскрыл отцовскую кассу, вынул изрядную сумму и исчез, чем окончательно добил отца и мать. Они ходили как тени.

Через год после того, как отняла ребенка от груди, красотка пришла к нам в дом и заявила:

«Я сделала все, что было в моих силах. Теперь вы возьмите ребенка и растите его».

Мои родители не хотели его брать в дом. Порешили, что молодая мать отдаст кому-нибудь свое дитя на воспитание, а наша семья будет платить, сколько нужно.

Несколько лет спустя от Шмулика пришло письмо. Единственная весточка от него за все время. Он сообщил, что серьезно болен, жить ему осталось мало, а потому он торопится признать ребенка своим.

Это было последним ударом для отца с матерью. Не выдержав его, оба в течение года отдали богу душу.

Реб Довид, молча слушавший Цалю, тяжело вздохнул. Но Цаля не собирался прерывать свой рассказ и, ответив вздохом, продолжал:

— И тут начинаются мои прегрешения, хотя я и не грешил. С тех пор как открылась связь брата с красоткой, родители непрестанно попрекали меня: «Ты виноват». Я, старший сын, был обязан заботиться о младшем, наставлять его, следить за тем, каким путем он идет. Оказалось, я был во всем виноват!

Вначале я возражал. В чем я грешен? В чем моя вина? Но для них не существовало никаких оправданий. И я понял, что им так легче — считать, что кто-то виноват в том, что приключилось с их любимым сыном, который и теперь, после всего случившегося, не утратил в их глазах своего обаяния. Я смирился, хотел облегчить их страдания, а они чем дальше, тем больше верили — я виноват.

Перед смертью отец сказал мне: «Искупи свои грехи, в грехах твоего брата и ты виновен. Плати также за воспитание ребенка». Я обещал. Но случилось так, что красотка через несколько месяцев уехала. Поговаривали, что она выходит замуж за своего первого любовника. Уехав, она оставила меня в неведении и о месте, где находится ребенок, и о людях, которым надо платить за его содержание. Тогда я решил оставить свой город. Я переехал сюда. Пришел к старому раввину реб Авигдору, будь благословенна его память, за советом. Я слушался его во всем. Я исполнил просьбу реб Авигдора читать по нем кадиш и подчинился повелению вернуться после его кончины к своей прежней жизни.

Реб Довиду показалось, что на этом исповедь окончилась. Он задумался, собираясь с мыслями перед тем, как заговорить, но Цаля продолжал:

— Нет, на этом история моих прегрешений не кончается. Приехав в родной город, я узнал, что к тому времени вернулась домой и женщина, с которой у брата была связь. Вернулась с мужем, с детьми, с большим состоянием. Не долго думая, я пришел к ней, хотел узнать, где находится сын моего брата и кому следует выплачивать деньги за его содержание. Она любезно приняла меня, без конца благодарила за заботу, но сама была озабочена еще больше, чем я. Ведь столько времени прошло... Кто знает, где теперь ее сын... Она немедленно дала мне адрес женщины, у которой был оставлен ребенок, и письмо к ней. Дала также часть долга, остальное я взял на себя. Таким образом, я снова приехал к вам в Городну, где живет та женщина. Я нашел ее. Она очень обрадовалась, прежде всего деньгам, но еще больше тому, что о ребенке вспомнила его родная мать, что нашелся дядя. Женщина эта не еврейка, но говорит по-еврейски. Она откровенно рассказала мне о своей жизни и о том, как жил при ней мой племянник, Довидл. Теперь он связался с Антоном Мерлесом и является одним из главных пособников выкреста.

«Спасите его, — просила меня женщина, — я ему не мать, но он мой ребенок, я его вырастила».

— Ну? — Реб Довид забыл, что Цаля перед ним исповедуется, его захватил сам рассказ. Хотелось знать, что было дальше.

— Благодарение богу! Заслуги старого раввина реб Авигдора, благословенна его память, были зачтены. Я ходил на его могилу. Сначала Довидл разговаривать со мной не пожелал. Он хочет вырвать себя с корнем из прежней среды. Когда я сказал ему, что его ждет мать, что она зовет его к себе, любит его, он посмотрел на меня с удивлением:

«Мать?»

Я рассказал ему, что женщина, вырастившая его, не его мать, а я говорю о родной матери.

Глаза его засияли от радости. Он был потрясен.

«Мама? Где моя мама?»

Теперь, благодарение богу, он уже у своей матери. Я же оказался здесь, в одной камере с вами.

15

После двух лет расследований и допросов, когда все стало совершенно ясно, в Гродно можно было часто слышать:

— Бог присылает снадобье еще прежде, чем наплет хворь.

Хворью были Антон Мерлес, Азадкевич и Войцех, которые вместе с полицией возвели навет.

Снадобьем — Довидл, осознавший свою ошибку и рассказавший все, как было; Анка, ушедшая от мужа и давшая показания о том, как Азадкевич, Войцех и Антон Мерлес подготовили навет.

Из Петербурга прибыл специальный чиновник для проверки гродненского дела. Через несколько месяцев после его возвращения в столицу оттуда пришло повеление арестованных освободить. Азадкевича заключить в тюрьму на один год, Антона Мерлеса за возведение ложного обвинения отдать в солдаты. Войцеху повезло, о нем забыли. И, очевидно, совсем скоро он снова будет стоять у двери своей лавки и кричать: «Шановне панове, слушайте, что говорит вам пан Войцех! Пан Войцех видит насквозь всех жуликов и мошенников...»

Заключенных освободили, но не все вернулись домой. Меламед реб Хаим Рубин умер в тюрьме от чахотки. Его жена Фрейда овдовела, сын Менахем осиротел.

На дровяном рынке с некоторого времени появился новый дровосек. Он тоже одет в льняные штаны и стоптанные сапоги. С пилой и топором в руках он ждет, пока его наймут наколоть повозку дров.

Тихопомешанная, которую зовут «Разумница», заметила его и пожаловалась:

— Дурость-то какая, свой хороший разум я поменяла на плохой, на глупый, совсем глупый, на дурашливый. Зачем? Почему поменяла?

А Ривке-Рохл, которая так искусно принимает новорожденных, увидев на рынке столяра Гешла, усталого и постаревшего, сказала ему как бы в утешение:

— Гешл, ничего не принимайте близко к сердцу... Вся жизнь на этом свете сплошная глупость, но через эту глупость необходимо пройти.

16

Через некоторое время в доме у Зелика и Либбе-Шевы было семейное торжество — бармицве, совершеннолетие Береле. Праздник справляли на широкую ногу. Главными гостями были Пинхос с Малкой и их дети.

Сореле вся в маму Малку. Смугленькая, с розовыми щечками и добрыми глазами. Береле уродился в папу Зелика — быстрый, подвижный, с всевидящими глазами. Когда дети встретились взглядами, они опустили глаза и покраснели. Оба почувствовали, что они должны быть и когда-нибудь будут вместе. И верно, года через четыре они поженились.

ЗВЕНО ТРЕТЬЕ

Я пляшу перед тобой,
А ты пляшешь предо мной.

Народная песня

1

До женитьбы пока далеко.

Встречая иногда Берла Федера, Сореле еще совсем девчонкой всякий раз удивлялась: отчего он всегда так серьезен? Даже когда он смеется, казалось ей, получается, будто кто-то его сдерживает и не дает полностью насладиться смехом. Сореле же хочется, чтобы все на свете доставляло ей наслаждение. Ей довольно что-либо захотеть, и оно непременно сбудется. Так привыкла она у мамы Малки, которая сама еще не прочь насладиться жизнью, вкусить от всех ее благ, блеснуть своей красотой.

Сореле любит Берла. Он запомнился ей со встречи у тюрьмы. С тех пор она про себя называет его: «Береле, Беренька, Берчикл...» Сореле смела в своих желаниях и умеет настоять на сво-

ем: она так хочет, ей так нравится. Как есть вся мама Малка воплотилась в своей дочери Соре.

У Берла Федера вышло иначе. Его отец Зелик родился с верой в действие и с жаждой деятельности, а к чему приложить свои силы, не знал, определенной цели не было. Позже пришло и разочарование. А еще позже — стремление изменить свою незначительную судьбу, но без понимания, как и что для этого надо сделать.

Папа Зелик может вспомнить много необычного. Он был партизаном у Дениса Давыдова, руководил городской полицией, без вины сидел в тюрьме. У Береле, собственно, и воспоминаний особых еще нет, а все, что он помнит, обыденно, к тому же и невесело: поклепы, кладбище, молитвы, плач. Он любит отца, мать, деда, бабушку. Ему дорог дом, в котором он растет. Вот только с богом у него нелады. Он никак не поймет: бог сначала посылает снадобье, а уж потом хворь. А не лучше и не проще ли совсем без болезней.

Береле учится у деда резьбе по дереву. Он усердно и помногу работает. Ему нравится искусство деда. И дед больше живет теперь работой внука, чем своей. Скажет кто доброе слово про Береле — и дедушка Гешл тает от удовольствия.

У Малки дома:

— Смотри, мама, какой сегодня чудесный весенний день. Идем к Неману. Пройдем по мосту. Выйдем к Форштадту...— просит Сореле.

— Хорошо, дочка, пойдем. Но почему по мосту? Почему к Форштадту? Пройдемся лучше к Коложам, к казацкой часовне, в лес.

— В Форштадте есть высокая гора, мама.

— На Коложах кругом горы.

— Но там у нас нет знакомых.

— А в Форштадте?

— Либе-Шева.

— Ну, разве что так... Идем. Я давно не видела Либе-Шеву.

Мать догадывается, почему Сореле хочет идти в гости к Либе-Шеве. Но Сореле не из стыдливых, она и не скрывает, что хочет видеть Береле Федера. По мосту они с матерью идут, держась за руки. Сореле глядит поверх перил на воду, рассматривает рыбаков, сидящих в лодках, а про себя шепчет: «Береле, Берчикл, Беренька...» И все, кто по дороге встречают мать и дочь, обращают внимание на поразительное сходство между ними. И удивляются их красоте.

— Гости дорогие, гости пришли! — встречает их радушным возгласом Либе-Шева.

В белом фартуке, завязанном вокруг бедер, она стоит у стола и раскатывает на доске тесто для лапши. В доме пахнет фар-

шированной рыбой, варящейся в большой кастрюле на треноге. Либе-Шева очень рада гостям, но не меньше радуется она и тому, что они пришли как раз сегодня, когда она варит рыбу, раскатывает тесто для лапши — ну прямо все как в богатом доме. Она ведь никому не обязана показывать, как скромны заработки ее мужа.

Либе-Шева и Малка ведут беседу, а Сореле смело входит в другую комнату, где работает Береле. Ей нравится его работа.

— Мама, мама, — кричит она, — посмотри, как хорошо, как красиво, правда, мама?

В другой раз, навестив вместе с матерью Либе-Шеву, Сореле увидела на столе рисунок, сделанный карандашом.

— Это же я! — воскликнула она и, захватив с собой рисунок, вбежала в комнату, где сидели Малка с Либе-Шевой. — Смотри, мама, это я? Правда?

— Правда, дитя мое.

— Золотые руки у Береле! — несколько раз повторила Сореле.

Потом она попросила:

— Подари мне это, Береле!

Он стыдливо кивнул: бери, мол.

Обе матери понимают, что дети равнодушны друг к другу. Это их радует, новое родственное чувство сближает их, и все же... Каждой из них здравый смысл подсказывает еще кое-что. Малке: «Дело ведь может кончиться свадьбой. А на что они будут жить? На выручку от человечков, которых он вырезает из дерева?» Либе-Шеве: «Сореле балованная, маленькая барыня, к труду не привычна...»

2

В тот маленький мирок, начинавшийся домом и кончавшийся старой деревянной синагогой, в котором жил Береле, неожиданно ворвался большой мир. В один из холодных и тихих зимних дней (еще до навета), когда Неман уже лежал закованный льдом, гонтовые крыши на домах были покрыты снегом, а дым из печей спокойно тянулся к небу, Зелик пришел домой с работы и принёс новость: в Петербурге офицеры восстали против нового царя.

Известие о выступлении военных вызвало в городе большое потрясение:

— Против царя!

— Разве можно?

— Разве возможно?

Береле вообще не мог постигнуть того, что произошло. Восстание против царя в юной голове вообще не укладывалось. Ведь бог священен! И царь священен! Но прошло некоторое время,

первое потрясение улеглось, и у юноши зародилась пока еще робкая мысль: да, восставать против царя действительно нельзя, но, очевидно, возможно.

Дед удивлялся: Береле вырезал солдата с копьем. До чего не похоже на резьбу деда, на тихие, спокойные кленовые и дубовые листья, на скромные ромашки и настурции!

Еще бóльшим потрясением было польское восстание 1830—1831 годов.

В Гродно оно сильно дало себя почувствовать, хотя ничего особо значительного в городе и не случилось. Произошли лишь небольшие волнения среди учащихся духовной гимназии, но дыхание Варшавы, горячее, обжигающее, все же доносилось и сюда.

В старой деревянной синагоге как-то в перерыве между предвечерней и вечерней молитвами Береле услышал о том, что к восстанию примкнуло много евреев и что сын Берека Иоселевича (тут вспомнили, что Берек Иоселевич был командиром еврейского добровольческого полка в повстанческой армии Костюшко) Юзя, вероятно, станет эскадронным командиром в Мазурском полку.

Само по себе восстание против царя Берла уже не так удивляло. Новым было другое: польское население борется против самодержавия. Евреи помогают полякам, сами участвуют в восстаниях. Еврей был полковником у Костюшко. Его звали Берек, то есть Берл. Тезка, значит. Его сын — командир эскадрона.

Берлу было о чем подумать. Рассказывали, что в большом молитвенном доме реб Довид сказал: поляки борются за святое дело, воюют за свободу своего отечества. Рассказывали также, что, как только Ошерл Блондер услышал эти слова, он тут же схватил свой мешочек с молитвенным облачением и исчез.

Однажды...

Отец должен скоро прийти с работы. Мать, как всегда, смотрит в окно, ждет его. Вот он идет, и она по его лицу видит, что пришел он с новостью. Она начинает накрывать на стол и мурлычет при этом песенку. Нет лучшего времени в доме, чем вечер, когда все сидят за столом и отец рассказывает новости. Мать внимательно слушает его. На ее лице написаны любовь и уважение. Сегодня, утолив первый голод, отец рассказывает новые подробности о польском восстании.

— Наверно, Либе-Шева, только таким путем и можно повернуть судьбу к лучшему, — заканчивает отец.

Берл хорошо запомнил эти слова. Много раз он слышал за столом рассказы отца о его поисках пути к лучшей судьбе. Сегодня ему кажется — он нашел такой путь.

В праздник ханука Пинхос Бас со своей женой Малкой и с детьми пришли к Зелику Федеру на оладьи. В раскрытую настежь дверь ворвался зимний холод, но никто не обратил на это внимания. В доме сразу стало шумно и весело. Пинхос и Малка пришли не с пустыми руками. Они принесли ханукальные подарки для детворы, и это вызвало бурную радость. Дети долго не могли успокоиться. Наконец все уселись вокруг стола, под ярко горящей лампой. На стол поставили оладьи для всех, а для взрослых еще и вино.

Пинхос рассказывал новости. И так как на душе у него было празднично и легко, он, как всегда в таких случаях, рассказывал весело и живо. Все внимательно слушали его.

— Польские дворяне из Городны едут в Варшаву в повстанческую армию.

Об этом, собственно, слыхали и раньше. Но то, что он потом сказал, действительно было новостью.

— Цаля Кадиш, наш бывший дровосек, наш бывший тайный праведник, тоже собирается в Варшаву. Вы послушайте только, что он громогласно заявил: «Если евреи помогут Польше обрести свободу и независимость, Польша поможет евреям стать свободными и равноправными».

Взрослые за столом переглядываются и улыбаются. Им нравятся слова Цали. Дети сидят тихо, но и они понимают, о чем идет речь.

— В большом молитвенном доме, — добавляет Пинхос, — реб Довид благословил Цалю и пожелал ему счастливого пути. А магид порицал его — мол, бунтует.

Восстание становится ближе, роднее. Особенно это чувствуется сейчас, за этим веселым столом, на котором стоит огромная миска, куда Либе-Шева то и дело подкладывает свежие, горячие оладьи.

— Выпьем за Цалю, — предлагает Пинхос. — Он ведь стал нашим, городненским. Все его знают, и он всех знает. Какой еще город может похвастать таким дровосеком?

Взрослые выпивают по рюмке.

— Если в Варшаву для того, чтобы вступить в армию, отправляется городской дровосек, он представляет город, — продолжает Пинхос. — Но должен вам сказать — Цаля первый, но не последний.

— Не последний? — удивляются за столом.

И Пинхос разъясняет:

— Фурман Арка, который везет на своих санях Цалю в Варшаву, тоже не прочь поступить так же и вдобавок отдать армии свою лошадь с санями.

Сореле смотрит на Берла, Берл — на Пинхоса и отца.

Цаля знает, что многие расценивают его поездку в Варшаву чуть ли не как геройский поступок. Он не может согласиться с этим.

В последние годы он привык прислушиваться не к тому, что другие о нем говорят, а к тому, что он сам о себе думает. Он же знает о себе, что свою жизнь он отдавал людям. Страдал за грехи брата, дважды ни за что ни про что сидел в тюрьме, остался без семьи, и если говорить правду, то и без цели в жизни. Коль так уж вышло, он хочет и в дальнейшем быть полезным людям. Своим вступлением в армию, по его разумению, он сделает доброе дело. Многие последуют его примеру. С такими мыслями идет он к фурману Арке окончательно договариваться о поездке.

У Арки в комнате на чердаке жарко натоплено. Его чада еле прикрыты одеждой. Пахнет распаренным телом и табачным дымом от Аркиной трубки.

Потолок низкий и неровный. В некоторых местах, ближе к стенам, он нависает над головой, приходится нагибаться. Вдоль стен большой чердачной комнаты стоят кровати, кушетки, топчаны. Здесь укладываются спать шесть человек: Арка и его жена, два сына и две дочери.

Сыновья здоровенные, кряжистые парни. Оба кузнецы, работают вместе в маленькой кузнице.

Дочери, полногрудые, по-мужски крепкие девушки с черными живыми глазами и ярко-красными щеками, похожи на спелые арбузы, которые вот-вот лопнут от зрелости. Они нередко помогают отцу запрягать лошадей, а когда надо, у братьев в кузнице поднимают тяжелую кувалду и ударяют ею по раскаленному железу, да так, что только искры летят. Зато они едва знают еврейскую грамоту. Законы и обычаи, которые должна знать каждая еврейская женщина, они переняли у матери, как привычные основы быта, не придавая им божественного значения.

Сыновья пока женихи без невест, а дочери — невесты без женихов.

Цаля пришел к фурману вечером, когда вся семья сидела за столом. Девушки сразу вскочили со своих мест и ушли в угол, отгороженный занавеской, переодеваться.

Сыновья поднялись медленно, не спеша отошли к стене, где под простыней висели куртки, и стали натягивать их. Арка остался на месте в чем был, без пиджака, в жилетке поверх нижней рубашки. Цирл, жена Арки, увидев гостя, воскликнула: «Ой, беда!» — и побежала к девушкам за занавеску одеваться. На ней ничего не было, кроме рубашки и нижней юбки.

В молодости жена Арки Цирл была точно такая же, как ее дочери. И поныне ее глаза смотрят молодо, она стала лишь чуть шире и тяжелее. Но, как сама призналась своей подруге, тоже жене извозчика, еще знает, что надобно мужчине.

Цалю пригласили к столу. Он отказывался.

— Реб Цаля,— сказала Цирл,— перед дорогой надо приступить, чтобы призвать удачу, дали бох.

— Ну, Циреле, жена моя,— сказал Арка,— покажи нашему гостю, на что ты способна.— И добавил, обращаясь к Цале: — Она у меня большая хозяйка.

На столе появились мясо, рыба и бутылка водки.

— Реб Цаля, послушайте, что вам скажет бывалый балагула. Если хотите хорошей дороги, чтобы все шло, кали ласка, кедебое¹, надо выпить по маленькой. Дали бох, лехаим, будем здоровы!

Цаля послушался.

Вместе с Аркой и его сыновьями он выпивал и закусывал, пробуя все кушанья, выставленные на столе. Жена Арки, сыновья и дочери разглядывали Цалю со всех сторон. Такой человек для них был внове, он выходил за рамки их круга, они ему не ровня. Сыновья не показывали своего любопытства, но по дочерям было видно, что им очень хочется знать, кто он, что он за человек.

Когда они узнали, что Цаля Кадиш пришел договариваться с отцом о поездке в Варшаву, потому что собирается вступить в польскую армию, гость сильно вырос в их глазах. Правда, не потому, что они что-либо знали о восстании и имели какое-то мнение о нем, а потому, что им были по душе смелые люди, решительные, здоровые, сильные. К тому же Цаля Кадиш — человек с умом, со знаниями — умел рассказывать о вещах, о которых им никогда раньше не приходилось слышать. И это еще больше располагало девушек к нему.

Арка подливает вина. Они выпивают. Цаля начинает чувствовать себя свободнее. Он рассматривает сидящих за столом. Особенно упорно смотрит на сестер с их живыми, веселыми глазами и цветущими щеками. Он спрашивает:

— Послушайте, девушки, вы не близнята?

— Нет,— отвечают те в один голос.

— Кто же из вас старше?

— А вы угадайте, реб Цаля,— смеются девушки.

— Мне кажется, что вы двойняшки. Не иначе...

— Нет, не двойняшки,— хохочут они так, что груди колыхнутся. Они уже освоились с реб Цалей. Они вообще мало кого стесняются.

— Не двойняшки?

— Ну, реб Цаля, угадайте, кто из нас старше?

— Право, не знаю.

Сестры быстро переглядываются, а потом...

— Ну, а как, по-вашему, мы красивые? — Хохот гремит вовсю.

¹ Шло, кали ласка, кедебое — здесь: шло с божьей помощью, как следует (смесь белорусского и еврейского).

Этот вопрос дает почувствовать Цале, что он слишком далеко зашел в совсем недетском разговоре с девицами, переступил границу дозволенного. Получилось неприлично. И как это его угораздило?

— Так когда же мы поедem в Варшаву, реб Аре?

Девушки тоже понимают, что хватили через край. Хотя что тут такого особенного, думают они, пошутили, повеселились... Какой в этом грех? Они тепло прощаются с Цалей, желают ему счастливого пути. Весь вечер после его ухода у них приподнятое настроение, они смеются без причины. Такой человек, как Цаля, нравится им.

О том, что и сам Арка собирается вступить в польскую армию, никто в его семье не знает. Арка словом не обмолвился о своем намерении. Намекни он только — и Цирл, жена его, устроит ему такую головомойку, что он запомнит на всю жизнь. Она попросту ляжет на пороге и заголосит:

«Только через мой труп! Ты хочешь оставить меня вдовой с четырьмя детьми! К тому же с невестами на выданье. Разбойник! Злодей!»

Она будет кричать и рыдать до тех пор, пока не сбегутся все соседи. А дочки тоже не останутся безгласными. И ему придется сдаться, другого выхода не будет.

Молчит Арка. Зато в Варшаве он станет сам над собой хозяином. Он закуривает свою маленькую трубку, попыхивает и сплевывает. При этом он о чем-то сосредоточенно думает. Ну конечно же о Варшаве.

4

Зимний вечер обрастает морозом. Это видно по украшенным узорами оконным стеклам, по прохожим, торопливо шагающим по скрипучему снегу. Цаля никуда не торопится. Он медленно прохаживается. На нем енотовая шуба, высокая зимняя шапка. Ему жарко. Не только от шубы, но и от выпитой у фурмана Арки водки, от обильных закусок, которыми его угощали. А между тем мысль работает четко и ясно. Посидев какое-то время за одним столом с сыновьями и дочерьми Арки, он отчетливо увидел, до чего он, в сущности, одинок. Наверно, именно из-за своего одиночества ему было так хорошо за столом, в кругу семьи, хоть он и видел этих людей первый раз в жизни. Эти простые добрые люди напомнили ему время, когда он был Цалейдровосеком, со скамьей вместо кровати, табуретом вместо стола, с топором и пилой в углу.

Теперь, когда он медленно гуляет по опустевшим улицам, беседуя сам с собой, он понимает так ясно, как никогда, что вся его жизнь была отдана другим, для себя же он ничего не сделал. И сам собой возникает вопрос, не пришла ли пора подумать

и о себе. Он ведь и следа не оставит на земле. Сегодня вспоминаются слова старого раввина, реб Авигдора: нельзя упускать время, это не в еврейских обычаях.

Реб Довид тоже говорил ему в тюрьме: жить бобылем — беда. Это мешает служить господу, даже в делах мешает.

До сегодняшнего дня Цаля не ощущал своего одиночества. Он был вполне свободен, и ничто не мешало ему ни в благочестивых, ни в торговых делах. Сегодня он увидел дружную семью, почувствовал вкус семейной жизни и вместе с тем почувствовал, что... он мужчина. Все, от чего он был прежде отрешен, внезапно обрушилось на него. Дочери Арки как живые встают перед его глазами. Они смеются. Груды их колышутся. Глаза сверкают...

— Тьфу! — сплевывает он. — Никогда не бывало такого. Наваждение, не иначе...

Он отгоняет от себя соблазнительное видение, не желает видеть смеющиеся лица, слышать запах девичьего тела... Он прибавляет шагу, идет все быстрее, спешит домой. Дома все забудется. Он корит себя: какие непристойные мысли! Грешно!

Цаля приходит домой. Но боже праведный, что творится? Две девицы, о которых ему ничего не известно, он даже не знает, близнецы ли они, не знает, кто из них старше, — эти две девицы зажгли его кровь и властвуют над ним.

Он полон возмущения. Такого не было и не будет. Он вытряхнет их из своего сознания, как вытряхивают крошки из кармана. Сделав над собой усилие, он начинает готовиться в путь.

5

Три почтовых тракта ведут из Гродно в три разные стороны: через Вильно в Петербург, через Слоним в Москву, через Белосток в Варшаву. От Гродно до Белостока тянутся первые восемьдесят верст.

Провожать Цалю, пожелать ему счастливого пути пришло не много людей: его знакомые по тюрьме — реб Довид, Пинхос и Зелик, огородник Пиня и Раковицкие. Арку провожали жена и дети.

Воскресенье. Тихий день со слабым морозцем. Цаля и Арка садятся в сани, наполненные сеном и покрытые теплой полостью. Отдохнувшая лошадка прядет ушами, дожидаясь, когда хозяин возьмет в руки вожжи и тихо, ласково скажет: «Но, милая, пошла...»

Тогда она подастся вперед и пустится в путь.

Дорога Арке хорошо знакома. Он знает все постоянные дворы, где нужно остановиться и можно отдохнуть. Легкие сани быстро несутся по гладкой санной дороге, выезжают из города. Мир становится шире, небо выше. Кое-где виднеются одинокие

деревья с заснеженными ветвями. Цаля и Арка еще и словом не перемолвились. Они все еще со знакомыми и родными. Они въезжают в лес. Мир сужается, становится маленьким. Мысли принимают новый оборот, хочется думать о себе. Первым нарушает молчание Арка. Последние дни его душу гнетет какая-то тяжесть. Он ищет облегчения.

— Ну и потеха с моими дочерьми, настоящая комедия, скажу я вам...

В первую минуту его самого удивляет: зачем он это говорит? Что собирается рассказать?

— Видите ли, реб Цаля, вы затеяли рискованное дело. Но вы поставили на карту только самого себя. А у меня дело хуже. Я ставлю на карту всю свою семью. Циреле может остаться вдовой с четырьмя детьми в придачу. И притом, не забудьте, с двумя девками на выданье. Смутно на душе у меня, реб Цаля. Мороз по коже пробирает, и подумать страшно... Вам легче, реб Цаля, ваша забота о себе одном, дали бох...

Цаля сидит, завернувшись в свою шубу, с нахлобученной на голову шапкой, и молчит. Слышит Арку, но не смотрит на него.

— Настоящая потеха с моими дочерьми... Им бы замуж выскочить, а они все назло делают. Ни дать ни взять — две поровистые кобылы. Спят вместе, едят вместе, вместе ржут и повсюду парой ходят. Парень хочет сказать ласковое словечко одной, а выходит, падо говорить обеим. Видели бы их врозь, узнавали бы каждую в отдельности, а их всегда видят в паре, никто и не разберет, какая из них Фейгл, а какая Злата. Парни приходят, жалуются: «Реб Арка, что нам делать? Разве что обеих разом в жены взять...» Ох, выйди они замуж, я бы вольным человеком стал, что захотел бы, то и делал. Циреле как-нибудь простила бы, сыновья тоже.

С обеих сторон дороги, видит Цаля, лес стоит стеной, погрузившись в свои лесные думы. Весной он цвел, летом рос, осенью увядал. Теперь же лес стоит задумчивый, как бы желая понять и осмыслить ход собственной жизни. За снегом, за темнью, наступающей с обеих сторон густо обросшей дороги, не видно отдельных деревьев. Как все создания природы, думает Цаля, лес осмысливает свою жизнь не в пору цветения и роста, а когда наступает зима, когда все лучшее осталось позади, ушло.

А о чем думает каждое дерево в отдельности? — хочет постичь Цаля.

Такие мысли возникают у Цали, когда он сидит в санях, завернувшись в свою шубу, нахлобучив на уши шапку и прикрыв ноги теплой полостью. Они возникают потому, что, собственно, не о лесе, а о себе он думает: цвел, рос, а подойдет зима и засыплет его снегом. Но это его не страшит. Что суждено, то сужде-

но. Но зачем зря мучить себя, зачем копаться в самом себе? Он хочет уйти от этих мыслей, забыть о них.

— Так, так... Значит, вы говорите, Аре, потеха с вашими дочерьми?

— Потеха, видит бог.

Перед мысленным взором Цали снова возникают обе сестры. Но теперь они не волнуют его. Ни их веселые глаза, ни их тугие и колышущиеся груди, ни их громкий смех не вызывают у него никаких мужских чувств. Он может думать о них спокойно, и потому он без всякой задней мысли может сказать Арке:

— Красивые у вас дочери.

— В том-то и беда, что красивые. Поэтому они и думают, что принцессами, не иначе, растут у фурмана Арки. Привередничают... Достаешь им солнышко с неба. Вы, реб Цаля, слышали о каком-то Пушкине?

— Слышал.

— Что за птица такая? Верно, хлюст изрядный. Говорят, бумагу марают — пишет. А чего пишет, не знаю. Стихи, говорят, называется. Мои глупые телки помирают по нем, по его стихам. Откуда только пристало к ним? Хоть убей, не пойму... Никому бы не рассказал, срам! Но вам, реб Цаля, я доверяю, вы никому не расскажете.

Дочки Арки читают Пушкина... Кто бы мог подумать!

— Они что, по-русски понимают? — хочет удостовериться Цаля.

— Понимают. Читать умеют! Даже адрес напишут. Сами и научились.

— Они и в самом деле близнецы, реб Аре?

— Конечно, близнецы! Всего в год разница.

— А какая же из них старше?

— Про это спросите у Циреле. Меня лучше про коней спрашивайте.

Этим кончается разговор о дочерях Арки, которые больше не волнуют Цаля, а отцу доставляют столько забот.

Приходит вечер. Опускается ночь. Из-за деревьев виден светлый отблеск, поднимающийся над лесом. Вскоре показывается яркий лунный серп, сияющий весело и молодо. Круторогий месяц торжественно плывет по чистому небу. Теперь становится видным каждое отдельное дерево. Что ни ель, то зачарованный теремок. Лес застыл в тишине.

Хорошо. Легко. Цаля и Арка молчат, улыбаются. Наконец Арка не выдерживает.

— Знаете, реб Цаля, — говорит он, — люблю две вещи на свете — резвую лошадку в санях и молодую луну на небе.

Вскоре они въехали в местечко Соколки и остановились у большого деревянного заезжего дома. Внутри, в просторном помещении, было светло и тепло, даже слишком тепло. За громадным длинным столом посреди зала и за всеми вытянувшимися вдоль стен столами поменьше было полно народу. Слышалась главным образом польская речь. Арку встречал сам хозяин. Он тотчас приволок откуда-то столик для вновь прибывших и начал уставлять его едой и питьем.

— Куда ты, дружище, погоняешь своего конягу? — спросил Арку подошедший к столику знакомый фурман.

— В Варшаву.

Услыхав про Варшаву, все вокруг оглянулись.

— В Варшаву? Какие у тебя там дела? — допытывался тот же знакомый фурман.

— Реб Цаля едет вступать в армию. И я с ним...

Сидевшие за большим столом молодые поляки встали, наполнили вином стаканы и торжественно провозгласили тост за здоровье пана Цали и пана Арки, едущих в Варшаву вступать в польскую армию.

— Сконд, панове? Откуда вы? — спросили потом за столом.

Узнав, что добровольцы приехали из Гродно, все зашумели. Помещение наполнилось криками и смехом. Молодые поляки вышли из-за стола и бросились обнимать и целовать их.

— Родаки! Земляки!

— Музыку! Где музыка? — требовали со всех сторон.

И хозяин послал за музыкантами.

Покуда пришли музыканты, Цалю и Арку усадили за большой стол, и пошли расспросы: кто они, чем занимаются, кто на какой улице живет... Слово за слово — и выяснилось, что один из молодых поляков — все они тоже ехали в армию — брат Ядзи, а другой — Ядзин муж. А двое других, Цаля и Арка, сидели в тюрьме из-за Ядзи. И тогда на мгновение за столом стало тихо. Пораженные редким совпадением, два поляка и два еврея сначала с удивлением уставились друг на друга, потом на их лицах появилась довольная улыбка, а через минуту они дружно и от души рассмеялись.

Пришли еврейские музыканты. Первым вошел скрипач, молодой человек с маленькой бородкой, потом два пожилых еврея с расчесанными бородами — один с флейтой, другой с тарелками. Они уселись на своем постоянном месте — в углу.

Подняв смычок, скрипач посмотрел в сторону большого стола, где сидели гости, и спросил взглядом: что играть? Арка крепко выпил, он был сильно разгорячен и как будто совсем забыл, что у него есть жена Цирл и две дочери на выданье — Фейга и Злата, бракующие женихов и требующие, чтоб он достал для них солнышко с неба. Он снова стал молодым Аркой, любившим

затянуть песню и пройтись в танце с польскими паненками в деревне. Повернувшись к музыкантам, он крикнул им по-еврейски:

— Эй, музыканты, краковяк! Я, фурман Арка, выхожу танцевать!

Скрипач подал смычком знак музыкантам, и грянула музыка. Помещение мгновенно наполнилось порывистыми звуками краковяка, Арка вышел на середину. За ним вышли почти все сидевшие за столом мужчины и женщины. От стремительного темпа, от резких и сильных движений танцующих стало казаться, что и пол под часто топчущими ногами задвигался и танцует вместе со всеми. Лица у танцующих покраснели, вспотели, глаза заблестели. Где-то за столом из нескольких бутылок разом выскочили пробки и ударили в потолок.

И так... пока танцующие не упали в изнеможении на свои места, перевести дух.

Передохнули и музыканты. Им поднесли по рюмке. Они выпили, благословив, по еврейскому обычаю, вино. Потом они снова заиграли тихую, задумчивую, скорее даже скорбную мелодию.

Танцевать вышел Цаля. Плавнo двигаясь под звуки рыдающей скрипки, он творил теперь свой собственный танец. После безудержной веселости и удали краковяка — танца для многих — Цалей овладело желание погрузиться в тишину, в душевный покой. Именно после беззаботного веселья, заставившего забыть обо всем на свете, он почувствовал тягость своего одиночества, гнетущего его с юных лет, безысходность своей тоски, сопровождающей его всю жизнь. Жизнь, отданную другим. Он искал в этом танце самого себя. Где он и кто он?

Все были полны сострадания к нему.

7

На другое утро выехали все вместе. Дорога была веселой. В Белостоке снова остановились в заезжем доме. И так они ехали, останавливаясь в заезжих домах и на постоянных дворах, пока не прибыли в Варшаву.

В пути Цаля и Арка близко сошлись с мужем Ядзи и ее братом. Сдружились крепко, даже представить себе не могли, что в армии их могут разлучить. И не их была вина, что как раз теперь вышло по пословице: человек предполагает, а бог располагает. Оказалось, что евреев в армию не берут. Цаля и Арка не могли этого понять. Но в первый же день по приезде им точно передали слова военного министра Моравского: «Мы не допустим, чтобы еврейская кровь смешалась с благородной кровью поляков».

Слова Моравского как ножом резанули по сердцу Цали. Они его до того оскорбили, что он не находил себе места. Ко всему и ко всем придирался, ему хотелось ссориться, драться.

Арка не решался утешать его.

Два дня Цаля не выходил на улицу. Все осточертело, вызывало отвращение. Часами он слонялся из угла в угол. На третий день в сердцах бросил Арке:

— Плевать я хотел на Моравского, Арке, мы едем обратно домой!

Утром следующего дня Арка с удивлением увидел: Цаля немного подстриг свою бороду, что сделало его как-то моложе.

— Реб Цаля, вы выглядите как настоящий жених,— сказал Арка.

Позже Цаля принес из города узел с женской одеждой и украшениями.

— Реб Цаля, что происходит с вами, зачем вы покупаете женское барахло?

— Подарки невесте.

Арка не понимал его. Не свихнулся ли Цаля?

Дорога в Гродно была невеселой. Та же дорога, что была, да ведет обратно. Леса стояли такие же задумчивые и заснеженные, как прежде, и луна была та же, только полная и большая. Все будто так, как было, только Цаля и Арка возвращаются с разбитыми сердцами, с пустыми руками, обманутые... Мысль Цали работает безостановочно. И все вертится вокруг одного и того же: он ехал, чтобы помочь людям, хотел помочь Польше обрести независимость... А над ним насмеялись, его унизили, оскорбили. Он возвращается домой. К кому? Ни к кому. И снова та же мысль: он возвращается домой, а к кому? Те же слова, но сейчас он их глубже постигает. Прежде он не так представлял себе их значение. Глаза засияли, словно он самому себе подмигнул. Может, это даже и не мысль, а пока лишь чувство, притом затаенное...

Но Цаля тут же выдает себя. Он пощупывает подстриженную бородку, бросает взгляд на узел с подарками, и лишь теперь ему становится ясно: нет, не обида, не раздражение, как он хотел себе внушить, побудили его чем-то заняться, куда-то идти, бежать покупать подарки. Только бы не бездействовать... Нет, он едет домой, зная, зачем везет подарки.

Даже дорога, начинает казаться ему, повеселела.

— Реб Арке, что вы молчите?

— Вы молчите, и я молчу.

Цаля хотел бы еще кое-что сказать, спросить бы: «А с вашими дочерьми в самом деле потеха, реб Арке?» Но что-то мешает ему задать этот вопрос. Равнодушия больше нет. Он видит себя снова в жарко натопленной комнате с низким потолком. Рядом сидят сыновья Арки и его дочери. Дочери Арки, о которых он

почти ничего не знает, не знает даже, какая из них старше. Они говорят:

«Попробуйте, реб Цаля, угадайте, кто из нас старше...»

При этом они хохочут, а груди их ходят ходуном. Он это видит, чувствует, но сохраняет спокойствие, как любой человек, знающий, что не опоздает, не упустит время, то, что ему принадлежит, не уйдет от него.

Ему нравятся обе сестры. Какой же из них он везет подарки? И тут ему приходят на память слова парней, жалующихся Арке: «Разве что обеих разом замуж взять». Цаля громко смеется.

Арка глянул на него и подумал: «Вот потеха! Не иначе — умом тронулся... Не зря говорят: человека так же трудно понять, как купить коня за глаза».

...Вечером того же дня, когда они приехали в Гродно, Цаля Кадиш пришел со своими подарками к Арке. Он застал там фурмана, его жену Цирл и одну из их дочерей. То, что была только одна из сестер, обрадовало Цалю. Девушка была принаряжена, словно ждала желанного гостя. Цаля даже к столу не присел, выпалил прямо с порога:

— Дорогая Цирл, я к вам с просьбой.

— Пожалуйста...

— Сосватайте меня с вашей дочерью.

Цирл не поверила своим ушам. Она с недоумением взглянула на Цаля и сказала:

— Не соображу никак, что за просьба?

— Выдайте за меня вашу дочь, вот эту, что сидит рядом с вами.

— Правда? — совсем растерялась Цирл. Она посмотрела на дочь, та от радости даже зажмурилась. Глаза ее стали маленькими и узкими. Она и слова не смогла вымолвить. Но как только девушка пришла в себя, она быстро, как бы боясь опоздать, проговорила:

— Сватай, мама, сватай!

— В таком случае, — сказала Цирл, — и говорить-то не о чем. Мазл-тов, Аре. Поздравляю тебя, муж мой. Злателе, в добрый час, стала невестой!

Цаля преподнес своей невесте варшавские подарки.

8

Две новости всполошили город.

Первая: Цаля Кадиш вернулся из Варшавы. Евреев в армию не берут.

Вторая: от огорчения Цаля женится на младшей дочери фурмана Арки.

И не было в городе семьи, где бы эти новости не обсужда-

лись. Кто больше толковал о первой, кто о второй,— кому что по вкусу.

Ошерл Блондер обрадовался и той и другой новости. Коль скоро евреев не берут в армию, они не выступают против державы. До возвращения Цали Ошерл вынужден был скрываться от своих знакомых. Мало ли какую глупость кто из них может сотворить, а на него, Ошерла Блондера, падет подозрение. Пострадает и он, и его семья. Теперь же он успокоился. Можно продолжать любоваться собой, медленно и с удовольствием расчесывать свою красивую бороду, умильно улыбаться самому себе. Если же он тихонько и благопристойно вздыхает, то делает это затем, чтобы отогнать от себя дурной глаз, не вызывать зависти. Даже перед лицом господ бога лучше лишний раз вздохнуть.

По приезде Цали Кадиша из Варшавы Ошерл отважился после большого перерыва зайти в гости к своему соседу реб Довиду.

Поздоровавшись, он сказал:

— Хочу кое о чем спросить вас, реб Довид.

— Спрашивайте.

— Зачем такой дельный и умный человек, как Цаля, понесся в Варшаву? Хотел стать солдатом?! Может, генералом? Все равно не берут евреев...

— А вы, реб Ошерл, довольны, что не берут?

— Доволен. Это божий промысел. А вы, реб Довид, думаете не так?

— Я вот что думаю: ладно, не берут... Пусть их черти берут... Но почему не берут? В чем наш грех, чем мы провинились? Над ними меч висит, им хотят помочь, сражаться вместе с ними, а они...

— Других бы у нас забот не было, реб Довид. Они говорят...

— Говорить я сам умею: желаешь быть мне братом, рад тебе, хочешь быть надо мной паном — к черту!

Особое впечатление произвело возвращение Цали на семью Хазанских. То была зажиточная еврейская семья, чьи молодые отпрыски — сын и дочь — недавно вернулись из-за границы, где завершали свое образование. Родом из Кракова, Хазанские, особенно молодые, были тесно связаны с польской культурой. Сын Юлиан (по-еврейски Юдл) изучал польскую историю, дочь Элиза (Лея) сочиняла польские стихи. Привезенное Цалей известие вызвало у них не столько досаду, сколько замешательство и растерянность. Просвещенный Юлиан со свисающими острыми усами и его красивая сестра Элиза, обладательница больших черных глаз, к тому времени еще не совсем отгородились от своих соплеменников, но давно были оторваны и далеки от культуры своего народа. В кругу польских интеллигентов, где

брат и сестра вращались, он рассказывал о своих ученых трудах, она читала свои стихи. Горячие патриоты Польши, оба, брат и сестра, собирались вступить в армию восставших. И вдруг оказалось: им путь заказан, они не чета своим польским друзьям. Истинными детьми Польши могут быть только дети польского народа, его веры.

После нескольких дней горьких раздумий овладевшее ими вначале смятение сменилось недовольством собой, своей нерешительностью: это их вина, что они до сих пор не порвали сковывающих их пут отжившей свой век веры отцов. Для брата и сестры наступил решающий час. Предстояло сделать выбор, и они его сделали.

9

Сореле смотрела на Берла. Берл смотрел на Пинхоса и на своего отца.

Так было в тот вечер, когда Пинхос пересказывал за столом слова Цали: «Если евреи помогут Польше обрести свободу и независимость, Польша поможет евреям стать свободными и равноправными».

Сореле смотрела на Берла. Она видела, как жадно он ловит слова ее отца. Он весь обратился в слух. Щеки пылают, глаза горят, они не только смотрят, они видят то, что слышат уши. Даже больше того. В свои детские и отроческие годы он не видел просвета в жизни, никто ничего не обещал. Теперь пришла надежда — отец узнал, как изменить судьбу, Цаля предвещает помощь Польши. Берл готов сию минуту вместе с Цалей и Аркой идти сражаться за свободу Польши.

Сореле немного сердится, что Берл не смотрит в ее сторону, не замечает ее. За столом он выглядит таким же серьезным и сосредоточенным, как старшие, как ее или его отец. Да, ее это сердит, но до чего он красив теперь, ее Береле, Беренька, Берчикл. Даже когда он сидит и слушает, видно, какой он подвижный, быстрый... А вот он перестал смотреть на родителей. Его всевидящие, все понимающие с лету глаза смотрят вдаль, словно он увидел нечто такое, что поразило его, что манит, очаровывает...

— Береле,— не может удержаться Сореле,— что ты там видишь?

— Всадника. Война верхом на коне. Кажется, это Цаля.

— Береле, Берчикл, Беренька,— произносит Сореле вслух имена, которыми до сих пор называла его только про себя,— где ты видишь всадника? Это тебе померещилось.

— А ты, Сореле, не видишь? Всмотрись хорошенько...

Не сидели бы при этом старшие, она взяла бы его за руку и сказала... Она знает, что сказала бы. Что-то хорошее. Она го-

това внушить себе, что видит воина на коне. Ведь Береле видит...

На другой день Берл начал искать подходящий кусок дерева, из которого можно было бы вырезать всадника. Старый Гешл помогал ему в поисках. Он видел: зреет внук, растут в нем решительность и сила. Юноша действительно ощутил в своих руках, в пальцах силу и умение. Он рассказал деду о своем замысле, об отважном боине на мощном коне, о всаднике, едущем сражаться за независимость Польши и равноправие евреев. Берл начинает с коня, с его задних ног и длинного, густого хвоста.

По задним ногам видно, что передние конь подымет вверх, как бы собираясь прыгнуть прямо на врага. Задние ноги должны быть опорой и для коня, и для всадника. Мышцы напряжены, они так и налиты упругостью, словно вся кровь устремилась к ним. Таким ногам можно довериться. Они не подогнутся.

Каждый день дед навещает внука — посмотреть, как растет конь. В чем другом, а в этом деле дед знаток. Работа была в самом разгаре, когда Берл узнал о возвращении Цали.

И тогда... Руки юноши, те же руки, которые были полны энергии и силы, вдруг ослабели, одеревенели, потеряли охоту работать. Берл не находил себе места. Его обманули.

Так надеялся, так верил... А чем кончилось? И уже совсем по-взрослому он говорит себе:

«Не нужен ты оказался, Берл. Тебя не звали. Зачем полез? Бабушка Гинда в таких случаях говорит: «Не делай добра — не за что будет ругать тебя».

И тут еще, как назло, погода испортилась. Нет зимы, нет снега, но и не просыхает еще. Оттепель, вернулась осень. Сверху льет назойливый осенний дождь, внизу — месиво из грязи и затоптанного снега.

Невесело, невесело...

Берл затаился в углу, сидит, закрыв от тоски и усталости глаза, а в голове блуждает грустная мысль: из его коня и всадника ничего не получилось... лишь две задние ноги и хвост.

Мать выглядывает в окно. Жалеет отца. Ему придется в такое ненастье, усталому, плестись домой.

Вечером отец и в самом деле пришел усталый и промокший. Мать от него уже не отходила, заставила переменить одежду, надеть сухое белье. Поднесла стаканчик сладкой наливки из черешни — согреть его, выгнать холод и сырость из костей. За столом отец, как всегда, поделился новостью: Хазанские, брат и сестра, приняли католичество.

В городе довольно равнодушно отнеслись к этой новости. Интерес большей части еврейского населения города к Цалиным новостям скоро притупился. Многие говорили:

— Разве мы не знали, что этим кончится? Впервые, что ли?

Зелик же долго не мог успокоиться. Зелик, которому каза-

лось, что он уже нашел путь к лучшей судьбе, признался Либе-Шеве, что ошибся. Либе-Шеву огорчают такие речи. Может, она и не совсем вникла в суть его исканий, но для нее важно, чтобы он нашел то, что искал. Ей обидно, что ее муж, ее Зелик, ошибся.

— Не говори так, Зелик, прошу тебя.

Но уйти от правды он ведь не мог. Он не сомневался, что то, что хорошо для других народов, хорошо и для его народа. Евреи помогут Польше, Польша поможет евреям. А на деле... Как же изменить судьбу? Может быть, действительно прав Пинхос, говоря, что ничего изменить нельзя? Написано на роду — и все тут.

В тепле, за закрытыми ставнями, под ярко горящей лампой могло бы быть, как всегда, уютно. Все вместе сидят за столом, а это всегда приносит радость. Но сегодня в доме невесело. Заметно постаревший, но сохранивший ясность ума, столяр Гешл, чьи янтарного цвета глаза видят все, что происходит в доме, думал про себя, что за столом слишком уж заняты чужими делами и совсем мало своими. Он имел в виду своего зятя. Ему не приходило в голову, что, идя с работы, усталый и промокший, его зять, который всю жизнь бьется как рыба об лед, чтобы выбраться из нищеты, думал, как облегчить жизнь семьи. И если суждено... то не дай бог Берлу быть бедным женихом, а Сореле богатой невестой.

10

Были и такие дома, где имели претензии к Цале.

В большом деревянном доме с гонтовой крышей, где в тесной комнатухе все еще ютился портной Ице-Меер со всеми своими многочисленными чадами мал мала меньше, с раздражением говорили:

— Он стал на нашем пути.

— Отбил охоту. Теперь придется начипать все сначала.

У Ице-Меера вокруг его рабочего стола сидело несколько приятелей, портных и сапожников, которые собирались с наступлением весны переселиться на Херсонщину и стать земледельцами.

Еще совсем недавно слово «Херсон» кочевало из одного дома бедного в другой, неся с собой и смятение, и надежду. В домах у бедняков, где взрослые и дети всегда ценили хлеб не только потому, что он утоляет голод, но и потому, что он добывается тяжелым трудом, на буханку хлеба стали смотреть не как на вещь, которую запросто покупают у пекарей, а как на бесценное сокровище. Она приобрела иной запах и иной вкус.

В то время столяр Гешл, придя как-то из старой деревянной синагоги, поделился с домашними услышанной там новостью:

— Гродненские евреи переселяются в Херсон.

— Куда? — удивилась Либе-Шева.

— В Херсон. Говорят, евреям там дают землю.

— Что-то трудно поверить. Евреи... Земля...

— А я верю, Либе-Шева, — вступил в разговор Зелик. — Сапожников у нас хоть отбавляй, друг у друга на голове сидят. Портных не меньше. А работы мало. Заработков нет. Почему же не ехать? Земля! Собственный кусок хлеба.

— Скажи, ради бога, Зелик, где этот Херсон? Наверно, у черта на куличках. Край земли. Кто поедет туда?

— Кто? Разве мало людей ищут работу и не находят ее? Зачем же прозябать в бедности и тесноте, не лучше ли переселиться на херсонские поля? Хлеба вдоволь... Собственный хлеб! Что ты говоришь, Либе-Шева?

Либе-Шева понимает, что Зелику понравилась мысль о переселении, и потому больше не возражает.

Зелик доволен. Не так уж много радостей в жизни. Хорошо хоть, что жена его понимает и соглашается с ним. Людьюми, которые способны оставить насиженное место и податься в неведомый край, можно только восхищаться. Новое место принесет и новое счастье.

Польское восстание, пробудившее надежды, на время приглушило толки о Херсоне. Надеялись: беды минуют. Вот и реб Цаля Кадиш говорит... Ему можно верить, зря он не скажет, даже сам собирается в армию, в Варшаву поехал.

Чем все это кончилось, хорошо известно.

...И сидят у Ице-Меера, вокруг портновского стола, несколько его друзей — портные и сапожники, которым предстоит с детьми и пожитками собираться в дальний путь.

Суббота. Время после третьей трапезы. В доме становится прохладно. Зимний день угасает. Сквозь маленькие оконца проникает все меньше света. В темных унылых углах притаились малыши. Шепотом рассказывают друг другу страшные истории. Взрослые молчат. Они выглядят окаменевшими, пока кто-нибудь из них не зашевелится, глубоко не вздохнет и не скажет с укором:

— Встал поперек пути. Теперь надо начинать все сызнова.

Женитьба Цали на младшей дочери фурмана Арки вызвала в городе более оживленные толки.

Молодым девушкам, готовившимся стать невестами, исто-

рия любви Цали и Златы была в диковину. По секрету рассказывали друг дружке:

— Понимаешь, Рейзеле, не иначе как судьба! Пришел к Арке-фурману толковаться о поездке в Варшаву и увидел обеих сестер — Фейгеле и Златкеле. Он и влюбился в них, а они в него. Но как быть, Рейзеле? Он ведь один, а их двое. Как бы ты поступила, Рейзеле?

— Не знаю. А что бы ты сделала, Шейнеле?

— И я не знаю.

— А что сделали девушки?

— Сперва им стыдно было признаться. А потом доверились друг дружке. Каждая хотела его для себя. Смелые люди всем правятся. Словом, они решили тянуть жребий. Кто вытянет узелок, та и выйдет замуж за Цалю.

— Ну?

— Вытянула Златка.

— Ой, как ей повезло! Даже завидно.

— Слушай дальше, Рейзеле. Он, Цаля, значит, поехал в Варшаву. Златка клянется, что она была уверена: долго он там не пробудет, скоро к ней примчится. Так и вышло. Фейгеле нарочно ушла из дому, а он пришел с подарками. Застал одну Златку. И она тут же стала его невестой. Судьба!

Так рассказывали. Но, видно, этого было мало молодым девушкам, любительницам слушать и рассказывать про любовь. Жадная девичья фантазия работала напряженно и придумывала все новые и новые события. Вот уж и другая рассказывает:

— Фейгеле пожалела: как же так? Не хочет она! Где это слыхано, чтобы тянули жребий, кому жених достанется! Она старшая, — значит, ей и невестой быть. Говорят, что, поссорившись, сестры даже в волосы друг другу вцепились. Никто не хотел уступать. Что же, по-твоему, придумала Фейгеле?

— Что, что? Расскажи...

— Слушай, Малкеле, что Фейгеле придумала. Обе они на одно лицо, даже различить трудно, кто из них Фейгл, а кто Злата. И что же Фейгл сделала?

— Ну-ну? Что она сделала?

— Она выкрала украшения невесты, надела их...

— До чего хитро! А дальше?

— Когда Цаля пришел, невестой уже была она.

— Ой, помираю... А как же Златка?

— Теперь Цаля совсем растерялся — не разберет, кто из сестер его невеста.

— Ой-ой-ой...

На самом же деле невестой Цали стала Злата. Но и Фейгл нашла жениха. Скоро сыграют обе свадьбы: В. добрый час!

Свадьбу Цали и Златки справляли в большом доме Пинхоса Баса. Больше всех этому была рада Сореле. На то была своя причина.

Причина...

В один из солнечных зимних дней Сореле с матерью вышли из дому — хотели навестить Либе-Шеву. Морозный воздух в тот день был пропитан солнцем. Дышалось легко. Ноги сами шли. Обе, мать и дочь, были довольны и миром вокруг себя, и собой. Не постесняйся они, бросались бы снежками. Ступив на мост через Неман, Сореле не сдержалась, набрала горсть снега, слепила снежок и запустила в мать.

— Ты ведь взрослая девушка, Сореле, а в голове у тебя детские забавы. Не пристало тебе...

— Почему, мама?

— Потому, что ты, не сглазить бы, вот-вот невеста.

— Но без жениха...

Они переглянулись и поняли друг друга.

— Мама, он всегда о чем-то думает, опустит глаза и молчит. Редко-редко слово бросит.

— Это зависит от девушки.

— Когда он попадет ко мне в руки, мама, я знаю, что буду делать с ним и как себя вести.

Между тем мать и дочь пришли к Либе-Шеве. Матери, как водится, расцеловались, у них нашлось о чем поговорить. Сореле зашла к Берлу в комнату, где, по-прежнему незавершенный, стоял «Всадник».

Берл переживал тяжелые дни. Нанесенная его душе рана не заживала. Он чувствовал себя обманутым. Вдобавок он стал присматриваться к тому, что делается вокруг него, и сердце его переполнялось горечью. Дома живут бедно. Дедушка Гешл, который был до сих пор главным добытчиком, постарел, ослабел. Отец добывал хлеб для семьи тяжелым трудом, едва сводя концы с концами. Мать делала вид, что всем довольна, но Берл хорошо видел: она не хочет огорчать отца. Отец же со своей стороны щадил ее, все сглаживал, притворялся веселым, будто все обстоит как нельзя лучше. Впуть же его точили обида и боль. Он глубоко страдал. Берл понимал отца, был полон сострадания к нему. Отец достоин лучшей участи. И у Берла появлялась мысль: не пришла ли пора помогать отцу? Не художественной резьбе, как хотят того отец и дедушка, ему надо учиться, а ремеслу столяра. Отец, конечно, станет возражать, Берл — его надежда. Отец, да и дедушка тоже просят его закончить «Всадника», а руки не могут работать. Нет ни желания, ни охоты. Не хватает чего-то такого, что увлекло бы, зажгло, воспламенило! Вот и стоит он у своего незавершенного творения... Он недоволен собой.

— Добрый день, Береле,— приветствует его Сореле.

Он молча глянул на нее и не ответил.

— Почему ты молчишь, Береле?

— Я не молчу.

— Вот теперь ты заговорил. Что с конем?

— Все как было.

— Почему?

— Нет охоты.

— Ой, Береле, Берчикл, Беренька! Почему ты вечно такой угрюмый? Будто всегда у тебя что-то болит. Смотришь в сторону, не улыбнешься...

Берл не отвечает. Но она видит, что лицо его просветлело, будто боль оставила его. Ее красивые, добрые глаза не отрываются от него. А он не смотрит на нее, стесняется. Но видеть ее хочет. Ему хорошо, когда она рядом с ним. И Сореле, которая уже знает, что «это зависит от девушки», довольна, что Берл с каждой минутой меняется к лучшему. Она, кажется, сама не замечает, как берет его за руку. Ее пальцы горят, и рука Береле тоже оживает, теплеет. И губы ее произносят про себя, так, чтобы никто, даже Береле, не услышал: «Береле, Берчикл, Беренька...» Она произносит его имя с сердечностью, добротой, любовью. Берл это чувствует, он весь загорается от вспыхнувшего в нем желания и, схватив ее в объятия, целует.

Она растерялась от неожиданности. Удивленно смотрела на него. Но глаза ее светились и смеялись, она была довольна собой. Молчала. Сама не понимала, что с ней происходит. И вдруг Берл увидел, как по ее лицу, которое только что сияло и улыбалось, пробежала тень. Надвинулась туча. Глаза стали узкими и сердитыми, злыми...

— Фу, ты плохой мальчик! Не люблю тебя!

Быстро повернувшись, выбежала в другую комнату, где сидели матери, и крикнула так, что все в доме услышали:

— Берл плохой мальчик! Он поцеловал меня! Идем домой, мама!

Они ушли.

13

Берл был убит. Ему было стыдно. Стыдно перед матерью, перед бабушкой, перед окружавшими его стенами. Хорошо еще, что мать ни о чем не рассказала отцу.

Сореле он возненавидел и никогда не простит ее, имени ее слышать не хочет. Иногда он просыпался ночью и видел, как она бежит жаловаться на него матери. Он кипел от ярости.

А Сореле в тот же день охватило раскаяние. Она понять не могла, что случилось тогда с ней, почему вдруг сошла с ума, побежала жаловаться? Она ведь почувствовала, с каким удо-

вольствием воспламенилась щека, которую он поцеловал, ощутила свое девичье естество, теплота его губ пронзила ее. Она ведь сама желала этого... Так почему же так случилось? Уж не потому ли, что она сразу хотела показать, что она главенствует и без ее воли ничего не может произойти?

«Почему я такая злая?» — спрашивала она себя с досадой. Она сожалела о случившемся, хотела примирения. Несколько дней кряду приставала она к матери, и Малка вынуждена была пойти к Либе-Шеве и сказать, что Сореле не права. Так не поступают. Неприлично.

Не помогло. Если Сореле придет, сказал Берл, он прогонит ее. Но приход Малки имел и хорошие последствия. Берл стал работать над «Всадником». Злость и обида на Сореле сменились рвением к работе. В дом Пинхоса Баса дошли слухи, что работа подвигается и получается неплохая вещь. Сореле сгорала от желания видеть Береле и его работу. Потому она и была довольна, что свадьба Цали и Златки состоится в их доме. Ведь Зелик, Либе-Шева и Берл непременно придут на свадьбу. Она его увидит, помирится с ним. Она виновата...

Со стороны жениха на свадьбу были приглашены все, кто сидел с ним в тюрьме. Их было немного. Гораздо больше гостей было со стороны невесты. Сореле, разодетая, стояла в углу против двери и издали наблюдала за гостями. Не идет ли Берл?..

Первой пришла сестра невесты Фейгеле со своим женихом. Сестер различали по женихам. Если жених Цаля, то невеста Злата. Если же жених высокий, красивый мяспик Пейсахка, кулаком сбивающий с ног быка, — невеста Фейгеле.

Пейсахка привык, чтобы ему оказывали внимание, и потому чувствует себя везде свободно. Немного стесняет его лишь новый костюм, с которым он не совсем свыкся. Сестры расцеловались и пожелали друг другу счастья. А Пейсахка сказал Цале:

— Ты малость поспешил со свадьбой, парень. Фейгеле-то постарше будет. Вот и расскажешь мне завтра, как первая ночь прошла.

Потом прямо с мороза ввалились оба брата невесты. В овечьих шапках на густых чупринах, в полушубках. Оба на веселе. «Мазл-тов!» — прокричали они так, что эхо отозвалось на десятой улице.

Дверь беспрестанно отворялась, впуская новых гостей. Пришли братья Арки с женами, сестры Цирл с мужьями. Мужчины жилистые, крепкие, с огрубевшими от ветра и солнца, красными лицами, с жесткими, заскорузлыми сильными пальцами. Пришли не в сапогах, как привыкли, а в штиблетах, — оттого, наверно, ступают так, будто пет у них должной опоры. Не идут, а плывут. Женщины по большей части грузные, дебелие, с двойными подбородками и высокими грудями, с сильными руками. Мужья хорошо зарабатывают, у жен водится

рубашко в кармане, и в печь они ставят полные чугуны мяса и громадные кастрюли рыбы.

Раковицкие пришли вместе с Анкой. Она поздравила молодых, ввернув при этом столько еврейских и древнееврейских пожеланий, что все так и растаяли от удовольствия. То тут, то там появляется среди гостей Ривке-Рохл. Она поспевает всюду. Бросит доброе слово, пошутит. А главное — она знает, как развеселить и заставить покраснеть жениха и невесту.

— Мазл-тов, дети! Не забывайте, всего неполный год остался — приду на брис. У меня на мальчиков легкая рука.

Жениха с невестой бросает в краску, они радостно смеются.

Ривке-Рохл пришла на свадьбу не одна. Привела Менахема. Она его водит за собой на все празднества. Бедный сирота, думает она, пускай немного развлечется. Пусть люди видят, что подрастает хороший мальчик. Подрастет, и она подыщет ему хорошую невесту. Ривке-Рохл любит творить благодеяния. На том свете все зачтется.

А Менахем? Уступая своей матери Фрейде, он позволяет Ривке-Рохл водить себя на празднества, но удовольствия от этого не испытывает. Какое уж тут удовольствие, когда Ривке-Рохл выходит на середину комнаты, берет его за руку и начинает причитать:

— Сиротка! Отец-то его за нас за всех пострадал!

Все тогда жалеют Менахема. А у Ривке-Рохл свой расчет: пусть отцы и матери будущих невест видят, что за жених растет. А Менахем огорчается. Благодеяние Ривке-Рохл оборачивается для него злом. Ведь он уже не малое дитя. Мысли у него как у взрослого.

Менахем понимает гораздо больше, чем полагает его мать. Он знает, что навет, который когда-то был бедой для всех, стал теперь бедой только для него одного. Все уже позабыли о навете, только он и мать помнят.

Ривке-Рохл обращается с ним, как с ребенком. Ей не приходит в голову, что он уже способен судить и о ней самой, и о ее поведении, которое ему не по сердцу.

Для Сореле эти гости были внове. Ей редко приходилось видеть таких людей. Она стояла в углу против двери, ожидала... Вот и... Либе-Шева вошла. За ней Зелик. Кто еще идет? Никого больше. Дверь захлопнулась. Ну, а Берл? Разве не придет? Она не отводила глаз от двери. Снова кто-то входит. Реб Довид. Сореле вздохнула: не пришел...

Она подбежала к матери:

— Мама, он не пришел.

— Кто?

— Как тебе не совестно, мама, не знаешь кто?

— Да уж знаю. Не пришел? Какой упрямец! Опасно иметь дело с таким мальчиком.

— Ну, зачем ты так говоришь, мама? Ты ведь знаешь, что во всем виновата я.

— А может, он заболел, Сореле? Вот я спрошу его мать.

Малка отыскивает Либе-Шеву и допытывается, почему Берл не пришел.

— Что-то он не в своей тарелке, чувствует себя плохо.

Матери понимают друг друга: отговорка.

Издали смотрит на них горящими глазами Сореле. Мать вскоре говорит ей:

— Видишь, дитя мое, оказывается, он нездоров, простудился. А мы-то думали...

Сореле сомневается. Отговорка? Или на самом деле нездоров? И так, и этак нехорошо.

В самый разгар свадьбы никто и не заметил, как Сореле, тепло одевшись, незаметно выскользнула из дому. Холодной зимней ночью по заснеженным тихим улицам спешила она к мосту, к Форштадту. Бежала к своему Береле, Береньке, Берчиклу.

Зато позже все на свадьбе увидели, как дверь с шумом распахнулась и в дом вошли Сореле с Берлом.

14

Берл закончил «Всадника», когда восстание в Варшаве было подавлено.

Дедушка Гешл, чье слово имело решающее значение, на чей вкус и суд можно было вполне положиться, рассматривал со всех сторон работу Берла и никак не мог прийти к твердому заключению, что удалось Берлу лучше — конь или всадник. Допустить, что удались оба, сказал старик, было бы уж слишком похвально. Конь ему понравился и своей устойчивостью, и своей устремленностью. Вскинутые передние ноги готовы были прыгнуть вперед, преодолевая все препятствия на пути. Но и всадник хорош. Он свободно держит уздечку в уверенности, что конь не упустит нужного мгновения, он всецело доверяет ему. Всадник со свисающими густыми усами напряженно смотрит вперед.

Дед не хотел говорить, что ему одинаково нравятся и всадник и конь. Не хотел из-за Берла. Еще, пожалуй, возмнит о себе. Это может принести ему больше вреда, чем пользы. Но всем знакомым и незнакомым очень хвалил работу Берла. Люди приходили и изумлялись. Понравилась она и семье Бас. И, видимо, от них или от их знакомых узнали о ней и Хазанские, брат и сестра.

Хазанские, решив перейти в польскую веру, не представляли себе, как велико иногда бывает расстояние между «вышли» и «пришли». Пока они «пришли», стали детьми польского на-

рода и его веры, время было упущено, восстание подавлено. Брат и сестра оказались в ложном положении. Их целью было наравне со всеми польскими патриотами сражаться за Польшу. Но к сражению они опоздали. И они почувствовали себя отверженными.

К тому же... После провала восстания, гибели, расстрела и ссылки бесчисленного множества поляков наступила пора отчаяния, недовольства, взаимных обвинений. Польские интеллигенты, с которыми Хазанские были связаны, замкнулись в себе. Опасаясь навлечь на себя подозрение, они отгородились от Хазанских. К ним — никто, и они — ни к кому. Брат и сестра оказались в полном одиночестве. Одни посреди дороги. Ни назад податься, ни вперед двинуться. Осталось одно утешение: ему — штудировать историю Польши, ей — сочинять польские стихи.

Когда Юлиан и Элиза узнали, что какой-то юный художник создал деревянную скульптуру, посвященную польскому восстанию, их это не только заинтересовало, но и обрадовало. Вместе с Пинхосом они пришли в дом Зелика посмотреть «Всадника». Он им очень понравился. Они не могли нахвалиться им. Скульптура принесла им нечто такое, чего им не хватало, чего они не достигли, — свершение подвига.

Они купили «Всадника». Заплатили хорошо (по своему усмотрению). В сравнении с заработком Зелика и Гешла это была круглая сумма. Брат и сестра, отдалившиеся теперь и от поляков, и от евреев, проявили интерес к Берлу и его родителям. О том, что Юлиан и Элиза крестились, знали не многие. А те, кто знали, отнеслись к этому безразлично. Гродненские евреи привыкли к тому, что выкрест нападает на евреев, попосит их, обвиняет во всех смертных грехах. А Юлиан и Элиза хотели только одного — быть польскими патриотами. Против евреев они, в сущности, ничего не имели. Их не прозвали ненавистным «выкресты», говорили более терпимо: «крещеные».

Хазанские убеждали Либе-Шеву и Зелика, что Берла необходимо отправить в большой город учиться скульптуре, живописи, получить образование. Они готовы оказать помощь.

Сам же Берл в эти дни ходил как во сне, добром и радостном. На него внезапно обрушилось счастье.

15

В один из светлых, зачарованных вечеров, когда конец зимы встречается с началом весны, а задумчивая луна тихо выглядывает из-за белой облачной занавески, молодые Хазанские вышли погулять, а заодно посмотреть ледоход на Немане. Оттуда было рукой подать до Зелика Федера. Они и зашли

туда. Была пятница. Войдя в дом Зелика, гости ощутили сегодня необычный уют и покой. Семья собиралась сесть за стол. Все празднично одетые, какие-то новые, иные, со светлыми лицами.

— Прошу вас, дорогие гости,— встретила их радушно Либешева,— садитесь с нами. Уже наступила суббота.

Они не заставили себя упрашивать. С удовольствием ели, пили, слушали застольные песни и даже сами немного подпевали. Ни они, ни хозяйева не чувствовали себя стесненно.

Прощаясь с ними, Берл попросил:

— Приходите к нам почаще.

— Хорошо, Берл, придем.

И в следующую пятницу они действительно пришли. Молодые Хазанские и сами не заметили, как семья Зелика Федера постепенно входила в их жизнь. То была первая простая еврейская семья, с которой им довелось близко познакомиться. О евреях они имели приблизительное и превратное представление, почти все, мол, торговцы. А тут вдруг... Столяр Гешл, с его добрыми янтарными глазами, с длинными натруженными руками и костлявыми пальцами. Этот столяр к тому же еще и резчик по дереву — художник...

Хазанские мыслят другими категориями, чем прихожане старинной деревянной синагоги (столярничеством зарабатывают хлеб насущный, резьбой — место в раю), они выражаются более изысканно: этот человек — идеалист, у него красивая душа, он влюблен в искусство.

Брат и сестра просят показать им резьбу и роспись древней синагоги. Берл и дедушка обещают. Несколько дней спустя, в час, когда синагога пустовала, дед и внук привели их туда. Юлиан и Элиза были поражены, не верили своим глазам. Какая тонкая и великолепная работа!

— Сокровищница искусства...— больше ничего они не могли сказать.

Лишь на обратном пути спросили:

— Кто это создал?

— Кто? Наши деды и прадеды.

И пока они не вернулись домой, брат и сестра хранили молчание. Словом не обмолвились, не желая нарушить впечатление.

Пасху они встречали у Зелика Федера. Во время первой трапезы меньше всего говорили о чудесах пророка Моисея.

В этот вечер гости узнали, что Зелик, который теперь служит «человеком» у хозяев, был когда-то партизаном, сидел в тюрьме. Этот простой человек, в сущности, герой, подумали они.

Потом беседа коснулась навета, связанного с исчезновением Ядзи. Хазанские кое-что слыхали об этом деле, но подроб-

ностей не знали. Либе-Шева рассказала им, как все было. Забыв, что ее гости «крещеные» (не «выкресты»), она с особой обстоятельностью рассказывала об Антоне Мерлесе, будь прокляты его имя и память о нем. Не было, пожалуй, ничего удивительного в том, что Либе-Шева забыла о новом вероисповедании своих гостей. Гораздо более удивительно, что они сами забыли об этом и очень зло отзывались об этом нечестивце Антоне Мерлесе.

Под конец условились, что после пасхи Элиза начнет давать Берлу уроки.

16

В те дни, когда Хазанские купили «Всадника», Берл жил как в чудесном и радостном сне. Но на другой день после того, как «Всадник» был увезен, он почувствовал себя таким одиноким, будто ему пришлось расстаться с самим собой. Он скучал по своей работе, по своему творению. Тоска и недовольство томили его. Не все близкие понимали Берла. И меньше всех — Сореле. Ей казалось, что на его месте она бы смеялась, танцевала, прыгала от радости и все бы ей завидовали. Почему же Берл ходит такой скучный? Чем он так недоволен?

Берл никак не мог приступить к работе над новой вещью. Он еще не нашел того, что искал. Но в обществе молодых Хазанских он чувствовал себя хорошо. Встречаясь с ними, он всякий раз узнавал что-то такое, чего не знал раньше, о чем не приходилось слышать в родительском доме. Беседы с ними расширяли его мир. Гродно не единственный город на земле, Неман не единственная река, Россия не единственная страна в мире. Кроме евреев, в мире живет множество народов. Хазанские пробудили в нем желание учиться, получить образование.

Элиза учит его, он ходит к ней на уроки.

Берл задумал новую вещь — «Евреи-переселенцы».

Когда бы Сореле ни приходила, он либо был занят, либо его вовсе не было. Он у Хазанских. Сореле обижалась. Первое время, когда все превозносили его, она была счастлива: ее жених — настоящий художник. И еще одно обстоятельство радовало ее. То ли она сама догадалась, о чем мать думает, то ли слыхала, как мать сказала отцу: «Ну, поженятся они, а на что жить будут? Его человечки их прокормят?» Вскоре возражения матери отпали. Берле начал зарабатывать. Она еще не понимала, что праздник не каждый день бывает.

Теперь все пошло по-другому. Берл вечно занят. Она ред-

ко видит его: бегают к Хазанским. Они словно околдовали его. А ведь она, Сореле, условилась с ним, что они — жених и невеста.

Нет, она не допустит, чтобы чужие люди были у него на первом месте, а она, его невеста, — на последнем. Она не раз говорила об этом с матерью, жаловалась на Берла, пока однажды у нее не вырвалось с досады:

— Мама, они ведь мешумеды, нечестивцы, они и его окрестят! — И, испугавшись собственных слов, она заплакала и начала кричать: — Они окрестят его!

17

Покуда Хазанские ходили в «крещеных», все было еще более или менее терпимо. С иноверцами встречались, вели дела, водили знакомство. Но коль скоро они были прозваны «мешумедами», «нечестивцами», обстоятельства изменились. И у Федеров, и у Басов на них стали смотреть другими глазами, даже недоумевали: как это получилось? Что это за дружба? И что это Берл зачастил к ним? Соседи уже языки чешут. И того хуже... Магид вмешался.

Но то, что было всем ясно и понятно, как раз Берлу было и неясно, и непонятно. Они такие же люди, как все! И как это он, Берл, окрестится? Он ведь не сошел с ума!

Дедушка Гешл хранил молчание. Сердцем он был на стороне Берла. Он, старый столяр, душа которого принадлежала искусству резьбы, хорошо знал по собственному опыту, что означает для Берла образование, изучение живописи и резьбы у больших мастеров. Дед молчал, потому что и расстаться с привычными взглядами ему было не под силу.

Но Хазанские ведь так не похожи на других. Тут какое-то недоразумение. По его понятиям, они такие же евреи, как и все.

Столяр Гешл, слывающий и по ту и по эту сторону реки человеком слишком добрым, слишком кротким, обладающий красивой душой, переживал за Юлиана и Элизу. Ведь они спросят: что изменилось? Почему Берл не приходит на уроки? Почему на них косо смотрят, не приглашают к столу, когда они заходят в дом? Почему не здороваются с ними? Чем отличается сегодняшний день от вчерашнего?

Что им ответить? Чем заслужили они оскорбления? Столяр Гешл не может примириться с этим. Ему больно за них.

Но ведь он не более чем дед. Папаши и мамы — и в доме Зелика, и в доме Пинхоса — сделали свой вывод: пожепить Берла и Сореле.

А у брата и сестры Хазанских мысли и чувства приняли совсем другое направление. В особенности после того, как они познакомились с Цалей Кадишем и его женой Златой.

О Цале Кадише и его жизненном пути Юлиану и Элизе рассказал Пинхос. Особенно их поразила история о том, как Цаля, чтобы искупить грехи брата, стал дровосеком. Она казалась им удивительной. Тем более что приключилась с тем же Цалей Кадишем, который ездил в Варшаву вступать в польскую армию.

Цаля и Злата приняли их очень радушно. Злата накрыла стол, и в теплый летний вечер, при открытых окнах, Хазанские засиделись у них допоздна, с интересом слушая рассказы хозяев. Все услышанное, начиная с истории Цалиного брата и кончая свадьбой Цали и Златы, казалось им занимательным романом, изобилующим картинками еврейского быта, верой и суевериями. Брат и сестра были в восхищении. Здесь же, в доме Цали, Юлиан сказал сестре:

— Евреев, собственно, мы знали лишь издалека. Вблизи все выглядит совсем иначе. По-другому и симпатичнее.

— О, да! — отозвалась Элиза.

Возвращаясь от Цали, оба впервые подумали о том, что ведь и они, в сущности, евреи. Конечно... только принявшие другую веру!

А через несколько дней Берл не явился на урок. Не пришел и на другой день. Элиза недоумевала: почему? Не случилось ли что? Вечером брат и сестра пошли к Берлу узнавать, в чем дело.

Семья Берла стала им близкой, сам Берл — родным, беспокойство их нарастало с каждым шагом. Дорогой они гадали, что же случилось, не заболел ли Берл или кто-нибудь из его родных, и если это так, то позвали ли врача? Они пришли, как всегда, в тот час, когда вся семья, во главе с родителями, сидела за столом. Самый веселый и оживленный час в доме. Но как только дверь приотворилась и сидевшие за столом увидели, кто пришел, веселья как не бывало. От неожиданности и пеловкости все замолчали и опустили глаза в тарелки.

На приветствие вошедших едва ответили. Либе-Шева, показав рукой на стулья, пригласила их сесть.

В первую минуту Юлиан и Элиза не поняли, что им не рады. Они ведь тут были как родные. Но отчего все молчат? Отчего перестали есть? Почему отвели взгляд?

— У вас что-то случилось?

— Нет.

— Вы чем-то взволнованы?

— Нет.

— Почему Берл не пришел?

— Нет...— ответила Либе-Шева так же, как и на предыдущие вопросы, но, спохватившись, что последнее «нет» звучит уж совсем невпопад, добавила:— Он не может.

— Он болен?

— Нездоровится.

— Что с тобой, Берл?

Берл молчит.

— Почему молчишь? Тебя кто-нибудь обидел?

Берл молчит.

— Берл...

Берл вскакивает из-за стола и убегает.

— Объясните, что тут произошло. Мы не понимаем...

Снова молчание. Снова все отвели взгляд. В конце концов Либе-Шева вынуждена заговорить:

— Не осуждайте нас и простите. Вот мы, мы евреи... А вы... Нас осуждают... А магид...

— Вот как? Вам запрещено?

— Вот-вот... Запрещено.

Брат и сестра переглядываются, встают.

— Извините...— От неожиданности и растерянности они больше ни слова не могут вымолвить.— Извините...— И, опустив головы как на похоронах, они направляются к двери.

Столяр Гешл не вытерпел. Как можно так обижать людей? Хороших людей! На протяжении всей этой сцены он сидел как на иголках, не в силах видеть того, что происходит за столом. Как могла Либе-Шева дойти до этого? Что с ней стало? Он вскочил с места и преградил Хазанским дорогу.

— Разрешите! — крикнул он.— Что тут происходит? В моем доме обижают хороших людей? Нет, нет! Прошу вас... Это недоразумение. Садитесь! Прошу вас!

Брат и сестра вернулись к столу, но не сели. Либе-Шева, которая, щадя своих близких, решила взять на себя тяжесть разрыва с Хазанскими, теперь хотела броситься на шею отцу и расцеловать его. Не опереди ее отец, она и сама бы не выдержала и упала к ногам брата и сестры, прося у них прощения.

— Простите меня, дорогие, садитесь...— в ее голосе звучала доброта и сердечность. Умные янтарные глаза улыбались. Ямочки на щеках упрашивали: «Садитесь»! — Зелик, скажи ты, видишь, я совсем запуталась...

За столом начали успокаиваться. Зелик позвал сына. Тот пришел с опущенными, заплаканными глазами.

— Мы женим Берла,— сказал Зелик,— приглашаем вас на свадьбу. Будете желанными гостями.

И хотя с виду все кончилось хорошо и гладко, брат и сестра ушли из дома Зелика с тяжелым чувством. Чужие они повсюду...

«Нет,— подумали они,— на свадьбу мы не придем».

Богатая, великолепная свадьба была у Берла и Сореле. Ее справляли у невесты, в доме Пинхоса. Комнаты были полны нарядных гостей. Играл оркестр. Обе матери танцевали.

— Ты пляшешь предо мной...

— А я пляшу перед тобой!..

Мазл-тов! Мазл-тов! Жениха и невесту ведут под венец!

ЗВЕНО ЧЕТВЕРТОЕ

Хоть и бедна я,
Но все же родная,
Потому незваная
Сама пришла.
Нет меня бедней,
Нет меня бедней.
Но не надо стыдиться
Кровинушки своей.

Народная песня

1

Столяр Гешл умирает. Он в полном сознании. Особой боли не чувствует. Просто срок его жизни пришел к концу. Лежа в постели, Гешл видит в окно, как садится заходящее солнце и, садясь, тонет в широком разливе розовых и алых красок. Лишь кое-где небо белеет легкими, сквозными облачками. Гешлу жаль, что гаснет такое прекрасное небо. За свою долгую жизнь ему редко приходилось наблюдать закат дня. Все времени не было. Лишь теперь, на склоне дней, довелось увидеть во всей красе светлую печаль заката. И она тем более поразила его сегодня, именно сегодня, когда ему, столяру Гешлу, резчику Гешлу, пришла пора проститься с миром. Все положенные годы прожиты, но как не хочется, о, как не хочется уходить из мира обманутым и униженным!

Ему, Гешлу, подумать бы теперь, что ответит он на том свете, когда его спросят: «Кто ты есть, человеке?» А он, Гешл, думает совсем о другом. О том, как всю свою жизнь, с тех далеких лет, когда он еще босиком бегал в хедер, верил в справедливость провидения, был доволен путем, которым вел его бог. Ему казалось, что быть довольным лучше, чем быть недовольным.

На смертном одре, отрешенный от повседневности, на рубеже, где все предстает в ином свете, Гешл понимает: недовольным уходит он из жизни, и первым делом — собственной доб-

ротой. Всегда и во всем он уступал другим, никогда никому не завидовал. И правы были люди, когда подсмеивались над ним. Во всяком случае, Ошерл Блондер оказался во всем прав. Оба они, и он, и Ошерл Блондер, знали, что богачи не золотом питаются, а бедняки не камнями грызут. Но почему-то люди, говоря о золоте, имели в виду Ошерла, а говоря о камнях — его, Гешла. Ошерлу всегда было мало, он же, Гешл, довольствовался тем, что имел. Досадно не оттого, что не было золота, а были лишь камни, но оттого, что жил в заблуждении. Он полагался на справедливость и божью милость. Ошерл же — на самого себя... Оказывается, так гораздо лучше.

Столяр Гешл и не думал упрекать бога. Упаси господь! Он всегда был скромным и тихим человеком, таким остался и теперь. И если сейчас выказывает недовольство, то меньше всего помышляет о себе. Досадно, что он подал плохой пример детям. Они тоже всем довольны и полагаются на божью милость.

Закат гаснет. В комнату приходит вечер, неся с собой много печали и полностью лишая света. Вокруг постели Гешла сгущается темнота, и чем гуще она становится, тем лучше Гешл видит то, что ему хочется видеть. А хочется ему видеть своего внука Берла. И он видит его ребенком, потом подростком, умело вырезающим красивые вещи из дерева. Берл был его радостью и надеждой.

Мог ли он когда-либо представить себе Берла чужим, а не своим внуком? А ведь он стал чужим. Чей внук он теперь? Берл стал мужем Сореле, зятем Малки. Он уже отец, Берл. Резьбу он бросил. И Сореле, и Малка настойчиво убеждали его, что вырезыванием человечков из дерева семью не прокормишь. И убедили. Теперь Берл помогает своему тестю Пинхосу Басу в его делах.

Гешл не обижался на Пинхоса и Малку. И никогда не завидовал им. Он знал, что у них в доме едят белый хлеб всю неделю (он же ел его только по субботам). У них каждую субботу подают на стол курицу (он же пробовал кусочек только раз в году — перед постом в судный день). Они живут в большом доме, красиво одеваются. Все это ему нипочем, пускай, пускай... Он ведь никогда не искал ни легкого хлеба, ни легкой жизни. Но они отняли у него Берла, его внука, любимого внука. И этого он простить им не в силах. Он обижен, глубоко обижен.

Гешл лежит не двигаясь, темнота укрывает его. Только теперь он увидел и понял, что весь смысл его жизни сокрушен, потерян, исчез. Ушло из его семьи искусство резьбы, безвозвратно ушло... Листья клена и цветы ромашки остались в одиночестве на западной стене старой деревянной синагоги в Форштадте.

Тяжелые мысли утомляют Гешла. Его клонит ко сну. Но

сон не приходит. Он впадает в забытие. И перед его закрытыми глазами, как наяву, возникают, картина за картиной, давние события. Умирает отец, умирает мать. Он видит себя на похоронах. День или два после этого ему казалось, что мир гибнет. А потом не успел осмотреться, и жизнь снова втянула в свой круговорот.

А вот он видит своего дедушку. Старенький, слабенький, стоит он посреди комнаты, опершись на палку, и со слезами в голосе читает древний псалом:

Не бросай меня в пору старости,
Когда истощатся силы мои, не оставь меня...

Слова и печальный папев заполняют весь дом плачущей мольбой. Рушится мир, и лишь слезами и молитвой можно спасти его. Гешл был тогда совсем ребенком, он и не понимал толком, что означает само слово «старость». Его поражала только грусть в голосе дедушки. Теперь же он сам дедушка, и его оставляют последние силы. Осталось всего несколько дней, а может, и того меньше, лишь несколько считанных часов.

Он засыпает. И ему снится, что он уже на том свете, и ангел спрашивает его: «Как зовут тебя, человеке?» Но вместо того, чтобы назвать свое имя, он кричит: «Берл! Берл!»

Когда Гешл проснулся, он удивился тому, что все еще лежит в своей постели. Ведь он уже был в могиле. Гешл лежит обессиленный. От слабости не ощущает своего тела. Будто оно потеряло всю свою сущность. Мыслей нет. Клонит ко сну.

И в последнем сне приходит конец его последнему часу.

2

Назавтра состоялись похороны. Был погожий осенний день. Деревья на кладбище уже пожелтели, но солнце все еще сильно пригревало.

Кроме родных проводить Гешла в лучший мир пришли его друзья — простые ремесленники, мастеровые люди. Пришел и Ошерл Блондер. Он был уже стар и болен. От прежней представительной внешности мало что осталось. Он просил прощения у Гешла и при этом плакал.

Еще в тот же день Берл зашел в древнюю фюрштадтскую синагогу — поглядеть на дедушкины листья и цветы, вырезанные на западной стене. Он их давно не видел. Сердце защемило у него от боли и жалости. Он вспомнил собственную резьбу, и его охватила тоска по добрым годам юношества. Долго оставаться в синагоге Берл не мог. Его ожидала Сореле. И Малка ждала его. Он должен был торопиться.

В последние годы Пинхос Бас очень разбогател. Он любил повторять, что это Берл принес ему счастье. Малка не выносила таких разговоров. Боялась, как бы Берл не зазнался, как бы не зазналась и Сореле и не стала претендовать на какое-то влияние в доме.

Малка становилась все круглее и тяжелее. Все чаще приходилось ей менять становившиеся узкими платья. Но чувствовала она себя еще молодой и здоровой. В доме была полновластной хозяйкой, никто ей не указчик, никто не смеет вмешиваться в ее дела. И все же ей иногда казалось, что и в доме, и тем более у соседей и знакомых ей не оказывают достаточного внимания и должного почета. От этого она страдала. Страдала также оттого, что внушила себе, будто Берл заботится больше о своих родителях, чем о собственной семье.

Дружба между семьями Бас и Федер все больше остывала. Особенно отдалялись друг от друга Малка и Либе-Шева. Не будь они сватьями, это бы не так бросалось в глаза. Но как-никак они были родней, и обе ощущали неловкость. Малка продолжала считать Либе-Шеву неровней себе, а та терпеть не могла, когда на нее смотрели свысока.

Перестали встречаться и Пинхос с Зеликом. Берл редко приходил в гости к родителям. А тут еще случилось, что дочь Зелика Федера вышла замуж за портного, молодого хорошего мастера. В отчужденности, возникшей между семьями, это стало последней каплей, переполнившей чашу. На свадьбу своей сестры Берл пошел один, даже без Сореле. В семье Бас это было истолковано как удар кулаком по столу. У Федеров это было воспринято совсем по-другому. Очень хорошо. Хоть на один вечер, но Берл весь принадлежит им. Не надо будет ходить на цыпочках, следить, довольна ли Малка, весело ли Сореле, не дуются ли они. Больше всех радовался дедушка Гешл (свадьба была еще при его жизни), не отходивший ни на шаг от внука.

У Федеров, в старом доме по ту сторону Немана, в Форштадте, стало пусто и неуютно. Столяр Гешл умер, Берл в другой семье. Дочь с мужем живут отдельно. Комнаты наполнились тоской. И Либе-Шеве, и Зелик стали чаще вздыхать, чаще молчать, с грустью глядя друг на друга.

Дочь с мужем по субботам приходили в гости. Берл не приходил.

3

Но однажды он пришел. Опять без Сореле, один, как на сестрину свадьбу. От радости ни отец, ни мать сперва даже не обратили внимания на то, что сегодня Берл был какой-то не такой, как всегда. Он был рассеян, чего-то искал по комна-

там. Потом лишь они догадались, что он ищет инструменты деда — долото и стамеску, — и удивились.

— Зачем они тебе? — спросила мать.

— Дедушкины листья и цветы...

— С ними что-нибудь случилось?

— Они начинают вянуть, мама, хочу подправить.

— Вот как...

— Ну, и хочу проверить, умею ли еще держать в руках стамеску и долото.

Мать смотрела на него с недоумением:

— Не пойму, сынок, зачем?

— Не удивляйся, мама, не удивляйся, даже если я приду к тебе переночевать...

Этого мать уже никак не могла понять.

...Прошло немало времени, пока Берл Федер стал себя чувствовать своим в большом и богатом доме Пинхоса Баса. Особенно чужим казался ему стеклянный шкаф с уставленными серебром полками. Когда ему приходилось проходить мимо тяжело загруженного шкафа, он старался ступать подальше от него, словно боялся повредить что-либо ненароком. Но ему очень хотелось рассмотреть вблизи красивые вещи, хранившиеся за стеклом. И однажды он попросил Сореле открыть дверцы шкафа и показать ему то, что стоит там внутри. Он был восхищен увиденным, не мог оторвать глаз от увешанных колокольчиками башенок для благовоний, изящных коробочек для цитронов, серебряных рюмок на высоких тонких ножках, ханукальных светильников, украшенных птицами, оленями, львами, золоченых пасхальных бокалов, подносов с вычеканенными на них рисунками.

— Сореле, — слышался голос Малки, — напрасно ты хвастаешь серебром. Это не твое приданое...

С тех пор Берл еще больше сторонился стеклянного шкафа. Он понял, что слова Малки скорее были обращены к нему, чем к Сореле. Не его это вещи! Да, он действительно ее зять, но никак не хозяин в доме. Ему здесь ничего не принадлежит. Сореле попыталась сгладить впечатление от слов Малки. Несколько дней она дулась на мать.

В Малку будто вселился бес, набиравший все больше силы и побуждавший ее на каждом шагу намекать Берлу, что его благодетельствовали, приняв в богатую семью. Берл был уже отцом нескольких детей, а Малка только теперь спохватилась, что брак Сореле с Берлом ошибка. Ни родословной, ни денег. Что же есть у него? Честность? Честность валяется в грязи. Он помогает Пинхосу в делах? Будто без него не обошлось бы...

Ее недовольство было вызвано досадой на самое себя. Какой великолепный брак предлагали Сореле. Не захотела. А она, мать, уступила капризу дочери. Малка не могла себе простить этой оплошности и оттого еще сильнее досадовала на Берла, ко-

торый, как она себе внушила, больше предан своим родителям, чем собственной семье.

Пинхос заметил, что творится с Малкой, и обронил несколько резких слов. Не помогло.

Берл теперь сторонился не только шкафа с серебром, но и своей тещи Малки.

С тех пор как сестра Берла вышла замуж за портного, Малка по любому поводу и без всякого повода поносила портняжничество и портных:

— Голова как у портного.

— Считает, как портной.

— Портняжья родословная...

Берлу это осточертело до смерти. Чем больше Малка бранилась, тем привлекательней становилась для него рабочая родословная его деда, тем милее были ему отец — «человек» у хозяев, добрая тихая мама, дом его родителей, где всегда царили дружба и согласие. В родном доме по ту сторону реки, в Форштадте, он был самим собой. Не надо было следить за каждым своим шагом, как ступить, как стать, как слово сказать, как поднести ложку ко рту — то, что приходилось ему делать в доме у своей тещи Малки. Он тосковал по дому своей юности, по тому времени, когда он был Берлом — внуком столяра Гешла.

4

Ему еще не хватало мужества для того, чтобы открыто воспротивиться Малке, но хватило духу на то, чтобы однажды утром, посреди недели, накинув пальто, уйти на весь день, до самого вечера, к родителям.

Сореле заволновалась. Ежеминутно бегала к двери поглядеть, не возвращается ли он. Пинхос не понимал, что произошло. Не иначе — несчастье случилось. Малка молчала. Но это было тяжелое молчание. Зато когда к вечеру Берл вернулся, она дала себе волю и набросилась на него с криком.

— Дорогая теща, не кричите. Я не слуга в вашем доме.

Его ответ ошеломил ее. Как он посмел? От неожиданности она потеряла дар речи, ни на кого не глядела. Пинхос все еще не понимал, что происходит. Сореле же была очень довольна. Ей понравилось, что Берл сумел постоять за себя.

Наконец Малка нашла:

— В моем доме слышать такие слова! Я не потерплю этого!

— В вашем доме? Пожалуй, вы правы, — не смолчал Берл. — Не лучше ли нам разойтись?

— Что? — вскрикнула Малка, точно ее ножом резанули. —

Разойтись? Кто с кем разойдется? Сореле моя дочь, внуки мои. А ты? Хочешь идти — скатертью дорога.

— Малка! — попытался остановить ее Пинхос.

— Знаю, что меня зовут Малка!

В дочке она была полностью уверена, Сореле примет ее сторону. Ей-то чем плохо у матери?

— Мама, не забудь, что Берл мой муж перед богом и людьми. Куда он пойдет, туда и я с детьми пойду.

Этого Малка не ожидала. Все ополчились против нее. А тут еще дети, услышав, что ругают отца, подняли крик и плач.

Ну нет! Она поставит на своем.

С того дня Малку не покидал гнев. Она ходила по дому одетая так, словно собралась в далекий путь, и все в ней кипело от злости. Ей хотелось выместить свою обиду не столько на зяте, сколько на дочери. Кто он, в конце концов, этот Берл? Внук Гешлки-столяра. Пусть простит ее бог, но не лежит у нее сердце к беднякам и попрошайкам. Но Сореле? Сореле, любимая дочь, готова оставить ее, порвать с ней. Мать, потакавшая всем ее прихотям, для Сореле уже ничто, муж — все. Мрачная, ожесточенная ходила она из комнаты в комнату, тяжело ступая, не произнося ни слова. Онемевшая. В ее молчании таилась угроза. Что она задумала? Некоторое время спустя это стало ясно.

5

Младшая сестра Сореле, Малкин последыш, Лея выходит замуж.

Сореле вся в мать — она красива. Лея похожа на отца. Пинхос мужчина представительный, лицом приятный. Лея, уродившаяся в него, тоже представительна и недурна собой. Но нет в ней женственности. Все отцовское. Не хватает ей чего-то от Малки. Недодала ей мать женского изящества, девичьей привлекательности. В доме знают: в каком углу ни станет Сореле — в том углу все засияет. С Леей не так. Не удалась меньшенькая. Ее бы поскорее выдать замуж. Найти прилично-го жениха и посулить побольше приданого.

Лея чувствовала, что она неудавшаяся, немилая дочь, но не принимала этого близко к сердцу. Да, на Сореле все рассматриваются, а на нее, Лею, и рассеянного взгляда не бросят, но ничего, еще придет тот, кто сумеет ее оценить. Она не сомневается в этом. Полагали, что Лея ухватится за любого жениха, который посватается к ней. Оказалось, однако, что она была даже слишком придирчива к женихам и браковала их почем зря.

— Лея, — тихо сказала однажды Малка, отводя ее в сторону от стола, где сидел сват, — ты привередлива, как прин-

цесса. Погляди на себя в зеркало. Встречаются и покрасивее тебя...

— Понимаю, мама, что ты хочешь сказать. Но мне не нужен такой жених, который станет моим мужем, а смотреть будет на Сореле. Я хочу такого, который смотрел бы только на меня.

И когда такой жених нашелся, она сразу согласилась выйти за него. Лея долго торговалась с матерью, требуя все, что было обещано за ней. Она не допустит, чтобы ее жених оказался обманутым. И действительно, в брачном договоре было точно и подробно оговорено, что и когда получают молодые, и уж конечно за Леей дело не станет — она обеспечит выполнение всех пунктов договора.

День свадьбы был назначен. Собирались снять квартиру для молодоженов. И вдруг все перевернулось. Нелюбимая дочь внезапно превратилась в любимую. Она и ее муж останутся жить в доме матери. А Сореле с мужем и детьми уйдут и будут жить отдельно. И хотя это было неожиданно и даже непонятно, Берл и Сореле были довольны. Сореле давно мечтала стать хозяйкой в своем доме. Однако тут вышла заковыка: Сореле ничего не причитается из ее приданого.

— Почему? Как? Я ведь гроша не взяла у тебя, мама.

— А вот так! Ты, твой муж и твои дети все проели.

Теперь стало ясно, что настоящей умницей оказалась Лея. Она не дала себя обмануть. Сореле и Берл поверили на слово, полагались на справедливость. Им и в голову не приходило, что когда-нибудь придется расстаться. Напротив, думали, Берл будет помогать Пинхосу, станет его компаньоном.

Сореле и ее семья, возможно, и не тронулись бы с места. Силой их бы никто не гнал. Но Малка хотела полностью насладиться своей победой — победой богачки, распоряжающейся судьбами зависимых от нее людей. На упреки Сореле она ответила:

— Тебе не хватит на пропитание, неостанет хлеба — приходишь ко мне, и я дам тебе все для детей.

— Милостыню подашь? Милостыню я могу сама подавать.

Сореле была возмущена нанесенным ей оскорблением. Она топнула ногой, в глазах показались слезы. И в тот же день начала молча и сердито упаковывать вещи. На другой день Берл со своей семьей переехал к родителям, в Форштадт.

Лея тоже не осталась у матери. Выйдя замуж, она сняла квартиру.

— Не хочу, мама, чтобы ты велела мне смотреться в зеркало...

В тихом городе Гродно, вдобавок ко всем его повседневным заботам, появилась еще одна. Из уст в уста передавалась важная новость:

— Малка не отдает приданого собственной дочери.

— Обе дочери Пинхоса Баса ушли из дома.

В домах у ремесленников добавляют:

— И почему только она так ненавидит нас? В ее глазах ремесленник хуже вора, хуже любого нечестивца.

Для Пинхоса Баса наступили тяжелые дни. Во время службы в синагоге люди со всех сторон бросали на него укоризненные взгляды, а он не смел поднять глаза. Разве он не понимает, как несправедлива Малка? Разве ему не больно? Но он свыкся с тем, что в последние годы Малка делает все, что ей заблагорассудится. Он стоит в стороне. Если иногда и вмешивается в домашние дела, она все равно не слушает его и поступает по-своему. А ему настоять на своем лень. Неохота спорить. Он стал быстро уставать, годы берут свое. Пинхос ясно видит, что поступает неправильно, надо подать свой голос, сказать Малке, что нельзя с такой беспощадностью относиться к собственным детям, но со дня на день откладывает свой разговор с ней.

Малка в эти дни старалась поменьше показываться на улице, пореже встречаться с людьми. Она знала, что никто не одобряет ее поведения, о ней идут нехорошие разговоры. Все на стороне Сореле. И знакомые, и незнакомые считают, что Берл прав. Ее же считают злым демоном семьи, коверкающим жизнь собственных детей. Но именно потому, что все против нее, и потому, что она все же мать своим детям (сердце встрепенулось), она не может и не хочет отступить. Нет и еще раз нет! Права она. Вот когда все убедятся в этом, она покажет свою доброту и отдаст Сореле ее приданое. Одно лишь ее беспокоит — как бы Берл не позвал Пинхоса к раввину. Пинхос тут же уступит.

Но прошла неделя, другая, прошел месяц — никто Пинхоса к раввину не звал. Постепенно вся история стала забываться. И Малку снова снедало недовольство. Если бы Берл обратился к раввину, добивался, чтобы их рассудили, это значило бы, что невозможно обойтись без Малки, в ней нуждаются. А оказывается, никто ничего не требует, не добивается. В ее одолжениях никто не нуждается.

В просторном доме с красивой мебелью, с большим шкафом, полным серебра, стало тихо и уныло. Без внуков, плачущих, хохочущих, просящих есть, пить, докучающих, не желающих идти спать, дом стал как пустыня. Нет и дочерей. Не с кем словом перемолвиться. Некому душу излить, некого попрекать, не па кого обижаться...

И наступил даже такой день, когда Малка едва-едва не смирилась. То ли сам этот осенний день, начавшийся тревожно-назойливым дождем, то ли унылые окна, по которым стекали потоки воды, то ли скучная серость, осевшая в опустевшем и затихшем доме, а то и все вместе пробудили в Малке чувство неизъяснимого страха и одиночества. Она ходила в своем доме, как в чужом, слонялась без толку из угла в угол, дрожа от холода, хоть была тепло одета. Она с нетерпением ждала прихода Пинхоса. Вот он придет, и она тут же спросит его: «Пинхос, как ты думаешь, Лея хорошо живет с мужем?» Ну, а как быть, если Пинхос скажет: «Ты хочешь спросить о Сореле, а спрашиваешь о Лее».

Если Пинхос действительно окажется таким догадливым, она, пожалуй, ответит ему:

«Почему ты полагаешь, что о Сореле? Ну, а если даже так?.. Я ведь мать».

Но когда Пинхос пришел, он зажег лампу, в доме стало уютнее, одиночество отступило, Малке было уже с кем поговорить, о ком позаботиться, и она ни словом не обмолвилась о детях. Пинхос сам повел разговор о них:

— Послушай, Малка, я уже давно собираюсь поговорить с тобой.

— Пожалуйста, говори, говори, веселее будет.

— Почему ты ополчилась против наших детей?

— Я? Против наших детей? Я?

— Ни с того ни с сего я перестал быть отцом, перестал быть дедушкой. Жизнь-то у нас не вечная, в гроб мы с собой ничего не возьмем. Не пойму я тебя, Малка, откуда у тебя столько злости? Ко мне, к детям... Не пойму и не потерплю. Хватит, Малка! Слышишь?

7

В дом к Либе-Шеве снова пришла радость. Одно слово — внуки!

В доме у Либе-Шевы впервые встретились ее зять, портной Шимен, с ее невесткой Сореле.

Шимен отличается веселым нравом. Он довольно красив, обладает приятным голосом. В доме у тещи он чувствует себя непринужденно. Либе-Шева не совсем уверена, что в присутствии Сореле, красивой и капризной дочери богача, весельчак портной не растеряется. Ей хотелось, чтобы они не чуждались друг друга. Но Шимену родовитость Сореле была нипочем. Ему и в голову не приходило, что она в чем-то превосходит его только потому, что родилась в богатой семье. Он оставался таким же веселым и общительным, как всегда. Не в его характере было испытывать смущение или неловкость, тем более

что в кругу людей, где он вращался, его и любили, и ценили. Женившись на дочери Зелика Федера Шейнеле, он привел ее к себе в дом. Двор, где среди других ветхих домов, принадлежавших разным хозяевам, стоял этот дом, пользовался особой известностью в городе. В этом дворе, говорили, можно одеть человека с головы до ног. Здесь также можно было купить в течение всей недели свежий житный хлеб, а в канун субботы — и плетеную халу. Здесь покупают рыбу к праздникам, фрукты... А если кому понадобилось бы поставить новую печку или переложить задымившую старую, то и каменщик найдется...

В этом дворе жили портной Шимен, сапожник Рувн, шапочник Нафтоле, пекарь Годл, каменщик Фроим, рыбак Эле, зеленщица Шифра. Тут жил и учитель Менахем Рубин. Всех звали здесь только по имени, а учителя, в знак особого уважения, — по имени и фамилии.

Двор был полон детей. С утра до вечера они носились, играя, плача, хохоча, наполняя двор оглушительным гомоном. Летними вечерами на завалинках или на вынесенных из дому стульях усаживались подышать свежим воздухом взрослые. И тогда здесь можно было услышать все городские новости. Зато здесь часто не успевали уследить за новостями собственного двора — кто из молодых обитателей двора в кого влюбился.

Посреди двора росли две березы. Их посадили учитель Менахем Рубин и портной Шимен.

Иногда под этими молодыми березками располагался книгоноша реб Менаше со своим товаром. Он приносил на собственном горбу тяжелую пачку книг: молитвенники, псалтыри, пасхальные сказания. Были у него и листки для охраны роже-ниц, и мезузы, и прочие тому подобные священные предметы. Втайне, где-то на дне пачки, Менаше прячет и несколько светских книжек, и, приходя во двор, где можно одеть человека с головы до ног, он ждет учителя Менахема Рубина.

— Послушайте, учитель, я принес вам сегодня первосортный товарец, тончайшего помола сеянку, красное дерево, настоящий рафинадный сахар... — И Менаше всовывает учителю в карман томик «настоящего рафинадного сахара».

Учитель дает потом прочитать книжку портному Шимену и шапочнику Нафтоле. Что они не поймут в ней, он им разъяснит.

В свой последний приход Менаше принес учителю книжку Айзик-Меера Дика¹ «Трактат о нищете». Менаше ничего не сказал учителю, но весь светился счастливой улыбкой. Каза-

¹ А й з и к - М е е р Д и к (1807—1893) — еврейский писатель, представитель просветительской литературы.

лось, и глаза и даже борода вот-вот скажут: «Вы меня еще благодарить будете за эту книжку, учитель...»

Менахем действительно был чрезвычайно доволен книжкой. Ее прочли не только портной Шимен и шапочник Нафтоле, но и сапожник Рувн, и каменщик Фроим. Читая ее, они часто смеялись, им доставляло удовольствие, что в ней подвергаются насмешке кичащиеся своей родовитостью неудачники, не умеющие и гвоздя забить, но не желающие запятнать себя родством с человеком труда. Некоторые места они запоминали на память и часто повторяли их.

Ремесленники узнали себе цену, убедились в своей полезности, почувствовали себя увереннее.

Пристало ли портному Шимену, вхожему в дом учителя Менахема Рубина, восторгаться дочкой богача? Он нисколько не растерялся. К тому же его очень поддержала жена, Шейнеле, дочь Либе-Шевы, влюбленная по уши в своего мужа, по минутно целовавшая его при всех.

Шейнеле говорила матери:

— Он ведь очень красивый, мама, добрый, умный, приветливый. А как он поет, как красиво он поет, мама...

Он и впрямь очень хорошо пел. И когда приходил с Шейнеле в гости к ее родителям, не заставлял себя упрашивать, пел много и с удовольствием. Он знал уйму народных песен, веселых и печальных, гневных и жалобных.

И Зелик, и Либе-Шева оказывали Сореле всяческое внимание, взвешивали каждое сказанное ими слово, чтобы, упаси боже, не задеть ее самолюбие. Что говорить, она, конечно, им родная, невестка, жена их сына, мать их внуков. Все это правда... но все же — дочь богача. Другие привычки, другие требования. Большая это сила «дочь богача». Потому и приходится остерегаться каждого лишнего слова и ходить на цыпочках.

Молодой, красивый портной Шимен сразу же заговорил с ней как равный с равной, обращаясь по-родственному:

— Невестка, как вы себя чувствуете?

— Что подделывают дети, невестка?

Сореле это как раз нравилось. Застенчивых, забитых людей она не выносила. Недаром же она воспитывалась в богатом доме. Сестра Берла Шейнеле тоже понравилась ей. Шейнеле, самозабвенно влюбленная в мужа, казалась счастливейшим существом на свете. Она была добра ко всем, была готова всем на свете помочь, обнять весь мир. Сореле были по душе счастливые, веселые люди. У мамы Малки был веселый, открытый дом — с гостями, угощениями, с большим красивым шкафом, полным серебра. Уйти из этого дома она решила потому, что была уверена: мать долго упрямыться не станет, в конце концов она придет мириться, отдаст приданое, будет звать ее обратно в большой, просторный дом.

Переезд с детьми в тесный, небогатый дом родителей Берла был смелым поступком, пусть даже капризом, но зато новым. И это ей было по душе.

8

Сореле оставалась такой, как была. Не то Берл. С ним происходило нечто такое, чему он сам не мог найти объяснение. Он был подавлен настоящим, не знал, чего ждать от будущего.

Он запомнил: «Сореле моя, внуки мои, а ты? Хочешь идти — скатертью дорога». И когда эти слова приходят ему снова на память, он чувствует, как все внутри переворачивается, становится ногами вверх, головой вниз (а может, наоборот — головой вверх). Никто не замечает этого, даже Сореле ничего не видит...

Сореле известна тайна: ее отец, Пинхос Бас, уступил Берлу некоторые свои дела, что дает им средства к жизни. Малка об этом ничего не знает. В доме у матери было правило: заработки, дела, торговля — область мужчин. Женщины в это не вмешиваются. Они занимаются детьми и хозяйством. А Берлу хотелось, чтобы Сореле расспрашивала его, сочувствовала ему, понимала его. Он хотел, чтобы она поняла, что настоящее его призвание не имеет ничего общего с торговыми делами. Правда, они дают средства к жизни, но душа его пуста. Его снедает тоска по деревянным «человечкам», не приносящим никаких жизненных благ.

Только иногда, когда Берл встречается с Цалей и Златой, он получает возможность излить свою душу. Они понимают его и сочувствуют. Встреч с Хазанскими, с Юлианом и Элизой, он избегает. Перед ними он чувствует себя виноватым. Если бы он послушался их и поехал учиться...

От отца и матери Берл скрывал свое состояние. Перед ними он появлялся всегда в добром расположении духа, старался показать, что всем доволен, особенно когда в гости приходят Шейнеле с мужем. Обычно они приходили каждую субботу.

Обессиленная зима лениво и устало отступала перед весной.

Прошел праздник пурим. В пекарнях пекли мацу к пасхе. Еще выпадали снега, но мокрые, быстро таявшие. Иногда моросил дождик. На деревьях и на кустах оставались висеть капли, которые ночью замерзали и утром казались стеклянными почками. По утрам под ногами трещала ледяная корка, затягивавшая за ночь лужи и ручейки. Со всех сторон с весенним шумом потекли воды в Неман.

В доме у Федеров было тепло и уютно. К субботней трапезе за столом собралась вся семья — дочь с зятем, невестка с сыном, внуки. Либе-Шева приготовила великолепный обед, показав свое искусство в кухонном деле. Было весело. От будничных забот и следа не осталось. Еще накануне, в пятницу вечером, в доме повеяло субботним духом. После обеда Шимен пел. Шейнеле тихонько подпевала ему. Подпевала и Либе-Шева. Берл сидел с закрытыми глазами. Он слушал задушевные песни Шимена и видел себя поющим вместе с дедом Гешлом субботние песнопения. Однажды в такой же субботний день дед сказал: «Если бы я умел, я бы вырезал из дерева семью, поющую за субботним столом». Нахлынувшее воспоминание заставляет Берла открыть глаза, он оглядывается вокруг, словно ищет здесь, за столом, деда Гешла. Дед сомневался: «Если бы я умел...» Берл не сомневается — он умеет! Он изобразил бы на дереве всю свою семью, вот так, как она теперь сидит за столом и слушает, как Шимен поет. Шимен слегка наклонил голову, волосы взъерошены, правая рука сжата в кулак. Он ничего не замечает вокруг себя, он поет. Он упивается пением. Шейнеле, которая тихо подпевает ему, слушает больше его, чем себя. В его пении — вся ее жизнь. В его пении — ее любовь к нему, его любовь к ней. Она восторгается им, гордится. Либе-Шева сияет, она счастлива. Могла ли она когда-либо представить себе, что у нее за столом будут сидеть Берл и Сореле, Шейнеле и Шимен? Это превосходило самые смелые ее мечты... Милость божья... Чудо!

Берл не сидит без дела. Со стороны может показаться, что он только слушает, как Шимен поет, видит только, как все впились взглядом в Шимена. Нет, Берл работает. Он ощущает в своей руке долото и стамеску. Он вырезает удивительный рисунок. Вот появился на нем поющий Шимен, а вот и влюбленная Шейнеле, счастливая Либе-Шева и Сореле, изумленная всем, что слышит и видит. Работа спорится, пальцы слушаются. Берлу хорошо. Он тоже счастлив.

В тот же день, после третьей трапезы, к Сореле пришла ее сестра Лея. Не в гости пришла. Одна, без мужа. Сестры вышли погулять. Все поняли, что Лея пришла не зря, пришла с каким-то поручением к сестре. Каким? От кого?

Сестры гуляют. Либе-Шева встревожена. Зелик встревожен. Оба молчат. Субботний вечер заглядывает в окна, приходит в дом. Пора зажечь огонь. Но у всех на душу легла такая тяжесть, что кажется, будто в темноте легче, чем при свете.

В этот вечер Сореле сказала Берлу:

— Знаешь, муженек, у меня хорошие вести.

— Хорошие вести? — полюбопытствовал Берл.

— Хорошие. Мама хочет помириться с нами. Зовет обратно. Она отдаст приданое. Как ты думаешь, Береле, переедем снова к ней?

— Нет, Сореле, не переедем.

Такой ответ был для Сореле неожиданным. Она смешалась, но тотчас пришла в себя. Он ведь шутит, как она сразу не поняла?

— Ты напугал меня своей шуткой, Береле,— рассмеялась она,— Береле, Беренька, Берчикл...

— Я не шутил.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Пойми меня. Не хочу я больше дрожать, проходя мимо шкафа с серебром. Не хочу больше, чтобы твоя мать кричала на меня. Не хочу слышать, что ты принадлежишь ей, дети — ей, а для меня... для меня дорога стелется скатертью. Пойми меня, Сореле, пойми!

9

«Пойми меня, Сореле, пойми!»

Как ей понять его?

Упрямица мать первая сказала: она согласна помириться, во всем уступит, полностью отдаст приданое. Она зовет обратно, в большой, просторный дом. Правда, мама поступала нехорошо, придираясь к Берлу. Ее нападки на него всегда огорчали Сореле. Так она и сказала Лее. Сказала твердо: раз и навсегда — она не хочет, чтобы это повторялось, не хочет, чтобы мама следила за каждым движением Берла, придиралась к тому, как он ест, ходит, говорит. Лея ответила: мама это уже сама поняла, такого больше не будет. Чего, собственно, Берл может еще желать? Отец стареет, все больше и больше устает. Ведь со временем все дела перейдут к Берлу, он тоже станет хозяином над серебром, оно входит в приданое.

Вдобавок Сореле отлично знает, что Берл очень любит ее, что он хороший отец своим детям и к ее отцу, Пинхосу, относится с большим уважением.

Сореле улыбается про себя — все зависит от нее. Она ему скажет: «Береле, Берчикл, идем», — и он пойдет.

...А у Берла крепнет решимость не возвращаться в большой дом к Малке. Он не выносит ее, не выносит ее дом. Не нужен ему шкаф с серебром. Он согласен махнуть рукой даже на приданое.

У матери, у Либе-Шевы, тесно. Ну и что же? Они снимут квартиру. Семью он прокормит, а других заработков ему не нужно. Богатства он не ищет. Лишь бы хватило на жизнь.

При этом все же пробегают мысль: а ведь надо было послушаться и поехать учиться...

...Лея снова пришла к сестре. И, как в прошлый раз, они вышли погулять. На дворе было уже гораздо теплее. Пахло горечью тополиной коры. В воздухе висел уже и смолистый

запах ели и сосен. Выглядывали первые подснежники. Меж облаками, за высокими, нежно посветлевшими елями, заходило солнце. На другом берегу Немана залаяли собаки, зашлись в вое и утихли. Наплывавшая с той стороны реки тишина была пропитана вечерней грустью и тоской. Неизвестно о чем и по ком.

Сестры гуляют. Мама Малка торопит. Коль скоро она пришла к заключению, что надо восстановить согласие, она желает, настаивает, чтобы примирение состоялось тотчас же, немедленно, сию минуту. Она не любит оттягивать.

— Лея, милая,— просит Сореле,— посоветуй, как быть? Берл не хочет.

Лея знает, что Берл прав. Нередко она удивлялась, как это Сореле допускает, чтобы мать делала замечания ее мужу. Мать есть мать. Конечно! Но Лея и собственной матери выложит правду в глаза. Тем более что она неудавшаяся, неугодная дочь, та, что должна посмотреть на себя в зеркало. Какой совет она может дать сестре? Сореле привыкла, чтобы все носились с ней, дрожали над ней, заглядывали в рот, угадывали ее желания. Конечно, она скучает по дому матери...

Ну, а муж ее, Берл?

За своего мужа Лея крепко держится. Нелегко ей пришлось, пока она нашла то, что искала. Муж для нее все — и муж, и бог.

— Что я могу тебе посоветовать, сестра? Конечно, у мамы тебе будет лучше... Но ведь Берл твой муж. Он предан тебе, он отец твоих детей, и хороший отец. Мужа надо почитать и слушаться.

— Почитать и слушаться?.. Значит, не трогаться с места?

— Однако пойми, сестра, на что вы будете жить?

С тех пор как Сореле помнит себя, ей никогда не приходилось задумываться над подобными вещами. Поэтому вопрос Леи показался ей неожиданным и вовсе не относящимся к делу.

— Что значит «на что»?

— А это, Сореле, очень просто значит: пропитание, заработок, хлеб. Для себя и для детей.

— Хлеб для меня и для детей? Лея, ты говоришь...

— Поверь мне, сестра, я дело говорю.

— Но ведь Берл зарабатывает! — воскликнула Сореле.

— Дорогая моя, ты витаешь в облаках. Ты должна знать правду. Когда отец уступил Берлу некоторые свои дела, мама тотчас догадалась об этом. Она только сделала вид, говорит она, будто ни о чем не знает. Не даст же она вам голодать. Но теперь...

— Что теперь?

— Раз, говорит она, вы не возвращаетесь домой, когда весь город только того и ждет, чтобы вы не вернулись, представляе-

те ее ведьмой, грабительницей,— вы ведь даже от приданого отказываетесь, лишь бы с ней не иметь дела... Ну, ты ведь знаешь нашу маму, она так нажмет на отца, что у него другого выхода не будет, как только отобрать дела у Берла.

— Ты так думаешь? А папа согласится?

— Сореле, папа уже стар.

— Что же ты мне советуешь? Как бы ты поступила на моем месте?

— Мой муж хорошо зарабатывает, он не нуждается ни в чьих одолжениях. Но все равно... я бы сухую корку ела и водой запивала, но не вернулась бы к маме. Однако пойми, Сореле, дети... Чем они виноваты? Сестренка, я не ошибаюсь? Мне кажется, ты опять понесла...

Сореле утвердительно кивнула головой.

— В таком случае, дорогая, нечего и думать. Берл поймет... Ради младенца, ради новой жизни... Мне очень жаль Берла. Ему придется пойти на поклон, хотя сердце изойдет кровью. Запомните главное: надо отобрать приданое, не то снова повторится то же самое. Смотрите...

10

Родители Берла молчат. Они и сами не знают, что для сына лучше — оставаться у них в Форштадте или вернуться к Малке. Одно они знают наверняка: сыну трудно, сыну нехорошо.

Они молчат, но не спят ночами. И, как часто бывает, Зелик и Либе-Шева скрывают друг от друга свои мысли и чувства. Не хотят причинять друг другу боль. Оба вздыхают. Ночи напролет думают о Берле. Каждый на свой лад.

Неволью Либе-Шева возвращается к тем же мыслям, которые мучали ее накануне свадьбы Берла. Тогда она думала: Сореле избалована, своенравна, все за нее делает мама, мать о ней заботится и в то же время помыкает ею. Вот оно и кончилось плохо.

А теперь... Вдруг Малка подобрела и зовет их снова к себе. Сореле тут же готова бежать на зов. Но ведь для Берла богатый, полный добра дом Малки — сущий ад. Он ничего не рассказывает, считает это неудобным для себя, но она-то, мать, видит и понимает. И при этом сама по себе (получается, как бы не она это думает, а кто-то посторонний ей подсказывает) приходит мысль: «Женись он на своей ровне, жил бы тихо и спокойно». Недаром отец говорил: богач не питается золотом, а бедняк камнями. Жизнь всему научит.

«Любовь! — отвечает мать тому постороннему, который вмешивается не в свое дело.— Дети любят друг друга». Она, Либе-Шева, очень хорошо разбирается в этом.

«Но и в любви,— возражает тот, посторонний, вмешиваю-

щийся там, где его не просят, — надо иметь счастье. Видно, счастья-то и нет».

Против Сореле она ничего не имеет. Но способна ли Сореле понимать человека, выросшего в простом доме, человека неизбалованного, внука столяра Гешла, попавшего в богатую семью, где его ежеминутно попрекают этим богатством? Сореле любит Берла, но понимает его не всегда. Еще от своей бабушки Либе-Шева когда-то слыхала: «Может ли жареная картошка понять картошку в мундирах? А ведь, казалось бы, и то и другое — картошка...»

Против Сореле она ничего не имеет. Вся беда в Малке, которая постоянно хочет, чтобы последнее слово оставалось за ней, никого, кроме себя, не признает, хочет показать, что она всему голова, всем распоряжается.

Либе-Шева уловила, как ей кажется, сокровенный замысел Малки: она хочет разлучить, развести Сореле и Берла. Сореле еще молода, красива, богата, Малка найдет ей хорошего мужа.

Но вот перед Либе-Шевой предстает другой пример — Шейнеле и Шимен. У них любовь веселая. Они стремятся доставлять друг другу радость. Неужели портной Шимен умнее знатной мадам Малки?

Так проходит ночь. Мать не спит. Что ждет ее сына?

Зелик тоже не спит. Зелик думает о том, что, в сущности, он, отец, виноват в неудавшейся жизни сына. Разве он не понимал, что дочь Малки и сын Либе-Шевы не пара? Разве он не знал, что бедность далека от богатства, как правда от кривды? Знал. Хорошо знал, но надеялся. Надеялся, что сыну удастся вырваться из тяжелой жизни, выпавшей на долю отца и деда. Бывали ведь такие случаи. К тому же семьи Бас и Федер жили так дружно, по-родственному, точно одна семья. Кто мог предвидеть то, что случилось? Он, Зелик, оказался крепок задним умом. Невелико достоинство.

«Ах, Зелик, Зелик, ты хочешь облегчить свою душу, снять с себя вину! — это говорит тот, посторонний, что имеет привычку вмешиваться там, где это не нужно. — Ты что думал? Что твой Берл будет вести торговые дела, брать подряды, строить казармы и дороги, поставлять лошадей и подводы... Твой Берл?»

«Почему бы и нет? Чем Берл хуже других? Тем более что его тесть Пинхос Бас учит его, вводит его в курс дела, знакомит с людьми, объясняет, что к чему. Почему бы и нет?»

Но здесь тот, со стороны, который может со свету свести своими возражениями, изрекает:

«Волк живет среди волков, разбойник среди разбойников, но овца среди волков и праведник среди разбойников...»

Отец вынужден взять вину на себя. Как он этого не предвидел и не предупредил? Зелик томится. Сон ушел от него. А ведь такой хороший был мальчик его сын Берл...

Суббота. Шейцеле и Шимен пришли, как всегда, в гости к Либе-Шеве. Все расселись вокруг большого дубового стола, сработанного много лет тому назад дедушкой Гешлом.

Еще не успели расставить на столе все блюда, а Шимен уже спросил Сореле и Берла:

— Ну, что вы надумали? Переезжать или оставаться?

В доме молчали об этом. Либе-Шева и Зелик не вмешивались. Берл и Сореле разговаривали между собой без свидетелей. Именно поэтому вопрос Шимена вызвал удивление. Он-то зачем вмешивается? Нехорошо с его стороны. И чтобы не вышло размолвки, Либе-Шева пытается как-то сгладить неловкость: «Шимен не то имел в виду, не то хотел сказать...»

— Дорогая моя теща, почему вы так думаете? Вмешиваться действительно не следует, но посоветовать...— настаивает Шимен.

— Конечно, мама, Шимен может подать хороший совет,— поддерживает его Шейнеле.

Легко себе представить, что бы произошло с великолепной мадам Малкой Бас, присутствуй она здесь, за столом. Подумать только — портняжка Шимен и его жена осмеливаются давать советы семье Малки Бас! До чего обнаглело низшее сословие! Уж и вовсе забыли о приличиях! Она бы схватилась за сердце от обиды и возмущения. Шимен указывает Сореле, как поступать!

Но сама Сореле, хотя она и сидит здесь за столом, не обижена и не удивлена вмешательством Шимена. Она действительно нуждается в совете.

Сореле тяжело. Прежде ей все давалось легко и все было ясно. Ни сомнений, ни колебаний. Она хочет — и этого достаточно. Девушкой она была особенно смела в своих желаниях. Позже, когда стала матерью, желания ослабели, притупились, уступили место домашним, материнским заботам. Ей было хорошо с детьми, с Берлом. Она всем была довольна. Правда, время от времени давали о себе знать недовольство Берла и несправедливость матери к нему. Ей казалось, это несерьезно, пройдет. Не хотелось из-за случайных неурядиц портить себе и детям настроение. Она отмалчивалась, откладывала разговор с матерью со дня на день, хотя от матери же знала, что первая ссора — самая легкая ссора. В этом и состояла ошибка Сореле, теперь она это понимает. Потому и навалилось на нее столько бед сразу. Такого она не представляла себе: придрались к Берлу, не отдают приданого, выгоняют из дома. Все вокруг стало другим — другая мама, другой Берл. Не хватает больше сил молчать.

А теперь мама желает помириться. Сореле хочется обратно к маме. Берл не хочет. Мама, конечно, всегда мама, но ведь и

муж всегда муж. Она любит Берла. У нее с ним дети. И она снова готовится стать матерью. Ей нужны поддержка, совет, который вернул бы ей былую решительность. Может, Шимен в самом деле даст этот совет?

— Так что вы предлагаете, Шимен? — спрашивает Сореле.

— Предложить можно многое. Но в данном случае, мне кажется, можно сказать лишь одно...

— Что, Шимен? — любопытствует Сореле.

Ну, а раз Сореле хочет знать, что ответит Шимен, то и всем это интересно.

Больше всех ждет его ответа Шейнеле. Она цветет. Глаза сверкают. Она не знает, что он скажет, но, что бы он ни сказал, это будет хорошо и умно. Ее Шимен...

— У портного наметанный глаз,— говорит Шимен,— одним взглядом окинет клиента и подметит все его достоинства и недостатки. Потому смело советую вам: Сореле и Берл, не раздумывайте, берите детей и переезжайте к Пинхосу и Малке, к родителям. Запомните одно: не прозевайте приданое!

Сореле счастлива.

— Видишь, Берл,— восклицает она,— те же слова, что и Лея сказала! Нам суждено вернуться.

12

Сореле и Берл, Шейнеле и Шимен почти каждую субботу приходят в гости к Либе-Шеве. Берл часто навещается и к Цале Кадишу.

У Цали и Златы полон дом детворы. Что ни год — ребенок. Соседи шутят: вошли во вкус. Как только у фурмана Арки выдается свободный час, он приходит к дочке позабавиться с внуками. Злата, такая же смешливая и расторопная, какой была в девушках, и ее семья доставляют ему много радости. Арка до сих пор еще не может свыкнуться с мыслью, что Цаля Кадиш его зять. Цаля все еще для него тот желанный важный седок, которого он вез в Варшаву. У Арки язык не поворачивается сказать зятю «ты». Это «ты» прямо-таки застрекает у него в горле. Он и обращается к нему ни на «вы», ни на «ты».

— Реб Цаля ведь знают...

— Папа, как тебе не совестно,— перебивает его Злата,— ведь Цаля мой муж.

— Раз реб Цаля твой муж, то и с тобой мне следовало бы быть на «вы». Фурман Арка иначе не может. Я если увижу хорошего коня, то и ему говорю «вы».

Сюда, к Цале, Берл приходит потолковать, отвести душу. Берл не только примирился с тещей, скрепя сердце он примирился с самим собой. Зарабатывает он хорошо. Жена у него красивая, дети удачные, шкаф с серебром вошел в приданое.

Но удовлетворения от жизни нет. Оказалось, не принадлежит он к тем людям, которые сами прокладывают себе путь, а к тем, для кого путь прокладывают. И когда ему становится особенно не по себе, он приходит в веселый дом Цали и Златы.

Сегодня такой день. Сначала его расспрашивают: как поживает, как дела? Потом наступает очередь Берла говорить.

— Дедушка Гешл, мир праху его... Дедушка Гешл, бывало, когда ему удавалось вырезать красивую вещичку, прямо-таки танцевал от радости. И когда он с сияющим лицом приходил домой, бабушка Гинда, бывало, тоже вся засияет. Они понимали друг друга без слов. В такие дни у деда в доме был праздник. Я же в такие дни чувствовал себя на седьмом небе. Сегодня тесть сказал, что я хорошо веду дела. Хвалил меня. Он доволен. А я не чувствую радости. Не испытываю удовольствия ни от похвал, ни от того, что веду хорошо дела. От этого ничего ведь не останется такого, что доставило бы радость другим людям. И вообще, реб Цаля, не могу привыкнуть быть богачом. Не смейтесь. Казалось бы, нехитрое дело... А у меня не выходит. Кто я, собственно? Зять, и никто больше. Знакомые меня уже зовут не Берл Федер, а Берл Бас. Знаете, не стыдись я, зашел бы к Хазанским посмотреть на «Всадника».

— А чего стыдиться?

Берл не отвечает. Он-то знает, почему ему должно быть стыдно: не послушался, не поехал учиться, ни с того ни с сего бросил уроки. А брата и сестру обидели, чуть ли не выгнали из дома. Как он может явиться к ним? Но ему все же хочется посмотреть на свою работу, хочется вспомнить счастливое время.

Берл прощается и тихо уходит.

Фурман Арка, присутствовавший при разговоре, говорит после ухода Берла:

— Жалко человека... Пропадает из-за богатства.

— Бывает и такое,— подтверждает Цаля.— Еще как бывает! — И думает при этом: не будь у него Златы и Златиных детишек, взял бы он в одно прекрасное утро пилу и топор и вышел бы на рынок колоть и пилить дрова.

Возвращаясь от Цали Кадиша, Берл проходит мимо дома, где живут Хазанские. Он останавливается и ждет: может быть, покажется Элиза или Юлиан. Это было бы поводом зайти к ним в дом, взглянуть на «Всадника». Но никто не показывается. Стоять и глазеть тоже не дело. Он медленно продолжает свой путь.

«Чего стыдиться?» — вспоминает он слова Цали. В самом деле, чего он должен стыдиться? Он хочет взглянуть на свою работу. Что здесь плохого? Именно сегодня ему этого хочется больше, чем когда-либо. Непреодолимо тянет. Он поворачивает обратно. Снова останавливается у дома, где живут Хазанские. Открывает дверь и медленно поднимается по ступенькам

на второй этаж. Вот и квартира Хазанских. Войти? Он колеблется. А сердце стучит так, что его, наверно, слышно по ту сторону двери. Сейчас кто-нибудь выглянет, чтобы узнать, что происходит на лестнице. Он быстро спускается вниз.

Дома его радостно встречают жена и дети. Особое дружелюбие выказывает Малка. С первой же минуты возвращения Берла и его семьи Малка, почувствовав, что ее зять ходит, как нахохлившийся петух с ярко-красным гребнем, готовый захлопать крыльями, стала уступать ему во всем. Полагали, что Берл и Малка будут дуться друг на друга. Но оказалось — дуется только Берл. Малка со своей стороны проявила на этот раз не только уступчивость, но и мудрость. Она не обманывается и понимает, что Берл не из тех людей, кто обладает сильной волей и вдобавок упрям. Нет, он из тех, к кому упрямство приходит лишь после того, как они страдают из-за своей мягкости и уступчивости. Боязнь опять уступить и опять быть одураченным закаляет их и придает силы к сопротивлению. К тому же он, муж ее любимой красавицы дочери, умеет зарабатывать на жизнь. Малка видит также, что ее муж Пинхос состарился, устал, без Берла уже нельзя обойтись.

Внешне в доме царят покой и согласие. Однако все еще чувствуется, что отношения Берла с Малкой таят в себе порох, который может внезапно вспыхнуть.

— Берл, почему так поздно? — спрашивает Сореле.

— Я был у Цали.

— Как они поживают? Все здоровы?

— Все здоровы. Кланяются, зовут в гости. Со мной, Сореле, произошла сегодня странная вещь. Проходил мимо Хазанских, и захотелось зайти к ним, посмотреть «Всадника».

— «Всадника»? — Сореле совсем забыла про него. Она пытается вспомнить: «Всадник...» Спустя мгновение в ее памяти проступает видение давних лет, и, обрадованная, счастливая, она говорит: — Какое это было прекрасное время! Мы тогда были женихом и невестой. Знаешь, Береле, теперь я бы тебе не разрешила продавать «Всадника». А ты зашел к Хазанским?

— Нет.

— Почему?

— Мне стало стыдно.

Сореле просто понимает его слова, Берл застыдился, застенялся, как она, иногда бывает, застыдится, как стыдятся дети.

Малка иначе воспринимает их:

— Что значит, Берл, тебе стало стыдно? К лицу ли тебе стыдиться? Ты хозяин, купец, подрядчик, отец семейства. Ты захотел посмотреть свою работу? Ничего зазорного! Признаться, я тоже соскучилась по «Всаднику». Много времени ушло с тех пор, ох как много...

— Знаешь, мама, зайдем, пожалуй, все вместе к Хазанским,— предлагает Сореле.— Хорошо, Берл?

На том и порешили. Это хорошо.

13

Не только Пинхос стареет. Малка тоже не становится моложе. Годы никого не щадят. И хотя Малка чувствует себя совсем не плохо, она прекрасно понимает, что старость надвигается. Нет, пока, слава богу, у нее ничего не болит, но порой все же кажется, что где-то начинает болеть. А ведь люди, знает Малка, так говорят: «Сперва кажется, а потом скажется».

Последнее время Малка старается всячески угождать своему зятю. Теперь она объяснить себе не может, почему так придиралась к нему прежде. Не иначе — совсем было лишилась ума (кого бог хочет покарать, того лишает разума). И когда Сореле говорит своему мужу: «Надо бы позвать в гости Шимена и Шейнеле, с ними весело, они хорошо поют»,— Малка молчит, не возражает. Пусть приходят Шейнеле с мужем.

Шейнеле, которая до замужества была девушкой тихой, даже застенчивой, не узнать. Откуда что взялось — и весела, и общительна. Все, видимо, благодаря всесильной любви. Любовь к мужу заполняет все существо Шейнеле. Девушкой она выглядела молчаливой курочкой, степенно клюющей по зернышку. Худенькая. Красивые волосы гладко причесаны, посредине пробор. После свадьбы она расцвела. Стала разговорчивой. Имя Шимена не сходит с ее уст. О его достоинствах она может говорить без умолку. Поэтому весь двор знает о том, как ее Шимен помог восстановить мир между братом Берлом и его тещей Малкой. И конечно же во дворе тотчас стало известно, что Шейнеле и Шимен приглашены в гости к Пинхосу и Малке Бас.

Известие это доставило также большое удовольствие Либешеве и Зелику. Шейнеле пришла к матери посоветоваться, какое платье надеть.

— Ты представляешь, мама, как Шимен им понравится. Он всегда производит сильное впечатление. Шимен...

Кончилось, однако, тем, что Шимен вовсе отказался идти в гости.

— Почему? — Шейнеле поражена.— Нас ведь пригласили...

— Что мне там делать? Я им не нравлюсь...

В тот же вечер, когда обитатели двора уселись на завалинках, Шейнеле говорила:

— Пригласили... Ну и что? Что нам у них делать? Мы портные... Мы им не нравимся...

Больше их не приглашали. А не приглашали их потому, что о дворе, где можно одеть человека с головы до ног, о портном

Шимепе и учителе Менахеме Рубине в городе пошла худая слава.

Двор уже давно выражал недовольство. Претензий накопилось много. К публичному чтению Торы обитателей двора не вызывают. Во время шествия со священными свитками их приглашают последними, вместе с подростками. В синагоге у них собственных мест нет. Они сидят сзади, на лежанке. Зато когда наступает та суббота, в которую читают главу «Когда придешь» из книги «Второзаконие»¹, их вызывают к чтению великого проклятия. И стоит на амвоне сапожник Рувн или каменщик Фроим, а над ним чтец сыплет проклятиями, которыми бог покарает тех, кто нарушит его заветы.

«Проклят ты в городе и проклят ты на поле.

Проклят ты при входе твоём и проклят при выходе твоём.

И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом».

Низвергается поток проклятий, проклятий, проклятий...

Будь священное писание написано на родном языке сапожника Рувна и каменщика Фроима, а не на языке далеких предков, которого они не понимают, они бы не потерпели, чтобы на их головы обрушивалось столько проклятий и бед.

Нашлись наконец люди, открывшие глаза сапожнику Рувну и каменщику Фроиму. Не хотят они больше проклятий!

А когда к чтению великого проклятия вызвали Шимена, он остался сидеть на лежанке, с места не сдвинулся.

— Шимен, тебя зовут к Торе.

— К «Проклятиям»? Пусть идет староста.

И так и не пошел.

Такого еще не бывало. Магид читал по этому поводу целую проповедь. В синагогах и молельнях бурлило: вызвали еврея к Торе, а он не пошел.

К тому же стало известно, что портные начали собирать деньги на собственный молитвенный дом. Этим главным образом занимается Шимен. А во дворе, где можно одеть человека с головы до ног, даже знали, что для новой синагоги уже заказан свиток Торы!

— Портные хотят стать кагальными старостами!

— Портные хотят читать лучшие отрывки из Торы!

Но насмешки действия не возымели.

14

Зато во двор зачастил Кива Фрейдес. Он приходил со словами осуждения.

Долговязый, с изможденным, сморщенным лицом, малень-

¹ «Второзаконие» — пятая книга Моисеева Пятикнижия.

кой головкой и острой реденькой бороденкой, но с широкой, костистой спиной и большими ногами, обутыми в тяжелые сапоги, Кива, кверху острый, книзу широкий, выглядит как голова сахара. Особенно когда он, молясь, стоит в синагоге лицом к стене. Некоторое время он стоит молча, не двигаясь, не шевелясь. Он погружен в свои мрачные мысли, бичует себя, перебирает свои грехи. Воображение рисует ему все пытки ада. Потом он начинает что-то шептать, бормотать про себя, исповедоваться. И вдруг раздается плач, горестное рыдание, как над покойником. Кива Фрейдес оплакивает себя.

Кива Фрейдес появляется во дворе, где живет Шимен, к середине дня. На женщин он не смотрит. Закрыв глаза, спрашивает:

— Мужчина здесь есть?

Мужчины теперь все работают, и никто из них не бросит работы ради Кивы Фрейдеса, ищущего мужчину.

Но вот в своей будничной, потертой, но опрятной куртке во двор входит учитель Менахем Рубин. Его острый глаз сразу отмечает появление Кивы.

— Постой! — встречает его Кива. — Я хочу обратиться к тебе с божьим словом.

— Почему не с собственным? На себя не полагаешься?

— Не кощунствуй!

— А ты помнишь, как мы бежали от ловчих?

Киву Фрейдеса качнуло. Подняв вечно опущенные глаза, он посмотрел на Менахема и весь задрожал. Ему захотелось повернуться лицом к стене, но стен здесь не было. Кива зашевелил губами и надрывно заплакал.

Когда-то, много лет тому назад, Кива и Менахем учились в одном хедере. Они даже дружили. Оба любили слушать и рассказывать сказки. Менахем знал много веселых сказок: о короле и королеве, о принце и принцессе, о скрытом праведнике, который творил чудеса и карал злодеев, о пражском раввине и его големе¹. Все сказки, которые рассказывал Менахем, кончались счастливо. Слушающие их улыбались, радовались, смеялись.

Кива любил рассказывать страшные сказки, про сатану, злых духов, чертей, коварных карликов, умел во всех подробностях изображать нечистых с их рогами, копытами, хвостами; он был сведущ в делах ада и точно знал, за какой грех какая кара полагается. Он также знал, что ночью в большой синагоге молятся покойники и, прежде чем открыть дверь, главный синагогальный служка стучится в нее большим ключом, чтобы мертвецы вовремя исчезли.

¹ О пражском раввине и его големе — имеется в виду легенда о пражском раввине рабби Ливе Иегуде (1512—1609), вылепившем из глины голема (фигуру человека) и вдохнувшем в него жизнь.

Однажды случилось так, что оба мальчика, засидевшись где-то у товарищей,— им было тогда лет по двенадцати,— возвращались под вечер домой. К счастью, они вовремя заметили, как к ним подкрадывается Ареле — ловчий Ареле, который хватает маленьких детей и отдает их в солдаты. Оба со всех ног помчались прочь, он — за ними. Они летели как ветер. Ареле — за ними. Одного, думал он, ему наверняка удастся настигнуть. И он непременно настиг бы, если бы не споткнулся и не упал. Ребятишки тем временем уже были за кладбищем. Им все казалось, что за ними гонятся (может, и не казалось).

Задыхаясь, они вбежали в большой, тянувшийся на много верст лес и, обессиленные, упали на землю.

Мальчики сидели, тяжело дыша широко раскрытыми ртами, а их сердечки так и прыгали вверх и вниз, вверх и вниз. Наконец, когда они успокоились, наступила ночь. Осенняя ночь, темная, холодная, хорошо — не сырая.

Идти обратно? В темноте не найти дороги. Прислонились друг к другу, сжались в комочки, чтобы согреться. Молчали. Может, удастся просидеть так и всю ночь.

И вдруг... В глубокой тишине, когда кажется, что и лес засыпает, раздался плач. Это плакал Кива.

— Что с тобой, Кива? Отчего ты плачешь? Боишься?

— Нет, я грешен.

— Грешен? Какие у тебя грехи? Тебе еще нет тринадцати.

— Грешен. Это бог карает меня.

— Вовек не знать нам худшей кары! Считаю, что все обошлось. Мы ведь чуть не попали в руки к Ареле-ловчему.

Кива успокаивается. Менахем прав. Бог вызволил их из страшных рук. И Кива дает себе самому обет быть честным и благочестивым, всю жизнь верно служить господу.

Ночь в темном осеннем лесу, где трудно отличить даже березу от тополя, тянется долго. Тоскливая, неудобная, она начинает пугать и Менахема.

— Надо думать о веселом,— говорит он,— тогда станет веселее.

Ему легче, чем Киве, заставить себя думать о веселом, но теперь это и ему не удастся. А к Киве пришли его страшные сказки. Он весь в их власти. И тогда ночь вновь становится тревожной и лес, волнуясь, шумит и шуршит; злые духи и черти из Кивиных сказок кажутся ему вправду существующими. Он жертва собственного воображения. Менахем не в силах успокоить его. Да он и сам напуган. Менахему кажется, что кто-то засовывает ему за ворот скользкий, мерзкий хвост.

— Кива! — зовет Менахем на помощь.— Да услышит нас бог! — И, ухватившись за кисти своего талескотна, отгоняет ими нечистого.— Услышь нас, бог!

А Кива лежит ничком и, судорожно икая, плачет.

— Спаси, всемогущий! Я буду благочестив, буду выполнять все твои предписания и заветы...

Немного погодя Кива утихает. Менахем испугался тишины больше, чем плача. Жив ли Кива? Он спал.

Едва на востоке посветлело, они поспешили домой. Шли, крепко взявшись за руки. Так было веселее шагать, да и теплее.

Несколько дней подряд к Менахему приходили люди послушать рассказ о том, как он и Кива спаслись от Ареле-ловчего, как провели ночь в лесу. Все, что Менахем рассказывал, было правдой, но другой, не той страшной правдой, что в лесу. Это была веселая правда. Слушая Менахема, люди улыбались, даже смеялись.

Кива ничего не рассказывал, людей избегал. Некоторое время он заикался, говорил «л-л-лапша, к-к-картошка». С годами это прошло. Позже он женился, имел детей. Слыл хорошим мужем и добрым отцом. Но чувство страха не покидало его ни на мгновение. Он всегда жил в ожидании беды. Боялся ходить ночью по улице — как бы не напали на него черти, далеко обходил большую синагогу, опасаясь, что молящиеся там покойники позовут его к себе. Он нуждался в поддержке, в словах утешения, ему нельзя было оставаться наедине с собой. Одно время он заходил к учителю Менахему Рубину. В маленькой квартирке Менахема он чувствовал себя лучше, покойнее.

Менахем жил с матерью. Его мать, Фрейда, выполняла все предписания, которые обязана выполнять еврейская женщина, придерживалась всех обычаев. Ее можно было застать за чтением Библии на еврейском языке. Когда наступал пост, она постилась (правда, скрывая от Менахема), но и к ней уже пристало кое-что от ее свободомыслящего сына. Упаси бог, основы веры это не затрагивает, но все же нередко бывало, что Фрейда как бы чувствовала себя стоящей посередине между двумя силами: с одной стороны всемогущий, великий и грозный бог, карающий за грехи, а с другой — ее сын, Менахем, любящий людей, заботящийся о них, утешающий их. Хороший у нее сын. Заповедь о почитании матери (отец умер) он выполняет усердно, не на что пожаловаться. Одна забота у матери: отчего сын не женится? Ривке-Рохл сватает ему невест, а он и слушать не хочет. Часть своей большой любви к сыну она бы с радостью уделила невестке и внукам. Между матерью и сыном нет тайн, они откровенно делятся своими радостями и горестями. Но о женитьбе они никогда не заговаривают. Мать понимает, что ей не надо проявлять любопытства. Ее врожденная чуткость не допускает этого. Она и молчит, только богу молится. Что ей еще остается?

Учителю Менахему Рубину, умеющему и учить, и утешать других, и в трудный час подать совет, впору самому обратиться за советом. Он влюбился. Влюбился в свою ученицу. Когда

девushка (дочь Раковицких) училась у него, он о своей любви молчал, скрывал ее. Неэтично объясняться в любви ученице. Неожиданно девушка бросила учебу и так же неожиданно вышла замуж. Ее муж — владелец кондитерской, и бывшая ученица Менахема Рубина помогает мужу в торговле. Менахем часто заходит в кондитерскую. Его бывшая ученица, которую теперь величают госпожой Лифшиц, встречает его приветливым взглядом, долго смотрит на него, но не заговаривает с ним. И ее бывший учитель ничем не обнаруживает своих чувств. Не спросит, как она поживает, как чувствует себя. Лишь однажды, после того как Менахем долгое время не появлялся, она, едва он зашел, взволнованно спросила:

— Что с вами было, учитель?

— Ничего, госпожа Лифшиц.

— А я волновалась очень... Думала, вы заболели... Приходите чаще. Я хочу вас видеть.

Он посмотрел на нее с удивлением. Все еще не хотел ни раскрыть, ни выдать себя даже взглядом, а она поняла, что ей нельзя больше молчать. Уж если сказала «а», надо сказать «б».

— Пусть вас не удивляет, учитель, пусть не удивляет... Ведь все могло получиться по-другому. Не будь вы таким стеснительным, щепетильным. Вы думаете, трудно было заметить, что вы меня... любите? Даже мой отец увидел это и поспешил выдать меня замуж. Почему вы не заметили, что и я... Почему? Учить других, видно, легче, чем самого себя. Я ждала, ждала... Свою ошибку я не могу исправить. Мы повенчаны с мужем по закону Моисея. Приходите каждый день... Я люблю вас...

Он приходит. Свою бывшую ученицу, молодую, красивую госпожу Лифшиц, он больше не зовет по фамилии мужа. Зовет по имени — Фейгеле. Она зовет его: Менахем. Их любовь разделена границей — прилавком, уставленным вкусно пахнущим печеньем и шоколадом. Она стоит по одну сторону, он — по другую.

Пожать Фейгеле руку, когда он, входя в кондитерскую, здоровается, он считает для нее и для себя неудобным. Однако иногда погладить поверх стола ее руку — это ведь не имеет отношения к правилам поведения и хорошего тона... Это уже только любовь. Такое приходит не спросясь. Руки понимают одна другую, встречаются, гладят одна другую...

Так и тянется их любовь.

...Кива приходил к Менахему в его уютный домик. Фрейда приветливо встречала его:

— Заходи, Кива, дорогой, садись. Как твои дела?

— Нехорошо. Сегодня мне все мерещится, что нечистые нападут на меня.

— Не поминай нечистого. Господь оберегает нас. Менахем, скажи ему...

Менахем говорил с ним, утешал, объяснял. Сущность его слов: верь в себя! Не бойся! Твой страх порожден тобой.

Кива слушал. Успокаивался. Но ненадолго. Добрые слова утешения мало помогали ему. Грозный карающий бог был ему ближе и понятнее, чем бог милосердия.

Кива не раз еще приходил во двор со словами осуждения. Но ничего у него не вышло. Никто не хотел его слушать. А по городу прошел слух, что в этом виноват безбожник-учитель Менахем Рубин.

Между тем портные под предводительством Шимена открыли свой молебельный дом. Добились-таки своего.

15

Шимена и Шейнеле не только не приглашают в гости к Малке Бас. Их имена в ее доме больше не упоминаются. Шимен оказался непорядочным человеком. Так считает и Берл. Шимен один из старост в портновской синагоге, он якшается с безбожником Менахемом Рубиным, он главный заводила во дворе у ремесленников. И вообразите только, какую выходку позволил себе невежа: его вызывают к чтению Торы, а он прирос к лежанке и не трогается с места. Неслыханно!

Даже в доме Либе-Шевы недовольны Шименом. Шейнеле из-за него повздорила с матерью.

— Чем они так кичатся, мама? Перед богом все равны. Мы живем своим трудом и порядочнее их.

— Берл говорит...

— Берл тоже испортился. Шимен говорит...

— Шимен, Шимен, Шимен! Будто, кроме него, так уж никого и нет!

— Никого нет, мама. Нет!

Понятно, Либе-Шева довольна тем, что Шейнеле и Шимен живут в согласии, любят друг друга. Еще бы! Но ведь неудобно перед людьми из-за того, что Шимен так недостойно повел себя. Ну что бы с ним стряслось, пойдя он к Торе?

— Мама, почему ты не терпишь, когда соседка бранит тебя? Ты обижаешься, сердишься. А тут Шимена вызвали, чтобы бог проклинал его. А ты знаешь, какие проклятья...

— Тебе бы женой раввина быть, дочь моя.

— Учитель объяснил — страшные проклятья, мама. «Будь проклят в городе и в поле. Будь проклят при входе и при выходе». Кто захочет такое терпеть? Шимен не хочет.

— Но пойми, дочка, Берл, не сглазить бы, купец, подрядчик, богач. Ему от этой истории чести не прибавилось. Это во-

обще неприлично. Надо быть скромнее, надо знать свое место. Нельзя дерзить!

— Учитель, мама, говорит: «На низкое дерево все козы прыгают».

— Учитель, все учитель! Не забудь, что Берл теперь в чести. В трудный час он может помочь.

— Избавь нас боже от чьей-либо помощи! И кроме того, мама, нет дороги длиннее, чем к чужому карману.

— Тоже от учителя слыхала?

— От учителя.

За Берла мать бы еще заступилась, но раз речь зашла о кармане, то Либе-Шева знает, что карман принадлежит Малке. А за Малку она заступаться не обязана. Либе-Шева знает также, что в Малкином доме ненавидят портных, «людей». Там терпеть не могут «низшее сословие». А потому Либе-Шева больше ничего не говорит, хотя и остается недовольной. Все-таки «они» богачи, почтенные люди, знать. Берл, тревожится она, может из-за Шимена иметь неприятности, волнения. А она ведь мать...

Еще неизвестно, надо ли Берлу волноваться. Даже не все знают, что Шимен его шурин. Малка строго наказала держать язык за зубами. К тому же Берл занят своими торговыми делами, а вдобавок еще хлопотами, связанными с поступлением его старшего мальчика в русскую гимназию. Это было нечто новое в еврейской среде Гродно. Не все отважились бы на такой шаг, не все одобряли его. Но Малка настаивала на этом, Берл тоже. Магид говорил об этом в своей проповеди, но имен не называл: «Отдают детей в христианские гимназии». Кто отдает — неизвестно.

16

Единственная, кто не высказывается ни против Шимена, ни за него, — это Сореле. Но ей все же невдомек, почему все так ополчились против него. Даже Берл осуждает его. В конце концов, что он сделал худого? Он портной. Не вор же он, не мошенник. Возможно, что вообще о портных она не такого уж высокого мнения, но о портном Шимене она дурного слова не может сказать. Веселый, хорошо поет и совсем не глуп. Его вызвали к Торе, он не пошел. Ну, и не пошел! Что с того? Что ему за это следует? По правде говоря, ей даже нравится такой поступок (где-то сказано: для человека, который тебе приятен, ты всегда найдешь оправдание).

Сореле была дочерью богача и женой богача, но держала себя просто. Поэтому она чувствовала себя свободно. Она свылась со своим положением и не замечала его, подчас разрешала

себе думать (и даже говорить) не так, как другие думают и говорят.

Малка полагала, что ее дочь мало понимает. А дочь думала, что ее мать чересчур уж много понимает. Гораздо больше, чем нужно. У Сореле было больше сострадания, жалости к людям, вообще ко всему живому, чем у ее матери Малки.

Иногда мать говорила ей:

— Когда ты сидишь у себя дома, с собственными детьми, можно быть доброй. Ты попробуй, доченька, побыть с чужими...

Сореле делится с Берлом:

— Мама говорит — с чужими... Для тебя ведь Шимен не чужой...

— Но неудобно, Сореле. Он поступил нехорошо. Пошел против бога и людей. Как ты этого не понимаешь, Сореле?

Сореле в самом деле не понимает этого. Она не возражает ему, но про себя думает: что произошло с Берлом? Он говорит то же, что ее мама Малка. Они теперь во всем согласны. И Сореле начинает постигать: угрозами мама ничего с ним не могла поделать, а добром взяла.

Прошел год. Прошел еще один. Жизнь в тихом городе Гродно вошла в свои спокойные берега. О прегрешении Шимена позабыли. Берл по-прежнему ворочает делами, дети его учатся в русской гимназии.

Несколько лет Шимен и Берл не виделись, все больше отчуждались, будто никогда и не знали друг друга, будто и в родстве не состоят. Если им и доведется встретиться, то лишь, как это часто бывает, на торжестве или на похоронах. Довелось на похоронах.

17

Перед смертью Пинхос Бас пожелал увидеть Зелика.

Чем больше теряет свои физические силы Пинхос, тем яснее работает его мозг, разум. Возникают картины прожитой жизни, события, случаи. Всплывают воспоминания. Все это проносится перед глазами с невероятной быстротой и четкостью. Именно теперь он видит, как не должен был поступать, чего не должен был делать. Жаль, но исправить уже ничего нельзя. Поздно, да и сил не осталось.

Дела, дела... Всегда он был занят делами, а годы между тем проходили. Вся жизнь прошла, а он так и не насладился ею. Если бы можно было начать сначала, он бы знал, как вести себя. По отношению к себе и по отношению к другим.

Мысли движутся легко, но нет в них силы и нет от них проку. Кому рассказать об этом? Кто может понять человека в последние дни его жизни? Вокруг все заняты собой, погоней за наживой, всех одолели зависть, себялюбие. Кто может и кому

охота утешать его, сочувствовать ему, больному, старому человеку, ослабевшей рукой уже приоткрывшему дверь перед последним порогом?

Он часто вспоминает Зелика. Многое связывало их, особенно в юности. Они были товарищами, друзьями. Последние годы они отошли друг от друга. Он, Пинхос, виноват в этом. Малка виновата. Зелик всегда был прав. Помириться бы с ним, попросить прощения. Зелик понял бы, простил бы...

Он послал за ним.

Но Зелик уже сам был прикован к постели. И перед ним проходила вся его жизнь. Он вспоминал Пинхоса, но звать его не осмеливался. Либе-Шева не отходила от мужа. Она понимала, что он уходит из жизни и вместе с ним идет к концу и ее жизнь. Ее совесть чиста, никогда она не была ему в тягость, плохого слова не сказала, всегда щадила его. Одного Либе-Шева понять не может: почему так странно устроил бог этот мир? Сколько шуму приносит с собой человек при рождении и как тихо уходит в вечное забвение.

Оба скончались зимой. Сперва Пинхос, а через несколько недель — Зелик. Похороны состоялись в короткие дни середины зимы, когда стоят суровые морозы. Провожать Пинхоса в последний путь пришло много народу. Хоронили его на городском еврейском кладбище. Проститься с Зеликом пришло меньше людей, а хоронили его на фюрштадтском кладбище. На похоронах Зелика и произошла встреча Берла с Шименом. Оба остановились, посмотрели друг на друга, и каждый пошел своей дорогой. Со временем Либе-Шева, оставшись одна, переехала к своей дочери Шейнеле и ее мужу Шимену.

18

Не Шимшн Раковицкий, отец Фейгеле, первым заметил, что учитель Менахем Рубин влюбился в свою ученицу. Первой это заметила Ривке-Рохл.

Отец Фейгеле, человек, вечно углубленный в себя, редко обращал внимание на то, что происходит вокруг. В своих делах он не был уверен и потому всегда думал о них, делал какие-то расчеты, что-то вычислял, складывал, вычитал. Его внезапно охватывал страх, как бы самого себя не сглазить.

Бабка Ривке-Рохл, которая легко принимает детей, а иногда кого и сосватает, стареет, но старухой не становится. Она по-прежнему вхожа во все состоятельные дома и непременно должна видеть и знать, что там происходит. В одном доме увидит — в другом расскажет. Глаз у нее острый, язык тоже, к тому же она и поговорку вспомнит к месту, и острое словцо вернет. Чем больше она стареет, тем сильнее ее тянет вмеши-

ваться там, где ее не просят, где она не нужна. Годы иногда подводят.

Будучи однажды в гостях у Раковицких, она заметила, что Фейгеле во время урока смотрит учителю прямо в глаза, а он глаза прячет, опускает их. Ей это не понравилось. Что-то здесь не так. Она не поленилась, пришла еще раз посмотреть, как учитель ведет урок. И тогда она сказала себе:

«Ривке-Рохл, ты знаешь толк в делах любви. Ты ведь в своей жизни видела и не такое. Он влюблен, но стесняется. Она влюблена и ест его глазами. Теперь ты раскусила, почему он и слушать не хочет о невестах. Горе мне... Как бы не пришлось принимать младенца до свадьбы...»

Ривке-Рохл осторожно и тонко повела разговор об этом с матерью Фейгеле.

— О чем вы говорите, Ривке-Рохл? Этого быть не может! Вам померещилось. Учитель честный, порядочный человек, а Фейгеле еще ребенок.

— Не приведи господи! Учитель не праведник, он безбожник. Лучше заговорить от сглазу до болезни, чем после нее.

Мать Фейгеле, чистюля Тайбеле, не на шутку встревожилась, однако она не любила, чтобы заглядывали к ней в горшок. Проще говоря, не терпела. А потому довольно спокойно ответила:

— Бог с вами, Ривке-Рохл! Не грешите. Зачем оговаривать человека? Это же чистые выдумки.

— Дай бог! Да ниспошлет нам творец спасение!

Однако когда Тайбеле поведала эту тайну своему мужу, тот широко раскрыл глаза, забыл все расчеты, которые ведет про себя, и сказал твердым голосом:

— С уроками покончено! Выдать замуж!

Свахой была Ривке-Рохл.

От множества семейных торжеств, брисов, свадеб, на которых бывает Ривке-Рохл, у нее к старости осталась слабость к двум вещам — к рюмочке винца и к сладостям. Потому она частенько заходит в кофдитерскую к Фейгеле полакомиться. Должно же было так случиться, что, наведываясь туда, она уже несколько раз заставала там учителя. Он стоит по одну сторону прилавка, Фейгеле — по другую. И оба мило беседуют. Промолчать об этом было выше ее сил.

Жаркий день. Конец июля. В маленьком домишке, бедно обставленном простой мебелью, сидит у стола Фрейда и чистит молодые бурачки для холодного борща. В комнате прохладно, но духота на дворе все же дает себя знать. Неожиданно в дом входит Ривке-Рохл.

— Жарища! — произносит она, не успев перешагнуть порог. — Пить охота.

— А я угощу вас замечательным напитком! Яблочным квасом.

Ривке-Рохл пьет маленькими глотками квас и блаженствует:

— Наслаждение! Питье для монархов! Благодать...

Она чувствует себя уже чуть бодрее. Бабка, которая стареет и не становится старухой, хорошо знает, что, войдя в дом, никогда не следует начинать с главного. Но сегодня, несмотря на то что холодный квас ее немного освежил, а в домике прохладно, знойный день горит пожаром в ее костях, вдобавок она устала, и потому вдруг выпаливает:

— Фрейда, почему твой сын не женится?

Фрейда ошарашена, оскорблена, она такого не ожидала. Как смеет эта выдохшаяся бабка вмешиваться в дела ее сына!

— Ради этого вы пришли ко мне? Задавать вопросы о моем сыне, не имеющем с вами ничего общего? Что вам до него? Какая дерзость!

— Я ведь с добром к тебе пришла, Фрейда милая. У тебя хороший и удачный сын. Но у меня сегодня в голове помутилось. Нельзя было сразу начинать с главного, надо немного поговорить для приличия, а я с бухты-барахты так и ввалилась со своим вопросом. Но войди и в мое положение — я ведь сваха. Я спрашиваю, а за спрос не дают в нос.

Бабка, смакуя, пьет маленькими глотками квас, кряхтит от удовольствия. У нее в запасе хороший ход: с матерью, имеющей сына в годах, который не спешит жениться, надо завести разговор о внуках. Бабка попала в точку. На лице Фрейды появляется счастливая улыбка. Внуки... Бабушкой стать... Как бы дожить до этого! Уже пора.

— А я ведь, не сглазить бы, уже прабабушка. Ты представляешь себе, Фрейда-сердце?

— Еще бы! Мне бы дожить...

— За чем же дело стало?

— Говорю вам как перед богом — не знаю. Может...— Фрейда говорит неуверенно, — может, в самом деле посватать ему невесту? Что вы скажете, Ривке-Рохл?

— Я что скажу...— Ее язык знает, что сказать: «Не невесту ему сватать, а прежде от чужой жены отвадить — вот что надо. Чего он бегаёт каждый день к Фейгеле в кондитерскую?»

Но нет, сегодня она не даст воли своему языку. От таких слов с Фрейдой может случиться беда. Надо ее пощадить.

— Сватать... Конечно, сватать.

Возвращаясь от Фрейды, Ривке-Рохл чувствует себя, как в те времена, когда она, бывало, на свадьбах или на семейных торжествах подбадривала бедных родственников, говорила им добрые слова, чтобы вывести из замешательства, придать уверенности. Это и есть то благое дело, которое она творит, — щадить людей.

Однако остаться в стороне она тоже не может. Она сосватала Фейгеле. Что теперь скажут люди? Ривке-Рохл во всем виновата.

На другой день она приходит к чистюле Тайбеле и начинает издалека:

— Вы знаете, мне жаль сахарного печенья Фейгеле.

— Не понимаю.

— Она останется совсем без товара.

— Как так?

— Что ни божий день, приходит к ней в лавку учитель Менахем Рубин покупать печенье. Понятно, не обходится без разговора. Ведутся беседы, засматривают друг другу в глаза. Каждый божий день. Так ведь недолго все печенье съесть.

Несколько дней спустя стало известно, что Фейгеле слегла. То ли ей нездоровится, то ли в положении. В кондитерской будет сидеть за прилавком ее муж.

...Неожиданно учитель Менахем Рубин стал терять ученика за учеником.

Конечно, он безбожник. Но не в том дело. Безбожник, но хороший учитель. Разве кто собирается с ним породниться? Плохо стало, когда прошел другой слух: он крутит любовь со своими ученицами. Кива кричал об этом на весь город. Мать Менахема Фрейда в толк не возьмет: никак, свет с ума сошел — ее сын такой хороший учитель, а все ученики ушли от него...

19

Иногда вспоминалась юность. Она казалась Берлу невероятно далекой. Было время, да нет его больше...

Нет больше дедушки Гешла, столяра и резчика. Ушел в лучший мир и отец, Зелик Федер, «человек» у хозяев, искавший и так и не нашедший путь к лучшей судьбе.

Осиротела западная стена в древней форштадтской синагоге. Увяли, засохли цветы и листья на ней. Все было, и все ушло. Даже «Всадник» уехал в такую дальнюю даль, что никогда не догнать его.

Навстречу тоске по прошлому вставал сегодняшний день с его суетой и заботами. Жена, дети, дела. Поздно менять что бы то ни было. Кто же бросает куски хлеба и подбирает крошки... И, собственно, кто кого держит: он — дела или дела — его? Все же приятно, приятно порой вспоминать те далекие годы, даже слегка потосковать по ним, особенно в тихие летние вечера, когда идешь, усталый, домой.

Конец лета. Семья уже переехала с дачи в город. Кончатся каникулы, и не сегодня завтра в гимназии начнутся занятия.

Вечер спокоен и ласков. Сады вокруг полны зреющих плодов. На листьях отливает золотом первая желтизна. Закат

освещает паутину меж ветвей. Идет месяц элул. Сегодня во всех молельных домах трубили в рог. Угасающий день теперь ценен лишь тем, что явился предтечей грядущих грозных дней — рошгашона и йомкипура.

Тревожное чувство постепенно овладевает Берлом Федером. И, войдя в дом, он сразу направляется в просторную, светлую комнату, где его ждет Малка.

А ведь его ждут и Сореле, и дети. И снова Сореле не знает, что и подумать.

Раньше, бывало, едва переступив порог, Берл бросался к своей Сореле, к детям. Малки он избегал. Теперь же нередко случается, что первым делом он заходит к ней — рассказать, как прошел день, обсудить, что предстоит делать завтра.

А Сореле ждет.

Но и Малка ждет. То, что Берл приходит к ней, рассказывает о делах, советуется с ней, поддерживает в ней жизнь. Стало быть, она еще хозяйка. Она руководит делом. Это даже делает ее моложе. Все те недуги и хвори, которые незаметно, постепенно приходят к старости, исподволь подкрадываются и не хотят уже отступать, Малка беспощадно отгоняет от себя. Она следит за собой, заказывает себе новые платья, и ей доставляет удовольствие комплимент, пусть даже неискренний, что она еще, слава богу, не сглазить бы, не сглазить бы... Берла она теперь боготворит. Благодарна ему, любит его, заботится о нем. Ей нравится, что и он следит за собой, хорошо одевается, щедрой рукой, как и подобает богачу, раздает милостыню, что он в чести и почете. Недавно она даже попрекала Сореле, за то, что та, мол, очень мало заботится о своем муже.

А Сореле ждет. Неужели Берл ничего не видит? Ведь так нетрудно догадаться, что с ней происходит.

Но в такой день, как сегодня, Берл нуждается в Малке. Сады задыхаются от зрелости. Листья устало светятся золотом изобилия. Вечерняя тишина оседает в душе тревогой. Начало элула. Утром трубят в рог. Люди подводят итоги своим деяниям, своим отношениям с ближними и с богом. Берл чувствует себя неуверенно. Как только дело доходит до итогов, им овладевает беспокойство. Он может остаться в проигрыше. Ему нужно, чтобы кто-нибудь развеял его сомнения, сказал бы, что он идет по правильному, предначертанному ему пути. Не должно у него быть сомнений.

А что может ему сказать Сореле? О делах она слышать не желает. Делами, говорит она, занимаются мужчины. Ей хочется радости, веселья, общения с людьми, хочется, чтобы люди любовались ее молодостью и красотой, чтобы ее дети нравились. Ей нужны нежность, благородство, одухотворенность. Все то, чего она когда-то ожидала от Берла. А Берл... Не обладает он больше этим. Все хорошее у него отняли. Он теперь нужда-

ется только в том, чтобы одобряли то, что он делает и может делать. Это и выполняет Малка.

Берл и Малка теперь дополняют друг друга. Он нашел опору в ней, она — в нем.

20

Берл все чаще заходил к Малке. Сореле сердилась. Что он, мальчик на побегушках? Почему он должен отчитываться? У Леи в доме такого не бывает. Ее муж никого близко не подпускает к делам. И Сореле пошла к сестре за советом.

Лея и ее муж — что стрелки на часах, живут согласно, четко, правильно. Взаимное уважение сменилось любовью. Теперь и вообразить трудно, как могли бы они жить друг без друга. Природа не всех одаряет одинаково. Кого больше красотой наделит, кого — умом. Лее и ее мужу досталось побольше ума, Сореле — побольше красоты. Лее и ее мужу жить легче. Им все понятно. Они знают, на что могут рассчитывать в жизни, и больше не требуют. А главное — они могут обходиться без других людей, им достаточно самих себя.

Сореле труднее. Берл ее не понимает. Мать — тем более. Она не может жить, замкнувшись в себе, в отрыве от людей. Ей скучно, она недовольна — жизнь уходит. Что же ей посоветует умная сестра?

Сестры выходят гулять. Много лет тому назад они точно так же вышли погулять, чтобы с глазу на глаз держать совет. И сегодня, как в тот раз, вечер наполнен печалью и тоской. И сегодня, как в тот раз, неизвестно по ком. Только тогда было начало весны, сегодня — конец осени.

— Объясни мне, сестра, — просит Сореле, — как мне понять Берла, что с ним произошло?

— Чего же ты, Сореле, не поймешь? Берл, можно сказать, собственными руками задушил свою жизнь.

— Что ты, Лея?

— Он живет чужой жизнью.

— Лея!..

— Ради тебя, сестра, ради тебя и детей.

— Я не понимаю тебя, Лея, ты пугаешь меня!

— Пугаться нечего. Мама поступает хорошо, направляя и поддерживая его. Она хочет, чтобы он свою нынешнюю жизнь считал не чужой, а своей. Что другое остается? Снова стать резчиком? Он давно забыл свое искусство. Бедняком стать? Кто узнал цену деньгам, не откажется от них. Без денег, сестренка, нет жизни, а ты...

— Что я?

— Прости, Сореле, ты только о себе думаешь. Помоги своему мужу в трудную минуту.

Сореле уходит от Леи с тем, с чем пришла. Лея тоже не понимает ее. И она не понимает Лею. Правда, Лея умна, но понять ее трудно. Чужая жизнь, собственная жизнь... Почему Шимен и Шейнеле умеют жить собственной жизнью? Почему у них хорошо и весело? Почему Шимен умеет настоять на своем?

21

В тот день, когда Сореле неожиданно пришла к Шимену и Шейнеле, в их небольшую, небогатую квартиру, выпал первый снег. Он лег на землю сразу по-зимнему. Шимен, сидевший у рабочего стола с заметанным пиджаком на коленях, бросил работу, вытер руки и пошел навстречу Сореле.

— Гость-то какой! Невестка! Садитесь, рассказывайте, как вы живете? Как муж, дети, мама?..

Либе-Шева расцеловалась с невесткой. Ей очень хотелось знать, что произошло, почему Сореле так неожиданно пришла, но она ни о чем не спросила. Выходило, будто Сореле только вчера была здесь, а сегодня опять наведалась.

Шейнеле молчала. Сердцем почуяла что-то недоброе. Бог знает сколько не приходила и вдруг заявила... Непонятно. Нет, не то имеет в виду Шейнеле. Понимать, может, она и понимает, но ей не нравится все это. Не нравится ей, что ее красивый муж Шимен стал еще красивее, когда Сореле вошла в дом. Он весь просиял, глаза засверкали. Ей кажется, а может, и не кажется, что Шимен и Сореле игриво поглядывают друг на друга.

В доме стало празднично. Сели за стол. Сегодня Шимен был особенно остроумен. Либе-Шева расспрашивала о Берле, о детях. Сореле было хорошо. И угощение, которое принесла притихшая Шейнеле, понравилось ей. Особенно рыбные тефтели с картошкой, луком и перцем. Сореле ест и не нахвалится: такого вкусного блюда она у себя дома давно не ела. В субботу она придет с Берлом, с детьми — послушать субботнее песнопение.

Шимен был рад, Либе-Шева — на седьмом небе. Шейнеле молчала.

Сореле ушла счастливая. Он действительно красивый, Шимен, умный, веселый. На душе стало светло. Тоска прошла, недовольство исчезло. Сореле почувствовала себя доброй, умной. В голове кружились приятные, веселые мысли. Выходит, вроде и она чем-то занята и не должна слоняться по дому, не зная, куда девать себя. В субботу она придет слушать его пение.

Но в субботу она не пришла.

Накануне, в пятницу вечером, она принарядилась, надела

свое лучшее платье. Она наслаждалась своей красотой, своим молодым, гибким телом. Она волновалась так, будто ей предстояло какое-то чрезвычайное событие. Она гадала: заметят ли у Шейнеле (ей стыдно было думать — у Шимена), как красиво она одета и как она счастлива? Весь вечер она витала в небесах. Позже, когда ложилась спать, ее почти удивило, что она одна. И как только она закрыла глаза, ей приснилось, будто Шимен пришел к ней, обнял.

«Сореле, я знаю, что ты любишь меня. Поцелуй меня...»

Они поцеловались, и она ощутила его всего. Она проснулась вся в поту. Сердце учащенно билось. Испуганно осмотрелась. Слава богу — сон!

Сореле сидела на кровати, скрестив руки на груди, словно от кого-то защищая ее. Она чувствовала на себе чужое дыхание, чужие руки. Себе самой она стала чужой. Противной. Ее красивая мечта окончилась нехорошо. Нехорошо, нехорошо!

И виновата во всем она одна. Лея права.

Напротив нее, на другой кровати, спал, еле слышно дыша, Берл, ее муж. Она пришла к нему.

22

Малке не хочется верить, что и она когда-нибудь умрет. Она знает тайну жизни: не отступать, не опускаться, не поддаваться слабости. Постель делает больным.

Правда, чем дальше, тем больше она вынуждена обманывать себя: у нее ничего не болит, она здорова. И надо признать, обман часто помогает, особенно по вечерам, когда домой возвращается Берл.

По вечерам Малка смотрела в окно, не идет ли зять. Слонялась, бродила неподалеку от дверей, хотела услышать его шаги. По вечерам она чувствует себя моложе, во всяком случае не старой. Малке хватало ума, чтобы пореже смотреться в зеркало. Вдали от него ей порой казалось, что она еще молода и красива. Такая же, как в первые годы после свадьбы. И это заводило ее чересчур далеко: она вспоминала свою силу, когда, бывало, прихорашивалась перед сном, вертелась полураздетая вокруг Пинхоса. Он тогда приходил к ней, становился добрым, уступчивым.

Малка бросала на себя взгляд в зеркало и тут же жалела об этом. Ей становилось вполне ясно: единственное, что держит ее в жизни, — это общение с Берлом. Он отчитывается перед ней, он спрашивает у нее совета, в этом ее утеха, это рождает желание жить. И она подолгу не отпускала его от себя, снова и снова расспрашивала и о его делах, и обо всех событиях в городе.

Но вот однажды случилось так, что, слушая Берла, Малка задремала. Это длилось минуту, секунду, не более, но сильно расстроило ее.

«Мы действительно стареем, мой друг», — сказала она себе. С тех пор она, слушая Берла, изо всех сил старалась держаться бодро, не пропускать ни одного слова.

А Берлу теперь все меньше хотелось засиживаться у Малки. Сореле ждала его, она тоже начала проявлять интерес к его делам. Она уже несколько раз повторила:

— Подожди, мой дорогой муж. Пока я только задаю вопросы. Со временем я начну давать советы. Ведь муж и жена — что две стрелки на часах.

Берл радовался. Если Сореле с ним, если они понимают друг друга, чего ему желать?

Случилось, что Малка снова вздремнула посреди рассказа Берла. На этот раз не на минуту, не на две. Проснувшись, она и не заметила, что спала. С того дня Малка хотя и не подавала виду, но ощутила свою старость. Она быстро уставала от рассказов Берла, и они все меньше занимали ее. Вообще-то Берл заходит теперь раньше к Сореле, которая с нетерпением ждет его. Но он и к Малке приходил каждый вечер. Спрашивал о самочувствии, о здоровье. Может, врача позвать? Нет, нет, упаси бог! Она здорова. Ей так удобно отдыхать в широком мягком кресле. Ее и в самом деле, когда бы к ней ни заходили, заставляли в большом старинном кресле. Но с каждым днем Малка становилась все меньше, а кресло все больше. Своим упрямым стремлением не поддаваться (постель делает больным), она все-таки чего-то добилась: умерла она не лежа, а сидя.

Были пышные похороны. Либе-Шева, старенькая, кожа да кости, пришла на похороны вместе с Шейнеле.

И, как всегда, люди по дороге к кладбищу думали про себя: никого это не минет... А потом, возвращаясь с кладбища, добавляли: пока живы — надо жить.

Берл Федер пользуется большим уважением в городе.

Сореле уже дает ему советы. Правда, чаще всего она попадает пальцем в небо, но это не важно. Важно то, что она советует, что она живет его жизнью, понимает его, не оставляет одного.

Бывает, Сореле затоскует по тем временам, когда они с Берлом были женихом и невестой. Затуманенным взглядом смотрит она в окно. Смотрит... Вблизи ничего не видно. Но зато где-то далеко-далеко видится ей: Берл целует ее... А она говорит ему: «Ты злой мальчик! Не люблю тебя!»

Потом она видит себя бегущей по пустынным улицам Гродно. В холодную зимнюю ночь она бежала к нему, к Берлу...

Когда это было? Может, и вовсе не было?

Когда-то была близость и радость. Осталась только близость.

А однажды, придя домой, Берл Федер увидел: на изящном столике стоял вздыбленный конь со всадником.

То был его «Всадник».

Берл был потрясен. Откуда? Какими судьбами? И снова, как много лет назад, когда он вспоминал «Всадника», его охватило чувство неизбывной тоски. И, как тогда, откуда-то из недр времени всплыли добрые годы юности в доме бабушки Гешла. Годы надежд и любви. Годы, когда он верил в себя, а воображение, живое и яркое, рисовало будущее.

А теперь... Кто он теперь?

Он закрыл глаза. Они были влажны.

БЕРЛ ФЕДЕР И ЕГО ДОЧЬ

ЗВЕНО ПЕРВОЕ

Что мне до твоей родословной,
Кто есть ты сам?

1

Богатый гродненский купец Берл Федер — один из самых именитых и уважаемых людей в городе. Вместе с женой Сорой они вырастили троих сыновей и дочь. Точно так же как в былые времена покойная Малка любила свою ненаглядную Сору, теперь сама Сора души не чает в красавице Розе.

Сыновья учились в гимназии, но не все закончили ее. Теперь это женатые люди, взрослые отцы семейств. В ту пору женских гимназий в Гродно еще не было, и для Розы наняли учителя, который давал ей уроки дома. Роза росла, нежась теплом материнской ласки и отцовской доброты. Порою казалось, что жизнь в ее представлении — это светлый праздник, где нет места для зла и несправедливости. В ее годы Сора была уже влюблена, без конца повторяла заветное имя: «Бере-ле, Беренька, Берчикл...» Сердце Розы еще не ведало любви. Жизнь Соры проходила однообразно и обособленно, как на острове. Все помыслы и все интересы замыкались на заботах о семейном очаге. Так было когда-то, при жизни отца, ничего не изменилось и в собственном доме. А дочь хочет знать буквально все, что творится вокруг. Читает Пушкина, Лермонтова, Гоголя, знакома и с польскими авторами — Мицкевичем, Словацким, ее увлекает и волнует волшебный мир поэзии.

Гродно — город, в котором живет немало евреев. Однако Роза не испытывает интереса к жизни своего народа. Все представления о жизни она черпает из книг — в них каждая страница полна поэзии и романтики.

Когда в городе открылась крупная табачная фабрика, многим удалось найти там работу. Но фабрика — это не место для романтики. Все здесь чуждо, непонятно Розе и проходит мимо нее незамеченным.

Или вот еще.

Через город проложили железнодорожную линию Петербург — Варшава. Отец считает, что это очень важно, но Розу волнует совсем другое — железная дорога соединяет Гродно с двумя такими городами, как Петербург и Варшава, где она давно мечтает побывать. Почти все, что до сих пор происходило в окружающей жизни, Роза воспринимала по-своему: это вра-

вится, а то не нравится, в общем серьезно не переживала ни за то, ни за другое.

Поднявшееся в Польше восстание (было это в 1863 году) пробудило Розу. Мощное эхо его докатилось до Гродно. От бывшего равнодушия Розы не осталось и следа — она жила происходившими событиями, особенно в те минуты, когда поступали радостные вести и казалось, что победа повстанцев уже не за горами. Радость и желание помочь переполняли Розу, она готова была лететь на край света.

В те дни в Варшаве прошла массовая манифестация протеста. Вместе с поляками на улицы города вышла большая группа евреев, во главе с главным раввином Майзельсом. Узнав об этом, Роза не в силах скрыть свое восхищение:

— Молодцы!

Добрая и чуткая Роза верит только хорошим вестям, иных она и слышать не хочет. Между тем дела у повстанцев идут все хуже и хуже. Розе больше нечему радоваться. Задумчивая бродит она по дому. Не говорит ни с отцом, ни с матерью.

— Что с тобой творится, дитя мое? — волнуется Сора.

Роза отвечает нечто невнятное. И обеспокоенная мать призывает на помощь сестру Лею. Та помоложе, поумнее и наверняка что-нибудь посоветует.

2

Высокая, худощавая, подвижная, в домашних бархатных башмачках, Роза блуждает среди тихих комнат большой отцовской квартиры и не знает, куда себя деть. Время тянется бесконечно. Но вот она слышит, как распахивается наружная дверь. До нее доносится голос Леи.

— Тетя! — Роза бросается ей навстречу, радостно обнимает и целует. — Тетя, милая!

Роза любит тетю Лею. Разве с мамой можно обо всем говорить, всем поделиться? С тетей — по-другому. Ей можно поведавать все мысли и чувства.

Лея мало изменилась. Та же солидность, степенность, перенятые у ее отца Пинхоса. Легкая сединая придает ей импозантность. Знакомые и люди, которые вовсе не знают Лею, обращаясь к ней, называют ее не иначе как «мадам». Лея — умная женщина. И по сей день она превозносит своего мужа, гордится им, но по сути дела — она подлинная хозяйка дома, и решающий голос принадлежит ей.

Лея с племянницей уединились в уютной Розиной девичьей комнате, на стенах которой висят портреты Пушкина и Гоголя (в соседней комнате висят другие картины — виленский гаон, Мойсей Монтефьоре). Розе не терпится услышать, что скажет

ей тетя. Неспроста ведь она заявила так, вдруг, посреди недели.

— Не могу налюбоваться тобой, Розочка. Что ты сейчас читаешь?

— Ничего не читаю, тетя.

— Выходишь гулять?

— Нет.

— Опять нет. Что же так?

— Скучно мне.

— Это мне понятно, миленькая ты моя. В твои годы маме твоей было скучно, да и мне тоже. Ты ведь у нас, не сглазить бы, совсем невеста...

— Ну что вы говорите, тетя...

— Все время одна — оттого и скучно тебе. А еще скажу, дитя мое, что нравится тебе все больше то, что для всех нас чужое. Совсем ты отдалилась от нашей жизни.

— Что вы такое говорите...— Когда Розе тяжело сказать что-нибудь в ответ, на языке вертится одно лишь это «что вы говорите».

— Роза, девочка моя, не вечно же тебе сидеть под крылышком у матери. Надо тебе Петербург и Варшаву... Будь по-твоему. Но скажи мне, знаешь ты хотя бы, что делается на улице, где ты живешь? Далось тебе это восстание! Что с него будет для тебя, для твоего отца, для твоей матери? А чем это кончается — сама видишь.

Роза молчит и не знает, что ответить. Наверное, тетя права: далека она, Роза, от всего житейского. Но вот насчет восстания она не согласна — оно ведь нужно всем, в том числе и евреям. Она не высказывает своих мыслей вслух. Сказать так, как она не думает и не чувствует, она не может, но так же трудно высказать ей то, что переполняет душу. Она еще сама не сумела во всем разобраться. К тому же это может принести огорчения тете, маме, отцу. И она молчит.

3

Лея зачастила к племяннице, теперь их нередко можно было видеть вдвоем на прогулке, изредка заходили в театр. Случилось так, что, прогуливаясь как-то на Коложах, возле казацкой (Борисоглебской) церкви у разросшегося дикого грушевого дерева, они повстречали женщину, которая также гуляла с сыном, молодым рослым пареньком. Завидев друг друга, обе, и женщина, и тетя Лея, несказанно обрадовались этой встрече. Тут же состоялось и знакомство Розы с юношей, и вот уже все вместе они продолжали прогулку. Лея со своей приятельницей шли впереди, Роза со своим новым знакомым сзади.

Походка у парня была нетороплива, в каждом шаге чув-

ствовалась уверенность. Не в пример подвижной нетерпеливой Розе, которая вечно норовит забежать вперед, а потом вынуждена замедлять шаг.

Кто же первым начнет разговор? Роза, дочь богатого купца, или Эзра, выходец из обедневшего, хотя и почтенного семейства.

Роза говорит по-русски.

— Скажите,— обращается она к нему,— как ваше имя — Эзра — будет звучать на русском языке?

— Так и будет — Эзра. Оно звучит одинаково на всех языках.

— Но ведь оно чисто еврейское.

— А разве сам я не еврей?

Не столько ответ, сколько убежденное чувство достоинства, прозвучавшее в нем, невольно вызвало у Розы любопытство. При этом она не выдержала и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы удивлены? — спросил он.

— Нет, что вы. Я знаю, что евреи есть евреи. Но чтобы гордиться этим...

— Я вовсе не горжусь. Но и принижать себя тоже не хочу. Просто я еврей, обычный человек, как и все другие люди на земле.

Роза опять пытливо посмотрела на него, во взгляде ее мелькнула усмешка. Эзра это почувствовал и сказал:

— Я слышал, вы очень любите поэзию. Хотите, я прочитаю вам несколько строчек?

— Кто же автор стихов?

— Иегуда-Лейб Гордон.

— Никогда не слыхала такого поэта. Он пишет на русском языке?

— Нет, на древнееврейском.

Роза с трудом могла скрыть свое изумление.

Тихо в сосновом лесу. Где-то упала шишка. С ветки на ветку перебегает белка. В просвете между деревьями полыхает багряный предвечерний закат. По-прежнему впереди идут Лея и мать Эзры, позади Эзра и Роза.

4

С прогулки мать Эзры вернулась радостно возбужденная. Пусть услышит всевышний ее заветное желание и соединит вместе Эзру и племянницу Леи. Ах, как это сейчас важно. Роза ведь богатая невеста.

Эзра недоволен.

Эзра Мазовер происходит из старинного и уважаемого гродненского семейства. Были времена, когда почет и уважение, которыми были окружены Мазоверы, вполне сочетались с дос-

татком в семье. Теперь осталась только почтенная родословная. Деревянный дом, стиснутый со всех сторон другими деревянными строениями, принадлежал еще деду. Сколько Эзра помнит себя, столько держится в его памяти и этот дом, здесь он родился, младенцем ползал на четвереньках, здесь справил бармицве. Посреди комнаты, под ярко светящей лампой, стоял большой стол, сидя за которым каждую пасху, Эзра задавал дедушке четыре вопроса. За стеклянными дверцами шкафа в серебряной чаше, обложенный ватой, лежал цитрон. Три полки на стене украшали фолианты Талмуда, молитвенники и другие священные книги в разнообразных переплетах.

Потом дедушка умер, и Эзра задавал четыре вопроса уже своему отцу. К тому времени дела у отца сильно пошатнулись. Праздничная и субботняя благодать, прежде ослепительно ярко сверкавшая во всех уголках дома, заметно потускнела. Отец ходил озабоченный, все чаще и чаще горестно вздыхал. От семьи он старался скрывать бедственное положение. Ведь и без того тяжело. Сердечный недуг рано свел его в могилу. Оставшийся после его смерти дом не мог покрыть и половину долгов. А что будет дальше? Хорошо еще, что удалось выдать замуж сестру.

Нет, Эзра очень недоволен.

Для него совершенно ясно: Роза почти уверена, что их встреча — чистейшая случайность. Подумаешь, прогулялись по лесу. Но Эзру не обманешь. Пусть себе мама говорит, что это была просто обычная прогулка. Он-то знает, что о встрече было условлено заранее. И еще он готовит себя к тому, что не сегодня завтра мама подойдет к нему и как бы невзначай скажет:

— Мне кажется, что Роза добрая и красивая девушка. Как ты думаешь, Эзра?

С детских лет в нем укоренилась привычка к послушанию. Эзра привык слушаться всех — дедушку, мать, отца. Послушается ли он на этот раз? Да разве дело здесь в одном только послушании? После смерти отца Эзра остро почувствовал, насколько ухудшилось положение семьи. Невольно стал он задумываться о самой сути жизни. Эзра вырос в семье с укоренившимися национальными устоями, в семье, которая строжайшим образом придерживалась всех обрядов, постов. Даже русскому языку Эзра сумел выучиться только по еврейскому учебнику Шмуела-Иосифа Фина. Позже он познакомился со стихами И.-Л. Гордона на древнееврейском языке, прочел стихи Михла Гордона, написанные на языке идиш. Он был все тот же Эзра. И все-таки... В чем-то он стал другим. Может быть, он и не утратил ничего, но, несомненно, в нем появилось нечто новое. Помимо забот о хлебе насущном (что же делать дальше, как заработать на жизнь?) он стремился к чему-то большему.

Эзра не ошибся. В тот же вечер мама завела разговор:
— Сдается мне, что Роза очень неглупая девушка. К тому же хороша собой. Что скажешь, Эзра?

5

В доме Мазоверов редко слышали, чтобы мать была чем-то недовольна или на что-то жаловалась. Все в этом мире вершится волею всевышнего. Она твердо усвоила истину: кого господь любит, тому он и посылает испытания. Теперь настал ее черед отвечать перед богом.

Эзра уверен, что мамина безропотность, ее надежда и вера происходят от того, что она боится заглянуть в завтрашний день. Слепой верой изгоняет здравые мысли о будущем. Она привыкла обходиться самой малостью. Много ли ей надо? Но Эзру не так-то легко заставить закрыть глаза на правду жизни, напротив, он явственно видит, что эта «малость», которой готова обойтись мать, становится настолько ничтожной, что ее почти невозможно разглядеть.

Мама живет надеждой: удачная женитьба сына может все изменить и поправить.

Эзра в это не верит.

С какой это стати понадобилось вдруг Федерам брать к себе в дом бедняка? С чего бы это? Можно подумать, что их дочь нехороша собой или с каким изъяном. Как будто бы нет, красавица, не сглазить бы, и здоровьем ее бог не обидел. Что правда, то правда, сам Берл Федер прошел через это. Все знают, как в свое время он был принят в богатую семью. Вот именно поэтому, считает Эзра, Берл Федер не захочет теперь занять бедняка зятя. Зачем ему это? Или и впрямь перевелись женихи в Гродно? Для себя Эзра уже твердо решил: его не может отпугнуть то новое «ужасное», что так страшит его мать.

Что же так сильно пугает ее?

В один прекрасный день, примерно год назад, к маме пришла сестра Зелда, подавленная и расстроенная. На голове ее был повязан черный платок, в котором пристало идти только на похороны. Не успела Зелда переступить порог, как тут же залилась горькими слезами.

— Зелда, скажи, что такое стряслось? Горе мне... Что произошло?

— Она ушла...

— Кто ушла?

— Дочь моя, Фейгл, ушла работать на табачную фабрику. Подумать только! Моя дочь — папиросница!

Зелда плакала и причитала.

— Дожили, ничего не скажешь, дожили...

Мама плакала вместе с сестрой. В их представлении, случилось нечто страшное и непоправимое. Ни домашнего очага (пусть уж самого бедного), ни рода (пусть уж совсем захудалого). Простые папиросницы, фабричные девчонки. Горе-горе... Близится конец света.

— А что думает сама Фейгл?

— Она не желает больше жить в беспросветной нищете. Она хочет зарабатывать себе на кусок хлеба, а не протягивать руку за подающим...

С того дня, когда тетя Зелда, заплаканная, пришла с этим известием, мать Эзры потеряла покой. Ей кажется, что такое может случиться и с ее сыном. Осталась одна надежда: подыскать для него красивую и богатую невесту...

6

Последнее время и Сора чувствовала себя беспокойно. Что творится с ее девочкой? Из самой глубины души с болью исторгла она слова, которые говаривала ее покойная мать, Малка: «Боже милостивый, держи нас в страхе, но не карай безвинно!»

Лея и Роза вернулись с прогулки. Сора только взглянула на них, но и этого взгляда было достаточно, чтобы понять: на небесах вняли ее молитвам. Обе пришли изрядно проголодавшиеся, но в их облике сквозило какое-то радостное возбуждение. В доме так повелось, и это ни для кого не секрет, что Роза не очень-то расположена откровенничать с матерью, зато тете Лее раскроет и выложит все, что у нее на душе. Но сегодня Роза не произносит ни слова. Кажется, она ушла в себя, но, если присмотреться, можно понять, что на душе у нее сейчас радостно.

Сора и Лея перебрались в отдельную комнату и о чем-то непрерывно шушукуются. Сора старается выведать да разузнать обо всем как можно подробнее. Лея отвечает. Но вот уже, слава богу, на все вопросы получены ответы, и невыясненным осталось только самое главное. Сестры не могут взять в толк, для чего, собственно, понадобилось знакомить Розу с Эзрой. Разве речь идет о помолвке? Роза, кажется, еще не собирается выходить замуж, да и Эзра далеко не тот жених, которого ей прочат. Все это делается лишь для того, чтобы Роза могла немного отвлечься, разогнать хандру, не быть все время одной-одинешенькой, наедине со своими мыслями и переживаниями о каких-то там восстаниях. К тому же будет совсем неплохо, если через Эзру Роза хотя бы немного приобщится к еврейской жизни. Но где-то в глубине души обеих одолевало сомнение: а вдруг они все же поспешили, устроив это непродуманное знакомство?

На самом деле, ошибаются обе — и Сора, и ее сестра Лея. Роза вовсе не молчит. Нет, она разговаривает с Эзрой. Его голос, читающий стихи, не дает ей заснуть до поздней ночи. Она явственно видит Эзру, чувствует рядом с собой его уверенный шаг. И воспоминание о нем вызывает у нее приятное волнение.

Назавтра Роза отправилась к тете. В доме у Леи все поставлено иначе, не так, как у Соры. Здесь все рассчитано и разложено по полочкам. В этом доме царят порядок и аккуратность. Не приведи господь, если Лея увидит на стуле пиджак или шляпу — для этого существует шкаф. Или — что это за книги на подоконнике? Для них ведь отведено законное место на этажерке. Но этот образцовый порядок нередко ложится на душу тяжелым грузом. Так человек, с его простыми и живыми желаниями, становится рабом созданной обстановки, позволяет внешнему порядку возвыситься над самим собой. Обычно Роза чувствует себя здесь скованно и неудобно. Однако сегодня обстановка мало волнует ее. Есть нечто более важное, ради этого она и пришла сюда. А здесь еще тетя Лея встретила ее буквально на пороге и тут же огорошила словами:

— Я так и знала, что ты придешь.

— Знала?

— Знала и предчувствовала.

— Но почему, тетя?

— Вчера ты была совсем не такая, как обычно. Ты выглядела задумчивой, но мне показалось, что у тебя радостно на душе.

Так говорит Лея, помогая между тем Розе снять легкое пальтишко, и, сама того не замечая, кладет его прямо на стул. Не замечает этого и Роза.

— Тетя, скажи по правде. Тебе понравился Эзра?

— Мне? При чем здесь я? Понравился ли он тебе?

— Тетя, если бы я могла разобраться в этом сама, зачем бы я стала приходить к тебе? Я только хочу знать, случайной ли была наша встреча, или вы о ней условились заранее?

— Да, мы договорились заранее. Но знаешь... Кажется, я начинаю жалеть об этом.

— Я — нет.

— Гм, вот даже как... О чем же ты тогда спрашиваешь?

— Я ни о чем не спрашиваю, тетя. У меня к тебе просьба... Я хочу встретиться с Эзрой еще раз.

Эти слова приводят тетю Лею в замешательство. Насчет этого знакомства у нее были свои сомнения. Что уж теперь говорить о повторной встрече?

Беседа между тетей и племянницей затянулась надолго. Лея, не жалея сил, пыталась доказать, что в таких делах не следует торопиться, надо все как следует обмозговать, посоветоваться с отцом, с матерью. Роза, как могла, пыталась ее успокоить, просила не принимать все так близко к сердцу. Те-

те не следует заранее заглядывать слишком далеко в будущее. Ведь и настоящее пока еще так неопределенно.

Однако дело кончилось тем, что вскоре после этого разговора произошла новая встреча Эзры и Розы. Они встретились на том же самом месте, у дикого грушевого дерева на Коложах, возле казацкой церкви. Все было точь-в-точь как тогда. Впереди шли мать Эзры и тетя Лея, позади — Эзра и Роза.

7

Легко и тихо ступает Роза по комнате в своих бархатных башмачках. Все думы ее — об Эзре.

Для нее Эзра по-прежнему загадка. Ей как раз больше по душе веселая оживленность, а он всегда такой серьезный... Не пошутит, не расскажет веселого анекдота, не умеет делать комплименты. Конечно, то, что он говорит, слушать всегда интересно. Он знает многое такое, о чем Роза никогда не слышала. И в нем, несомненно, чувствуется какая-то внутренняя сила.

Но еще прежде, чем это дошло до ее искушенной и всезнающей тетушки, Роза поняла, что Эзра очень беден. Как ни пытается он скрыть это, видно, что бедность его сильно угнетает. Через пару дней после второго свидания с Эзрой Роза снова пришла к тете Лее.

— Тетя, я хочу, чтобы ты подыскала для Эзры какую-нибудь должность.

Лея удивленно посмотрела на племянницу:

— Что случилось, Роза?

— Ничего не случилось.

— Это он просил тебя об этом?

— Ну что ты говоришь, тетя? Эзра ни за что не станет сам об этом просить.

— Что же тогда вдруг, ни с того ни с сего?

— Вовсе не вдруг. Вот уже два дня, как я собиралась поговорить с тобой.

Лея никогда не сомневалась в своей племяннице, она знала, что Роза всегда говорит правду. Но на этот раз она не была уверена в ее искренности.

— Извини, но я все-таки не совсем понимаю. Ты просишь о чем-то без его ведома? Может быть, он вовсе не нуждается ни в какой должности.

— Ах, тетя, тетя... Ну как ты не понимаешь? А еще такая умная... Мне кажется, что он никогда не ест досыта.

— Роза, скажи честно, он тебе нравится?

— Я уже один раз ответила, тетя. Будь это так, я бы не стала тебе докучать. Неужели ты и вправду думаешь, что

нельзя желать сделать человеку добро, не будучи в него влюбленной. Я так не считаю.

Тетя Лея вновь преисполнилась доверия к своей племяннице.

— Конечно, ты права, ты добрая.

8

Отчужденность между Берлом Федером и его сестрой Шейне длится уже не один год. Пока была жива их мать Либе-Шева, еще теплились какие-то родственные связи и чувства, да и те постольку поскольку: есть Либе-Шева, а у нее — сын Берл и дочь Шейне. Сама Либе-Шева об этом немало думала и передумывала. Бывало, найдет себе теплый уютный уголок, усядется там, старенькая, согбенная, глядит своими глубоко запавшими глазами, все видит, все замечает и непрерывно думает, думает... Мысленно перед ее глазами встает покойный муж. Вот она выглядывает из их домишка в Форштадте, смотрит в сторону заснеженного холма, радостной улыбкой встречая возвращающегося с работы Зелика. А вот перед ее глазами всплывает другая картина: вдвоем с маленьким Берлом они томятся в ожидании у тюремных ворот с приготовленной для Зелика передачей.

Внезапно Либе-Шева поднимает голову и произносит:

— Шейнеле, давно что-то не показывался к нам Береле.

— Я тоже не помню, когда видела его, — участливо отвечает дочь, стараясь не вызвать у матери волнения.

Но Либе-Шева всегда отличалась ясным умом. Она умела отдавать себе отчет в том, что происходит вокруг. В голове — горестные мысли. Подумать только! Ее дети, брат и сестра, одна кровь... И совсем чужие люди. А Берл, Берл? Хоть бы к матери родной показался. Что же это творится на белом свете?

Со смертью Либе-Шевы брат и сестра совсем стали будто чужие. Даже общие знакомые и те давно позабыли, что у Берла Федера есть сестра по имени Шейне, жена портного, которая живет в этом же городе. Мало кто помнит, впрочем, что и у Шейне, жены портного Шимена, имеется богатый брат по имени Берл.

Шимен-портной по-прежнему работает, иногда даже, как прежде, поет, особенно по субботам, когда все его семейство собирается за столом. Шимен заметно поседел, и жена его, Шейне, горестно вздыхает, видя, как быстро к нему приходит усталость, как рано вечером начинают у него слипаться глаза.

Сыновей удалось пристроить к различному ремеслу. Девочки работают у Шерешевского, на табачной фабрике. Сыновья скорее походят на мать — такие же добрые и отзывчивые, дочери больше удались в отца.

Двор, где обитает Шимен со своим семейством, в сущности, мало чем изменился. Как и в былые времена, в этом дворе любого человека могут одеть с головы до ног. Но и здесь чувствуются перемены. Портной Шимен, сапожник Рувн, шапочник Нафтоле привыкли работать сами по себе. Дети же их гнут спину на владельцев мастерских. У отцов все жалобы и недовольства не шли дальше господ бога. У детей есть серьезные счета и к своим хозяевам.

Так же как везде и повсюду, здесь кто-то умирал и кто-то являлся на свет божий. Умерла Фрейда, мать учителя Менахе-ма Рубина. За ней последовала зеленщица Шифра. Поредел круг завсегдатаев двора. Нет больше книгоноши реб Менаше, нет моралиста Кивы Фрейдеса. Зато и детворы прибавилось, не сглазить бы... Каждую весну, когда жильцы с первыми теплыми днями выходят во двор, небольшое пространство между двумя березами сплошь завешивается детскими распашонками и пеленками. Молодые матери держат крошечных младенцев на руках, вокруг них копошатся, бегают, кричат, смеются и плачут дети постарше.

Учитель Менахем Рубин так и не женился, остался холостяком. Фейгеле он больше не видит. У нее растут дети мал ма-ла меньше. Когда она вспоминает учителя Менахема, на губах ее появляется улыбка.

А жители двора по-прежнему относятся к нему с большим уважением. Но за глаза не могут удержаться и сокрушенно вздыхают: жаль, что такому прекрасному человеку не суждено в жизни счастье. Шимен теперь у него редкий гость. Но дети его наведываются частенько, учатся грамоте, берут почитать книжку.

9

В последнее время учитель Менахем Рубин и Эзра как-то незаметно сблизились друг с другом. Эзру все так же угнетает бедность, учитель никак не может забыть свою неудавшуюся любовь. Неудивительно, что их потянуло друг к другу, оба испытывали потребность высказаться, поделиться своими мыслями. Несмотря на разницу в годах, в характерах друзей есть много общего. Сходятся взгляды на жизнь, совпадают и литературные вкусы. В доме Менахема Эзра стал частым гостем. К его приходу учитель ставит на стол угощение: селедку, картошку в мундире и чай. За трапезой и на душе становится легче. Случается так, что даже Менахем, который обычно не любит распространяться о своей жизни, увлекается и в порыве доверительного настроения вспоминает Фейгеле, сетует на одиночество. Растроганный доверчивой откровенностью учителя, Эзра рассказывает о своих встречах с Розой.

Обычно Эзра приходил в гости с пустыми руками. Но вот однажды он удивил учителя, принеся к трапезе колбасы и сдобного печенья.

— Что это значит, Эзра? Не иначе — разбогател?

— Пока еще нет. Но я теперь работаю.

— Где же, позволь узнать?

— В конторе табачной фабрики.

Учитель недоуменно смотрит на своего друга. Устроиться на фабрику, да еще на должность в конторе дело непростое. Об этом можно только мечтать.

— Как же тебе удалось, Эзра? Да нет, ты, верно, шутишь со мной... Место в конторе? Это правда?

— Правда, Менахем!

— Что ж, в добрый час! Поздравляю! Но теперь объясни, как это произошло. Не иначе, свершилось какое-то чудо...

— Верно, Менахем, именно чудо. Но у этого чуда есть имя: Роза Федер.

Весть о том, что его племянник Эзра работает в конторе табачной фабрики, дошла и до дядюшки Манеса. В первую же субботу он явился в гости к сестре. Та сияла от материнской гордости за сына, который стал главным кормильцем семьи. К тому же в ней снова пробудилась надежда женить своего сына на Розе Федер.

И дядюшка Манес верит в это.

Еще совсем недавно будущее рисовалось Эзре в мрачном свете — он не видел выхода и почти оставил надежду выбиться из нужды. Несомненно, судьба ниспослала ему редкую удачу. Теперь он может заработать на кусок хлеба для себя и для матери. Эзра понимает, что необходимо повидаться с Розой, поблагодарить за то, что она сделала для него, но он не может решиться и откладывает встречу со дня на день. Не то, чтобы он стеснялся или не был уверен в себе. Просто в его отношения с Розой вмешалось нечто такое, что вызывало не совсем приятное чувство. До сих пор они были на равных. Никто никому и ничем не был обязан. Теперь же, когда он узнал, что именно Роза через свою тетю устроила ему протекцию на фабрику, это ощущение равноправия исчезло, и он попал в положение человека, которому оказали благодеяние. И надо же так... Не дожидаясь просьб от него, сама все поняла и все сделала. Теперь Эзра чувствует себя должником перед ней.

За трапезой в доме учителя, угощаясь вместе с ним колбасой и печеньем, Эзра неотступно думает о новой встрече с Розой. Позже, когда друзей охватило теплое безмятежное настроение, Эзра поделился своими мыслями с Менахемом, сказал все, что говорят по этому поводу его мама, дядя и что думает он сам.

Менахем ответил не сразу. Здесь есть над чем подумать.

Слова он произносит не спеша, поскольку размышляет и говорит одновременно.

— Ну, положим, и мама твоя, и дядя не могут не надеяться. Что им еще остается, кроме надежды? Но ты?.. Разумеется, то, что Роза Федер выхлопотала тебе должность, является для твоей мамы верным признаком того, что эта девушка не прочь и выйти за тебя. Но неужели и ты, Эзра, считаешь, что для Розы предел мечтаний — муж конторский писаришка? Очень это нужно дочке богача! А что скажут ее родители? Если бы Берл Федер хотел этого, он мог бы сделать тебя своим компаньоном. Впрочем, кто его знает... Может, ты и правду нравишься ей. А, собственно, почему бы и нет?

— Пустые речи, Менахем!

— Не скажи. И не пори горячку. Мало что бывает в жизни.

— Просто чудеса!

— А без чудес, скажу тебе, дружище, и чудес не бывает. Видишь, на столе колбаса и сдобное печенье... Но шутки в сторону. Ты прав, Эзра. На что сдалась богачам всякая голытьба? Вот тебе простой пример из жизни: у нас во дворе обитают Розины двоюродные братья и сестры...

— Братья и сестры Розы? Ты в своем уме, Менахем? Кажется, мы с тобой в рот не брали ни капли вина.

— Вот видишь, ты тоже этого не знал. А между тем Шейне, жена Шимена-портного, доводится Берлу Федеру родной сестрой.

— Сестра Берла Федера?!

— Все дети Шейне занимаются ремеслом. Девочки работают на табачной фабрике.

— Роза знает об этом?

— Думаю, что нет. Скорее всего, она и понятия не имеет о том, что у нее есть тетя Шейне и дядя Шимен. Зачем богачам бедные родственники? Кому вообще нужны бедняки? Разве что всевышнему... А посему божья заповедь гласит: плодитесь, размножайтесь.

...Встреча Эзры и Розы состоялась у того же дикого грушевого дерева. На этот раз оба чувствовали себя более скованно и отчужденно, чем в первый раз. Роза боялась, что Эзра первым делом начнет благодарить ее за участие. Эзра чувствует, что он должен сделать это, но очень уж тяготит его роль «должника». В таких щекотливых ситуациях нередко выручает вовремя и удачно найденное слово.

— Вы знаете, мама очень боится, как бы я насквозь не пропах табаком или, еще того хуже, махоркой.

— К хорошему табачному аромату я отношусь более или менее терпимо, но запах махорки действительно не переношу.

Слово за слово, и вот постепенно разговор стал клеиться, завязалась беседа, и Эзра начал рассказывать Розе об удивительном дворе, где живут умельцы, которые могут любого че-

ловека одеть с головы до ног. Эзра даже не ожидал, что двор так интересуется Розу. А она настойчиво просит рассказывать еще и еще. Эзра не заставляет себя долго упрашивать. Роза внимательно слушает, ловит каждое слово, и губы ее шевелятся, как бы вновь повторяя услышанное.

Откуда было ей слышать раньше о таком дворе? Эзра называет некоторых его обитателей: учитель Менахем, сапожник Рувн, шапочник Нафтоле... Эти незнакомые имена ни о чем не говорят Розе. Не знает она также, кто такие Шимен и Шейне.

Эзра рассказывает обо всем — о двух березах, что растут во дворе, о молодых рабочих парнях и фабричных девушках-папиросницах. Рассказ его звучит настолько конкретно и в то же время образно, что у Розы появляется желание увидеть все своими глазами. Теперь только до нее начал доходить смысл слов, сказанных тетей Леей: «Ты ведь даже не знаешь, что творится на улице, где ты живешь». Да, действительно, тетя права, слишком далека она, Роза, от жизни народа.

— Эзра, мне очень хочется посмотреть этот замечательный двор. Вы не откажетесь пойти со мной?

— О чем вы говорите, Роза? Мы можем пойти туда хоть сейчас.

Когда Эзра и Роза появились во дворе, летний субботний день уже близился к закату. Мужчины собирались в синагогу к вечерней молитве. На смену субботе уже шли будни, и вместе с их приближением на лицах появлялось привычное выражение озабоченности. Женщины небольшими группками собирались в разных уголках двора и уже толковали о том, что им предстояло сделать в воскресенье и понедельник. Только детвора с шумом и гамом носилась вокруг, никак не желая прекращать свои субботние игры.

С появлением Розы и Эзры во дворе как-то сразу все стихло, присутствующие с нескрываемым любопытством разглядывали пришедших. Конечно, главным образом их интересовала Роза. Хотя никто в точности не знал, кто она и откуда, по одному ее виду нетрудно было определить, что к их двору она не может иметь ни малейшего отношения. Кто же эта незнакомка и что ей здесь понадобилось?

Само собой, все решили, что если обращаться к ней с какими-либо вопросами, то непременно по-русски. Но, увы, знатоков русского языка во дворе было раз, два и обчелся.

— Маша, Маша! — раздалось сразу несколько голосов.

Случилось так, что как раз к приходу Эзры и Розы Маша, дочь вдовы Пеши, собиралась уходить со двора. Машу все здесь считают своим близким человеком. Можно сказать, родилась и выросла в этом дворе. Сама Маша держится как-то отчужден-

но. Только по субботам заходит навестить мать и младших сестер.

Вдова Пеша и ее младшие дочери живут тем, что делают папиросные коробки для табачной фабрики. Маша находится на воспитании у зажиточной тетки. Бывать же в доме у матери, где насквозь все пропахло запахами клейстера и нищеты, для Маши сущее наказание, особенно после чистоты, уюта и заботы, которыми окружила ее любящая тетя. Та действительно любит и балует племянницу, справляет ей красивые обновы, хочет, чтобы Маша получила образование. Семнадцатилетняя Маша, красивая девушка с чудными косами, чувствует себя привольно, с удовольствием проводит время в обществе подруг, даже не подозревающих, что женщина, которую они принимают за Машину маму, на самом деле ее тетя, а настоящая мать клеит папиросные коробки для табачной фабрики. Маша всегда старается прошмыгнуть к матери незаметно, боясь попасться кому-нибудь на глаза. На сей раз это ей не удается.

— Маша, а Маша! Поговори с этой барышней да разузнай, кто она, и откуда, и кого здесь ищет.

Поначалу Маша огорчилась, что ей не удалось тихо уйти незамеченной, но когда поняла, что ей представляется возможность блеснуть своим умением говорить по-русски, она даже обрадовалась. И хотя Маша не была знакома с Розой, ей было хорошо известно, что это не кто иная, как дочка гродненского богача Берла Федера. Потому и разговор она начинает с приветливой дружеской улыбки. В ответ Роза улыбается столь же любезно, очень уж ей хочется познакомиться поближе с этим двором и его обитателями. Недаром Эзра так красочно и подробно его описывал, не забыл упомянуть даже о двух березах. У Маши этот интерес вызывает только удивление. Непонятно, зачем дочери богача дался этот двор. Что здесь может быть интересного?

— Я этот двор знаю как свои пять пальцев,— говорит она.— И людей этих тоже. Интересно, говорите... Сапожники, портные, печники — все сплошь одна беднота. По мне, здесь нет ровным счетом ничего интересного.

— По-вашему, сапожники и портные не могут вызывать к себе интереса?

Мужчины, до этого спешившие в синагогу, невольно задерживаются. Женщины плотнее обступают девушек и прислушиваются. Смысл разговора им понятен полностью, хотя сами они не могут сказать по-русски ни слова. Их, собственно, не так уж удивляет появление богатой барышни. Хочет узнать поближе их жизнь? Пожалуйста! Будет, по крайней мере, кому излить душу. Но Маша, Маша? Та самая Маша, дочь Пеша-папиросницы, которую они всю жизнь считали своей, оказывается, ни в грош их не ставит: подумаешь, какие-то сапожники да портные... А если и так? Что уж — их совсем за людей не считать?

Можно ли быть во дворе и не зайти к учителю Менахему Рубину? Маша не отстает и направляется вместе с Розой и Эзрой. Ей хочется быть свидетелем этого знакомства. У Менахема сидят две дочери Шимена-портного. Он только что закончил с ними заниматься. Становится совсем темно, и Менахем зажигает свет. Для него не секрет, что вместе с Эзрой в его дом пожаловала Роза Федер. Он, впрочем, знает и то, что она приходится двоюродной сестрой дочерям Шимена. Ни девочки, ни Роза не имеют об этом ни малейшего понятия. Обе дочери портного одеты в длинные ситцевые платья и дешевые плохонькие башмаки. Обе сестрички одинаково черненькие и сероглазенькие... Та, что годом старше, по имени Гителе, не робкого десятка и за словом в карман не полезет. Маленький носик вызывающе вздернут: мол, лучше не трогайте нас... Младшая сестра, Переле, тихая и застенчивая, лишней раз рта не раскроет. Зато она любит иной раз посмеяться так, что ее не остановишь. Когда ей очень уж смешно, она старается спрятаться за спину Гителе и прикрывает рот ладонью, чтобы не смеяться слишком уж громко. С появлением новых гостей сестры почувствовали себя лишними и заторопились домой. Однако Роза упростила их остаться.

Для Менахема приход дочери Берла Федера не явился неожиданностью. Появившись во дворе, она конечно же должна была зайти и к нему. И тем не менее ее желание познакомиться с его окружением было столь настойчивым, что он, собственно, не знал, с чего начать.

— Маша, ты ведь у нас здесь свой человек, можно сказать уроженка двора. Как ты думаешь, с чего надо начать?

— Я думаю, что с конца.

— Вот так так. Почему же?

— Что здесь интересного? Бедность изо дня в день, даже по субботам.

Ну нет, с этим Менахем не согласен. Учитель начинает рассказывать про двор по-своему. Все слушают его очень внимательно, но больше других — Роза и дочери Шимена. Гителе и Переле впервые слышат о том, что труд — это героическое, благородное дело. Каждый день они встают ни свет ни заря, когда страшно хочется спать, и бегут на фабрику. По словам учителя выходит, что их работа, их труд и есть самое почетное и праведное дело на свете. Вот только жаль, что этот свет, который держится на чьем-то труде, платит за него жалкие гроши.

Гителе хочется что-то сказать, но, как всегда, ей не хватает слов. Переле знает, что она хочет сказать, но стесняется, прячется за спину сестры, прикрывает рот, начинает тихо смеяться и, наконец, так же тихо, сквозь смех произносит:

— Нет, уж лучше быть на этом свете богатым!

Произнеся эти слова, она краснеет и прячется за сестру, так что ее уже вовсе не видно.

— Переле,— спрашивает учитель,— а ты знакома со многими богачами?

— Нет. Но у меня есть богатый дядя.

Маша усмехается:

— С каких это пор у тебя объявился богатый дядя?

На помощь сестре приходит Гителе:

— Это правда, Маша. Нам мама о нем рассказывала.

— А мама ваша откуда это взяла?

— Она знает. Ее брат — богач.

— Вы когда-нибудь были у него в доме? — не унимается Маша.

— Ни разу. Но все равно, мы знаем, что он очень богатый. Дядю зовут Берл Федер. А тетю нашу зовут Сора. У них три сына и дочь. Мама говорит: очень красивая.

11

Субботний вечер на исходе. Сумерки потихоньку прокрадываются в окна домов, сгущаются тени, и вместе с последними бликами света уходит праздничная торжественность, сменяясь будничными заботами. В доме Берла Федера по-прежнему царит субботняя тишина. Сора примостилась в углу, поглощенная размышлениями о своих детях. Сам Берл Федер расхаживает из угла в угол, и голова его тоже забита всякими мыслями. Откуда, казалось бы, у богача печальные мысли, и все-таки на душе у него невесело.

На вид Берлу Федеру можно дать лет пятьдесят. В аккуратно подстриженной бородке не найти ни единого седого волоска. Берл с головой окунулся в дела, исправно тащит свой воз. Правда, такой воз и тащить не грех. Все в нем: барыши, почет, родительские радости. Недаром люди завидуют ему. А сам Берл? Видно, его что-то гнетет. Особенно это чувствуется, когда выдается свободный часик и можно немного побыть наедине со своими мыслями. Знал бы кто-нибудь, что иногда втихомолку, чтобы, упаси бог, никто не увидел, Берл пробирается в форштадтскую деревянную синагогу еще раз полюбоваться искусной резьбой дедушки Гешла, некогда украшавшей западную стену. От нее мало что осталось: растрескавшийся кленовый листик да стебелек ромашки. С тяжелым чувством Берл возвращался домой. Ни один человек, даже Сора, не знает, где он был и что делал. Неловко кому-то сказать. Он ведь не мальчик, а солидный купец Берл Федер, человек, на которого равняются многие. Так-то оно так: конечно, он не мальчик, но какой-то мальчишеский огонек еще теплится в нем, пет-нет да и даст этот огонек о себе знать. Тогда купец Берл Федер снова пре-

вращается в Берла, внука столяра Гешла, и каждый человек мыслится ему как живая модель для резьбы по дереву.

Хотя Берл и держится бодро и молодцевато, временами в нем проступают признаки приближающейся старости. Все чаще и чаще мысли его обращаются к годам юности. Но вот что удивительно: в памяти всплывают и дед с бабкой, и мать с отцом, соседи, какие-то непонятные знакомые, и только для родной сестры Шейне и ее мужа Шимена не осталось местечка. Не являются они перед ним.

Что произошло сегодня? Почему на исходе субботнего дня он вдруг вспомнил о сестре и ее муже? Вместе со сгущающимися сумерками мысли о них заполнили всю комнату. Берл озадачен: почему именно сегодня? Может, потому, что не за горами «грозные дни» и предстоит покаяться перед богом в своих прегрешениях? Или это просто тоскливое предчувствие, что с сестрой, не приведи бог, что-то случилось. Берл спешит успокоиться, отбросить от себя грустные мысли. Вот он, Берл Федер, уже в синагоге, читает молитву... Когда он вернулся домой, там было все так же темно, никто не зажигал лампу. Сора и Роза сидели вдвоем в потемках друг против друга, держась за руки, и тихо плакали.

— Горе мне! Что случилось? — весь побелев, спросил отец.

— Ничего, пичего, — ответила Сора. — Все, что ни делается, все к лучшему.

В доме Берла Федера, где в просторных комнатах всегда светло и тихо, стало еще тише. На окнах опущены занавеси, отец с матерью едва слышно ступают на цыпочках. Роза заболела. Она лежит в постели, отвернувшись лицом к стене, и все время молчит. Каждый день является доктор, но его лечение не помогает. Роза по-прежнему не разговаривает. Она пытается постичь, как могло случиться, что ее добрый, чуткий отец и столь же добрая и чуткая мать не хотели знаться с родной сестрой, с ее мужем и детьми? Ведь не за тридевять земель живут, в одном городе, буквально через несколько улиц. Две девочки в дешевых платьишках стоят перед глазами Розы. Как могла она сама не знать, что у нее есть такие близкие родственники? Чего ради это скрывали от нее? А тетя еще упрекала ее за оторванность от жизни. Какое тут... Родных сестер знать не желают...

Роза молчит, потому что ее гложет обида. Она не желает никого видеть и слышать. Знали же в доме у Шейне, что у нее есть брат по имени Берл Федер. Знали, как зовут его жену, детей... Здесь же все окружили тайной.

Сора не выдержала и послала за сестрой. Лея не замедлила явиться. Тихонько зашла к Розе, села на стул возле кровати, но не могла решиться первой нарушить молчание. За дверью

отец с матерью притаились в томительном ожидании. Сейчас их доченька заговорит. Но в комнате по-прежнему тихо. Наконец Лея не выдержала:

— Если бы ты знала, Роза, как тягостно твое молчание. Лучшее лекарство не отмалчиваться, а высказаться, быть может даже выплакать все, что у тебя наболело...

Лея осторожно кладет руку на одеяло и продолжает:

— Тебя не вдруг поймешь. Раньше ты не знала, что происходит на вашей улице, теперь не знаешь, что творится в вашем доме.— Лея поднялась со стула.— Ну, раз уж ты не хочешь со мною разговаривать, я, пожалуй, пойду.— И, встав, она сделала несколько шагов по направлению к двери.

— Нет, тетя, не уходи. Я теперь знаю все.

— Все? Сомневаюсь... Даже святой ангел и тот всего не знает.

— Да, все,— твердо повторила Роза.

Лея полагает, что главное дело сделано. Роза заговорила. Неважно, что это отдельные, отрывочные слова. Больше она не будет молчать, отвернувшись лицом к стене.

Однако и на сей раз умная тетя Лея ошибалась.

12

Не только у Розы тяжело на душе. Остро переживает случившееся и ее отец, Берл Федер. Роза поставила перед ним справедливые вопросы, а он не может дать на них ответа. Эти вопросы будоражат его, заставляя снова и снова мысленно возвращаться к ушедшим годам. Ушедшие годы... Какими они были? Что в них было хорошего, правильного, что злого, несправедливого? Неужели все эти годы он был слеп или же просто на поверку оказался жалким трусливым себялюбцем? Берл старательно исполнял все, что ему говорила Малка. Малка? Прав ли он теперь, пытаясь переложить ответственность за свои поступки на ее плечи? А где был он сам? Нелегко ворошить прошлое.

И кто знает... Возраст ли повинен в том, что человек начинает сурово спрашивать с себя, или же это происходит оттого, что в нем все громче начинает говорить голос совести. Так или иначе... Только богач Берл Федер тяжело вздыхает, и в этих вздохах слышатся и обида, и упрек самому себе: ты был злым и черствым сыном по отношению к родной матери, ты остался таким же и в отношении родной сестры, ее мужа и детей.

— Бог всемогущий, покарай меня, грешного! — в порыве раскаяния говорит Берл. Он готов на любое покаяние. Как низко он пал в собственных глазах. Скверно, очень скверно.

— Берл, Беренька, Берчикл...— осторожно окликает его Сора,— не надо. Что было, то прошло. Все, что ни делается, все

к лучшему. О другом надо думать, о будущем. Только время излечит пашу дочь.

Берл входит в комнату Розы.

— Дочь моя, выслушай отца...

Роза лежит, не открывая глаз. Берл начинает свои речи издалека, рассказывает о высоком холме в Форштадте, на котором стоит деревянная синагога. Неподалеку от нее обитали некогда Розины прадедушка и прабабушка — столяр Гешл, искусный резчик по дереву, и его жена Гинда. Простые, честные люди, они жили обычной жизнью тружеников, и скромный дом их был далек от богатства и роскоши; может быть, поэтому он всегда был таким теплым и гостеприимным. В этом доме, в доме столяра Гешла и его жены Гинды, росла дочь по имени Либе-Шева.

— То была моя мать, следовательно твоя бабушка.

Роза наконец открыла глаза, кажется, будто и они вслушиваются в рассказ отца.

А Берл продолжает. Говорит о матери Либе-Шеве, об отце Зелике. Все это представляется Розе необыкновенно интересным. Впервые слышит она о Денисе Давыдове и его партизанах, о грязных наветах, о гродненской тюрьме. Только теперь узнает она, какими замечательными друзьями были два ее деда — Пинхос и Зелик. Роза смотрит на отца и как бы заново вместе с ним перелистывает страницы его жизни. Теперь она знает все не только о семействе Бас, многое прояснилось для нее и в жизни Федеров. Когда Берл стал рассказывать, как дедушка Гешл обучал его резьбе, Роза еще больше оживилась. Еще бы! Конечно же ей интересно, чему дедушка Гешл сумел обучить своего внука. Что у него получилось?

— Что получилось? Ну вот, например, «Всадник». Он тебе хорошо знаком.

— «Всадник»? Отец, неужели ты и вправду сделал это своими руками? Скажи, ты не шутишь со мной?

— Никаких шуток.

— Боже мой! И об этом приходится узнавать только сейчас. А я ведь всегда думала... Но это же настоящее искусство. Ничего не понимаю — ответь мне, как же так случилось...

«Как же так случилось?» Поди объясни ей так вот сразу, что жизнь совсем не простая штука, у нее свои законы, свои пути. Разве объяснишь, как непросто быть умным, когда надо, задним умом-то все крепки...

Смысл этих речей кажется Розе менее понятным. Нет здесь простоты и сказочной романтичности. Заработки, семья, дети... Розу больше волнует другое: как же все-таки случилось, что отец сошел с предначертанного ему пути, пути художника? И еще один, главный вопрос: можно ли было совсем позабыть свою бедную сестру?

На это готова ответить тетя Лея.

Роза задает ей те же самые вопросы, тетя Лея без труда ведет разговор, но, как она ни старалась, какие умные и ясные доводы ни приводила, Роза более или менее уяснила ответ только на вопрос, почему отец оставил резьбу по дереву и занялся другим делом. Второй же вопрос: как можно было забыть родную сестру?.. Нет, это Роза постичь не в состоянии.

Тетя Лея кое о чем предпочитает умалчивать, ибо знает: никогда не мешает вовремя придержать язык. Сказать что-нибудь плохое о семействе Бас? Упаси боже! Но, положа руку на сердце, разве кто-нибудь станет сомневаться, что портной — это всего лишь навсего портной, а купец — это все-таки купец. Мир не переделаешь.

Роза и не собирается переделывать мир. Она и сама знает разницу между портным и купцом. Еще бы не знать! Но что делать, если портной доводится мужем ее кровной тете, а купцом является не кто иной, как родной отец. Поди здесь разберись. Нет, Роза так просто не отступится.

13

Менахему Рубину пришлось пожалеть о том, что он решился свести у себя дома Розу Федер и дочерей портного. Очень скоро Шимен пожаловал к нему в гости. У него была одна претензия: как могло учителю прийти в голову отравить девочкам существование мыслями о богатом дяде.

Было это на второй день Нового года. Шимен явился после обеда. Чувствовалось, что он успел немного отдохнуть от будничных трудов, но Менахем сразу заметил, что держится он как-то сухо и отчужденно, не так, как обычно.

— Скажите, реб Менахем, чем провинились перед вами мои девочки? Жили себе спокойно на белом свете, никогда не удивлялись и не спрашивали, почему они ходят в ситцевых платьях и дешевых башмаках. Теперь от них отбоя нет. Как же, ведь у них имеется богатый дядя, а у того есть дочь Роза. Так вот эта самая Роза разодета так...

Учителю стало неловко.

— Они просто очумели. Можно сказать, спят и видят, что вот-вот богатый дядюшка явится к ним и завалит подарками. Только и слышно у них — «Федер» туда, «Федер» сюда.

— Я, признаться, не вижу в этом ничего страшного. Дети ведь.

— Но мы-то с вами, Менахем, далеко не дети. Не видать им этого дяди как своих ушей.

— Что мне вам ответить? Знаете ведь, как у нас говорится: круглый дурак — наполовину пророк. Так вот что я вам скажу...

— Не надо ничего говорить. Моя Шейнеле все равно не поверит. Даже в ту пору, когда мать их, Либе-Шева, была жива...

— А если все же да...

— Учитель! Подумайте, что вы говорите. Не забывайте, что хотя он и доводится дядей моим девочкам, я-то пока еще родной отец. У меня есть право решать...

В этих словах: «У меня есть право решать...» — Менахем не слышит прежней уверенности. И он не ошибается.

Шимен не пришел к Менахему в первый день праздника потому, что чувствовал растерянность, ни он, ни Шейнеле не знали, как себя повести. Как только они узнали о встрече своих дочерей с Розой, первым делом подумали: «Он нас не хочет знать, и мы как-нибудь без него обойдемся». Однако легко сказать «обойдемся», когда ты молод, полон сил и надежд. Вот тогда для молодого красивого Шимена, умевшего как никто петь веселые песни, естественным делом было сказать «...и мы обойдемся». В те времена он мог позволить себе отговориться известной прибауткой: «Не лезь ко мне в дядья и не шей мне ботинок».

Но все это было когда-то. А что теперь? Шимена и Шейне одолевает сомнение. Что, если Берл и в самом деле явится? Найдут ли они в себе силы выставить его за порог?

Шимен не хочет сдаваться. Он пришел к учителю за поддержкой, ему необходимо высказаться, чтобы все стало яснее и понятнее, чтобы он мог окончательно утвердиться в своей правоте. Так на тебе... Учитель говорит ему: «А если да...»

Шимен расстроен. Мало у него других забот, а тут еще новое несчастье на его голову — Берл Федер.

— Что же это за напасть такая? Мы ведь о нем и думать забыли. Ты даже не представляешь, Менахем, как нам было хорошо.

— Не знаю, было ли нам когда-нибудь хорошо. Это нам только кажется теперь.

Шимен не согласен — он может припомнить не один радостный и счастливый день в своей жизни. У Менахема выходит все наоборот — все дни жизни наполнены тоской, горестью и печалью, ни единого светлого пятнышка. Заговорившись, Менахем и Шимен не заметили, как на дворе стемнело. Истекал второй день Нового года. Разговор стал тише, задумчивее, обоим не хотелось, чтобы кончался праздник. Внезапно распахивается дверь. На пороге появляются запыхавшиеся Гителе и Переле:

— Отец, идем скорее домой! К нам пришел дядя Берл!

Лея очень переживает. Целая каша заварилась. И что ей тогда взбрело в голову познакомить Розу с Эзрой? С этого все и началось. Правда, она хотела сделать как лучше, думала помочь этим Розе отвлечься, прийти в себя. Лею гложет обида, что она могла так ошибиться. Правильно говорила покойная мама Малка: «Так и тянет его к этим попрошайкам. Сколько ни надевай на сапожника шляпу, сапожник сапожником и останется. Это уже в крови». В голове не укладывается, как мог Берл Федер, почтенный горожанин, знатный купец, на второй день Нового года отправиться в гости к портному Шимену. Если уж тебе так хочется помочь сестре, разве нельзя сделать это как-нибудь иначе? Ко всему еще Роза очень довольна таким поворотом дела. Пусть сам Берл — выходец из столяров, что называется из «людей», но дочь-то его происходит от купцов-подрядчиков, для которых Берл всего лишь навсего зять, а Роза... Роза — родная внучка Басов, своя кровь.

Лея говорит Соре:

— Выслушай меня, сестра. Выслушай и не обижайся. Взбрело твоему муженьку на второй день праздника отправиться в гости к Шимену-портному. Не удивительно, что весь двор сбегался поглазеть на него. В городе только об этом и судачат. Ну скажи сама, на что это похоже?

— Да разве это такой великий грех, Лея?

— Подумай — ведь это Берл Федер!

— Он хотел помириться с сестрой накануне судного дня.

— Берл не понимает, что делает, погубит себя, имя свое втопчет в грязь и — я хочу, чтобы ты знала об этом, — может сильно повредить Розе.

— Роза сама этого хотела.

— Вот это меня и беспокоит, Сореле. Допустим, сегодня Берл поступил так, завтра он может повести себя совсем иначе. Но Роза... Для нее все это очень серьезно. У нее доброе, отзывчивое сердце. Она ведь еще совсем ребенок. А детям свойственно делать глупости. Хотя нам следует знать, что глупости иногда заводят слишком далеко. Так вот, дорогая сестра...

— Лея, ты пугаешь меня...

— Я не пугаю тебя. Я только хочу напомнить, что Роза у нас, слава богу, девушка на выданье. Пора серьезно подумать о подходящей партии.

— Ох, сестра... Один бог знает, как ты права.

Сора произнесла эти слова от чистого сердца. Когда же она пересказала Берлу, что думает Лея о его визите к Шимену, вышло все наоборот. Оказывается, Лея вовсе не права. Берл говорил настолько ясно и убедительно, что Сора не могла с ним не согласиться.

Мысль насчет подходящего жениха для Розы Берл одобрил.

Но он не собирается полагаться на Лею. Он лично будет этим заниматься. В последнее время Берл часто общался с Цалей Кадишем. Вот и теперь он решил потолковать с ним о Розе.

Лея осталась при своем мнении. Кому же не ясно, что она, и только она, призвана взять на себя это святое дело — найти суженого для любимой племянницы.

15

Роза несколько раз подряд приходила в гости к своему дяде, Шимену-портному. Каждый раз она приносила подарки, заботливо спрашивалась о здоровье, интересовалась, как поживают и что поделывают дети. И все-таки откровенного разговора с тетей Шейне и дядей Шименом у нее не выходило. Так, отдельные высказывания, общие, ничего не значащие слова. И они тоже не знают толком, как и о чем с ней говорить. Чем дальше, тем больше чувствует Роза, что ее первый порыв остывает и сменяется разочарованием. Портновские дети, особенно девочки, очень привязались к двоюродной сестре. Но Розе их общество изрядно претит. Когда они лезут к ней целоваться, в нос ей ударяет острый запах лука и чеснока. Проходит время. Все труднее Розе заставить себя пойти в гости к тете Шейне. У нее ведь есть и другая тетя. Лучше она пойдет к ней. Тетя Лея понимает ее, как никто другой. У них есть о чем поговорить. Мимоходом в разговоре Лея упоминает имя Эзры. Роза остается равнодушной, и это придает Лее уверенность в том, что теперь действительно настало время серьезно подумать о сватовстве.

Найти в Гродно сватов не составляет труда. Но рядовые сваты Лею не устраивают. У нее на примете мадам Берта Кава — сваха, входящая в самые богатые дома города. Мадам Кава не станет бегать в поисках женихов и невест. Кому надо, тот найдет дорогу к ее дому. Она не будет заниматься кем попало. Муж у нее, слава богу, человек состоятельный, денег хватает. Мадам Кава имеет дело только с самыми обеспеченными и именитыми людьми в городе. Весь смысл для нее в горделивом сознании того, что благодаря ее рекомендациям (именно рекомендациям, а не сватовству, подчеркивает она) такие-то и такие-то знатные парочки обрели семейное счастье.

Лея знала о ней только понаслышке. Было любопытно впервые очутиться в гостях у преуспевающей свахи. Мадам Кава жила в трехэтажном кирпичном доме неподалеку от центральной улицы. Лея с интересом разглядывала обстановку комнаты, в которую ее пригласила хозяйка. Добротная красивая мебель, на стенах картины с пейзажами, фотографии молодоженов, по-видимому ее бывших подопечных. Там и здесь вазочки, безделушки, придававшие квартире веселый и радост-

ный облик. Мадам Кава, высокая светловолосая женщина, была одета неброско, но с большим вкусом. Она превосходно говорит по-русски, но неплохо знает и еврейский язык. Предложив своей посетительнице сесть, она негромко отдала какие-то распоряжения в другой комнате. Появилась девушка в белом передничке, подала чай, варенье, коржики. Мадам Кава начала живо и непринужденно рассказывать о картинах и фотографиях на стене и столь же непринужденно перешла к делу:

— Кого вы имеете в виду?.. Розу Федер? Я начинаю верить в то, что мысли могут передаваться на расстоянии. Представьте, я о ней уже думала.

Мадам Кава говорила правду. Она видела Розу всего один раз, случайно, но девушка ей сразу приглянулась. Ничего не скажешь, красивая. Осталось дело за малым: подобрать ей жениха — и вот вам еще одна благословенная пара. Как уже говорилось, мадам Кава не из тех, кто сама будет искать женихов и невест. Но тут другое дело. Как-никак к ней в дом явилась дочь почтенного Пинхоса Баса, известная гродненская богачка. Обрадованная и польщенная этим визитом, Берта Кава уже мысленно подбирает на стене свободное место, которое в недалеком будущем украсит фотография вновь испеченной пары. Лицо ее озаряется лучезарной улыбкой.

— Благодарю вас, мадам!

Лея не понимает, за что ее благодарят.

— Можете мне поверить, я в этом деле кое-что смыслю, — объясняет мадам Кава. — Роза — это настоящая жемчужина. — И уже безо всякого перехода: — Вот здесь, мне кажется, самое подходящее место для их фотографии.

Мадам Кава сияет от удовольствия.

— Вам что-нибудь говорит имя Цали Кадиша?

— Конечно.

— Так вот, у него есть сын. Парень со многими достоинствами. Студент.

— Вот как? Интересно...

— При этом один только маленький минус...

— Какой же именно?

— Видите ли, его мать — дочь извозчика, фурмана.

— Жаль, — вздохнула Лея с разочарованием.

— Но парень со всеми достоинствами... — повторила мадам Кава.

В доме Цали Кадиша готовятся встретить младшего сына, Авигдора, который был назван так в честь старого гродненского раввина. Цале бесконечно дорого это имя, ибо он убежден, что именно покойный раввин реб Авигдор наставил его на путь истинный. Каждый раз, когда в семье намечается нечто знаменательное: свадьба, праздничная трапеза или, не приведи бог, кто-то заболевает, Цаля отправляется на могилу старого

раввина. Там он высказывает самое заветное пожелание, вопрошает о помощи.

Пусть себе Злата стоит на своем (она знает лучше!), считая, что Цаля еще достаточно молод. Сам Цаля прекрасно сознает, что это не так, годы дают себя знать. Но пока он жив, пока есть еще силы, он хочет поскорее женить своего младшего сына, сбросить с плеч эту одолевающую его заботу.

Кладбище с одной стороны огорожено кирпичной стеной, другая сторона его упирается в горку, что выходит к Юрзике. Летом оно густо зарастает травой, зимой сплошь покрывается снегом. Цаля знает кладбище как свои пять пальцев, а дорогу к могиле раввина может найти с закрытыми глазами.

— Ребе, это я, Цаля бен Ерухем, пришел потревожить ваш вечный покой! Кто, как не я, всегда слушал вас, ребе, и кому, как не мне, вы всегда указывали праведный путь. Ребе, мой младший сын, да продлит всевышний его лета, носит ваше имя. Годы идут, годы делают нашу жизнь тяжелее, годы навевают грустные мысли. Ребе, вы знаете, что на исходе лет перестают думать о себе, думают о будущем детей. Настал черед жениться моему сыну Авигдору. Моей невесткой должна стать дочь Берла Федера, Роза. Ребе, правильно ли я поступаю? Будут ли они счастливы? Я знаю, что Берл Федер не поскупится на приданое. И хотя деньги, как вы знаете, это всего лишь обманчивый сон, каждому хочется, чтобы их приснилось как можно больше. Но не это для меня главное. Правильный ли это выбор, будут ли они счастливы — вот что тревожит меня. Ребе, внемлите, дайте мне знак.

Долго стоял Цаля, закрыв глаза, у могилы раввина. Потом стал осторожно отступать назад, устремив взор на надгробие.

— Где это ты пропадал, Цаля? — спросила Злата, когда он вернулся домой.

— У ребе Авигдора, царствие ему небесное!

— А в чем дело? Что-то случилось? Или ты чего-то ждешь?

— Да, жду. Готовься принять в невестки Розу Федер.

— Розу? Вот тебе на! С кем ты успел об этом договориться? С Берлом? С Сореле? Или, может быть, с самой Розой?

— Ничего подобного! Я говорил с ребе Авигдором. Только он указывает мне верный путь.

— Такая невестка, как Роза, мне по душе. Красивая девушка. Однако скажи мне, Цаля, как же ты решился без божьего согласия? Ты говоришь об этом как о вполне решенном деле. С чего ты все это взял?

— Терпеть не могу болтовни. Сказано тебе — я испросил совета у ребе Авигдора, и он дал мне знак. И вообще... В писании сказано: «ногати умоцоси» — «ищущий да обрящет».

Злата пожимает плечами:

— Дай-то бог, дай-то бог! — А про себя думает: с чего он взял все это? Ах годы, годы...

Спустя несколько дней, в погожую субботу, Берл Федер навестил Цалю Кадиша. Цаля постарел, глаза видят уже не так зорко, как прежде, нет былой легкости в ногах. Черную бороду теперь изрядно посеребрила седина. Злата — та еще хоть куда, моложавая, проворная, домовитая. На щеках сохранились следы девичьего румянца. Супруги живут в мире и согласии. Одного только не может Злата переносить: когда на людях Цаля начинает сетовать на приближающуюся старость.

— Перестань, Цаля! Ты у меня еще молодец. Можешь мне поверить, я знаю лучше.

Цаля, Злата и Берл втроем сидят за столом, уставленным угощениями. Глубокая осень, отошли все главные еврейские праздники, на дворе сухо, но прохладно. В доме у Цали тепло и уютно. Разговор идет обо всем понемножку. Вдруг Цаля сказал:

— Я рад, что ты зашел ко мне, Берл. Давно собираюсь серьезно поговорить с тобой. Ты же знаешь, что я не любитель бродить вокруг да около, прямой путь, он ведь всегда короче. Выслушай и хорошенько обдумай, что я тебе скажу. Меньшой наш (при этом он указал пальцем на себя и на Злату) учится в Москве на доктора. Скоро он вернется домой, осталось уже совсем недолго...

— Совсем недолго, благодарение господу, — вторит ему Злата.

— Я и думаю, не сосватать ли его с твоей Розой. А, что ты скажешь, Берл?

— Что мне сказать? По-моему, это дело верное.

— Ждем его зимой, к концу года, в гости. Если ты говоришь, что это дело верное, надо будет их познакомить. Последнее слово как-никак за ними.

— Цаля, — удивилась Злата, — зачем ты их собираешься знакомить? Разве они не знакомы? Когда были маленькие — вместе играли.

— Что было, то прошло. Мы говорим о том, что теперь. Конечно, их надо представить друг другу. Они ведь уже взрослые люди, слава богу.

Цаля, видимо, намеревался что-то еще добавить, но в этот момент неожиданно появился новый гость. В доме Кадишей двери всегда открыты, каждый, кто хочет, может прийти сюда. Вошедший был мужчина средних лет, с приятным живым лицом.

— Доброй субботы, вам!

— Доброй субботы и тебе, Шепсл! Заходи, будь гостем, садись к столу.

— Спасибо, я пока, пожалуй, немного постою. Так мне легче будет говорить. Я боюсь, реб Цаля, когда вы услышите то, что я собираюсь вам рассказать, вы будете надо мной смеяться.

— Ну посмеяться — это не грех. Рассказывай, Шепсл.

— До пурима еще очень далеко, но мне уже этой ночью что-то плохо спалось. Все лезли в голову мысли насчет нашего спектакля «Пуримшпил». Надо бы в этом году, реб Цаля, придумать что-нибудь новенькое.

— Бог с тобой, Шепсл, еще до хануки вон сколько, а ты уже говоришь о пуриме.

— Понимаете, реб Цаля, всю неделю занимает работа, одна только работа. Но вот наступает субботний день, и в голове рождаются мечты: я пою, я играю на сцене. Только один раз в неделю... Выходит, что и до пурима не так уж далеко.

— Ну, коли так, в ногах правды нет, садись вместе с нами. Златкеле, Шепслу причитается яблоко и груша.

— Погодите, реб Цаля, дайте мне еще минуточку постоять... Ночью я придумал новую штуку. И даже сам разыграл ее.

Шепсл всю неделю занят по горло. Он работает у хозяина шапочной мастерской. Но живет в нем талант прирожденного артиста. И он, и его брат с детства были мастерами подражания. Игра в «театр» захватила их еще в хедере. Как-то позже, молодым человеком, Шепсл попал на спектакль бродячей труппы русских актеров. С той поры он уже принадлежал театру телом и душой.

Благодарение богу за то, что есть веселый, радостный праздник пурим. Праздничному представлению «Пуримшпил» Шепсл отдавал много сил. Частенько по субботам он заходил в дом к Цале Кадишу. А Цаля Кадиш имеет к «Пуримшпилю» немалое отношение. Правда, сам он не играет, и тем не менее его можно назвать душой каждого представления. Именно у него в доме собираются пуримшпилеры и готовятся к празднику. Надо ли что-то купить — пожалуйста. Цаля Кадиш всегда готов раскошелиться на святое дело. Опять же Злата не скупится и подкармливает актеров.

— Да сядь же наконец, Шепсл, — уговаривает Цаля, а в этот момент жена его Злата ставит для гостя угощение.

— Нет, реб Цаля, не сяду, прежде чем вы не услышите, что мне пришло в голову этой ночью. — Шепсл просительно смотрит в сторону Цали. И эти слова, и весь его облик говорят о том, что ему совершенно необходимо высказаться сейчас же, для него это вопрос жизни.

— Изволь, Шепсл. Мы послушаем. Берл, слушай внимательно.

Хотя сам Шепсл нимало не сомневался в достоинствах своего произведения, теперь, когда предстояло вынести его на суд слушателей, он почувствовал волнение. Как-то его примут? Что скажет Цаля?

Берлу вспомнились его юные годы. Вот так же, бывало, и он в свое время волновался перед тем, как показать свое очередное творение дедушке Гешлу. Он чувствует душевное

состояние Шепсла и, чтобы как-то приободрить его, придать настроения, время от времени кивает головой и как бы про себя говорит: «Хорошо». Но это «хорошо» слышат все. Добрая душа Злата тоже радостно кивает головой и между тем думает: «Вот похвалил Берл Федер человека, сказал доброе слово и заслужил царствие небесное. Протянуть человеку руку, ободрить его — святое, благородное дело».

Шепсл закончил читать. Цаля сказал:

— Один раз «хорошо» ты уже слышал от Берла. Теперь я говорю тебе «хорошо» от своего имени. Златкеле, дай ему угощение для детей. Благо, он сегодня сполна его заслужил. Ступай себе, Шепсл, домой, твоя жена, верно, заждалась тебя.

Дрожащими руками Шепсл взял угощение для детей. Он еще весь во власти вдохновения. Скупая похвала... А он так жаждал услышать хотя бы пару настоящих теплых слов благодарности и признания, слов, которые могли бы возвысить его в собственных глазах. Как бы прочитав эти мысли, Злата сказала ему дружески-участливо:

— Ну-ну, Шепсл, успокойся. Ничего не скажешь, знаешь ты в этом деле толк... Будь у тебя свой театр...

— Ах, Злата, дорогая, театр... Откуда же его взять?

После ухода Шепсла Цаля и Берл долго сидели молча, каждый думал о чем-то своем. Наконец Цаля произнес:

— Так ты понял, Берл, о чем мы здесь толковали? Я хочу, чтобы твоя Роза стала нашей невесткой.

По дороге домой Берл пытался представить, что скажет по поводу предстоящей помолвки его жена, Сора. Сватовство с сыном Цали Кадиша казалось ему делом верным и стоящим. Как-никак Цаля и Злата свои люди, а сын их — студент, без пяти минут доктор. Шутка ли, первый свой доктор во всем городе. Нет, не зря он приходил к Цале Кадишу. Авигдор ему симпатичен. А уж о Розе и говорить не приходится. Возможно ли, чтобы такая девушка могла кому-то не понравиться? Пожалуй, Сора будет очень довольна. И Берл не ошибся — новость ее очень обрадовала. Только вот что скажет сестра? И на сей раз у Леи находится что сказать.

— Я вижу, мои милые, вы и думать забыли, что Златка — дочь какого-то там извозчика.

В первое мгновение эти слова буквально ошеломили обоих. Что правда, то правда — это обстоятельство совсем вылетело у них из головы. Но Берл быстро овладел собой. «Ну и что с того?» — мысленно спросил он себя. Перед глазами предстала покойная теща Малка с ее вечными насмешками и попреками: «Голова как у портного, считает, как портной, портняжья родословная...» А разве дед Розы не принадлежал к сословию «людей»?

«Златка — дочь...» Вот та самая Златка, которая на его глазах так по-человечески участливо и сердечно успокаивала Шепсла.

— Извозчик, говоришь ты... Положим. Но ведь не вор, не грабитель, не разбойник с большой дороги. А родства с Шерешевским ты бы стала стыдиться, Лея?

— Нет.

— А знаешь ты хотя бы, кем были в недалеком прошлом Шерешевский и его компаньон Русота?

— Не знаю и знать не желаю.

— А стоило бы знать, коль скоро об этом все знают. Юдка-Лейб Шерешевский тайком через границу ввозил сюда табак, а Русота тогда числился в «наездниках», стерег Шерешевского, чтобы тот не провозил контрабанду. Сколько раз он ловил Юдку с поличным и отбирал весь его товар! Так продолжалось до тех пор, пока оба не спелись и не стали вместе ворочать делами. Теперь — они компаньоны, хозяева табачной фабрики.

— Я же сказала, меня все это совершенно не интересует.

— Знатное происхождение, а, Лея?

— Знатное.

— Русота, как видишь, тоже имел отношение к лошадям. А от Шерешевского за версту несет табачищем.

— Напрасно ты стараешься мне что-то доказать, Берл. Сытый голодного не разумеет. Правда ведь, Сореле?

Сореле молчит. Откуда ей знать?

16

Как только наступает суббота, дочери Шимена ждут, надеются, что к ним придет в гости Роза. А ее все нет и нет. Почему она не приходит? Вот уже выпал первый снег, подморозило. Как-то Роза обещала пойти кататься с ними на санках. Где же она? Прошла еще неделя. Гителе и Переле с утра до позднего вечера выглядывают в окошко: не покажется ли Роза?

Обе сестрички только о Розе теперь и думают. Приятно сознавать, что у тебя есть такая двоюродная сестра — красивая, добрая, к тому же образованная. Через Розу могут исполниться все их мечты. А о чем могут мечтать две девушки с фабрики? Пять дней в неделю они возвращаются с работы до того усталые, что засыпают, едва голова коснется подушки. В пятницу рабочий день кончается раньше. Прежде всего — моют головы. Зажигаются субботние свечи. После общей семейной трапезы Шимен поет «Змирес». Девочки принимают вполне праздничный вид, приличествующий субботе. И мечты их становятся по-субботнему светлыми и праздничными. Но хотя они и спят в одной постели, это не мешает им по-разному мечтать и видеть разные сны. Младшая, Переле, лежит, по обыкновению, свернувшись калачиком и чему-то улыбается. Улыбка все

время меняется, то почти совсем исчезает, то становится шире. И вдруг она начинает смеяться, прикрывая рот ладонью. Ей чудится, будто они вместе с Розой на санках стремительно летят с высокой Форштадтской горы. Роза крепко прижимает ее к себе и шепчет на ухо: «А ты любишь торт с орехами, пирожное?»

Переле улыбается, Переле смеется. Еще бы ей не любить! Она все любит. И, счастливая, засыпает.

Старшая, Гителе, лежит с открытыми глазами, устремленными в потолок. Она видит себя у витрины, полной разных красивых нарядов. В большом, сверкающем окне витрины висит зеркало. И вот среди этих красивых одеяний она видит себя — в стареньком ситцевом платьишке.

— Что же ты здесь стоишь, Гителе? — Это уже Роза говорит ей. — Смелее,ходи! Нравится тебе все это?

Боже, сколько здесь всякого богатства! Что же такое выбрать? Так в сладостных раздумьях, на чем остановить свой выбор, засыпает и Гителе, такая же счастливая, как и ее сестра.

Назавтра сестры просыпаются, как обычно, ни свет ни заря. Но сегодня им не надо бежать ни на какую работу. Можно чуть дольше понежиться в постели. Сестры лежат и тихо шепчутся между собой.

— Может быть, Роза больна?

— Может быть...

И они договариваются непременно сегодня же зайти к дяде Берлу и узнать, что с Розой. Разумеется, отец с матерью не должны об этом знать.

Днем сестры вышли погулять. Они кружили возле дома Федеров, но зайти долго не решались.

Между тем Роза сидела в своей уютной девичьей комнате вместе с матерью и тетей Леей. Шел какой-то странный разговор. Со стороны могло показаться, что он состоял из каких-то бессвязных обрывков. Но это было не так. Для Соры и Леи все в нем было увязано воедино. Роза, правда, не совсем улавливала его смысл.

Говорит Лея:

— Может, помните сына Мойше Душмана, ну того мальчика, что закончил гимназию? Так вот, его уже сватают. Говорят, парень что надо!

Помолчав немного, сестры заводят разговор о погоде, о всяких домашних делах. Выждав какое-то время, Сора выступает со следующей новостью:

— Между прочим, Эстерл Маневич выходит замуж. И правильно делает, что поспешает. Хуже нет засидеться в девках.

И снова разговор переходит на какие-то незначительные,

посторонние темы. Пока еще Роза не совсем понимает, что таким образом мама и тетя Лея исподволь готовят ее к предстоящей помолвке. Дескать, мотай на ус: все вокруг потихоньку жепятся, выходят замуж. Пора и тебе, Роза, подумать о том же.

— Роза, вас здесь спрашивают какие-то девушки.

— Пусть войдут.— Роза ничуть не сомневается, что это подружки пришли ее провести...

Не успели Гителе и Переле переступить порог, как тут же бросились к Розе обниматься и целоваться. Сестры радостно смеялись и не хотели отойти от нее ни на шаг. Лея и Сора с удивлением взирали на это странное пришествие и не могли понять, откуда вдруг свалились на их голову эти девчонки в длинных балахонах и грубых башмаках. Но главное, с какого боку припека они доводятся Розе? Наконец они уразумели, что это явились не кто иные, как дочери Шимена-портного. А Роза явно чувствует себя не в своей тарелке. Вроде бы и старается их как-то принять, угощает разными лакомствами, подает фрукты. Но все это делается второпях, в неестественном, напряженном молчании, словно ей не терпится поскорее отделаться от непрошенных гостей.

У Соры сжимается сердце: жалко Розу!

Лея злорадствует: вот она, Берлова родня, налицо.

И только сама Роза тихо грустит. Все, что ей казалось таким милым и привлекательным издалека, вблизи окончательно потеряло всякую прелесть.

17

С самого раннего утра день выдался ветреный, со снегом. Ветер яростно срывал снег с крыш домов и кружил его по городу, нещадно хлестал в лица прохожим. В такой вот ненастный день в доме Цали Кадиша объявились неожиданные гости — брат и сестра Хазанские.

Юлиан и Элиза не были здесь очень давно. На улице, как и в прежние времена, их приняли было за польских панов. Но стоило им переступить порог, как Цаля и Злата сразу заметили происшедшие в них перемены. Оба как-то резко постарели, нет и следа былой уверенности. Напротив, во всем их облике чувствуется какая-то подавленность и растерянность. Столь неожиданное появление и этот подавленный вид вселили в Цалю и Злату беспокойство. Не иначе как у них какие-то неприятности. Но что могло с ними случиться. Может быть, люди мучаются от внутреннего одиночества, оттого, что не обзавелись в свое время семьями. Подкралась старость, и отсутствие семейного очага тяжело дало знать о себе.

Хозяева не поскупились выказать брату и сестре как можно больше тепла и вообще приняли их очень сердечно. Гости,

однако, все больше отмалчивались. Злата первая не выдержала:

— Господи, не томите душу. Говорите, что у вас случилось?

— Что случилось? — с тихой грустью переспросила Элиза. — А то и случилось, что отжили мы свое... Только под занавес жизни приходится сознавать, что остались мы в дураках...

— Что это все значит? — недоуменно спросил Цаля.

— Всю жизнь нас вдохновляла идея новой свободной Польши, — ответил Юлиан. — Этой светлой цели мы отдали многие годы. Мы шли к ней, боролись, как могли: я — своей работой, Элиза — своими стихами. С чем же мы теперь остались?

— Никому мы теперь не нужны, даже самим себе, — докончила мысль брата Элиза.

Видя состояние гостей, Цаля и Злата искренно хотели утешить Хазанских, сказать им что-нибудь хорошее, теплое, способное поднять настроение. Но что именно сказать, они не знали.

— Вы уж нас извините, — начал Цаля, решив, что молчать неудобно. — Я, право, не знаю, что вам ответить. Мне трудно в этом разобраться: три десятка лет тому назад я лично отправился в Варшаву, чтобы... вступить в повстанческую армию. Тогда же мне дали от ворот поворот. Не нужны, мол, евреи в армии. Неужели столько лет за вами шествует словно тень ваше бывшее еврейство? Может быть, есть и другая причина?

— Есть и другая, пан Цаля! Тот, кто крестился, должен ненавидеть евреев, причинять им всяческое зло. Но мы этого не делаем. И это вызывает подозрение.

Опять воцарилось молчание. Никто не мог подобрать нужных слов. Только Злата, глубоко вздохнув, спросила:

— Скажите, дорогие мои, чем мы можем вам помочь? Попробуем найти ответ вместе... — Она заботливо оглядела брата и сестру и предложила: — Вы бы хоть перекусили немного. Надо как-то прийти в себя, успокоиться...

— Ты права, Злата, совершенно права! — ухватился за эту мысль Цаля. Но в глубине души он отлично сознавал, что никакого совета дать он не может. Дорога обратно им навсегда закрыта.

Немного успокоившись, гости отведали кое-что из расставленных яств. Говорили о разных пустяках: о погоде, о снеге, что валом валит на дворе.

Потом Элиза сказала:

— Вы знаете, у нас к вам просьба.

— Извольте, с удовольствием поможем, если только в наших силах. — Цаля и Злата являли собой полнейшую готовность выполнить любые просьбы и пожелания.

— Как видите, мы остались на бобах. — В словах Элизы

прозвучала горькая ирония.— У нас просто руки опустились. Ищем хоть немного сочувствия и участия, хотим вернуть лучшие годы нашей жизни. Вы, конечно, знаете нашего бывшего ученика, Берла Федера. Мы хотели бы взять назад его «Всадника». Когда-то мы принесли ему «Всадника», чтобы ободрить в трудную минуту. Теперь нам приходится тяжело. Не могли бы вы нам помочь?

Вскоре все четверо были уже одеты и, не обращая внимания на снегопад (ветер к этому времени немного затих), отправились к Берлу Федеру.

В большой комнате дома Федеров весело, светло и празднично. Посреди комнаты накрыт стол. Хазанских просто не узнать. Еще час назад в доме Цали у них был самый что ни на есть разнесчастный старческий вид. А часом позже, сидя за столом у Берла, они будто помолодели. Все собравшиеся за столом чувствуют себя, как люди, которые справляют семейное торжество по случаю возвращения своих близких из заморских странствий. Говорят все одновременно, что-то рассказывают, что-то припоминают. Но вот в комнату вошла Роза. Присутствующие встретили ее ласковыми доброжелательными взглядами. И каждый вкладывал во взгляд свой, одному ему понятный смысл.

Родительский — был исполнен гордости: вот, дескать, сами видите, какая у нас красивая дочь.

Цаля и Злата не без удовольствия подумали: «Ничего не скажешь, хорошая у нас будет невестка».

Юлиан и Элиза залюбовались девушкой:

«Что за прелесть эта Роза!»

Но вслух произнесли только одно слово:

— Цурка.— Чуть позже добавили: — Роза — Ружа. Красивая дочь и такое же красивое имя.

Нетрудно было заметить, что Роза прямо-таки очаровала Хазанских. И они в свою очередь вызвали у Розы теплое чувство. А когда Берл во всеуслышание объявил, что Элиза была его первой учительницей, а Юлиан — первым человеком, который по достоинству оценил «Всадника», Роза почувствовала к ним еще большее расположение. Весь вечер Хазанские не отпускали ее от себя. И, уже уходя, заручились ее согласием непременно побывать у них в гостях.

Роза не замедлила выполнить свое обещание и уже на следующее утро отправилась к Хазанским. Такого собрания картин, как в их доме, она нигде не видывала. Вернувшись, она долго не могла прийти в себя от изумления. Вот те замечательные люди, с которыми она, Роза, готова завязать настоящую дружбу. Всем сердцем потянулась Роза к Хазанским. И уже через день, не выдержав скучного однообразия домашней жизни, она вновь отправилась в гости, провела у них целый день, осталась к обеду, с удовольствием слушала стихи

Элизы и рассказы Юлиана о картинах из его коллекции. Уходя, Роза обещала приходить почаще. Но уже на другой день в доме Федеров объявилась тетя Лея. Возмущению ее не было предела. Хоть режьте ее, хоть убейте, она не может понять, что хотят от бедного ребенка? Девушка, можно сказать, на выданье, так нате вам — весь город должен знать, что она связалась с этими вероотступниками. В чем дело? Захотелось, чтобы Роза засиделась в невестах? Или, может, того хуже, крестилась? Что могли ответить на этот град упреков Берл и Сора? Больше Роза у Хазанских не появлялась.

18

Машу не покидает мысль, как бы поближе сойтись с Розой Федер. Где и когда можно с ней повидаться? Маша нет-нет да и заходит к учителю Рубину. Может, ненароком и Роза придет сюда?

С тех пор как Маша попала в дом к богатой тетке, завела приличных подруг и стала вхожа в их не менее приличные дома, ее еще больше угнетает бедность и запустение материнской лачуги, неряшливый и оборванный вид младших сестер. Все это вместе вызывает у Маши страстное желание раз и навсегда порвать с этим нищим двором и проникнуть наконец в совершенно другой мир. Тогда она с полным основанием могла бы ввернуть в разговоре со своими знакомыми: «Моя подруга Роза Федер...», «Вчера была в гостях у Федеров...»

Маша не теряет надежды. Все чаще и чаще заходит к учителю. Там она нередко встречает и Эзру Мазовера. Он тоже не видел Розу целую вечность. Именно теперь он почему-то думает о ней больше, чем прежде. Мать им очень недовольна.

Не такой уж Гродно большой город, чтобы люди не знали, что творится у соседа в огороде. Вскоре на улицах можно было слышать такие разговоры:

- Вы слышали? Берл Федер сватает свою дочку.
- Федер? Этот тостосум! Кто же ее суженый?
- Жениха подыскивают.

Обыватели-домоседы нигде не бывают, но всегда в курсе всех событий и новостей в городе. Они знают, что было и чего еще не было. Знают о том, что Лея навевывалась к первостатейной свахе, а сам Берл вел переговоры с Цалей Кадишем. Хотя и Лея и Берл предпочли обойтись в этом деле без ненужных свидетелей.

В конце концов известие о предстоящей помолвке достигло и ушей дяди Манеса. И тот не замедлил явиться к сестре с упреками: как мог его племянник Эзра упустить такую выгодную партию?

— Напрасно вы меня в чем-то вините, дядя,— говорит Эзра.— Можете мне поверить: Розе я ни к чему. Вы говорите, что мы с ней встречались два раза? Не два, а целых четыре. Два последних раза уже без мамы и без ее тетуски. Для нее наши встречи были просто забавой, и это ей быстро наскучило.

Дяде Манесу обидно за Эзру. Что-то парень смотрит на дело чересчур мрачно. А вдруг все не так? Может быть, Роза к нему не совсем равнодушна?

Больше всех убивается мама:

— Ах, Эзра, Эзра... Что ты наделал? Кажется ведь, счастье было у тебя в руках... Как мог ты так легко его выпустить?

Один выход — пойти к Менахему Рубину и излить перед ним душу. Чаше обычного в доме учителя ему встречается Маша.

Выходит так, что весь свет клином сошелся на Розе. Все только о ней и думают: отец Берл Федер, тетя Лея, Цаля Кадиш, мадам Берта Кава, двоюродные сестры Гителе и Переле, Маша и Эзра. Но это еще не все. А Юлиан и Элиза Хазанские? Они тоже вспоминают ее. И только сама Роза как будто даже не подозревает, что вокруг нее разгорелся такой сыр-бор. Она расхаживает в своих бархатных башмачках среди тихих комнат, томится от скуки. На ум приходят слова тети Леи: «В твои годы маме твоей было скучно, да и мне тоже. Ты ведь у нас, не сглазить бы, невеста...»

19

Хотя мадам Берта Кава лично не приложила руку к знакомству Розы с Авигдором, тем не менее фотографию этой прелестной пары она собирается вывесить на самом почетном месте, чтобы неустанно любоваться на них. Действительно, на сей раз не ей принадлежала «рекомендация», но ведь она предвидела и предсказывала. А это не так мало.

Лея в этом вопросе осталась в стороне. В конце концов магическое слово «доктор», ярко характеризующее будущее Авигдора, перевесило злосчастного «фурмана», который так некстати вкрался в родословную со стороны матери. И кто знает, может, больше всего Лея радуется оттого, что не придется больше опасаться дурного влияния на Розу со стороны Хазанских.

Цаля Кадиш вкупе со старым гродненским раввином тоже мало что успели сделать.

Просто случилось так, что через несколько дней после своего прибытия в Гродно Авигдор встретился с Розой в одном из домов. Слово за слово, разговорились, вспомнили детские годы... И знакомство состоялось. Авигдор проводил Розу домой. На завтра они встретились и вместе отправились гулять.

И на следующий день то же самое. А коль скоро молодая парочка открыто прогуливается по центральной гродненской улице, да еще под ручку,— вопрос здесь совершенно ясен — жених и невеста.

Брачный контракт заключили в доме у невесты, после чего торжество переместилось в дом жениха. Здесь уже Злата показала все, на что способна,— устроила пир на весь мир.

У Федеров это радостное событие одновременно вызвало щемящее, тоскливое чувство — для них наступала пора одиночества. Но для родной дочери ничего не жалко.

О том, что у Берла Федера дочь красавица, знают все. Жениха разглядывают с явным любопытством. В наружности Авигдора явственно проступает обаятельная непосредственность дедушки-фурмана, а также отца, который некогда был дровосеком. От матери он унаследовал живые глаза и румянец на щеках. Этот энергичный молодой человек отличается веселым нравом. Но при более близком знакомстве в нем начинает чувствоваться серьезный подход к жизни.

Жених и невеста сидят вместе. Общее веселье захватило и их.

Цаля находится в особо приподнятом настроении. Его так взяла: младший сын Авигдор женится на Розе Федер. Подписание брачного контракта принято обставлять достаточно скромно, не созывая много гостей. Но Цаля решил устроить настоящее торжество. Пусть себе народ повеселится от души. И он пригласил к себе Шепсла с его труппой пуримшпилеров. Хотя никакого пурима нет, гостям приятно будет посмотреть представление. Шепсл и другие актеры заметно волнуются. Помнят ли они текст? Получится ли у них игра? А как примет их публика? Разумеется, больше всех волнуется Шепсл. Как-никак он ведь автор «спектакля».

Но вот за дверями раздались хлопки в ладоши. Это условный знак. Цаля призывает гостей угомониться. Сейчас их ожидает театральное представление.

...В комнату входят пятеро пуримшпилеров. Они выстраиваются полукругом.

Дамы и господа!
Все внимание — сюда!
Просим наш спектакль принять,
Как самих себя понять.

Этими словами Шепсл приветствовал публику. Затем он обращается уже к одному из своих собратьев «актеров»:

— Скажи-ка мне, Мендл, вот ты тихий человек, мухи не обидишь. За что ты так зол на Мейера? И за что собираешься его поколотить?

Мендл. Его мало поколотить. Его надо казнить.

Шепсл. Мендл, с каких пор ты стал таким кровожадным?

Мендл. А с тех пор, как этот мерзавец осмелился поцеловать мою дочь, единственную дочь.

Шепсл. Мейер! Это в самом деле так?

Мендл. Полюбуйтесь на него. Он даже не стыдится ни-сколько. Ах ты злодей, ну погоди... *(С этими словами он делает несколько шагов по направлению к Мейеру. В этот момент стоящий рядом Шая хватает его за руки и водворяет на место.)*

Шепсл. Ну успокойся, Мендл.

Мендл. Легко тебе говорить: успокойся. Моя единственная дочь, моя плоть и кровь, добрая, красивая, невинная... Так нате вам, является этот дикарь, это исчадие ада и лезет к ней целоваться. Хочет погубить невинное создание. Могу ли я молчать? Шепсл, ты ведь и сам, слава богу, отец.

Шепсл. Мейер, отвечай. Так все и было?

Мейер. Да, это правда.

Шая. У тебя совесть есть? Как можно совершить такое? Мендл совершенно прав. Говорю это тоже как отец. Мейер, тебя надлежит казнить!

Мейер. Что ж, я готов.

Шепсл. Ты в своем уме, Мейер?

Мейер. В своем. Просто я люблю ее. Я жить без нее не могу. Делайте со мной что хотите, а я люблю ее!

Мендл. Мою дочь! Люби себе на здоровье другую. Люди добрые, смотрите все, я простой папиросник с табачной фабрики. Мейер, ради бога, не трогай ты мою дочь, мое сокровище!

Мейер. А я что? Всего лишь упаковщик на той же табачной фабрике. И каждый день вижу там твою дочку-папиросницу.

Шая. Давайте разберемся... Любовь! Откуда ей взяться у нас, у простых людей. Ты сошел с ума, Мейер. У тебя, видно, не все дома...

Мейер. Говори все, что хочешь. А я люблю ее.

Мендл. Люди, будьте свидетелями. Сейчас я с ним разделаюсь. *(Хватает палку и угрожающе наступает на Мейера.)*

Один из актеров, до сих пор стоявших молча в стороне, загораживает Мендлу дорогу.

«Дочь» Мендла. Отец, но я тоже люблю его!

Мендл. Караул! Спасите! Ты ли это, дочь моя? За спиной родного отца? Ну и времена...

Шепсл. Они же любят друг друга. Ведь это прекрасно.

Мендл. Что в этом хорошего? Что?

Шепсл. Все хорошо. И пусть будет свадьба. Что скажешь, Мейер?

Мейер. Молю бога об этом. Я был бы счастливейшим из людей.

Шепсл *(к «дочери» Мендла)*. Ну, а ты?

«Дочь» Мендла. И я тоже!

Ш е п с л. Мазл-тов! Поздравляем, Мендл!

В с е. Поздравляем!

Ш е п с л. И вам, реб Цаля, и вам, реб Берл, и всем здесь сидящим: мазл-тов!

Ц а л я. Да сопутствует всем вам счастье и удача. Злата, выдай-ка им угощение. Они свое заработали!

Прошло всего несколько дней. Скорый поезд Варшава — Москва еще только пересекал пределы Гродненской губернии, а Роза Федер уже послала первое письмо вдогонку своему жениху: скучаю, жду...

20

В один из зимних вечеров Берл Федер вернулся домой позднее обычного. Сора с нетерпением дожидалась его и, услышав, как он отряхивает снег в передней, бросилась отворять дверь.

— Береле, что так поздно сегодня? Мне совсем скучно одной.

— Одной... А что Роза?

— Наша невеста занята только собой.

— погоди немного, Сореле. Вот выйдет Роза замуж...

— Тогда я и вовсе останусь одна.

— Нет, Сореле, что ты. Мы же будем с тобой вместе.

Берл Федер ждет не дождется, когда Роза наконец выйдет замуж. Гора свалится с плеч. Полегчает его воз. Кто знает, может, доведется еще на старости лет вернуться к любимому делу — резьбе по дереву? Никто еще не знает о его планах. Но теперь настало время поделиться своими мыслями с Сорой.

— Бог с тобой, Берл, — удивляется жена. — Что, ты десятилетний мальчик? Деревяшки...

— Что ж, и в пятьдесят еще не поздно. Знаешь, Сореле, в последнее время мне часто является во сне дедушка Гешл. Он упрекает меня. Он остался без наследника, а ведь он был таким искусным мастером резьбы по дереву.

— Ты шутишь, Берл! Что это на тебя нашло вдруг?

Берл попытался объяснить жене, что он говорит вполне серьезно, но Сора ни за что не желает в это поверить. Мало ли что взбредет человеку в голову!

— Будет тебе. Пойдем-ка лучше к столу.

На следующий день Соре припомнились слова мужа. Что он имел в виду, говоря, что и в пятьдесят еще не поздно? Может, он и вправду не шутит? На душе у нее стало тревожно. Неужели он это серьезно? А почему бы и нет? Ей ли не знать, как он любит вырезать по дереву. Для него — это вся жизнь.

В один из субботних дней приехали в гости все трое сыновей. Приехали без жен, без детей. Это удивило Берла.

— Что-нибудь стряслось?

— Нет, что ты, отец. Что у нас может стрястись? Просто давно не были у тебя. Захотелось узнать, как вы тут с матерью, все ли живы-здоровы...

Сыновья знают, что их заботливый отец навряд ли захочет обидеть кого-либо из детей. Но они знают и другое. Он никогда не скрывал, что младшая дочь, Роза, его любимица. А раз так, то он по своей доброте душевной может отдать все, что у него есть, ей одной. На их долю останутся жалкие крохи. К тому же всерьез поговаривают, что он решил уйти от всех своих дел. Такая нелепая причуда — на старости лет стать каким-то резчиком! Подумать только — Берл Федер будет мастерить деревянных человечков! Даже стыдно об этом кому-то сказать.

Берл Федер догадывается, что сыновья явились неспроста. Он достаточно хорошо знает их. Когда они являются по одному, разговор вначале вертится вокруг здоровья, а заканчивается просьбой одолжить или просто дать денег. Сегодня приехали все вместе. Интересно, что им надо?

Первое слово в разговоре с отцом было доверено старшему сыну. Но, как это часто бывает, не выдержал и первым начал говорить младший сын. Как и его старшие братья, он был точной копией Соры в молодые годы. Те же черные глаза и тот же румянец на щеках. А от бабушки Малки сыновьям Берла и Соры передалась ее солидность, степенность. Но, к сожалению, младший сын не успел еще достаточно овладеть искусством — думать одно, а говорить другое, иными словами, еще не научился доказывать, что белое — это черное, а черное — белое.

— Отец, сколько ты рассчитываешь выделить Розе на приданое? — спросил он напрямик.

Теперь для Берла все окончательно прояснилось.

— Напрасно вы беспокоитесь, дети мои. Не надо быть такими завистниками. Хватит и на вашу долю.

В разговор вмешался старший сын:

— Отец, ты не сердись и не обижайся на нас. Мы не собираемся тебя поучать, да и не можем. Мы от всей души желаем Розе счастья. Но как не подумать о самих себе. А здесь еще до нас дошли слухи, будто ты собираешься сворачивать дела... Похоже, что Роза получит все, а мы останемся ни с чем. Подумай о нас, о наших детях.

— Видишь ли, сын мой, тот, кто считает, что он семи пядей во лбу, частенько попадает пальцем в небо. Человек предполагает, а бог располагает. Никто не ведает, кому кого суждено пережить: человеку свои желания или желания самого человека.

Но младший сын опять горячится:

— А нам, отец, извини, непонятно, как это можно забросить все дела и целиком отдаться вырезыванию человечков. Кто бы только мог додуматься до такого? До сих пор все знали нас как сыновей солидного купца Берла Федерера. А это давало почет, уважение. Нам верили и доверяли во всем. Но если ты и вправду начнешь вырезать своих человечков... Хотя бы ради нас ты не должен этого делать. Как мы будем смотреть людям в глаза?

Берл пропустил эти речи мимо ушей и сам в свою очередь спросил:

— Ну, а как поживают мои внучата? Рассказали бы хоть...

Сыновья приходили в дом отца несколько дней подряд и каждый раз возвращались оттуда с тревожным чувством, что им может перепасть меньше, чем сестре.

21

Если раньше Маша приходила к учителю Менахему Рубину с надеждой встретить в его доме Розу или, на худой конец, что-то о ней услышать, то теперь она приходит просто сама по себе. Приходит какая-то невеселая, озабоченная, молчаливая. Просидев какое-то время в молчании, Маша внезапно поднимается и со словами «доброй ночи» уходит.

Наконец Менахем не выдержал и спросил:

— Что с тобой, Маша?

— Со мной? Ничего...— В голосе Маши слышались слезы.

— Так-таки и ничего?

Переборов смущение, Маша решилась рассказать все, как было.

В один из солнечных весенних дней Маша в радостном настроении отправилась к подруге. То был богатый еврейский дом, в котором собирались многие знакомые девушки. Компания разместилась в одной из комнат, и Маша тоже присела к столу. Она сразу обратила внимание на коробочку для папирос, лежавшую на столе. Точь-в-точь такие же делают для табачной фабрики.

— Машенька, мы здесь без тебя играли в фанты. Как на грех, никто не может отгадать, что это за штука? Может, ты знаешь?

— Да ведь это проще простого.— Маша обрадовалась случаю первой найти правильный ответ.— Это — коробка для папирос.

— Так, так... Для папирос. А откуда ты, собственно, знаешь?

— Откуда? Как же мне не знать... Моя мама...— Маша осеклась на полуслове и прикусила язык. Но слово не воробей... Теперь пиши пропало!

— Ну, что я вам говорила, девочки? Кто оказался прав? Она только живет у своей тетки. А ее родная мать — Пеша-папирос-

ница — живет в том самом большом дворе. Я же говорила, что она водит нас за нос.

Маша сидела как оплеванная. Со всех сторон на нее были устремлены насмешливые взоры.

— Так кто же твоя мама?

— Кто твоя тетя?

— Кто, наконец, ты сама?

— Может, тебе вовсе не пристало водиться с такими подружками, как мы?

Маша с трудом поднялась со своего места и, еле слышно ступая, вышла из дома...

Учитель сказал:

— Что ж, поплачь, Маша, поплачь...

— Ну что мне теперь делать, учитель, что? Боже мой, такое несчастье, такое несчастье!

— Пустяки. Ничего страшного не случилось. Вот если бы у тебя на самом деле не было ни мамы, ни тети — это да, это было бы подлинное несчастье! Разве можно иметь дело с такими подружками? Что тебе они? Распущенные, избалованные пустышки! Ради минутной забавы они готовы осмеять и унижить человека. Но ты будь выше их, Маша...

Было время, когда Маша вместе с матерью и сестренками клеила коробки, так же, как и они, ходила босая и перепачканная клеем. Не знала еды вкуснее, чем хлеб и селедка... Так жили не только они, так было повсюду, в каждой семье их большого двора. Нашлась богатая тетя, сжалилась над Машей и взяла ее к себе. Очень скоро Маша поняла, что есть совершенно другой мир, в котором и люди живут по-другому. Маше казалось, что она постигла этот мир, вошла и вжилась в него... И вот случай, низринувший ее из заоблачных высей в земную грязь. Что теперь будет? Легко учителю говорить: «будь выше». А как быть выше, если сама стоишь так низко? Единственное, о чем она просит, — не говорить о случившемся Эзре.

— Будь по-твоему, — соглашается Менахем. — Но почему именно Эзре?

— Не хочу выглядеть жалко в его глазах.

— Ты ошибаешься, Маша. Плохо ты знаешь Эзру. Но если ты просишь, я, конечно, ничего не скажу ему.

Эти слова несколько успокоили Машу.

Как-то вечером Эзра пришел к Менахему. И вновь прихватил с собой колбасы и сдобного печенья. В этот же вечер явилась и Маша.

— Заходила проведать маму, вот решила заглянуть и к вам.

— Прекрасно. Как поживает мама?

— Все по-прежнему.

Менахем приглашает девушку к столу. Маша с удовольствием присоединяется к их компании. Она вновь с людьми и чувствует себя легко, здесь не надо притворяться, не надо выдавать

себя за кого-то другого, не надо стыдиться и скрывать своих родных.

Эзра делится новостями. Среди них есть кое-что и о Розе Федер. Говорят, она собирается замуж. Роза — благодатная тема для всех троих. А там, где за столом трое начинают перебивать косточки четвертому, становится веселее. При этом двое из сидящих за столом не могут отделаться от мысли, что Розу у них увели прямо из-под носа. Маша потеряла желанную подругу. А он, Эзра... В свое время Эзра для себя решил, что он Розе не ровня — Берл Федер не нуждается в нищих зятях. Однако теперь Эзра склоняется к мысли, что дядя Манес был не так уж не прав. Может, и в самом деле Роза была к нему равнодушна? Раньше Эзра терзался сомнениями и ожиданиями, теперь он затосковал по Розе.

Учитель Менахем понимает обоих. Он и сам в какой-то степени чувствует себя отверженным человеком, замахнувшимся на нечто и не сумевшим преодолеть преград. И он говорит:

— Ну, подумайте сами. В чем, собственно говоря, ее вина? В том, что она дочь Берла Федера? Нет, никуда ей от самой себя не уйти. Разве это непонятно?

— Ты не прав, Менахем. Можно стать выше всего этого. Стоит только захотеть.

— Не захотеть, а суметь...

— Так ведь можно всю жизнь дожидаться пришествия мессии.

— У тебя есть выход? Судьба крепко держит человека в руках.

— Неужели нельзя повлиять на судьбу?

— Никто не знает, как это сделать. Может, ты подскажешь?

— Если я узнаю как, то непременно подскажу тебе, Менахем.

Маша молча прислушивается к их разговору и не перестает удивляться. «Суметь... захотеть... повлиять на судьбу...» Возможно ли такое? Может ли кто-нибудь сделать так, чтобы мама вырвалась из нищеты, сестры перестали гнуть спину, а она, Маша, никого и ничего не стыдясь, могла разговаривать на равных с любыми подругами.

Не так просто высказать эти мысли вслух. И все-таки Маша говорит об этом.

Менахем и Эзра переглядываются. Кто бы мог подумать, что Маша вдруг станет таким своим, таким близким человеком. Она думает о бедной матери, о сестрах...

22

Когда дочери Шимена приходят к Менахему учиться грамоте, он невольно думает: «Вот чью судьбу не мешало бы изменить!»

А девушки между тем успели подрасти. В субботу принаряжаются, надевают на шею разноцветные стеклянные бусы, хотят быть красивыми. О Розе и думать забыли. Давно поняли — они ей не чета.

Авигдор по-прежнему в Москве, и Роза очень скучает... Но разлука с любимым порождает в Розе желание сделать людям что-нибудь хорошее, сказать доброе слово, чтобы все были так же счастливы, как она.

Вышло так, что где-то в начале лета Маша случайно повстречалась с Розой на улице. Поравнявшись с ней, Маша слегка придержала шаг, и Роза вспомнила, где она видела эту девушку.

— Как поживаете, Маша?

Сколько раз Маша тщетно искала встречи с Розой. А тут... Такая дружеская непринужденная встреча, да еще посреди улицы, на глазах у прохожих, которые, разумеется, видят, с кем Маша остановилась.

Дальше девушки пошли вместе.

— Скажите, Маша, вы по-прежнему бываете в том дворе, где человека могут одеть с головы до ног?

— Как же иначе? Там ведь живет моя мать и сестры.

— Учителя Рубина видите иногда?

— Довольно часто.

— И Эзра Мазовер заходит?

— Конечно.

— А как он выглядит?

— Как обычно.

— Как обычно... Он такой добрый и умный. А дочери Шимена тоже приходят?

— Приходят учиться.

— Я соскучилась по ним. Да, знаете, Маша... Я — невеста. Мой жених — сын Цали Кадиша, студент, скоро он будет доктором.

— Что ж, поздравляю!

Маше приятно, что Роза делится с ней своими переживаниями и чувствами. Роза рассказывает, какой умный и добрый человек ее Авигдор. К тому же совсем простой.

— Вы только подумайте, Маша. Его дед был извозчиком, отец в прежние времена дровосеком. Авигдор гордится тем, что происходит из народа. А знаете, Маша, ведь и мой прадед был всего-навсего простым столяром. Но я не стыжусь родства с честными людьми.

Конечно, размышляет Маша, дочери Берла Федера нечего стыдиться своего прадеда-столяра. Слава богу, ее более близкие предки с лихвой покрывают это родство. А что делать ей, Маше?

Расставаясь с Машей, Роза попросила передать привет учителю Менахему и Эзре. А к сестрам она зайдет, непременно зайдет, и очень скоро.

Маша сияла от удовольствия. Надо же было случиться такой неожиданной и вместе с тем приятной встрече! Но такой уж, видно, сегодня удачный день.

— Что с тобой, Маша? У тебя такой праздничный вид.

Не успела Маша расстаться с Розой, как увидела перед собой Рохеле, одну из прежних своих приятельниц. Тихая, спокойная Рохеле сама редко вмешивалась в разговоры, предпочитая слушать, что говорят другие.

— Ну, Маша, что поделываешь, как живешь?

Маша удивленно посмотрела на нее:

— Ты же знаешь, Рохеле, что моя мать делает коробки для табачной фабрики.

— Знаю. Поэтому и остановилась поговорить с тобой.

И Рохеле рассказывает целую историю. Оказывается, она очень переживала за Машу. Все это время, что Маша водилась с «теми» подругами, она, Рохеле, боялась, как бы ее не постигла та же участь. Она портниха в дамской мастерской, и каждую субботу, встречаясь со своими «подругами», Рохеле сжималась в комок от страха — а вдруг узнают, что на самом деле ее отец никакой не богатый домовладелец? Вот возьмут и спросят, какие именно дома принадлежат ее отцу, или, еще того хуже, положат на стол иголку с ниткой и опять начнут играть в фанты.

— Понимаешь, Маша. Надоело врать, притворяться. Я сама первая решила уйти от них. Взяла и призналась: так, мол, и так — портниха, целыми днями работаю, не чета вам.

Весь вечер девушки провели вместе. Чувствовалось, что Рохеле стосковалась по настоящей подруге, которой можно излить душу, которая все поймет. С «теми» приходилось все больше отмалчиваться, а теперь вот перед Машей раскрылась и рассказала все без утайки. Хочется говорить и говорить без умолку. И она говорит, и на лице ее светится улыбка.

— Мой отец и вправду имел свое дело — у него была небольшая кондитерская. Но он умер давно, совсем молодым, я его почти не помню. Ты, Маша, даже не можешь себе представить, как у нас все пошло вверх дном. Знакомые перестали узнавать нас. Правда, мама над такими знакомыми только посмеивалась. Мне и моим братьям пришлось пойти работать. Я очень люблю свою маму, у нас никогда не было друг от друга секретов. Ей-то не перед кем выплакать душу. Братьям она не скажет того, что может иной раз сказать мне. И ты знаешь, она как-то призналась мне, что любила другого. За моего отца ее заставили выйти, когда она была совсем молодая. Так и прожила жизнь, все делала, как долг велел, вопреки голосу сердца. Все для мужа, для детей, для себя — ничего. Но мне часто говорила: «Доченька, не бери с меня примера, будешь жалеть об этом всю жизнь».

На следующий день девушки снова встретились.

Маша зашла к учителю передать привет от Розы. Заодно

поведала о своей новой подруге. Не жалея красок, она расхваливала Рохеле.

— Если вы не против, как-нибудь в субботу мы придем вместе...

— Конечно, приходите.

В комнате Менахема совсем темно. Большой двор погружается в сон. Один Менахем не спит, стоит у окна, устремив взор в темноту, пытается разглядеть березы. Ничего не видно. Вся его прошедшая жизнь промелькнула перед ним, нахлынули воспоминания, неразрешенные вопросы. Но разве можно заново прожить жизнь за какие-то два-три часа? Видения сменяют друг друга. Под утро Менахем заснул. Проснулся он с тяжелым чувством усталости и непреодолимым желанием видеть Фейгле. Рохеле — ее дочь. Это он понял сразу.

Однако Роза так и не пришла к дочерям Шимена. И Маше не довелось привести к учителю свою подругу. Случилось совсем непредвиденное.

ЗВЕНО ВТОРОЕ

Вчерашний день не вернешь.

1

А случилось вот что...

Огонь вспыхнул среди теплой летней ночи, когда весь город был погружен в сладкий сон. Случись это на одну ночь раньше, дело не дошло бы до пожара; по крайней мере, жители двора могли бы хватиться вовремя, поскольку Эля Шлайен непременно успел бы их предупредить. Надо же было случиться такому, чтобы Эли Шлайена не оказалось дома. Летом Эля всегда спит под открытым небом. Дома тесно, душно, а он любит дышать свободно, хочешь лежать — лежи, сидеть — пожалуйста! Поплевывай себе, посвистывай да посматривай, где что творится.

Эля — высокого роста, пышущий здоровьем детина с длинными сильными руками — такой отвесит оплеуху, и след на щеке останется надолго. Эля водит дружбу с мясниками, рыбниками, фурманами, держится со своими приятелями запанибрата, пьянствует с ними, ввязывается в любую драку. Бывает, что Эля и его дружки всей компанией наведываются к «девочкам» и не всегда той же ночью возвращаются домой.

Эля Шлайен возлежал на своем соломенном топчане под открытым небом, когда подле него вырос его закадычный друг Кусиел Ципер.

— Эленька, айда повеселимся.

— Какое там, Куся. Поверь, ни гроша за душой. Даже кошелек и тот выбросил собакам.

— У меня водится кое-какое серебро. Получил денежки с квартирантов. Ну, пошли.

— Раз такое дело, идем.

Кусиел Ципер — толстяк, приземистый, кругленький, с розовыми щечками-пампушками. Кусиел вечно изнемогает от жары, и ворот его рубахи постоянно расстегнут. Весельчак Кусиел — порядочная язва, если кто попадется ему на язычок — держись! В большом дворе, где людей одевают с головы до ног, он арендовал квартирку, в которой поселил трех постояльцев. То были тихие люди, из тех, кого не видно и не слышно. В одном углу — портниха Хаеле, в другом — Шифра с фабрики, в третьем — сапожник Зундл с семьей.

Согласиться пойти с Кусиелом — это только полдела. Надо еще сделать так, чтобы невеста Эли Шлайена не заметила его в такой компании. Стоит ей увидеть, с кем он спутался, как она моментально догадается, куда они идут и зачем. Спрашивается, что ему, собственно, так бояться своей невесты? Что он так дрожит перед ней? Все оттого, что он любит ее, любит за доброту и степенность. Хорошая девушка — тихая, спокойная, к тому же набожная. Живет вместе с тетей, поскольку сама она — круглая сирота.

— Неисповедимы пути господни, — говорит тетя. — Такое кроткое, непогрешимое, ангельское создание... возьми да и полюби этого разбойника. Но что уж тут поделаешь, коли такова воля всевышнего.

Когда Эля встречается с невестой, то и сам он становится тише воды, ниже травы. Смотрит на нее влюбленными, заискивающими глазами. Его невеста Хана-портниха отличается статью. Густые, черные волосы посередине расчесаны на пробор. Блестящие черные глаза светятся тихим огоньком. Эля молится на свою невесту, прикажи — он готов стоять перед ней на коленях. После очередного скандала с дракой Эля является к ней смиренно выпрашивать прощения за свои дикие выходки. Хана сокрушенно качает головой, как бы говоря: «Ничего не скажешь, хорошенькие новости приносишь ты мне, Эля. Приятно мне слышать такое? Не пора ли тебе наконец образумиться? Дай-то бог, чтобы ты стал уже человеком и мы поженились». Но вслух она ничего не произносит. Впрочем, Эле все понятно и без слов. Он пытается оправдываться:

— Видит бог, Ханеле, как я не хотел этого. Я упирался изо всех сил, словно бык, которого волокут на бойню. Но что поделать, когда бес, будь он неладен, вселяется в меня и начинает искушать, подгонять да подстегивать. И что он ко мне привязался? Клянусь тебе, Ханеле, что больше я ни разу, ни-ни.

— Ну так и быть, Эля. Но чтобы больше никогда. Прошу тебя.

— Никогда больше, Ханеле. Ну разве что так, разок...

У Ханеле вырывается стон, и она снова погружается в молчание.

Если бы Хана вовремя заприметила Элю, может быть, он успел бы благополучно вернуться к своему соломенному топчану. Но она его не видела. По дороге Эля с Кусиелом повстречали еще дружков и всей компанией отправились кутить. В гостях у «девочек» вся братия как следует выпила, потом изрядно добавила. Дело дошло до драки. Зеркало разлетелось вдребезги, из окон повывлетали стекла. Девицы выскочили на улицу с воплями: «Караул, режут!» Явилась полиция и забрала подгулявшую компанию в кутузку.

Так и случилось, что Эля Шлайен, который обычно спал по ночам во дворе, огня не увидел и не смог никого предупредить.

Пожар начался со старого деревянного сарая, в котором днем играли ребятишки. Пока город спал, сарай горел, а вскоре огонь перебросился на соседние дома. К рассвету огнем были охвачены десятки домов еврейского квартала. Повсюду бушевало огненное море. Высохшие деревянные дома легко поддавались обволакивающему пламени, из окон и с крыш вырывались огненные языки, окутанные облаками дыма. В воздухе повис запах гари. Мужчины, женщины, дети — все с жалобным плачем носились вокруг, горестно заламывали руки, пытались спасти хоть что-нибудь из безвозвратно гибнущего скарба, но пробраться сквозь пламя было невозможно. За одни сутки сотни людей остались без крыши над головой, без одежды, без куска хлеба.

Как свидетельствует хроника того времени, в прошлом веке город Гродно часто страдал от пожаров. Многие годы они служили хронологическими вехами истории.

— Это было за год до первого пожара.

Или:

— Это произошло через год после большого пожара.

Двое суток бушевал огонь в городе. Но лишь на третий день стало ясно, сколь много людей осталось без крова. Они сиротливо бродили по пепелищу и искали хоть что-нибудь из утвари — ложку, кастрюлю, подсвечник.

Только теперь все увидели, как много жителей обитало в большом дворе, тихих скромных людей, которых прежде никто будто не знал и не замечал.

2

Среди обгорелых головешек и золы дочери Шимена-портного отыскивали свои стеклянные бусы. От радости они издали такой восторженный возглас, что удрученные погорельцы даже вздрогнули. Этот крик пробудил даже швею Хаеле, которая до

этого стояла совсем отрешенная, глубоко ушедшая в свои грустные мысли.

— Боже, что там еще? — Хаеле озиралась по сторонам. — С чего вдруг такое веселье?

Никто не ответил. На Хаеле не обратили внимания, мало того, никто толком не знал, откуда она взялась здесь.

Но Хаеле, горестная седая женщина, продолжала свои речи, обращенные к небесам:

— Боже милостивый, арбеканфес!¹ Твоя святая реликвия. Ее-то уж можно было уберечь от огня. Это все, что осталось у меня от моего единственного сына Герцля. Бедный мальчик мыкается где-то в Сибири, если он вообще еще жив...

Она устремила к небесам запавшие сухие глаза, выплаканные до последней капли, в ожидании услышать ответ на свою мольбу.

Арбеканфес служил Хаеле единственной памятью о сыне. Вот уже много лет прошло, как ловчие схватили его и отдали в кантонисты. Он тогда учился в хедере, и было ему лет восемь, не больше. Не было дня, чтобы бедная мать не вспоминала о сыне. По субботам возле маленького стола Хаеле ставила два стула. На один стул садилась сама, на другой вешала арбеканфес Герцля. Она разговаривала с ним, задавала вопросы и сама на них отвечала. Арбеканфес был ее единственным утешением. Теперь и его не стало. Хаеле никак не может простить богу, что он так жестоко обошелся с ее сыном. Она верит в бога, верит в его всемогущество, но даже на него она в большой обиде. Он ведь все может, почему ж отворачивается от нее, не хочет помочь ей?

От двора, где прежде одевали человека с головы до ног, остались только старые продымленные печи. Гителе и Переле, всех братишек и сестренек отвели в дом к дяде Берлу. И только Шимен и Шейне никак не могли оторваться от своего сгоревшего очага. Потом пришла Роза Федер и забрала их домой.

Для семьи Шимена Федеры отвели в своем доме отдельную комнату. Девочки быстро освоились в новой обстановке, им все было даже как-то любопытно. Когда прежние соседи-погорельцы собрались у закопченных печей, девочки не без гордости общили:

— Мы живем у нашего дяди, у Берла Федера.

Люди завидуют:

— Такое счастье выпало! Хорошо иметь богатого дядю.

Один из сыновей Шимена, Тевка, — тихий, неразговорчивый паренек. Правда, на лице его частенько можно видеть улыбку.

¹ А р б е к а н ф е с — то же, что талескотн.

В старом доме Тевка, по обыкновению, читал в пятницу вечером, после праздничного ужина, читал до тех пор, пока не гасла лампа. А на следующий день, в субботу, он уже пересказывал прочитанное своему старшему приятелю, печнику Нотке. Отец с матерью не всегда понимают Тевку. Почему он молчит? О чем все время думает? Может, это говорит о большом уме, а может, ему просто лень разговаривать? В доме у дяди он стал еще молчаливее, редко улыбается. Тевка тоскует по своему прежнему жилью, где ему был знаком запах каждого уголка, где он мог все отыскать с закрытыми глазами. Здесь, в доме у дяди, он боится лишний раз повернуться, чтобы, упаси боже, чего-нибудь не задеть и не уронить. Но больше всего он тоскует по своим книгам, сгоревшим в огне. У Розы тоже есть книги, но обращаться к ней Тевке не хочется. Роза уже успела привыкнуть к его молчаливости. Тем не менее она нет-нет да и спросит, почему он молчит. А ему неприятны эти расспросы. Пока еще ему нечем себя проявить. Из всех детей Шимена именно Тевка больше всех пришелся ко двору у Федеров. Больше других ему симпатизирует Роза, которая прозвала его «тихойней».

Роза хочет делать людям как можно больше добра. Разыгравшийся пожар вызвал у нее искреннее сочувствие к пострадавшим, тем более что среди них оказались и ее родные. Роза рассказала о Тевке тете Лее. И та нашла, что Тевка и впрямь хороший парнишка, ей даже удалось вытянуть из этого молчаливика пару слов, которые ей понравились. «Не такой уж он молчун,— решила тетя Лея.— Все дело в том, что он не любит пустой болтовни. Будет что сказать — обязательно скажет». Даже строгая тетя Лея и та после пожара стала как-то мягче, сердечнее. Розе она сказала: «Этому пареньку недостает образования. Его надо немного подучить, и из него непременно выйдет толк». Но чего Роза уж никак не могла предположить — это то, что тетя Лея самолично возьмется за Тевкино учение.

— Тетя, ты у нас такая добрая, такая добрая,— радуется Роза.

— Видишь ли, моя дорогая, добродетель нисходит на нас два раза за всю жизнь. Первый раз в юные годы, в пору влюбленности. Другой раз, когда человек может уже трезво оценивать прошедшую жизнь, когда он еще помнит истоки, но впереди уже маячит исход. Значит, настало время потихоньку готовиться предстать перед творцом...

— Ну о чем ты говоришь, тетя... В твои-то молодые годы...

— Молодые-то молодые, только уже постаревшие...

Спустя пару дней Роза сообщила двоюродному брату о том, что тетя Лея готова с ним заниматься. Обрадованный Тевка горячо ухватился за эту мысль. Он заулыбался, разговорился и даже решился попросить у Розы книжку.

Пожар наделал в городе много шума и привел к тому, что все стали панически бояться огня. Кто знает, где и когда ему вздумается разгореться?

Дамы и барышни (среди них Роза Федер и Берта Кава) занимаются сборами в пользу погорельцев. Собирают деньги, обувь, одежду. Заново сблизилась давно отделившиеся друг от друга люди. Настало такое время, когда перестали стыдиться бедных родственников и знакомых. Шейне с семьей живет в доме у своего брата Берла. Пеша-папиросница — у сестры. Учитель Рубин — да, да, не удивляйтесь — у Фейгеле.

В одежде с чужого плеча слоняются целыми днями оставшиеся без работы ремесленники. Некоторым удалось спасти хотя бы свой инструмент, и теперь они носят его, завернув в холстину и перевязав веревкой. Конечно, не приходится ожидать, что так быстро подвернется работенка, но инструмент свой берегут пуще глаз.

Дети больше не ходят в хедер (сгорели молитвенные дома, где находились еврейские школы). Да и если разобраться, какая может быть школа после пожара? Вот и разгуливает детвора, с утра до вечера копается среди головешек, залезает в чужие сады, обрывает зеленые яблоки и груши.

Шимен тихо вышел из своей комнаты, еще тише прикрыл за собой наружную дверь федеровского дома и направился к месту своего сгоревшего жилища. Каждый день приходит он сюда, словно к могильному холму на кладбище. И когда бы он ни пришел, там уже обязательно кто-нибудь есть. Здесь и там вертятся его бывшие соседи по двору. Все молчат, молчит и Шимен. Но иногда наступает минута, и из глубины души его вырывается крик:

— Люди добрые, может, вы знаете, подскажите мне, где тут раньше стоял стол, за которым я шил и гладил. Подскажите, я прошу вас, люди...

Шимен совсем поседел. В обносках Берла Федера он и сам стал походить на давно остывшую и обуглившуюся печку. Шимен не привык жить без дела, даже сюда он исправно приходит каждый день, точно на работу. Но есть еще одна причина, о которой не знает даже Шейне. Он всячески старается как можно меньше бывать в доме, чтобы при встрече с Берлом Федером не приходилось выслушивать слов сочувствия. Куда же денешься, если живешь с Берлом Федером под одной крышей? И разве есть у него другой выход? И разве Берл Федер не заслуживает благодарности и признательности за то, что приютил всю его семью?

Шейне скоро замечает отсутствие мужа и спешит туда же, к сгоревшему дому. Где ему еще быть, как не там? Подолгу стоят они вместе, усталые, измученные, постаревшие.

Шейне пытается вселить в мужа надежду: «Бог всемогущ, вот увидишь, все еще поправится». Шимен кивает головой. Конечно же все будет хорошо. Ему тоже хочется как-то успокоить и приободрить Шейне. Однако оба уже потеряли веру в то, что настанут лучшие дни.

Тем временем Тевка с головой ушел в занятия с тетей Леей. Благо, он теперь вольная птица, нежданно-негаданно остался без работы. Постепенно он привык и к обращению: «тетя Лея».

Не одной Лее пришелся по сердцу этот паренек, тепло отзывается о нем и ее муж. Супруги понимают, что у Федеров Тевка ютится в большой тесноте. Может быть, он не против на какое-то время перебраться к ним? Тевка не заставил себя долго упрасивать. Решено! Он будет жить в доме у тети Леи.

Поначалу даже Роза ничего об этом не знала.

А последним узнал эту новость Шимен и принял ее довольно равнодушно:

— Тевка... Ладно, бог с ним, с этим сумасбродом. Пусть живет, где хочет...

4

Два-три раза в неделю Роза посылает письма своему жениху Авигдору. Она пишет, сколько горя причинил людям пожар, как много людей осталось без крыши над головой. Пишет она и о своей помощи пострадавшим: «Я делаю людям добро... Хочу еще больше нравиться тебе. Скучаю по тебе... очень, очень». Понятно, Роза не забывает посылать приветы и от его родителей. Авигдор в ответ строчит пылкие письма. Конечно, и он скучает. И целует свою любимую крепко, крепко.

Роза довольно часто приходит проводить Цалю и Злату, узнать, не надо ли им чего. Каждый раз она слышит одно и то же: «Все в порядке, живы-здоровы, ничего не нужно».

Временами Розе кажется, что Цаля и Злата искренне рады ее приходу, но еще больше они радуются, когда она уходит. Так оно и есть.

Долгое время Цаля был сосредоточен на одном желании: женить сына и спокойно прожить несколько лет, оставшихся до перехода в лучший из миров. Цаля не из тех людей, кто станет заниматься самообманом. Годы идут, старость дает себя знать. Так уже повелось в этом мире: человек приходит в него и уходит. А если так предначертано, то и воспринимать сие надо с полным смирением. Младший сын стал женихом, его невеста красивая девушка, сват — богатый человек. Ну и слава богу.

Разбушевавшийся пожар многое изменил.

Собственно, квартира, где обитал Цаля со своей женой Златой, от огня не пострадала. Зато сильно обгорела кожаненная

мастерская, где Цаля хозяйничал вкупе с совладельцем. Мастерская приносила верный кусок хлеба. Теперь Злата убивается, заламывает руки. Сам Цаля внешне остается спокойным, больше отмалчивается. Злата всегда боится, когда Цаля молчит — это не к добру.

— Цаля, почему ты молчишь? Я боюсь...

— Я думаю, Злата, думаю. Прикидываю так и этак.

— Почему ты мне ничего не говоришь? Пожалей меня, Цаля. Скажи что-нибудь.

— «Скажи»... Что я скажу, если и сказать пока нечего?

— Так ты ведь думаешь.

— Думаю, но еще ничего не надумал.

— О чем ты думаешь, Цаля?

— О чем же мне думать, как не о нашей сгоревшей кожевне. Это было единственное, что давало нам заработок.

— Цаля, может быть, как-нибудь отстроимся?

— Можно, конечно, и отстроиться. Но где взять денег? Надо у кого-то одалживать.

— У кого?

— Вот то-то и оно...

— Я думаю, что Берл Федер не откажется помочь.

— Я и сам уверен, что не откажется, но знаешь, Златеню, мне не хочется просить у него.

— Но почему? Все-таки наш сват...

— Именно поэтому и не хочу. Тяжко мне попасть в бедные родственники. Стоит мне только взять у него денег, как из свата я тут же превращусь в обычного должника. А я хочу быть с ним на равных.

— А дети?

— Что ж дети? Отец должен давать, а не брать у детей. Отец, который берет, это не отец.

— Где же выход?

— Погоди. Завтра все прояснится.

Злата ждет, что случится завтра. Цаля слов на ветер не бросает.

Вскоре объявился Цалин племянник — Довид Кадиш (раньше именовавшийся Довидл Товше).

Довид остался таким же высоким и худым, как и прежде, отрастил бороду и регулярно стрижет ее, носит шляпу и короткий пиджак. В глубине его темных глаз мелькает огонек беспокойства и неуверенности. Довид настороженно озирается по сторонам: не бросают ли ему в лицо презрительное «мамзер» («незаконнорожденный»), не появится ли вдруг Антон Мерлес... Довид Кадиш выбился в люди, стал самостоятельным, ему не надо ни к кому навязываться и напрашиваться. Но воспоминания о нелегких испытаниях давних времен преследуют его и поныне. Только никому об этом не расскажешь: ни жене, ни детям, никому.

Поприветствовав дядю и тетю, Довидл немедленно перешел к делу:

— Итак, что у вас сгорело?

Цаля рассказал все подробно. Довидл выслушал и пообещал:

— Денег я вам дам. Сколько надо, столько и получите. Можете быть спокойны.

— Я и так спокоен. Очень тебе благодарен. Видишь, Злата, как хорошо иметь добрых родственников. Но хватит об этом. Расскажи лучше, как поживает семья, как вообще живет, как идут дела.

— Дела идут хорошо. Но вы только послушайте, кого я здесь повстречал...

— Кого же?

— Мерлеса!

— Кого?!

— Забыли Антона Мерлеса? Выкреста?

— Шутишь...

— И можете себе представить, дядя, как только я увидел его, тут же успокоился.

— Как это надо понимать?

— Вы же знаете, дядя, сколько времени мне понадобилось, чтобы встать на ноги после всех моих невзгод. Но больше всего на свете я боялся повстречать где-нибудь этого самого Антона Мерлеса. Да, было время — крепко держал он меня в руках. И вот в один прекрасный день он снова встал у меня на пути. И представьте себе, дядя, увидел его и успокоился. Старая развалина, беззубая и плешивая. Узнал меня: «Довидка, родной, помоги...»

— И ты помог?

— Да вы послушайте. Мерлес каким был, таким и остался. Прожженный хитрец. Знает все ходы и выходы. Вернувшись из дальних краев, где отсиживал срок, отправился он к гадалке — той самой, что когда-то кормила меня, — и объяснился ей в любви. Теперь живет у нее. А я ей время от времени подбрасываю денег.

— Ну?

— Вот он и пришел просить меня, чтобы я давал почаще и побольше. Представляете себе, дядя?

— Я-то себе представляю. Ты скажи, дал ты ему что-нибудь?

— Дал.

— Вот как... — Цаля встал, прошелся по комнате и снова сел. — Я бы не стал давать. Не люблю быть добряком там, где этого не требуется. Да я бы и не повернулся в его сторону. И вот еще что я хочу тебе, Довид, сказать. Из рук, которые дают деньги Антону Мерлесу, я принять ничего не могу. Ты у меня

в доме гость, желанный гость, но денег у тебя я одалживать не буду.

Он снова поднялся и сказал Злате:

— Мне хочется немного подышать свежим воздухом.

После ухода Цали Злата и Довид долго сидели молча. Наконец Довид сказал:

— Я свалял дурака, тетя. Сначала — когда дал денег Мерлессу, потом — когда рассказал об этом дяде. Но вы нуждаетесь в деньгах, вам надо отстраиваться. Зачем вам страдать из-за моей глупости? Я дам вам денег, вы можете строить...

— Довид, дорогой, разве я могу, разве посмею? Коль скоро мой благоверный отказывается от денег, то и жена его брать не станет. Как я пойду против Цали? Цаля — для меня во всем пример, и я тоже хочу быть таким же человеком, как и он.

Обо всем этом Роза не знает.

5

Учитель Менахем чудом выбрался живой из пылающего дома. Маша хотела и его забрать к богатой тетке, однако Менахем отказался. Куда же теперь податься? На все четыре стороны, куда глаза глядят? Роза Федер безуспешно искала учителя. Отыскать его удалось Рохеле.

— Простите, не вы будете учитель Рубин?

— Да, меня так зовут.

— Маша правильно вас описала. Сразу можно вас узнать.

— Маша?

— Учитель Рубин, мама просит, чтобы вы пришли к нам. Она знает, что вы остались без крыши над головой.

— Мама...

— Да, да, моя мама... Фейгеле.

«Мама Фейгеле». Вот когда она вспомнила о нем... Фейгеле... Она зовет его к себе, он остался без крова. Удивительно все это: пожар, «мама Фейгеле». Рохеле пришлось чуть ли не силой увести Менахема домой.

Фейгеле сразу узнала его, а он смотрел на нее и пытался узнать в ней свою бывшую ученицу, девочку, некогда торговавшую сладостями. И только когда она сказала «учитель Рубин», он уловил голос ученицы Фейгеле. Менахем не поднимал глаз. В одно мгновение ужасы пожара ушли куда-то далеко, будто ничего и не горело и не дымилось.

6

Все письма Розы к Авигдору были проникнуты ее приподнятым настроением. Она писала о людских горестях, но в каждом письме сквозила и надежда. И только одно-единственное

письмо, в котором Роза писала о сапожнике Зундле, человеке, которого она прежде и не знала и не видела, было исполнено тревоги и отчаяния... Роза с особым нетерпением ждала ответа на это письмо, как ни на какое другое.

В городе все знали, что дела у Зундла-сапожника неважные. С большим беспокойством осведомлялись горожане, что думают доктора.

Ответ давался тихий, с глубоким вздохом сожаления:

— Доктора говорят: остается уповать на волю всевышнего.

Зундл был одним из самых малоприметных обитателей большого двора. Трудно сказать, довелось ли ему на его веку сделать для своих заказчиков хотя бы три пары новых сапог. Зундл зарабатывал на хлеб, починяя старую обувь. Бледный, высохший, сидел он целыми днями, орудуя дратвой и шилом. Верховодила в доме его жена Доба. Частенько случалось и такое, что не на что было справить субботу, тогда она не выдерживала и кричала:

— Недотепа ты, Зундл! И это называется кормилец семьи!

Во время пожара, когда толпа высыпала во двор, Зундл хватился, что в доме остался ребенок. Доба истошно кричала и выла. Зундл бросился в пылающий дом, а когда он выскочил обратно, все на нем полыхало. Ребенка он спас, но получил смертельные ожоги. Так тихий, неприметный Зундл, человек, которого раньше никто не замечал, превратился в героя, имя его было у всех на устах.

— Вот это настоящий отец!

— Скажите-ка, а? Ведь и до двух не умел сосчитать.

С того дня так и пошло. Люди интересовались:

— Как его дела?

И следовал ответ:

— Одна надежда на всевышнего.

Но и всевышний не помог. Зундл умер, оставив вдову с малыми сиротами.

Жители города — стар и млад — заполонили все улицы, что вели к кладбищу. В тяжелом горестном молчании, низко опустив головы, шли люди в похоронной процессии. Распахнулись черные кладбищенские ворота, и толпа вошла на кладбище вслед за гробом, который пронесли на руках через весь город. Над могилой Зундла магид сказал: «Мы провожаем в лучший из миров святого человека, праведника, жизнь отдавшего во имя спасения невинной детской души. Такие люди, как он, приближают наше избавление. Реб Зундл, будь нашим заступником перед богом...» Когда гроб опустили в могилу, засыпали землей, все мужчины в один голос, хором, припались читать заупокойную молитву — кадиш.

Ответ от Авигдора пришел довольно скоро. Несмотря на отдаленность от дома, он тяжело переживает несчастье, обрушившееся на его родной город. Он понимает и разделяет те переживания, которые испытывает его любимая Роза.

Далее в письме было: «Дорогая, к сожалению, мы слишком оторваны от народа, от простых, честных людей. Судьба сапожника Зундла, о котором ты пишешь, служит нам укором. Я никогда не слышал его имени, даже не подозревал, что такой существует на свете. А оказалось — он настоящий герой!»

7

Потихоньку погорельцы из большого двора сумели как-то пристроиться: кто у родных, кто у знакомых. Иных взяли к себе совсем незнакомые люди. Остался только один человек, у которого не было никого и ничего. Это была Шифра — молодая, красивая, но, увы, горькая неудачница. Невзгоды ее начались с того самого момента, когда она имела несчастье родиться в почти нищей семье. Родители ее были очень бедными, забитыми людьми. Никто не слышал от них жалоб, все лишения они переносили стойко, твердо веря в то, что все в мире вершится волей божьей. Шифра росла, следуя этим заветам. Каждое утро читала молитву, перед сном — опять молитву, знала много благословений, особенно по части хлеба и картошки. Она уяснила себе, что в этой жизни надо быть набожной и добродетельной. Ее выдали замуж совсем девочкой, без всякого приданого, в жалком ситцевом платье. Муж ее был добрый человек, но слабый здоровьем. Ему и года не пришлось прожить с молодой женой. Ребенка от него не было. Когда Шифре минуло восемнадцать лет, она овдовела и осталась одна.

Ровно год она не показывалась на люди, потом ее взяли сватать. Ей сватали только вдовцов да всяких стариков, и все из-за того, что она бесприданница. Ее второй муж был старым вдовцом, его взрослые дети — сыновья и дочери — уже обзавелись своими семьями. Муж корил Шифру за бездетность, знай он раньше про ее бесплодие, ни за что не женился бы на ней. О своей собственной старческой немощи он предпочитал не вспоминать. Шифра обслуживала его, кормила, поила, держала в чистоте дом. А про себя между тем думала: «Боже милостивый, ну скажи, за что мне такое наказание? Я ведь даже не успела как следует пожить, откуда у меня могут быть грехи? Чем я провинилась больше других?» Такие мысли посещали ее все чаще, но были и другие, глубоко сокрытые, которых Шифра боялась. И гнала их от себя. Эти мысли настойчиво преследовали ее: «Боже, твой суд и кара твоя несправедливы, не гневайся и сжалясь надо мной».

Со вторым мужем Шифра прожила четыре года, и год спустя после его смерти ее вновь просватали — была она еще молода и хороша собой. И на сей раз ее отдали человеку, к которому совсем не лежала душа. Однако ничего не поделаешь. Дважды вдова не должна выбирать. С третьим мужем приключилось несчастье: купался в реке и утонул. Тогда нашлись люди, которые решили — поскольку у нее было три мужа и все они умерли, значит, она и есть убийца, повинная в смерти собственных мужей. Слухи расползались по городу, все стали избегать Шифру — опасно иметь дело с такой женщиной. Будь у нее где-то брат, сестра или даже какой-то дальний родственник, она взяла бы свои два платишка и, не раздумывая, уехала из дома. А так — куда убежишь? Одна-одинешенька на всем белом свете. Горькая обида терзала душу. Как можно считать ее убийцей, ее, которая в жизни пальцем никого не тронула? И потайные мысли вырвались наконец наружу: «Боже, ты несправедлив, и суд твой надо мной несправедлив!»

Ее взяли работать на табачную фабрику. Там она всех сторонилась. Жила тихо, одиноко, чтобы ее больше не оговаривали и не чернили. Во дворе, где она жила по соседству с Хаеле, ее никто не трогал и не обижал. Шифра была еще молодая женщина, ей было неполных двадцать пять лет. Когда разгорелся пожар, у нее промелькнула мысль: «Может, это кара божья? Такой мир должен сгореть!» Однако, когда дом ее сгорел и она осталась без крыши, Шифра не знала, куда теперь пойти, куда податься. Очень уж не хотелось просить у кого-то пристанища. Ночевала под открытым небом до тех пор, пока Берта Кава не увела ее к себе домой. Берта Кава энергично участвовала в сборе средств для пострадавших. Как раз в тот день к ней пришла Роза Федер. Она посмотрела на Шифру удивленным взглядом, как бы желая спросить: «Кто эта женщина? Могу ли я чем-нибудь помочь ей?»

Мадам Кава и сама еще в подробностях не знала, кто эта женщина, просто не успела спросить. Куда важнее было для нее то обстоятельство, что, несмотря на пожар и ночевки под открытым небом, Шифра выглядела очень привлекательно, в облике ее угадывается истинная благочестивость. Только на следующее утро, выспавшись как следует и смыв с себя копоть и грязь, накопившиеся за время бездомных мытарств и лишений, Шифра рассказала, кто она.

— Понимаете, мадам, — заключила она свой рассказ, — три мужа у меня было, но среди них ни одного настоящего мужчины.

— Какая дикость! — отозвалась Берта.

Она с улыбкой разглядывала Шифру и думала про себя: «Я найду ей мужа и повешу их фотографию на стене».

Обитателей двора разбросало по всему городу. Пеша-папиросница сняла маленькую каморку для себя и дочерей и вновь взялась за изготовление коробок для табачной фабрики.

Подыскал себе квартирку и Шимен-портной. Теперь он снова шьет, а девочки, как и прежде, ходят на фабрику.

Учитель Менахем обосновался у Фейгеле. Друзья не забывают его — приходит и Маша, и Эзра, и дочери Шимена.

Другие задумали начать отстраиваться. Среди них был и печник Нотка. По поводу своего строительства он решил обратиться к богачу реб Мотеле. Реб Мотеле мужчина за пятьдесят, широкий, приземистый, с небольшой бородой и внушительными, закрученными пейсами. Он любит хорошо покушать и провести время за приятной беседой.

Нотка, сын печника Фроима, сам тоже хороший печник. Парень он здоровый, крепкий, такому палец в рот не клади. Нотка хочет не только жить, но еще и получать от жизни удовольствие. Он уже всерьез подумывал о женитьбе, когда случилось это несчастье с пожаром.

Когда Нота вошел в дом реб Мотеле, хозяин сидел за столом, покрытым простой скатертью, и произносил благодарственную молитву после еды. На столе стояла глубокая тарелка с водой для омовения рук. Лицо реб Мотеле излучало благодушие и довольство. «Вот это уже неплохо, — подумал Нота, — кажется, он в хорошем настроении».

— Бог в помощь, реб Мотеле.

— Добро пожаловать, присаживайся.

— Спасибо, реб Мотеле. Большая честь для меня услышать от вас приглашение садиться. Как ваше здоровье?

— Благодарение господу, не жалуюсь.

— Дай вам бог и дальше не хуже. Вы ведь у нас, можно сказать, один. Недаром о вас говорят: вот человек, равно наделенный мудростью и добротой. Кто может с вами сравниться?

— Ну, ну, оставь... Есть, слава богу, в нашем городе немало других добрых и благочестивых евреев.

— Так-то оно, пожалуй, так... Но все дело в том, что те добрые и благочестивые только для себя, а вы, реб Мотеле, человек с открытой душой.

— Это ты так считаешь или так думают и другие?

— Об этом говорит весь город. Кто же не знает, что реб Мотеле всегда готов оказать человеку благодеяние, особенно в трудную минуту.

— И что, правда, все так считают?

— Я же говорю — весь город. К кому пойдешь, коли стрясется беда? Только к вам!

Нота заметил, что его слова возымели действие, польстили

самолюбию реб Мотеле. «Теперь самое время перейти к делу», — решил он про себя.

— Вот и меня привел бог к вам обратиться. Погорел, знаете ли, остался, можно сказать, в одних подштанниках. Наказание за грехи наши.

— Именно за грехи наши.

— Хотел я у вас попросить, реб Мотеле...

— Что можно у меня просить? И что вообще у меня есть? Только тяжкие грехи...

Нотка быстро сообразил, что надо чуть-чуть сбавить тон, ибо реб Мотеле еще недостаточно хорошо обработан.

— Конечно, за грехи наши нам еще надо вымаливать прощение у господина...

— Это правильно. И просить надо у него же.

— Но бог посылает свои дары через тех, кто на земле.

— Ну, понятно. Всевышний, он все может.

— Через людей, говорю, набожных и благочестивых, таких, как вы, реб Мотеле...

— Может, и через меня, если на то его всемогущая воля.

— Так будьте же исполнителем его воли, реб Мотеле! Я прошу у вас помощи. Бедный погорелец, ни крыши над головой, ни стола... Реб Мотеле, я готов сейчас же пасть перед вами на колени, только помогите...

— Те-те-те... Что это за речи, Нота? Перед всевышним ты можешь встать на колени, но перед простым смертным... Ты же сотворен по образу и подобию господина нашего. Ну хорошо, приходи завтра. Обсудим это дело.

На следующее утро реб Мотеле уже не предложил Нотке присесть. С большим сожалением в голосе он сказал:

— Такой умелец, такой мастер своего дела, как ты, Нотка, да чтобы обращался ко мне за пожертвованием? Откуда мне взять денег? А если они даже и есть у меня, то не про твою честь. Пора тебе, мой друг, жениться, обзавестись семьей, жить как все люди. Будь здоров.

9

Вчерашний день не вернешь.

Эля Шлайен и Кусиел Ципер вышли из тюрьмы, но не нашли и следа от домов, где они жили. Правда, в камеру к ним просочились слухи о пожаре, но они и представить себе не могли, что сгорело сразу столько домов. И уж меньше всего они думали, что сами вдруг станут бездомными. Хорошо хоть, что на дворе лето, тепло, ярко светит солнышко. Но куда же все-таки податься? К друзьям-приятелям? У них то же самое — ни кола ни двора.

— Эленька,— утешает друга Кусиел,— тебе-то зачем печалиться, у тебя есть невеста, а у нее своя крыша над головой. Невеста с крышей — это же райские кущи. Да еще такая невеста, как твоя Хана...

— Куся, прошу тебя, оставь в покое Хану...

— Что ты плетешь? Я же о тебе пекусь. Послушай меня — женись. Потому как я, Эленька, тоже присматриваю себе невесту. Хочу, чтобы была порядочная девушка.

«Может, и вправду пришло время жениться?» — думает Эля. Но тут же спохватывается. Нет. У него не хватит духу после всего, что было, показаться Хане на глаза. Опять будет молча смотреть на него и качать головой, а в ее сверкающих черных глазах будет гореть огонек осуждения. Молчание ее для него хуже всяких попреков и обвинений. А как иначе истолкуешь ее сокрушенное покачивание головой: «Явился, герой... Ах, Эля, Эля, до чего ты докатился... Голые женщины, разбитые стекла и зеркала, сидишь в тюрьме вместе с арестантами. Глаза бы мои тебя не видели, да уши не слышали весь этот позор!»

Что на это ответишь? Разве может он оправдаться перед Ханой? Иное дело осыпать бранью первого встречного, заехать ему в зубы — это он может. А как оправдаться перед Ханой, тем более когда она права, совершенно права... Это превышает его сил. При этом он сознает, что не в такой уж степени виноват. Разве он собирался пойти туда? Он ведь уже лежал на своем соломенном топчане... Принесла нелегкая Кусиела...

«Сколько раз я тебя просила, Эля,— слышится ему голос Ханы,— не водить дружбу с этим Кусиелом, с этим греховодником, с этой трэфной кишкой. Стань наконец человеком, и тогда мы с тобой поженимся».

И Эля говорит Кусиелу добродушно и в то же время с досадой:

— Из-за тебя я теперь не могу показаться Хане на глаза.

— Почему это из-за меня?

— Ты еще спрашиваешь? К девкам ходили? В тюрьме сидели? Как ты думаешь, приятно ей было обо всем этом слышать?

— Ну ты тоже не делай из нее ангелочка.

— Она и есть ангел. Чистая душа и доброе сердце.

— Все они, Эленька, одинаковые. И твоя Хана точно такая же...

— Куся, прошу, не трогай мою Хану...

— Боже сохрани! Кто собирается ее трогать!

Он не успел больше ничего сказать, потому что Эля крепко ухватил его за шиворот.

— Замолчи! Убью!

— Где тебе! От такой прыти ты еще, пожалуй, поперхнешься и начнешь заикаться.

— Замолчи ты. Выродок!

— Хи-хи-хи,— сыпанул Кусиел дробным смешком.— Узнаю речи Ханы. Вот кто тебя наставляет!

При этих словах Эля Шлайен не сдержался и, коротко взмахнув рукой, тыльной стороной ее залепил Кусиелу звонкую пощечину. Тот взревел, как раненый медведь. Но он быстро пришел в себя, яростно обхватил Элю и приподнял его в воздухе. Однако в ту же секунду вынужден был опустить его на землю.

— Смотри, ты уже сопишь, Кусиел,— возликовал Эля.— Мало тебе! Будешь знать, как со мной связываться. У, терпеть не могу толстяков! — И вновь прошелся своей крепкой ладонью по щеке Кусиела.

Кусиел Ципер пошел на попятную.

— Ты меня еще попомнишь,— пригрозил он, потрясая кулаком в воздухе.— Ты и твоя благочестивая зазноба!

Вскоре эта история дошла до Ханы. Со слезами на глазах она сказала тете:

— Не хочу ни видеть, ни знать его. Погибель на мою голову! Душегуб!

Несколько дней она не показывалась на улице, стыдилась своего жениха, на которого все показывали пальцами. Эля ни жив ни мертв бродил под ее окнами, не осмеливаясь зайти в дом.

Тетя так и сказала ему: «Поди вон! Знать тебя не желают. Можешь искать себе другую невесту».

...После пожара многие погорельцы как-то переменились. Они обрели уверенность в себе, какой не было прежде. Пережили такое, после чего им ничто уже не было страшно. Но резче выявилось и другое — недовольство и роптание на беспросветную нужду. Особенно это чувствовалось в среде рабочих табачной фабрики.

Шимен послал за Тевкой с требованием вернуться домой. Но Тевка отца не послушался. Прежде он и мечтать не мог о таком времени, когда будет свободной птицей и сможет наконец учиться и глотать книги одну за другой. Он твердо решил остаться в доме у Леи. Даже перестал встречаться со своими прежними друзьями. И хотя новых друзей у него пока нет, он верит, что рано или поздно они появятся. Тевка так прямо и заявил: «Хочу учиться, и все». Лея оказалась права: будет что сказать — Тевка молчать не станет. Теперь и от него можно услышать пару слов, а все недосказанное заменяет загадочная улыбка.

Всю жизнь Лея и ее муж жили только для себя. Долгое время Роза заменяла им собственного ребенка, умершего в младенчестве. Но теперь для супругов настал момент призадуматься, с чем явиться на суд божий. Явиться к богу — значит не только принести ему свои благие и праведные земные деяния (хотя, конечно, он спросит и о них). Это означает и другое. Что вы

оставляете после себя на земле, что и кого?.. Кто будет читать поминальную молитву, когда вас не станет в живых, кто будет в вашу годовщину зажигать поминальную свечу? И Лея, и ее муж сошлись на том, что, видно, Тевку им послал сам господь бог. Но они не все договаривают до конца. То, что он становится родным и близким человеком, это, конечно, хорошо. Со временем он сделается им еще ближе. Но стать наследником всего их состояния?.. Эта мысль пугает их. Во-первых, они чувствуют, что уже от одних мыслей это «явление перед господом» становится ближе и реальнее, как будто оно должно произойти если не завтра, то послезавтра. А во-вторых, как ни верти, выходит, что собранное и накопленное ими за всю жизнь они должны будут отдать своими собственными руками. Нет, не надо идти против себя. Еще есть время. Пока важно другое. Парня надо подучить, обтесать, познакомить с новыми товарищами из приличных семей. Подумали они и о его родословной: ведь его мать доводится родной сестрой Берлу Федеру.

Тем временем Тевке живется хорошо. По дому он совсем не скучает.

Берта Кава успела переменить имя Шифры, и теперь она зовет ее Шифа, Шифеле.

— Не беспокойся, Шифеле. Все будет хорошо.

У Берты прекрасный случай проявить себя. Если уж она за что-либо берется, то просто начинает этим жить. Не может на месте усидеть до тех пор, пока ее дело не выгорит. Теперь она с головой ушла в поиски жениха для Шифры. В успехе невесты она нисколько не сомневается. Красивая, добрая, деликатная. За то короткое время, что Шифра находится в доме Берты Кавы, она почувствовала себя человеком. Не надо больше боязливо оглядываться, опасаясь, как бы на тебя косо не посмотрели или за спиной не оговорили злые языки. Все ее горести и невзгоды берутся от людского невежества и ее беспредельной наивности. Именно так считает мадам Берта Кава. Она творит, созидает — хочет наглядно продемонстрировать чудо: смотрите, в ее руках бедная, несчастная, обиженная судьбой Шифра превращается в веселую и счастливую Шифу. Она, Берта Кава, терпеть не может уныния и тоски, когда люди не живут, а прозябают.

Шифра и сама еще не постигла до конца своего перерождения. Даже не верится, что это она Шифра и есть.

Можно сказать, что только волею случая судьба определила ей в женихи Нотку-печника. Каким-то образом Берта Кава узнала, что Нотка заходил к реб Мотеле. До нее дошли и слова, коими реб Мотеле напутствовал своего посетителя: «Пора тебе, мой друг, жениться». И она решила про себя: Нотка и есть тот жених, которого она ищет для Шифы. Молодой здоровый мужчина, что называется в соку, из тех, кто не прочь поглазеть на красивых женщин. Достойная пара. Оба истоско-

вались по настоящей любви. В воображении мадам Берты Кавы полностью вырисовывались персонажи предстоящего действия.

Берта такой человек, что на нее можно положиться. Она знает, с кем и о чем говорить. Слово, считает она, обладает великой силой — оно может сделать человека счастливым. Но оно же может и обречь на несчастья.

10

Бывшие обитатели большого двора теперь живут в разных концах города, но по-прежнему они скучают по своей улице, по своим березам, по своим соседям. Случайные встречи вызывают радость и слезы.

В начале зимы бывшим соседям довелось вновь встретиться на свадьбе Нотки и Шифры, первой свадьбе после пожара.

На улице падал мягкий пушистый снежок. Снежинки мерно и петоропливо ложились на землю, словно их спускали с неба на невидимых нитях. На улице раздавались смеющиеся молодые голоса. Всем было хорошо: и снегу, и людям. И уж совсем весело было в квартире мадам Берты Кавы, где игралась свадьба молодых. Шифра сияла от счастья. Впервые в жизни рядом с ней было столько людей, радостных и приветливых. Они пришли к ней на свадьбу, пришли поздравить, пожелать добра и счастья — ей и жениху. Нотка сидит рядом с ней и шепчет ей на ухо слова, от которых по всему телу растекается сладостная истома. Она чувствует силу его крепкой руки, исходящее от него тепло, видит перед собой его глаза, слышит биение его сердца. Верно говорит пословица: «Сколько ни играй для невесты «Печальную», у жениха свое на уме». Вот они уже почти муж и жена. Шифра счастлива. Счастливой чувствует себя и мадам Кава. Ей удалось даже обеспечить невесту приданым (его дал Берл Федер, по просьбе Розы).

Мадам Кава исполняла роль посаженной матери. Сияя от удовольствия, Берта встречает гостей. А гостей множество. Учитель Менахем, Маша, Эзра, Рохеле, Пеша-папиросница, Переле и Гителе. Появились Шимен-портной и Шейне, шапочник Нафтоле, сапожник Рувн, пекарь Годл... Жених ждет своего закадычного друга Тевку, но тот почему-то задерживается. Тем временем среди гостей появился и Эля Шлайен со своей невестой. Эта парочка своим радостным видом предвещала приближение еще одной свадьбы, тем более что Эля поклялся встать на путь добродетели и благочестия.

Эзра и Менахем не без интереса присматривались к своим знакомым по двору. Бросается в глаза различие между родителями и детьми. Родители — набожные, строжайшим образом соблюдают посты, предписанные обряды. В основном это —

ремесленники, работающие на себя. Их рабочий инструмент — топор, молоток, пила, сапожный верстак да треногий стульчик возле него. Однообразна и домашняя утварь: самовар, пасхальная посуда. Этих людей, прежде всего, объединяет их бедность, забота о хлебе насущном.

Дети работают у хозяев, сами ничего не имеют. Они не слишком усердствуют в молитвах, не отличаются излишней набожностью. Куда больше им по сердцу шутки и непринужденное веселье.

Позже всех, к самому свадебному обряду, появились Роза, Лея и Тевка. От мальчишеских повадок у Тевки мало что осталось, совсем взрослый человек. По обыкновению, он молчит, но теперь в его молчании заключается иной смысл. Он усвоил истину: прежде чем что-нибудь изречь, надо хорошенько подумать. Опять же надо знать, с кем завести разговор и с кем рядом сесть за столом. Старания тети Леи не пропали даром — Тевка оказался благодарным учеником. Тевка вслед за тетей Леей и Розой поздравил жениха и невесту, а потом уже подошел к родителям и о чем-то недолго говорил с ними.

После венчания начались танцы. То был настоящий праздник для всего «двора», который только начал приходить в себя после пережитых невзгод. Танцевали почти все. Лея и Тевка стояли в стороне и разглядывали присутствующих. Роза танцевала вместе со всеми.

Гости позабыли обо всем на свете, пели, смеялись, танцевали. И никто не заметил, как в комнату вошла Хаеле, мать того самого Герцля-кантониста. Только когда она протиснулась в круг, ухватила кого-то за руки и возбужденно, с притопываниями принялась отплясывать, не заметить ее было уже нельзя.

— Смотрите — Хаеле!

— Хаеле танцует?

— Это неспроста. Наверняка что-то случилось.

Гости даже немножко испугались. Что с Хаеле? В своем ли она уме? Она — и вдруг веселье и танцы!

— Хаеле, что с тобой?

— Счастье!

— Нашелся арбеканфес?

— Нет, не арбеканфес. Сын мой нашелся. Нашелся! Сын жив! — И Хаеле снова пустилась в пляс. — Люди, идите в круг! Танцуйте вместе со мной. Мой сын жив!

Фейгеле не пошла на свадьбу. Потом ее стала разбирать досада — надо было все-таки пойти вместе с Машей и Рохеле, поздравить жениха с невестой. И учитель Менахем звал ее с собой, но она понимала, что он делает это скорее из вежливости. И если посмотреть правде в глаза — хороша бы она была, явившись на свадьбу в обществе чужого мужчины, пусть даже

соседа. Но такой ли уж он чужой? Может быть, оттого, что он вовсе не чужой, ей трудно появиться теперь вместе с ним на людях. Если бы речь шла о чужом человеке — разве стала бы она принимать все так близко к сердцу? Фейгеле понимает, что и у Менахема сложное положение. Ему вроде бы тоже не пристало появляться вместе с пей на людях. Подумав так, Фейгеле улыбается и в какое-то мгновение вновь начинает ходить на ту самую юную девушку, которая стояла за прилавком со сладостями, когда к пей заходил учитель Менахем. Он ничуть не изменился с годами — такой же добрый и отзывчивый. Может, оттого он и прозевал ее любовь и обрек себя на одиночество. Она-то любила его... И что же? Пошла замуж за другого, за кого отец велел. Теперь дело идет к тому, что история повторится, и он опять будет молчать, как тогда. Нет, теперь она, слава богу, стала умнее, она больше такого не допустит. Она не должна, просто не имеет права. И вот как-то, собравшись с духом, Фейгеле вошла в комнату учителя и сказала:

— Вот что, учитель Менахем. Как хотите, а я вас не понимаю. Опять вы молчите. Я все собираюсь спросить: вы все еще любите меня?

Менахем растеряннно смотрит на нее и не может вымолвить ни слова.

— Пожалуйста, не молчите, прошу вас. Вы уже и так промолчали половину жизни. Скажите только: да или нет?

— Да.

— Тогда надо сыграть свадьбу, чтобы не стыдно было перед людьми.

11

Свадьба Шифры и Нотки произвела на Розу сильное впечатление. Она написала своему жениху письмо, на сей раз очень бодрое и жизнерадостное. По обыкновению, передала привет от его родителей — была у них недавно, там все в порядке, живы, здоровы, ни в чем не нуждаются.

Если большинство погорельцев потихоньку обживаются заново, то обгоревшая кожевенная мастерская Цали Кадиша стоит разрушенной, как и прежде. Злата даже не заводит разговора на эту тему, не хочет беречь Цалину душу. Живут они только сбережениями. А эти сбережения все тают и тают. Чем все это кончится — один бог знает. Злата старается изо всех сил не обнаружить перед мужем волнения и озабоченности. Как всегда, готовит для него любимые кушанья. К ее удивлению, Цаля, который никогда раньше не любил поговорить, теперь стал все чаще делиться разными мыслями. Вот это

как раз и тревожит Злату. Что это? Подкравшаяся старость? Или, может, он нездоров? И Злата мимоходом спрашивает мужа:

— Цаля, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо. Что это ты вздумала интересоваться моим самочувствием?

— Почему бы мне и не поинтересоваться? Я всегда хочу знать, как ты себя чувствуешь. По-моему, жене не мешает знать, как здоровье ее мужа. Тем более что я и поныне помню твои варшавские подарки.

— Ты помнишь?

— Я помню, как мама нас сосватала. Я все помню. Помню, как ты пришел к нам в первый раз и все допытывался, двойняшки ли мы с Фейгеле.

— И я помню, Злата.

Злата знает, как приободрить своего мужа. А когда Цаля приходит в хорошее расположение духа, можно ненароком сказать:

— Довид собирался зайти к нам в гости. Не могу понять, отчего он не приходит.

— Думаю, что он обиделся на меня.

— За что же, Цаля?

— А за то, что не захотел одалживать у него денег.

— Может, надо было взять?

— Конечно, надо было. Но одно дело понимать, что надо, а другое — чувствовать, что сделать это я не в состоянии. Не могу я, Злата, не могу. Я знаю, у меня нелегкий характер. Но многое, поверь, происходит и помимо моей воли. Я чувствую себя связанным по рукам и ногам. Понимаю, что, возможно, поступаю неправильно. И все равно иначе не могу.

— Как бы ты ни поступал, дорогой мой муж, я знаю, что ты всегда прав.

Дней восемь спустя Довид Кадиш навестил их еще раз. Его появление сильно огорчило Злату. Опять у Цали будет повод для огорчения! Опять Довид будет предлагать деньги, а Цаля, конечно, откажется. Не потому, что не нуждается в них, а потому, что совесть не позволяет. Уж лучше бы Довид вовсе не приходил. Довид гостит один день, другой, но о деньгах — ни слова. Довиду явно не по себе. Всю его солидность как рукой сняло. Ну, самый что ни на есть Довидл, каким он был в прежние времена, — такой же длинный и тощий, хоть и вырядился в приличное платье и носит подстриженную бородку. Не раз он порывался завести с Цалей разговор и каждый раз удерживался. Только на третий день наконец решился:

— Хочу поговорить с вами, дядя. Пожалуйста, выслушайте меня.

— Изволь, я слушаю.

— О деньгах я больше говорить не стану. Знаю, раз вы уже

сказали «нет» — ваше слово железное. Но, видите ли, в чем дело... Давайте посмотрим на это с другой стороны. Вот вы возмущались, что я помогаю Мерлесу... И вы правы. Но я не хочу выглядеть в ваших глазах лжецом и должен сказать вам всю правду: иначе я не могу! Я и сам думал о том, чтобы не дать ему и гроша. Но, понимаете, дядя, не мог не дать. Беззубый, плешивый, со слезящимися глазами, старая развалина. А гадалка эта... Она ведь меня когда-то кормила. Я чувствую себя связанным. Не могу иначе, дядя!

— Что ж, хорошо. Выходит, мы с тобой оба не можем. И у меня, Довид, руки и ноги связаны.

— У вас тоже?

— И у меня тоже. Это хорошо, что ты не можешь иначе. Хорошо, что ты не идешь наперекор своей совести. Мне это нравится в тебе, Довид!

— Тогда, может быть, дядя...

— Нет, Довид, нет. Этого я сделать не могу!

— Нет?

Злата знает, что в доме почти не осталось денег. А Цаля снова сказал нет. Больше молчать нету сил. И она написала письмо Авиغدору. Поскорее бы он приехал домой!

12

Прошло всего несколько недель, а у Фейгеле такое чувство, словно вернулась ее молодость. С Менахема не сводит влюбленных глаз. Любуется им, совершенно не стесняясь присутствия в доме посторонних людей. Он теперь принадлежит ей. Но ее любовь — это еще и преклонение перед Менахемом — человеком редкого ума и образованности, который знает многое такое, что ей неизвестно. Она горда своей причастностью к его жизни, все то, что интересуется его, интересуется также ее.

День выдался морозный и солнечный. И гости в дом к Фейгеле заходят раскрасневшиеся от мороза. Рохеле рассаживает их вокруг стола и угощает горячим чаем. Морозный румянец постепенно отливает от щек, гостям становится тепло.

Последняя новость, которую рассказала Маша: вот-вот должен приехать Авигдор. Роза порывается каждый день бежать на вокзал, до того ей не сидится на месте. Судя по всему, свадьба не за горами.

При мысли об этой свадьбе Гителе и Переле оживляются. Наверное, их тоже пригласят. Они уже представляют себя танцующими в кругу. А во рту ощущают вкус всяких лакомых блюд.

У Эзры тоже есть что рассказать. Оказывается, Хаеле получила еще одно письмо от Герцля. Он жив, здоров и, самое удивительное, служит офицером.

— Офицером? Как это может быть?

— В самом деле, как такое могло случиться?

Швея Хаеле, с выплуканными глазами и исколотыми пальцами, являла собой воплощение горести и тоски. Вся ее жизнь была связана только с прошлым, одна надежда согревала ее — увидеть наконец своего единственного сына. Окружающая жизнь мало трогала ее. Тоска и одиночество породили молчание. Молчаливыми были ее жалобы и мольбы перед людьми и перед богом. В душе Хаеле сознавала, что все ее надежды обманчивы, но она гнала от себя эти мысли. Она продолжала жить в плену самообмана. И вот он настал, этот день, когда обманчивая надежда обернулась явью — сын жив! От чувства огромного счастья, внезапно свалившегося на нее, Хаеле едва не заболела. От радости она перестала понимать, на каком свете находится и что с ней происходит. Прошлое отодвинулось куда-то далеко, остались мысли, устремленные в будущее, в тот день, когда она сможет наконец обнять своего сына. Она сумела дожить и дожидаться этой радости. Хаеле потянуло к людям, она уже не могла больше без них обходиться, ей стало тесно и пусто одной среди четырех стен. Где какое веселье или торжество — Хаеле тут как тут. Люди щедро разделяют с ней ее радость, не устают переспрашивать:

— В самом деле офицер? Никакой ошибки?

— Никакой.

Удивлению нет границ.

— Надо же! Еврей — и чтобы офицер...

Всеобщее удивление заставило и Хаеле призадуматься. Действительно, как могло такое случиться, чтобы ее сын стал офицером? И вот как-то, среди ночи, Хаеле проснулась будто от внезапного толчка, испуганная, села на кровати и, обхватив худые колени, расплакалась. Может ли быть такое? Неужели ее сын крестился? Нет, этого не может быть...

Роза, как и все, не без интереса, очень участливо отнеслась к Хаеле. Даже собиралась написать о ее сыне Авиغدору. Тем временем она случайно повстречала Эзру Мазовера. Эта встреча ее обрадовала. Что ни говори, а все-таки Эзра — ее первое серьезное увлечение.

— А вы, Эзра, ничуть не изменились.

— Зато вы, Роза, изменились, и весьма заметно.

— Интересно знать, в чем?

— Стали еще красивее.

Роза радостно улыбнулась:

— Это неудивительно. Ведь я жду своего жениха. — Роза подняла на Эзру свои живые глаза и внезапно предложила: — Что же это мы стоим на одном месте? Не пройись ли нам немного? Я хочу вас кое о чем спросить.

Они пошли вместе.

— У меня есть превосходная идея, Эзра. Давайте отправимся к казацкой церкви, к тому дикому грушевому дереву...

У замерзшей реки Роза пристально посмотрела Эзре в глаза и сказала:

— Мы сейчас на Коложах, это место дорого мне, хочу верить, что и вам тоже.

— Да, это так, Роза. Я часто вспоминаю наши встречи.

— Мне бы очень хотелось, чтобы у вас была невеста... Тогда мы были бы квиты.

— На этот счет можете быть спокойны. Я думаю, что не останусь в вечных холостяках.

Они поднялись на заснеженную горку. Эзра взял Розу за руку и помог ей взобраться наверх.

Их взору открылось снежное царство. Снежный ковер, заснеженные белые деревья. Казацкая церковь была залита ослепительным белым светом. Кругом стояла тишина. В ярких лучах солнца по небу проплывали крошечные облака.

— Никогда не бывала здесь зимой, — сказала Роза. — Какая благодатная тишина. Нетронутый снег. Давайте первыми пройдемся по нему.

Взявшись за руки, они ступают в глубокий снег. И оба смеются, охваченные порывом безмятежной радости.

— Эзра, для меня это новость. Вы научились говорить комплименты.

— Роза Федер заслуживает их сполна. Заслуживает еще больше, чем...

Она остановилась, повернулась и снова посмотрела ему прямо в глаза. Полные губы ее раскрылись. Если бы сейчас перед ней стоял Авигдор, она, конечно, поцеловала бы его.

Вдруг Роза сказала:

— Пора возвращаться, Эзра. Мне больше нельзя задерживаться. Не забывайте, что я невеста. Идемте.

Они медленно пошли назад. Спускаясь с горки, снова взялись за руки.

— Эзра, что вы знаете о сыне Хаеле? Меня это очень интересует. Правда, что он дослужился до офицера?

— Кто знает? Пока никто толком ничего не может сказать. Сама Хаеле то плачет, то смеется. Сын жив, здоров — и мать радуется, это ведь великое счастье. Но с другой стороны... Сын — офицер... Не иначе как крестился, как же могло быть иначе. И мать плачет, убивается.

— А что, если он и в самом деле крестился? Как вы на это смотрите? Вы, Эзра Мазовер, первый человек, от которого я слышала стихи Иегуды-Лейб Гордона.

— Что можно спросить с шести-семилетнего мальчишки, которого насильно принудили к крещению? Другое дело, когда речь идет о взрослом человеке, совершающем это сознательно. Никакие мотивы здесь не могут служить оправданием: ни желание поступить в университет, ни стремление получить правожительство...

— А вы могли бы совершить такое?

— Мне это даже не приходит в голову.

— Авигдор рассуждает примерно так же. Недаром я вас, Эзра, даже немножко любила. Заходите к нам иногда. Но будет лучше, если вы придете с невестой.

ЗВЕНО ТРЕТЬЕ

А что есть завтра? Завтра — это место,
Где человек доселе не бывал.

1

Как выяснилось, оба свата — и Берл Федер, и Цаля Кадиш — допустили ошибку, полагая, что Роза и Авигдор на первых порах непременно будут жить в доме у Цали и Златы. Молодые — Роза и доктор Авигдор Кадиш — поселились в просторной квартире Берла Федера. Здесь же Авигдор отвел себе место и для врачебного кабинета. На двери повесили объявление, извещавшее о том, что раз в неделю доктор принимает пациентов бесплатно. Вскоре после свадьбы, для вящей солидности, Авигдор отрастил бородку клинышком. Роза поначалу не могла к ней привыкнуть, потом она ей даже понравилась, как, впрочем, и все остальное, что касалось ее мужа. Первое время слово «доктор» в городе почти не упоминалось, всех больных упорно посылали к «зятю Берла Федера». Но со временем стали именовать Авигдора не иначе как доктор Кадиш. Молодые зажили хорошо. Он с утра до вечера занят своими пациентами, она — детьми. Только спустя несколько лет после их женитьбы Авигдор вспомнил о том, что собирался сказать Розе перед свадьбой, но так и не сказал, — о своем намерении идти в народ, пробуждать его и помогать ему. Роза даже радуется тому, что не знала об этом прежде. А теперь время ушло.

— Авигдор, дорогой, у нас дети. Нам надо думать о них и о себе.

Любимый муж и двое детей — мальчик и девочка — заслонили перед Розой все на свете. Даже отец с матерью и те оказались отодвинутыми на второй план. Теперь Берл Федер и Сора занимают в своей квартире всего лишь одну небольшую комнату. Но Роза и этого не замечает. Жизнь других потеряла для нее интерес, ее целиком поглотили собственные заботы.

Некогда художавая и подвижная, Роза немного располнела, стала солиднее и уже не спешит, не торопится, как бывало.

Что до Соры и Берла, то они всей душой тянутся и к Розе, и к Авигдору, и к внукам, готовы днями не отходить ни на шаг. Но теперь от Розы приходится выслушивать и такое: «Мама, не путайся под ногами».

Захаживают в гости и Цаля со Златой. Злата примирилась с мыслью, что с женоватыми детьми лучше всего дружить на расстоянии. А Цаля с этим не согласен. Пусть дети обзавелись собственными семьями, но зачем же думать только о себе? Этого он не может понять. Первым делом гости направляются к Берлу и Соре — здесь они узнают все семейные новости. Потом идут к внукам. С ними дедушки и бабушки как бы заново переживают свои первые материнские и отцовские чувства.

Настроение у Цали подавленное. Мастерская как стояла, так и стоит с обгоревшими окнами и дверями. Сын не отказывает отцу в помощи. Приходит и Довид, приносит кое-какие подарки. Но Цале нелегко привыкать к этому, ему, который всю жизнь был сам себе хозяин. И хотя Роза и Авигдор принимают его со Златой вроде бы весьма радушно, чувствуется, что молодым не до них, попросту говоря, нет для них времени. Для Цали ясно — его время ушло. Да и сама Злата, как она ни пытается успокоить Цаля, тоже поняла, что ее муж уже не тот Цаля, которого знал и уважал весь город. Теперь он просто отец доктора Кадиша, а она, Злата, — мать доктора. Ничего плохого в этом она, по правде говоря, не видит. Напротив, она гордится этим. Злате вспоминаются времена, когда она была молодой девушкой. Все тогда принимали их с сестрой за близнецов, а Цаля никак не мог разобраться, кто из них старше. Могла ли она подумать в то время, что когда-нибудь у нее будет сын доктор.

— Ты помнишь, Цаля?

— Ох, Злата, от воспоминаний о стаканчике, выпитом в прошлом году, нынче пьяным не станешь.

— Нет, Цаля, ты не прав. Стоит только вспомнить что-нибудь хорошее, и на душе становится легче.

Но Цале так просто не угодишь. Никогда раньше он и мысли не допускал, что наступит час, когда он превратится в бездельника. Как он мог мечтать о спокойной жизни после женитьбы Авигдора? Оказалось — для него нет ничего труднее, чем жить спокойно. Пуримшпилеры и те про него забыли...

Про пуримшпилеров Цаля вспоминает главным образом для того, чтобы отогнать от себя тяжелые мысли об Авигдоре. Эти мысли не дают ему покоя. Что стало с сыном? Оторвался от отца с матерью, от родных и знакомых, да и вообще от людей. И это Авигдор, который был когда-то полон стремления жить интересами народа, проникнуться его нуждами и заботами. Теперь он думает только о себе. Цале обидно за сына.

- Пойдем к Авигдору, Злата?
- Отчего же не пойти. А что это ты вдруг надумал?
- Не нравится мне он. И Роза тоже не нравится.
- Что за муха тебя укусила?
- Тяжело мне будет переселяться в мир иной с чувством, что никого я на этом свете не оставляю.
- Что ты такое говоришь, Цаля? Зачем ты меня пугаешь? Зачем?
- Кто тебя пугает? Просто наболело на душе. Никогда не думал, что Авигдор станет таким. Спору нет, счастливая молодая семья — это выглядит прекрасно и перед богом, и перед людьми. Но как же жить, ничего не видя и не замечая, кроме своего счастья?.. Нет, мне это не подходит. Роза, помнится, тоже раньше говорила о простых, скромных тружениках... Ей, может, и простиительно жить только для себя, она единственная дочь богача, с детства избалованная. Но Авигдор...
- Цаля! Ну что ты, в самом деле, прицепился к ним?
- Бог с тобой, Злата! Это я не к ним, а к себе. Ну ладно, раз решили идти, так идем.

2

С той поры, как Роза стала матерью и хозяйкой в доме, она завела у себя тот же самый порядок, который некогда пугал ее в доме у Леи. О том, как она жила в своей девичьей комнате, Роза больше не вспоминала. Ее доброта и преданность отныне всецело были обращены к мужу и детям, для других людей не осталось ровным счетом ничего. Ловкая, быстроногая Роза становилась все медлительнее. Кроме того, она теперь нередко пользовалась случаем приберечь каждый рубль. Некогда щедрая девичья рука стала все чаще и чаще скупо сжиматься. Роза пытается объяснить это заботой о своих детях — они должны быть всем обеспечены. За стеклянными дверцами шкафа, на полках, уставленных фамильным серебром, появились и золотые изделия. Большой частью это были дары, поднесенные к свадьбе и к дням рождения. Свои деньги Роза предпочитала на такие вещи не тратить. Деньги — что может быть вещественнее и нужнее их? Магическая сила денег постепенно крепко прибрала Розу к рукам. Бабушке Малке не удалось оказать влияния на Сору, зато она неведомо как сумела подобрать ключик к сердцу внучки — Розы, которая со временем переняла у нее пристрастие к ведению счетов, управлению хозяйством, обладанию деньгами. Роза забыла, когда последний раз открывала томик Пушкина или Гоголя. Не интересуется тем, что делается на их улице. Нет времени заниматься посторонними делами.

Авигдор с утра до вечера занят в своем кабинете, принимает

больных. Он не может оставаться совсем равнодушным к тому, что оторвался от близких, от друзей, от общественных дел. Отец явно недоволен им. Наверное, он прав. Но любовь к Розе, к семье не позволяет ему много думать о чем-либо другом. Ведь Розу тоже ничто постороннее теперь не волнует.

3

По обыкновению, Цаля и Злата сначала зашли к Берлу и Соре.

У Берла Федера нет времени для уныния, он с головой окунулся в дела. Но и он не может совсем отогнать от себя тревожные мысли. Дети живут, отгородившись в своем собственном мирке. Из немногих гостей, которые продолжали бывать в доме, остались только Лея и Тевка.

Лея, раньше осуждавшая племянницу за отсутствие интереса к тому, что творится на их улице и вообще к жизни народа, теперь находит для Розы оправдание:

— И правильно! Нечего водить дружбу с кем попало. Не забывай, что ты дочь Берла Федера, а твой муж доктор Кадиш.

Тевка здорово повзрослел. Почти совсем оставил привычку отмалчиваться, стал говорить, и, кстати, довольно толково.

Берл Федер озабочен. Его внуки растут оторванными от народа, без каких бы то ни было понятий о его обычаях, твердых устоях. Живут как в воздухе. На дочь он перестал оказывать какое-либо влияние, она гораздо больше склонна следовать советам тети Леи.

Не успели Цаля со Златой войти в дом, как Цаля сказал с порога:

— Слушай меня, Берл, и мотай на ус... Мне не нравится твоя Роза.

Берл и Сора посмотрели на него с удивлением.

— Что вы такое говорите, сват? Наша Роза?

— Не только Роза, но и Авигдор. Я ими недоволен. Слишком они отгородились от всех...

— Послушайте, сват,— возражает Сора,— что значит, по-вашему, отгородились! Мало вам, что раз в неделю они бесплатно лечат больных?

— Раз в неделю... А остальные дни что?.. Ох, Берл, Берл... Берл молчит. Цаля прав. Ведь и сам он считает точно так же.

— Что же ты набрал полный рот воды, Берл?

— Если бы воды, Цаля... Обиды.

— Ну что, Злата, выходит, я прав?

Злата не отвечает. Так же как и Сора, она всецело на стороне детей.

Тем временем в дверь постучали, и на пороге появилась Лея в сопровождении Тевки. О том, что он сын Шимена-портного, в городе многие успели позабыть. Знают только, что его

постоянно видят в обществе Леи, почтенной гродненской дамы. У Леи достаточно оснований гордиться своим воспитанником. Сейчас Тевка готовится к экзаменам за шесть классов гимназии. Тетя Лея, привыкшая вечно кого-то поучать, лишенная каких бы то ни было сомнений насчет правоты своих суждений, тем не менее внимательно прислушивается к Тевкиным речам и, более того, нередко соглашается с ним. Но Тевка, в свою очередь, понял, что чересчур идти наперекор мнению тети Леи тоже не следует. Если тетя высказалась, лучше до поры до времени промолчать, ибо она не очень-то любит, когда ей возражают.

Больше всех приходу гостей были рады Злата и Сора. В их присутствии Цаля не станет придирааться к Розе и Авиغدору.

— Были в гостях у детей, посмотрели внуков. Теперь зашли к вам.

— Прекрасно. Спасибо вам.

— Роза цветет, Авигдор счастлив, детишки подрастают...

Злата и Сора улыбаются. Берл и Цаля тоже довольны.

— Да, дети растут,— повторяет тетя Лея.— Все идет хорошо. Только у Розы есть к Авигдору претензии, и довольно справедливые.

— Какие же? — спрашивает Цаля с любопытством.

— А вот послушайте. Как ни наступит день бесплатного приема, приходит чуть ли не весь город. Приходят все, больные и здоровые, бедные и богатые. Толкутся, с утра до вечера в доме полно народу, а после них остается невообразимый хаос. Роза говорит: «Есть специальная больница для евреев, пусть туда и обращаются». Разве она не права?

— Права? Я бы иначе сказал. Были времена, когда Роза очень любила поговорить о простых людях, даже гордилась ими.

— Реб Цаля, не мне вам говорить, что с годами люди становятся умнее.

— Ну, это кто как. Я вот, например, с годами становлюсь все глупее.

— Цаля...— Злата посмотрела на мужа с укоризной, пытаясь остановить его. Приятно ли ей слышать, как он дает о себе такие отзывы?

— Не забывайте, что Роза помоложе вас,— довольно резко парировала Лея.

— Понятное дело, моложе. Но, к великому сожалению, должен вам заметить: некоторые молодые из нынешних даже не хотят знать, что делается вокруг, закрывают глаза на людские горести и страдания. Мне не верится, чтобы кто-нибудь из них был готов жертвовать собой, рисковать...

— Вы не правы, реб Цаля. Зачем далеко ходить, когда перед вами живой пример — Тевка. Ты как думаешь, Тевка, кто прав?

Тевка отвечает не сразу и как-то неуверенно.

— Я еще точно не знаю, тетя Лея. Это надо как следует обдумать.

Такой ответ прозвучал довольно неожиданно и для тети Леи, и для самого Тевки. Дело-то ведь ясное, раз тетя Лея говорит — что тут еще думать?

Всю дорогу домой Лея и Тевка шли молча. Лее очень не понравился Тевкин ответ. Разве не ясно, что Роза абсолютно права? Цаля уже слишком стар, чтобы иметь понятие о том, как надо теперь жить на свете. Но Тевка? Неужели его по-прежнему тянет к своим? Тогда как не вспомнить маму Малку, которая говаривала: «Сапожник сапожником останется, хоть ты напяль на него шляпу». Правда, Лея тут же одергивает себя. Стоп! Не надо торопиться. Это пристало какому-нибудь Цале, но никак не ей. Разве не она учила Тевку сперва как следует подумать, а потом уже говорить? Вот парень и обдумывает. Так и должно быть.

— Что это ты молчишь, Тевка?

— Я вижу, что вы заняты своими мыслями, тетя. Зачем же вам мешать?

Такой ответ не может не понравиться.

4

Если раньше Тевка молчал частенько от незнания, что сказать, то теперь он молчит оттого, что знает больше чем достаточно.

Вначале, едва успев обосноваться в доме тети Леи, он готов был позабыть обо всем на свете. Отступился от отца с матерью, отступился от братьев и сестер, друзей и соседей. Без особых раздумий он покончил со своим прошлым, всеми чувствами и желаниями устремился в тот мир, который раскрыли перед ним тетя Лея и ее муж. Но Тевка не понял и не ощутил, как вслед за ним в дом тети Леи будто пропикли его детские годы, его юность. Они шествовали за ним, чтобы постоянно вызывать невольное сравнение той жизни, которой он жил сейчас, с той, что была некогда в отчем доме. И он выбрал эту новую жизнь — она оказалась ему больше по сердцу. Здесь можно было обрести спокойствие и уверенность в себе. Здесь была жизнь, наполненная культурой и знаниями. Отсюда, из дома тети Леи, все воспринималось шире, многограннее. Но вместе с тем его детство и юность не отступили окончательно, они продолжали давать себя знать изнутри, как будто притаились. От своего корня далеко не уйдешь. Раньше, когда тетя Лея или ее муж презрительно говорили о ком-то «сапожник, а ходит босиком», — это его мало трогало. Скорее наоборот, он испытывал

чувство облегчения оттого, что вырвался из этой презируемой среды сапожников и портных. Теперь это стало его задевать, но он старается не выказывать своих чувств, предпочитая молчать.

5

Без преувеличения можно сказать, что в городе нет более счастливой семьи, чем та, которую обрела Шифра. Сама она являет собой воплощение любви и преданности. Ко всему вдобавок оказалось, что у нее красивый голос. Шифра и сама прежде об этом не подозревала, не до пения ей было. Теперь можно и петь. Она смотрит на своего мужа, печника Нотку, и не нарадуется. У того после пожара полно работы — перекладывать печки, строить новые. Ремесло его дает неплохие заработки. Шифра — умелая, экономная хозяйка. Вечерами, дождавшись, когда уснут дети, Шифра любит глядеть в окошко на небо, и каждый раз она с удивлением открывает для себя, сколь велик этот мир. Плышет луна — торжественно, празднично освещающая ночь серебристым светом. Только теперь Шифра начала замечать то, что прежде было сокрыто от нее, после прошедших тяжелых лет она почувствовала себя вновь возрожденной к жизни.

— Нотэ, ты только посмотри, какое красивое небо!

Они стоят у окна. Нот обнимает жену, чувствует исходящее от нее тепло...

И вот как-то в пятницу вечером, когда вслед догорающим свечам в окно стал пробиваться также догорающий свет заката, Шифра сказала:

— Нотэ, дети, слава богу, спят, и я хочу поведать тебе некую малепькую притчу, но только не для того, чтобы ты тоже уснул.

И Шифра принялась рассказывать историю, которую слышала когда-то от отца, тихого горемычного бедняка.

«Жил-был праведный человек, отличавшийся большой ученостью, — Рабби, и никто не звал его по-другому. В мальчишеские годы он был большим проказником. Было ему лет пять-шесть, когда он заметил одну женщину, которая почти ежедневно приходила в синагогу, когда там никого не было, и, отодвинув занавес священного ковчега, вела разговор со всевышним. «Боже милостивый, — взывала она, — я несчастная вдова, с малыми детьми. Помираем с голоду. Внемли, господь, речам моим, пошли мне милостыню, дай хлеба моим детям». Наш проказник, тот, кого впоследствии стали звать Рабби, забрался как-то в женское отделение синагоги, спрятался там и, заслышав слова «Боже милостивый, услышь мою мольбу», подал голос сверху:

— Я слушаю тебя, дочь моя.

От изумления женщина пришла в полную растерянность.

— Ой, великий боже, всемогущий, ты и впрямь слышишь меня?

— Я слышу тебя, дочь моя. Поведай мне твои желания.

— Хлеба! Только хлеба для моих детей...

— Будет у тебя хлеб, будет и другая пища для твоих детей.

— Как же это будет, боже?

— Ты будешь исцелять людей.

— Я послушная раба твоя. Я буду лечить людей... Но каким образом?

— Я открою тебе заветное слово. Будешь шептать его на ухо больному, но так, чтобы никто больше не слышал. Тогда хворь покинет его.

— Что же это за такое заветное слово? Скажи мне его, боже, скажи...

— Вот оно. «Ма тойву ойхолохо яков...»¹ Но помни — это секрет, о котором никто не должен знать.

...И стала женщина эта исцелять людей. Больные с ее помощью избавлялись от своих недугов. И в доме у детей был хлеб, и они больше не голодали.

Прошло немало лет. Рабби стал известным человеком, повсюду гремела слава о его учености. Возьми и случись такое, что и в него вселилась хворь. В горле образовался какой-то нарыв. Приходят доктора и беспомощно разводят руками. Больному становится все хуже и хуже. Родные советуют:

— Ребе, есть здесь одна женщина, обладающая даром исцеления. Она знает заветное слово.

— Женщина, говорите... Знает слово... Бабушкины сказки.

Между тем недуг совсем одолевает его. Близкие опять за свое:

— Не упрямытесь, ребе. Повредить это уж никак не может. А вдруг поможет?

Рабби махнул рукой и сказал:

— Ну, бог с вами. Зовите.

Явилась эта женщина и что-то прошептала больному на ухо. Рабби не выдержал и озлился на самого себя. Женщина... Заветное слово... Черт знает что... И он сказал:

— Послушай, женщина. Скажи мне, что такое ты прошептала мне на ухо?

— Заветное слово, ребе.

— Понятно, что заветное. Но какое именно? Говори!

— Не могу, ребе.

— А я тебе велю!

— Нельзя, ребе.

— А я тебе приказываю!

— Нельзя, ребе, нельзя. Господь бог не велел.

— Бог! — с раздражением говорит больной. — Послушайте-

¹ Как прекрасны шатры твои...

ка ее, толкует о боге, словно о соседке. Ну, отвечай быстро, не то прокляну до десятого колена.

Бедная женщина испугалась. Так плохо и так худо. Не приведи бог, если Рабби и в самом деле проклянет.

— Ребе, только возьмите мой грех на себя.

— Так и быть, беру.

И вот женщина рассказала ему все, как было, все с самого начала. Как просила у всевышнего хлеб для детей, как господь внял ее молитвам и открыл ей заветные слова, дабы исцелять больных.

— И что это за слова?

— Ма тойву ойхолохо яков...

Тут Рабби задумался. Что-то смутно припомнилось ему, показалось знакомым. Где же мог он слышать эти слова? Несомненно, он слышал их раньше. Но где и от кого? Внезапно его осенило, он вспомнил свою давнюю шутку, свою мальчишескую проделку. Не кто иной, как он сам, поведал женщине эти слова. От этой мысли его разобрал такой смех, что нарыв в горле лопнул, и Рабби вновь стал здоровым».

Так закончила Шифра свой рассказ, и по всему видно, как счастлива она оттого, что Рабби выздоровел, вдова не осталась без куска хлеба, и, главное, оттого, что эта история очень пришлась по душе ее дорогому мужу Нотке. Видя, как Нотка радуется вместе с ней, Шифра говорит:

— Доброе слово, сказанное добрым человеком и сказанное вовремя, всегда ведет к добру.

О Шифре соседи говорят только хорошее: она добрая, участливая, всякого готова утешить ласковым словом, никому не отказывает в помощи. Будь ее воля, Шифра сделала бы так, чтобы всем людям жилось счастливо, чтобы у всех в доме был кусок хлеба. В особенности желает она лучшей доли вдовам и сиротам, всем бедным и честным людям. Когда Шифра встречается с Бертой Кавой, обе они смеются от чистого сердца, радость и смех так и искрятся у них. Берта — создатель, а Шифра — ее творение. Ее воссоздали и заново возродили по прошествии двадцати пяти лет горькой, беспросветной жизни. Такое не забывается.

Среди гостей мадам Берты Кавы — Лея и Тевка. Берта искренне рада им, но у Леи, правда, есть тут свой расчет. Пусть Берта видит, что ее, Леи, паренек подрос, не сглазить бы, симпатичный юноша, готовится сдавать экзамены за шесть классов гимназии. Мадам Кава испытывает особое пристрастие к симпатичным молодым девушкам и парням. А это Лее на руку. Пусть она между делом разнесет по городу добрую молву и о Тевке. На Берту Каву можно положиться. Слышать похвалы в Тевкин адрес для Леи сплошное удовольствие. Он — ее Тевка, ее чадо, она его вскармливает, растит и пестует. Думает о его будущем. А как же иначе? Ее Тевка!

С этими же мыслями Лея приходит к Розе и Авиغدору. Разумеется, Тевка ее сопровождает. При этом Лея забывает, что Тевка доводится Розе двоюродным братом. Роза рада, что застенчивый, молчаливый Тевка хоть немного заговорил. Она принимает его как родственника не потому, что он доводится сыном ее тети Шейне, а скорее потому, что он называет тетей Лею. Роза и Лея показывают ему шкаф с золотыми и серебряными драгоценностями. Тевка смотрит на них и говорит:

— Красиво, очень красиво. Художественная работа.

Однако ни серебро, ни золото как таковые его не волнуют. Не загораются жадным блеском глаза, не испытывает он зависти к их обладателям. Это удивляет и Лею и Розу.

Но у Авигдора на этот счет иное мнение:

— Тевка далеко пойдет, помяните мое слово. Но он избрал свой путь. Этот парень мне нравится.

К экзаменам за шесть классов гимназии Тевку готовит репетитор, студент Фрумкин. Он тоже доволен своим учеником.

— Из Тевки выйдет толк. Парень с головой...

6

В субботу к Менахему довольно неожиданно зашел шапочник Шепсл. Шесть дней кряду Шепсл делает шапки, но душа его все семь дней недели безраздельно принадлежит театру. Особенно когда он отдыхает от работы.

В последнее время Шепсл и его товарищи почувствовали, что рамки пуримшпила стали для них тесноваты, хочется стать настоящими актерами, играть в настоящих спектаклях. Но очень уж не хочется выставять себя на посмеище. Казалось бы, взрослые люди, отцы семейств — и вдруг запимаются такими глупостями. Чтобы люди не смеялись над ними, магид не поносил в своих проповедях и раввин не сердился, лучше до поры до времени зваться по-прежнему «пуримшпилерами».

Всем известно, что театр — это тоже своего рода болезнь. Кого эта болезнь заразит — пиши пропало. Вот и Шепсл со своими друзьями напрочь отравлены ею. Не так давно в городе гастролировала русская драматическая труппа, ставила пьесы Гоголя и Островского. Шепсл и его компания загодя откладывали каждый грош, чтобы иметь возможность купить билеты. Представления русского театра произвели на них неизгладимое впечатление. Восхищенные и изумленные, позабыв обо всем на свете, они сначала не могли вымолвить ни слова. А придя в себя, неустанно возвращались к одной и той же мысли: «Вот это и есть настоящий театр! Есть у кого поучиться!»

Шепсл пришел к Менахему в полдень.

— Доброй субботы вам, учитель.

— И тебе того же, Шепсл. Садись, милости прошу.

Шепсл выложил учителю думы, обуревавшие его артистическую душу. У него и у остальных пуримшпилеров одна мечта — играть в еврейском театре.

— Еврейский театр в Гродно? Что ж, мысль хорошая. В Варшаве ведь уже есть еврейский театр.

— Учитель, сарай какой-нибудь мы арендуем. Сил не пожалеем, своими руками сделаем из него игрушку. Готовы на все, только бы нам позволили играть. Но где взять пьесу, настоящую пьесу? До нас дошли слухи, что в Одессе напечатана пьеса «Выборы». Вы что-нибудь слышали об этом?

— «Выборы»? Да, что-то припоминаю.

— Ой, учитель, бесценный вы наш человек... Мы тут устроили складчину... в общем, есть у нас кое-какие деньги. Так что мы можем приобрести эту пьесу. Как бы нам ее заполучить?

— Пьесу эту написал Ицхок-Иоэл Линецкий, тот самый, что еще раньше написал «Мальчика из Польши». Надо отправить ему письмо и испросить его согласия.

— Учитель, сделайте доброе дело, напишите.

— Хорошо, я напишу.

— Дай вам бог здоровья, учитель, за то великое добро, что вы для нас делаете. А как вы считаете... Можем мы играть в настоящем театре?

— Да сопутствует вам удача, Шепсл.

После обеда стали собираться обычные гости. Первыми пришли сестрички, Гителе и Переле. Но это уже не те девочки, что прежде. Они выросли, стали взрослыми девушками, барышнями. Больше не носят по субботам грубых башмаков, теперь и их ноги облегают элегантные кожаные ботиночки. И платья теперь не такие длинные, и нет больше стеклянных бус — прощайте детские забавы. Как и все девушки, они хотят быть красивыми, хотят нравиться молодым людям. Они уже не дети и кое-что смыслят в жизни.

Вслед за ними пришли Маша и Эзра. Оба одеты по-летнему. Навстречу им вышла светловолосая, голубоглазая Рохеле. Хорошо, что Эзра и Маша пришли вместе. Пока что одной Рохеле известен их секрет — у молодых людей завязался роман. Фейгеле, впрочем, тоже догадывается об этом. При этом думает: «Дай-то бог, чтобы радость любви не обошла стороной и мою Рохеле». К гостям вышел из своей комнаты Менахем, и все уселись за стол.

— Тевка был у нас в гостях, — выпаливают сестры в один голос.

— Тевка? Ну, что с ним? Как он выглядит, какие у него планы?

— Поначалу мы его совсем не узнали. Он здорово вырос.

Все так же улыбается, даже научился разговаривать. Готовится сдавать экзамены за шесть классов гимназии.

— Вот как! Не зря его постоянно видят вместе с мадам Леей.

Сестры продолжают рассказывать:

— Отец спросил Тевку: «Скажи, что у тебя случилось? Чему мы обязаны твоим приходом?» — «Да ничего, говорит, не случилось. Соскучился по вас». — «Это добрый знак, — говорит отец. — Мы тоже, признаться, соскучились. Может, останешься?» — «Пока что нет, отец. Что слышно насчет работы?» Потом Тевка спрашивал, что слышно у нас на фабрике.

— Что касается фабрики, — отозвалась Маша, — со всеми вопросами обращайтесь к Эзре. Он все знает.

Учитель Менахем слушает молча. Фейгеле не сводит с него влюбленных глаз. От ее чрезмерной любви Менахему порой становится не по себе. Каждый раз, когда он что-либо произносит, Фейгеле восхищенно шепчет, да так, что слышно не только ему, но и другим: «Умница моя, светлая голова, учитель мой!» Это приводит Менахема в смущение, и он предпочитает молчать в ее присутствии. Но когда речь зашла о фабрике, он присоединился к разговору и попросил Эзру поделиться фабричными новостями.

Эзра рассказывает. Рабочие на фабрике недовольны. Хозяева, впрочем, тоже. Ишь чего мастера вздумали! Дали им работу, кусок хлеба — и они же еще ропщут.

— Вот так обстоят дела на сегодняшний день с обеими заинтересованными сторонами, — заключил Эзра.

— И это все?

— Что значит все? Ты ведь знаешь, Менахем, недовольство — великая сила.

— Сила, которая стоит на месте.

— Как тебе должно быть известно, Менахем, господь не в один день сотворил мир. Всему есть начало.

Маша влюблена. Хорошо быть влюбленной — на душе легко, и мысли также легко и свободно приходят на ум. Она говорит:

— Не могу понять этих Шерешевских. Они, видите ли, тоже недовольны. Им-то уж не мешало бы знать, что к чему. Деньги у них, но ведь папиросы и сигары делают Гителе и Переле.

Сестры слушают молча, но с любопытством. Ай да Маша!

Вдруг Рохеле предложила:

— Смотрите, какой чудный день сегодня. Что же мы сидим дома?

Решили прогуляться в сторону Коложей, к казацкой церкви. Впереди шли сестры. Они любовались зеленью деревьев, прозрачностью воды Немана, берег которого был усыпан разноцветными камешками.

Эзра идет с Машей и Рохеле. Он невольно вспоминает свои первые встречи с Розой. Для него это были дни надежд и сомнений. С Машей все по-другому. Нет места для неопределен-

ности, с нею он связывает свое будущее. Однако Роза оставила по себе добрую память — как-никак местом в конторе он обязан именно ей.

Позади всех идут Фейгеле и Менахем, идут молча, испытывая облегчение от того, что не надо говорить.

Наверху, на самой горе, среди сосен и елей, они повстречали Шифру и Нотку с детьми. Громко смеясь, дети гоняются за матерью, пытаюсь поймать ее. Но Шифра никак не дается. Смеется и Нотка. Увидев своих бывших соседей, Шифра остановилась, чтобы их поприветствовать.

— Не правда ли, здесь красиво? Столько зелени и солнца! Да, скажите мне, вам не встретились случайно Хаеле с сыном?

— Хаеле с сыном?

— Ну да... Наша Хаеле — швея. И ее сын — офицер.

— Нет. А где вы их видели, Шифра?

— Они ушли куда-то вперед.

— Интересно, как он выглядит? А что Хаеле?

— И не спрашивайте. Хаеле помолодела, расцвела — прямо не узнать.

— А Герцль?

— Статен, плечист, при пуговицах и эполетах. Одно слово — офицер. Хаеле мне рассказала, что сегодня он молился в большой синагоге. Его даже вызывали к чтению Торы. Завтра собираются наведаться к Берте Кава.

Все ждали, куда Хаеле с сыном пойдут обратно, но они так и не показались.

7

Назавтра, в воскресенье, Шифра пришла в дом к Берте Кава. Берта принарядилась. Она была счастлива оттого, что к ней в гости должен пожаловать офицер-еврей. Берту хлебом не корми, только подай ей все, что вызывает любопытство и может поразить новизной. Сама она тоже, между прочим, любит быть оригинальной, непохожей на других. Приятно сознавать, что первый свой визит офицер наносит не кому-нибудь, а именно ей. У Берты отличное настроение.

— Шифеле, дорогая моя, здравствуй! Ну, рассказывай, как сама, как детки? Знаешь ли, дорогая, кого я жду нынче в гости? Герцля Цамера.

— Сына Хаеле?

— Именно. Ты как думаешь, Шифеле, хорошо будет, если я повешу его фотографию на самом видном месте?

Берта в глаза не видела сына Хаеле, но ей уже было ясно — это предмет ее будущего попечительства. Герцль Цамер — это имя! О нем будет говорить весь город. Чувствуется, что Берта Кава уже одержима новой идеей.

— Мадам Берта, я думаю, что буду здесь лишней...

— Нет, что ты, не уходи. Будет о чем порассказать.

Шифра осталась и часом спустя, затаив дыхание, слушала рассказ этого бравого офицера. Говорил он тихо, спокойно.

— В тот злосчастный день мама стирала белье. Сказала мне: Герцль, твой арбеканфес изрядно загрязнился, дай-ка, я его постираю, через пару часов высохнет. Пока что ступай себе в хедер. На улице я тотчас почувствовал, будто мне чего-то недостает. Сколько помню себя, всю жизнь носил арбеканфес, любил играть его кистями, наматывать их на пальцы. Возвращаясь домой темными зимними вечерами, я крепко сжимал в руках кисти арбеканфеса и про себя повторял слова молитвы. Помнится, когда я вошел в хедер, мне показалось, что ребе посмотрел на меня с укором. Конечно, он обо всем догадался. Какой стыд: мальчик из хедера и не носит арбеканфеса. Я едва дождался, когда ребе наконец сказал: «Все, дети, вы свободны, идите поешьте горячего». По дороге домой я внезапно почувствовал, как чьи-то руки обхватили меня сзади, оторвали от земли и потащили.

«Кто это?» — спросил я.

«Твой дядя», — последовал ответ.

«Мой дядя? Куда же вы меня тащите, дядя?»

«Домой, к маме».

Эти руки так крепко держали меня, что я не мог повернуться и разглядеть лицо. Вскоре так называемый дядя швырнул меня в повозку с сеном... «Но!» — и мы помчались.

Конечно, я здорово перепугался. Уж не ловчий ли это меня захапал? Сколько раз мама мне говорила: «Сынок, берегись ловчих». Я начал плакать и кричать. Помогло это как мертвому припарки. Лошади мчались во весь опор!

Детским своим умом я понял только одно: все это случилось оттого, что на мне не было арбеканфеса. Не то я ухватил бы кисти, шепча спасительные слова. Тем самым я напугал бы ловчего до смерти, и он отпустил бы меня домой. А тут что делать... Нет арбеканфеса, нет спасительных кистей. Сейчас только понял, что вся сила, давшая мне возможность выжить, перепести все невзгоды и лишения, проявила себя именно потому, что арбеканфес остался у матери. Мама так и стояла у меня перед глазами. Она плачет, причитает, что только по ее вине я попал в руки ловчих. Щемящее чувство жалости охватило меня, я только о том и думал, как бы увидеть маму и утешить ее. Мысли о матери сильно мне помогали, особенно в первые годы, а они выдались очень тяжелыми. Но было еще нечто другое, что сопровождало меня все это время. По сей день я разговариваю сам с собой только по-еврейски. Родной язык давал мне возможность отвести душу, выговориться про себя в трудную минуту. Когда было невмоготу, я шептал: «Мама, молись за меня богу, чтобы сжалился надо мной».

И вот по прошествии стольких лет я снова здесь. Многие удивляются, каким образом еврей сумел выбиться в офицеры? Никто не может поверить, что такое возможно.

Что греха таить, было среди нас, кантонистов, немало еврейских ребят, которые, не выдержав муштры и угнетений, отчаялись и променяли веру отцов. Что до меня... Не знаю, смог ли бы я выдержать все, что выпало на мою долю, если бы не мама. Мама не допустила великого греха. Да, да, именно мама. Не удивляйтесь. Разве мог бы показаться ей на глаза, перестав быть евреем? А я должен был прийти к ней. Прийти для того, чтобы утешить, ободрить, сказать, что она ни в чем не виновата. Какое значение имеет для матери, что ее сын — офицер. Главное, что к ней вернулся ее сын.

Голос у Герцля немного хриплый. Речь его изобилует русскими словами и даже целыми русскими фразами. Но главное то, что он говорит очень ясно и понятно, особенно для Шифры, которую необыкновенно тронули его проникновенные и теплые слова о матери. Так может говорить только очень хороший и честный человек. Что касается Берты, то ее несколько удивило, почему офицер столько толкует о каких-то кистях. Интереснее было бы послушать рассказ гостя о солдатской жизни и конечно же о том, как его произвели в офицеры. Берта ожидала большего. Она собиралась услышать рассказ о драматических, трагических событиях. А Герцль Цамер говорит обо всем как-то легко, даже с усмешкой. Берта не выдержала и прервала его на полуслове:

— Я себе все представляла намного хуже, намного ужаснее.

— Мадам, два раза пережить один ужас очень тяжело, просто даже невозможно. Острое ощущение боли с годами притупляется. Сюда я привез пережитую боль, облеченную в улыбку. Солдату жаловаться не положено...

— Ой, как это верно...— говорит Шифра одними только губами, не желая вмешиваться в разговор мадам Берты с офицером Герцлем. Ей, Шифре, тоже не хотелось бы заново пережить прошедшие годы; конечно, помнить надо (да и можно ли забыть?!), но пережить заново — нет! Пусть останется больше времени для новой жизни.

Шесть лет Герцль Цамер был кантонистом в сибирском городе Томске. К четырнадцати годам он стал солдатом Томского батальона.

— И лишь тогда,— продолжал свой рассказ Герцль,— я понял, сколь многим я обязан нашему соседскому мальчишке Шайке-генералу. Учиться в хедере он не желал, молился кое-как, не имел ни малейшей охоты слушаться отца с матерью, зато обожал собак, был охоч до лазания по крышам, имел пристрастие к игре в пожарники, но самым излюбленным его занятием была игра в солдаты. Нам, мальчишкам из хедера,

он просто житья не давал. Как только выдавалась у нас свободная минута, тотчас начинал муштровать, учил вышагивать в ногу по команде: «раз-два, раз-два!», «налево», «направо», «кругом — марш!», выстраивал по ранжиру — в общем, учил солдатской науке, как и подобает генералу. Этот высокий чин Шайка неизменно оставлял за собой.

Все это Герцлю впоследствии пригодилось. И он стал для многих примером. Как известно, первый успех создает человеку доброе имя, а когда у человека есть имя, то многое в жизни дается легче. Тогда же Герцль уяснил для себя: коли ему суждено быть солдатом, надо быть, по крайней мере, исправным солдатом, обо всем остальном лучше на время забыть. Только к вечеру, когда усталый Герцль являлся в казарму, он вспоминал маму, мысленно видел ее и думал, как она там живет без него... За усердную службу Герцлю пожаловали чин фельдфебеля.

— Еврей — фельдфебель! — всплескивает руками Берта. — Слыханное ли дело! Ну, рассказывайте дальше.

Дальше...

Герцль Цамер продолжает говорить все так же спокойно, тихо и добродушно, словно он приехал сюда не из далекой Сибири, а так... вернулся с обычной короткой прогулки. Не раз, говорит он, думал про себя: вот ведь могу быть солдатом, и хорошим солдатом. А что — если офицером? Это была дерзкая мысль. Сумеет ли? Может ли помышлять он о таком? Но именно потому, что он не мог и не смел помышлять, Герцль все чаще ловил себя на мысли, что не перестает думать об этом. И вот, когда ввели всеобщую воинскую повинность, фельдфебель Цамер подал рапорт, а на рапорте наложили резолюцию. Суть ее сводилась к тому, что фельдфебель Цамер должен сдать экзамены в школе юнкеров. Если экзамены выдержит и получит положительную аттестацию со стороны начальства, тогда, может быть, дело его будет рассмотрено в высшей инстанции...

Экзамены он выдержал. Но тут пришло разъяснение из верховного штаба о том, что норма евреев-офицеров в армии не должна превышать трех процентов. Офицерский состав батальона, в котором служил Герцль Цамер, был настолько невелик, что три процента составляли чуть большей одной трети человека.

— Ну, ну, что же было дальше? — сгорая от нетерпения, торопила рассказчика Берта.

— Ой, вей... — сочувственно вздыхает Шифра.

Вот что было дальше.

Для Герцля оставался один выход — офицеры батальона должны засвидетельствовать готовность принять его в свой круг. И офицеры во главе с полковником пошли на это. Высшей инстанции оставалось только утвердить их ходатайство.

— Боже, как интересно! — с восхищением воскликнула Берта Кава.

— Есть, есть бог на свете! — говорила счастливая Шифра.

Разумеется, все, что поведал офицер Герцль Цамер, будучи в гостях у Берты Кавы, на другой же день стало известно всему городу. В пересказе Берты история Герцля звучала более драматично, была насыщена трагическим содержанием и, в конце концов, быть может, даже была ближе к действительности. Шифра рассказывала с подлинным сопереживанием, на глазах ее были слезы.

— Что же дальше? — этот вопрос задавали все Берте и Шифре, выслушав историю Герцля Цамера.

— Дальше? Он приехал забрать свою маму, швею Хаеле. Собирается увезти ее в Томск.

— Когда же?

— Совсем скоро.

8

Легко сказать «скоро». Разве могут так просто отпустить человека, который родился в этом городе, был схвачен здесь ловчими и куда он приехал спустя многие годы бравым офицером? Такое не каждый день случается. Небывалый, редчайший случай. Всем хочется посмотреть на него, послушать, что он говорит, наперебой следуют приглашения в гости. Среди прочих — Берл Федер и доктор Кадиш, Лея с мужем, Менахем. Однако прежде всего он пошел к Цале. Цаля знает, чем уважить гостя. Герцль Цамер, с детских лет оторванный от родного дома, должно быть, стосковался по своему народу, его обычаям и празднествам. Цаля пообещал дать в его честь представление пуримшпилеров, и это растрогало Герцля.

Цале нравится Герцль, и не только потому, что он сумел выбиться в офицеры (хотя для многих это главная причина, из-за которой они жаждут его видеть и слышать). Цалю восхищает вынесенное им еще с мальчишеских лет умение всегда оставаться самим собой, не уступая и не поддаваясь слабости. Герцль — человек дела, умеет добиваться своего, не любит вести разговоры попусту, и сам Цаля всю жизнь был таким же, терпеть не мог пустозвонов и бездельников.

Стоял жаркий летний день, но в доме у Цали было уютно и прохладно. Злата позаботилась приготовить для гостей холодный яблочный квас, прекрасно утоляющий жажду. Собралось много народу. Большая часть пришла поглазеть на офицера, но были и такие, которых привлекало предстоящее представление. Одними из первых явились Тевка и его репетитор, студент Фрумкин. Собственно, Фрумкина не так уж привлекает возможность поглядеть на офицера. Слава богу, он видел

офицеров предостаточно. Правда, Герцль Цамер не просто офицер, а офицер-еврей, но даже это обстоятельство не вызывает у Фрумкина особого интереса. Для него важен человек сам по себе, вне того места, которое он занимает в жизни. Далеко он от восторга и по поводу пуримшпилеров. Его не интересуют народные обычаи, празднества. Фрумкин обходится без них. Временами ему начинает казаться, что его происхождение, народ, к которому он принадлежит, стоят ему поперек дороги, давят на него, словно низко опустившееся небо, подрезают расправленные для полета крылья. Тесно, очень тесно! Но... Что поделаешь? Фрумкин пришел в дом к Цале в надежде встретить здесь простых тружеников, рабочих людей. Тевка сказал, что они непременно придут сюда. Любопытно посмотреть, что представляет из себя еврейский рабочий.

У Александра Фрумкина копна густых черных волос, черные большие задумчивые глаза. Он всегда в студенческой фуражке. Когда Александр еще был мальчишкой и звали его попросту Сендер, его отец нанял меламеда, который приходил на дом и учил с мальчиком букварь. Буквы алфавита Фрумкин осилил, выучил также первые строки из Библии, дальше дело не пошло. Со временем он забыл еврейский алфавит, только два-три слова запомнил из Библии. Случается, что он начинает повторять их про себя,— это стало для него своего рода привычкой.

Среди собравшихся были и двое братьев Златы. Они кузнецы, работают в одной кузнице. Один орудует молотом, другой в это время держит щипцами раскаленное железо. Братья принарядились по-субботному. Оба — в летах, кончики усов успели как следует закоптиться. По субботам они ходят молиться в синагогу, хотя особого пристрастия к молитвам не питают. Работая в своей кузнице, стоя у пылающего горна, братьям не приходится тратить лишних слов, один понимает каждое движение другого. Ни знакомым, ни соседям даже в голову не приходит, что у сыновей фурмана Арки, целыми днями работающих в своей кузне, могут быть какие-то свои мнения. А между тем так оно и есть. Вот, например, взять этого самого офицера. Братья-кузнецы нимало не сомневаются, что он давно крестился, принял православную веру. Просто не хочет причинять матери боль, вот и рассказывает всякие небылицы. Такое уже было, и не раз. Слыханное ли дело, чтобы на Руси водились еврей-офицеры? Но братья своих мыслей вслух не высказывают.

Из-за этого офицера кузнецы поругались с Кусиелом Ципером.

С тех пор как у Кусиела порвалась дружба с Элей Шлайеном, он ходит как в воду опущенный. Друзья-приятели посмеиваются над ним:

— Ципер, ты же у нас птичка¹, отчего же ты не летаешь, а ползаешь на брюхе, словно змей?

— Скучаю по Элику.

— Элик женится. Ему и дела нет ни до кого, кроме своей невесты.

Кусиел Ципер и вправду скучает по Эле Шлайену, но в то же время боится его и дрожит от мысли, что может ненароком с ним повстречаться. В голове до сих пор звенит от той затрешины, что Эля по дружбе залепил ему своей крепкой мускулистой рукой. А щека, кажется, до сих пор пылает, и Кусиел временами поддерживает ее, как бы пытаясь утихомирить боль. Но не знает Кусиел того, что напрасно он боится Элю и напрасно бегаёт от него. Хана строго-настрого наказала своему жениху, чтобы с этим самым Кусиелом, этим выродком, этой трэфной кишкой, Эля не смел иметь никаких дел и никакой дружбы. Бить его тоже не надо. Невесту Эля не смеет ослушаться. Когда Кусиел узнал обо всем этом, ему стало совсем тошно, словно взяли и наплевали ему в душу. На что способна эта набожная телка!.. Суется в мужские дела. Можно подумать, что на свете есть хоть один мужчина, который не получил бы оплеуху и сам другому оплеухи не дал. Кусиел Ципер ищет, с кем бы затеять ссору и потасовку, хоть как-то облегчить этим душу. Куда бы и во что ввязаться? И вот случилось так, что в четверг Кусиел проходил мимо кузни сыновей фурмана Арки. Проходил мимо — зашел, смотрит, как во все стороны летят искры от раскаленного железа. Надо что-то сказать.

— Слышали? Офицер объявился, еврей.

— Слышали.

— И что же вы, верите, что этот офицер на самом деле остался евреем?

— А почему бы и нет? Молился, говорят, в большой синагоге вызывали читать Тору...

— Ну и что с того? Что он, по-вашему, осел, глупый немысленыш? Выходит, он должен был заявиться к матери и тут же бухнуть: «Здравствуй, мама, я теперь выкрест!» Он ведь не какая-нибудь глухая тетеря, которая ничего не видит, не слышит и не понимает. Приехал, как и подобает, без сучка, без задоринки, смотрите, мол, какой я благочестивый еврей...

— Откуда ты все это взял, Кусиел?

— Кусиел все знает.

В душе братья тоже считали, что, скорее всего, Герцль Цамер сменил веру. Но уж больно не хочется подпевать Кусиелу. Не все, что ты знаешь, надо растрезвонивать по всему свету. А уж попадешь на язычок Кусиелу — беды не оберешься... К тому же в братьях говорило чувство справедливости. Этот

¹ Игра слов: «ципойра» по-древнееврейски — птица.

Цамер столько выстрадал на своем веку, что никто другой не выдержал бы. А не хочет причинять боль родной матери, так на то он и сын, чтобы думать о ней. За что же его так честить?

— Ты, брат Кусиел, делаешь ошибку.

— Я никогда не делаю ошибок.

— Ты не прав.

— Я всегда прав. Что он держит фасон?

Слово за слово, дошло до ссоры, чем дальше, тем хуже. Но тут Кусиел заприметил вдруг Хану, которая шла напрямиком к кузне. Встречаться с Элиной невестой у него не было ни малейшей охоты, и он поспешил удалиться. Пришел к себе в дом, куда он пустил квартирантов (с того и живет), пробрался к себе в закуток, уселся на соломенную кровать и почувствовал, как слезы подступили к горлу: «Ай да Куся! Уже стал бояться чьих-то невест. Эта набожная девственница будет поучать меня. И будет еще смеяться надо мной, вспоминая Элины пощечины».

Кусиел гордо уверил себя, что любой мужчина, получив в зубы, должен немедленно дать сдачи. Но он понимает, сколь шатко это утешение. Сколько раз он давал себе зарок не соваться туда, где его не спрашивают! Ничего не помогает. Прыти, задиристости у него — хоть отбавляй, и это вечное «я тебе дам» так и вертится на языке.

Долго сидел Кусиел. Он вспомнил, как спасовал перед Ханой, и кузнецы, чего доброго, могут еще подумать, что это они нагнали на него страху. От этой мысли он так и подскочил. Сейчас он им покажет, кто допустил ошибку. Пусть не забывают, кто такой Кусиел Ципер. Кусиел торопится, бежит что есть мочи, но, к великому разочарованию, его ждал замок на дверях кузницы. Как не хочется Кусиелу возвращаться во свояси ни с чем! Так он и стоял, вертелся и глядел по сторонам, до тех пор, пока вновь неожиданно ему не попала Хана.

— Хана, что вы от меня хотите? Что я вам сделал плохого?

— Нехорошо заговаривать с чужими невестами.

У Кусиела отнялся язык. Ладно. Но до этих двух братьев-кузнецов он еще доберется.

...Менахем и Фейгеле тоже пришли к Цале. Фейгеле уже не та застенчивая молчунья, под благотворным влиянием мужа она понемногу научилась высказывать свои мысли. Ей тоже интересно задать офицеру пару вопросов.

Одним из последних пришел Довид Кадиш. В доме уже было порядочно народу. Эзра с Машей, Гителе и Переле, Рохеле, Шифра со своим мужем Нотой, Шепсл с нуримшпилерами. И конечно же, среди самых почетных гостей — Хаеле. Зайдя в дом, Довид тут же увидел офицера и остановился как вкопанный. Сперва он не понял, в чем дело. Офицер в доме у дя-

ди? Здесь что-то не так. Что бы это могло значить? На всякий случай он заговорил по-русски.

— Успокойся, Довид, этот офицер понимает по-еврейски не хуже твоего.

— Дядя, если у вас есть настроение шутить, то я уже спокоен.

Тут только до Цали дошло, почему так обеспокоен племянник. И он обратился к Хаеле с улыбкой:

— Да успокой ты его. Скажи, что это твой сын.

— Это правда, правда!

Все присутствующие чувствовали себя легко и непринужденно, улыбались и смеялись. Вопросы были уже ни к чему.

В двери шаром вкатился Кусиел Ципер. На нем был субботний пиджак с большими костяными пуговицами. Ни с кем не поздоровавшись, Кусиел начал немедленно отыскивать глазами братьев-кузнецов. Увидев их, Кусиел выпалил:

— Ну, браточки, может, продолжим наш разговор. Куда же вы тогда так быстро убежали?

— Кто это убежал? Тебя первого как ветром сдуло.

— Что тебе надо, Кусиел? — недовольным голосом спросил Цаля.

— Хочу задать вам вопрос, пан Цаля.

— Спрашивай, да покороче.

— А что, у вас нет времени?

— Спрашивай, не тяни.

— Скажите мне, для чего этот офицерик ломает здесь комедию?

— Комедию?

— А то нет? Нашел слепых овечек...

— Что ты плетешь? Комедия... овечки... Говори по-человечески.

— Напрасно, напрасно, пан Цаля, не хотите взять в толк, что я вам говорю. Этот ваш офицер отъявленный выкрест, какого черта лезет он к Торе? Да еще в большой синагоге.

— Ты порешь чушь, Кусиел. И я не потерплю таких речей у себя в доме.

— Потерпите, реб Цаля, потерпите.

— Слушай. Кусиел, ты же трус, каких свет не видывал. Любишь ты соваться всюду, а чуть что — даешь стрекача.

— Прикусите язык, Цаля. Не то я вам быстренько покажу, где раки зимуют.

Цаля грозно поднялся.

— Кто покажет? Ты? — он даже рассмеялся. — Ты, жирный боров? Ну-ка постой секунду, погоди удирать. — И он двинулся на Кусиела.

Братья-кузнецы, Герцль Цамер, Нотка-печник поднялись со своих мест и окружили Цаля. Но совершенно неожиданно их опередила Хаеле.

— Ты, трэфная кишка, выродок, ты смеешь говорить такие вещи о моем сыне! Вот погоди, я тебе сейчас задам перцу, я тебя так отлуплю!..— Хаеле вплотную подошла к Кусиелу.

Герцль пытался ее остановить:

— Мама!..

— Сын мой, что значит, что значит...— И больше она не могла вымолвить ни слова.

Эти несколько минут, пока Цаля препирался с Кусиелом, Хаеле сидела ни жива ни мертва. Может ли быть такое? Ее сын, которого она прождала полжизни, выплакала все глаза, ее единственное чадо и утешение, ее Герцль крестился? Это ложь! Сын не может ее обмануть. Ложь! Какое право имеет этот зажавшийся боров, которому по заслугам надавали пощечин, вставать между ней и сыном. Она может простить, но может и отомстить за это. Ее дитя, ее сын, ее Герцль!

Тут раздался громкий голос Нотки-печника:

— Слушай, Кусиел, Элик Шлайен надавал тебе оплеух, это еще куда ни шло. Мужское дело. Но если уж Хаеле пройдет-ся по твоим пампушкам, можешь сразу бежать на кладбище и поглубже зарыться там. По гроб жизни будешь ходить в отшлепанных Хаеле-швеей. Лучше уходи подобру-поздорову и заройся, как я тебе велел.

Кусиел ретировался. Но кровь всем он успел-таки попор-тить. С большим трудом гости обрели прежнее спокойствие. Тогда Цаля сказал:

— Подумать только, такое ничтожество, такой выродок, явился храбрый как лев, а удрал как побитая собака. Сейчас, погоди, ходит по улице задравши нос и, кого ни встретит, хвастает — смотрите, мол, все меня боятся. Цаля Кадиш ползал передо мной на коленях. Ничтожество из ничтожеств, а какой завистник! Не может простить Герцлю, что все так тепло его принимают.

— Реб Цаля,— сказали братья-кузнецы,— уже сегодня весь город будет знать, как Хаеле отхлестала его по жирным щекам.

Шепсл и его товарищи начали свое представление.

9

В тот же день Кусиел останавливал на улице едва ли не каждого встречного.

— Слышали?

— Что слышали?

— Сын Хаеле, этот офицерик,— выкрест.

— А ты почему знаешь?

— Об этом все знают.

Кусиел радостно потирал руки, прямо-таки сиял от счастья. И сам все больше начинал верить в придуманную им не-

былицу. Но уже на следующий день в городе узнали, что было в доме у Цали, о том, как Хаеле едва не расправилась по-своему с Кусиелом Ципером.

— Кусиел еще счастливо отделался. Она могла его убить!

В понедельник днем Хана вновь увидела Кусиела. Ничего не сказала ему, памятуя, что девушке-невесте не пристало разговаривать с чужими мужчинами. Она говорила как бы сама с собой, но так, что ее легко можно было услышать на другом конце улицы.

— Нет, каково, если это в самом деле правда! Вдова Хаеле, эта маленькая, слабая женщина, отхлестала Кусиела по щекам. Точь-в-точь как мой Эля, вы только подумайте. Стыд и срам, провалиться ему сквозь землю!

Знакомые изводили Кусиела:

— Куся, это правда? Хаеле...

— Клевета!

Но коль скоро этот отъявленный брехун с веселой миной пытается убедить всех в том, что это «клевета», значит, это самая что ни на есть правда.

Кусиелу не давали проходу на улице. На него показывали пальцами, девушки за его спиной хихикали: «Отлупленный».

Ципка Файер, разбитная девица с симпатичным задранном носиком и зелеными глазками, не стесняется ввернуть в разговор крепкое словцо и открыто смеется над Кусиелом.

— Куся, ты у нас точно мальчик из хедера — позволяешь сечь себя.

И все вокруг смеются.

Наступило время Герцлю Цамеру собираться в обратный путь. Последний визит — к Розе и Авигдору Кадиш.

Роза готовит стол для гостя и тем временем поглядывает в окошко. На ней маркизетовая блузка, расшитая цветочками, на ногах — лакированные туфли. Авигдор — здесь же, в комнате, подле жены. Он одет просто, по-домашнему, как и подобает в такой жаркий летний день. Дети с бонной и прислугой отправлены на дачу в Лососпю. Вечереет. Солнце клонится к закату. Авигдор говорит:

— Должен тебе сказать, что особой премудрости от Герцля Цамера я не ожидаю.

— На что мне его премудрость? Меня просто в дрожь бросает при мысли о том, что случилось с ним в детстве. Я ведь все-таки мать.

— Времена меняются. Те времена уже ушли.

— Так-то оно так, дорогой Авигдор. Только я где-то читала, что времена меняются, а тюрьмы как были, так и остались.

Такого ответа Авигдор не ожидал. И он не нашелся что возразить.

— Видимо, ты права, Роза. К сожалению.

— Пусть те времена никогда больше не возвращаются. За детей я готова драться не на жизнь, а на смерть.

— Ну успокойся, дорогая. Пристало ли тебе, такой доброй и красивой, идти с кем-то драться?

— О, ты не знаешь еще, какой может быть твоя добрая и красивая Роза. За моих крошек я готова на все, готова взять в руки палку, нож, ружье.

— Девочка моя, ты совершенно права. Ты знаешь, Роза, мне часто приходит в голову, что мы слишком отгородились от людей, заперлись от них в своей квартире. Ты права, за будущее детей надо драться, и драться должны все.

— Правда, Авигдор. Ты у меня самый умный, и я тебя очень люблю.— Она обняла и поцеловала мужа.

Пришел Герцль Цамер. Выбритый, подстриженный, благоухающий запахами парфюмерии. Роза и Авигдор усадили гостя за стол и принялись потчевать разными угощениями. Роза завела разговор о его детстве. Рассказ Герцля выслушали внимательно, ловили каждое слово. Роза вытирала повлажневшие глаза краешком белоснежного платка. Мысленно перед глазами возникали ее дети, и это видение волновало ее.

— Со всеми ли было так? Не было ли исключений?

— Конечно же были. Вот, например, служил со мной некто Велвл Нахлес, родом откуда-то из Подолья. Этот бежал на крещение, как на праздник. Потом всячески подбивал креститься и других ребят. За это он был пожалован унтер-офицерским чином и денежной премией из Петербурга. Больше он не звался Велвлом Нахлесом. У него стало другое имя — Александр Алексеев.

— Боже,— вздохнула Роза,— как можно строить свое счастье на несчастье других людей? Знаете ли, господин офицер, попадись он мне, я бы собственными руками надавала ему пощечин.

— Мадам, право, жаль марать ваши прелестные ручки о такую мразь.

И все трое засмеялись.

Авигдор почувствовал, что Роза очень уж близко принимает все услышанное к сердцу. Воспользовавшись моментом, он перевел разговор на другую тему. Авигдор сказал Герцлю пару теплых слов, а Роза от себя поблагодарила за то, что навестил их. На этом визит закончился. Через несколько дней Герцль Цамер отбыл из города. И вскоре о нем, как водится, забыли. У мира довольно короткая память. Иные полагали, что он возьмет с собой не только мать, но и невесту. Называли даже ее имя: Рохеле, статная Рохеле с золотыми косами. Но Герцль уехал, Рохеле осталась.

Роза уехала к детям на дачу. С головой ушла в дела семьи и частенько забывает, что на свете живут еще мать с отцом. Опять та же отчужденность. Даже Леи и той не видать. Оно и понятно — Тевка готовится к экзаменам, а если Лея и заходит ненароком, то только для того, чтобы поделиться своими тревогами — выдержит ли?

Берл и Сора рады бы почаще видеть дочку и внуков, но Розе это не нравится. Каждый лишний человек в доме становится для нее обузой. Кто же эти лишние люди? Да те же отец с матерью. Отец старается заглушить обиду, но Сора не может сдерживаться и нередко сетует на дочь вслух. До сих пор она не в силах понять, почему тетя Лея у Розы всегда желанный гость, а родная мать — нет.

— И так было всегда,— говорит она с горечью.

Тем временем незаметно подкралась осень. Город наполнился ароматом свежих фруктов. Груши, яблоки, сливы произрастают здесь, в Гродно, арбузы, дыни и виноград привозили из других краев. Не за горами уже и осенние праздники. У Тевки экзамены в самом разгаре. Каждый раз, когда он уходит в гимназию, Лея сама не своя ждет его возвращения. И нередко, не дождавшись, сама бежит в гимназию разузнать, как идут дела. При виде Тевки она в состоянии вымолвить только одно слово:

— Ну?

Тевка кивает головой. Это означает «да». У Леи — гора с плеч, она чувствует себя помолодевшей и полной сил. Берет Тевку под руку, и они отправляются домой.

В доме Шимена не знают и не ведают о том, как идут Тевкины экзамены. Хватает других забот. Но вот как-то в пятницу, вернувшись пораньше с работы, Гителе сказала сестре:

— Слышь, Переле, а ведь наш Тевка должен уже сдавать экзамены. Интересно, как у него там?

Спохватились и отец с матерью:

— В самом деле, как?

Сестры решили завтра отправиться к Лее и все узнать. До поздней ночи они шушукались, совещались, что бы им такое надеть, хотя гардероб их был настолько беден, что выбирать было, по сути дела, не из чего.

На следующий день после обеда Гителе и Переле отправились к Лее. Но никого они в доме не застали. И, решив, что Лея с Тевкой непременно пошли к Розе, они тоже направились туда.

Осень стояла теплая, мягкая и сухая. Субботний день дышал радостью отдохновения. Девушки, которые всю неделю трудятся словно пчелки, сегодня хотят выглядеть радостными

и красивыми. Как-никак они идут в дом к Розе, к доктору Кадишу.

Завидев гостей, Роза обрадовалась, обняла их, расцеловала, засуетилась, не зная, куда усадить.

— Выросли-то как. Совсем взрослые, красивые. Ну, садитесь к столу.

Лея расспрашивала, что делается в доме. Доктор, естественно, интересуется, все ли здоровы. Еще спрашивает, почему они так редко приходят. Один только Тевка молчит. Он не знает, о чем говорить. Вернее, он знает, что именно он хотел бы спросить, но не хочет делать этого при посторонних.

Сестры успели усвоить истину: в гостях у богатых родственников не следует слишком долго засиживаться. Еще, по их понятиям, когда дают угощение, ради приличия надо что-нибудь оставлять на тарелках.

Только перед самым уходом они спросили:

— Ты что молчишь все, Тевка? Скажи, как идут у тебя экзамены?

Лея поспешила ответить за него:

— Прекрасно. С божьей помощью должен выдержать. Осталось всего ничего. Правда ведь, сын мой?

Тевка кивает головой — «да».

Это «сын мой» до того насмешило сестер, что они всю дорогу повторяли эти слова и каждый раз не могли удержаться и громко хохотали. Хохоча, заявили и домой.

— Что это с вами сегодня? — недоуменно поинтересовались родители.

Тут и Гителе и Переле выложили все, что они видели и слышали, в особенности как Лея зовет Тевку.

Шимен и Шейне переглянулись: «Сын мой»?

Но каждый из них истолковал это по-своему.

— Все-то им мало. Теперь и сына хотят отнять. — Так говорит Шейне.

— Ой, Шейне, не в ту сторону глядишь. Тевка-то наш метит в богачи.

— Откуда к тебе пришла эта дикая мысль? Что за шутки?

— Все очень просто. Лея с мужем подыскивают наследника. Тевка у них как родной; я думаю, ему они и откажут все наследство.

— Бог с тобой, Шимен. Я тебя всегда считала умным человеком. Как ты мог договориться до подобной глупости?

— Ничего, Шейнеле, на глупости свет держится.

Шейне никак не поймет, серьезно говорит муж или все же шутит. Что это нашло на Шимена? Она его просто не узнает. Но вот Шимен говорит:

— А сынок-то наш каков?.. Сидит за чужим столом, ест чужой хлеб, готов отказаться от родной матери... В кого он такой? Кажется, не в меня и не в тебя. Порадовал на старости лет, не-

чего сказать. Сегодня же велю ему собираться домой. Будет с него!

— Правильно, Шимен! Дай тебе бог здоровья.

Шимен облачился в субботний наряд, расчесал седые пряди, начистил до блеска башмаки и вышел из дому. Шимен шел легкой, уверенной походкой, с сознанием того, что совершает благое дело, требуя возвращения домой блудного сына.

Однако, переступив порог богатой Леиной квартиры, Шимен почувствовал, как уверенности у него поубавилось. Хотя, казалось бы, с чего? Первый раз, что ли, он приходит в дом к богачам? Слава богу, бывал не у одного заказчика. Нет, здесь дело в другом.

— Отец!

Шимен увидел Тевку. У него было желание взять сына за руку и немедленно отвести домой.

— Отец, что-нибудь дома?

Испуганная Лея вышла на голоса:

— В чем дело, реб Шимен? У вас плохие вести? Все ли здоровы?

— Благодарение господу.

— Вы нас так напугали. Думали уже бог знает что... Садитесь, рассказывайте.

— Вы уж простите меня, Лея, но, к сожалению, у портного никогда не бывает свободной минуты.

— Не спешите, реб Шимен. Вы и так у нас нечастый гость. Садитесь, прошу вас. Тевка, иди к столу.

Шимен не успел и глазом моргнуть, как на столе появились печенье, кофе, фрукты.

— Отец, угощайся, пожалуйста!

Тевка сразу смекнул, что отец явился неспроста. Только вот зачем?

Лея тоже присела к столу и, выждав немного, сказала:

— Мы очень рады, реб Шимен, что вы наконец выбрались к нам. Но, разумеется, вы пришли по какому-то делу...

— Вы правы, Лея, я пришел по делу. Точнее, я пришел за Тевкой. Сколько все это может тянуться? У него есть отец, есть мать...

Тевка и Лея молча смотрели на него. Они даже не удивлялись, они просто не могли поверить в то, что это возможно.

— Отец... — только и смог вымолвить Тевка и замолчал.

Лея взяла себя в руки.

— Что значит домой? А здесь разве не его дом?

— Нет, это не его дом. Собирайся, Тевка, у меня мало времени.

— Погодите, реб Шимен... Не надо так спешить. Тевке, иди к себе и продолжай готовиться к экзаменам.

Оставшись наедине с Шименом, Лея сказала:

— Отец, у которого есть дети, не может понять чувства ма-

тери, у которой их нет...— В словах Леи прозвучала неподдельная горечь и страдание.— Вам трудно понять меня. Это так естественно, как и то, что сытый не понимает голодного.

— Мне и вправду трудно вас понять. Я-то чем виноват?

— Вы ни в чем не виноваты, боже сохрани. Но вы хотите сделать человека несчастным. Вы уже немало времени прожили без Тевки и, я думаю, не особенно нуждались в нем. А я... Ну что за жизнь на старости лет без детей? Мое родное чадо умерло в младенчестве.. Теперь Тевка для меня все равно что свой родной ребенок, моя надежда, мое утешение. А вы хотите...

— Что же я хочу? Я совершаю законное дело...

— Законное дело, которое может погубить человека, нельзя назвать законным! — На глазах у Леи выступили слезы.

— Ну успокойтесь, пожалуйста. Я ведь не злодей какой. Или Тевка?..

— Не спрашивайте. Дитя, родное дитя. Я и помыслить себе не могу, что у меня его могут отнять. Прошу вас, сделайте для меня эту милость, прошу вас...

Шимен уже жалел о том, что вообще пришел к Лее. Конечно, он может настоять на своем, пойти наперекор, но когда человек так сильно страдает и плачет... Этого Шимен вынести не в силах. Да похоже, что и Тевка хочет остаться, парень серьезно настроился получить образование. Шимен как бы невзначай спросил:

— И что, экзамены в самом деле идут успешно?

— Отлично! Вы даже не можете себе представить, какой Тевка способный. Не парень, а золото, утешение и отрада в моей жизни.

Шимен поднялся из-за стола.

— Боюсь, что Шейне заждалась меня. Не сердитесь на меня, я не хотел сделать ничего плохого. Будьте здоровы!

Шимен вернулся домой с чувством, что совершил благое дело — спас человека.

11

Об офицере Цамере в городе давно забыли. Забыли и о пощечинах, которые получал Кусиел Ципер. Куся теперь прежний Кусиел, арендатор, сдающий свою квартиру жильцам.

В городе ходят слухи, что рабочие табачной фабрики ропщут, выражают недовольство — им надоело молчать... Однако к тому, что они постоянно чем-то недовольны, уже успели привыкнуть.

Эля Шлайен и Хана поженились. По этому поводу магид разразился следующей проповедью: «Вот что может сотворить благочестивая еврейская дочь. Теперь и жених ее вступил на путь истинный и стал набожным евреем». В субботу в синагоге по

этому поводу Элю Шлайена вызвали читать Тору. Хана в это время находилась в женской синагоге и оттуда слышала, как Эля произносит слова благословения. От радости и гордости за него на глазах у нее выступили слезы.

По окончании молитвы в синагоге устроили трапезу. Прихожане пожелали Эле и Хане счастливой семейной жизни.

Раввин синагоги тоже выпил рюмочку, закусил кусочком пшеничного лекеха и сказал:

— Когда Моисей вывел евреев из Египта...

Люди заулыбались. Все проповеди раввин непременно начинал словами о Моисее. За это его прозвали «Моисеев внук». Итак, ребе проповедовал, прихожане выпивали. Улучив момент, Кусиел Ципер бросился Эле на шею:

— Эля, браток, забудем все обиды.

— Забудем, забудем всё! — И они расцеловались.

Кусиел принес водку.

— Пей, братва, пей. Сегодня у меня большой праздник. Мой Эленька, в добрый час, женился.

Кусиел и Эля едва успевали наполнять рюмки и каждый раз сопровождали питье множеством всяких пожеланий. Вместо они и вышли из синагоги. На улице еще не успела высохнуть грязь после вчерашнего дождя, а отдельные запоздалые капли продолжали моросить с неба. Друзья находились в таком приподнятом расположении духа, что никакой дождик им был ни почем. Внезапно Кусиел предложил:

— Эленька, тыщу лет не виделись. Самое время пойти кутнуть.

— Ой, что ты, Кусиел, не уговаривай. У меня жена, золотой человек, ты же знаешь...

— Эленька, твоя черноглазая красотка, между прочим, заждалась тебя.

— Черноглазая... Ну что ж, передавай ей от меня привет.

— Вот бестолковый! Говорю же тебе — ждст. Скучает, прямо извелась по тебе.

— Я тоже соскучился.

— Что тут думать? Пошли.

— Нельзя мне. Хана огорчится.

— Пустое. Ничего, с нее не убудет.

— Да постой ты. Где Хана? Надо сделать так, чтобы она нас не увидела.

Хана-то не увидела, зато увидела ее тетушка. Когда Хана явилась на ее зов, глазам ее представилась картина: Кусиел Ципер куда-то тащил за руку ее благоверного. Куда тащил? Нетрудно догадаться — на очередную гулянку.

— Эля! — вскричала Хана, и в голосе ее было столько гнева, что проходившие мимо люди невольно остановились.

Остановился и Эля. Почувствовав, что дело дрянь, он начал оправдываться:

— Ханеле, дорогая, чем ты обеспокоена?

— Чем обеспокоена? А ответь-ка мне, куда это тебя поволокли, можно сказать, прямо с нашей свадьбы?

— А в самом деле, куда ты тащишь меня, Кусиел?

— А то ты не знаешь? Да все туда же, к твоей черноглазой.

— Не хочу. Я же сказал тебе, что никуда не пойду. Ханеле, забери меня домой.

— погоди, Эля, погоди. Я этого так просто не оставлю. Прошу тебя как твоя законная жена перед богом и людьми. Надавай своему приятелю пощечин, всыпь ему как следует, этому выродку, чтобы он больше не въедался тебе в печенки. Если ты хочешь, чтобы я была твоей женой...

— Ханеле, о чем ты говоришь? Ты и есть моя жена, дай тебе бог прожить в здравии до ста двадцати лет. — С этими словами Эля повернулся к Кусиелу и принялся хлестать его по розовым щекам тыльной стороной ладони.

В этот же ненастный осенний день в большой синагоге Тевку («Отрока Тевье, сына Шимена...») вызвали к чтению Торы. Такой чести Тевку удостоил Леин супруг по случаю удачного завершения экзаменов. Позже в дом Леи потянулись гости с поздравлениями.

В последние месяцы в квартире произошли заметные изменения. Куда подевались аккуратность и образцовый порядок, согласно которому каждая вещь должна иметь определенное место и каждое место должно знать, какие вещи ему соответствуют. Спокойствие и безмятежность, порожденные незыблемыми устоями, сменились беспорядком. В ту пору, когда Тевка сдавал свои экзамены, Лее и в голову не приходило обращать внимание на то, что волновало ее прежде. Она даже в беспорядке стала находить какую-то своеобразную привлекательность. Но сегодня всюду хорошо убрано, все блестит чистотой. В доме дорогие и желанные гости: Роза с Авигдором, Сора с Берлом, Берта Кава с мужем, студент Фрумкин. Остается маленький вопрос: а где Тевкины родители? Но люди и так понимают, что все идет как положено, и с сегодняшнего дня, после сдачи экзаменов, Тевка становится вполне самостоятельным человеком, способным решать для себя, как и с кем он хочет жить. При этом все же для большинства многое в этой истории оставалось непонятным, а некоторых просто коробило: как это можно взять и сбежать от родных отца и матери? Так считают Берл и Сора — не к лицу детям отказываться от родителей, да вдобавок еще стыдиться их. К тому же речь идет не о ком-нибудь, а о Тевке, сыне Шейне, родной сестры Берла Федерера. «Тяжело родить своих детей, куда легче заполучить чужих». Берта Кава считает по-другому. Что здесь особенного? Наоборот. Благородное дело. Берта готова поспорить, что в душе Лея уже подумывает о невесте для него. О сватовстве речь еще не может идти, еще рановато, но иметь на примете подходящую партию, достойную невесту —

против этого Лея наверняка не возражает... «У нее есть право рассчитывать на это,— продолжает думать про себя Берта Кава.— Какая же мать не хочет счастья для своего ребенка?»

Для Розы Лея всегда являлась прекрасным примером. Недаром все свои тайны она поверяла только ей, и никому другому. У Розы есть все основания желать любимой тете только добра. Ей хочется, чтобы Тевка был для тети Леи настоящим сыном. Между тем именно сегодня Тевку тянет домой, хочется побывать у своих, чтобы они тоже поздравили его и почувствовали, что он из их семьи.

Но думы думами, а веселье шло своим чередом.

12

Последние дни осени выдались теплые и сухие, пригревало солнышко. Сады уже успели, правда, опустеть, с деревьев собрали все яблоки и груши, и только паутина на ветках висит по-прежнему. С огородов вывезли последние кочаны капусты, и осенний ветер кружит по полю оторвавшиеся тяжелые капустные листья.

В один из таких дней к Менахему пришли Гителе и Переле. Сестры были чем-то взбудоражены. Мнутя, улыбаются, но не говорят ни слова, только переглядываются, поблескивая глазами. Что-то новое в их поведении. Так и ушли, веселые и возбужденные, ничего не рассказав.

— Что-то с девочками приключилось,— предположил Менахем.

— Ясное дело,— отозвалась Фейгеле. — Возраст у них такой. Влюбились, наверное... ходили на первые свидания...

— Так-таки обе сразу и влюбились?

— Все в жизни бывает.

Ближе к вечеру появился Эзра. Маши с ним на этот раз не было.

— У меня есть для тебя новости, Менахем. Но это строго по секрету.

— Можешь на меня положиться.

— В Пешковском лесу состоялось собрание фабричных рабочих.

— Значит, дело пошло?

— Пошло. Выбран забастовочный комитет.

— Вот даже как... Ну-ка, ну-ка, интересно...

— Понимаешь, Менахем, раньше люди выражали недовольство поодиночке. Теперь недовольство связало их воедино. И это большая сила.

— Хорошие вести принес ты мне, Эзра. Очень хорошие. Но как же все-таки это произошло?

— За дело взялись надежные люди. Есть тут один студент, я о нем слышал. Менахем, теперь дело в верных руках. Мы ждем, надеемся, не завтра, так послезавтра...

— Дай-то бог, чтобы все вышло именно так!

— Аминь!

13

Уже несколько недель, как Цаля прикован к постели. Он чувствует себя совсем худо. Хотя он почти не жаловался (не в его это характере), проникательную Злату не так-то легко провести, она быстро поняла, что с Цалей творится неладное. Как могла, пыталась его приободрить, пробудить в нем былой дух. Цаля воспринимал происходящее спокойно и сдержанно, с полным сознанием того, что дни его сочтены и надо готовиться к встрече с создателем. Поначалу он и слышать не хотел, когда Злата уговаривала его лечь в постель. Но вот как-то два дня назад Цаля сказал:

— Златеню, разобрала бы ты мне постель. Я, пожалуй, немного полежу.

В это время неожиданно пришел сын.

— Вот это новость! Ты лежишь, отец? Что с тобой такое? — Он выслушал Цаля, прописал лекарства и сказал: — Тебе нужно отлежаться, отец. Попей лекарства. Скоро позову тебя в гости.

Матери Авигдор потихоньку шепнул:

— Плохие дела.

— Видишь, Цаля, что говорит Авигдор. Надо лежать, принимать лекарства. Тогда, даст бог, поправишься. Сможем пойти проведать внуков, — так передала Злата наставления Авигдора.

Цаля послушался. Он лежал в постели, размышлял, вспоминал ушедшие годы, разных людей и разные случаи из жизни. То и дело заходила Злата, спрашивала, не надо ли чего.

— Нет, Злата, ничего не надо.

Внезапно Цаля крикнул, но крик его скорее походил на слабый стон, так мало осталось у него сил.

— Злата, Злата!

В ту же секунду Злата выросла у его изголовья.

— Злата, возьми шесть пятиалтынных и раздай беднякам.

Она удивленно смотрит на него, не понимая, зачем он просит об этом.

— Иди, иди быстро. Прошу тебя.

Цаля вспомнил, что много лет назад он собрал шесть пятиалтынных для бедняков, но не успел раздать их кому положено. Его арестовала полиция. Хорошо, что он вовремя вспомнил об

этом. Так ведь можно остаться должником, да еще каким должником. Перед бедняками, у которых недостает духу протянуть руку за подаением. Как бы он предстал перед высшим судьей на том свете? Теперь он спокоен. Скорее бы вернулась Злата.

Но странное дело. Обычно нищих всегда много. Сегодня же, как назло, их не было видно. С трудом Злата нашла их и раздала им деньги.

Увидев ее, Цаля просиял.

— Знаешь, Злата, я чувствую себя намного лучше.

Он попросил поесть.

— Бог не оставит нас в беде, он поможет... — уповала Злата.

Цаля лежал, вытянувшись в постели, и улыбался. Поев, он сказал:

— Ты знаешь, Злата, что мне сейчас захотелось?

— Скажи, Цаля, скажи, что ты хочешь.

— Хочу, чтобы ты позвала Шепсла и всех пуримшпилеров.

— Я позову их, Цаля. Завтра они придут. Будь спокоен, они обязательно придут.

И вправду, назавтра же к Цале в дом пришел Шепсл со своими друзьями. Но Цаля был уже совсем другой. Белый как мел, помертвевший. Говорил тихо и безучастно. Злата молча глотала слезы, ожидая прихода Авигдора.

— Что слышно, Шепсл? Не успеем оглянуться, как на носу уже пурим.

— Мы припасли к пуриму кое-что новенькое. Будете чувствовать себя получше, реб Цаля, обязательно сыграем специально для вас.

— О чем там речь, Шепсл? О...— Цаля замолк. Затем протянул ослабевшую руку в сторону стола и произнес: — Возьми молитвенник и почитай мне.

— Что с вами, реб Цаля?

— Ноги отнялись, словно они вовсе не мои... Холод подступает к сердцу. Читай же... Осталось мало времени.

Шепсл начал произносить слова молитвы, а Цаля повторял за ним. Сказавши последние два слова, Шепсл замолчал, ожидая, когда Цаля повторит их, но Цаля очень тихо попросил:

— Спой что-нибудь на прощание, мне станет легче.

И Шепсл запел:

Кто может сказать, кто может внять,
Что означает один.
Кто может сказать, кто может знать,
Что значит два.

Цаля судорожно потянулся и затих. Нет больше Цали Кадиша. Нет.

Нет? Что значит нет?

Вот же он только что говорил, просил, чтобы ему спели.

Мир для Златы опустел. Куда делось все, что жило и существовало, когда был Цаля? Ни дети, ни внуки не могут заменить его! Нет Цали, и без него нет ничего на всем белом свете.

Злата просыпается посреди ночи и вопрошает у тишины: «Цаля?» Нет ответа.

Опустевшая комната, опустевшая жизнь, опустевший мир. Один лишь вопрос мучит Злату: «Что будет завтра? Как жить в такой пустоте? Как?»

ЗВЕНО ЧЕТВЕРТОЕ

Завтра начинается сегодня.

1

Девятнадцать дней длилась забастовка на табачной фабрике. Бастовало около тысячи двухсот человек.

На четырнадцатый день забастовки на стенах и воротах фабрики, а также на стенах и столбах города были расклеены объявления. Полиция предупреждала бастующих, что, если они не выйдут на работу на следующий же день, к ним будут приняты самые строгие меры.

Но рабочие, большую часть которых составляли женщины (среди них Гителе и Переле), на работу не вышли.

Полиция арестовала девяносто одного человека. Как выяснилось, среди арестованных был и студент Фрумкин. Только тогда забастовка закончилась.

В городе события на табачной фабрике вызвали переполох. Арестовано столько людей! Удивляла причастность к происшедшему и студента Фрумкина.

Семья Фрумкиных пользовалась в городе уважением, их считали добропорядочными людьми. Оказывается, их сын-студент руководил забастовкой. Как это могло быть? Какое ему до всего этого дело? Папирос он не делает, махорки не крошит, сигары не крутит. Как мог юноша из такой семьи оказаться бунтовщиком?

— Это просто удивительно, — толкуют между собой обыватели. — Фрумкиных сынок — революционер?! Непостижимо!

Кусиел Ципер тоже взбудоражен. Он, как всегда, готов вмешаться там, где его не просят. Разумеется, у него сильно чешутся руки проучить этих забастовщиков и особенно этого выскочку студента. Шерешевский — богач, фабрикант. Шерешевский — это имя! А кто эти забастовщики? Обыкновенные бабы! Нет, такого Кусиел потерпеть не может. Он весь кипит и клокочет. Да-

ли бы ему в подмогу пару крепких парней... Эх, кабы Эля Шлай-ен не дрожал так сильно перед своей набожной женой...

— Куська, не лезь на рожон, — урезонивает его Ципка Файер. — Не ты режешь махорку, не ты трешь нюхательный табак. Люди хотят есть, они требуют свое!

— Выходит дело, хозяин виноват! Тогда нужно ему...

— Не шуми, Куська. Лучше купи мне и себе билеты на трек. Что ты так кипяتيشся? Все равно никто тебя не слышит. Пора бы тебе знать, что вода издалека не гасит пожара. Купи билеты...

Лея ни за что не хотела поверить, что Тевкин репетитор на проверку оказался таким злодеем. Не побоялся полиции, тюрьмы, подбивал рабочих фабрики, руководил забастовкой... И конечно же он носил оружие. Лея сокрушалась: репетитор каждый день бывал в их доме, его приглашали на все праздники, слыл, что называется, своим человеком в доме. Образованный! И вдруг такое?

— Что ты на это скажешь, Тевка, а? Мы все были слепцами. Ну что на это скажешь?

Понемногу, впрочем, и эти новости утряслись, и о них тоже стали потихоньку забывать. А что касается студента, так у него, слава богу, есть родители. Если раньше недосуг было позаботиться о нем, то теперь самое время.

Но Лее не так просто забыть все это. Больше всего ее беспокоил Тевка. Все ведь знают, что Фрумкин был его репетитором. К тому же Лея замечает, что Тевка как-то особенно задумчив, рассеян. Видно, переживает за своего учителя. И Лея решила: надо срочно что-то предпринимать. Она отправилась к Берте Кавае.

Трудно сказать, сразу догадалась ли Берта Кава, зачем вдруг к ней пожаловала Лея, но после того, как женщины поздоровались и спросили друг у друга, как дела и как здоровье, Берта завела речь о студенте Фрумкине. Оказывается, у него есть невеста, девушка из очень приличной семьи, образованная...

— Можете себе представить, мадам, вот эта самая девушка, невеста его, носит ему в тюрьму передачи!..

Все, что касается тюрьмы и студента, волнует Лею и вызывает у нее негодование. Поэтому она и спрашивает неприязненно:

— Как же она не стыдится? Чтобы девушка стояла у ворот тюрьмы!

— Как видно, не стыдится! Она говорит, что невеста не должна оставлять своего жениха в беде.

— Ой, мадам Кава, сдается мне, что с невестами в наше время надо быть очень разборчивыми.

— Будьте спокойны. Что касается невесты для вашего Тевки, то здесь будет полный порядок. И можете мне поверить, мадам, при желании любое дело можно истолковать по-разному.

Допустим, девушка любит своего жениха... Ей недосуг разбираться, в чем его вина, она знает одно — в трудную минуту надо ему помочь. По-моему, это не грех. Лично я приветствую верность и преданность.

— Вы это серьезно?

— Любовь и верность! Что может быть прекрасней?

— Но ведь речь идет о преступнике!

— Он еще очень молод. Кто же не совершает ошибок в молодости? Он еще опомнится, будет человеком. Станет доктором, адвокатом или инженером. О его мальчишеских глупостях позабудут...

— Он же верховодил забастовкой...

— Бастовать, конечно, нехорошо. Это — преступление. Но если разобраться: рабочие хотят есть и одеваться тоже хотят. А на руки получают считанные гроши.

— Не могу вас понять. Что же выходит? Получается, что студент прав?

— Боже сохрани. Как можно допустить такое? Они еще, чего доброго, разрушат весь мир. Но только хлеб и башмаки надо им дать.

— Они же работают, получают деньги.

— Значит, не хватает.

— Так кто же виноват?

Лея не может постичь этого, все сказанное недоступно ее пониманию. Ведь деньги — святое дело. А вот бастовать и требовать — это преступление. Беднота всегда была, есть и будет.

Берта спросила:

— А теперь скажите мне, мадам, какую невесту хотели бы вы для вашего Тевки?

Берта знает, что Тевка — сын Шимена-портного. Но она знает и другое. Ее слова «ваш Тевка» — бальзам на душу Леи.

— Сама еще не знаю, золотая вы моя. Может, ему пока лучше спокойно сдавать экзамены за все восемь классов, — ответила Лея.

— Ну подумайте, мадам. Подумайте.

2

Мысль о том, чтобы сдать экзамены за восемь классов гимназии, захватила Лею. О студенте Фрумкине она и думать забыла, словно такого не было и в помине. Одно лишь на уме — Тевка и экзамены. Репетиторы, говорит Тевка, ему не нужны. Как-нибудь сам справится. Лея рада-радешенька: ее Тевка — светлая голова!

Спустя пару дней Лея зашла к Розе поделиться своими мыслями. Роза слушала молча, старалась не перебивать, пусть тетя выговорится как следует.

— Ты молчишь, Роза? Тебе нечего мне сказать?

— Скажу, тетя. Ты полагаешь, что шести классов ему мало?

Роза задает этот вопрос с добродушной усмешкой. Роза немного располнела, но это ее не портит. Посмотришь на нее и видишь перед глазами красивую молодую женщину, счастливую мать.

— Девочка моя, с восемью классами можно потом двигаться дальше.

— Дальше пойдешь, быстрее лоб расшибешь.

— Почему же это — расшибешь?

— А потому, тетя, что не ошибусь, если скажу, что Тевка со студентом были очень уж запанибрата.

— Чем же это так уж запанибрата?

— Я подметила, что оба они любят помолчать. И у обоих что-то на уме.

— Роза, не обижайся. Ты хотя бы знаешь, что ты такое говоришь?

— Знаю, тетя, что я говорю. Вспомни, что говорила бабушка Малка: «Сапожник сапожником останется, хоть ты надень на него шляпу». Помнишь, ты мне сама говорила?

— Что ты хочешь этим сказать, Роза? Хочешь со мной разругаться? А что до бабушки Малки... Она тоже не всегда была права.

— Ссориться с тобой? Боже упаси. Ты же знаешь, тетя, как я тебя люблю. Просто я боюсь за Тевку. Как бы из-за его дружбы со студентом не вышло неприятностей. Ты не думай, что это я только тебе говорю. Люди так говорят...

— Недоброжелатели — вот и говорят так... — Тетя Лея переменилась в лице, разволновалась. И Роза принимается ее успокаивать:

— Твоя правда, тетя. Завистлив народ. Мало ли что болтают! Глупости все это.

Но Лею так вдруг не успокоишь.

— Я ведь никому ничего плохого не делаю. За что же такое недоброжелательство?

Лея ушла от племянницы в расстроенных чувствах. Чтобы хоть немного успокоиться, она решила заглянуть к Соре. Берла дома не было, и сестры получили возможность потолковать по душам наедине.

— Сореле, душа моя, скажи-ка мне, что это стало с нашей Розой. Помнишь, она всегда готова была сказать людям доброе слово, а теперь все для нее плохо и только плохо.

— Я и сама не узнаю ее. Она уже давно сторонится друзей и знакомых, а после забастовки просто возненавидела всех, особенно простой люд. Берл диву дается, и я тоже.

Сора догадывается, что происходит с дочерью, но ей трудно объяснить это. Она еще недостаточно четко во всем разобралась. На деле же все было так: Роза чувствовала, что крепко стоит

на ногах благодаря мужу и, впрочем, также и отцовскому достатку. У нее есть все, что она хотела бы иметь; все, что ей нужно, она получает. Она еще достаточно молода и хороша собой. Муж прекрасный человек, преуспевающий доктор. Детки, не сглазить бы, растут здоровыми и умными. Понятно, ей хотелось, чтобы все в жизни так и шло, чтобы ничего не менялось, чтобы никто не вставал ей поперек дороги, не посягал на ее цитадель домашнего уюта, семейной радости и счастья. Она приняла и полюбила все, что имеет под собой твердую почву, все, что нельзя пошатнуть. Забастовка повергла ее в смятение. Уже одно это слово вызывает у Розы прилив негодования.

К чему все это может привести? Пристали с ножом к горлу и кричат: «Давай гроши! Мне причитается!» Как в диком лесу. Сегодня подступают с требованиями к кому-то, но завтра могут добраться и до нее. Всей душой Роза возненавидела забастовщиков. Гителе и Переле среди них, тоже бастуют — чтобы имя их даже не упоминалось в доме! Арестовали девяносто одного человека? Или сколько там? Мало, мало... Всех, всех их надо за решетку.

— Ты знаешь, сестра, — говорит Сора, — что меня пугает? Роза точь-в-точь как наша мама Малка. Та тоже меняла свои взгляды...

3

То, что вскоре произошло, не мог предвидеть никто. Арестовали Тевку. Лея была ошеломлена. Какая-то нелепость! Дикость! Тевку?!

— Лея, ты понимаешь, что отныне с Тевкой все кончено раз и навсегда.

— Нет, мой дорогой, с сегодняшнего дня все только начинается, — так ответила Лея мужу. — Как можешь ты, Лейба, так говорить? Ведь Тевка для нас все равно что родной сын. Будь он в чем-нибудь виноват, его взяли бы сразу вместе с остальными. Люди завистливы, недоброжелательны. Я этого так не оставляю. Наш Тевка... он ни в чем не виноват! Нет, не виноват!

Она сказала «наш Тевка», хотя на язык просилось «мой Тевка». Да, ее Тевка, ее сын, наследник. Она уже потратила на него немало сил и средств, привязалась к нему и любит, как родного ребенка. А может быть, и больше. Лея вышла замуж по расчету. Долго думала, выбирала сообразно своим понятиям. Со временем родилась и любовь, но то была любовь, выросшая из верности, из привычки, которая складывалась за годы, прожитые вместе. Страсти не было, не кружилась голова, обошлись без всяких там «глупостей». Все было как положено. Годы не внесли в их жизнь заметных изменений, все осталось вроде бы на своих местах. Лея успела привыкнуть к присутствию в доме

Тевки: вот-вот он должен прийти — надо причесаться, надо принарядиться. Теперь, когда с Тевкой стряслось несчастье, она восприняла его так, как если бы все это случилось с ней самой.

Имена Леи и Тевки — на устах у всего города. Добрые друзья сочувствуют. Недоброжелатели злорадно потирают руки:

— Надо же было такое удумать! Пытаться делать ученого из сына Шимена-портного. Его место на табачной фабрике, а не в гимназии. Так опростоволоситься...

— Вот что на белом свете творится! Такая уважаемая солидная дама топчется у тюремных ворот с передачей для Тевки. А кто он есть? Не бог весть какая цаца, коли его засадили за решетку.

Эти пересуды доходят и до Леи, но она притворяется, будто все это не имеет к ней отношения, словно подразумевают не ее, а кого-то другого. Она поступает по-своему и не желает знать ничьих мнений и слышать ничьих советов.

Берл и Сора не оставляют ее в трудную минуту.

— Ты что-то неважно выглядишь, сестра, — говорит Сора.

— А с чего мне, Сореле, хорошо выглядеть? Хватают безвинное дитя и бросают в тюрьму.

— Он ни в чем не виноват. Скоро его отпустят домой.

— Ты веришь в их порядочность и честность? Нет, будь что будет, а я дойду до губернатора.

Берл и Сора знают чуть больше того, что знает Лея. Все друзья и знакомые, как один, отворачиваются от нее. В городе говорят, что Лея совсем выжила из ума. Даже Роза не сомневается в этом.

— Ах, — вздыхает Сора, — кабы не проклятый студент...

— Сореле, ты и впрямь считаешь, что студент бог весть какой злодей? Ну а рабочие, по-твоему, они что? Подлецы, негодяи? Рабочие хотят хлеба для себя и своих детей.

— У них уже и хлеба нет?

— Ты подумай, Сореле, за тысячу сделанных папирос рабочие получают семнадцать с половиной копеек.

— За тысячу штук? Несправедливо. Но бастовать?!

— Дали бы по-хорошему, не пришлось бы действовать по-плохому. Есть-то все хотят.

— Чудно́ ты говоришь, Лея. И что на тебя нашло? У тебя ничего не болит?

— Все болит. Тебя удивляет, сестра, что я вдруг стала такая добрая для кого-то. Это не для кого-то. Речь идет о моем сыне. Я буду доброй ради него.

Лея принесла очередную передачу для Тевки. У тюремных ворот она встретила его мать, Шейне. Столько лет женщины прожили в полнейшей отчужденности, но теперь судьба свела их вместе, и вот они стоят в очереди и держат в руках приготовленные для Тевки свертки. Когда подходит их черед, обе ма-

тери (мама и «мама») складывают свои передачи в одну и передают надзирателю.

Назад возвращаются вместе. И право, трудно сказать, кто из этих женщин сильнее переживает случившееся.

У Шейне забот невпроворот. Шимен прихварывает, семья большая, все хотят есть, девочки уже встречаются с молодыми людьми. А тут еще — Тевка. Гителе и Переле принесли домой известие, что все арестованные держатся вместе. Поговаривают, будто кое-кого собираются освободить. Похоже, что и Тевку должны выпустить. Конечно, хорошего мало, когда родной сын ни за что ни про что сидит в тюрьме. Но ведь он никого не убивал, не грабил, фальшивых денег не изготовлял.

Шейне ждет, когда вернется Тевка. Лея — та прямо извелась, ждет не дождется. Он все время мысленно перед ее глазами. Она разговаривает с ним. Больше у нее никого нет. И она рассказывает Шейне о Тевке, о том, как она сразу распознала, что он добрый, умный, способный. Тевка — ее гордость, радость для нее и для мужа, он прочно вошел в их семью.

— Ну что тут говорить, дорогая? Сын, родной сын. Мы с мужем всей душой полюбили его. Своих детей у нас нет... Кто мог подумать, что у репетитора на уме забастовки. Чем Тевка виноват?

— А вы, Лея, думаете, что студент этот так уж виноват?

— Я этого не говорю. Люди хотят хлеба.

— Вот-вот, дорогая Лея. Вы это прекрасно понимаете. Все — люди, и все хотят жить.

Обеим женщинам становится немного легче оттого, что они правильно понимают друг друга. Шейне успокаивает Лею:

— Все будет хорошо. Скоро Тевка вернется домой.

Шейне пожелала Лее и ее мужу долгих лет радостей от Тевки, он любит их и всецело им предан.

У Леи отлегло от сердца. Все это говорится о ее Тевке, о ее сыне. От избытка чувств она обнимает и целует Шейне.

— Я приду к вам в гости. Обязательно!

Они стоят друг против друга, две постаревшие, поседевшие женщины. Седые пряди Шейне, выбившиеся из-под платка, поредели и примялись. Густая седина волос под шляпой у Леи по-прежнему придает ей солидность, вызывает почтение.

Леин муж, Лейба, сознает, что его терпению приходит конец. Сегодня он особенно остро это чувствует. Хотя по натуре он очень спокойный и уравновешенный человек, умеющий сдерживать себя даже тогда, когда хочется высказать все, что думаешь. Сегодня, перед тем как выйти на улицу, он дольше обычного смотрел на себя в зеркало. Как будто все в порядке: черные волосы вперемешку с седыми были аккуратно зачесаны на косой пробор, короткие усики подстрижены так, что виден

каждый волосок. Неторопливой походкой Лейба вышел из дому, но не успел он пройти и нескольких шагов, как кто-то ухватил его за руку. То была его сестра.

— Послушай, Лейба. Извини, но я выпущдена вмешаться. Я хочу знать, что происходит с Леей. То, что она себе позволяет, это просто невиданно и неслыханно.

Лейба мигом сообразил, что она имеет в виду. Он ведь и сам намеревался высказать Лее все, что он думает.

— Лейба, прошу тебя, пойдем со мной. Ты сам увидишь, что означают мои слова.

Они пошли вместе. За всю дорогу не проронили ни слова. Дорога привела их к городской тюрьме. В очереди, выстроившейся у ворот, стояла и Лея. Она принесла передачу для Тевки. На противоположной стороне улицы собрались люди. Когда Лейба подошел поближе, до него явственно донеслось:

— Полюбуйтесь-ка, мало того, что сама торчит здесь, так еще и муж явился.

В этот же день Лейба сказал жене:

— Пойми, Лея, люди мне проходу не дают. Знакомые и те, кого я впервые вижу, пристают: как это ваша жена, такая почтенная дама, и вдруг стоит с провизией для арестанта? Нехорошо, Лея, нехорошо. Надо признать свою ошибку: приютили у себя в доме испорченного, неблагодарного мальчишку, хотя поначалу он и выглядел весьма добропорядочным. Пожалели, хотели сделать из него человека... Теперь надо выбросить из головы все мысли о нем. Наплевать и забыть! Посмотри на себя, ты же вся извелась от переживаний, света белого не видишь. О муже и думать забыла. Пойми, Лея, так нельзя. Ты же умная. Как ты всего этого не поймешь?

От таких его речей у Леи даже перехватило дыхание. Ноги у нее подкосились, обессиленная, в лице ни кровинки, она опустилась на стул. Когда ей стало чуть легче, она с горечью и обидой ответила мужу:

— Я не узнаю тебя, Лейба. Не понимаю тебя. Тевка ведь для нас родной человек.

— Верно, хороший, добродетельный Тевка — наш. Но Тевка-преступник — нет. У него есть и отец и мать.

— Горе мне! Назвать Тевку преступником! Как у тебя язык повернулся сказать такое о ребенке?

— Дети тоже бывают разными.

Впервые за долгие годы совместной жизни Лейба повысил на жену голос:

— Не уговаривай себя понапрасну. Он не наш ребенок. Я тебе говорю все как есть — начистоту. Больше терпеть я не намерен! Слышишь?! Не намерен!

Все это было так неожиданно для Леи, что она не смогла сказать ни слова в ответ. Опустив голову, она тихо плакала. А это случалось с ней довольно редко.

Как жить на свете одной-одинешенькой? Как жить?

Эти мысли не покидают Злату.

Подсказывает сама жизнь. Конечно же тяжело, когда из жизни уходит такой человек, как Цаля Кадиш, горько и тяжело жить без него. Однако жизнь учит.

Никто не живет вечно. Зато можно гордиться человеком, если он оставляет после себя доброе имя, когда после смерти о нем говорят только хорошее. Злате есть что вспомнить — они с Цалей хорошо прожили жизнь. Эти воспоминания поддерживают и вдохновляют Злату. Изнутри рождается желание укрепить в детях и внуках доброе имя их отца и деда, Цали Кадиша. Злата давно не была у Авигдора и Розы, давно не видела своих внуков. В один из морозных солнечных дней она решила навестить к ним в гости. В душе она предвкушала радостную, сердечную встречу. Однако по выражению лица Розы Злата поняла, что явилась не вовремя.

— Что-нибудь случилось, Роза?

— Что может случиться? Ничего не случилось.

— Похоже, ты не очень рада моему приходу. Ты чем-то расстроена?

— Расстроена? Конечно! Арестованных забастовщиков начали потихоньку выпускать. Спрашивается, для чего? Чтобы опять взялись за свое? Бастовать и хватать за горло: «Дай! Мне причитается!»

— Вот что, Роза. Я еще от Цали научилась говорить только правду и тебе скажу напрямик — не то ты говоришь. Люди работают, хотят есть, хотят иметь кусок хлеба. Разве это грех? У всех у них есть дети, которые тоже просят есть. А ты вздумала заботиться о Шерешевском... Не твоя это фабрика, и не твои папиросы. Ты же оторвана от людей, от ремесленников. Нет, Цаля не так жил...

— Цаля мне не указ.

— Роза, ты же была такая добрая, всегда испытывала жалость к людям. Но все это оказалось только на словах, а на самом деле ты людей ненавидишь.

— Не хочу быть хорошей, и люди мне ваши не нужны. Пусть тетя Лея ходит в хороших, а я пока что еще в своем уме.

— Кто же, по-твоему, не в своем уме?

— Кто же, как не тетя Лея. Целыми днями простаивает у ворот тюрьмы с передачами для своего ненаглядного Тевки. Да не одна, а в хорошей компании, с Шейне, женой Шимена-портного.

— Разве она не твоя тетя?

— Такие тети мне не нужны.

— Посто́й, посто́й, Роза. Может быть, тебе не нужна и такая свекровь, как я?

Роза молчит.

— Просто диву даешься,— говорит Злата,— как нынешние девушки, словно сладкие яблочки, выйдя замуж, становятся горькими и червивыми. Прощай, будь здорова.

Разговор с Розой сильно огорчил Злату. Домой идти не хотелось, и она отправилась на заснеженное кладбище. Злата долго плакала у могилы, а наплакавшись, обратилась к Цале:

— Помнишь, как мы радовались, что у нас будет такая чудная невестка, как Роза. Скажу тебе, что теперь я об этом очень жалею. Не любит она людей. Но для чего я тебе это рассказываю? Тебе с того света все куда виднее, чем нам здесь, на земле...

На следующий же день она прямоком направилась к Соре и Берлу. Она помнила, с каким уважением Берл относился к ее покойному мужу. Злата выложила все жалобы на Розу. Ее невестку словно подменили. Могли ли они с Цалей так ошибиться в ней? Подумать только! Цаля ей не указ, Лея не в своем уме, приходишь к пей в гости — даже не предложит присесть.

— Берл, Сора! Ради бога, ответьте мне, что с вашей дочерью? Я ее баловала, жалела и берегла, но, если потребуется, могу и высказать все, что я о ней думаю.

В ней заговорила Злата — дочь фурмана Арки. Как бы на один миг к ней вернулись ее юные годы, когда они вдвоем с сестрой посмеивались над чопорными дочками богатеев, считавшими, что на них чуть ли не свет клином сошелся. В Злате пробудился задор. Вот такой она была, когда за ней бегали парни, а она придирчиво выбирала достойную себе пару.

— Люди ей, видите ли, не нужны. Пусть знает: за тем, кто бежит от людей, гонятся собаки. Вы только посмотрите. Лея, говорит она, не в своем уме. Тевка — не бог весть какая цаца, а такая тетя, как Шейне, ей вообще не нужна. Ну? Что вы на это скажете? Отец, мать, почему молчите?

— Почему молчим? А кто нас станет слушать? Мы для нее лишние.

Перед Златой — усталые, постаревшие люди. Сору не узнать — куда девалась ее красота? Берл с трудом держится на ногах. Оба кажутся совершенно беспомощными.

Злата могла бы еще кое-что добавить, но ей жаль отца с матерью.

— Будьте здоровы и не обессудьте. Зашли бы как-нибудь, мы все же сваты.

После ухода Златы Берл и Сора призадумались. Несомненно, Злата права, но что поделаешь — ведь единственная дочь, которую они так любят, в ней для них весь смысл жизни.

Через несколько дней Берл зашел к Злате.

— Сват, как это хорошо, что заглянули ко мне. Да вы садитесь, садитесь. А почему же Сора не пришла?

— Не выбралась. Понятное дело, бабушка. Все внимание — внукам.

— Ныпче, сват, наступает время подумать и о самих себе.

— На это времени не хватает.

— У людей нет времени до тех пор, пока время не исходит. Так говорил мой Цаля. Ну что поделываете, Берл, как себя чувствуете?

— Злата, дорогая, я ведь свою жизнь уже прожил, да, видно, не больно умно. Все, что у меня было, передал дочери, не заботясь о своих сыновьях. Придут они ко мне, что я им скажу?.. Дела мои пошли вкривь и вкось. Есть более молодые, ловкие, образованные. Я уже больше ни на что не гожусь. У меня, по сути, осталось только одно дело — откупить себе местечко на кладбище.

— Берл, так нельзя говорить. Сколько господом богом отпущено лет...

— Покойный Цаля был мудрецом, царствие ему небесное... Вовремя покинул этот суетный мир. А я что-то задержался. Горько на душе...

5

Лея ждет не дождется Тевку. По ее расчетам, вот-вот его должны выпустить из тюрьмы.

Сама того не замечая, Лея стала проще в отношениях с людьми, постепенно с нее стала сходить спесь богатой, чопорной дамы. У нее завязались знакомства с матерями и сестрами других заключенных. Вместе простаивали они у ворот тюрьмы. Это были как раз те люди, о которых ее мама Малка Бас говорила: «Сапожник, сколько ни надевай на него шляпу...» Но теперь Лея смотрит на них другими глазами. Люди как люди, ничего плохого в них нет. Раньше и сама Лея именovala их не иначе как «низшее сословие», но судьба распорядилась так, что она оказалась в одном ряду с этими людьми. Несмотря на бедность и горькую нужду, никто из них не теряет человеческое достоинство, и это вызывает у Леи симпатию к ним.

С такими мыслями Лея пришла в дом к Шимену-портному. Шейне встретила ее очень приветливо, а Шимен даже прервал работу, чтобы выйти ей навстречу. Памятуя о том, что, как ни верти, Тевка все же доводится им родным сыном, Шимен и Шейне тем не менее старались держаться как можно деликатнее, чтобы не причинять Лее огорчений. Они как могли утешали Лею, а той было приятно слышать участливые речи от этих добрых людей.

— Пожалуйста, Лея, садитесь с нами к столу.

Лея с удовольствием присоединилась к трапезе. Как некогда ее старшая сестра, она теперь смаковала кнейдлики, приго-

товленные из дешевых рыбешек, сваренные с картошкой и приправленные луком и перцем. Настал и Леин черед удивляться: отчего ей в собственном доме не доводилось отвеживать таких вкусных блюд?

Лея долго говорила с Шейне и в разговоре узнала много нового о ее семье. Беседу прервали Гителе и Переле, вернувшиеся с работы. Еще с порога они ошеломили всех радостной новостью:

— Тевку освободили!

И только после этого они с удивлением обнаружили присутствие Леи.

— Как? Вы здесь? А Тевка прямо из тюрьмы побежал к вам.

Лея вскочила со своего места, но так и осталась стоять, будучи не в силах вымолвить ни слова.

Наконец со слезами в голосе она переспросила:

— Освободили? Так что же мы все сидим?! Шейне, идемте!

— Я тоже иду с вами, — отозвался Шимен.

— И мы идем, — подхватили Гителе и Переле.

Все пятеро поспешили к дому Леи.

Мнение о человеке зачастую подобно дуновению ветра. Подует ветер с юга — принесет с собой тепло, примчится с севера — повеет холодом. Пока Тевка сидел в тюрьме, он ходил в отъявленных преступниках: снюхался, мол, с забастовщиками, пусть теперь сидит — поделом ему! Но стоило только Тевке вернуться домой, как он тут же вновь превратился в хорошего и симпатичного парня. Готовится сдавать экзамены за восемь классов гимназии. Мама, у которых дочери невесты, уже держат его на примете. Все в один голос поют дифирамбы Лее, превозносят ее как образец преданности, самоотверженности. Лея не испугалась, не опустила беспомощно руки. Теперь ее и Тевку признали все — вот это называется хорошая мать и хороший сын.

Когда Роза узнала о том, что Тевку освободили, она просто испугалась, не зная, как воспринять это известие. Разумеется, прежде всего она подумала не о Тевке, а о самой себе. Она даже подошла к зеркалу посмотреть, как подействовала на нее эта новость. Слава богу, ничего страшного. Роза любит себя. Только позже до нее начинает доходить, что она оговорила и Тевку и Лею. Тевка ни в чем не виноват. И тетя тоже права. Ну и что с того? Тетя пошла своей дорогой, она, Роза, — своей. Разве она обязана всем верить на слово? Все бросить и бежать рассыпаться поздравлениями ей тоже ни к чему. Может, это и пристало ее матери, Соре, но только не ей, Розе. У ее матери нет никакой золотой середины между «нет» и «да». У нее есть только одно «да» и только одно «нет». Может быть, она и хорошая женщина и хорошая мать, но ведь и не более того. Она, Роза, может этими «да» и «нет» распоряжаться, как ей взду-

мается. Мама Сора вечно идет на поводу у других. Недаром ведь о ней говорят, что она живет только мыслями своего мужа и сестры. У Розы все поставлено иначе. Пусть Авигдор царь и бог в своей медицине, во всех же остальных вопросах будет все решать она, и только она. Конечно, Роза по-своему рада, что Тевка вернулся домой и Лея наконец успокоилась. Но нельзя забывать и о том, что у Тевки были какие-то секреты со студентом. Так что лучше держаться подальше, особенно не рисковать.

— Розеле, ты, конечно, уже слышала, что Тевка на свободе? Надо бы зайти к Лее? — нерешительно предлагает Авигдор.

— Куда так торопиться? Успеется. Вот станет немного теплее.

Авигдор предпочитает не спорить с женой.

Зато многие друзья и знакомые не замедлили пожаловать к Лее с поздравлениями и добрыми пожеланиями. Раньше других пришли Берта Кава и Шифра. Берта Кава переживала оттого, что такого молодого паренька бросили в тюрьму. Решив, что, скорее всего, Тевка и в самом деле помогал студенту, Берта еще больше прониклась сочувствием к Тевке. Молодец парень! Берта Кава любит отважных. Но поговорить на эту тему можно только с одним человеком — с Шифрой. Та понимает ее с полуслова. Шифра как-то сказала:

— С вами, мадам, я могу говорить откровенно. Ремесленнику живется нелегко, но рабочему приходится еще тяжелее. Ремесленник имеет свой собственный молоток, свои ножницы. Сегодня работает здесь, завтра там. Рабочий привязан к месту. Да у него и нет ничего своего. Хозяин может сделать с ним все, что угодно. Вы только не подумайте обо мне плохо, мадам. Я и Нотке своему сказала: если бы рабочие держались вместе и все бы выступили с требованиями, они бы своего добились.

В гостях у Леи Шифра помалкивает. Здесь уместнее послушать других. А Берта — та спрашивает и сама что-то рассказывает.

— А что вы решили с экзаменами? Будете сдавать?

— Конечно, будем! — отвечает Лея.

Тевка слушает и молча улыбается. Мысли его далеки от экзаменов за восемь классов гимназии. Даже Лее он не рассказал всего того, что пережил и передумал, сидя в тюрьме.

Тевка знает, сколь сильно ему предана Лея, может быть больше, чем родная мать. Но он не может ей всего рассказать, хотя порой ее материнская сердечность и теплота вызывают его на откровенность. Но он помнит — нельзя.

За время репетиторства Фрумкина Тевка услышал от студента многое такое, о чем раньше не имел ни малейшего представления. Вместе с тем Фрумкин говорил только об общих материях, о философии, о диалектике, о социальной несправедливости. Ни словом не обмолвился он о забастовке на фабрике. Не раскрыл Тевке никаких важных секретов. Не настолько он был

наивен, чтобы поведать серьезные тайны непроверенному человеку. Тевка — молчальник по природе, Фрумкин — по требованиям конспирации.

Розе только казалось, что у Тевки с Фрумкиным могли быть какие-то особые секреты.

Только очутившись в тюрьме, Тевка начал постигать азбуку революционной борьбы... Перед ним раскрылся новый мир. Он переступил порог тюремной камеры гимназистом, а вышел из нее взрослым человеком. Разве расскажешь об этом Лее? Может ли он рассказать ей, что — правда, не скоро (конспирация не допускает спешки) — ему предстоит встретиться с невестой Фрумкина, той самой девушкой, что носит ему передачи в тюрьму.

Сознавая, что он не может поведать Лее эти важные секреты, Тевка больше рассказывает о том, как ему жилось в тюрьме. От вынужденной недосказанности он чувствует еще большую теплоту к Лее. Из всех сил старается выказать внимание и заботу, а Лее ничего больше и не нужно. Она счастлива. Искренне радуется, что к ней пришла с поздравлениями Берта Кава, интересуется Тевкиными экзаменами. Со своей стороны ей не хочется оставаться в долгу, и она спрашивает:

— Скажите-ка мне, невеста его (чья именно, она не называет) все еще носит ему передачи?

— Разумеется, да!

— И намерена ждать его?

— Несомненно!

— Кто знает, сколько лет пройдет в ожидании...

— Любовь не боится долгих лет разлуки... Наверное, он стоит того, чтобы его ждали. Они живут не только сегодняшним днем, они думают и о дне завтрашнем.

— Ну, ну, эти нынешние девицы...

Шифра, которая не переставала помнить, что вознамерилась молчать, на сей раз не выдержала и вмешалась:

— Ой, как это верно! Еще мама моя говорила: завтра начинается сегодня. Простите, пожалуйста...

Тевка, конечно, прекрасно понимает, что речь идет именно о невесте Фрумкина, с которой он, Тевка, должен встретиться в ближайшее время. Хочется побольше узнать о ней.

— Припоминаю, — говорит он, — какая-то девушка действительно приносила ему провизию. Вы говорите — это его невеста?

— Ну да... Хорошая девушка, образованная, из приличной семьи, спокойная, обходительная... И выбрала же она себе жениха! Хотя с другой стороны... — так говорит Берта Кава.

— И тем не менее, — вставляет Лея. Это означает: как бы то ни было, он замешан в забастовке. И еще бог знает в чем. Тевка-то ни в чем не виноват, а вот студент? От таких надо держаться подальше, бояться их как огня. А наплась же девушка, которая

ничего не боится, приходит к тюремным воротам... О том, как она сама простаивала у этих ворот, Лёя уже забыла.

Тёвка рад, что Берта Кава отзывается о невесте Фрумкина с теплотой. Он и сам чувствует, что это дорогой и близкий человек, товарищ. Он даже пытается мысленно представить их встречу. О чем они будут говорить?.. И когда это будет?..

6

В первые дни забастовки в доме Менахема было оживленно и беспокойно. Из дня в день сюда доходили известия, как обстоят дела на фабрике, что говорит комитет и что думают хозяева. Вести приносили Эзра, Маша, Гителе и Переле.

В доме то и дело повторяли:

— Это только начало.

— Первая забастовка на фабрике.

Все это время в доме ощущался некий подъем, никто не сомневался, что все закончится благополучно.

— Они вынуждены будут уступить. Как же иначе?

Фейгеле возилась с картофельными оладьями. Было радостно и оживленно.

Менахем просто сияет. Уже один факт, что люди могут договариваться и спланировать, требовать свое, вызывал у него огромную радость. Вспомнились слова, сказанные Эзрой: «Недовольство — великая сила». Сейчас эта сила пришла в движение и может горы свернуть. Такова жизнь: там, где бессилен ум, подсказывает и учит время. Выходит так, что люди все же могут управлять своей судьбой.

Менахему не сидится на месте, бегают и носится, забывая, что отнюдь не так уж молод. Он увлечен идеей, ему кажется, что все его ожидания и надежды вот-вот станут реальностью. Начинается светлый завтрашний день. Менахем за последнее время сильно сдал, частенько неважно себя чувствует. Доктор не на шутку обеспокоен. Но Фейгеле видит и то, как благотворно действуют на него хорошие вести. Он молодеет на глазах. Благодарение и хвала тебе, бог в небесах!

Дни летят. Осень зачастила дождями и слякотной грязью. Забастовка продолжается. Обе стороны набрались терпения и выжидают.

Как-то явилась Маша, чем-то взволнованная.

— Вы только послушайте. Вот не ожидала! Встречаю я тут Розу Кадиш, хватает она меня за руку и говорит: «Хорошо, что я вас встретила. Вы наверняка должны знать, вы ведь бываете в доме учителя, — Эзра Мазовер тоже бастует?» — «Да, конечно», — говорю. «Маша, вы это серьезно?» — «Ну да. Почему он должен быть исключением? Все бастуют». — «Что мне до всех? Я говорю об Эзре. Он работает в конторе благодаря моей про-

текции, я в свое время просила за него тетю Лею. От него я подобного не ожидала. Такой серьезный, умный, как он мог связаться с этим сбродом...» Я пыталась ей объяснить, что рабочие бастуют потому, что хотят жить, как подобает людям. Это их законное желание. А она и говорит: «Надо решать все добром, по-хорошему, но не бастовать. Ненавижу всякое насилие. Как мог Эзра так поступить? Когда увидите его, скажите, что я в нем разочарована. В свое время он был славным парнем...» — «Он и сейчас славный», — отвечаю. «Может быть, для вас?» — «Почему бы и не для меня? Он мой жених». — «Ах, вот оно что...» И она круто отвернулась от меня и ушла, даже не попрощавшись. Впрочем, она спохватилась и сразу же вернулась обратно. «Извините меня, Маша, пожалуйста. Просто я никак не могу поверить, что Эзра, с которым я дружила в юности, мог стать таким. Моя протекция... Если вы его увидите, а вы его конечно же увидите, раз он ваш жених, пожалуйста, передайте, что мне надо его видеть, обязательно надо видеть. Пусть придет ко мне».

Маша криво усмехнулась в сторону Эзры:

— Так что, Эзра, у тебя есть возможность сходить на свидание к барышне, с которой ты прогуливался в юности.

— Я вижу, Маша, что тебе это не слишком нравится. Ревнуешь? Не пойду я к ней.

— Нет, что ты! Я думаю, тебе все же надо пойти.

— Знаешь, Эзра. Мне тоже кажется, что тебе надо к ней пойти, — поддержал Машу Менахем. — Любопытно посмотреть, что она теперь собой представляет. Может, даже удастся разузнать, что там себе думают хозяева.

— Не упрямясь, Эзра. Иди. Я совершенно спокойна, — уверила его Маша.

Что греха таить, Эзра и сам испытывал желание повидать Розу, которая теперь стала солидной дамой, женой доктора Кадиша. Но о чем же она хочет с ним говорить?

Прежняя Роза была хороша своей легкостью, воздушностью, светлой улыбкой. Роза настоящая хороша в своем расцвете женственности и стати.

Она протянула Эзре мягкую теплую руку и, предложив сесть, сказала:

— У вас красивая невеста, Эзра. Маша мне нравится.

— Мне тоже.

— Но что с вами происходит, Эзра? Я должна сказать вам начистоту: вы мне не нравитесь.

— Что же так?

— Я вспоминаю наши прогулки у казацкой церкви на Коложах. Эти дни всегда останутся для меня светлым воспоминанием. Для чего же вы, Эзра, хотите его омрачить?

— Я? Чем же?

— Зачем вы бастуете?

— Мне странно слышать от вас такой вопрос. И я помню наши совместные прогулки. Как вы могли забыть тот двор, куда я привел вас, двор, где человека могли одеть с головы до ног? Там, среди других рабочих и подмастерьев, вы увидели и своих двоюродных сестричек Гителе и Переле. Они получают семнадцать с половиной копеек за тысячу папирос. Сколько же это выходит за день?

— Тысячу штук? Как это можно сделать тысячу штук? — Роза удивленно развела своими красивыми полными руками.

— А чего они добиваются? Да всего-навсего, чтобы за эту тысячу штук им платили тридцать копеек. Разве это не справедливо?

— Может быть, и справедливо. Но все споры надо улаживать по-хорошему.

— Пробовали по-хорошему.

— Ну вот что, дорогой Эзра. Что бы вы мне ни говорили, я не могу поверить, что позволительно хватать ближнего за горло. Так ведь можно весь мир свести на нет и ни в чем нельзя быть уверенным. Но вы не должны забывать, что не кто иной, как тетя Лея, в свое время рекомендовала вас в контору. Протекция исходила от меня. На фабрике это хорошо известно. Вы — единственный служащий конторы, принимающий участие в забастовке. Судите сами, как можем мы смотреть людям в глаза. Нам это совершенно не к лицу. Я вас прошу, Эзра, обещайте мне...

— Нет.

— Нет? Ну что ж... В таком случае адье. Мой привет вашей невесте.

Эзра ушел. Роза негодовала. Она, супруга доктора Кадиша, дочь Берла Федерера, привыкла к тому, что все бегут со всех ног исполнять ее желания. А тут: «нет», и все! Так ошибиться в человеке!

7

Менахем не хотел сдаваться до того самого дня, когда полиция расклеила в городе объявления. Бастующим категорически предлагалось приступить к работе. Он вполне здоров, чувствует себя хорошо. Но как только до него дошло это настораживающее известие, он сразу почувствовал резкую слабость во всем теле. Нет больше сил. Что же будет? Фейгеле напоминает, что доктор велел беречь себя. Менахем дал себя уговорить и лег в постель. Вопрос «что же будет?» не выходил у него из головы. Неужели с забастовкой все копчено? Ничего не добились! Вмешалась полиция. Этого следовало ожидать. Но кто же обратился за помощью к полиции? Кто? Да те же хозяева-евреи. А против ко-

го? Против евреев-рабочих. За свои денежки хозяева готовы любому глотку перегрызть.

Фейгеле не отходила от Менахема ни на шаг, следила за тем, чтобы он вовремя ел и пил. Она даже позабыла, что он доводится ей мужем, и в порыве заботы о нем говорила:

— Учитель, я прошу вас...

И оба смеялись.

На следующий день пришли Гителе и Переле и сообщили, что ни один человек не вышел на работу.

— Хвала господу! — воскликнул Менахем и тут же возвестил Фейгеле, что считает себя абсолютно здоровым. Он больше не желает лежать в постели. Кстати, если Фейгеле предложит ему что-нибудь вкусненькое, он не откажется.

Позже Фейгеле сказала ему:

— В доме моего отца такая радость бывала только в праздник Торы.

Однако праздник в доме Менахема продолжался недолго. Забастовка была подавлена. Небо обрушилось на землю и, падая, поразило Менахема в самое сердце. Фейгеле ни к чему было больше напоминать ему о предостережениях врача. Менахем и сам понимал, что ему худо, последние силы на исходе. Не хочется жить на свете.

Эзра часами просиживал у изголовья своего друга, время от времени пытался что-то рассказывать. Но больной становился все молчаливее. Оба понимали, что наступила пора прощания перед долгим расставанием. Менахем долгое время жил новостями, которые приносил в дом Эзра, но теперь он оставался безучастным ко всему, не сознавая, что друг собирается поделиться с ним и своими личными горестями. Но что толку говорить о них теперь, когда Менахем уже одной ногой в могиле?

Так Эзра и не успел рассказать, что недель пять спустя после начала забастовки хозяева хватились, что он в конторе лишний, и отказали ему от места.

Эзра и сам еще не признавал, в сколь тяжелом положении он оказался. Человек, которого раньше мало кто знал, теперь вдруг прославился на весь город: единственный служащий конторы, присоединившийся к забастовке!

— И вот ведь штука какая! Не за себя бастовал, а за других, за рабочих.

— А может, он и сам из той братии? Фрумкина подручный.

Дядюшка Манес схватился за голову:

— Кто тебя теперь возьмет на работу? Никто! Я-то знаю, что люди говорят. Просто диву даешься на тебя: была такая невеста — проморгал, хорошая работа — так глупо потерял...

Наконец наступил долгожданный день, когда Тевка встретился с невестой Фрумкина. Произошло это в начале весны в городском саду. Тевка узнал, что девушку зовут Лиза. Выяснилось, что она только числилась невестой студента, чтобы легче было передавать ему еду и одежду. Тевка и Лиза свободно гуляли по саду. В погожий весенний день их свидание ни у кого не вызывало подозрений. В разговоре с Лизой во время прогулки Тевка узнал, что Эзру Мазовера уволили с работы.

— У вас есть связи,— сказала Лиза.— Может быть, ваша тетя сумеет помочь, или вы поговорите с вашей двоюродной сестрой Розой Кадиш.

— Я спрошу.

— Этого мало. Надо хорошенько попросить. Эзра очень нужный нам человек.

— Обещаю. Я сделаю все, что в моих силах.

Встреча, которую Тевка представлял себе как нечто необыкновенное, на самом деле прошла очень просто и непринужденно. Сначала, конечно, переговорили о деле, потом разговор пошел о таких вещах, которые могут быть близки и понятны двум молодым людям в начале весны.

Домой Тевка вернулся поздно вечером.

Несколько дней кряду он выискивал удобный случай, чтобы завести с тетей Леей разговор об Эзре. Тевка знал историю о том, как тетя Лея познакомила Розу с Эзрой, знает и то, что одно время Роза была к нему равнодушна. И на фабрику тетя Лея устроила его по просьбе Розы. Теперь обе, и тетя Лея и Роза, настроены против него за то, что он их так подвел.

С чего же все-таки начать? Лея ведь может, не долго думая, сразу отказать ему. Нет, и все тут! Или вообще не захочет слушать. О Розе и говорить нечего. И все же надо попытаться. После раздумий и колебаний Тевка решился.

— Мама,— обратился он к Лее,— мне очень нужно с тобой поговорить.

От этого слова «мама» лицо Леи просветлело.

— Что, мой Тевеле? Что тебя беспокоит, что тебе нужно? Говори.

— Как ты думаешь, где я был несколько дней назад?

— Не знаю.

— Я был в городском саду.

— Ну что ж, должно быть, там сейчас неплохо погулять.

— Да, это так. Только я был в саду не один.

— С кем же ты был?

— С невестой Фрумкина.

— Шутишь?!

— Нет, я серьезно.

— Тевка, дитя мое, зачем ты хочешь лишить меня покоя, сделать так, чтобы я места себе не находила? — Лея смотрела на Тевку широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Напрасно ты пугаешься. Могу ли я сделать что-то помимо твоей воли и без твоего ведома? Но я тебе кое-что скажу. Ты ведь знаешь Эзру Мазовера?

— Конечно.

— Он остался без работы.

— Я знаю. Ему отказали от места, и правильно сделали. Делаешь человеку добро, а он камнями платит.

— Не говори так. Разве Эзра замышлял что-нибудь худое?

— Дитя мое, пойми, я ведь не могу теперь показаться Шерешевским на глаза. Я же его рекомендовала.

— Может, они уже и не помнят об этом. Ведь жаль человека. Представь себе, он собирался жениться, а теперь остался без куска хлеба. — Голос Тевки звучал с подкупающей искренностью. Ему хотелось, чтобы тетя Лея прониклась сочувствием к человеку, с которым стряслась беда. Но Лея слышала только самое главное: Тевка назвал ее «мама», это слово вырвалось у него непроизвольно, из глубины души.

— Ну, успокойся, Тевка. Мы что-нибудь придумаем. Ты говоришь — он женится? На ком же, если не секрет?

— На Маше. Она жила раньше в нашем дворе. Роза знает ее.

— Я ее тоже знаю. Красивая девушка.

— Тетя, сделай что-нибудь для них. Для Эзры во что бы то ни стало надо найти работу.

Лея с болью посмотрела на Тевку:

— Дитя моя, сначала ты называл меня «мама», и вот уже снова я для тебя всего только «тетя». За что ты так со мной?

— Извини, мама, я не подумал об этом. Ты же знаешь, что я люблю тебя. Ты такая добрая.

— Конечно, дитя мое, конечно! — И лишь после этого спохватилась: — Да, ты, кажется, начал говорить о невесте Фрумкина?

— Это Эзра просил ее встретиться со мной.

— Ах, так... Что ж, я теперь спокойнее.

Поразмыслив, Лея решила, что лучше всего пойти с Тевкой к Розе. Она может помочь.

9

В городе воцарилось спокойствие, люди вернулись к своим делам. Роза по-прежнему занята мужем и детьми. С сожалением и тревогой она наблюдает за тем, как ее отец, Берл Федер, стареет, сдает прямо на глазах. Еле-еле справляется с делами.

Мама Сора крихтит, все чаще сетует на ломоту в костях. Роза не понимает, вернее, не хочет понимать, что молодость и здоровье преходящи и ее пожилым родителям далеко не так хорошо, как ей. Может быть, поэтому очень кстати пришлось появление оживленных Леи и Тевки.

— Дорогие вы мои, как я вас люблю, — ласково встретила их Роза.

Роза сказала правду. Их приход и в самом деле обрадовал ее. Поболтала с ними о том о сем, поинтересовалась, что слышно у Тевки с экзаменами. Она может себе позволить быть разной. Сегодня — такая, вчера была совсем другой. Лея с Тевкой решили, что явились в добрый час. Роза будто успела позабыть все свои недавние претензии к тете Лее и Тевке. И вообще, разве она должна все на свете помнить? В городе тихо, спокойно, и ей тоже спокойно, она уверена в сегодняшнем и в завтрашнем дне.

— Ты знаешь, тетя, не хотелось говорить об этом... Ну, да все равно ты об этом услышишь... Эзра Мазовер больше не работает на фабрике... Может, помнишь, это я в свое время просила тебя подыскать для него местечко?

— Все помню, Роза.

— Теперь даже не знаю, жалеть об этом или нет.

— Бабушка Малка на это говорила: сожаление — не к лицу купцам.

— Тетя, ты ведь сама говорила, что бабушка Малка не всегда была права.

— Не знаю. Думаю, что здесь она права.

— Я на него крепко сердита. Единственный из всей конторы участвовал в забастовке.

— Чем он хуже других? Все бастовали.

— Все... Куда же это годится? Ты ли это говоришь, тетя?

— Не пойму, за что больше ты сердита на него: за то, что он участвовал в забастовке, или за то, что вы были друзьями.

— За все вместе.

— Роза, — улыбнулась Лея, — если так, ты должна подыскать для него новую работу...

— Я? Ни за что! Я больше не хочу рисковать!

— По совести говоря, Роза, рисковала тогда я. Я рекомендовала его Шерешевскому.

— Не могу понять, тетя, чем он тебя пленил, что ты так заботишься о нем. Он опять будет бастовать, снова опозорит нас перед людьми. Как вспомню про забастовку, земля уходит из-под ног. Нет и еще раз нет.

— Спрашиваешь, почему так забочусь о нем? Я знавала его родителей. Это были очень порядочные люди... Когда-то я вас познакомила — ты была еще совсем юной. Коложи, маленькая церквушка, дикая груша — они так и стоят у меня перед глазами. Мы с матерью Эзры шли впереди, а вы позади нас...

— Ну хватит, тетя, хватит. Я тебе, конечно, благодарна за эти теплые воспоминания... Но я не могу простить себе ошибки! Ты же знаешь, тетя, я даже немножечко любила его... Нет!

Роза сказала «нет», но теперь оно прозвучало совсем по-другому, его можно было толковать уже и так и этак. Роза и сама это почувствовала. Теперь, когда в городе все тихо и спокойно, когда можно не волноваться за сегодняшний день, в Розе заговорила не только бабушка Малка, но и прадедушка, добрый и честный столяр Гешл. Нет, не так уж чужд ей человек, который готов рисковать собой и поступать не так, как поступают все. А тут еще тетя Лея пробудила в ней воспоминания о прекрасной поре юности... Коложи, маленькая церквушка, дикая груша... И, помолчав немного, Роза сказала:

— В конце концов, если ему так уж нужна рекомендация, отчего он сам не придет?

РОЗА КАДИШ И ЕЕ СЫН

ЗВЕНО ПЕРВОЕ

1

Почти каждый день Роза Кадиш слышит, как Эзра Мазовер приходит к ее отцу. Она узнает его твердую походку и невольно думает: «А вот к нам он не заходит. Почему? Может, сердится за что-то или просто стесняется?» Со временем прислушиваться к шагам Эзры стало для Розы чем-то вроде привычной «игры». Правда, она и сама не знала, хочет ли видеть его. Может быть, да, а может быть, и нет. Роза смутно представляла себе, о чем они могли бы говорить. Теперь в глазах Розы Эзра выглядит зрелым мужчиной, к тому же густые черные волосы делают его выше и привлекательнее.

Роза Кадиш тоже стала солидной и статной дамой. На светлом оживленном лице выделяются полные губы, сытые и довольные. Лицом Роза кажется моложе своих лет, но располневшая фигура делает ее старше. В свои 34—35 лет Роза неплохо разобралась в людях и в окружающей ее жизни. Дети любят ее, муж тоже, все знакомые оказывают ей уважение, говорят комплименты. Кажется, что жизнь Розы основательно заполнена. Но, может быть, именно поэтому порой становится ей скучно, чего-то не хватает. Нет ничего такого, что манило бы, притягивало к себе, чего хотелось бы достичь.

Все любят Розу, но никто особенно не вникает в ее чувства и переживания, заходя считая ее мысли правильными. Авигдор постоянно занят своими пациентами и общественными делами. Когда выдается свободный вечерок, он рассказывает жене, что у него было за день. Ее жизнью он не интересуется. Зачем? И так ясно, что у нее все в порядке. От этого благополучия тоже веет скукой.

Сегодня, с самого утра, тоска одолевала Розу больше обычного. В голову закрались мысли, что, в сущности, ее жизнь остановилась на месте, словно часы, поставленные на определенное время. Замерли стрелки, которым больше нечего показывать. Неужели и в самом деле у нее не осталось никаких стремлений, никаких желаний? От удивления, что такое возможно, тень пробегает по ее ясному лицу. Вновь перед ней встает картина: тетя Лея и мать Эзры идут впереди, они с Эзрой — сзади. Он читает стихи. Вот на следующий день она спешит к тете Лее, просит устроить еще одну встречу с Эзрой. Она видит себя в том дворе, где человека могли одеть с головы до ног. Ее тянет к людям. Она приходит к Хазанским, любит замечательными картинами,

слушает стихи Элизы. Ей хотелось знать все. Правда, теперь она может сказать, что тогда она была молода, многое в ней было по-детски наивным... Ну, положим, что сейчас она и в самом деле уже не молода... Неужели это правда? Эта мысль позабавила Розу, она уже готова была рассмеяться, но в этот момент до нее донеслись звуки знакомых шагов. Не выдержав, Роза вышла из комнаты.

— Эзра, изо дня в день вы проходите здесь, по почему-то идете мимо моей двери. Вы избегаете меня. А я все жду, что наконец вы зайдете, расскажете, довольны ли вы местом у моего отца, на которое я вас рекомендовала. Почему бы вам не зайти, Эзра?

— Вы совершенно правы, Роза. Я зайду к вам.

— А знаете, Эзра, я теперь стала снова такой же любопытной, как и много лет назад, в юности. Заходите. Расскажите мне что-нибудь. Вам есть о чем рассказать...

Позже, сидя в своей комнате, Роза отошла от первого радостного чувства после встречи с Эзрой. Постепенно ее охватила досада на случившееся. Зачем она вышла к нему? Нелегкая дернула ее. И напрасно приглашала его. Несерьезно это, легкомысленно. Не надо забывать, что она супруга доктора Кадиша, мать двоих детей. Но это еще не все. Если бы дело шло только о необдуманной глупости, Роза могла бы легко обратить все это в шутку. Она еще достаточно молода, ей позволительно и пошутить немного... Так нет же. Роза знает наверняка, что приглашала Эзру вполне серьезно. Да, да! Она звала его, она хотела, чтобы он пришел, чтобы он развеял ее скуку. Интересно послушать человека, не похожего на других. Он может рассказать немало любопытного, как и в те времена, когда они встречались на Коложах. Роза досадовала на свою решительность и, словно выговаривая себе, думала: «Как я могла решиться на такое?» Она размышляла об этом весь день и никак не могла отогнать от себя назойливые мысли.

Проходили недели, месяцы. Изо дня в день Роза слышала шаги Эзры и радовалась, что они не останавливались у ее двери, а спешили дальше. Но вот однажды наступил день, когда Роза с утра стала ждать появления Эзры. И, едва заслышав его шаги, сразу же вышла ему навстречу.

Это было второго марта 1881 года.

В этот день был убит царь Александр II. Если бы не это известие, день навряд ли чем-то отличался бы от многих других дней. Самое начало весны. По ночам еще холодно, речки покрываются тоненькой корочкой льда. Днем светит и пригревает свежее, отдохнувшее за зиму солнце. День и ночь по Неману движутся льдины. В городе идут приготовления к пасхе. Но все это было вчера. А сегодня... Куда подевалось спокойствие? Исчезло, на его место пришел страх. Как и многие другие, Роза

думала: «Хоть бы уж евреев не оказалось среди покушавшихся. Только этого нам не хватало!»

— Что же теперь будет? — вот что хочет Роза узнать у Эзры. Какими бедами все это грозит? Если бы Эзра мог ее успокоить, уверить в том, что все обойдется. Плохие вести по-прежнему тревожат ее душу.

— Я, к сожалению, не могу сказать ничего утешительного. Но ждать хорошего не приходится. Нет. Скорее... наоборот.

Розу эти слова еще больше расстроили, и она с обидой в голосе сказала:

— Что значит ничего? Так ли это? Я не за себя волнуюсь, за своих детей. Я готова биться за них, за моих деток...

Эзра почувствовал себя неловко. Нехорошо лишать человека надежды. И он добавил:

— Время покажет. Пока трудно сказать что-либо определенное. Надо набраться терпения.

Такой ответ Розу не устраивает. Если человек что-то знает, он должен сказать. Терпение — не в ее характере. Особенно сейчас, когда у всех на душе так тревожно.

— Я прошу вас, Эзра. Неужели вы не можете хоть как-то успокоить меня?

— А вы подскажите мне, Роза, что могло бы вас успокоить. Я готов помочь вам.

Роза натянуто улыбнулась. На губах появилось выражение слегка насмешливого удивления.

— Разве вы не знаете, Эзра, какое доброе слово может помочь сейчас? Хочется покоя, чтобы земля ходуном не ходила под ногами. Чтобы нас, упаси бог, ни в чем не обвинили. Я больше всего боюсь, как бы и вправду евреи не были замешаны в этом деле.

Опа ждала, что Эзра скажет в ответ, но он молчал.

— Вы молчите, вы не хотите мне помочь.

— Не в этом дело. Я не хочу вас обманывать.

2

После свадьбы Эзра и Маша поселились в том самом доме, который некогда принадлежал деду. Деревянный дом все так же стоял, тесно сжатый со всех сторон другими домами. Долгое время после смерти матери квартира навевала тоску. Давно не мытые окна и облезлые ставни придавали ей холостяцки неприглядный, запущенный вид. Каждая вещь в доме напоминала Эзре о детских и юношеских годах, но не вызывала теплого чувства домашнего уюта. В памяти всплывал отец в последние годы жизни, когда он много болел и горестно вздыхал.

С появлением Маши в доме стало тепло, уютно и не то что весело, а даже как-то празднично. Все вещи были такими же

старыми, как и сам дом. Это добро передавалось по наследству от деда к отцу, а от отца к сыну. Все так же стоит у стены шкаф со стеклянными дверцами. На верхней полочке лежит та же серебряная чаша, но в ней уже нет ни ваты, ни цитрона. И лампа по-прежнему висит над столом посередине комнаты, но никто не задает больше четыре вопроса на пасху. Те же кровати, те же подушки на них. Вся обстановка осталась точно такой, как и была, только люди здесь уже другие.

Маша оказалась хорошей, домовитой хозяйкой. Она выглядит женственной, и ее очень молодит почти что девичья талия и две косички. Знакомые считают, что по своему умению быстро схватывать суть дела Маша не уступит иному мужчине. К вечеру, когда Эзра должен вернуться с работы, Маша старается выглядеть к его приходу красивой и нарядной. В доме светло и чисто. Каждый день Маша испытывает приятное чувство оттого, что ей не надо больше жить в доме у тетки. Никто больше не будет критически оценивать ее работу и делать замечания. Обычно вечером Эзра приносит накопившиеся за день новости, а Маша рассказывает, что было у нее. Но сегодня супруги молчат, ничего не рассказывают друг другу.

Вчера скончался один царь, сегодня его место на троне занял другой. Страх и опасения велики: как-то еще выместят злобу за гибель царя? Что представляет собой этот новый император? Люди в городе чувствуют себя настороженно, беспокойно.

Маша смотрит на Эзру. Ей хочется знать, какие новости он принес.

— Так-таки ничего, Эзра?

— Видел докторшу. Она встретила меня в коридоре.

«Докторша» — только так Маша именует Розу. «Роза» — это слишком близко, доверительно, «докторша» — позволяет сохранять дистанцию. А Маше именно хочется держаться подальше. Но не потому, что ее тревожат какие-то подозрения, это происходит скорее инстинктивно, помимо ее воли. То, что подчиняется разуму, не подвластно сердцу. Конечно, считает Маша, благородно со стороны Розы вторично рекомендовать Эзру на работу. Но... Маша даже как-то беспокойно вздрагивает. Нет, пусть будет «докторша». Это отдаляет и ни к чему не обязывает.

— Ну?

— Она очень напугана. Говорит, что готова драться за своих детей.

— Эзра, дорогой, — улыбнувшись, сказала Маша, — должна тебе сообщить: у нас с тобой тоже будет за кого драться. — Она ласково положила руку ему на плечо. Молча стояли они, обнявшись, прижимаясь друг к другу. Беспокойство отступило. Сейчас они только муж и жена. Они связаны секретом, о котором пока никто, кроме них, не знает.

В тесноте таких же деревянных домов с темными террасами

обитают разные соседи. Волей-неволей приходится часто встречаться с ними, оттого все знают друг друга достаточно хорошо. Эзру знают не только потому, что он происходит из уважаемой гродненской семьи, но больше из-за забастовки, в которой он участвовал, единственный служащий из конторы. Люди и сейчас помнят, как после этой забастовки он потерял прекрасное место. Теперь, решили люди, надо зайти к Эзре. У него можно узнать, что слышно. Первым, постукивая палочкой по полу, явился меламед Шевах. Люди не перестают удивляться, для чего нужна палка человеку со здоровыми ногами. Шутники острят по его адресу: палка нужна ему не для ног, а для кривой головы. Жена переживает за него. По ее мнению, вся беда заключается в том, что он слишком честен. При этом она добавляет:

— Честностью тоже надо уметь распорядиться! Видели вы когда-нибудь человека, который всем всегда верил?.. Я, к примеру, вообще никому не верю.

Более всего Шевах-меламед верит тому, что напечатано в книгах или в газетах. На то, чтобы самому все обдумывать да прикидывать, у него не хватает ума.

— Эзра! Что творится на белом свете? Царь?! Боже милостивый! Подумать только, царь!

— Реб Шевах, вы бы лучше подумали о себе. У вас ведь жена, дети.

— Вот именно... Именно что жена и дети. Ужас, страх! Скажите мне, что пишут в газетах?

— Пишут всякие небылицы.

От таких слов Шевах даже выронил палку из рук.

— Не берите греха на душу, Эзра. Как можно так говорить? Прощайте...— И он ушел, обиженно стуча палкой по полу.

Хорошо, что Шевах быстро ушел. Какие бы тяжелые мысли ни одолевали, Эзра считает, что сегодняшней вечер должен принадлежать ему и Маше. Отныне они уже не только муж и жена. Сегодня они почувствовали, как становятся отцом и матерью. Но снова приходят люди. Переплетчик Фишл, долговязый, тощий, из-под шапки выбиваются длинные волосы, никого не желает слушать, ни о чем не хочет спрашивать. Только говорить, требовать, обвинять. Сразу же, не успев войти в дом, он сказал:

— Нехорошо, Эзра. Очень плохо. Смотри сам, как много мы, евреи, потеряли от смерти царя. Ты видишь...

— Пока что ничего не вижу.

— Не может быть, чтобы ничего не видел. Тогда посмотри хорошенько. Упразднили кантонистов и рекрутчину. Со временем дали бы и другие послабления. Была надежда. А что теперь... Теперь можно смело сказать: пришла беда — отворяй ворота. Нет, от смерти царя нам добра ждать не приходится. Еще деды наши говорили: «На плохого хозяина не надо кликать беды».

— Я думаю, что раньше было плохо и теперь точно так же плохо.

— Нет, не так же, Эзра, не так же. Молитвенник — не псалтырь. Даже переплет и тот другой. И вы думаете, что это все? Наверняка и нас приплетут к этому делу. Шум, крик, смотрите, что делают евреи! Лезут, куда их не просят. А беды обрушатся на наши головы. Раскрой глаза пошире, Эзра.

Эзра не хочет видеть все в таком мрачном свете. Однако сегодня, когда беда может прийти совершенно неожиданно, и он ощутил беспокойство. У него нет настроения спорить с Фишлом и опровергать его слова.

Маша все время с тревогой прислушивалась к разговору, следя, чтобы Эзра сгоряча не сказал лишнего. Ничего не поделаешь, тяжелые наступили времена.

3

Какая бы беда ни случилась накануне, наутро к ней все же привыкаешь и вчерашний страх воспринимается спокойнее. За ночь люди думали и передумывали, но так ничего и не надумали. На рассвете, когда ночные сумерки еще не успели рассеяться и продолжали окутывать улочки еврейского квартала, пожилые люди и те, что помоложе, уже спешили в синагогу к молитве. В предрассветной тишине чувствовалось легкое дуновение ветерка, холодившего разогретые косточки и напоминавшего о приближении судного дня. Еще по дороге в синагогу, не успев приступить к молитве, прихожане были исполнены мольбы и благоговения. На аналое горят поминальные свечи. С середины потолка светит люстра, но отдаленные уголки синагоги остаются темными, как будто не успели пробудиться ото сна. Вновь вошедший сразу ощущает обволакивающее тепло тающего воска. Слышатся голоса молящихся, облаченных в талесы и филактерии.

К утренней молитве пришли самые набожные прихожане. Сон рано покидает их. Кряхтя поднимаются с постели, совершают омовение рук, произносят благословение и спешат в синагогу славить всевышнего. По обыкновению, одним из первых приходит старый часовщик Исер. Он уже больше не работает, живет у сына. Он молится медленно, каждое слово молитвы произносится с подлинным чувством и благоговением, но так тихо, что почти никто не слышит его. Зато обойщик Гдалье, который молится рядом с ним, выкладывает душу, плачется, словно стремясь отвлечь неминуемую беду. Тем временем небо становится голубым. Светает. Но Гдалье ничего не замечает. Он заглядывает в толстый молитвенник, энергично раскачивается, из глаз его падают слезы. Переплетчик Фишл не может обращаться к господу только словами молитвенника. Раз он пере-

плетчик, значит, имеет к молитвеннику непосредственное отношение и не обязан так уж почитать его как святую реликвию. И кроме того, зачем говорить с господом только словами молитвы, когда и без того есть что сказать.

К утренней молитве пришли и рабочие с табачной фабрики, гильзового завода, из переплетной мастерской, портные, сапожники... Вот зашел сигарщик Хаце, широкоплечий мужчина, с ловкими руками, на которых пожелтели пальцы. Велико его желание сегодня посетовать на жизнь, но нельзя забывать и о работе. Поэтому, хочет он того или нет, пока глаза следят за словами в молитвеннике, уши напряженно прислушиваются, не возвещает ли фабричный гудок о том, что пора приступать к работе.

Пришли в синагогу Нотка-печник и Эля Шлайен. Почти никогда не приходят они не только к первой молитве, но даже ко второй. Но сегодня... Не зря ведь Хана сказала:

— Эля, господь ждет, чтобы к нему пришли со смирением. Творец на небесах воздаст людям за их старание. Сходи сегодня в синагогу к первой молитве, бог даст, беда пройдет стороной.

И Шифра увещевала своего мужа:

— Нотеле, дорогой, иди в синагогу. Время требует этого.

По дороге Нотка сказал Эле:

— Вот у кого надо учиться быть мужчинами. У наших жен.

Жизнь в городе шла своим чередом: люди работали, торговали, кто-то рождался и кто-то умирал. Все ближе весна, все увереннее ее дыхание. Мама с детишками прогуливаются в швейцарском парке. И старые липы тоже чувствуют приближение весны. Безмолвные свидетели, они помнят на своем веку много весен и много разных событий. Здесь, в Гродно, в 1793 году состоялся последний сейм Польской республики, который утвердил раздел Польши. Помнят деревья, как в 1795 году Гродно после третьего раздела Польши отошел к России. Видели они французов в 1812 году, восстания 1831 и 1863 годов. И кто знает, сколько всего им еще предстоит увидеть. Вот о чем думает Эзра, проходя мимо парка по пути к дому Берла Федера. С самого утра из головы его не выходит радостная новость, которую сообщила ему Маша. Он даже почувствовал себя солиднее, как и подобает будущему отцу. Вместе с тем невольно охватывает и беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне. Вспоминаются слова Розы о ее готовности драться за своих детей. Теперь ему близко и созвучно ее желание драться, противостоять. Он зашел в дом Федеров и, как всегда, собирался пройти мимо дверей Розы. В этот момент она вышла из своей комнаты. Эзра рад представившейся возможности повидать Розу. Наверное, так уж суждено, что она будет первая, с кем он поделится своей радостью — у него будет ребенок. Но он тут же

спохватился. Нет, надо воздержаться. Его откровенность может огорчить Машу.

— Видите, я жду вас, Эзра. Сегодня вы меня чем-нибудь утешите?..

— Сегодня, Роза, непременно. Все будет хорошо. Впрочем, если верить газетам...

— Что газеты? Я ведь не их спрашиваю, а вас. Вы обещали мне помочь.

— Конечно, помочь, но...

— Но вы не хотите меня обманывать.

— Да, Роза, это так.

— Вы знаете, Эзра, иногда лучше обмануть, чем сказать горькую правду.

— Почему все должно обязательно быть плохо? — Эзра почувствовал, что с трудом сдерживается, в нем крепло желание поделиться с Розой своим секретом. Но... нельзя.

— Вы говорите, плохо? А я хочу слышать только хорошее, — повысила голос Роза. — Говорите, рассказывайте... Я хочу слышать! — В этом требовании уже слышались капризные нотки.

Эзра умеет хранить чужие тайны, он не раз это доказывал. Но, может быть, их с Машей тайна вовсе не такая уж тайна. К тому же очень хочется, чтобы кто-нибудь поделился твою радость. Если уж начистоту, в нем заговорило и некоторое чувство мужской гордости — смотрите, я буду отцом. И Эзра сообщил эту новость Розе.

Он приготовился увидеть ее радость, выслушать теплые слова поздравления, но вместо этого с удивлением обнаружил, как потемнело ее лицо, побледнели полные губы. Она выдавила из себя: «Надо вас поздравить». Но слова эти были сказаны так сухо и недовольно, что могло показаться, будто это известие вызвало у нее сердечную боль. Неужели Роза такая черствая?

— Не могу понять, чем я мог огорчить вас!

— Чем? Вы по-прежнему ничего не понимаете. Я ревную. Можете это запомнить.

— Ревнуете...

— Да. Я любила вас когда-то. Когда-то... Идите. Вас ждет мой отец. — И она закрыла за собой дверь.

4

Берл Федер и в самом деле ждал прихода Эзры. И он и Сора радовались, что к ним заходит живой человек, который приносит в дом новости и приветы от людей.

Дела у Федеров понемногу пошли на поправку. Однако здоровье продолжало ухудшаться. Берла еще можно узнать. Пожилой, седой человек, но в глазах светится живость. А вот Сора совсем сдала. Она похудела, сморщилась, выглядит совсем ма-

ленькой, на левой щеке появилось старческое темное пятно. Она хорошо помнит себя в те далекие времена, когда была молода и красива. До сегодняшнего дня она сохранила ту любовь, которую испытывала к дочери, когда Роза была совсем юной девушкой. Очень скучает по внучатам, а те довольно редко приходят к бабушке в гости. О младшей сестре Лее она почти совсем забыла. Берл и Сора сидели на кушетке с одной стороны стола, Эзре предложили мягкое кресло с другой. О делах уже переговаривали. Теперь Берл и Сора ждут, что еще скажет им Эзра. А он никак не может отделаться от того впечатления, которое произвели на него слова Розы. «Ревнует, когда-то любила...» Неожиданное признание... Почему именно сейчас? Он женатый человек, готовится стать отцом... Что это? Неужели же очередная глупая шутка избалованной дамочки? Поглощенный этими мыслями, Эзра рассеянно слушает вопросы, которые задают Берл и Сора, и в его ответах нет обычной уверенности.

— Что, в самом деле плохие вести? — спрашивает Берл.

— Получается, что и хорошие люди иногда превращаются в плохих.

Сора одобрительно кивает головой, хотя ни она, ни Берл не совсем понимают, что означают эти слова. Но вывод из них напрашивается один: дела в самом деле плохие.

Эзра спешит вернуться домой пораньше, но не только потому, что сегодня пятница. Он беспокоится о Маше. Может быть, она неважно чувствует себя. Про себя он думает: «Маша совершенно права. Недаром она прозвала Розу «докторшей».

Маша встречает его по-субботнему радостно и весело. На душе у Эзры становится легче. Канун субботы, как всегда, вступал в дом с какой-то торжественной приподнятостью, в окна заглядывал теплый предвечерний отсвет. Наступает желанный час отдохновения, пред ним отступают все будничные тяготы и заботы, воздух дышит праздничным покоем. Эзра и Маша встречают субботу. Они нежно и ласково смотрят в глаза друг другу. Потом Эзра говорит ей словами из «Песни песней»: «Приди ко мне, возлюбленная моя!»

О новостях Маша сегодня не спрашивает. Эзра тоже ничего не рассказывает. Только перед самым сном Маша спросила:

— Ну что, выходила «докторша» тебя встречать?

— Выходила.

— И что она сказала?

— Сказала, что отец ждет меня.

— Не пойму... Что мы, в конце концов, хотим от нее?

Хотя на самом деле Маша испытывала к Розе не такие уж добрые чувства, сейчас она решила сказать, что ничего плохого о ней не думает.

Еще с детства Эзра усвоил, что ради мира и спокойствия в доме надо иногда утаивать правду. Стоит ему только рассказать все как есть, и он причинит Маше боль, даст ей повод для

раздумий и переживаний. Для чего это нужно? Ради каприза, ради забавы «докторши»? Ни за что! С наступлением субботы Эзра почувствовал, как в него вселяется и субботнее настроение. Не хочется больше ни о чем думать. Все будет хорошо. Все!

На следующий день в гости к Маше и Эзре пришли сестры Гитл и Перл. Девушки были не одни. Их сопровождали молодые люди. Позже подошли Фейгеле и Рохеле со своим женихом. И субботняя тишина, царившая в доме, вдруг оживилась смехом и шутками девушек и парней. Маша хлопотала с угощением для гостей. Одна только Фейгеле выглядела в обществе молодежи постаревшей и озабоченной. Тяжело ей оставаться в доме одной. Она привыкла быть все время среди людей, в особенности среди тех, которые бывали в доме при жизни Менахема. Фейгеле сидит, прислонившись спиной к стене, и губы ее шепчут: «Менахем, умница моя, учитель мой!» Жених Рохеле время от времени поглядывает в ее сторону. Он основательно влюблен в свою невесту. А вот полюбит ли тещу? Из любви к Рохеле он старается быть внимательным и к Фейгеле.

— Почему вы сидите в стороне? Мы же свои люди.

— Правда, мама. Иди к нам.

За столом то же оживление. Жених Рохеле, пекарь Абе, пребывает в прекрасном расположении духа. Абе — широкоплечий, поджарый парень с мускулистыми руками рабочего человека. Эти руки всегда готовы начать месить тесто. Черноволосый Абе очень любит свою белокурую невесту, которая все время смотрит на него с доброжелательной улыбкой на лице.

— Месить тесто еще не значит печь баранки,— замечает Абе.

Все засмеялись. Рохеле просто сияла от удовольствия.

— Тем более не есть баранки,— отозвалась Перл. Она давно оставила свою стеснительность и больше не прячется за спину сестры.

Фейгеле не совсем поняла, при чем здесь тесто и баранки: она села к столу позже других. Но все это ей не очень-то по душе. Когда был жив Менахем, говорили в основном о серьезных вещах. И Эзра удивляет ее.

Эзра молчит, но про себя пытается понять, почему разговор идет о пустяках. Предпочитают острить и отшучиваться. Никто не хочет первым затронуть главное, словно боится обжечься. А что есть главное? Никто не знает, что их всех ожидает завтра. До настоящего момента Эзра представлял себе все достаточно ясно. Он все знал наперед. По крайней мере, так ему казалось. Теперь наступает время, когда обо всем надо хорошенько подумать. Нельзя молчать... Но... С чего же все-таки начать?

Маша смотрит на Эзру с удивлением. Ей тоже непонятно, отчего он сегодня такой молчаливый.

Приятель Переле по имени Перец спокойно смотрит своими

добрыми серыми глазами. Его трудно чем-либо удивить. В прошлом слушатель ешибота, он теперь работает на табачной фабрике. Перец знает хорошо не только религиозные книги, но и современные, такие, как «Маленькие люди» и «Кляча» Менделе Мойхер-Сфорима.

— Смутное время наступает,— говорит Перец.— Нельзя ни на кого положиться, нельзя слепо следовать за кем-то. Надеяться надо только на себя самого.

— Правильно говоришь, Перец. Но как это сделать? Этого не знает никто.

5

Как только в синагогах заканчивается вечерняя молитва, а в домах зажигается свет, так Шимен-Лейви открывает свою харчевню «Семь грошей». Собственно, вывески с таким названием нет, нигде оно не упоминается, но каждый знает, где эта харчевня находится. Более того, каждый может легко объяснить, почему харчевня так называется,— за семь грошей здесь можно заказать скромный кошерный обед: два гроша — хлеб, еще два гроша — селедка, три гроша — тарелка супа. В субботу вечером у Шимен-Лейви собираются завсегдатаи шинка — рыбаки, грузчики, дровосеки и чернорабочие. Изю дня в день приходят они сюда пропустить рюмку водки, выпить чарку вина, закусить рубленой селедкой, съесть тарелку бульона с лапшой или перловой каши. Но на исходе субботы в харчевне блюда иного сорта. Нет ни водки, ни вина. Посреди комнаты на столе ставится большой пузатый самовар. На всех концах стола расставлена глиняная посуда, разложены оловянные ложки, деревянные солонки, в глубокой миске крошена хала, на тарелке маленькие кусочки гусиного сала. Каждый, кто заходит, кладет себе на тарелку кусочки халы, добавляет соли и наливает из самовара крутого кипятку. Получается блюдо, которое здесь зовут «Прощай, суббота». Невзирая на субботу, за столом нередко можно слышать довольно крепкие выражения, которыми обмениваются сидящие. Сегодня все сидит притихшие, молча смотрят в свои тарелки. На душе тоскливо, доходят тревожные вести, никто не знает, чего можно ожидать. Неожиданно для всех молчание нарушил извозчик Залман, который возит сухой песок и гальку. Обычно Залман редко вступал в разговор.

— Люди, помолимся. Тяжелое время наступает.

Залман начал произносить слова, вслед за ним невнятно повторяли другие. Но слово «аминь» произносили громко и отчетливо. Залман высокого роста, у него небольшая светлая борода и голубые девичьи глаза. Всю неделю Залман работает в поте лица, а в субботу, вкусив жаркое, читает священные книги. Когда ударяют сильные морозы, он идет за повозкой, облачив-

шись в старенькую залатанную женину душегрейку. Насмешки пропускает мимо ушей. Молитва закончилась, но никто не торопится домой. Залман тяжело вздыхает и говорит:

— Бог всемогущий, не карай нас. Пошли нам избавление.

Грузчик Мешл недоволен:

— Залман, вечно ты полагаешься на кого-то, как на душегрейку своей бабы. В бога надо веровать, один он у нас. Но с богом хорошо отправляться в синагогу. Сейчас надо думать о себе, загодя готовить кулак, чтобы другой наперед свой кулак не выставил.

— Нет, Мешл, я предпочитаю довериться всевышнему.

6

Весна выдалась теплая. Над городом лил спокойный и даже приятный дождик. После дождя заметно посветлело, небо прояснялось, становилось все чище и чище. Наконец выглянуло солнышко, и от его света все вокруг ожило. Эзра тоже чувствовал, как легко и свободно дышится. Даже тело стало легче, в душе воцарилось спокойствие. В таком приподнятом настроении Эзра явился к Федерам. Он намеревался пройти коридор как можно тише, чтобы не услышали в квартире доктора Кадиша. Но напрасно... И сегодня Роза вышла из комнаты и поприветствовала его с добрым весенним днем.

Тремя днями ранее, в пятницу, Роза сильно сокрушалась из-за того, что сказала Эзре о своей ревности. Прежде всего, она досадовала на себя потому, что не знала, правда это или нет. Но даже если это правда, стоило ли распространяться об этом, подобно маленькой девочке, которой не терпится разболтать свои секреты. Роза знает, что такое водится за ней: сначала делать, а потом жалеть. И она твердо решила: больше никакой чистосердечности. Но этого мало. Надо постараться сгладить то, что случилось в пятницу. Надо дать понять, что ее ревность вызвана не любовью к Эзре, а тем, что Маша ждет ребенка.

И Роза говорит:

— В такой замечательный день вы конечно же явились с добрыми вестями. А, Эзра?

— Знаете, Роза, в такой день, как сегодня, мне кажется, что все беды миновали нас. По крайней мере, хочется верить, что это так.

— Спасибо вам, Эзра, за эти хорошие слова. Я чувствую то же самое. Надеюсь, что все будет хорошо. А вы как думаете?

— Сегодня я думаю точно так же.

— Вы правы, Эзра. Знаете, в такой день хочется вспомнить молодость. Еще раз побывать на Коложах, у церквушки, у грушевого дерева, оглянуться и вспомнить былое. А вы не испытываете такого желания? Мне кажется, что и у вас...

— Есть у меня такое желание. Почему бы ему и не быть?

— Я очень рада. В таком случае не совершить ли нам совместную прогулку?

— Отчего бы и нет?

— Завтра! Вы не против?

Эзра рассматривает слова «отчего бы и нет» как некую отговорку для себя самого, ограждающую его от определенного ответа. Он не сказал ни да, ни нет. Он колеблется. А может быть, и не колеблется, а просто не хочет. Но сразу сказать «нет» неудобно, некрасиво, просто даже не по-мужски. В конце концов, она только спрашивает. Никто не заставляет его соглашаться.

Эзра напомнил Розе, что ему пора идти к ее отцу.

— Я вижу, вам скучно со мной! Ну, ну, хорошо... Я понимаю. Идите к отцу. Так не забудьте. Завтра.

В погожий весенний день Берл и Сора тоже выглядят живее, веселее. Радуются тому, что на старости лет живут вместе под собственной крышей. Обоим хочется, чтобы этот светлый солнечный день не был ничем омрачен. Поэтому, когда Эзра вошел в комнату с улыбкой на лице и бодро поприветствовал их, они почувствовали, что их пожелания сбываются.

— Вы с добрыми вестями, Эзра?

— Всем подавай только хорошие вести. Да будет так!

Позже, когда он, переговорив о делах, вышел из комнаты, Роза снова выглянула:

— Вы не забыли? Завтра.

После этого напоминания Эзра окончательно понял, что это его «отчего бы и нет?» не более чем самообман. Роза настроена вполне решительно. Она не отступится, пока не добьется своего. Что она, собственно, от него хочет? Думает, нашла себе мальчика позабавиться, заполнить им пустоту своей жизни. Она ведь не настолько глупа, чтобы не понимать, как сильно она ошибается в нем. И чтобы подтвердить свою решимость не поддаться, Эзра говорит почти вслух: нет, что было, то прошло. Он совершенно уверен в себе и спокоен за себя. Нет и еще раз нет!

Домой Эзра пришел, полный желания выказать Маше свою преданность. Нежно обнял вышедшую навстречу жену, и казалось, что их любовь только в самом начале. Даже вечер и тот похож на влюбленного, тихий, голубой, с зеленой каймой над горизонтом, навевающей весенние мечты. Только у пожилых людей они связаны с прошлым, а у молодых — с настоящим и будущим.

— Как можно сидеть дома в такой вечер? Мы так давно не гуляли с тобой, Эзра...

Они вышли из дома и направились в сторону швейцарского парка.

Пробыв недолго в его спокойной тишине, они пошли к Неману посмотреть, какой он стал полноводный, когда в него устремились потоки с гор, маленьких речек и ручейков. С тихим

всплеском волны бегут в темпоте, настигая и обгоняя друг друга. Маша и Эзра поднимаются к дикой группе, которая стоит, по весне размечтавшись о солнце и скором цветении. Они идут не спеша, держась за руки, улыбаются чудному вечеру, радуются своей любви.

7

В городе все спокойно. Некоторые уже считают, что переполошились совершенно напрасно. Бог на небе все видит и знает, как надо править миром. С каждым днем становится теплее и солнечнее. Приближается пасха. Ранним утром Эзра вышел из дома в приподнятом настроении, находясь под впечатлением от вчерашнего вечера, от прогулки на Коложах и от Машинной любви. Спокойный и уверенный в себе, Эзра переступил порог дома Федеров. Но не успел сделать и нескольких шагов по коридору, как увидел Розу. Она стояла перед ним в легком пальто с большими пуговицами, на голове ее была широкополая шляпа.

— Эзра, какой вы молодец, что пришли вовремя.

— Вы имеете в виду, к вашему отцу...

— Нет, нет, совсем не это. Можете на сегодня забыть о работе. Я с ним обо всем договорилась.

— Мне надо ему передать...

— Сегодня вы свободны. Завтра вы вернетесь к делам. А сегодняшний день — мой. Идемте.— Роза двумя пальцами потянула Эзру за рукав.— Мне надо вам кое-что сказать.

Они уже вышли из дома, а Роза все продолжала держать его за рукав. Оба хорошо помнили дорогу. Солидность делает Розу несколько ниже, чем на самом деле. А Эзра, наоборот, благодаря густой шапке волос выглядит выше. Роза явно довольна, прямо-таки сияет, даже глаза и те радостно смеются. Все выходит так, как она задумала. Какой он стал послушный, этот Эзра, он, не похожий на других — забастовщик, человек со своими взглядами. Он слушает ее! Но почему-то избегает смотреть в ее сторону, — видно, что-то гложет его. Роза понимает, что Эзра не решился отказать и пошел с ней, но как-то нехотя, словно его волокли на веревке. Надо сказать ему ласковое слово, чтобы он повеселел, почувствовал себя свободнее и увереннее.

— Эзра, вы сердитесь на меня? Вы даже не смотрите в мою сторону.

— С чего вы взяли, что я сержусь?

— Мы поднимаемся в гору, а вы даже не замечаете, что с вами идет дама... Я думаю, что ее полагается взять под руку.

— Извините...

— У вас почему-то всегда безжизненная рука.

— Как это безжизненная?

— Я ее совсем не чувствую. Я могу в любую минуту упасть.

— Зачем же падать? — Эзра крепче прижал к себе локоть Розы.

— Вот теперь я спокойна. Сейчас, когда мы вышли к реке, я могу спросить у вас то, что хотела. Скажите мне честно, Эзра. Вы когда-нибудь любили меня хоть немножко?

— Немножко? Больше, чем немножко.

— И я тоже. Помните, как вы читали мне стихи. Жаль, что я их не запомнила. Только в последнее время я отчетливо поняла, что любила вас тогда. Но тогда, тогда... Конечно, вы можете подумать, что я веду с вами игру. Нет, слишком поздно. Почему я ничего не говорила раньше? Почему? Думаете, что я все делаю назло Маше... Нет! Иногда в меня вселяется глупый каприз, не скрою. Но мне скучно. Расскажите что-нибудь, Эзра. Помните, как интересно вы рассказывали в наши первые встречи?

— Хочу быть столь же откровенным. Мои чувства к вам не угасли. Но знайте, что сейчас я гуляю с вами против своей воли.

— Я понимаю. Вы думаете обо мне... Вы считаете меня избалованной дамочкой.

— Да, вы угадали.

— Но что же мне делать, Эзра? Посоветуйте что-нибудь. Бывают моменты, когда я сама себя не узнаю, кажусь себе лишним, ненужным человеком. В голову приходят разные мысли. Вы еще меня не знаете. Я могу быть капризной, могу быть влюбленной, но я чувствую в себе силы сделать что-то. Если бы меня позвали, если бы я была кому-то нужна... Эзра, я могу бороться. Верьте мне!

Небольшой участок пути вдоль реки они прошли молча. Поднявшись к грушевому дереву, Роза еще крепче взяла Эзру под руку. Эзра засомневался. Кто же в ком ошибается: он в Розе или она в нем?

— О чем вы все время думаете, Эзра?

— Я думаю, что по-прежнему не могу вас понять.

— О, понять другого, дорогой мой, не так-то просто. А разве я вас понимаю? Кто вы такой есть: скромный Эзра, державшийся от меня на почтительном расстоянии? Вы увлекались поэзией и в то же время принимали участие в забастовке, потеряли из-за этого работу. Я всегда считала вас не похожим на других, моя тетя Лея всегда вас защищала. Вы совершенно отделились от меня, избегаете и боитесь, словно я собираюсь вас съесть... Так какой же вы, Эзра?

— По-видимому, именно такой, каким вы меня обрисовали.

После этого объяснения оба испытали облегчение и уже смелее смотрели друг другу в глаза, не боясь даже говорить комплименты. Сейчас это не более чем признания, которые ни к чему не обязывают. Эзра не чувствует за собой вины перед Машей.

По крайней мере, он высказался, и все стало на свои места. И Роза тоже не переступила черту. Эзра нравится ей. Но ведь и не более того. И если даже она позволит себе поцеловать его, то только в счет того, что было раньше, когда она немножко любила его.

Хотя эти чувства и остались в прошлом, сегодня они как бы заново ожили, сблизили и породнили Эзру и Розу. Они возвращались домой с чувством, что совершили нечто очень ответственное и важное.

8

Канун пасхи. В городе тихо, люди перестали беспокоиться и ждать тревожных вестей. В домах уже приготовлена маца, завернутая в белые наволочки; ее аккуратно и бережно хранят отдельно от всего. Хозяйки приводят в порядок жилье, убирают, скоблят, вычищают и моют. Дети гремят полными карманами орехов. Празднично светит теплое солнце. Роза пригласила на пасху Эзру вместе с Машей. Супруги долго не могли решить, надо ли им идти в гости к Кадишам.

— Посмотрим... Может быть, вообще будет дождливый день.

К Маше пришла ее мать — Пеша-папиросница, с намерением помочь дочери по хозяйству: прибрать в доме и приготовить кое-что из пасхальных блюд. Пеша рада за свою старшую дочь. Эзра ей очень по душе, и, кроме того, она видит, что молодые живут в согласии.

— Машенька, да поможет вам бог. Все успокоилось, сам господь велел заводить детей. Живите себе счастливо. А люди свадьбы справляют.

— Кто же?

За неделю до пасхи в большом свадебном зале праздновали веселую свадьбу Кусиела Ципера и Ципки Файер. Собралось довольно много гостей. Жених и невеста позаботились о том, чтобы все было пристойно, кошерно, как предписывает закон. На свадьбу были приглашены благочестивые прихожане, местный раввин, реб Иоселе Раковицкий, городской магид и раввин из мясницкой синагоги. Гости должны были понимать это как желание Кусиела серьезно взяться за ум и стать добродетельным человеком. Ципка Файер стала хозяйкой в квартире Кусиела, где в каждом углу живет постоялец. Деньги с постояльцев она берет строго в назначенный срок. Деньги любят счет.

Среди приглашенных были и Эля Шлайен со своей набожной женой Ханой. Одно это уже являлось свидетельством добропорядочных намерений жениха. Не обошлось на свадьбе и

без друзей-приятелей. Они держались скромно, терпеливо дожидаясь, пока к столу подадут рыбу, мясо, фрукты. Но стоило им только пропустить пару рюмок, как дружки мигом забыли все наставления Кусиела. Начали вворачивать в разговор «смачные» словечки, а затем Рейзл-дешевка запела такую песенку:

Ой, что у нас сегодня
Во городе Городне,
У Куськи-то невеста
Что булочка из теста.
Скромна, мила, примерна,
На ней печать — «кошерно».

Вся компания дружков громко загоготала. Гости неодобрительно покосились в их сторону. Можно ли так себя вести? Но Рейзеле уже не остановить:

Ой, что у нас сегодня
Во городе Городне,
Нашла же себе Ципкеле
Трефного муженька...

Один из приличных гостей не выдержал и хлопнул ладонью по столу:

— Фу! Не срамите жениха с невестой.

Рейзл между тем уже наполняет бокалы водкой. Выпив, компания опять взялась за свое: крики, громкий смех, опять пошли в ход крепкие выражения.

— Рейзл, спой еще!

Наконец невеста поднялась из-за стола и прошествовала в своем свадебном платье к тому месту, где веселилась компания. Она посмотрела на них зелеными глазами и сказала, может быть, излишне спокойно для Ципки Файер, которую привыкли видеть другой:

— Чтоб было тихо за столом! Не то будете иметь дело с нами.

С другого конца отозвалась и Хана:

— С нами тоже. А ну тихо!

Сразу воцарилось спокойствие. Все пошло своим чередом.

Наступила пасха. Но вместе с праздниками до города донеслись очень неприятные известия. Люди шли друг к другу в гости, главным образом, не для того, чтобы поздравить с праздником, не для того, чтобы отведать угощение. У всех на уме были только страшные вести о начавшихся погромах.

— Что же будет дальше?

В последний день пасхи Эзра и Маша были в гостях у доктора Кадиша. Авигдор и Роза приняли их очень радушно. Но особого веселья не было. Доктор держался серьезно. Можно было подумать, что вот-вот он захочет прослушать дуэль у своих

гостей. Роза молчала, больше слушала, что говорит муж. На ней было темное платье с красными пуговицами, и Маша подметила, что оно делало ее старше. Как бы спохватившись, Роза пригласила гостей к столу, но сейчас у всех было такое ощущение, что это лишнее. Однако хороший тон остается хорошим тоном. Коль скоро гости приглашены — должно быть угощение. Все расселись за столом и так и сидели чинно, почти ни к чему не притрагиваясь.

Маша и Эзра уже собирались уходить, когда к Кадишам пришли новые гости — тетя Лея и Берта Кава. Авигдор и Роза уговорили Машу и Эзру побыть еще немного. Сейчас все заметили, как тетя Лея стала не то что седая — скорее серебряная. Но на щеках по-прежнему не видно морщинок. И седина все так же больше придает ей солидность и выражение ума, нежели портит ее. Можно даже сказать, что с возрастом она становится красивее, чем в молодости. Берта Кава все такая же красивая, статная, светловолосая, дышащая жизнерадостностью и энергией.

С приходом новых гостей обстановка стала более раскованной. Роза показала себя радушной хозяйкой. Но про себя ей хотелось знать, что привело к ней Лею и Берту Каву столь неожиданно в последний день пасхи. Роза заметила, что Лея держится беспокойно, словно что-то омрачает ей душу. Сама Лея ничего не говорила о том, что ее волнует, речь шла о малоинтересных вещах, разговор ради разговора. Только когда Эзра поинтересовался, что делает Тевка, Лея не выдержала и вздохнула. Но тут уже вмешалась Роза:

— Что там у вас, тетя?

— Пока ничего, но думаю, что ждать можно всего.

— Ты нас не пугай. Лучше расскажи...

— А что рассказывать... Все знают, как тяжело сейчас на душе. Тевка очень переживает из-за этих погромов. Говорит, что нельзя молчать. Он может накликать на себя беду.

— Лея, дорогая, вы не правы. Молодым людям трудно молчать. Может, нам и вправду следует готовиться? — сказала Берта.

— Как это готовиться? Что надо делать? — вступил в разговор Эзра, который хочет знать обо всем как можно больше.

— Я боюсь, — ответила Лея, — что они могут ринуться в драку.

— С кем драться?

— Да... С кем?

— Слушай, тетя Лея, что я скажу. Я тоже готова драться.

— Ты, Роза?

— Да. За моих детей, за народ.

— Правильно, Роза, правильно, — поддержала Берта Кава. Тетя Лея сокрушенно покачала головой:

— Не могу понять, то ли я тронулась умом, то ли мир сума-

сшедший. Я начинаю дрожать, когда речь заходит о том, чтобы драться. Роза, для тебя это — одни разговоры, а для Тевки все это очень серьезно.

9

Маша и Эзра не заметили, как прошел последний день пасхи. Наступил вечер, уже не праздничный, будничный, хотя пасха еще продолжала гостить в доме.

На исходе праздника никого не ждут. Но гость все-таки пришел. Это был приятель Переле, Перец.

— Что вы сидите дома? Пасха кончилась. Пора отведать и непасхальной пищи.

— Неплохая мысль, Перец. Идем.

После того как целую неделю на зубах хрустела только маца, стали дразнить вкусные запахи, исходившие из кондитерской. Свежие теплые бублики, засахаренные крендели, коврижки с маком. Теплый вечер еще дышит праздником, хотя город уже вступает в будни. Высокий тихий небосклон никак не хочет менять свой праздничный облик, на нем так и высыпали яркие звезды. Возле кондитерской собралось много народу. Но никто не заходит внутрь. Вскоре Эзра и Маша узнали, в чем дело. Оказывается, городской магид стоял недалеко от турецкой кондитерской и страдал всех, кто намеревался есть хлеб, да еще из теста, заквашенного в дни пасхи. И это в то время, когда льется невинная кровь. Не надо грешить, тогда господь сжалятся над народом. Магид призывает не гневить бога и разойтись. Люди бродят вокруг кондитерской, но по-прежнему боятся зайти. В конце концов они сочли благоразумным послушаться магиды.

Назавтра, когда прихожане собрались в синагоге к утренней молитве, говорили о случившемся. Хвалили и магиды, не давшего свершиться греху, и самих людей, внявших его словам. Те утренние прихожане, что спешат скорее на работу, не располагали временем долго слушать и говорить, но и они обменялись некоторыми словами и замечаниями.

— Вы только подумайте... Магид хочет одним бубликом заткнуть все дыры. Бублик туда, бублик сюда.— Так говорит Фишл, стоя у дверей. Пришел сапожник Янкл и рассказал, что уже слышал угрозы в адрес евреев: на троицу собирались с ними расквитаться, это, мол, они убили царя.

К вечеру дошел новый слух — на новом рынке побили евреев. При этом кричали, что обирание евреев одобряет сам царь.

Вечером в субботу в харчевне у Шимена-Лейви за большим столом с самоваром происходила обычная субботняя трапеза под названием «Прощай, суббота». Однако и здесь все словно ощу-

щали нависшую опасность. Даже молчальник Залман сегодня не так молчалив и спокоен.

— Ты был прав, — говорит он Мешлу. — Бог не хочет, чтобы мы молчали. Надо быть наготове.

10

Розе так тяжело, что она не находит себе места. Можно ли в такое время спокойно сидеть сложа руки? Все, что в молодости было для нее чуждым и непонятным, теперь стало главным в жизни.

На Эзру она в обиде. Она нисколько не сомневается в том, что этот забастовщик не молчит, наверняка он что-то делает. Она пыталась поговорить с ним, но он притворился, будто не понимает, о чем речь. В порыве откровенности она ему сказала: «Если бы меня позвали, если бы я была кому-то нужна...» Наверное, он ей не доверяет. А он как раз тот человек, к кому она испытывает доверие и симпатию. На Эзру можно положиться. Однако на самом деле Эзра находится в нерешительности. Он понимает, конечно, что сидеть сложа руки не годится. Но что все-таки надо делать? К чему надо призывать? С забастовкой все было проще и понятнее, там видна была цель: вместо семнадцати с половиной копеек за тысячу штук папирос — получать тридцать.

Каждое утро, в одно и то же время Эзра приходит в дом Берла Федера. К его радости, после пасхи Роза ни разу не вышла ему навстречу.

В городе опять затишье. Никто не угрожает и не страшает. И Роза понемногу успокаивается. Тревожные мысли покидают ее, и она начинает забывать, что намеревалась идти драться. Снова обратилась она мыслями к Эзре, который каждый день поспешно проходит мимо ее дверей. Но сама она больше не выйдет ему навстречу. Хочет видеть ее — пусть заходит.

В то утро Эзра Мазовер, как обычно, явился в дом Федеров, только не к своему хозяину.

11

Когда Роза поняла, что она беременна и ей вновь предстоит пройти через материнство, она не огорчилась, просто ее охватила тоска по Эзре. Он единственный человек, с кем она могла бы поделиться этим секретом. Только он мог бы поддержать ее в такой час. В это утро Роза стояла у дверей своей комнаты и ждала его прихода. Но раздавшиеся шаги были так торопливы, — казалось, они спешили поскорее уйти от опасности... И Роза дверь не открыла, гордость не позволила ей сделать это. Не-

ужели он ничего не видит и не понимает? Сердце щемит обида. Раз так, пусть уж он ничего не знает. С каждым днем это желание укрепляется в Розе все больше и больше. Зачем ему знать об этом, не он ведь отец ребенка. Когда все же случай привел ее встретиться с ним, она спросила, что он поделывает. И больше ничего. Эзре все дается тяжелее. Он не считает себя наивным человеком. По-мужски переживает случившееся. Разве он не понимал, куда и зачем приглашала его Роза. Так некогда жена Потифара вела Иосифа. Все-то он понимал, но что делать, если это понимание заглушила горячая кровь. А кровь знала только одно: желание. Назад не вернешь. Теперь стыдно перед самим собой, перед Машей, хотя никто, кроме него и Розы, не знает о случившемся.

Как-то, придя в гости к Розе, Берта Кава заметила:

— Милая моя, сдается мне...

— Да, Берта, да. И можете мне поверить, если суждено родиться мальчику, хочу, чтобы он вырос настоящим героем. Так я его буду воспитывать.

Обеим женщинам показалось, что этих слов уже достаточно: они не сидят сложа руки, они действуют... Берта радостно откликнулась:

— Вы счастливая мать!

Если бы не надо было каждый день являться к Федерам, проходить мимо дверей Розы, которые могут в любую минуту открыться и тогда последуют призывы, вопросы, просьбы, Эзра чувствовал бы себя намного спокойнее. Но у него нет другого выхода. Сегодня в субботу подле Маши ему легко и привольно. Но все еще в доме гости: Переле и ее лохматый дружок Перец. Его обычно спокойные серые глаза сегодня не так спокойны. Переле смотрит на него с лукавой улыбкой, из которой можно заключить, что Перец собирается сказать нечто важное. Молодой человек, обладатель рук рабочего и ученой головы, склонен к рассуждениям, но до всего хочет дойти непременно сам. Сейчас он уккоризненно спрашивает у Эзры:

— Почему ты молчишь?

— А ты почему?

— Я-то не молчу. Я думаю.

— И что ты надумал?

— Я пришел, например, к выводу, что ум хорошо, а два и больше — лучше. Я думаю, можно насчитать пять-шесть человек, которые могли бы собраться вместе и хорошенько обдумать, что и как... Прежде всего, надо знать, что мы хотим и к чему идем.

— Ты абсолютно прав.

— Раз так, то порядок. Сегодня мы начинаем большое дело. Переле смотрит на Переца с восхищением.

Когда молодые люди ушли, Маша сказала Эзре:

— Милый, а не слишком ли рискованное дело вы затеваете? Помни, что ты будешь отцом.

— Как можно об этом забыть?

— Я боюсь... Я могу остаться одна с младенцем на руках. Подумай хорошенько. Прошу тебя.

В один из солпечных летних дней Берл Федер вдруг почувствовал себя нехорошо. Две недели он лежал в постели, каждый день приходили доктора. А ночью, когда все в доме спали, Берл Федер тихо скончался.

12

Горестные беспокойные дни, когда хоронили Берла Федерера, остались позади. После похорон и Эзра и Роза почувствовали, как вновь отдаляются друг от друга, близится расставание. Но это еще не все. Эзра опять остается без работы. Положение серьезное. Он готовится стать отцом, и все может стать именно так, как предсказывала Маша: с ребенком на руках, без копейки денег. Розу удручает предстоящее расставание и то, что Эзра остается без места. Правда, еще совсем недавно она думала: хорошо, что Эзра ничего не знает. «Не он отец ребенка». Но хорошо так думать, когда каждый день слышишь в доме его шаги, захотела — открыла дверь, позвала его или спросила о чем-то. Теперь она может потерять его навсегда. Ей кажется, что вместе с отцом она может потерять и ребенка, а ей так хочется, чтобы в ее жизни был и тот и другой. И, как некогда в молодости, в трудную минуту она обратилась за советом к тете Лее.

У тети Лей свои заботы. Все ее помыслы заняты исключительно Тевкой. Он сдал экзамены за восемь классов гимназии. Что делать дальше? Вот это «что дальше?» и не дает тете Лее покоя. Пока они вместе, все хорошо. А что будет завтра? Ее бросает в дрожь от одной мысли, что она может лишиться Тевки. Тревожат ее и его непрекращающиеся встречи с Лизой. Однако нельзя забывать и о Розе. Лея догадывается, что приход племянницы как-то связан с Эзрой. Он снова остался без работы. И чтобы облегчить ей задачу, Лея первая завела разговор:

— К кому переходят отцовы дела?

— К старшему брату.

— И Эзра будет у него работать?

— До чего же ты проницательная. Все ты прекрасно понимаешь. Нет, Эзра остается не у дел.

— Роза, поскольку ты получила приданое, наследство тебе не причитается. Но свое мнение высказать ты можешь. Отец

очень любил тебя. И братья должны прислушаться к тому, что ты скажешь.

— Это ты так считаешь, тетя. А вот что скажут они?

— Мы обе помним, что такова была воля отца. Хорошо, я сама поговорю с твоими братьями.

Сказано — сделано. Тетя Лея знает, как говорить! Вместе со всеми делами в распоряжение старшего сына Берла — Давида Борисовича — перешел и Эзра Мазовер.

Но сам Эзра еще не знал об этом. Несколько дней он чувствовал себя подавленно. И хотя он ничего не говорил Маше, она видела, что у него плохое настроение. Она выказала ему столько любви и внимания, что в конце концов Эзра рассказал правду — он остается без работы. Хотя они и пытались утешить друг друга, говоря, что все будет хорошо, оба мало верили в это.

— Эзра, дорогой, только об одном я хочу попросить. Обещай мне, что к «докторше» ты не будешь обращаться за рекомендацией.

Эзра пообещал.

Ночью ему не спалось. Почему его судьба так тесно связана с Розой? Кажется, он со своей стороны ничего для этого не делает. Выходит — так суждено. А что значит суждено? Почему при этом она всякий раз выглядит такой добродетельной, а он выступает в роли ее должника?

Спустя несколько дней Эзра узнал, что он остается в своей должности и будет служить у сына Берла Федера. От сердца отлегло. Маша сразу повеселела, вид у нее был откровенно счастливый.

— Видишь, милый, все обошлось и без помощи «докторши».

Но есть у Маши еще одно желание: убедить Эзру не участвовать в делах, которые затевает Перец.

— Эзра, не забывай. Скоро я буду мамой.

Выполнить второе пожелание Маши было для Эзры куда сложнее. Он не сказал ни да, ни нет. Тем временем подошел срок, и Маша родила мальчика, которого назвали в честь ее отца — Симхе. Через некоторое время и у Розы родился мальчик — Бенцион.

Маша обрела покой и больше не думает, что может остаться одна с ребенком на руках. И ни слова не говорит по поводу того, что Эзра участвует в затеях Переца, хотя в их доме по-прежнему собираются четыре-пять человек.

А Роза пребывает в тоске. Все ее дети растут красивыми, здоровыми, а Бенционка удался лучше всех, больше всех радует сердце Розы. Но временами гложет и чувство обиды: неужели Эзра не догадывается, что именно он отец этого мальчика? Быть может, так оно и есть. Но если он ничего не знает, надо ему об этом сказать. Пусть знает все. Может быть, тогда он перестанет ее избегать. Со дня на день откладывала Роза этот разговор, но вот как-то она решилась и вместе с мальчиком отправилась к старшему брату Давиду Борисовичу. Расчет ее был верный. Она встретила Эзру, для которого ее появление было полной неожиданностью.

— Роза?!

— Да, Роза,— улыбнулась она.

— Давно мы не виделись.

— Чтобы меня видеть, билетов покупать не надо,— пошутила она.— Разумеется, если на то есть желание. А вы, Эзра, хорошо выглядите.

— Не сглазить бы.

— Как вы находите моего сынишку?

— Что и говорить, прекрасный парень.

— Сынок, зайди к дяде, поздоровайся с ним.

— Иду, мама.

— Я недавно видела Машу с сыном.

— Да, она мне об этом говорила.

— Вы знаете, Эзра, мальчики похожи как две капли воды.

— Меня это очень радует.

— Меня тоже, но...

— Мама,— подбежал к ней мальчик,— дяди у себя нет.

— Прощайте, Эзра. Будет время, заходите. Зачем нам так отдаляться? Мы ведь хорошие друзья...

Возвращаясь домой, Роза подумала, что мальчик подросел вовремя. Хорошо, что она не успела сказать главного, тогда ничего не осталось бы на потом. А так у нее осталось желание сказать Эзре о том, чего он пока не знает. Интересно, как он это воспримет? И ее моложавое лицо, не сочетающееся с солидной полнотой, светлеет.

ЗВЕНО ВТОРОЕ

Матери письмо скорее напиши.

1

Царь Александр III, грузный, бородатый мужчина, на своем веку всегда выказывал готовность притеснять евреев. А те с возрастающим беспокойством ждали, когда на них обрушатся новые гонения. С другой стороны, у молодежи возникало жела-

ние найти какой-то выход — сколько можно покорно терпеть? Так думали рабочие на табачной фабрике, сапожники и портные, шапочники и столяры... Их имел в виду губернатор Подолья, когда писал царю, что хорошо бы выслать за пределы государства еврейский пролетариат. А царь Александр приписал своей рукой: «и более того, очень надобно».

Жизнь не стоит на месте, как не стоят на месте воды Немана. Кто-кто, а юный рыбак Василь Голубок это хорошо знает, здесь, на берегу Немана, в местечке Ажор, он родился, здесь рыбачит с самого детства. Мальчиком помогал он отцу вытягивать сети. Стоило только сети показаться из воды, как он всю глядел, богатый ли улов. И вместе с серебристыми рыбками, бившимися в сети, он и сам прыгал от радости, что удалось выудить много рыбы. Грамоте он был мало обучен, но практическая жилка была у него крепкая. Чего не понимает, то стремится понять. Пока что самый большой праздник на его улице был в тот день, когда он купил себе сапоги. В будни надевать обнову он не решается, щеголяет в них только по воскресеньям и в праздники.

Как-то случайно повстречал он на берегу реки Эзру и спросил у того, который час.

— Были у меня часы, да продал их.

— Продал часы? Самая большая мечта в моей жизни — это иметь часы.

— Чего же ты не купишь?

— Купил бы, да хлеб и сапоги нужнее.

— И я продал часы по той же причине.

Некоторое время спустя они снова встретились. И опять случайно.

— Ну что, Голубок? Часы купил?

— Нет, не купил. Зато у меня есть сапоги.

— Сапоги? Что же ты их не носишь?

— Слишком дорогое это удовольствие ходить в сапогах каждый день. А хочешь, зайди ко мне как-нибудь, полакомишься свежей рыбкой, ухи отведаешь.

Дальше этого разговора знакомство не пошло. Видно, не очень доверяли друг другу. Но встреча их все же состоялась позже и при других обстоятельствах.

Зима в этот раз пришла раньше обычного, со снегом, со слабыми морозцами. Запорошило все дороги, но река течет, не останавливается. Ночью налетел сильный ветер, с воем бился о ставни окон, не иначе как собирался сорвать крыши с домов. К утру стало потише, потеплело, на улице развезло осеннюю слякоть.

В один из таких дней переплетчик Фишл ощутил потребность облегчить душу и высказать наконец все, что у него на-

болело. Много у него накопилось разных обид, но на кого обижаться и у кого следует требовать свое, он не знал. А этого уже достаточно, чтобы понять, как горько жить на этом свете. «Не зайти ли к Эзре?» — подумал он. Конечно, и Эзра ничего определенного не может ответить, но с ним хотя бы можно поговорить. Глядишь, и услышишь непароком умное слово. Сейчас Фишлу хочется не только самому говорить, но и слышать, что говорят другие. Нельзя в таком мире жить без людей, замкнувшись в себе. Он пришел к Эзре накануне субботы и, поздоровавшись, по обыкновению начал с изъяснения недовольства:

— Посмотрите вокруг, хорошенько посмотрите. Люди знают, что они слепцы. Почему не хотят в этом признаться, почему?

— А ты как думаешь, Фишл?

— Вы еще спрашиваете, чтоб вы так были здоровы. Сослепу можно залезть туда, откуда не выберешься. Вот вы и рассудите здраво и скажите мне, для чего люди лезут туда, куда их не просят? Зачем соваться во всякие рискованные дела, да еще с бомбами... Боже милостивый, откуда эта напасть на наши головы? Да нас за это могут...

— А что, по-вашему, надо делать, Фишл?

— Делать? Обязательно надо делать? В каких это законах писано, что нельзя сидеть спокойно, сложа руки?

— Все, что с нами делают, выходит, хорошо? По-вашему, надо молчать?

— Не молчишь, так еще хуже.

— Фишл, вы упрекаете и вините только тех, кто страдает. Не вижу в этом большого ума.

— Добрый человек, вы не так смотрите на вещи. Разве можно жаловаться на властителей? Боже сохрани, нельзя!

Помолчав немного, Эзра сказал:

— Это правда, Фишл, что у вашей дочери есть жених?

— Да, это так.

— Вас можно поздравить.

— Чтоб вам так жить, Эзра. Вы, конечно, умный человек, и я понимаю, что вы хотите от меня отделаться. Но я не обижаюсь. Говорить сейчас тоже опасно. Будьте здоровы.

2

Здоровье Леи пошатнулось. Годы дали себя знать, и нет в ней уверенности ни в сегодняшнем, ни в завтрашнем дне. Даже походка ее изменилась. Ноги, прежде легко ступавшие по земле, теперь передвигаются с трудом, иногда даже подкашиваются. Что будет с ней, с ее мужем, который тоже изрядно сдал? Но главная ее забота — Тевка. Лея хочет видеть Тевку устроенным, с красивой женой, которой она может передать свое состояние. Тевка встречается с Лизой. А кто эта Лиза на самом

деле, Лея так и не знает. Возможно, она будет Тевке такой же невестой, какой была для студента Фрумкина. Лея ежится при воспоминаниях о том, как она носила передачи в тюрьму. Нет, никому она не может доверить своего Тевку. Самое лучшее — женить его, тогда, может быть, все образуется. Но похоже, Тевка об этом и не помышляет. До Леи дошли слухи, что он стал наведываться в дом к Эзре Мазоверу. Лея беспокоится за него. Кто знает, во что эта дружба может вылиться? Несмотря на слякоть, дождь, который может начаться в любую минуту, несмотря на плохое самочувствие, Лея отправилась к Розе.

Роза с утра была в плохом настроении. Из-за скверной погоды она не стала одеваться так, как привыкла, когда хотела самой себе нравиться. Вид у нее был довольно неряшливый, спутанные волосы, расстегнутые пуговицы, на ногах старые шлепанцы, которые давно надо было бы отдать какому-нибудь бедняку. Сама Роза толком не знает, отчего у нее плохое настроение. Только ли в погоде дело?

— Что с тобой, Роза? Тебе нездоровится?

— Бог миловал.

— Что же тогда?

— Тоска. Ничего не хочется.

— С чего это? Что тебе не хватает?

— Ах, если бы я знала, что мне не хватает...

Лея поделилась с племянницей своими переживаниями по поводу Тевки. Не хочет парень жениться... Встречается с этой Лизой, и добра от этих встреч ждать не приходится. Выяснилось, что он часто бывает у Эзры. Что у них за дружба такая? Собиют Тевку с верного пути. Такое уже не раз бывало с ребятами из приличных семей. У нее есть к Розе просьба.

— Ты выручила Эзру в трудную минуту. Пусть ответит добром за добро, оставит парня в покое, не сбивает с толку. Помоги, Роза.

— Хорошо, тетя, мы пойдем туда вместе.

В субботу Роза с сыном и тетей Леей пошли в гости к Эзре и Маше. Появление их было настолько неожиданным для хозяев, что те не смогли даже как положено ответить на приветствие. Особенно удивлена была Маша. Что означает этот визит? Лея обращается к ней весьма учтиво:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Мы зашли просто так, по-приятельски.

— Очень рады видеть вас. Располагайтесь, будьте как дома. Такие неожиданные, приятные гости.— Маша и Эзра несколько раз повторили эти слова, не зная, что еще можно сказать в эту минуту. Потом взгляд Маши упал на сынишку Розы.

— Эзра, ты только посмотри, как этот мальчик похож на нашего. Как его зовут?

— Бенционка,— ответила Роза.— А где же ваш сын?

Мальчики познакомились, поначалу смотрели друг на друга настороженно, потом уже более дружелюбно и, наконец, стали вместе играть, к удовольствию обеих мам. Маша с удивлением глядела на мальчиков: «Какое совпадение, похожи, словно одна мама их родила». И Роза, как бы читая ее мысли, думала: «Что же им не быть похожими? У них один отец».

Обе мамы почувствовали, как быстро сблизил их любовь к детям. Завязался разговор, и выяснилось, что их взгляды и вкусы во многом совпадают. А главное — сходятся и их желания.

В это время в другой комнате происходил разговор между Эзрой и тетей Леей. Узнав о том, что ее тревожит, Эзра сказал, что Тевка в его доме не бывает. Произошла какая-то ошибка. Эти слова успокоили Лею. Она вновь почувствовала себя счастливой.

Со временем Маша и Роза крепко подружились и часто приходили друг к другу в гости вместе с сыновьями. Как-то Маша даже упрекнула Эзру за то, что он избегает Розу.

— Нехорошо получается, Эзра. Некрасиво это.

— Помнится, она все время была для тебя «докторшей»...

— То было раньше. Я тогда еще не знала, какой она прекрасный человек, какой верный наш друг.

— Ну раз так... Тогда конечно.

3

Лею все больше стали тревожить встречи Тевки с Лизой. Не дай бог, парень попадет в нехорошие руки. Как же матери не беспокоиться! Но бывает так: то, что не следует, человек видит, а то, что надо, напротив, не замечает. Именно это и произошло с тетей Леей.

По соседству с ней, можно сказать дверь в дверь, жила семья — мать, отец и дочка. Достаток в этой семье весьма средний, зато заметно желание слыть именитыми и состоятельными людьми. Все трое стараются одеться как можно лучше, если и не в самое дорогое, то в самое изысканное и модное. А что касается еды? Как-нибудь. В желудке нет окон, туда не заглянешь. Только бы набить брюхо.

Дочка недурна собой, но внешностью и образованием никого особенно не удивишь. Красота красотой, а приданое приданным. Вот о чем думают отец с матерью. Впрочем, Анечка — так зовут девушку — относится ко всему очень спокойно.

— Ты, мама, не бойся,— говорит она.— Я в невестах засиживаться не собираюсь. Мне бы только знать наверняка, кто мне нравится.

— Доченька, этого еще мало.

— Для меня вполне достаточно. Вот увидишь.

На примере их семьи, которая жила обособленно, но старалась создать о себе наиболее выгодное мнение, Анечка поняла, что многое в жизни достается с большим трудом. Хочешь жить — умей вертеться, будь расторопной, не надо особенно бояться и стесняться. Ум дается человеку от бога, но хитрость и предприимчивость зависят только от него самого. А если уж ты что замыслил, то позволительно, как она слышала, даже въестся ближнему в печенки. Жизнь всему научит.

Уроки жизни не прошли для Анечки даром. Поскольку ничего у тебя нет, ни состояния, ни приданого, приходится самой о себе позаботиться. Если уж Анечка что про себя решит, будет так, как она хочет. Зависти у нее хоть отбавляй. Все, что у другого есть, и ей подавай. Но кто же все-таки ей нравится? Она сама еще не знает. Ну вот хотя бы этот соседский парень по имени Тевка. Может быть, он?

— Мама, ты знаешь что-нибудь о нем? Кто он и что?

— Доченька, этот парень не про твою честь. Не забирай слишком высоко, а то ненароком упадешь и расшибешься.

— Ты думаешь?

— Я уверена в этом.

— Ну тогда и я уверена. Он!

И Анечка взялась за разработку плана, как ей поближе подступить к Тевке. Началось все со случайных встреч на улице. Анечка торопливо проходила мимо, делая вид, будто никого не замечает. И так раз за разом. А потом вдруг подняла на него глаза, и во взгляде ее словно промелькнуло удивление. Как это она не замечала его раньше? При следующей встрече она еще дольше смотрела на него и потом сказала:

— Не знаю, кто из нас кому первый идет навстречу: я — вам или вы — мне. Только мы часто встречаемся. — Анечка говорит, и глаза ее при этом смеются.

Прошло пять-шесть дней. Завидев выходящего Тевку, Анечка тоже вышла из дома. Оказывается, им по пути. И Анечка спрашивает:

— Далеко ли направляетесь?

— На Соборную.

— О, так мы идем вместе. — Анечка болтает и смеется. Прохожие не сомневаются, что это идут вместе хорошие знакомые.

В другой раз Анечка поджидала Тевку, когда он возвращался домой, и они вместе свернули на улицу, что вела к их дому. Анечка радовалась, считая, что дело идет на лад. Этот Тевка, о котором мать говорит, «что он не про ее честь», будет принадлежать ей.

Но Анечка слишком торопилась. Ей не терпелось поскорее добиться своего, чтобы можно было выставить перед всеми на показ своего жениха, богатого сына, который к тому же окончил гимназию. То-то обзавидуются, а она будет гордо смотреть

людям в глаза и сиять от удовольствия. И Анечка серьезно взялась за дело, стремясь как можно быстрее прибрать добро к рукам. При этом она упустила из виду, что не только она, но и другая сторона что-то думает и может иметь на этот счет свои соображения. Тевка не придавал встречам с Анечкой особого значения. Живут люди рядом, дом к дому, вот и встречаются. Анечке стало казаться, что мать втихомолку над ней посмеивается. Ну, где же он, твой Тевка? И Анечка подкараулила Тевку, когда он вышел гулять в швейцарский парк, пошла за ним следом и даже взяла под руку. Они взбираются на заснеженную горку, и она шепчет при этом: «Люблю, люблю!» Но Тевка пропустил эти слова мимо ушей. Когда они остановились, Анечка с игривой улыбкой сказала:

— Я вам что-то говорю, а вы молчите. Я жду ответа.

— А что вы сказали?

— Сказала, что люблю вас. Люблю, люблю! — С этими словами Анечка обняла и поцеловала Тевку.

От изумления Тевка потерял дар речи. Что здесь происходит? По дороге домой перед глазами его вставала Лиза, такая обходительная, умная и сдержанная, каждый взгляд ее, каждое выражение говорит о том, что она к нему равнодушна. И даже при этом он не совсем уверен, что это так. А тут... Девушка с мужеподобными замашками, утратившая всякое понятие о девичьей скромности. С души воротит. Такое чувство, словно тебя собираются схватить за горло.

Но Анечка не сдается. Начало положено, она уже сказала Тевке, что любит его. Правда, он избегает ее. Но Анечка не унывает: «Ничего, дружок. Коль скоро я тебя целовала, будешь мой как миленький». Однако Тевку она больше не встречает ни на улице, ни в швейцарском парке. Тогда, не поленившись, Анечка решила в один прекрасный день зайти прямо к Тевке домой. Поздоровавшись с тетей Леей, она спросила:

— Тевка дома?

Лея окинула ее удивленным взглядом. Это еще что за «Тевка»? Что это за фамильярность? И прежде чем дать ответ на этот вопрос, Лея сама поинтересовалась:

— А вы кто будете, барышня?

— Я — Анечка, Тевкина невеста.

— Кто Тевкина невеста?!

— Что вы так удивляетесь, мадам? Мы вместе с ним гуляли, целовались.

— Раз так, девочка, то ты, должно быть, большая мастерица.

— Вот и мама говорит то же самое, что я мастерица.

— У мамы, может быть, но только не у меня. Иди, девочка, домой и хорошенько выспись. Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Нет, вы ошибаетесь, мадам. Я говорю дело. Так дома Тевка или нет?

— Погоди, сейчас я покажу тебе, где он.— С этими словами Лея взяла девушку за руку и распахнула перед ней дверь.— Ступай себе, детка. Я не люблю чересчур настырных особ.

После ухода Анечки Лее выпал тяжелый час для раздумий и переживаний. Неужели это правда? Не верится. А что, если да? Такой девице не долго закрутить парню голову. Нет, не может быть... Но... Что, если все это и в самом деле было? Гуляли, целовались... Только этого ей не хватало.

Придя домой, Тевка сразу почувствовал, что Лея взволнована и чем-то обеспокоена.

— Мама, что случилось?

— Тут без тебя приходила соседская девушка, Анечка. Она сказала, что ты ее жених.

— О чем ты, мама? Идиотизм! Вот привязалась! — И он рассказал Лее всю историю с Анечкой.

— Слава тебе господи! — воскликнула Лея.— Я уже не знала, на каком свете нахожусь. Ты, Тевеле, излечил мне душу.

Понемногу Лея стала успокаиваться. На Тевку можно положиться, но все равно надо быть бдительной. Правда, теперь ей кажется, что Лиза, которую она никогда не видела, на самом деле симпатичная, достойная девушка, умная и бесхитростная. Лея попыталась заговорить о ней с Тевкой. Но точно так же, как он все рассказал об Анечке, молчит он, когда речь заходит о Лизе. Отделяется двумя-тремя словами, из которых трудно о чем-либо судить.

— Почему бы тебе не пригласить ее к нам? Познакомись бы.

— Хорошо, мама, хорошо.

Но что означает это «хорошо», Лея не знает. То ли оно означает согласие, то ли просто отговорка, позволяющая не обсуждать эту тему.

Что касается Анечки, то здесь все ясно. А вот как он относится к Лизе, понять сложнее. Правильно говорят: малые дети — малые заботы, большие дети — большие заботы.

4

В доме Эзры собрались гости. Они сидят за столом посередине жарко натопленной комнаты и пьют чай. Перец и Переле, пекарь Абе, Тевка и Лиза, которые пришли сюда впервые. И конечно же сам Эзра. Вопрос для них вполне ясен: мир не может оставаться таким, какой он есть. Его надо переустроить.

— Как?

— И что мы, в сущности, хотим?

— Как добиться своего?

Все понимают, что в таком важном деле надо уметь все пред-

видеть, осознать и обосновать. Но пока никто не решается предложить конкретную программу. И никто во всем городе не может это сделать.

Субботний день, и Роза, по обыкновению, вместе с сыном зашла проводить Машу. На радостях обе женщины расцеловались, мальчики тоже обрадовались возможности поиграть вместе. Те дружеские чувства, которые Роза испытывала к Маше, были вызваны ее близким знакомством с Эзрой и схожестью ее сына с Машинным. Более того, та любовь, которой Роза «немножко» любила Эзру, теперь была перенесена на Машу. Впрочем, оказалось, что она любит ее не так уж «немножко». Маша располагает к себе, вызывает симпатию своим спокойствием, неприхотливостью. Роза понимает, что скромные заработки Эзры не дают Маше развернуться и приобрести все, что ей нравится. Живут очень скромно. Ради ребенка во многом отказывают себе. Хотелось бы предложить им какую-то помощь, но об этом нельзя даже заикнуться, последует немедленная обида и даже отчужденность. Маша чувствует себя неловко оттого, что Эзра избегает Розу, и она всякий раз передает от него приветы. Сегодня она сказала:

— Эзра нынче дома, сейчас выйдет. Да вот и он сам...

Эзра и вправду скоро вышел в сопровождении... Тевки. И Тевка и Роза одинаково удивились этой встрече. Тевка не мог понять, как попала сюда Роза, жена доктора Кадиша, которая не привыкла знаться с кем попало, а только с почтенными, именитыми людьми. Что общего у нее с Машей? Держит ее за руку, будто близкую подругу.

Роза удивлена, но не столько оттого, что встретила здесь Тевку. Непонятно другое. Зачем надо было Эзре уверять тетю Лею, что Тевка в его доме ни разу не был.

— Тевка?! — По голосу Розы чувствовалось, что она говорит совсем не то, что ей хотелось бы спросить, и слова она произносила медленно: — Как чувствует себя Лея? Как отец, мать? Как сестры? — Но лицо ее выражает гораздо больше, чем эти общие вопросы. «Как ты попал сюда? Разве ты не знаешь, как огорчится Лея? Я просто поражаюсь».

Тевка давно не был у родителей и теперь не знает, что ответить. Ему хотелось в свою очередь спросить, что слышно у Розы, но он уже успел забыть, что доводится ей двоюродным братом.

Когда Роза осталась с Машей наедине, она тихо шепнула ей:

— Не могу понять. Эзра уверял тетю Лею, что Тевка у него ни разу не был. И вот сегодня...

— Все очень просто. Сегодня он впервые пришел к нам.

И Маше и Розе приятно сознавать, что Эзра человек, с которым советуются люди, которому верят и доверяют.

Перец и Переле вместе возвращались от Эзры. В последнее время они все лучше понимали друг друга. И не только понимали, но глубже чувствовали, что их отношения связывает надежда на лучшие дни, вера в то, что мир должен измениться. Перец твердо в этом убежден, а Переле верит ему. По субботам, когда они вместе гуляют, Перец рисует перед ней яркие картины будущего.

— Поскорее бы оно настало,— говорит Переле.

— Само по себе ничто не приходит.

Смысл этих слов вполне понятен, и Переле отвечает:

— Я готова.

Пекарь Абе, выйдя от Эзры, направился к Рохеле. Приближается их свадьба, и она все время скучает по своему жениху. Но непонятно ей, что происходит с матерью. Конечно, она счастлива за дочь, но при этом все же особой радости не выказывает. После смерти Менахема она постоянно чувствует себя одинокой. На склоне лет Фейгеле все больше корит себя за то, что в юности послушалась отца и вышла за нелюбимого человека. Теперь часто выходит так, что в одном углу дома Абе и Рохеле смеются, целуются, в другом — одиноко сидит Фейгеле и шепчет: «Умница моя, учитель мой...»

— В чем дело, мама? Или ты не рада нашей свадьбе? Мы любим друг друга.

— Ну что ты говоришь, Рохеле? Я не только рада, а счастлива. Главное — тебе ни о чем не придется жалеть, как в свое время пришлось мне.

С приходом Абе Рохеле сразу оживилась и засияла. О том, где он бывает, Абе умалчивает. Лучше об этом не распространяться. Видя, как счастлива дочь, Фейгеле чувствует, как и у нее становится веселее на душе. Радости Рохеле — это и ее, материнские радости.

Маша знает человек пять-шесть, которые нередко заходят к Эзре. Сама она держится в стороне, ни во что не вмешивается. Хватает домашних забот. Ко всему еще надо все время рассчитывать да прикидывать, как вести хозяйство. Люди должны видеть, что в доме все есть, всего хватает вдоволь.

Маша очень довольна. Все, что у нее есть,— все ее. А сколько радости приносит ей дружба с Розой. Об этой дружбе она мечтала некогда в юности. Теперь эта мечта осуществилась, и соседи видят, как жена доктора Кадиша вместе с сыном приходит в гости к Маше, все вместе они идут на прогулку. Долгое время Машу, дочь Пеши-папиросницы, преследовало желание выглядеть красивее и солиднее. И вот это время настало, хотя Маша почти уже перестала надеяться...

В эту субботу в харчевне «Семь грошей» было веселей и оживленней, чем обычно.

Среди развеселых посетителей — Эля Шлайен и Кусиел Ципер. Приятели явились сюда освежиться, или, как они сами это называют, отвести душу. Изо дня в день они чувствуют на себе недремлющее око своих жен — Ханы и Ципы. В девичестве Ципка Файер и сама была не прочь как следует гульнуть. Если при этом еще и Кусиел хочет показать, на что он способен, — пожалуйста. Теперь другое дело, мужа надо держать в строгости, не сводить с него глаз. Упаси бог Кусиелу послушаться. Хапа не столь строга к своему мужу, иногда даже позволяет себе чем-нибудь побаловать его.

Отойдя немного от тягот семейного плена, Эля и Кусиел выпивают вместе со всеми «за здравие». И совсем уж они повеселели, когда грузчик Мешл, держа в руке стакан, произнес следующие слова:

Поднялся с места Хаим
И всем сказал: «Лехаим!»¹
А ну, братва, налей,
Пусть станет веселей!

Водка так разобрала друзей, что им даже припомнилась черноглазая красотка. Подхватив друг друга под руки, Эля и Кусиел не совсем уверенным шагом вышли на воздух, который уже дышал весной.

— Ну, пошли.

— Куда?

— Туда.

— А где это?

— А там, где черноглазая. Она совсем истосковалась.

То, что еще может пройти незамеченным для Ханы, не останется без внимания у Ципки. Она-то знает, с кем имеет дело. Когда друзья вышли из шинка, жены уже поджидали их неподалеку.

— Ну, Хана, что я говорила? Полюбуйтесь-ка на них! Набрались, голубчики! Черноглазенькой им захотелось. Марш домой, пьянчуги!

Эля и Кусиел растерянно озирались, с трудом соображая, кто кричит и к кому это все относится.

¹ «Лехаим» — «за жизнь», еврейское застольное приветствие.

Тевке порой казалось, что умная, сдержанная Лиза все же к нему равнодушна. Но уверенности в этом не было. И вот случилось так, что во время прогулки по швейцарскому парку зашел душевный разговор и Лиза открыла Тевке секрет. Оказывается, она и в самом деле невеста Фрумкина и собирается поехать к нему, в то место, где он отбывает ссылку.

Прежде мысль о том, что Лиза может быть к нему равнодушна, согревала Тевку. Теперь же, когда он узнал, что у нее есть настоящий жених, он почувствовал, как его охватила тоска. Тоска и одновременно обида. Он почувствовал себя обманутым. Уловив перемену в его настроении, Лиза сочувственно сказала:

— Не обижайся на меня, Тевка. Конечно же, я должна была сказать об этом раньше. Но я не могла этого сделать до тех пор, пока не стало окончательно ясно: я еду к нему.

— И сейчас тоже не поздно.

— Не поздно... Разумеется, нет. Но... я догадываюсь, что вы не совсем равнодушны ко мне. Не буду скрывать... Во мне тоже росло какое-то чувство к вам.

— Я об этом догадывался.

— Но у меня есть жених, который очень предан мне, и я тоже хочу быть ему верна. Было бы жаль, если бы нам не довелось встретиться. И как ни тяжело мне было хранить молчание, сегодня, когда я рассказала правду, мне стало легче.

— А мне — тяжелее.

— Понимаю. Простите меня. Не думайте, что я такая плохая. Вовсе нет. Не сердитесь. Возьмите меня, пожалуйста, под руку и проводите домой.

Это произошло как раз в те дни, когда Лея чаще обычного упоминала имя Лизы, предлагала пригласить ее в гости и познакомиться с ней. Может случиться так, что она Лее понравится, — значит, это судьба.

— Ты знаешь, мама, у нее, оказывается, уже есть жених в Вильно. Она собирается уезжать.

— Что ж, может, оно все и к лучшему.

Но сама Лея не очень-то верила в эти слова. В мыслях своих она успела уже привыкнуть к Лизе и теперь испытывала досаду. В ее воображении вырисовался образ Лизы — девушки исключительной, умной, красивой, порядочной. Теперь остается только тешить себя мыслью, что «это все к лучшему».

— Кто же ее жених?

— Ты же понимаешь, мама, что об этом я спрашивать не стану. Знаю только, что она любит его.

— Видно, не суждено. Но повторяю, может, оно и к лучшему.

Вскоре после этого разговора Лея заметила, как Анечка спо-

ва стала вертеться возле их дома с намерением дожидаться и встретить Тевку. Это еще больше усилило Леину досаду. И вот как-то Анечка снова пришла к ней:

— Не понимаю, дорогая мадам Лея, почему вы так настроены против меня. Можете мне верить, я буду вашему сыну хорошей, преданной женой, и вы тоже найдете во мне добрую и преданную невестку. Я люблю Тевку.

— Говорить о любви и наобещать с три короба ничего не стоит.

— Ну так знайте, что он мой, и только мой. Это ниспослано самим господом богом. И я его никому не отдам.— Анечка говорила с чувством и убежденностью.

И Лея не нашлась что на это ответить.

8

Раньше Эзра, бывая в доме Берла Федера, с тяжелым чувством проходил мимо дверей Розинной комнаты. Теперь она часто приходит к нему в дом. Если как-то еще удавалось быстро проскальзывать мимо ее дверей, то избежать видеть ее в собственном доме Эзра уже не в состоянии. Он видит перед собой ее живое личико, ее чувственные губы. Но временами его смущает ее непомерная полнота, она напоминает шкаф, в который поместили человека.

Роза видит, как тяжело даются Эзре встречи с ней.

— Ах, Эзра, Эзра...— говорит она.— Открытая вы душа. Вас видно насквозь. Успокойтесь же наконец, прошу вас. Если что между нами и было, то больше уже не повторится.

Прошло время, и Эзра привык к ее обществу. По сути дела, это не должно было так сильно его волновать. Голова его была занята совсем другим.

У Эзры в доме стали замечать: когда Тевка приходит сюда, следом за ним идет какая-то девушка. Так тихо, не приметно она провожает его почти до самого порога. Пошли догадки: что это все значит? кто эта девушка? Подозрительное дело. Не придется ли сменить квартиру? Тевка понял, о ком речь. Опять эта Анечка ходит за ним по пятам. Вот напасть!

Пришлось переговорить с ней по этому поводу. Дело было во время прогулки на тихой заставе.

— Вы можете мне объяснить, почему все время ходите за мной следом?

— Я иду следом?

— Кто же, как не вы?

— Это любовь.

— Не стройте из себя двенадцатилетнюю девочку.

— Не сердитесь, Тевка. Я правду говорю. Поначалу я хоте-

ла вам понравиться, старалась попадаться на глаза и быть с вами, чтобы доказать маме, что вы увлечены мною. Но чем дальше, тем больше вижу я, что люблю вас на самом деле. Скучаю без вас, не могу вас не видеть.

— Напрасно вы себя уговариваете. Просто даже неприлично. Я-то чем виноват?

— Вы? А я виновата? Временами я сама на себя досадую за то, что посторонние люди и те видят, как я места себе не нахожу. Поначалу я отнеслась к этому по-деловому, с расчетом... Теперь совсем потеряла голову, гордость... Стою перед тобой и спрашиваю: мол, полюби меня. Как бы то ни было, не сегодня, так через год, через десять лет, на том свете, но я буду твоей невестой. Не отвергай мою любовь, Тевка. Это предначертано свыше.

Из жалости к Лее Тевка не стал ей ничего рассказывать. Однако Анечку тоже жалко. Страдает девушка, переживает... Теперь когда Тевка из разговора с Лизой узнал, что она едет в ссылку к жениху, он по-другому стал смотреть и на переживания Анечки.

Из всего этого Лея сделала для себя один ясный вывод: парня пора сватать. Естественно, что дорога сама привела к дому Берты Кавы. Берта знает все секреты этого деликатного дела, к тому же очень доброжелательна, хочет, чтобы люди были счастливы. Об Анечке она уже наслышана. Знает она и то, что родная мать ей сказала: «Этот парень не про твою честь. Выбрось его из головы!»

Анечка не собирается выбрасывать Тевку из головы. Лучше она сама бросится головой в реку.

Берта отлично понимает, что своего Тевку Лея никому так просто не уступит. Она даже и мысли не допускает, что кто-то, кроме нее, имеет право любить ее сына. Она его мать! Без ее ведома, без ее на то воли она Тевку никому не доверит, никому не позволит любить.

Когда Лея пришла, Берта сразу обратила внимание на ее усталый вид, не было в ней свойственного ей жизнелюбия. Она не села, но грузно опустилась на стул, словно ощущая всю тяжесть собственного тела.

«Да, старость никого не щадит», — подумала Берта Кава. От этой мысли ее мгновенно охватила дрожь. «И меня ждет то же самое». Мельком взглянув на себя в зеркало, она успокоилась.

— Я считаю, — сказала Лея, — что больше нельзя откладывать. Я могу и не дожить до Тевкиной свадьбы. Что вы на это скажете, дорогая Берта?

— Не беспокойтесь, мадам. Гродно пока что славится красивыми девушками.

— Красота — это еще не все. Красивое лицо часто означает холодное сердце.

— Подыщем горячее сердце.

— Я полагаюсь на вас. Но знаете, Берта, есть такие порывистые лошадки, что их не удержишь. Мне нужна невестка, которой я могла бы доверить своего сына и свое состояние.

— Есть хорошие девушки, достойные невесты. Не беспокойтесь.

Похоже, эти слова вселяют в Лею спокойствие. Но Берта уже поняла, что требовательную Лею устроит разве что сам ангел с неба.

9

Анечка перестала преследовать Тевку. То, что она пошла на встречу его желанию и не действовала наперекор, сблизило их, образовало некую связь. Конечно, для влюбленной девушки одного сознания мало. Но сейчас для Анечки достаточно, это дает простор для фантазии. Теперь, когда Тевка выходит гулять и не видит Анечки, он невольно вспоминает ее. Когда он возвращается и ее опять нет, он снова думает о ней. Представив себе, что Тевка вспоминает ее с благодарностью, Анечка счастливая улыбается. По крайней мере до тех пор, пока этого не станет явно мало, надо обходиться тем, что есть.

Но Тевка о ней не думает.

Хотя Анечка больше не следует за ним по пятам, собрания на квартире у Эзры прекратились. Пять-шесть человек стали собираться у Абе-пекаря. Рохеле по-прежнему ничего не знает об этих встречах. И хотя жених так же крепко любит ее, есть вещи, о которых лучше помалкивать.

А вот у Переца и Переле — все мысли общие. Они живут надеждой переустроить этот мир. Видимо, из этой общности и выросла их любовь. У Рохеле все иначе. Для нее и этот мир совсем неплох. Она исполнена любви к жизни, хочет замуж, хочет радости и счастья. Хорошо, что у нее все складывается не так, как в свое время у матери. Любовь мешает ей видеть, что помимо этого у Абе на уме нечто совсем другое, и это «другое» связано с немалым риском. Знай она про все, не пустила бы его, отговорила, упросила во имя их любви, ради будущих детей не совать голову в петлю. Но Рохеле ничего не знает.

То, что Анечка провожала Тевку до дверей дома Эзры, заметили все. А то, что могут присматривать и за квартирой, где живет Абе, из виду упустили.

После того как прекратились встречи в их доме, у Маши словно гора с плеч свалилась. Тем более что сейчас, когда она вновь ждет ребенка, ей так необходимо спокойствие.

Эзра еще ничего об этом не знал. Первым делом Маша захотела поделиться секретом со своей ближайшей подругой Розой Кадиш. Роза одобрительно кивнула головой, сказала пару

теплых слов. Как же иначе. Но на самом деле это известие больно кольнуло ее, даже сердце запрыгало. Еще бы! Ведь это связано с «ее Эзрой»... Чем дальше, тем больше. С каждым днем растет ощущение, что Эзра ее обидел. Глубоко задел ее как женщину, как мать, Бенционку — как сына. И зачем эта глупая Маша спешит делиться этим известием? Можно подумать, что весь мир только и ждет этого события. Видно, придется напомнить Эзре, что он не такая уж свободная птица, которая может вить гнездо где ей вздумается. Пусть в нем пробудится чувство ответственности перед своим ребенком.

Маша ощутила скрытое недоброжелательство, но не могла понять, чем оно вызвано. Такие добрые друзья, и вдруг...

Роза повела себя столь педружелюбно еще и потому, что вдруг она почувствовала, как от нее уходят и ее молодость, и ее женственность, и ее значимость. Все время она была Розой Кадиш, женой доктора Кадиша, дочерью Берла Федера, ей воздавали почести, осыпали комплиментами. Сейчас настало время потесниться, пропустить вперед более молодых, более красивых. Но Роза не хочет отступать, обходиться малым. «А эта Маша, видите ли, опять беременна. На что она рассчитывает? Прокормить двух детей на скромный заработок Эзры?» Во всем Роза винит Машу, для Эзры, пожалуй, можно найти какие-то оправдания. Роза пребывала в скверном настроении, когда ей повстречалась Берта Кава. Она может кое-что сообщить о Лее: плохо чувствует себя, все помышляет, как бы ей подыскать невесту для Тевки.

— Любопытно... Мне она ничего об этом не говорила.

— Не надо удивляться и обижаться на нее. Лея старая, больная женщина, совсем не та, что была. Вы же знаете, никому не дано избежать старости. Да и мы с вами, дорогая Роза, тоже потихоньку сдаем...— Берта прикусила язык, спохватившись, что сказала лишнее.

Но было поздно. Роза переменилась в лице, потемнела, казалось, ей стало тяжелее дышать. Берта попыталась загладить свой промах.

— Но вы же понимаете, Роза, что, говоря о нас, я привела неудачный пример. Мы-то, слава богу, еще и молоды и красивы. А вот Лея...

— Берта Кава, все и так знают, что бог вас умом не обидел. Но других не надо считать дураками, не надо...— И Роза ушла, даже не попрощавшись.

В этот же день она навестила Лею. Ей казалось, что от состояния Лей зависит и ее судьба как женщины.

— Как ты себя чувствуешь, тетя?

— Как могут чувствовать себя больные люди? Тебе, девочка моя, этого не понять.

— Почему же?

— Нет, молодость не может понять старость. Ты молода и красива. А я... Я свое отжила.

— Тетя, как ты можешь так говорить? Я совершенно тебя не узнаю.

— Я сама себя не узнаю. Вроде бы та. А посмотришь — и совсем не та. Что-то ушло навсегда. Сосуд остался, но вино из него вытекло. Да и сосуд-то весь полопался.

Роза не перестает удивляться Берте Каве. Как она могла решиться сказать: «Да и мы с вами...» Какое тут может быть сравнение? И Роза самодовольно подумала про себя: «Надо непременно повидать Эзру, я что-то соскучилась по нему». А потом в голову ей пришла мысль, что ее обвинения в адрес Маши, в сущности, несправедливы. Если кто и виноват во всем, то только Эзра.

10

Хана и Ципа настолько сдружились, что теперь их водой не разольешь. Хана с детства отличалась благочестивостью. Ципка стала набожной женщиной лишь после свадьбы, зато теперь имя господне не сходит с ее уст.

Хана по утрам произносит благословение, перед сном читает молитву, а по субботам — «Цено Урено». Знает все обрядовые предписания: что кошерное, а что трефное, когда употреблять молочную пищу, а когда мясную... Хана знает все праздники, знает, когда надо поститься, исполняет все заповеди, не допускает прегрешений. Ципка ничего этого не знает, всему она учится у Ханы. Но никогда при этом не упускает случая совершить святое дело. Набожностью она даже превзошла Хану. Но если та считает, что бог добр и справедлив, то Ципка боится его, боится, памятуя свои девичьи грешки. Кара божья настигла ее. Когда-то она не хотела иметь детей и делала все, чтобы их не было. А теперь... Рада бы заиметь ребенка, но не может.

Ципка раньше не могла себе представить, что наступит такое время, когда она будет мечтать о ребенке. Всегда дети казались ей чем-то ненужным, лишним. Подружившись с набожной Ханой, Ципка все свои надежды на ребенка связывала только с богом. Но она хочет иметь не одного ребенка, а много детей. Почему же ее молитвы до сих пор не слышат на небесах? Ей подсказывают, что бог посылает исцеление через угодных ему людей. Вот, например, не мешало бы ей обратиться к Берте Каве и Розе Кадиш. Эти добродетельные женщины всегда могут помочь дельным советом.

Ципка поведала им о своей горе, и обе женщины отнеслись к ней участливо.

У Берты она спросила, кто может ей скорее помочь: доктор

или знающая женщина. Она ведь молода, кажется, совсем недурпа собой, за что же такое наказание? Муж любит, но в душе-то он, конечно, недоволен. И хотя он не высказывается открыто, видно, как он завидует отцам, у которых есть дети. Ципка ждет совета.

— Скажите-ка мне, добрая женщина. А вы уверены в том, что детей нет по вашей вине?

— Я не понимаю. Кто же еще виноват?

— Вы не допускаете мысль, что причиной тому ваш муж?

— Что вы говорите, мадам Кава? Как это может быть?

— Всякое бывает.

— Этого не может быть. Мой муж — Кусиел Ципер. Может, слышали про такого?

— Как же, и слышала, и видела.

— Ясно ведь, что он здесь ни при чем. А вы говорите...

— Я ничего не говорю, кроме того, что рано пока взваливать всю вину на себя. Вы же молоды, красивы, полны жизненных сил.

— Вы находите?

— Я хочу вам сказать, дорогая, что с некоторыми мужчинами такое случается. Они не могут быть отцами.

— Мой Кусиел! Этого не может быть. Я не верю.

— Вы говорите, что ваша лучшая подруга — Хана, жена Эли Шлайена. Я знаю ее — хорошая, честная женщина, к тому же неглупая. Думаю, что именно она могла бы дать вам лучший совет. Послушайте меня, доверьтесь Хане.

Ципа послушалась Берту и отправилась к Хане. Переживала она не столько за себя, сколько за Кусиела. Муж — ее защита, ее опора в жизни, человек, умеющий заставить уважать себя, — и вдруг! Может ли такое быть? Не верится. Но поскольку вера ее уже несколько поколеблена, она говорит, как некогда в девичестве:

— На всю голову спятил.

Пусть уж лучше вина будет на ней, с женщинами всякое бывает. Но мужчина, ее супруг, ее Кусиел... Несчастье! Конец света! «Ни цимес, ни кугл». Подумав так, Ципка сама испугалась. Нехорошо думать так о муже, бог покарает. Не каркай, помоги, боже!

День выдался ясный и теплый. После вчерашнего дождливого ненастья было тихо. Задумчивые стояли липы, их свежеомытые дождем кроны почти не шевелились. Кое-где земля пропиталась влагой, еще не успели высохнуть лужи. Детишки пускают по воде кораблики и поют такую песенку:

Солнечным ясным днем
Родился хорошенький мальчик.
Кто родился? Мальчик.
Как его звали?
Мойшеле...

Ципа остановилась у лужицы, ей тоже захотелось вместе с ребяташками поиграть в кораблики. Она смотрит на детишек и думает, в ком из этих мальчишек она хотела бы видеть своего сына. Уходя, она вновь услышала те же слова песенки:

...Мальчик.
Как его звали?
Мойшеле...

Неожиданно до Ципы донесся детский плач. Она огляделась вокруг — маленький мальчик тянул маму за руку:

— Купи пряник.

— Как же я куплю? У меня ведь нет ни гроша.

Как это мама позволяет ребенку плакать, удивляется Ципа. Будь она на месте этой женщины, все бы отдала, все купила, лишь бы ребенок не плакал, лишь бы он был всем доволен. Ципа купила пряник и дала ребенку.

— Добрая женщина, — забеспокоилась мама, — что вы мне делаете с ребенком? Теперь он каждый раз будет плакать и кланяться.

— Как же... ребенок просит.

— Ребенок... Шесть их у меня! Где взять для них хлеба, не то что сладостей?

«Шесть детей, — подумала Ципа, — может, и в самом деле многовато. Но один, один ребенок — все равно, мальчик или девочка, — мог бы быть». Размышляя таким образом, Ципа вошла на рыбный рынок. Здесь было шумно и оживленно. Ципа остановилась у одного из рыбных рядов. Она любила смотреть на живую рыбу, как, впрочем, любила вообще наблюдать все живое. Несколько мгновений спустя до нее донеслись жалобный плач и причитания похоронной процессии.

За гробом шли дети и кричали: «Папа, папа!» Ципа вздрогнула. Она видела перед собой живых сирот. Ее отзывчивое сердце не могло этого снести, вместе с сиротами пошла она на новое кладбище. У могилы она выплакала душу, просила покойного быть ее заступником на том свете. Может, бог сжалятся, pošлет ей материнство.

С первых же слов Хана поняла, что привело к ней в дом ее подругу. Не раз она думала о том, что Ципина беззаботность может плохо кончиться. Она слишком доверяет Кусиелу. Конечно, муж есть муж, его надо слушаться. Но Хана ему не верит. Кусиел обманщик из обманщиков. Самого себя и то может обмануть. Ему всегда хорошо, он может себя уговорить, главное для него, чтобы все выглядело пристойно для людей. Хана, слава богу, знает его. Она уже порывалась открыть Ципке глаза, чтобы та не очень-то верила своему мужу. И не сделала это, только чтобы не взять греха на душу и не нарушить мира в семье. Но теперь, когда Ципа рассказала ей, в чем дело, и передала слова Берты Кавы, Хана решилась.

— Ты знаешь, Ципа. Я и сама не уверена, твоя ли это вина.

— О чем ты говоришь? Ты же знаешь, Хапа. Кусиел — сильный, здоровый мужчина.

— Конечно, трудно сказать, в ком настоящая причина. Но знаешь, дорогая... Как не вспомнить, что люди кругом говорят.

— Люди? Что они говорят?

— Что говорят? Видишь ли, как и многие другие, Кусиел излишней воздержанностью не отличался. Не бог весть какой праведник. С кем он имел дело, тоже известно... Но детей ни у кого не было. Вот это всех и удивляло.

— Это еще не доказательство.

— Какие же тебе нужны доказательства? Ты должна знать, что иметь детей — это святой долг. «Плодитесь, размножайтесь» — так повелел нам господь. Кто же будет служить ему, если дети перестанут рождаться.

— Это мое наказание, Хана.

— Может быть, и не твое. Там, па небесах, бог все видит и все знает.

— Хана, если все дело в Кусиеле, тогда совсем плохо. Нет никакого выхода.

— Послушай меня, Ципеле. Ты молода, красива. Не могу поверить, чтобы дело было в тебе. Неисповедимы пути господни. Вот ведь у праотца Авраама была служанка Агарь, она родила ему сына. Праматерь Сара родила — Ицхока к девяноста годам. А у праотца Иакова было несколько наложниц. Ты удивляешься, потому что ничего не знаешь. Читай Библию, будешь все это знать.

— Придется прочесть.

— Ты конечно же знаешь, Ципа, что в субботу нельзя работать. Но если дело касается спасения человеческой души, тогда все дозволено. Бывают случаи, когда разрешено делать то, что вообще запрещено. Бог прощает, он знает, во имя чего и во имя кого делается. — Для Ханы эти речи должны были означать, что можно развестись. Женщину, у которой нет детей, мужчина может оставить. А мужчина, не способный иметь детей? Хана не выразила эту мысль ясно, поскольку и сама плохо себе представляла, что бывает в таких случаях.

Из речей Ханы Ципа поняла далеко не все. И все же она решила, что, может быть, напрасно так беспокоилась за свои девичьи прегрешения. Иногда дозволено делать то, что запрещено. Мысль о том, что можно грешить и не быть при этом грешницей, ободрила ее и вновь пробудила надежду — родить ребенка.

Берта и Роза забыли про свою размолвку. По их мнению, Ципа правильно сделала, поделившись своими переживаниями с Ханой. Теперь она успокоится.

Роза решила снова пойти к Маше, ожидавшей ребенка. Маша очень обрадовалась приходу своей подруги. Позже явился Эзра и поздоровался с Розой как со старым добрым другом. У всех было легко на душе.

11

Роза радовалась больше других. Она давно не видела Машу и Эзру. Сегодня она чувствовала себя в их обществе свободно, непринужденно, словно они были для нее братом и сестрой.

В таком приподнятом, безмятежном настроении Роза возвратилась домой. Вскоре пришла ее свекровь Злата. Едва поздоровавшись, она сообщила:

— Ходила на кладбище, на Цалину могилку.

Эти слова испортили Розе все настроение. Не любит она, когда говорят о таких вещах. К тому же Розе почти всегда кажется, что Злата приходит либо с упреками, либо с дурными вестями. Злата сохранила крепкую закваску своих родителей Арки Фурмана и Цирл. Постарело ее лицо, на шее появилось немало морщин, однако ноги еще хорошо держат и руки по-прежнему тоскуют по домашним делам. Злата не хочет расставаться с просторным домом, в котором столько лет прожила вместе с Цалей. Надо сказать, что спит она довольно крепко, но бывает, просыпается посреди ночи: ей чудится, будто Цалин голос зовет ее. На следующий же день, будь то зима или лето, в любую непогоду она отправляется к нему на могилу, и между ними происходит «диалог». Злата говорит за обоих, втягивается в разговор и забывает, что стоит на кладбище у могильного камня.

— Цаля, дети, слава богу, здоровы. Авигдор? Авигдор — один из лучших докторов в городе, человек с репутацией. Роза все так же хозяйничает по дому. Но ты конечно же хочешь знать новости. У Довидки уже внуки растут, но Антон Мерлес так и не отстает от него, вытягивает денежки. Как тебе это нравится, Цаля? Теперь слушай интересную историю. Ты ведь помнишь Кусиела Ципера, этого пустозвона и хвастуна. Он женился на Ципке Файер. Когда-то была не девка — огонь! После свадьбы она превратилась в набожную праведницу, а детей-то у них нет и нет. Кто тому виной? Ципка считает, что все дело в ней. Водились за ней в молодые годы грешки, вот господь и карает ее. Но люди знают, что все это из-за него, из-за Кусиела. Теперь выясняется, что она беременна. Но ты же понимаешь, Цаля, тебе палец в рот класть не надо... Прости, Цаля, вижу, что ты устал. — Злата спохватилась и принялась прощаться. На это тоже ушло немало времени.

Сразу с кладбища Злата пошла к невестке. Зайдя в дом, она попросила у прислуги воды для омовения рук.

— Ну что, как дети?

- Спасибо, здоровы.
- Бенционка?
- Тоже здоров. Почему это вы, свекровь, им особенно интересуетесь?
- Потому, дорогая, что он у тебя особенный.
- У меня все дети особенные, все одинаково хороши.— Про себя Роза подумала: ох уж эти старухи, даже если они ничего не говорят, все равно что-то подразумевают.— Вы, наверное, проголодались, свекровь. Идемте-ка к столу.
- Ты права, Роза. Я действительно проголодалась.

12

Произошли два события, которые взбудоражили город.

В холодный зимний день Эля Шлайен и Кусиел Ципер сидели в харчевне «Семь грошей» за отдельным столиком. Друзья выпивали и вели между собой разговор.

- Куся, не пил бы ты столько. Захмелеешь.
- Как же мне не пить. Ципка-то беременна.
- Так тебя надо поздравить!
- Поздравить, но только не меня.
- Я же говорю, что ты слишком много выпил.
- Еще одну рюмочку. Твое здоровье! Чтоб ты знал, Эля, что я видывал на своем веку разных женщин и девушек, но никто из них не беременел. От меня, понимаешь, нельзя... А Ципка вот сумела. Не от меня это, не от меня.
- Выпил ты, Кусиел, вот и мелешь попусту. Ципка ждет ребенка. Надо же радоваться.
- Не мой это ребенок, не мой... Обманула меня Ципка Файер.
- Ты пьян, Кусиел. Твоя Ципка честная, порядочная женщина.

— Это ты слишком много выпил, Эля. Разве ты не видишь, что она беременна? Я же говорю тебе: я здесь ни при чем. Эх, брат, пойдем с горя к черноглазенькой...

— Пошли.

Уже на другой день весь город знал о том, что двое женатых мужчин — у одного из них дети, у другого жена в положении — пьяные устроили скандал в одном из «домов». В Гродно только об этом и говорили.

Однако через несколько дней произошло нечто более серьезное. Горожане по секрету передавали друг другу:

— Слышали? Арестованы пять заговорщиков. Они замыслили сбросить царя.

И совсем тихо прибавляли:

— Эзра Мазовер, Абе-пекарь, Перец и Переле с фабрики, Леин Тевка.

В ту суровую зиму в городе шли пересуды:

— Абе-пекарь, Перец и Переле, Эзра — бог с ними... Но Тевка? Вы только посмотрите, что творится на белом свете. Спрашивается, что человеку не хватало? Видно, когда у человека все благополучно, он начинает биться головой о стенку.

Позже говорили уже не столько о Тевке, сколько о Лее. Старая больная женщина, она этого не переживет. Муж тоже резко сдал. Некому даже поднести стакан воды.

Лея неподвижно лежала на постели. Все ее тело ныло от боли, но она лежала молча, без жалоб и стонов. Голова ее работала ясно. Она не переставала удивляться самой себе. Решись кто-нибудь раньше предречь такой конец, она бы умерла на месте. Теперь, когда все это уже случилось, у нее не хватает сил плакать, кричать. Остается только ждать, когда этот тяжкий путь приведет ее к неизбежному концу. Не хотелось думать о том, что твой сын и наследник сидит в тюрьме. А за что он, собственно, сидит? Стоит ей задуматься об этом и реально представить себе его вину, как она найдет силы подняться, но только для того, чтобы снова упасть. Все мысли в голове вертятся вокруг одного и того же. Лея находилась в том состоянии, которое должен испытывать человек, оказавшийся посредине между земной жизнью и вечностью. Жизненные силы угасли, боль охватывает все тело, и только мысли вертятся, вертятся и не могут остановиться.

Поглощенная своими мыслями, Лея не сразу заметила, что в доме кто-то есть. Этот «кто-то» ходит вокруг нее, хозяйничает по дому. Приглядевшись, Лея, к удивлению своему, узнала Анечку. Сразу же после того, как с Тевкой случилось несчастье, Анечка обосновалась в доме и с тех пор ни на шаг не отходит от Лей и ее мужа. Она же носит в тюрьму передачи для Тевки. Люди говорят о ней: «Добрая душа».

Анечка тяжело переживает невзгоды, выпавшие на долю Тевки. Вместе с тем ее радует возможность помочь ему в трудную минуту. Анечкина мама про себя думает: «Вот как бывает в жизни. Оказывается, путь к счастью пролегает через тюрьму».

Эзре едва удалось проститься с Машей. Полиция буквально вытолкнула его в дверь, а Маша так и осталась стоять, сложив руки на заметно округлившемся животе, глядя печально-безмолвными глазами. Позже, в холодной тюремной камере, Эзра вспомнил эту минуту расставания. Вспомнил и все Машины тревоги и опасения. Все так и случилось. Теперь она осталась одна в тяжелом, бедственном положении. Ни о чем другом Эзра ду-

мать не может. Но, конечно же, он и помыслить не мог, что первым человеком, который придет к Маше, будет Роза.

— Маша, прежде всего успокойся. Помни — ты ждешь ребенка. Ты должна беречь себя. Не волнуйся, я буду с тобой. — Обе подруги плакали.

Для Маши присутствие Розы было немалой поддержкой. С ней она не чувствовала себя такой одинокой и беспомощной, хотя она продолжала находиться в неведении, не осознавая до конца всю серьезность положения.

Узнав об аресте Эзры, Роза в первый момент ничего не могла понять. За что? Почему? Но очень скоро случившееся стало для нее ясным и понятным. Он неисправим, этот Эзра, этот забастовщик, человек, не похожий на других... «Боже, что они задумали? Безумные люди, играющие с огнем. У них нет столько волос на голове, сколько у царя солдат, казаков, полицейских. Как может Эзра так рисковать собой?»

Мысли Розы переключились на Машу, и она явственно увидела ее перед собой, испуганную, беспомощную. Тут же, не откладывая, Роза пошла к ней. Она шла и пыталась понять, от кого исходит сила, которая гонит и подстегивает ее. От Эзры, от Маши? Или, может быть, от Бенционки?

В тюрьме Эзра свиделся с Василем Голубком. Встреча эта оказалась весьма неожиданной для обоих.

— Ты как сюда попал?

— А ты?

Оказалось, что они избрали один путь, а путь этот рано или поздно неминуемо вел за тюремную решетку. По-настоящему именно здесь завязалось их знакомство, из которого выросла дружба.

— Ты знаешь, — сказал Василь, — если посмотреть на вещи реально, мне придется попотчевать тебя свежей рыбкой, скорее всего, в Сибири. Реки-то всюду есть, я везде могу рыбачить.

Одному из арестованных, пекарю Абе, неведомо каким образом удалось бежать. Полиция с ног сбилась, разыскивая его, — нет, словно сквозь землю провалился!

Хотя передачи для арестантов в тюрьму принимают, свидания с ними добиться не удалось. Близкие, не имея о них никаких сведений, очень волнуются.

15

По этапу в тюрьму был доставлен новый арестант. Старожилы камеры оглядели его. Видимо, они ожидали услышать от него свежие новости. Но вместо новостей он сказал:

— Нет ничего хуже для человека, чем думать о чем-то в

тюрьме. Мысли изматывают, лишают сил раньше времени. Лучшее лекарство, лучший совет, который я могу дать, — это послушать историю, да такую, чтобы захватила целиком, не оставив времени для размышлений. Предлагаю каждому что-нибудь рассказать. Можно рассказывать не слишком складно, главное, чтобы была история, чтобы было занятно...

— Вот ты и расскажи.

— Будь по-вашему. Я начну рассказывать первым. Надо вам знать, что сам я местный, гродненский. А в тюрьме сижу всего-навсего за то, что не знаю, кто есть мой отец.

— Родной отец?

— Вы не забегайте вперед. Не ровен час, разбежитесь и упадете. Да будет вам известно, что у меня не один, а целых два отца.

— Сразу два?

— Говорю вам — не спешите. Тот, кто чересчур спешит, быстро рвет ботинки.

— Станный вы человек... А как вас зовут?

— Зовут горшком, только в печку меня ставить не надо.

В камере повеселело. Арестанты заулыбались, с нетерпением ожидая услышать занимательную историю.

— Ну рассказывай.

— Как вы знаете, о матери плохо не говорят. Но поскольку у нас с вами история, я могу сказать правду. Лично я своей матери вообще в глаза не видел. Бабушка моя, умудренная жизненным опытом, как-то заметила в своей дочери признаки беременности:

«Боже... девочка».

И, зазвав дочь в отдельную комнату, она напрямик спросила:

«Кто?»

«Кто был, того уж нет».

Мама, по слухам, была не робкого десятка, отчаянная женщина, она при случае умела раскрыть рот. А когда она его раскрывала, то доброго слова от нее ждать не приходилось, одна сплошная брань. Зато себя она любила непомерно. Никому она не желала в жизни ни одного часа радостей и удовольствия. Звали ее Гиша. И вот бабушка ей говорит:

«Гиша, этот позор надо покрыть. Я подыщу тебе жениха».

«Как хочешь...»

Может, вам приходилось слышать, как сваты расхваливают достоинства невесты: красивая, стройная, богатая, с приданым. Правда, есть одна маленькая загвоздочка. Невеста-то в положении.

Бабушка нашла жениха. Имя его было Шлойме, но звали его все Шлема и даже Шлемка. На свадьбе один из друзей после нескольких стаканчиков водки пожелал ему:

«Будь счастлив, Шлемка! Дети рождаются без печати».

С того времени его стали звать не иначе как Шлемка-штемпель. Не могу вам сказать, какая умная голова додумалась вписать в мою метрику фамилию — Штемпель.

— А имя как?

— погоди, не хватай. Это тебе не калач. Дайте-ка лучше прикурить табачку.

Со всех сторон стали протягивать табак и бумагу для закрутки...

А назавтра с самого утра стали просить:

— Рассказывай дальше.

— Мое имя Шая. Ровно год мать кормила меня, потом принесла к бабушке и сказала:

«Не ищите меня нигде. Я никуда не еду. Я иду пешком». И ушла.

Отец мой, поняв, что жены у него больше нет, тоже оставил меня. Так я и рос у бабушки.

— Стало быть, у бабушки вашей одним человеком прибавилось...

— Чтобы вы знали, друзья, там, где прибавляется народу, очень не хватает папы с мамой. Кстати, не найдется ли у вас чего-нибудь поесть?

16

— А дальше?

— Когда я пошел учиться в хедер, мальчишки никогда не называли меня моим именем — Шая, а только прозвищем «Штемпель». При этом усмехались, как люди, которым известна некая тайна. Пытаюсь расспросить бабушку, она отвечает:

«Будешь много знать, скоро состаришься».

Мальчишки — те все знают. Про себя знать не обязательно, лучше про другого. Они-то и рассказали мне всю историю. Поначалу я не хотел им верить.

«Не веришь? А где тогда твой отец, где твоя мать?»

«Бабушка, — спрашиваю, — где мои отец и мать?»

«Что тебе неймется? Или еды у тебя не хватает?»

«Пристают ко мне мальчишки, цепляются, высмеивают меня».

«Пристают, высмеивают... Что у тебя, руки отсохли или совсем отвалились? Такой крепкий парень должен без разговоров вlepить затрещину».

Бабушкин совет помог.

Так продолжалось до тех пор, пока мама не вернулась домой. Она снова была в тягости. Родив ребенка, она в течение года кормила его, а потом опять сбaгрила бабушке очередного внука.

«Старуха,— ворчал дед,— я смотрю, твоя дочь повадилась плодить байстрюков».

«Не твоего это ума дело. Помалкивай себе».

«Не моего ума — это конечно. Но большой чести для себя в этом тоже не вижу».

«Слышишь, Гиша, что отец говорит...»

«Тоже мне знаток! Что он понимает в этих делах? Ха-ха-ха...» — и она рассмеялась визгливым кричащим смехом, от которого по телу ползли мурашки.

«Бог с тобой, Гиша. Лучше уж приноси байстрюков, только не смейся так. Смотри, забросают тебя камнями, точно колдунью,— сказала бабушка и три раза сплюнула.— Боже, что делать с детьми? Малые — не дают спать, большие — не дают жить».

Весь этот разговор происходил при мне и крепко запал в душу. Задумался я: что же это такое? Для деда я байстрюк, для бабушки — сирота, для родной матери — обуза, для кого ни попадя — Штемпель.

17

Новичок по имени Шая гол как сокол. У него ни гроша за душой, нет ни табака, ни даже спички. А поскольку курить хочется и кушать тоже, зарабатывает он себе тем, что рассказывает байки. Его давно уже переводят по этапу из одной тюрьмы в другую. Ныне он благополучно прибыл в свой родной город. Здесь, видимо, его личность будет окончательно установлена, и тогда его освободят. Пока что приходится рассказывать истории. Слушатели торопят:

— Дальше, дальше...

Дальше... Как дальше вить веревочку? Покуда он плел историю про своего соседа, историю весьма похожую на правду. Но из одной правды интересной истории не составишь. О каком же еще соседе рассказать?

Люди слушают, но никто из них, даже коренные гродненцы, не догадываются, кто этот человек. Нелегко узнать в нем странника. У него совсем другая внешность, другая, более твердая манера говорить. Поначалу, когда Авремл ушел из Гродно странствовать, он полагал, что всюду перебьется с божьей помощью. Но чем дальше, тем яснее сознавал он, что с богом договориться легче, чем с людьми. Когда обращаешься к богу, он хотя бы молчит. Не так с людьми. Ты им слово, они тебе — десять. Всевышнего не надо опасаться, а вот людей... Однако без людей никак не обойтись. У бога-то он единственный, но в городах и местечках, куда он приходит, хватает других странников, накопец, просто бедняков. Все хотят есть, все просят

есть, всюду надо работать локтями, так просто никто не подаст. Авремл стал умнее и изворотливее. Как говорится: «Тот, кто выше ростом, тот быстрее дотянется». Людей надо правильно понять и постараться перехитрить. Чем больше мест он проходил на своем пути, тем более изощрялся в этой науке. Стал есть с удовольствием и аппетитом, перестал поститься, старался хорошо высыпаться. С подаяний жиру не наживешь. Но он заглядывался даже на женщин, которые прежде не очень волновали его, и отмечал, что среди них есть немало красивых.

Авремл исходил все местечки вокруг Гродно — Ажор, Лугу, Индур, дошел до Бреста, потом добрался и до Вильно, а там еще дальше... И вот где-то «там дальше» полиция заинтересовалась его документами. Паспорта не оказалось. Чем занимается? Для чего таскается по белу свету? И доставили его в Гродно — узнать, кто он и что он.

— А дальше?

— Тут я одумался: пора мне наконец знать, кто мой отец, мой настоящий отец. Но для этого надо ведь знать, где его искать.

Слушатели наострили уши, ожидая услышать нечто любопытное.

— На, прикури.

— Возьми у меня.

— Говори, что дальше.

— Представьте себе, захожу я на постоянный двор, бежит мне навстречу женщина и спрашивает: «Скажите, не вы будете Шая?»

«Я».

«Шая, дитя мое, сынок...»

И вот как-то дверь камеры отворилась, и чей-то голос выкрикнул имя и фамилию. Новичок отозвался: «Я».

— На выход с вещами.

В камере смекнули: тот, кто называл себя Шая, уходит домой. На самом деле у него другое имя и другая фамилия. Один из арестантов удрученно сказал:

— Прервали на самом интересном месте.

Именно странник Авремл, освобожденный из тюрьмы, передал привет от Эзры и его товарищей. Они не знают, что от них хотят, не понимают, что происходит. Но держатся стойко и дружно.

Хана простила Элю, но Ципка затаила на Кусиела обиду.

Слов нет, и Хане было неприятно слышать, что ее мужа схватили в одном из «домов» и отвели в тюрьму: стыдно людям в

глаза смотреть. Но у нее хватило мужества воспринять случившееся как божью кару.

— Наказание за грехи.

Она не отступила, не стала избегать людей, не пала духом.

— Кому суждено прожить жизнь безгрешно и кто может избежать божьего суда?

Друзья и знакомые сочувствовали ей, ободряли и успокаивали.

Разве Хана не знает, что царь Давид и тот грешил? Она-то хорошо знает, что нет на земле человека, который делал бы добро и при этом не грешил. Что поделаешь — ведь Эля ее муж перед богом и людьми.

— Эля, муж мой, видишь, как я прошу тебя. Послушай меня, не испытывай терпение всевышнего. Он покарает нас, нас и наших детей. Господи, наших детей...

Кара божья, которая может обрушиться на безвинных детей, страшит Элю.

— Прошу тебя, Эля. Не грехи больше.

— Ни за что на свете, Хана. Обещаю тебе — больше никогда. Клянусь.

— Раз так, то я спокойна. Если ты обещаешь мне, если у тебя есть жалость, господь бог не оставит нас.

Что до Ципки, то она не хочет ни видеть, ни слышать своего благоверного. Кусиел нанес ей крепкую обиду. Так втоптать ее в грязь! И кто же? Собственный муж!

— Полюбуйтесь на нее! Она еще считает себя правой! — горячится Кусиел. — Завела ребенка неведомо от кого...

— Знаешь, когда в доме нет хлеба, приходится одалживать. Ну, а уж если нет детей...

— Значит, тебе можно, а мне нельзя? Когда нет жены, тоже приходится одалживать.

В какой-то миг Ципе показалось, что в словах Кусиела есть доля правды. Но она не хочет сдаваться. Правда на ее стороне. Она молода, красива, может рожать детей.

Хана окружила своего мужа любовью и заботой, хочет, чтобы он ни в чем не испытывал недостатка. Но в последнее время она уловила в Эле перемену. В чем конкретно выражается эта перемена — она сказать не может. Неужели ей просто кажется? Но нет. Вернувшись из тюрьмы, Эля стал спокойнее, сдержаннее, меньше говорит и, главное, не употребляет крепких выражений. «Слава богу, — думает Хана. — Эля обещал стать человеком и слово свое держит».

Эля и вправду держит слово. Но не только ради спокойствия Ханы. В тюрьме Эля сидел в одной камере с Перецем. Он не переставал удивляться своему соседу. Как это такой крепкий парень все время может спокойно общаться с самим собой, думать про себя и смеяться про себя. И в то же время с каждым легко находит общий язык. Сам Эля буквально томится в тюрьме, не

находя себе места от тоски. За то время, что они сидели вместе, его очень потянуло к Перецу. Не раз приходилось им беседовать между собой.

Эля слышал, за что посадили Переца, — в городе об этом было немало разговоров. Но все-таки непонятно, как такой скромный, спокойный, отзывчивый парень мог замышлять покушение на царя. Скорее всего, это выдумка, чистейшей воды поклеп. Немалое впечатление произвели на Элю познания Переца в Библии и Талмуде.

Сам Эля в хедере не был среди первых учеников. Учился так: в одно ухо влетело, в другое вылетело. Но что-то отложилось и в его памяти. Пение на уроках, выговоры учителя, имена праотца Авраама и пророка Моисея, бумажные фонарики, которые освещали дорогу домой поздним зимним вечером. Вспоминая все это, Эля чувствовал еще большую тягу к Перецу.

Он больше не хочет знаться с такими пустозвонами, как Кусиел. Другое дело — Перец.

Из тюрьмы Эля принес весточку от Переца и его друзей. Они ни в чем не виноваты. Их оклеветали.

ЗВЕНО ТРЕТЬЕ

Надо жить по законам Торы,
но не надо умирать от них.

1

На дворе сыро, слякотно, по-осеннему холодно и сумрачно. В доме доктора Кадиша жарко натоплено. Несмотря на поздний час, Розе не спится. Уже несколько раз она поворачивалась с одного бока на другой, то накрывалась, то сбрасывала с себя одеяло, но сон так и не приходил к ней. В ночной тиши Розу охватывают мысли, которые не могут прийти к ней днем, сплошь занятым заботами и суетой. Роза уже давно начала сознавать, что те желания, которые одолевали ее в юности, когда всего кажется мало, с годами переходят в одно конкретное желание. Само время и годы делают свое дело, наступает момент, когда жизнь сосредоточивается на самом главном, все остальное, ненужное остается где-то в стороне. Единственное, что сейчас волнует Розу, тревожит ей душу, — это судьба Эзры, Маши, их детей. Что бы Эзра сказал, узнав об этом?

Мысли Розы не стоят на месте: одно воспоминание сменяет другое. Как много связывает ее с Эзрой. Ее постоянное беспокойство о нем, их встречи, наконец, ребенок... Но он так и остался чужим. Чьим-то — не ее.

Быстрая мысль подсказывает Розе: странно сознавать, что именно теперь, когда Эзра сидит в тюрьме, он стал ей еще бли-

же, хотя бы потому, что, находясь там, он уже не принадлежит никому, в том числе и Маше. Но о судьбе арестованных пока ничего не известно. Что они там делают, что от них хотят? «Они» — это в первую очередь Эзра и Тевка. И Роза дает себе слово при первой же возможности добиться свидания с Эзрой, назвавшись его сестрой. Она должна это сделать. С этой настойчивой мыслью Роза засыпает.

Наутро она просыпается в хорошем настроении. Ей снились Эзра и Бенционка, — взявшись за руки, они гуляли по берегу реки. Сон навесил такие приятные чувства, что не хотелось вставать, хотелось еще понежиться в теплой постели и, закрыв глаза, вновь переживать увиденное. Ей видятся даже разноцветные камешки у воды, мелкие рыбешки, что снуют у самого берега. Эзра с любовью смотрит на Бенционку, и Роза, счастливая, улыбается. Хочется расцеловать их обоих... Но стоит ей подняться с постели, как она сразу окунается в унылые будни. Нет, не Эзра, а она несет ответственность за их сына. Она воспитывает Бенционку так, как задумала: он станет героем. Тяжело, конечно, будет без Эзры. Кто знает, чем все это кончится, куда его могут услатить?

2

В народе говорят: на горе Синай бог решил, что секретов быть не должно. Наверное, именно по этой причине в городе быстро распространился слух, что заболела жена полковника жандармерии. Сам полковник старался держать это обстоятельство в секрете. Но поди ухитрись сохранить тайну в городе Гродно, где каждый знает, что варится у соседа в горшке. Люди быстро прознали, какого доктора приглашали к больной и что он сказал. Прошел слух, будто полковник выписал профессора из Кенигсберга. Положение серьезное.

В один из дней к доктору Кадишу явились люди от полковника с приглашением осмотреть больную. Вернувшись домой, Авигдор сказал Розе:

— Она тяжело больна. К тому же болезнь запущена... Во время не приняли меры.

— Что же теперь будет?

— Как говорят в таких случаях: сначала бог, а потом уже доктор. Сегодня вечером снова буду у нее.

Когда в городе узнали о том, что доктор Кадиш входит к полковнику, возникла смелая мысль: если случится так, что Авигдору удастся вылечить больную, он сможет просить об освобождении невинных людей, которые сидят в тюрьме ни за что ни про что. Мысль эта понравилась. Если раньше о самой жене полковника никто и понятия не имел, то теперь все дружно молили господина о ее выздоровлении. Люди дознались, что она еще

молода и красива, полковник очень любит свою жену и страшно переживает из-за ее недуга.

Роза понимает, сколь наивно рассчитывать, что просьба Авигдора поможет освобождению арестованных. И тем не менее она плывет по течению надежды. Она не верит в удачу и в то же время хочет, чтобы все вышло именно так.

Оказавшись на свободе, бывший богомолец Авремеле стал рассказывать историю за историей. А поскольку он был хорошим рассказчиком, люди слушали его с интересом. С тех пор как он перестал быть богомольцем, жена его, которая занималась шитьем платьев для гродненских дам, воспрянула духом. Да и сам он, прежде выглядевший не лучше вымоченной селедки, заметно поправился. Он не отошел совсем от служения богу, но прежней преданности уже не было. Авремлу стало мало одной веры, хочется понять и постичь всевышнего. Он сделал важный вывод, из коего следовало, что не только бог нужен людям, но и они ему, ибо именно они прославляют его имя. Время шло, и Авремл начал ощущать, что по мере постижения бога его вера утрачивает святость, одухотворенность, начинает носить будничныи характер. Сказалось и его знакомство с людьми, которых безвинно бросили в тюрьму. Ему жаль этих добрых, симпатичных людей. Почему бог не поможет им? Это ведь в его силах. Чтобы снова приобщиться к благочестивой вере, Авремл стал заходить в хасидский кружок. Здесь его рассказы пользовались большим успехом, и он быстро стал своим человеком.

Каждый год, в один из дней месяца кислев¹, хасиды отмечали освобождение из Петропавловской крепости старого раввина.

Сегодня в хасидском кружке тоже большой праздник, веселье. Взявшись за руки или просто положив руку на плечо соседу, собравшиеся радостно танцуют. А Фроим-галунщик, в круглой шляпе, танцует широко растопырив руки, словно желая охватить весь мир; плечи его отогнуты назад, а глаза устремлены к потолку. Самого Фроима словно нет, он весь ушел во вдохновение, только слышны его выкрики в экстазе: «Боже, боже всемогущий!»

Рядом с ним — печник Исер, старик с седой развевающейся бородой. Он танцует, почти не сдвигаясь с места, но видно, что танцует каждая часть его тела, особенно руки, вскинутые кверху с растопыренными пальцами. Он танцует сам по себе, притопывая ногами и хлопая ладонями в такт. Кажется, он никого не замечает. Нет никого, кроме бога, только ему он служит, славит его, в распростертых руках его — благодатная вера. Авремл исполняет молитвенный танец вместе со всеми.

¹ К и с л е в — третий месяц еврейского религиозного календаря.

В разгар праздника кто-то зашел в дом и сообщил, что жене полковника полегчало. Ее лечит доктор Кадиш. Произошло это именно сегодня, в памятный для всех день.

— Во имя нашего старого ребе можно было бы освободить безвинных! — воскликнул Авремл. — Я их знаю. Это честные люди, на них нет греха.

Веселье разгорелось с новой силой. Подали еще водки, и народ загулял вовсю. Люди верят, что во имя старого ребе жена полковника поправится и арестованных выпустят. И тогда хасиды воздадут хвалу господу.

3

Было бы ошибкой считать, что город Гродно жил исключительно судьбой арестованных. На самом деле у людей хватало своих дел и забот. К тому же находились и такие, которые считали, что Эзра и его товарищи получили по заслугам.

— Безумная затея незрелых юнцов... Царь им, видите ли, не нравится. А мы из-за них страдай.

Точно так же как доброжелатели надеются на их освобождение, раздаются голоса, призывающие их как следует проучить. Родные и близкие волнуются в ожидании вестей. Между тем больной заметно полегчало. И вот как-то, явившись от своей пациентки, доктор Кадиш сказал:

— Она уже вполне здорова. Завтра я с ней прощаюсь.

С нетерпением ждали люди наступления этого долгожданного «завтра». Слова «Завтра я с ней прощаюсь» быстро разнеслись по городу. Равнодушных не осталось. Скорее всего, люди не особенно верили в предстоящее освобождение арестованных, хотя и не переставали надеяться. Просто им было любопытно, что выйдет из разговора доктора Кадиша с полковником.

В ожидании возвращения мужа Роза буквально не находила себе места. Она по-прежнему сильно сомневается в успехе всей этой затеи. Полковник — крепкий орешек, чувство жалости ему неведомо. Наверное, он с улыбкой думает об Авигдоре: «Хоть ты и хороший доктор, но все-таки простак». Скорее всего, он просто промолчит, услышав, о чем идет речь. Однако и Роза не может оставить надежду, она бережит ее отзывчивое сердце, которое щемит от тоски. Она хочет видеть Эзру на свободе. Вот почему она с нетерпением ждет, с каким ответом вернется Авигдор.

Но и сам Авигдор не слишком уверен в успехе. Не окажутся ли его усилия напрасными? С чего ему следует начать?

На деле все обернулось очень даже просто. Вручая Авигдору конверт с вознаграждением за труды, полковник поблагодарил доктора от своего имени и от имени жены, а потом спросил, не нуждается ли он в чем-нибудь, нет ли у него какой просьбы.

На это доктор сказал:

— Просьба? Если господин полковник дозволит, я напомним о четырех арестованных. В городе поговаривают, что они ни в чем не виноваты и сидят ни за что ни про что. Что вы думаете по этому поводу, господин полковник?

— Я это дело выясню. Обязательно выясню, господин доктор. Можете быть спокойны.

Дело выяснилось, и довольно скоро: все четверо были приговорены к ссылке в Сибирь.

Роза получила разрешение на свидание с Эзрой.

Сколько ни пыталась она заранее представить себе их встречу, сколько ни подбирала слова, которые собиралась сказать, в действительности все произошло по-другому. Роза готовилась к этой встрече, обдумала даже, как ей одеться, чтобы наряд со всех сторон отвечал тюремной обстановке. Накануне свидания, когда все в доме спали, Роза фантазировала в ночной тиши, представляла себе первый миг их встречи. Она бежит ему навстречу, протягивает к нему руки, обнимает его. Они долго стоят молча, обнявшись. И вот она отчетливо слышит его слова: «Что там делает наш Бенционка?» Ах, как хорошо, что он все знает. С любовью в сердце Роза обещает быть для их ребенка и матерью и отцом. И ее добросердечная фантазия заходит так далеко, что она видит, как назад они возвращаются уже вместе. Эзра — на свободе.

Роза не могла и представить себе, что увидит Эзру только издали, а между ними будет ходить надзиратель, прислушиваясь к каждому слову и поглядывая на песочные часы. В любую минуту он может прекратить их свидание. Осознав все это, Роза совершенно растерялась. Все, к чему она готовилась, исчезло в один миг, она забыла все слова, которые собиралась сказать. Видя состояние Розы, Эзра пытался ее успокоить. А она, глядя на него, бледного, обросшего, с грустными глазами, ничего уже не слышала и не видела...

4

После свидания с Эзрой Розу охватило уныние. Она чувствовала себя обиженной и обманутой. Осталось одно утешение в жизни — Бенционка. Мальчик растет всеобщим любимцем. С каждым днем Бенционка все сильнее начинает походить на отца. Сын рядом с ней, он настоящий, живой, его можно постоянно видеть и слышать. Эзра оторван от нее, как отрезанный ломоть хлеба. Он теперь где-то далеко-далеко, его увозят куда-то в Сибирь.

Роза все собирается провести Машу, узнать, как она живет. Но не выходит: нет ни желания, ни настроения. Апатия полностью овладела ею, сковывает и крепко держит в тисках.

Маша уже давно ждет ее прихода. Она делает папиросы, но это занятие дает скудный заработок. «Божьи ангелочки» Хана и Ципа, занимающиеся сбором средств для неимущих, для тех, кто сами не рискнут протянуть руку, приносят Маше несколько серебряных монет, кое-что из еды, башмачки для старшего мальчика, разумеется поношенные, но еще годные. С утра до позднего вечера Маша набивает гильзы табаком. За работой терпеливо считает уходящие дни, дни и педели... Она будет считать до тех пор, пока не пройдут эти четыре года, пока ее муж и отец ее детей не вернется домой.

Так проходили недели, месяцы. Маша света белого не видела, занятая детьми и работой. Она как бы снова окунулась в детские годы, когда вместе с сестренками целыми днями клеила этикетки к папиросным коробкам. Теперь она одна сидит за столом и, не разгибая спины, делает папиросы. Сестры не забывают ее, часто заходят, помогают, чем могут. А могут они очень немного. Заходя, они утешают Машу словами: «Он у тебя герой».

Старший сынишка, который помнит отца и сильно скучает по нему, жалеет мать и рвется помогать ей в работе. Сначала Маша об этом и слышать не хотела...

— Ты, Симхе, лучше учись. Вернется отец — посмотрит, чему ты за это время научился.

Каждый день она упоминает об отце, чтобы дети не забывали.

— Мама, разреши мне помогать тебе.

Мальчик долго уговаривал мать разрешить ему тоже делать папиросы. Наконец Маша сдалась и дала ему несколько штук на пробу, посмотреть, что из его работы выйдет. С того дня он стал помогать ей постоянно. Так и сидят вдвоем за столом, пропахшим табаком. Но Маша не хочет, чтобы он столько времени проводил за работой, и она просит сына пойти погулять, а сама продолжает сидеть допоздна. Она не замечает, когда начинается день и когда он уходит. Прошел пурим, пролетели пасхальные дни. Помимо работы и заботы о детях, Маша поглощена мыслями об Эзре. В ожидании письма она разговаривает с ним, ободряет и поддерживает его.

В субботний день после долгого перерыва Маша вышла прогуляться с детьми — они мало бывают на свежем воздухе. Город показался Маше каким-то чужим, хотя все в нем было как прежде, ничто не изменилось. Она совсем отвыкла и от добродушного сына мясника, бедного маленького дурачка. Детишки окружают его со всех сторон и спрашивают:

— Почему теля?

— Почему теля? — отвечает он и начинает на пальцах перечислять соседние деревни, в которых отец скупает скот.

Маша с детьми двинулась в направлении «нового города». Навстречу ей попался христианский мальчик в военной фуражке с зеленым околышем. Этот мальчик был тоже с поврежденным рассудком, поэтому каждого встречного он приветствовал петушиным криком: «кукареку!» Этим же криком встретил он и Машу с детьми. На обратном пути они повстречали Ранче Шмайса, который от долгого корпения над Талмудом тронулся умом. Этот Ранче за кусок хлеба позволяет бить себя. Маша испугалась... Что это за день сегодня? Просто наказание какое-то. Сплошь придурковатые... Взволнованная, вернулась Маша домой. Хоть бы уж это не было дурным знаком. С этого часа она с еще большим нетерпением ждала письма от Эзры. Она так боялась получить плохие вести, что почти перестала спать по ночам. До сих пор она ни в чем не упрекала Эзру, но теперь, в одну из таких бессонных ночей, она подумала иначе. Не ради себя, даже не ради детей, но только ради него самого. Она боится, как бы с ним, не приведи бог, чего не случилось. Она хочет только одного: чтобы он берег себя. Хочется поделиться с кем-нибудь своими мыслями, но никого нет.

Долгожданное письмо от Эзры успокоило ее. Он писал, что время пролетит быстро, настанет час, когда они снова будут вместе. Маша с гордостью вспоминала слова, сказанные сестрами: «Герой».

5

Как только засветило солнце в оконце и его первые лучи заиграли на полинявшем узоре противоположной стены, Злата Кадиш приподнялась на своей постели. Она еще не совсем проснулась и сидела на кровати неподвижно. Потом ей удалось стряхнуть с себя сон, и, поднявшись с постели, она задалась вопросом: «Куда пойти?»

В последнее время Злата знает в жизни только две улады: поплакать на могиле Цали или поиграть, повозиться с Бенционкой. Совершая омовение рук и произнося благословения, Злата решила, что сегодня она пойдет на могилу Цали. Есть для него кое-какие новости. В те дни, когда Злата приходит на могилу, она постится по полдня. Как всегда на кладбище, она миновала много других надгробий — часть из них успела обвалиться, — пока не очутилась перед простым, но тщательно оберегаемым камнем Цалиной могилы.

6

Ципа вошла в роль матери, и она ей очень нравится. Кусиел успокоился. Теперь он воспринимает происходящее как нормальный ход своей жизни. Заботится о Ципе, бережет ее. Одна

мысль, однако, не дает ему покоя: кто же отец ребенка? Кажется, он успел перебрать в памяти всех гродненских мужчин. Кто же, кто? Иногда даже хочется взять и спросить Ципу напрямик: «Кто?» Но Кусиел этого не делает, ибо знает: она не только не ответит ему, но, скорее всего, прогонит прочь.

Кусиел сдувает пылинки со своей жены, не отпускает от себя ни на шаг. А когда некая женщина с длинным язычком позволила себе нелестно отозваться о Ципке, Кусиел ей пригрозил:

— Ты мою жену не трогай, не то побью прямо здесь, посреди улицы!

Такой поворот дел устраивал Ципку. Пусть люди видят, пусть знают, что она, набожная Ципка, выполняющая волю божью, «божий ангел» для бедноты, — законная жена своего мужа и законная мать детей. О том, что это дети от другого мужчины, она даже не думает. Главное, что она исполняет наказ всевышнего «плодитесь, размножайтесь», она может быть совершенно спокойна, совесть ее чиста. Что до Кусиела, то, несмотря на внешнее спокойствие и преданность, на самом деле он далек от того, чтобы быть довольным. Впервые в жизни он почувствовал себя по-настоящему задетым. Но ничего не поделаешь, надо закрыть рот на замок — и молчок. Главное, чем больше сердится он на Ципку, тем больше любит ее. Буквально сохнет от любви, готов на руках носить эту самую Ципку, которая так крепко насолила ему. При этом Кусиела страшит мысль о том, что может наступить день, когда он не выдержит и сурово расквитается с ней. А пока Ципка пользуется его молчаливым смирением, благодарна ему и выказывает много внимания и заботы.

Бывает, правда, наступает такой момент, когда Кусиелу кажется, что приближается тот роковой час. Больше он не намерен сдерживаться, ломать комедию... Терпение его может покинуть, и тогда... Не жить на свете ни ему, ни Ципке Файер.

Раньше хоть была возможность отвести душу — посидеть с Элей Шлайеном в харчевне Шимена-Лейви. Выпить побольше, поменьше закусить. Развязывается язык, с сердца спадает тяжесть. Кусиел не может понять, почему Эля запропал и избегает появляться в харчевне. Пить в одиночку Кусиелу не хочется — зачем зря добро переводить? Почему Эля избегает его? Наверняка в этом повинна Хана. С давних пор она с ним, с Кусиелом, на ножах. А за что, спрашивается? Так, ни за что. Надо зайти к ней и прямо спросить: что она хочет от него? И даже посоветоваться, как жить дальше.

Кусиел пришел к ней в дом в субботу. В доме было очень тихо. Кроме Ханы и Эли в доме была Ципка с ребенком, Авремл со своей женой. Насколько Кусиел разобрался, Авремл толковал с женщинами о сборе средств для целого ряда бедных семей. Каких именно, Кусиел не понял.

Ципка даже не скрывала, что появление мужа ее не слишком обрадовало. Напротив, Хана встретила его очень приветливо:

— Давно надо было навестить нас, Кусиел.

Степенная Хана постарела, располнела, но в черных волосах ее тот же пробор и тот же огонек мелькает иногда в глазах.

Ципка выглядит значительно моложе. Симпатичный задранный носик, зеленые глаза — одно слово, огонь. Она и в самом деле потянулась к богу, но вместе с тем осталась такой же острой на язык насмешницей. Сама она говорит: «Что от бога, с тем не расстанешься».

— Давно мы с тобой не виделись, Кусиел, — сказал Эля.

— Где ты хочешь меня видеть, Эля? У Шимен-Лейви ты не показываешься.

— Ты прав, давненько я там не был.

— Жаль. А так хочется иногда поговорить с другом по душам. Выплюнуть скопившуюся горечь. Жаль...

— А что, Кусиел, для того чтобы поговорить с Элей, вам обязательно пужна харчевня? Приходите к нам домой и говорите здесь сколько вам вздумается.

— Что толку говорить, не промочив горлышка?

— Ну, четвертинка и у нас всегда найдется.

Хана сочувствует Кусиелу. Она знает, что Ципке он совершенно не нужен. Кусиел же любит свою жену и сильно страдает. Он все видит, все понимает, но приходится корчить веселую мину на лице.

— Заходите, Кусиел. Не стесняйтесь. Реб Авремл как раз собирается рассказать нам назидательную историю. Не правда ли, реб Авремл?

Участливые речи Ханы приободрили Кусиела. Давно уже не приходилось ему слышать доброго слова. Неужели он ошибался в Хане?

Эля слышит все, что говорила Хана Кусиелу, делает вид, будто все это его совершенно не касается. Кусиелу обидно за такое отношение друга. Почему он так себя ведет?

— Не пойму, что стало с вашим Элей, — обращается он к Хане. — Мы всегда были добрыми друзьями.

— Добрые, ничего не скажешь, — вмешалась в разговор Ципа. — То-то он вечно бил тебя, а ты бегал от него. Добрые...

Кусиел почувствовал себя совсем скверно, даже ноги задрожали. Такая неожиданная, обидная издевка, и от кого? От собственной жены. Ничего, скоро он ей все припомнит! От злости и гнева Кусиел не мог вымолвить ни слова, злыми глазами смотрел он на Ципку, а руки его сжимались в кулаки.

Хане очень не понравилось Ципкино выступление. Нехорошо так срамить мужа на людях, грех!

— Ципа! Как ты разговариваешь с мужем? Смотри, бог покарает. Запомни, что за такое можно лишиться царствия небесного. Знай, Ципа, если ты допустишь прегрешение перед господом, он может простить, но если обидишь человека, бог никогда не простит, простить может только человек.

В зеленых глазах Цинки появилась усмешка. Она легко поднялась с места и игриво сказала:

— Кусиел меня простит. Так ведь, Куся?

Кусиел не успел даже посмотреть на жену, как раздался Элин голос:

— Я тебя понимаю, Кусиел. Нечего ее прощать, она не стоит того. Высмеивать на людях собственного мужа! Нет ей прощения!

— Я тебя не прощаю! — ответил Кусиел. — Нет! Я больше не желаю быть твоим мужем. Во всяком случае, детям твоим — я не отец.

— Считай, что мы квиты, — поспешно отреагировала Ципа. — Я тебя обидела, а ты меня. Квиты! Так ведь, Хана?

— Что вы на это скажете, реб Авремеле?

Реб Авремл, не желая вмешиваться в семейные дела, принялся рассказывать историю:

— На окраине местечка, у самого леса, жил сапожник по имени Нахмен. Был он человеком тихим, богобоязненным, однако молился он не в синагоге и не заглядывал в молитвенник. Молился он, когда на душе было тяжело, иногда от радости, иногда от тоски. Тогда он говорил с богом, ничего у него не просил, просто изливал душу. Говорил он с богом на простом народном языке, поскольку в языке священных книг разбирался слабо. Молитвы свои он составлял из простых слов, иногда они даже слагались в стихи, которые приходили сами собой. Целыми днями Нахмен занимался своим сапожным ремеслом. Случилось так, что посреди дня, в самый разгар работы, к окну подлетел голубь и принялся стучать клювиком в стекло. Нахмен снял с себя засаленный сапожный фартук и сказал жене: «Двойреле, я пошел к своим». С этими словами он отправился в лес. Как только Нахмен появился в лесу, среди зверей и птиц поднялся переполох. Со всех концов доносится: «Нахмен, Нахмен!» Никто его не боится. Что, собственно, бояться сапожника? Однако почет и уважение к нему испытывают. Голубь, прилетевший звать его, происходил от того самого, что давным-давно прилетал к Ною с весточкой об окончании потопа. В лесу, что находится возле местечка, где жил Нахмен, было немало потомков тех зверей, которые были вместе с Ноем в его ковчеге. А поскольку со времен потопа много воды утекло, то все здесь перепуталось, и нельзя было сказать, кто происходит от «чистых» и кто от «нечистых». Из-за этого идут ссоры. Дело доходит до кровопролития. Ссора заходит далеко: начинают выяснять, чьи прародители лучше других знали Ноя, кто был с ним в ковчеге, а кого туда и близко не пускали. Когда дело доходит до такого раздора, прилетает голубь к Нахмену и зовет его: «Пойдем, спасать надо».

В лесу доподлинно известно, что Нахмен происходит от Ноя. Это могут подтвердить, перебирая в памяти всех отцов, дедов

и прадедов и так далее, до тех пор пока не доходят до праведника Ноя. Если дело опять дойдет до потопа, то новым Ноем будет Нахмен. Поэтому он окружен почетом.

Дальше Авремл рассказывает про то, как Нахмен обходился со зверями и птицами, как учил их жить в мире и согласии, внимать слову божьему. Авремл рассказывает образно, каждому зверю, каждой птичке придает живой характер.

Присутствующие слушали рассказ Авремла с интересом. Они уже успели позабыть о своих обидах, до того захватила их история Нахмена, его дружба со зверями и птицами в лесу. Только один человек слушает невнимательно, он весь поглощен собственными мыслями. Это — Эля Шлайен. В нем загорелась сильная злоба против Ципки. Он ее ненавидит. Недаром он молчал, пока Хана приветливо разговаривала с Кусиелом. Он молчал, чувствуя большую вину перед своим другом. Тяжело ему будет встречаться с Кусиелом, выслушивать его жалобы на Ципку, домыслы насчет того, кто является отцом Ципкиных детей. Ципка его возмущает, она до того обнаглела, что считает себя совершенно правой, а из мужа делает посмешище. Но не это главное. Ох, не это. Есть другое обстоятельство, которое гнетет и удручает Элю. Она опутала его, водит за собой, словно покорного бычка. Он же знает, что нельзя. Грех не только перед Ханой, но, главным образом, перед Кусиелом. Это — преступление. Однако все это забывается, все куда-то уходит, как только он снова чувствует рядом ее молодое упругое тело. Ципкин огонь сжигает его. Как ему теперь встречаться с Кусиелом? Чем утешить его, что сказать?

7

Маша предложила Симхе пойти немного прогуляться. Домой мальчик прибежал радостный и взволнованный.

— Что с тобой, дитя мое?

— Я встретил Бенционку!

— Он был один?

— Нет, с мамой.

С гильзой в левой руке и палочкой для набивания табака в правой, Маша так и осталась сидеть в ожидании, что еще расскажет ей сын. Мальчик молчал.

— Она ничего не сказала, не спросила?

-- Спросила, как мы живем, есть ли письма от папы.

— А ты что ответил?

— Ответил так, как ты всегда отвечаешь: «Все слава богу, грех жаловаться».

— Ты у меня умница, сынок.

Радостная Маша снова взялась за работу.

Она и сама не могла понять, чему она так обрадовалась. Молодец Симхе. Правильно ответил. Смысл его ответа таков: мы не собираемся никому навязываться, ни на кого и ни на чье не заримся. Особенно не хочется раскрывать истинное положение дел перед Розой Кадиш, «докторшей», которая теперь стесняется зайти в их дом. Нет, Маша не собирается стыдиться того, что ее муж сослан в Сибирь. Благодарение богу — ее Эзра не грабитель, не преступник!

И все-таки Маша испытывает радость. Пусть Роза не заходит к ним, но все-таки она есть. Она может прийти. Если не она сама, так Бенционка. Отчего бы ему не прийти и не поиграть вместе с Симхе? Мысль о том, что где-то рядом есть близкий человек, скрашивает одиночество.

Летели дни, но никто так и не приходил. И лишь недели через две к Маше зашла Берта Кава.

Берте Каве ума не занимать. Накопленный опыт привел ее к мысли, что настоящая жизнь сильнее всяких человеческих умствований. Жизнь постоянно движется, ее невозможно ухватить, она приходит и уходит, она течет, как вода между пальцами. Берта жила надеждой сохранить вечную молодость. Но настал день, и она ясно поняла, как сильно заблуждалась. Молодость ушла. Из жалости к себе она посчитала себя «немолодой», боясь откровенно произнести слово «старая». Это открытие не испугало Берту. Она не стала искушать себя бесполезными попытками обмануть годы и вернуть свою молодость. Она восприняла происшедшее как неизбежный поворот в своей жизни.

Приход Берты Кавы удивил Машу. Что она хочет ей сказать? Однако Маша быстро уверила себя в том, что Берта дружески к ней настроена. К тому же Маше импонировала ее откровенность. Разговор завязался незаметно. По привычке Маша не прекратила работу, она слушает, что ей говорят, сама вставляет слово, и между тем на стол падают готовые папиросы. Только когда Берта сказала: «А знаете, Маша, я пришла передать вам привет от Эзры», она прервала работу и с удивлением посмотрела на гостью.

— От Эзры? — неуверенно переспросила она.

— Да. Через человека, который тоже находится там.

Маша выжидательно смотрит на Берту. Что еще она скажет? И, не выдержав, снова повторяет:

— Эзра? Привет?

— Он жив, здоров. Его считают хорошим товарищем, уважают. Так написано в письме. Маша, дорогая, не надо плакать.

— Я не плачу, я радуюсь.

Но Берта видела, как тяжело дается Маше эта радость. Слезы лились из ее глаз, и Берта решила перевести разговор на другую тему:

— Скажите, Роза Кадиш давно у вас не была?

— Давно. Я даже уже не помню когда.

— Видите ли, Маша... — Берта редко путалась в разговоре, но сегодня с ней случилось именно это. Желая сменить тему разговора, она поспешила и неожиданно для самой себя заговорила о Розе, считая, что упоминание о ней не может оставить Машу равнодушной. До ареста Эзры Роза часто бывала у Мазоверов, дети их дружили между собой, Маша тоже нередко приходила к Розе. После ареста Роза первая пришла успокаивать Машу. И только после того как стало известно о ссылке Эзры в Сибирь, Роза перестала общаться с Машей. Как это надо понимать: боится ли она чего, стесняется? Во всяком случае, со стороны это выглядит именно так. Наверняка Маша обижена.

Поскольку гостя замолчала, Маша снова взялась за работу.

— Вот что, Маша... Я скажу вам правду. Роза знала, что я к вам приду.

— Почему она сама не приходит?

— Об этом я и хочу поговорить.

Берта мерит Розу на свой аршин. Безусловно, она добрая и отзывчивая, всякому готова посочувствовать, но вот самой себе часто помочь не может. И не каждый раз знает она, чего хочет. Настроение у нее часто меняется, она податлива, любит, чтобы ее желания исполнялись, чтобы сбывались сны и мечты. Тогда она бывает нетерпелива.

Берта считает, что каждый человек — это отдельный мир, в котором много окон и дверей. Из разных окон и дверей человек выглядывает по-разному.

Роза действительно очень переживала и за Эзру, и за Машу, и за их детей. Она себя чувствовала подавленной, заболела от расстройства, но прийти к Маше не могла. Так и откладывала со дня на день, с недели на неделю. Прошли месяцы. Роза представляет себе, что должна думать по этому поводу Маша. Теперь она хотела бы прийти, да неловко. Примет ли ее Маша как доброго друга?

Берта говорила тихо, спокойно и все время глядела Маше в глаза. Маша не прекращала работу, она следила за своими руками, которые теперь двигались быстрее, словно хотели за работой погасить волнение. Берта кончила говорить, теперь она ждала ответа. Маша на мгновение прервала работу и сказала:

— Ну что ж, в дружбе тоже лучше поздно, чем никогда.

— Недаром, Маша, о вас говорят, что вы добрая и умная. Но как же вы все-таки живете? Тяжело приходится с двумя детьми?

— Ну что вы... Слава богу, обходимся.

Маша готова принимать пожертвования от «божьих ангелов», лишь бы не обращаться за помощью ни к Розе, ни к Берте. Так низко она не опустится. Боже сохрани!

Роза забыла дорогу не только к Машиному дому. Давно не заходила она и к Лее. Хотя в душе не переставала беспокоиться о ней, о ее муже, думала и передумывала об их тяжелом положении. Наконец в теплый и ясный летний день Роза решила навестить тетю. Поглядев на себя в зеркало, она помрачнела, сочтя, что выглядит далеко не молодо. А этого было уже достаточно, чтобы настроение ее испортилось. Но, очутившись на улице, она понемногу успокоилась и даже приободрилась. Снова почувствовала себя молодой, тем более что знакомые на каждом шагу встречали ее приветливой улыбкой.

Дверь отворила молодая девушка, быстрая, подвижная. Она встретила Розу приветливо и тихо, еле слышно ступая, проводила ее в Леину комнату. С трудом Роза узнала свою тетю, до того она изменилась. Лица почти не было, на подушке видны были только одни волосы. Но Лея сразу узнала племянницу, недаром она столько времени ждала ее прихода. Розу охватило чувство жалости, однако вместо ласковых слов утешения она начала с привычного упрека:

— Как ты могла, тетя? Ты, такая умная...

Тетя Лея ответила ей слабым голосом, как бы продолжая Розину мысль:

— И так опростоволосилась? Это ты хочешь сказать? Так знай, когда человек так срамится, значит, ум его весь вышел.

Лее есть что порассказать. Все, что она передумала за это время о Тевке, о его невесте Анечке, которую ей, видно, сам бог послал. Это дело решенное. О себе она тоже думала: что будет, когда ее не станет? А это «не станет» очень близко. Роза — единственный человек, с кем она может об этом говорить, кому может довериться.

В комнату вошла Анечка. Поправив подушку, она что-то тихо спросила у Леи.

Роза недоумевает: «Это еще кто?»

— Анечка — Тевкина невеста, — поясняет Лея. — Замечательная девушка.

Роза удивлена этим сообщением. Тевкина невеста? Каким образом? Но сейчас не время пускаться в расспросы. У Леи упадок сил, она очень ослабла. Жизнь в ней продолжает теплиться как бы по инерции. Малейшее волнение — и все может кончиться.

Лея сказала:

— Роза, когда вернется Тевка, пусть он женится на Анечке. Она будет хорошей хозяйкой в доме, преданной женой. Все, что у меня есть, принадлежит Тевке. Как там Бенционка?

От Леи Роза направилась прямо к Маше. Леин вопрос о Бенционке вызвал у нее желание посмотреть, что делается в доме у Эзры.

— Вот я и пришла, хотя и несколько поздно,— сказала она, войдя в дом.— Наверное, я стою, чтобы меня бранили. Но ты все-таки не брани меня, Маша...

Маша прервала работу, чтобы встретить Розу.

— У меня для вас столько приветов, а вы все не показываетесь...

— Приветов? От кого?

— От кого? От мужа моего, от Эзры.

— Что он пишет? Как, жив, здоров?

— Разве он напишет правду? Наверняка скрывает, не хочет огорчать меня. Эзра не жалуется. Пишет, что считает дни и недели, когда сможет наконец вернуться домой.

— Посылает приветы?

— В каждом письме. Все время пишет: Роза Кадиш, наверное, часто приходит к тебе, чтобы ты не была одинокой. Передай ей привет, спасибо, что не забывает. Спрашивает, как живете. Бенционка, пишет, наверное, уже совсем взрослый.

Роза и Маша долго разговаривали, рассказывали, припоминали. С этого дня их дружба была восстановлена. Домой Роза возвращалась в радостном настроении. Он посылает приветы, спрашивает о Бенционке. Воспоминания об Эзре, бледном, обросшем, с печальными глазами, отступили куда-то. Больше не будет он для нее отрезанным ломтем. Пусть он далеко, но он есть, он посылает письма, приветы. Она тоже напишет ему, пошлет что-нибудь. Завтра она снова будет у Маши. Теплым летним вечером Роза идет к реке и там видит наяву то, что не раз ей грезилось во сне: разноцветные камешки на берегу, снующие в воде рыбешки. Поднявшись на горку, она подошла к груше, усыпанной дичковыми плодами. «Привет тебе от Эзры, привет от Бенционки»,— сказала она дереву.

9

— Что это все значит? — недоумевала Маша. — Может быть, я не в своем уме?

Из далекой Сибири Эзра прислал денег. Как это могло случиться? Казалось, она, Маша, должна посылать ему деньги, а не наоборот. Загадка, да и только.

В этот день Маша не могла заставить себя работать. Ей не сиделось на месте. Она решила прогуляться с детьми, но, не успев выйти из дому, вернулась обратно. Загадка не давала ей покоя. В этих раздумьях и застала ее пришедшая в гости Роза.

— Что ты на это скажешь, Роза? (Они теперь на «ты».) Эзра прислал по почте деньги.

— С каких это пор у него стали водиться деньги? Неужели он зарабатывает?

Несмотря на удивление, и Маша и Роза были обрадованы.

Раз Эзра посылает деньги домой, значит, ему хватает и для себя. Но только одна из них — Роза — знает секрет этой загадки, хотя раскрывать его ей неудобно. Тайком, чтобы Маша не узнала, она послала Эзре денег, не указав имя отправителя. Эзра же, зная бедственное положение Маши, часть этих денег отослал Маше, нисколько не сомневаясь, что именно она послала их ему. А Роза даже увлеклась таким интригующим поворотом дела: с помощью Эзры получает деньги и Маша.

Через некоторое время снова пришли деньги. На этот раз и Роза ничего не может понять: она денег не посылала. Естественный вопрос: кто же? Кто эта женщина? В том, что это благодеяние исходит от женщины, Роза нисколько не сомневалась. С нетерпением ждала она письма от Эзры. Наконец оно пришло, и вот что в нем было:

«Я теперь зарабатываю. Да, да, дорогая Маша, не удивляйся. О том, что есть такая земля Сибирь, ты уже знаешь. Ты не знаешь другого, и сам я этого тоже не знал: здесь живут евреи. В селении, где я нахожусь, евреи живут многие годы. Часть из них — такие же ссыльные, некоторые сами сюда приехали, есть и николаевские солдаты. Летом занимаются сельским хозяйством, зимой — столярным, сапожным и другим ремеслом. Есть тут шорник Йоша Райчук — староста молебна, единственный шорник на все село. Он выделывает хомуты, седла, сбруи. Сам он крепок, плечист, с натруженными шершавыми руками и загорелым обветренным лицом. Легко заметить его заостренные скулы и маленькие черные глазки, которые здесь никого не удивляют. Все знают, что бабушка у Йоши Райчука была калмычка. Этот факт пробудил мое любопытство, я хотел разобраться, что к чему. Выяснилось, что в начале века здесь среди евреев преобладали мужчины. А где взять женщин? У русского населения раньше была примерно та же картина, однако со временем мужчины заручились правом выкупать или выменивать пленных калмыцких женщин, обращать их в православие и брать в жены. Евреи обратились с прошением в Петербург, чтобы им тоже разрешили выкупать или выменивать калмычек и, обратив в свою веру, брать в жены. Такое разрешение было получено. Бабушка Йоши была дочерью калмыцкого народа. Два его сына уже больше походят на отца. Вот у детей этого самого Йоши я сейчас в учителях. Обучаю их древнееврейскому языку, учу грамотно писать по-русски. Как видишь, дорогая, я зарабатываю на хлеб, да и время летит быстрее. Чем быстрее оно летит, тем ближе час нашей встречи».

Маша словно помолодела, даже стала чаще заглядывать в зеркало, следить за собой. Казалось, что с этим письмом в доме снова появился Эзра. А Роза поняла из письма, что потеряла всякую возможность помогать Эзре. С горечью признала она, что он принадлежит одной Маше, хотя шлет приветы и ей, Розе. Но только приветы. Писем ей он не пишет.

Трудно сказать, становится ли Лее хуже. Хуже, кажется, уже некуда. Но она еще жива. Как говорится, черпак иногда переживает котелок. Но так черпаком и остается. Когда приходит Роза, Лея узнает ее, чувствует ее присутствие. И еще Лея сознает: покуда есть другие люди, есть и она, Лея. К тому, что в доме хозяйством занимается Анечка, Роза уже привыкла. Она расспрашивает девушку, что слышно в доме, как чувствует себя больная, что пишет Тевка. Анечка охотно делится новостями, ей приятно, что жена доктора Кадиша видит в ней человека, у которого можно спрашивать. Письма Тевке пишет она и подписывает так «Твоя мама Лея и твоя невеста Анечка». Поначалу Тевка удивлялся, но потом, уразумев истинное положение вещей в доме, принял как должное. Последнее письмо его начиналось словами: «Дорогая мама и дорогая Анечка». Анечка дала прочитать его Розе — пусть видит, что у Анечки есть все основания хозяйничать в доме на правах Тевкиной невесты. Это письмо имело для Анечки особое значение. Об этом она как раз и хотела поговорить, посоветоваться с Розой. В письме Тевка сообщал, что встретил своего бывшего репетитора Фрумкина. Его невеста Лиза приехала к нему. Они поженились. С момента получения этого письма в голове Анечки поселилась мысль, которая не дает ей покоя. Она ведь невеста, — может быть, и ей следует поехать к своему жениху, помочь ему, ободрить, облегчить жизнь?

— Я бы поехала, — говорит она Розе, — если бы дело было только во мне. Даже ни минуты не сомневалась бы. Но как оставить этот дом, больную Лею... Как вы считаете, Тевка не обидится? — Анечке хочется, чтобы Тевка почувствовал, как сильно она его любит, как предана ему. Хорошо бы, Роза проявила к ней сочувствие, нашла для нее оправдание, успокоила.

— Анечка, вы можете быть спокойны. За вашу преданность Тевка будет очень благодарен.

И тихо добавляет уже одними губами: «У меня тоже не получается. И я люблю...»

Анечка воспринимает откровенность Розы как знак доверия. Выходит, не одна Анечка переживает. Слова эти вырвались у Розы из глубины души. Эзра пишет письма, Тевка пишет, у всех есть адреса, только у нее нет. Роза ушла, позабыв проститься с Леей. Она шла медленно, тяжело неся свое полное тело, и обычно радостные глаза ее были грустными. Погруженная в свои мысли, она понимала, что все это одни фантазии, которые фантазиями и останутся. Но уже сама мысль будоражит ее: что, если и в самом деле махнуть на все рукой, бросить все и поехать к Эзре в Сибирь? Но губы ее повторяют: «Нет, это фантазии, одни лишь глупые фантазии». Она связана, никуда она не может ехать. Мысль эта кажется ей оправданием, но не успокаивает,

а, напротив, вызывает горечь. Она уже не молода, далеко не молода. Нет, ехать к Эзре ей не по силам...

Розу, жену доктора Кадиша, дочь Берла Федера, хорошо знают в городе. То и дело попадаются знакомые. Мужчины снимают шляпы, женщины приветствуют ее кивком головы:

— Здравствуйте...

— Здравствуйте...

Роза отвечает не всем. Это удивляет — надо же быть такой рассеянной. Не случилось ли несчастья?

Однако Злата и Фейгеле, попавшиеся ей навстречу, не прошли мимо, а остановили Розу. Роза обрадовалась этой встрече. Будет возможность избавиться от тяжелых мыслей, которые порядком измучили ее.

— Была у тети Лей. Нехорошо, очень плохо. — Роза сокрушенно покачала головой. — Что стало с человеком!

— Жаль бедняжку! — вздохнула Злата.

— Человек гораздо слабее мухи, — вторила ей Фейгеле. — Господи, избавь.

— Знаешь, Роза, мы идем к нашим.

— К кому? — не поняла Роза.

— Я — к своему Цале, она — к Менахему. Послушай меня, ты еще ни разу не была у Цали на могиле. Пойдем с нами. Увидишь, это принесет тебе счастье, исполнятся все твои желания. Цаля — он наш заступник перед господом.

Злата и сама не ожидала, что Роза так быстро даст себя уговорить.

— Счастье? — переспросила она. — Хорошо, я иду вместе с вами.

На кладбище, по-летнему зеленом, было спокойно и тихо. Так показалось Розе, когда она вошла в ворота. Все здесь жило и росло: кусты, деревья. Навстречу ей вышел привратник, одетый во все черное и с черной седоватой бородой. Злату и Фейгеле он оставил без внимания, сразу подошел к Розе:

— Кто вам здесь нужен, мадам?

Вопрос прозвучал для Розы неожиданно, она удивленно развела руками:

— Кто?

— В таком случае, мадам, я покажу вам место, где похоронен ваш отец Берл Федер. Там же лежит и ваша мать, Сора Федер. Идите за мной.

Роза совсем забыла, что на этом кладбище покоятся ее мать и отец. Она пошла за служкой.

— Разумеется, заупокойную молитву? — спросил он.

Роза не поняла, что он сказал, но служка, не дожидаясь ответа, начал читать молитву. Роза слушала и шептала: «Отец, мать, просите за меня у всевышнего». Заплатив служке, Роза пошла к выходу. С разных сторон доносился плач. Тишины как не

бывало. Почувствовав себя неуютно, Роза вышла через ворота и быстро пошла, не оглядываясь.

Дома она узнала о кончине тети Леи. Она ведь была у нее сегодня и даже не простилась с ней. Все произошло так тихо, что смерть ее не сразу заметили. Тяжелый выдался день. Кругом — мертвые. Розе стало зябко. Она старается укутаться потеплее, но все равно не находит себе места. Тетя Лея всегда была ей добрым и преданным другом, к тому же умным советчиком. Уходят из жизни хорошие люди, уходят годы... Она почувствовала себя одинокой. Никто не хочет умирать, но смерть приходит неизбежно. Каким бы ни было кладбище по-летнему зеленым, все равно оно полно горестей и печали. Тоскливо на душе оттого, что нет больше тети Леи, оттого, что вообще люди не живут вечно.

Все то время, что они с Авигдором были на похоронах, Роза неотступно думала об Анечке. Теперь у девушки развязались руки. Ничто не мешает ей поехать к своему жениху в Сибирь.

На следующее утро после похорон к щемящему чувству одиночества у Розы добавилось ощущение, что в последнее время она почти забыла о своем Бенционке. Думая о чужих людях, она почти перестала думать о собственном сыне. Все сегодня раздражало Розу. Она даже накричала на кухарку, которая стряпала в доме многие годы. Роза всегда ее хвалила, называла не иначе как «моя дорогая Мина», любила слушать, как Мина поет народные песни. Сегодня Роза напустилась на нее из-за песенки, которую слышала и прежде. Она ей даже правилась.

Деньги за квартиру хозяину,
Деньги за квартиру городовому,
Деньги за квартиру часовому,
Денежки надо платить...

Кухарка, понятное дело, сразу замолчала, но не могла понять, чем она вызвала такой гнев хозяйки.

В этот же день пришла Берта Кава. Роза обрадовалась, будет с кем поделиться и кому пожаловаться на себя. Почему она должна переживать за Машу? С какой стати ей разбираться, кто там виноват: Ципка или ее муж? Зачем ей думать об Анечке и давать ей советы? Для чего? Кому это надо? У нее своя семья, свои дети, хватает своих забот. Берта слушает внимательно, вполне понимает ее и сочувствует. Конечно, Роза не скажет всей правды, но все равно, будь то даже часть правды, видно, что Розе очень тяжело.

— Роза, дорогая, вы преувеличиваете. Жить только для себя, от всего отгородившись, как курица в курятнике, тоже нельзя.

— Многие могут...

— Но вы — не многие... Вы не сможете. Поверьте мне.

— Кто знает... Может, вы и правы.

С утра выпал мокрый снежок, который быстро растаял. Несколько раз принимался накрапывать дождь, но быстро переставал. Небо сплошь заволокло облаками, время от времени они образуют небольшой просвет, чтобы пропустить немного света, и снова смыкаются. Ветер надрывается, качает деревья, словно хочет сорвать с них последние листья. Позади остались грозные дни, отошли осенние праздники. Остались будничные горести, заботы о хлебе насущном. Приближалась зима.

В харчевне Шимена-Лейви пол сегодня усыпан опилками. За буфетной стойкой, уставленной пивом и вином, в ожидании гостей расположился сам хозяин. В харчевне тепло, уютно, Шимен-Лейви сидит в одной жилетке, на голове его маленькая шапочка. Со стороны кухни доносится аромат аппетитного борща, густо приправленного лавровым листом и перцем. За соседними столиками удивляются: Кусиел Ципер сидит один за столом с водкой и закусками, но ни к чему не притрагивается, то и дело поглядывает в сторону двери. Что это может значить? Оказывается, он ждет Элю Шлайена. Раз тот обещал прийти, он не станет обманывать. Кусиел расположен сегодня поговорить с другом начистоту, рассказать, как он любит Ципку и в то же время ненавидит. Что ему делать? А тут еще мучит нерешенный вопрос. Он уже перебрал в памяти всех гродненских мужчин, каждого из них знает как свои пять пальцев, но так и не смог уразуметь, кто же из них отец «его» детей. Ципку он пока трогать не станет (ничего, ее время придет!), но этого «напашу» он не пощадит, придется немного пощекотать его ножичком. А нож Кусиел может всадить под ребро очень даже легко. Для него это все равно что в масло. Он еще расквитается, пустит кровушку кому надо.

Завидев Элю, Кусиел радостно поднялся ему навстречу. Снова встретились за столом старые друзья. Один из них знает некую тайну, другой пока не знает ничего. Внешне оба спокойны, молчаливы. Эля первым нарушил молчание:

— Ну что, Куся, выпьем?

Эля чувствует себя виноватым. Ципка отравляет Кусиелу жизнь, и Эля не может ей этого простить. И себе тоже. Все время попадает на удочку Ципкиной фальши. Она берет его за руку, лукаво заглядывает в глаза, тогда он теряет голову, желание заполняет его, и он превращается в послушного ягненка. Сюда он пришел с намерением повиниться перед Кусиелом. Невозможно больше держать этот камень за пазухой. Если он не сказал всей правды сразу, то только потому, что щадил Кусиела. И сейчас он тоже отмалчивается, больше налегая на водку и закуску. Кусиелу, напротив, кусок в горло не идет. Он ищет сочувствия, ему не терпится излить душу, хотя

он и понимает, что выглядит довольно жалко, словно девица, которая краснеет по поводу и без оно́го. Разговор не клеится.

— Куся, ты ничего не пьешь? Что с тобой?

— Худо мне, брат.

— Рассказывай!

Легко сказать — «рассказывай». Кусиел очень ждал этой встречи с Элей, но сейчас он понял, как непросто выставить себя напоказ, изобразить из себя полнейшее ничтожество. Кто? Он, Кусиел Ципер, будет ходить в жалких хворых калеках, в немо́цных дураках? Он этого не допустит. Ему не пужно, чтобы его жалели, говорили про него «бедняжка»...

Тем временем друзья сидят за столом молча, даже глаз не поднимают друг на друга. Оба немного постарели. Эля, правда, по-прежнему высок, здоров, плечист. Кусиел не стал ни выше, ни ниже, чем был, разве что еще больше покруглел. Опустившийся и погрязший в своих заботах, он являл весьма жалкое зрелище.

— Давай выпьем, Куся, — снова предложил Эля.

Выпили, но закусывать не стали.

— Плохо ты пьешь, Куся.

— Худо.

— Ну, так расскажи.

Боль не дает Кусиелу покоя. Зарезали без ножа. Эля чувствует за собой вину: предал товарища. Чем теперь поможет ему? Может, даже лучше, что Кусиел молчит. Кусиела молчание это начало порядком тяготить. Не за тем он пришел сюда. Надо взять себя в руки, как подобает мужчине.

— Что ж, Эля, давай выпьем.

Только сейчас он заметил, что и Эля перестал пить и сидит какой-то рассеянный. Настал его черед спросить:

— А ты почему плохо пьешь, Эля?

— Нехорошо.

— Тебе-то с чего? Ладно, скажу про себя. С Ципкой я пока что ничего сделать не могу. Но «папашу» этого я должен из-под земли достать. Я перерыл весь Гродно. Никого. Остались только те, кто вне моих подозрений.

— Кто же это?

— Я и ты.

— А раввин?

Эти слова вырвались у Эли совершенно неожиданно. Ему не хотелось быть одним из двух, непогрешимых, лучше уж — одним из трех.

— Ты шутишь, а у меня сердце кровью обливается. Эля, друг, помоги, посоветуй. Кто он? Я не живу, не сплю, потерял человеческий облик. — В голосе Кусиела слышались слезы. — Жизнь надоела, руки на себя наложу. Буду последней бабой, если не сумею расквитаться.

Эти слова сильно задели Элю. Сколько можно трусливо прятаться, скрываться? Сколько можно лгать самому себе?

— Кусиел, дорогой, поверь мне...

— Что не ты? Да я знаю, знаю.

— Кусиел, поверь, говорю как на духу: я — отец твоих детей.

— Эля...

— Клянусь богом!

— Эля... — На лице Кусиела появилась глупая улыбка. Потом он уронил голову на стол и разрыдался. — Ты?! Я убит, уничтожен... Отведи меня домой.

12

Кусиел провалялся больной примерно месяц. Никого не хотел ни видеть, ни слышать, ни знать. Ципка старательно ухаживала за мужем, но делала все это безмолвно, ибо Кусиел не мог выносить голоса ее, ее глаз и особенно ее дружеского участия.

Хана честила Ципку почему зря. Это из-за нее, из-за ее высмеивания и издевательства заболел Кусиел.

— Ты не забывай, что он твой законный муж перед людьми. Может быть, перед богом давно уже нет. Скажи мне еще: хорошо ли смеяться над тем, кого наказал господь? Ты не забывай, Ципка, это пахнет адом.

Ада Ципка боится как огня. Но то, главное, к чему она стремилась, у нее уже есть. Это — дети. Хватит! Она мечтает теперь жить с Кусиелом в мире, как и положено мужу с женой. И она обратила на Кусиела всю свою преданность. Для Кусиела же эти сладкие чувства — нож острый, прямо-таки воротит с души.

Провалявшись с месяц, Кусиел поднялся с постели, бледный, исхудавший. Несколько дней он просидел у окна, глядя на двор, на плотный снежный покров, застилавший крыши. На улице снег кое-где успели истоптать. Дети с веселыми криками катаются на санках, скользят по льду. Спустя пару дней Кусиел пошел к бывшему страннику Авремлу. С того дня Кусиела все чаще стали видеть в большой синагоге. По нескольку часов в день просиживал он с Авремлом в углу, изучая молитвы и священные книги. Авремеле сказал ему, что он может говорить с богом на простом еврейском языке, ибо бог понимает все языки, он сам их и создал.

Раввин большой синагоги заметил человека, который неизменно сидит на одном и том же месте, и как-то спросил:

— Как ваше имя?

— Кусиел.

— Мир вам, реб Кусиел. Что вы изучаете?

— Я славлю имя господне.

— Да пошлет вам бог здоровья, реб Кусиел.

Кусиел стал завсегдатаем большой синагоги. С утра до вечера его можно видеть на одном и том же месте. Кусиел изнуряет себя постом. Он твердо решил отказаться от всех удовольствий жизни, ибо хочет искупить грехи свои и принять покаяние. Кусиел преисполнен добра к людям. Он простил Элю. Даже Ципку простил. Правда, ему надо очень сдерживать себя, чтобы ненароком не отпустить проклятие в ее адрес. Чем чаще видит он перед собой ее глаза, тем чаще постится. Бывает, что посреди молитвы он видит вдруг ее носик. Тогда он до боли кусает руку, только бы прогнать от себя назойливое видение. Несмотря на то что он всех простил, всем желает добра, где-то в нем по-прежнему сидит жажда мести. Кусиел гонит ее от себя, снова и снова изнуряет себя постом. Кусиел ослаб, ничего больше не хочет, ничто ему не нужно, только бы испросить прощения у господина: «Боже милостивый, не карай меня, погаси огонь в моем обиженном сердце, сделай так, чтобы память моя не держала зла. Ты же знаешь — никому я зла не желаю. Избавь меня от греховных мыслей».

Опять ночь, и опять не спит Кусиел. Снова изнуряет себя постом.

Авремл говорит ему:

— Послушайте меня, реб Кусиел. Вы поступаете неправильно. Изнурять себя противно воле божьей. В священных книгах написано: живите по законам Торы, но не умирайте от них. А вы что делаете? Это же самоубийство!

Кусиел понимает, что Авремл прав. Правильно говорят и священные книги. Но он-то делает все для того, чтобы очиститься от греха, избавиться от грешных мыслей...

Был солнечный зимний день, когда Эля Шлайен вместе с другими прихожанами явился в большую синагогу. Как и многим другим, ему хотелось вблизи посмотреть на кающегося Кусиела Ципера. По дороге в синагогу он думал о кающихся грешниках откровенно плохо. Сначала наворачают черт знает сколько всего, грабят, разбойничают, соки пьют из людей, потом увидят, что годы ушли,— и начинается покаяние! Вчерашний грешник бьет себя в грудь, становится добронорядочным человеком, и все воздают ему почести. Плохо ли творить разные неблаговидные делишки с надеждой вовремя «раскаяться» в них? Эля даже помнит слова, произнесенные раввином мясницкой синагоги: «В священных книгах сказано, что благие дела раскаявшихся грешников угодны богу больше, нежели благие дела праведников». Эля не хочет брать греха на душу, но не может согласиться с этим изречением. Как это

вчерашний вор или разбойник может быть больше угоден богу, нежели честный человек?

Кусиел с трудом узнал Элю, к тому же он вообще ни на кого не смотрит, сидит, завернувшись в талес, и в задумчивости глядит все время в одно и то же место молитвенника. Что он там видит? Может быть, харчевню Шимена-Лейви? Или зеленые глаза Ципки? Стоило Эле подумать об этом, как Кусиел поднял на него глаза. Только сейчас Эля заметил, как исхудал и побледнел Кусиел. Где он, его закадычный жизнерадостный друг с щечками-пампушками? В этом обросшем бородой человеке нет и следа прежнего лихачества, хвастовства, задиристости. Заметив, что Эля изучающе смотрит на него, Кусиел тут же опустил глаза и натянул талес на голову. Эля круто повернулся и вышел из синагоги. Чего он добился, открыв Кусиелу правду? Зарезал человека без ножа. С правдой тоже надо уметь обращаться. Невозможно поверить, что Кусиел способен долго просидеть в этой синагоге, денно и нощно пребывая в постах и молитвах. Нет, не выдержит, вернется к своей Ципке. А там... Одно из двух: либо снова будет любить, как прежде, либо придушит.

Поначалу мало кто знал о том, что в большой синагоге появился новый кающийся грешник. Присутствие его никому не мешало. Сидит себе человек, молится, постится — бог с ним. Позже, когда слух о покаянии Кусиела Ципера расползся по городу, люди начали удивляться: Кусиел Ципер — кающийся грешник? Невероятно! После того как Эля Шлайен лицезрел своего друга в этой роли, пришли поглядеть на него и прочие дружки. Кусиел не хотел даже смотреть в их сторону. Только мешают ему, не дают разговаривать с богом, вторгаются в его покой и отрешенность от греховной суеты.

Вечером в субботу за трапезой «Прощай, суббота» в харчевне Шимена-Лейви было на редкость оживленно. Долговязый Мешл с длинными руками и широкими плечами, как бы специально созданными для ношения мешков и тюков, славился среди местных грузчиков своей удалью. В харчевне его знали как первого мастера по части выпить и пошуметь. Хотя к субботнему блюду в харчевне не подавали ни вина, ни водки, часть посетителей пребывала сегодня в веселом настроении. Мешл, среди прочих наблюдавший покаяние Кусиела, громогласно поведал собравшимся, как их дружок стал праведником.

— Так и подмывало меня сказать ему: «Куся, сумасшедшего надо выписать, тебя вписать. Как тебя угораздило?» Но я ничего не сказал. Он был так сосредоточен и задумчив, словно размышлял, как ему поднять бочку с селедкой.

Больше никто не кричал и не шумел. Однако всех разбирало любопытство: что могло случиться? Как это человек решился бросить жену с детьми?

— Спросите у вссвышнего.

На следующий день новость облетела весь город. Кусиел Ципер ушел от жены с детьми и стал изгнанником. Сумасшедший!

Валом валили желающие поглазеть на покаяние Кусиела. Эля и Ципа не на шутку опасались, как бы эта новость не дошла до Ханы. Слишком многое откроется тогда.

Скоро об этом узнали Злата и Фейгеле. Было о чем рассказать, когда они пришли проведать «своих». Вот что рассказала Злата, придя на заметенное кладбище:

— Помнишь, Цаля, Кусиела Ципера? Он теперь принял покаяние, постится да читает псалмы. Одним праведником больше будет в раю.

Берта и Роза сразу догадались, что Кусиел Ципер муж той самой Ципки, обращавшейся к ним за советом.

— Очевидно, бедняга испытал резкий перелом в жизни. Наверное, не видел для себя иного выхода. Винить ее не в чем.

На Машу это событие почти не произвело впечатления. Хватает своих забот: надо работать, кормить детей, ждать писем от Эзры. Маша считает недели и месяцы, оставшиеся до его возвращения. Когда же приходит от него пара рублей, на душе становится веселее. В ожидании мужа Маша не перестает разговаривать с ним:

— Эзра, возвращайся к нам. Мы ждем тебя.

ЗВЕНО ЧЕТВЕРТОЕ

Из детей вырастают отцы.

1

Время идет. Надежда становится все явственнее и реальнее. Уже не за горами тот день, когда сосланные вернутся наконец домой.

Анечка проявляет нетерпение и беспокойство. До последних месяцев все для нее было ясно и понятно: она — хозяйка в доме, она ждет своего жениха. Но сегодня... Сегодня с утра льет дождь, барабанит по жестяным крышам, струится по стеклам. Аня неподвижно сидит на канапе и задумчиво смотрит в окно. Она не столько пытается что-то разглядеть, сколько хочет мысленно представить себе предстоящую встречу с Тевкой. Из четверых сосланных Эзре предстоит вернуться домой к жене и детям. Переле и Перец приедут к своим родным как жених и невеста, а может быть, даже муж и жена. А Тевка? Анечка обеспокоена. Тайное может стать явным. А если нет — тогда ничего не ясно. К ней должен приехать Тевка, ко-

того она выбрала себе в женихи. Его мать Лея благословила их и не раз высказывала свое одобрение в разговорах с Розой. Но сам Тевка еще не сказал своего слова. Не выйдет ли так, что она останется невестой без жениха?

Анечка подходит к залитому дождем окну. Вот она видит, как заходит Тевка, бросается к ней, обнимает, целует: «Анечка, дорогая, отныне мы будем с тобой вместе». Она видит его, слышит его голос, улыбается, словно хочет сообщить всем прохожим: она счастлива, Тевка ее жених! Аня уже не та юная девушка, она выросла и стала ощущать в себе женщину. Не выдержав, она подходит к зеркалу, разглядывает себя со всех сторон. Все ей нравится: волосы, грудь, глаза. Тевке должна понравиться такая красивая невеста. Как она ждет возвращения своего жениха! От радости Анечка кружится в танце возле зеркала. Она смотрит на себя и шепчет: «Это все для него, для него!»

Она снова села на канapé, принялась разглядывать заплаканные стекла. Это правда, что она нравится себе, но нет в ней настоящей уверенности ни в себе, ни в Тевке. Может, она ему вовсе не нужна или откровенно не нравится? А вдруг случится так, что он приедет с женщиной и скажет: «Знакомься, Анечка, и учти, что мы очень голодны». От этих слов Анечка чувствует, как меркнет вся ее красота, становятся бледными щеки. Снова бежит она к зеркалу. От страха из глаз ее едва не выкатились белки. Даже смотреть страшно.

Неужели мама была права? За всю ее преданность покажут кукиш, да и только. Аня сердится на самое себя. Она ведь так старается! Стережет дом и хозяйство, родную мать не подпускает, чтобы та, не дай бог, не взяла ложку или тарелку — о более дорогих вещах и речи нет. Но вот Аня, как бы пробудившись от своих мыслей, увидела, что в доме стало светло. Дождь прекратился, и в окна заглянуло солнце. И Аня в шутку сказала самой себе: «Глупышка, что значит ты не нравишься? Где он найдет лучше? А его письма? Леина воля и ее наказ Розе?» Пусть только приедет. Она уж знает, как его встретить, как принять.

Аня повеселела.

А мать не оставляла свои увещевания:

— Кажется, ты не такая глупая. Подумай, что ты говоришь? Он же возвращается «оттуда», отбыв наказание. Кто теперь за него пойдет? Ты же оказываешь ему благодеяние. Надень красивое платье.

— Нет, мама, не благодеяние. Я люблю его. Без него я ничего не стану надевать.

Несмотря на это... Находясь в неизвестности и желая увериться в своей правоте, Анечка через пару дней пошла к Розе Кадиш. Очень ей хотелось, чтобы Роза повторила Леины слова: «Пусть Тевка женится на Анечке».

Роза ждет возвращения домой Тевки и Эзры. Но не только она считает, когда выйдет срок. Она приходит к Маше, и та всегда готова с точностью сказать, сколько осталось дней и недель.

Розу обрадовал приход Анечки.

— Тевка? Конечно же он скоро вернется. Но не только он. Четыре года прошло. Нелегкие это были годы.

Для Анечки, думает про себя Роза, это были годы становления, она вступила в самую пору своей красоты. Теперь подоспело время и выходить замуж. У Розы все наоборот: постарела, устала от жизни, отяжелела... Но не это беспокоит ее — к этим переменам она успела привыкнуть. Теперь она не так уж думает о предстоящем возвращении Эзры. Просто это имя напоминает ей о Бенционке. Она мечтала найти уладу в своем младшем сыне, хотела, чтобы все восхищались его внешностью, умом и способностями. Грех жаловаться, Бенцион растет хорошим мальчиком и учится хорошо, но как он далек от того образа, который рисовала себе Роза. Обыкновенный мальчик, мало чем отличающийся от других, говорит только по-русски и совершенно чужд всего, что связано с еврейской жизнью. Когда отец на судный день отправляется в синагогу, Бенцион нехотя сопровождает его. Зато ему доставляет удовольствие передразнивать бабушку Злату, когда она пытается говорить по-русски, а ее еврейскую речь он совсем не понимает... Конечно же Роза, мечтавшая видеть в своем сыне народного героя, чувствует разочарование и обиду.

— Анечка, вам не о чем беспокоиться. К вам приезжает жених. У вас все будет прекрасно.

Успокаивая Анечку, Роза пытается тем самым вселить спокойствие и в себя. Роза осталась верна себе — с годами она не утратила желания всегда слышать только хорошие вести.

— Я жду его, жду с нетерпением. Поскорее бы он приезжал, — так говорит Аня.

— Девочка моя, надо немного набраться терпения. Не забудьте пригласить меня на свадьбу.

От этих слов лицо Ани просветлело. Забыть пригласить на свадьбу? Как это можно? В эту минуту она готова была обнять и расцеловать весь белый свет.

Аня ушла. У Розы было такое чувство, что она откровенно завидует этой девушке. Анечка падеется, ждет, у нее вся жизнь впереди.

В этот же день Роза вместе с Бенционом пошла навестить Машу.

Ни одна из мам не заметила перемену, произошедшую в отношениях мальчиков. Исчезла сердечная дружба, которая была, когда они вместе проводили время, вместе туляли и иг-

рали. Первым это почувствовал Симхе. Он воспринял перемену не разумом, а именно сердцем. Бенцион стал разговаривать с ним холодно, нехотя, как бы делая одолжение. Кажется, будто он обижен или сердит. А за что? Раньше они так хорошо понимали друг друга, вместе им всегда было легко. Теперь Бенцион смотрит на Симхе свысока, во взгляде его появился даже оттенок сожаления. Как может он считать Симхе ровней себе, если тот не умеет даже как следует говорить по-русски. Целыми днями набивает табаком папиросы, ходит в каких-то старых обносках. Бенцион знает и про то, что отец Симхе отбывает ссылку в Сибири. В гимназии, в кругу его знакомых о людях такого сорта говорят определенно — преступник. «Какое между нами может быть равенство! — думает Бенцион. — Мой отец — доктор Кадиш. Его знает весь город!» Теперь Бенцион все чаще недоумевал, зачем его мать ходит к этой Маше. Что она у нее забыла? И почему он должен приходить сюда вместе с мамой? Здесь все насквозь пропитано запахом табака. Маша сидит, ни на минуту не оставляет работу, слушает, что мама ей говорит, и все время кидает на стол набитые табаком папиросы. Что в том хорошего? И как она смеет говорить его матери «ты»? Бенцион сидит насупившись и молчит. Увлеченные разговором, Маша и Роза всего этого не замечают. У Симхе на сердце тяжелый груз. Бенцион слишком задается. «Что ж, придется обойтись без него». Симхе не хочет смотреть в сторону такого друга, который смеется над его матерью и отцом. Ему еще не приходилось кого-либо серьезно ненавидеть. Теперь он почувствовал, как в нем зреет ненависть к этому гимназисту, который так хочет высмеять и унижить его.

Мамы между тем заняты своими проблемами.

Когда их дети были поменьше, они казались больше похожими друг на друга. Теперь к их схожести примешалось и существенное различие. Оба мальчика черноволосые, у них худощавые удлиненные лица, одинаковые прямые носы. У Бенциона — полные сытые губы, выражающие довольство жизнью. У Симхе — губы тонкие, беспокойные. Бенцион широк в плечах, Симхе сухощав и костист. Чем дальше, тем больше проступает различие между ними. И все-таки они очень похожи.

По дороге домой Бенцион корил себя за то, что поддался настроению и дал Симхе почувствовать разницу между ними. Но теперь все равно пропало, нечего и жалеть об этом! Конечно, можно посочувствовать Симхе и его матери: они бедны. Но он-то чем виноват?

Матери не знают, о чем думают их дети, что переживают. В ожидании Эзры Маша не находит в себе сил думать о чем-то другом. И Роза ждет Эзру, хотя бы для того, чтобы он смог направить Бенционку на верный путь. Несмотря на то что

веры и надежды в ней поубавилось, она по-прежнему мечтает видеть своего сына героем.

Маша и Роза даже и подумать не могли, что их дети больше не дружат между собой. На самом деле дружба кончилась, и они стали испытывать все большую взаимную неприязнь. По природе Бенцион вовсе не злой, не откажется прийти на помощь товарищу, но он не считает Симхе ровней себе. Его мать можно как-то понять. Она общается с Машей, потому что хочет приободрить ее, помочь ей. Однако для него, Бенциона, это совершенно чужие люди. Остается только посочувствовать им, не более того. А этот Симхе так и набивается в приятели, держится совсем запанибрата. Надо ему напомнить, кто есть он и кто есть Бенцион, кто его отец и кто доктор Кадиш.

Симхе воспринимает происходящее глубже. Бенцион наносит обиду не только ему, но и его матери, отцу. Разве он не знает, что думает Бенцион о его отце, который томится где-то в далекой Сибири. Или о маме, целыми днями делающей папиросы для фабрики? В его глазах они серые люди, не чета ему. Обида с каждым днем все глубже проникает в сознание Симхе и постепенно переходит в ненависть. От этих мыслей и чувств невозможно отделаться. Чем он, Симхе, хуже? Неужели ползать на коленях, унижаться? Нет, ни за что, ко всем чертям! Так в сердце Симхе образовалась рана.

Первой об этом прознала Роза. Она собиралась пойти к Маше узнать, что пишет Эзра, когда его ждать домой. Как всегда, она позвала с собой младшего сына. Совершенно неожиданно Бенцион отказался сопровождать ее.

— В чем дело, сынок?

— Видишь ли, мама, мне это совершенно не интересно.

— Вот как? Почему же мне интересно знать, как они живут, как им помочь?

— Твой интерес и меня удивляет.

— А я удивляюсь на тебя, Бенционка. Почему вдруг такие перемены?

— Вовсе не вдруг, мама. Ну скажи мне честно, о чем я могу говорить с Симхе?

Роза огорчена. Вся беда заключалась в том, что Бенцион был по-своему прав. Когда дети были маленькими, им было хорошо вместе, теперь детские игры отпали, требовалось уже нечто большее. А «большого»-то как раз и не хватает. У Бенциона есть другие товарищи, они ему ближе и понятнее.

В доме у Маши Роза почувствовала, что многое воспринимает по-другому. Сегодня все казалось как-то сумрачнее и беднее, чем обычно. Маша выглядела усталой и озабоченной. Дети запущены, плохо одеты. И как это Маша позволяет себе работать не отрываясь, когда Роза говорит с ней? Такого себе никто не позволял. «Она забывает, что перед ней Роза Ка-

диш... Да, видно, молодые глаза видят острее», — подумала она о Бенционе.

Маша настолько глубоко ушла в свои мысли, переживания и заботы, что порой не замечает, то ли на дворе снег, то ли дождь, то ли светит солнце. Симхе даже рад, что мама пока ничего не знает про его разлад с Бенционом.

Но вдруг Маша прекратила работу, в воздухе замерла рука с пустой гильзой. Словно припоминая что-то, она сказала:

— Сдается мне, Роза ушла, даже не сказав «до свидания». Я это сразу не заметила. Только сейчас мне пришло в голову. Не пойму, что случилось. Ты не знаешь, Симхе?

— Нет, мама, не знаю.

— Погоди-ка, погоди. Кажется, в этот раз она приходила без Бенционки. Что произошло?

— Не знаю, мама.

— Может быть, мне все это только показалось. Я и сама не знаю. Поскорее бы возвращался отец, — И Маша снова взялась за работу.

3

На долю портного Шимена и его жены Шейне еще выпало «счастье» слышать приговор, вынесенный по делу Тевки и Переле с Перцем. Шимен упорствовал до последнего, отказывался лечь в постель, хотя все видели, как ему плохо. Наконец он взялся за лечение, стал принимать лекарства, но это уже не помогло... Через неделю все гродненские портные провожали его в последний путь. Шейне вели под руки, она не чувствовала под собой ног, шла и все время повторяла: «Моя жизнь кончена. Пустите меня к нему». Через месяц она последовала за мужем.

Тевка по-прежнему в Сибири. Впрочем, родители еще при жизни смирились с тем, что он считается сыном Леи. Переле с женихом тоже где-то там. В доме живет Гителе с мужем.

Гителе и поныне трудно постичь то, что произошло с ее сестрой. С детства они росли любящими, преданными сестрами. И вот Переле ни словом не обмолвилась о том, что у нее на душе, не раскрыла, о чем они говорят со своим женихом, все держала в строгом секрете. Как могло случиться, что ее сестра, эта мечтательница, любившая слушать сказки, петь песни, задумала идти против царя? А если предположить, что в случившемся виноват Перец? Она любила его, он был для нее авторитетом. Но ведь и он — такой спокойный, рассудительный... Случившееся так и осталось загадкой для Гителе. Между тем Переле и Перец должны вернуться со дня на день.

Еще труднее Гителе разобраться в ее отношении к Тевке. Гителе не находит в себе чувств, которые полагается испытывать к родному брату. Она воспринимает его как родственни-

ка, даже дальнего родственника, с которым видеться приходилось раз в год по обещанию. Но сейчас, отбыв свой срок, он может пожелать вернуться в отчий дом. Сейчас, когда общее горе объединило их, она снова готова видеть в нем брата. Гителе не знает, что есть еще один человек, который с нетерпением ждет возвращения Тевки,— Анечка. Впервые об этом она узнала от Авремла. Авремл пришел говорить не о Тевке, а о Переле. И даже не о Переле, а о ее женихе Переце, с которым познакомился в тюрьме, когда его доставили туда по этапу. Авремл тоже считает дни, когда сосланные вернутся в Гродно, готов сделать все, чтобы помочь им. Гителе видела его впервые, хотя слышала о нем не раз. Муж Гителе помнит его с тех времен, когда он был богомольцем. Авремл пришел узнать поточнее, когда вернутся сосланные и чем им можно помочь.

— Добрый человек, помочь ближнему — это всегда ко времени,— отвечает Гителе.

— Ваша правда. Особенно когда речь идет о пострадавших.

— Сами во всем виноваты,— отозвался муж Гителе.

— Что значит виноваты? Что они такого сделали?

— В самом деле, Аншл, кому они сделали плохо? Реб Авремл прав.

— Удивляюсь я вам, реб Авремл. Идти против царей — большой грех. Это преступление. Тот, кто идет против царя, идет против господ.

— Боже сохрани! Что вы такое говорите, реб Аншл? Побойтесь бога!

— Не представляю, как можно с такими людьми жить под одной крышей. Из-за них беды не оберешься.

— Не пойму, Аншл, что ты хочешь? Они возвращаются к себе домой.

— К себе — да. Но не ко мне. Выбирай, Гителе,— или я, или они!

Гителе побагровела. Слова мужа задела ее за живое. Она зашипела так, что с трудом можно было разобрать слова.

— Успокойтесь, Гителе. На худой конец, они могут заехать ко мне,— успокаивал ее Авремеле.— Я готов их принять.

Но Гителе не могла успокоиться. Как мог Аншл сказать такое, как у него язык повернулся?

Аншл взял жену за руку.

— Извини, Гителе. Ты же знаешь, что я ничего не имею против их приезда сюда. Это у меня вырвалось нечаянно.

— Я сама удивлена, Аншл. Как ты мог сказать такое? Прошу тебя, никогда больше не говори этих слов.

— Избави бог, никогда.

Бывает, жепщина нуждается, чтобы рядом с ней оказалась мама или сестра, словом, родной человек, которому можно открыть сердце. У Гителе уже не было матери, а сестра где-то далеко-далеко. Мечтательница Переле — вот кто сейчас хоро-

шо понял бы ее. Первые встречи Гителе с Аншлом тоже походили на красивую мечту. Она полюбила его с первого взгляда, думала о нем, он приходил к ней во сне. Гителе была безмерно счастлива, став его невестой. Вдвоем они часто приходили в гости к Нотке-печнику и Шифре, которым чрезвычайно нравилась эта пара. После свадьбы Аншл-портной переехал к Гителе, унаследовал весь портняжий скарб Шимена, его заказчиков, а заодно и доброе имя. Даже в самые счастливые минуты Гителе казалось, что ее возлюбленный муж говорит не все, что-то он скрывает и недосказывает. Отец и мать приучили детей говорить все начистоту, без утайки. Но, может быть, ей только казалось, что Аншл недоговаривает. Сегодня он высказал все, что думает, и больше того. Все прежние недомолвки наконец вырвались наружу и всплыли на поверхность, как масло на воде: «Выбирай — или я, или они!» Такого поворота Гителе не ожидала, у нее даже перехватило дыхание. Но больше всего ее удивило другое. Аншл вовсе не такой уж богобоязненный человек. Что он так беспокоится за царей и за господа бога? Неужели она ошиблась в нем? Похоже, он хочет завладеть всем домом. А куда денутся Переле и Перец?

Гителе чувствовала потребность поделиться своими переживаниями. Может быть, она ошибается, может быть, все не так? Дай-то бог! Гителе завидует своей сестре: у Переле с Перцем все едино — сердце и душа. Она пошла к родственникам Аншла — Нотке и Шифре. Уже был вечер. Свежий снег казался голубым, на темном небе ни единой звездочки, только высоко взошедшая луна. Мороз усиливался. Из труб на крышах тянулись ровные струйки дыма. Гителе охватило тяжелое, тоскливое чувство. Однако, придя к Нотке и Шифре, она почувствовала успокоение от тепла, чистоты и уюта их дома. Приветливая Шифра встретила Гителе на пороге и, поцеловав, спросила:

— Что-нибудь случилось?

— Почему вы так думаете?

— Заметно. Ты чем-то обеспокоена. Что у тебя?

Гителе поделилась своими горестями.

— Чтоб ты знала, дорогая, — сказала Шифра. — Мужа, своего собственного мужа, надо очень хорошо знать. Все его достоинства и недостатки. Так я знаю своего Нотку. Аншл — хороший человек, преданный, но есть у него слабость — любит перечить. Стоит ему сказать что-либо наперекор, как он оживает и начинает сам себе нравиться. Должна тебе сказать, Гителе, до того, как вы поженились, Аншл работал у хозяина, вернее, у хозяев, должен был их слушать во всем. Своих мыслей иметь он не мог. «Молчи, когда тебя не спрашивают». Теперь он счастлив, так же, как все, он имеет право высказываться. Пусть даже он скажет нелепость, но все равно это будут его слова. Поверь, он не хотел сказать ничего плохого. Сказал

и забыл. Не расстраивайся, Гителе, без твоей на то воли Аншл ничего делать не станет. Я знаю его.

— Раньше такого не было.

— Первый раз?! Видно, он здорово любит тебя. Ты мне вот что скажи: не было ли при этом разговоре кого-нибудь из посторонних?

— Да, был.

— Тогда все понятно. Аншлу хотелось показать себя. Не беспокойся, Гителе. Он будет говорить по-своему, а делать по-твоему. Так меня учила жить Берта Кава, дай ей бог здоровья.

Гителе успокоилась. По дороге домой она размышляла: раз так, пусть себе говорит свое, если ему нравится. Надо начинать готовиться к возвращению Переле.

4

Каждый раз, проходя мимо большой синагоги, Авремл заходит туда посмотреть, что делает Кусиел. Теперь Кусиела называют не иначе как «странник», «богомолец», «праведник». Даже его старые дружки и те привыкли к тому, что в углу большой синагоги возле анаоя всегда можно видеть Кусиела, который молится, читает псалмы, ведет разговор с богом. Находились и такие, которые утверждали, что никто прежде правильно не разобрался в Кусиеле, замечая в нем только внешнюю сторону, не сумели разглядеть самой сути.

Набожность тоже становится привычной. Кусиел отрешился от всего, что связано с людьми, с мирскими проблемами. Свою жизнь он посвятил служению богу благими и праведными делами. Его благие дела, правда, направлены не на помощь людям, а на прославление имени господня. Пусть говорят, что это благие дела второго сорта, и все же они остаются благими делами.

Одним из немногих людей, которые могут хотя бы ненадолго вывести Кусиела из состояния отрешенности, является Авремеле. Кусиел ничего не спрашивает, но внимательно прислушивается к тому, что рассказывает Авремеле; даже по глазам видно, как остро реагирует он на услышанные новости.

— Скоро ссыльные вернутся домой.

Кусиел вертит головой, что должно означать знак удивления.

— Вы их помните?

Утвердительный кивок головой.

— Просите за них господа.

— Бог поможет,— единственные слова, которые произносит «праведник», едва шевеля губами.

Поняв, что больше нельзя беспокоить богомольца посторонними разговорами, Авремеле уходит.

Кусиелу нелегко снова входить в атмосферу отрешенности, чувствуя божью святость вокруг себя. Земные дела на время заслонили от него небо. Незаметно перед его глазами встают картины: Авремл в тюрьме рассказывает истории. Вот он видит четырех арестантов, тех самых, которые скоро должны вернуться домой из ссылки. В земной суете живет и Ципка Файер. При воспоминании о ней Кусиел пугливо вздрагивает. Если она вновь станет на его пути, быть ему навек несчастным. Господи, заступись! Только бы не видеть ее. Она снова будет его дразнить, напоминать о том, что он ее муж, со всеми правами на нее. Сделает все, чтобы сбить его с пути истинного на тропу греховных мыслей. Нет, нельзя, нельзя. Кусиел взывает к богу о помощи, напрягает все силы, чтобы вновь проникнуться волей небес и отрешиться от всего земного. Он будет поститься, бодрствовать... Думая так, Кусиел вспоминает те прекрасные часы, когда посты помогают ему отдалиться от всего телесного и парить во внеземной духовности. Телом овладевает блаженная слабость, позволяющая забыть обо всем, что может быть связано с жизнью. Какое удовольствие сознавать, что самобичевание позволяет преодолеть еще одну ступеньку на пути к заветному раю.

«Праведник» Кусиел приступает к новому покаянию.

Авремеле отправился к «божьим ангелам» — Хане и Ципе. Хорошо быть вольной птичкой, когда жена твоя неплохо зарабатывает. «Пусть себе делает, что хочет, — размышляет жена Авремла, — только больше не странствует».

Хана и Ципа уже поджидали его. Особых речей говорить не надо, и так все ясно: надо собрать пожертвование для семей сосланных. Но дело было не только в этом. Для Ципки и Ханы интересно послушать человека, вхожего в разные круги. Авремл всегда может поделиться интересными, даже любопытными новостями. Авремл передвигается легко и бодро, при этом развеивается его жиденькая бородка, а светлые глаза по доброму смотрят на людей.

— Расскажите нам, — просят Хана и Ципа. — Кого видели? Что слышали?

Авремеле палец в рот не кладет. Он всегда знает, кому и что можно рассказывать. Однако на какое-то мгновение он потерял бдительность и довольно спокойно ответил:

— Где был? Где мне, собственно, быть... Был в большой синагоге.

Обе женщины услышали эти слова, но отреагировали на них по-разному. Хана просто сделала вид, что пропустила их мимо ушей. Склонив голову, она смотрела на белую кошечку с черными лапками, которая забавлялась с клубком ниток. Ципка же встрепенулась и широко раскрыла глаза, ожидая, что еще скажет Авремеле. Но тот уже понял свою оплошность и замолк. Ципку, однако, уже не остановить.

— Ну, что он делает? Как выглядит? Даже представить себе не могу, как может сейчас выглядеть Куська.

В доме Ханы потихоньку стали забывать о Кусиеле. Раньше всех его забыла Ципка. Есть причина, по которой Ципка и Эля не хотят упоминать Кусиела, особенно в присутствии Ханы. Пуще всего они боятся, как бы Хане не открылся секрет, кто настоящий отец Ципкиных детей.

— Скажите, реб Авремеле, вы с ним разговаривали?

— С кем с ним?

— С Кусиелом?

— Что вы, Ципа! Разве можно ему мешать, когда он говорит с богом,— убежденно ответил Авремеле. Ему ли не знать об этом, ведь в свое время и сам он подолгу оставался наедине с богом.

Ципка не выдержала и рассмеялась. С богом? Эти мужчины... Они ровным счетом ничего не смыслят. Да стоит ей только пальцем поманить, и он побежит за ней. Она знает силу своей власти над ним.

— Как вы думаете, реб Авремеле, могу я пойти в большую синагогу посмотреть на него?

Не успел Авремеле раскрыть рот и что-то произнести, как Хана его опередила:

— С ума сошла! Боже избавь!

Хана верит в Кусиела. Ей легче жить на земле при мысли, что есть еще настоящие люди, набожные и праведные. И не только Хана верит, верят многие другие, особенно после памятного случая с исцелением маленькой девочки. История эта получила большую огласку.

В один прекрасный день в большой синагоге появилась женщина средних лет, нарядно одетая. С глазами, полными слез, она обратилась к Кусиелу:

— Послушайте, божий человек, спасите мою дочь. Малое дитя, красивая девочка. Она может умереть. Ребе, просите за нее господу.— Больше она ничего не сказала и горько расплакалась. Такие обращения, как «ребе», «божий человек», порядком напугали Кусиела. В другое время он принял бы их за насмешку, но женщина так плакала и так просила его, что у него защемило сердце.

— Бог не оставит вас,— тихо сказал он.

И вправду, девочка пошла на поправку. С каждым днем ей становилось все лучше и лучше. Наконец она выздоровела. Вот так невольно Кусиел прославился на весь город.

Поэтому теперь Хана восприняла Ципкины слова как издевку, как неприкрытую фальшь.

— Боже сохрани... Это грех, это сумасшествие.

Нельзя сказать, чтобы Ципка совсем не тосковала по Кусиелу. Они неплохо жили, и он был ей преданным мужем. Как всегда, начинаешь тосковать по прошествии времени, тогда все

выглядит красиво и безоблачно. Припомнилось даже, как они вместе катались на треке. Думая о теплом отношении Кусиела, Ципка совсем забыла, как подчас сурова и несправедлива бывала она к нему. Хорошо ее подруге, Хане, у нее есть муж. А у нее, Ципки, только дети. Она испытывала зависть к Хане. Чем та лучше ее? И она говорит вызывающе:

— Что значит сумасшествие? Он мой муж.

— Кто знает, кто твой муж? Ты достаточно крови ему испортила. Что тебе еще от него надо?

Ципка уже собралась ответить, но сдержалась. Слова Ханы «кто знает, кто твой муж» напугали ее. Уж не знает ли она всю правду?

— И вот что я попрошу тебя, Ципка... В присутствии Эли не называй Кусиела своим мужем. Он начинает злиться, кричать, может ненароком ударить. Прошу тебя...

В эту минуту Ципке было уже не до того, чтобы сдерживаться и думать прежде, чем говорить. Кусиел — ее законный муж. Какое все это имеет отношение к Эле? И хотя она боролась с собой, но, как говорится, «что на уме, то на языке»

— Что вы его так боитесь, вашего Элю? Не такой уж он злодей. Я-то знаю, не один раз его испробовала: хороший мужчина, знает свое дело исправно. Вот так, Хана!

Сказала и испуганно посмотрела на Хану.

А та, безмолвная, смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

5

Симхе стал молчальником. Удивленная Маша не знала, что и подумать. Что могло случиться с ее мальчиком? Вроде по-прежнему разговаривает с ней, помогает, утешает, но она же чувствует его скованность, будто он чем-то связан. И еще она заметила: стоит только ей в разговоре упомянуть о Розе или Бенционке, как Симхе сразу рот на замок, и слова из него не вытянешь. Симхе все чаще стал задумываться, потерял интерес к играм, зато стал проявлять куда больше внимания и любви к своему младшему брату.

«С характером растет,— думает Маша.— Но... Что значит характер? Раньше он был такой добрый, всегда спрашивал обо всем, слушался. Теперь вид у него такой, словно что-то его беспокоит. Ходит как в воду опущенный, невеселый, насупленный».

— Что с тобой, Симхе?

— Ничего, мама.

— Как же ничего? Я же вижу, что ты какой-то сам не свой...

— Это тебе кажется, мама.

— Нет, сынок. Маме никогда не кажется. Я сердцем чувствую...

Симхе не ответил, у него самого защемило сердце от жалости к матери. Позже он сказал:

— Не хочу, чтобы он задавался, смеялся надо мной.

— О ком ты говоришь?

— Отец твой, говорит, в Сибири. Он — преступник.

— Да о ком ты, Симхе, о ком?

— О ком я? О Бенционе.

— Вот оно что... Ты знаешь, мне тоже так показалось, но я не хотела придавать значение. Или ты думаешь...

— Ох, мама, я уже научился понимать людей, поверь мне. Я знаю, что они думают, знаю, что говорят. Я знаю даже, о чем молчат.

— Дитя мое, не принимай так близко к сердцу. Мы ни перед кем ни в чем не провинились, мы честные люди. Погоди, вернется отец... — Маше неожиданно вспомнился тот давний случай с ее «подругами», когда они положили на стол коробку из-под папирос и играли в фанты. Как они издевались над ней за то, что ее мама клеила коробки для фабрики. Все повторяется: так было когда-то с ней, теперь вот с сыном. На глазах выступили слезы.

— Мама, не падо, не падо. — Симхе и сам стал вытирать повлажневшие глаза.

С этого дня Симхе понемногу стал отходить от сумрачного настроения. Ему совсем ни к чему так терзаться, он может ненавидеть Бенциона тихо, спокойно, даже с улыбкой.

Для Симхе все стало ясно, а вот для Маши — нет. Как-никак они с Розой добрые подруги. Сейчас, при ее одиночестве, такая дружба очень важна, эту дружбу надо всячески оберегать. Конечно, думает Маша, Бенцион вовсе не обязан быть таким же, как его мать. Мальчик оторван от народа, не имеет понятия о том, как живет простой люд, все меряет мерками своей семьи, достатком их дома и богатых знакомых. В этом он не виноват, что с него спросить. Но все-таки хорошо, что Симхе научился разбираться в людях, понял, что делается на свете, какие бывают друзья. И все же... Обидно, что на долю Симхе чересчур рано выпали такие переживания. Рановато, мальчик еще. Конечно, будь рядом отец, все было бы по-другому.

Чем дальше, тем отчетливее видит и Роза, что ее Бенционка, которого она намеревалась вырастить героем, все больше и больше отдаляется от своего народа, от всего еврейского. Особенно страдает от этого бабушка Злата. Бенцион терпеть не может эту старуху, которая беспрерывно лезет целоваться. Это Роза еще как-то может снести, но вот чего она уж никак не может понять и вытерпеть, так это пристрастие Бенционки высмеивать еврейские ужимки. Все ему смешно: как они жестикулируют, едят чеснок, торгуют. И многое другое, о чем он не говорит. С каких пор у него появилось такое отношение? Когда она просмотрела и пропустила все это? Ей совершенно ясно, что сын думает о своем народе: дикие фанатики, пройдохи. Исключение, понят-

но, составляют его мать и отец. Кто его учит? Как сделать так, чтобы он никому слепо не подражал?

Как-то Бенцион пришел к маме и сказал ей с обидой в голосе:

— Понимаешь, встречаю я тут этого табачного сына, папиросника Симхе. И он проходит мимо меня с поднятой головой и даже не здоровается. Этот нищий пытается что-то корчить из себя. Как тебе нравится?

Эти слова озадачили Розу.

— Я думаю, Бенцион, он чувствует, как ты к нему относишься, и платит тебе тем же. Ты думаешь, если он бедняк, то у него и гордости нет? Его отец человек с понятиями о гордости и справедливости. Так что нечего тебе удивляться.

— Поэтому он находится в Сибири?

— Что ж, с ним случилась беда.

— Почему именно с ним? Почему не с другими?

— Этого я сказать тебе не могу. Я не знаю. С ним случилось так...

Больше Роза не хотела говорить на эту тему, щадя сына. Пусть пока не знает всего. Но в душе она очень переживала. Нет в ее сыне сострадания к людям, не хочет он знать, что у другого на душе, думает только о себе. Как она могла вырастить такого ребенка? Все его хвалят, ласкают, целуют. Не калечат ли тем самым его душу? Может быть, он думает о себе гораздо лучше, чем заслуживает на самом деле. Воистину наказание господне. Роза произнесла эти слова только для того, чтобы облегчить себе душу, попробовать забыться. Но эти слова вновь и вновь всплывали в ее сознании, приобретая уже другое значение. К сердцу подступал холод. Никогда прежде она об этом не думала — это божья кара. Эзра наказан Сибирью, а она, Роза, ребенком, который равнодушен к своему народу. Всем сердцем почувствовала она, как сильно не хватает ей Эзры, чтобы он утешил ее, снял с нее это бремя, убедил в том, что любовь не может быть грехом. Эзра... Никому Роза так не верит, как ему. Скорее бы он возвращался!

6

После того как Роза мыслями своими обратилась к Эзре, она начала понемногу успокаиваться. В самом деле, зачем это она вдруг вспомнила то, что было много лет назад? А может, ничего и не было? И с каких это пор она стала такой богобоязненной? До сих пор она вспоминала бога только в светлые минуты жизни. С нее хватит!

По ночам ей, однако, спалось плохо. Сколько ни гнала она от себя тревожные мысли, они снова возвращались к ней.

— Да, я старею, слабею, перестала себя понимать. Плохой знак.

Пытаясь успокоиться, она решила последовать совету Златы и Фейгеле. Пошла на кладбище, поплакаться над могилой отца с матерью. День выдался солнечный. Снег сверкал и искрился, воздух был мягкий, спокойный. Как только Роза очутилась на улице, она тут же забыла, куда собиралась идти, и просто так пошла вдоль заснеженной улицы. На душе у нее было привольно оттого, что она одна и ничто ей не напоминает ни о ком. Давно уже она не чувствовала себя так легко и свободно. Как некогда в молодости, хочется ей бежать, лететь, быть совершенно свободной от всего. Как было хорошо! Отец с матерью заботились о ней, тетя Лея не могла похвалиться, Эзра рассказывал чудные истории времен старины.

Домой Роза вернулась в радостном настроении.

Вечером того же дня пришли пуримшпилеры. Роза не знала или просто забыла про праздник пурим, но Бенцион знал — об этом ему сказал его друг. Вместе с другом вечером он пошел в синагогу посмотреть, что делают евреи в этот праздник.

В большой синагоге было тепло, светло и оживленно. Прихожане были одеты по-будничному, они пришли сюда прямо с работы, но настроение у всех было праздничное. Мальчики с трещотками, детскими пистолетами и ружьями нетерпеливо ожидали того момента, когда начнут читать «Сказание об Эсфири» и они смогут показать все, на что способны. Взрослые тоже ждали того часа, когда произнесут слова: «И бысть сие в царствование Артаксеркса...» Для всех — это веселое событие, выходящее за строгие рамки Талмуда. Стоит только упомянуть имя Амана, как вся синагога сразу же откликнется, каждый по-своему: затопают ногами по полу, начнут хлопать ладонями по столу. Дети пустят в ход свои трещотки, пистолеты и ружья. Веселый это вечер. Можно посчитаться с заклятым врагом, правда много лет спустя после его наказания.

Бенцион смотрит по сторонам. Ему начинает казаться, что он находится среди помещанских. Кого они хотят испугать? Что они все время трещат и кричат?

— Знаешь, Бенцион, — обратился к нему его друг Борис. — Дед говорил мне, что радости и печали народа переходят от поколения к поколению, поэтому традиции держатся. Тогда, давно, нас всех хотели уничтожить.

— Не знаю, меня тогда не было.

— Погоди. Вот скажем... Разве Ивана Грозного ты видел, жил при нем? Нет! Однако ты знаешь о нем, веришь во все, что было.

— Также мне сравнил! Об этом написано в книгах...

— О пуриме тоже написано в книгах. Не обижайся на меня, Бенцион, но ты хочешь понравиться русским и польским гимназистам тем, что не такой еврей, как все. Ты позволяешь себе даже смеяться над своим народом.

Бенцион не может отрицать справедливости этих слов, да и

не хочет. Но почему этот его друг, Борис, думает, что на евреях чуть ли не весь свет держится? Бенцион так не считает. Сам того не замечая, он хочет, чтобы товарищи в гимназии забыли о его происхождении. И сам он хочет забыть об этом. Имя тоже не нравится ему. Чисто еврейское имя, никак его не переименовать на русский лад.

Вернувшись домой, Бенцион застал там пуримшпилеров. Роза и Авигдор вспоминали свои молодые годы. И Берл Федер, и Цалиа Кадиш любили в свое время принимать в доме веселых актеров, потчевать их и после представления одаривать серебром.

Ах, как молоды они были тогда, какое хорошее было время! Веселое представление всколыхнуло светлые воспоминания. Бенцион удивляется на отца с матерью. Современные люди, умные, серьезные. Что их так радует? Он не может этого понять. Для Бенциона очень характерно: то, что он не хочет, то ему не нравится.

Роза удручена. Сын не живет мыслями семьи, думает только о себе. Родной сын стал для нее чужим человеком. А она так надеялась, что ей придется гордиться сыновним именем. Вместе с сыном хотела она встретить Эзру. Напрасные надежды.

Что касается отца, то он на стороне Бенциона. Авигдор любит его не только потому, что он младший сын. Он считает, что Бенцион чем-то отличается от других детей, у него есть нечто свое. Авигдор находит для него оправдание:

— Не понимаю, чем ты недовольна. Что поделаешь, не будет он раввином. Меня устроит, если он станет доктором. И вообще — он еще ребенок.

— Из детей вырастают отцы.

К Маше Роза больше не приходит. Но так же, как родные и близкие сосланных, она ждет того дня, когда они вернутся домой.

Чем ближе этот день, тем больше волнуются все. Разрешат ли ссыльным вернуться к себе домой, к своим семьям? Может быть, их вовсе зашлют в другое местечко или деревню? Никто не знает. Тяжело сидеть молча, сложа руки. Некоторые пришли в большую синагогу к Кусиелу, чтобы он просил за них господ. Как всегда, Кусиел успокоил пришедших словами: «Бог не оставит».

Ради Бенционки, чтобы не стыдился своего народа, ради Эзры, чтобы скорее вернулся домой, Роза тоже решила пойти просить Кусиела. Но прежде чем ей удалось осуществить это намерение, город был взбудоражен неожиданной новостью: Ципка Файер пришла в большую синагогу, взяла Кусиела за руку и отвела домой. Дети у нее есть — должен быть и муж.

ЛЕЯ И ЕЕ МАМА

МАЛЕНЬКИЙ РОМАН

Лея — умная. Оттого она умная, что у ее мамы, Фани, много лет была тяжелая жизнь. Как все мамы, Фаня думала, что ребенок ничего не видит, ничего не понимает, ничего не смыслит. И, как все дети, Лея все видела и все понимала.

Фаня была красивой. Женственность хорошо сложенного тела привлекала мужские взгляды. От нее исходило тепло, которое говорило о покорности и страсти. Она была невысокой, но зачесанные вверх волосы делали ее выше, а ее чувствительный носик часто морщился от удовольствия: смотрите, до чего мы хороши...

В последних классах Фаню полюбил школьный товарищ, Мотл Хазан. Он ее боготворил. Как рыцари в старину, готов был целовать подол ее платья. И только в день окончания школы он позволил себе поцеловать ее пальцы. А когда он уходил в Красную Армию, порешили: они — жених и невеста и, как только Мотл вернется, они поженятся.

Но вот... Когда жених был в армии, за Фаней стали ухаживать другие парни. Говорили комплименты, водили в кино. Они были смелее ее возлюбленного. Все реже отвечала она на письма жениха. А через некоторое время Мотл в отчаянии написал: из-за ее молчания он лишит себя жизни. На такое письмо она бы по доброте сердечной наверняка ответила. Но было уже поздно. Вскоре она родила девочку... Имя ей дали в честь бабушки — Лся. А фамилию — матери.

Кто ее отец?

Что этот вопрос задавать не надо, Лея понимает. Она умная. К тому же она с самых первых детских лет была уверена, что бывают не отцы, а дяди. Первым был дядя Гриша.

Сватался к Фане другой человек, по имени Майрам. Солидный и тихий, мастер цеха на обувной фабрике. Он обещал, что

будет Лее хорошим отцом, а она, Фаня, пусть ему будет верной женой и матерью их детей.

Родив Лею, Фаня стала красивее прежнего. К тому же она добрая и веселая. Хорошо поет. В компаниях она выделяется, и ее чувствительный носик от удовольствия морщится: смотрите, до чего мы хороши... Фаня понимала, что нравится мужчинам. Но при этом сознавала, что только для забавы. А вот Майрам — человек серьезный и добрый. Он берет ее с ребенком. Лее нужен отец, а ей, Фане, — муж. Майрам ей нравится. Он не легкомысленный. Суждено. Одно только немного тревожило: он не такой, как другие. Не добивается ее... И Фаня ему сказала, улыбаясь: замужество — серьезный шаг, она хочет подумать.

— Как у Харика: «Дайте мне неделю обдумать это дело».

Майраму такой ответ понравился. К тому же он был уверен, что в этих веселых словах уже кроется ее согласие.

Вот тогда-то молодой человек Гриша, будущий дядя Гриша, увидел, что Фаня красивая и что она ему нравится. Он ей ничего не обещал, только говорил комплименты, водил в кино и в театр, угощал сладостями... В последний день, когда Фаня должна была дать Майраму ответ, Гриша стал дядей.

3 •

— Дядя Гриша.

Лея произносит его имя с большой любовью. Дядя Гриша заслуживает такую любовь — он добрый, веселый, приносит ей шоколадки и кукол. Когда он приходит, мама оживает. Она нарядно одета, пост. Вскоре дядя совсем перебрался к ним жить. И насколько Лея помнит, это были самые хорошие ее годы. Дядя Гриша носил ее на руках. Он и маму носил на руках и танцевал с нею. В это время Лея слышала, как мама несколько раз повторяла слово «загс». Дядя Гриша отвечал: «Да, да... конечно...»

Но вот... Однажды днем, мама была на работе, дядя Гриша пришел домой, переворошил все вещи в шкафу, взял свое пальто, костюм, свои новые ботинки и ушел. Когда мама вернулась с работы и увидела, что случилось, она чуть не упала в обморок. Она сразу все поняла, а Лея ничего не поняла. Мама, такая добрая, стала очень сердитой, запретила ей задавать вопросы. Толкнула ее в угол: «Стой и молчи!» А сама расплакалась. Она лежала одетая на кровати и плакала, ее трясло. Лея стояла в углу и тоже плакала.

Назавтра Лея все-таки спросила:

— Мама, где дядя Гриша?

— Умер!

Теперь Лея поняла, почему мама плачет. Когда сосед умер, все плакали. Лее очень жалко дядю Гришу. Он был такой хороший. Носил ее на руках, танцевал с мамой. И вот умер... Где он теперь? Лея уже знает, что, когда умирают, больше не приходят домой. С соседом так было. Она тихо плачет.

Первые дни мама ломала себе пальцы, кусала губы. Не хотела есть, не хотела спать. Часто лежала на кровати одетая, думала, разговаривала сама с собой.

Фане было о чем подумать. Горькое у нее счастье. Она годится для забав, а не для женитьбы. Раньше (даже при Лее) она была молодой девчонкой, еще ребенком, ей было радостно и весело. Она даже не знает наверняка, кто Леин отец. Теперь она очень хорошо поняла, что произошло, и сказала себе: нет и нет! Больше такое не повторится. У веселых женихов только одно на уме, больше она не будет доброй. А Майрам... Она могла жить спокойно и хорошо, как все люди. Горькое у нее счастье, она годится для развлечений. Дело еще и в том, что сама дает повод «понравиться». Она это понимает, и от этого ей еще труднее. Теперь ее имя будет у всех на языке, ее будут осуждать и высмеивать.

Но со временем она перестала плакать и начала часто поглядывать в зеркало, не становится ли худой и некрасивой, не будет ли выглядеть старой... Фапя снова стала следить за собой, вовремя есть, вовремя отдыхать, красиво одеваться. Имя «Гриша» больше не упоминалось. Лею это удивило, но она ни о чем не спрашивала. Она уже понимала, что у мамы надо как можно меньше спрашивать.

4

Веселый и красивый осенний день. Много солнца и фруктов. Нынче яблочный год, и деревья в садах стоят усыпанные яблоками. Ветки даже ломаются от фруктов. На рынках полно арбузов и дынь, слив и груш. Весело. Лея играет с девочками на улице под разросшимся кленом. Неожиданно она видит дядю Гришу! Он идет в своем красивом костюме, в новых ботинках и ведет под руку женщину. Лея хотела крикнуть: «Дядя Гриша, ты живой?» Но слова застряли у нее в горле. Он умер и живой! И, еще не придя в себя, бежит сообщить маме:

— Дядя Гриша живой!

У мамы все стало валиться из рук. Она смотрела на Лею и не могла выговорить ни слова. В глазах стояли слезы.

— Мама, не плачь, он живой!

— С ума...

— Нет, мама, это правда. Посмотри в окно. Он идет с...

— Молчи! — крикнула мама. Она не хочет смотреть в его сторону. Она бы так и сделала, если бы Лея не сказала: «Он

идет с...» С кем? Это она хочет зпать. Глянула в окно. Он идет со своей молодой женой. Фаня уверена, что во всем виновата эта молодая женщина. Что он в ней нашел? И она крикнула в открытое окно:

— Чтоб у нее было мое счастье!

В Леиной четырехлетней головке становится тесно. Трудно все понять. Дядя умер, и дядя живой. Мама почему-то недовольна, что он живой. Она ругается. Но соседи не стесняются Леи, они сй подсказывают. И Лея, кажется, начинает догадываться — мама недовольна тем, что Гриша теперь дядя в другом доме.

Лея жалко маму.

5

После работы Фаня торопится домой. Она никуда не ходит, никого не видит, ни с кем не хочет разговаривать. И довольна, что это удастся. Одевается она скромно, но со вкусом. Ее пугает, когда кто-нибудь смотрит на нее широко открытыми глазами. После того как Гриша каждый день клялся в любви, обещал пойти в загс и так подло удрал, она больше никому, никому не верит. Как в поговорке: обжегшись на молоке, дуют на воду. Но хуже всего — она не доверяет самой себе.

Фаня молода. Ей еще хочется наслаждаться жизнью. Правда, часто она думает: махнуть бы на все рукой. Но молодость берет свое — требует удовольствий. Фаня хочет нравиться, хочет комплиментов, хочет быть красивее других. И боится этого. Она уже немножко знает себя. Она старается погасить в себе этот огонь. Но он есть.

С Леей она играет в «дочки-матери». Мамой становится Лея, дочкой — мама. Лея ее баюкает, ласкает, целует. Фаня сидит с закрытыми глазами.

— Знаешь, мама, о тебе спрашивал один дядя.

— Какой дядя?

— Соседи говорят, что его зовут Майрам.

Фаня ничего не ответила, по самой себе сказала: «Нет, нет... Я никого не хочу видеть».

Но если он придет? Что она будет делать? Он же начнет свататься. А она этого не хочет.

Майрам не пришел ни завтра, ни послезавтра. Фаня была довольна.

6

И все-таки Майрам пришел. Он вел себя просто, даже по-домашнему. Ни о чем не расспрашивал, **сам** рассказывал:

— У меня сегодня праздник.

Так он начал свой рассказ. И было не совсем ясно — Фане он это говорит или Лее.

— Десять лет тому назад, мне тогда было семнадцать, я был приговорен к смерти.

Во время гражданской войны, еще совсем молодой, Майрам был командиром роты. Много видел и много пережил. Вообще он не любит об этом распространяться. Но сегодня — исключение. Ради Фани, чтобы ей не надо было разговаривать, краснеть, чувствовать себя неловко. И главное: чтобы она не думала, будто он пришел позлорадствовать.

— Ради такого дня, — говорит он, — я принес Лее подарок, — и ставит на стол торт. — Лея, попроси маму вскипятить чай. Тогда я расскажу, как я остался жив.

Фаня довольна, что ей надо пойти на кухню. Первым делом она бросает на себя взгляд в зеркальце, которое висит на стене. Как она выглядит? Фаня ставит чайник на примус и хочет как можно дольше задержаться на кухне. Она чувствует себя виноватой перед Майрамом. И хотя он ведет себя очень вежливо и тактично, она все же понимает, что он уже смотрит на нее не так, как раньше. Но вечно оставаться на кухне ведь тоже нельзя. Она берет себя в руки, крепко сжимает губы и входит в комнату с чайником в руке.

Лея сидит у Майрама на коленях. Они играют. Лея зовет его дядей, он ее — дитя мое.

Как Фаня ни старалась не улыбнуться, это ей не удалось. От улыбки просветлело лицо.

— Играете...

— Мама, дядя Майрам меня любит.

Только теперь Фаня заметила, что Майрам не нарядился, одет буднично. Правда, он чисто выбрит. Как всегда, у него вид доброго и спокойного человека. И только в его светло-серых глазах, кажется, сегодня была тревога. Все трое пили чай. Фаня молчала и избегала смотреть на Майрама. Он это заметил и поэтому, когда кончили пить чай, сказал:

— Как я остался жив, расскажу в другой раз.

И ушел. Лея проводила его до двери. Фаня — нет.

После первого посещения Майрама Фаня поняла, что, если он придет еще раз, ей уже будет немного легче и проще. Она его ждала. И при этом думала: может быть, на самом деле судьба?

Через неделю он снова пришел. Лея сразу подбежала и попросила взять ее на колени. Он принес ей шоколадок.

— А как вы поживаете, Фаня? — Майрам впервые обратился прямо к ней.

Вместо ответа у нее вырвался вздох.

— Не надо, не надо... — Майрам взял ее за руку. — Мое отношение к вам не изменилось. Давайте забудем все, что было до сегодняшнего дня.

Фаня снова вздохнула, но теперь уже не так тяжело.

Лея сидела у Майрама на коленях. Фаня стояла рядом, он держал ее руку. Совсем по-семейному.

— Я остался верен своему слову.— После недолгого молчания он спросил: — А что вы думаете?

Она ответила не сразу. Потом, как бы посоветовавшись сама с собою, тихо сказала:

— Если вы совсем забудете глупость, которую я совершила...

— Забуду, совсем забуду!

— Надо немного обождать... Я приду в себя. Вы сами понимаете, что сразу...

Он это очень хорошо понимает. Она должна прийти в себя...

И они стали говорить о разном. Даже о том, что связано с их общим будущим.

7

Но всегда Майрам спокойный и тихий. Его товарищи это знают. Правда, он не кричит, не повышает голоса, но слова его становятся жесткими и колючими. Глаза смотрят в сторону, словно он не хочет видеть собеседника. Так бывает на работе, он мастер цеха на обувной фабрике. Майрам терпеть не может, когда портят вещь. Будь это мягкая хромовая кожа для ботинок, жесткая ослиная кожа для сапог, тонкая блестящая кожа для туфель. Иногда плохо выкроят по мерке, и потом валяются полоски кожи, зря пропадают. Майрам не переносит, когда на земле валяется ломтик хлеба или во дворе рассыпаны гвоздики. А когда видит сломанное дерево, его возмущению нет предела. Ему непонятно, это не уместается у него в голове, как можно загубить живое создание — дерево. Только разбойник способен на это. Такой Майрам с детства.

Его детство и молодость прошли в Минске на Немиге. Он рано остался без отца и рано стал учеником у сапожника Азриэля. Азриэль не был первоклассным ремесленником. В основном ему приходилось ставить рубчики, заплатки. Прибивать каблучки на мужские ботинки и набоечки на женские туфли. Доводилось шить и новые ботинки, но они то жали заказчику пальцы, то давили пятку. Жена Азриэля, зная эту слабость мужа, часто напоминала ему:

— Смотри, Азриэль, чтобы и носок и задник были точно по мерке.

Майрам прилежно взялся за ремесло. И за три-четыре года он научился шить хорошую и красивую обувь. Азриэль и его жена даже подумывали женить Майрама на своей дочери. И как хорошего и честного работника, а может быть, будущего зятя хозяйка потчевала его полными мисочками чечевицы, бобов и гороха.

У Майрама же была одна цель: помогать матери, младшему брату и сестре. Это было и его заботой, и его единственной радостью в жизни.

Грянула революция.

Майрам, его мать, вся его родня почувствовали, что пришел конец всем их невзгодам. И когда Минск, как пишет Харик, «послал поезд горячих парней», среди них был и сапожник Майрам.

На другой день после того, как Майрам во второй раз был у Фани, его друзья на обувной фабрике заметили, что он в хорошем настроении и не такой тихий, как обычно. Они стали между собой судачить:

— Не иначе, он снова влюблен в эту...

— В эту? В какую «эту»?

— В небезызвестную Фаню.

— Вот как... Поистине любовь зла...

После работы один близкий друг спросил его:

— Майрам, тебя вскоре можно будет поздравить?

— Да, можно будет.

Майрам на самом деле влюблен, сильно влюблен. Он теперь часто приходит к Фане. И Лея уже знает, что дядя Майрам скоро переберется к ним жить. Он купил разных подарков ей и маме. Фаня к нему привыкла. Она его встречает, радостно улыбаясь. Она довольна. Ей даже завидуют. Скоро они пойдут в загс.

Еще больше Фани к Майраму привязалась Лея. Лея для него — любимая дочь. Он для нее — отец.

8

Когда Фаня поет, Лея знает, что у мамы хорошее настроение. Она тогда добрая, веселая. И Лее тогда тоже хорошо.

Сегодня воскресенье. Мама спала позже обычного. Может быть, не столько спала, сколько лежала и думала. Потом она легко оделась и стала убирать комнату. В уборку Фаня вкладывает все силы и при этом поет. Она чувствует себя невестой накануне свадьбы. Потом она переодевается и садится с Леей завтракать.

Они еще не кончили есть, когда раздался стук в дверь.

— Дядя Майрам! — радостно кричит Лея.

Вошел рослый молодой человек. Тихо поздоровался: «Доброе утро». Он не спускает с Фани глаз. Смотрит и молчит. Фаня не столько узнала его, сколько почувствовала: Мотл Хазан! Ее

бывший жених. И хотя он пришел неожиданно, Фаня спокойна, даже обрадовалась встрече со старым школьным товарищем.

— Садись к столу, позавтракай с нами.

— Я уже ел. Но с тобою, Фанечка... Даже на краю света... Помнишь?

Последние слова лишили ее спокойствия. Это ведь те слова, которые он ей сказал, когда они прощались перед его уходом в армию: «Я найду тебя, Фанечка, даже на краю света...»

Теперь он это повторил так твердо и смело, словно пришел выполнить свое обещание. Неужели? Она испугалась. Ее охватила слабость. Пусть придет Майрам, он спасет ее.

— Успокойся, Фанечка, я все знаю. Все равно люблю тебя. Очень люблю. Мы снова жених и невеста. Нашей дочке я буду хорошим отцом.

Ответить она не могла. Если разомкнет губы, вырвется плач. В глазах появились слезы. Ей хотелось закричать: «Ох, горькое мое счастье! Все время у меня что-нибудь встает поперек дороги». Но она молчала и глотала слезы. Мотл ее крепко обхватил, утешал и целовал. Утешал и целовал.

— Фанечка, ты моя, моя...

Что с нею творится? Неужели действительно Мотл? Что с нею? Она не знает, не знает. Голова кружится. Она плачет и тоже целует Мотла. Ей не верится, что все это на самом деле. Слезы высыхают. Неужели, неужели действительно Мотеле?.. И они оба, как когда-то, повторяют слова из «Песни песней».

Майрам был глубоко оскорблен.

Как обычно в воскресенье, он пришел к Фане и Лее. По дороге он думал: «Сегодня я им расскажу, как я спасся и остался жив». Однако, как только вошел в комнату, он заметил, что Фаня сегодня совсем другая. Молодая, возбужденная, словно только что пела и танцевала. Она весело поздоровалась и сказала:

— Хорошо, что вы пришли, Майрам. Я должна вам сообщить, что приехал Мотеле. Завтра мы идем в загс. Вы же понимаете, Майрам, ведь вы умный, что между мной и вами уже ничего не может быть. Мой жених приехал, Мотеле!

Жених приехал.

А он, Майрам?

Майрам не почувствовал, что вышел с тортом в руках. По дороге он его где-то потерял. Не помнит, где и когда.

Ему обидно, что он позволил этой неискренней, коварной Фане обмануть себя, как мальчишку. Все над ним смеялись. Он хотел жениться на этой женщине. Тянулся к ней. Она ему нравилась, околдовала его. А теперь она его обманула и посмеялась над ним. Более того, Фаня этого даже не чувствует, не понимает. Она понимает только себя, одну себя!

Он искал утешения. Может быть, даже хорошо, что это случилось. Конец! Больше он о ней и слышать не хочет. И все равно...

Весь день он ходил по улицам и корил себя. И все время перед глазами стояла Фаня — веселая, праздничная. «Вы же понимаете, Майрам, ведь вы умный...»

«Дурак я, большой дурак! Что я в ней нашел? Есть красивее ее, скромнее. Она неискренняя, распущенная».

И с Майрамом случилось то, чего с ним никогда не бывало: он напился до бесчувствия.

9

Мотл пришел домой и сразу объявил своим родителям:

— Я женюсь!

— Женишься? В добрый час!

Его родители уже давно думают о том, что их сыну пора жениться. Но неожиданная решимость и серьезность, с которыми он сообщил об этом, их немного озадачили. Так человек говорит, когда делает что-то не то, хочет заглушить свои сомнения.

— Мотеле, а кто невеста? Мы ее знаем? Она здешняя?

— Здешняя.

— Очень хорошо. Мы ее знаем?

— Конечно, знаете.

— Еще лучше. Кто она?

— Моя невеста.

— Как ее зовут, твою невесту?

— Фаня Блюм.

— Фаня? Блюм? Кто она?

— Вы не помните Фаню, с которой я учился в школе?

Отец еле выговорил:

— Ты шутишь?

— Ты нас дразнишь...— сказала мать сквозь слезы.

— Нет, я не шучу. Завтра мы идем в загс.

— С кем? С той самой женщиной, у которой дети без мужа? Весь город ее так называет. Горе мне! Пусть мои глаза этого не увидят!..— Мать заплакала.

— В жизни случается разное...— защищает Мотл свою невесту.

— Ребенок — разное, Гриша — разное, Майрам — разное. Теперь ты будешь этим разным...

По тому, что сын кричит и сердится, родители понимают, что он и сам не уверен в себе. И они от него отстали. Но главный удар Мотлу нанес его товарищ, который пришел с ним поведаться.

— Что? — воскликнул он. — Как ты можешь жениться на Фане, если я еще с нею не развелся?..

Мотл онемел.

— Не развелся? — пробормотал он.

— Кто отец ребенка? Может быть, я? Как же ты можешь жениться на ней? Я с нею еще не развелся.

Назавтра, в тот день, когда Фаня должна была пойти с Мотлем в загс, он рано утром уехал в гости к тете в Харьков.

10

Лея...

Мотл женится и забудет Фаню.

Майрам так скоро не женится и не так скоро Фаню забудет.

Сама Фаня тоже успокоится.

Но Лея? Больше всех пострадала она.

Когда дядя Майрам стал к ним часто приходить, Лея похвасталась своим подружкам, что скоро у нее будет дядя. Кто-то из старших, легких на язык, сказал:

— Девочка дорогая, знай, что один отец — больше, чем много дядей.

За последние дни Лея это хорошо поняла. Разве она не видит, как у соседских детей? Отец не уходит, он всегда есть. А дядя... Лея не может понять, почему мама хочет дядей, а не отца? Но у мамы она об этом не спрашивает. Мама сердита. За такой вопрос она может толкнуть ее в угол с криком: «Стой и молчи!»

В последние дни на глазах у Леи произошло очень многое. Дядя Майрам сказал, что он женится на маме. Потом пришел дядя Мотл, целовал маму и говорил, что на ней женится он. Потом пришел дядя Майрам, и мама ему сказала, чтобы он больше не приходил. У дяди Майрама в глазах стояли слезы, Лее было его жалко. Он добрый, он ее любит. Почему мама так сделала?

Лея долго после этого чувствовала себя плохо. Болела голова, ей было очень грустно.

— Что с тобой, Леенька? — спрашивает соседка. — Ты сегодня такая тихая и невеселая...

Лея вздохнула совсем как ее мама Фаня, когда у той тяжело на душе, и сказала:

— У мамы горькое счастье...

— Верно, дитя мое, — кивает соседка головой. И тихо, словно самой себе, чтобы Лея не слышала, добавляет: — Легкая пассажирка...

Лея это расслышала. Только не поняла, что это значит. Спросить у мамы? А мама не рассердится? И все равно Лея не выдержала. Она должна знать, что говорят о ее маме.

— Мама, ты легкая пассажирка?

— Кто это сказал?

— Соседка.

— Ох, мое счастье да ей на голову!

Не только товарищи на обувной фабрике, но и соседи в квартире, где живет Майрам, замечают, что с ним что-то творится, он чем-то очень расстроен. На работе он то чересчур добрый, то чересчур злой. Сдержанность и самообладание покинули его. Теперь он уже слишком молчалив. Дома он сидит в своей комнате и редко появляется на людях. Рабочие на фабрике и соседи по квартире знали, что Майрам собирается жениться. Знают они и то, что из этого ничего не вышло. Он очень переживает. Они ему, конечно, сочувствуют, но и довольны, что женитьба расстроилась. Что он в той женщине увидел? Не пара она ему. Она ведь смеется над ним! Соседей это особенно удивляет, потому что у них во дворе, на улице Розы Люксембург, живут славные и красивые девушки. Майрам может выбрать себе хорошую невесту. К тому же известно, что он очень нравится Рохочке. Рохочка Имбер работает на швейной фабрике — тихая, застенчивая. И именно из-за ее застенчивости видно, как неравнодушна она к нему. Она знает, что Майрам иногда бывает у Иты Ратнер и ее трех красавиц дочерей. Он туда заходит отвлекаясь от грустных мыслей, забыть обиду. Тогда Рохочка тоже приходит к Итиным дочкам в гости. Она пересиливает свою застенчивость. Все три девушки знают Рохочкин секрет. Они делают все, чтобы Майрам ближе познакомился с нею. Только ничего не получается. Они тоже удивляются: «Что Майрам нашел в той женщине? Не пара она ему».

Попробуй объясни трем наивным девушкам, что он в Фане нашел.

Скромному Майраму, который не встречался с женщинами, нравится ее женственность. Ее высокая грудь, стройные ноги с тяжеловато-твердой поступью. Ее носик, который морщится от удовольствия. И просто... Она Майраму нравится безо всяких «почему».

Он любит детей. К Лее привязался, как к собственной дочке, и очень тоскует по ней. Он был отцом. А теперь потерял ее, свою девочку, и перестал быть отцом. Майрам чувствует себя, как отец-сирота, без любимого ребенка, без своей Лей.

У него была семья... А теперь все рухнуло. Ему не о ком заботиться, не о ком думать. Так его обмануть, так обмануть... И кто? Фаня.

Обувная фабрика расширяется, обновляется. Майрама вызвал к себе директор.

— Я не хочу, Майрам, говорить вам ни обвинительных слов, ни утешительных. Мы оба уже взрослые. Но опускать руки...

Одумайтесь, придите в себя. На нашей фабрике столько красивых девушек. А вы не можете выбрать себе невесту. Может быть, посватать вас?

Майрам медленно втянулся в разговор. Временами на его лице появлялась улыбка. Потом он даже несколько раз рассмеялся. Вышел от директора в лучшем настроении. Вскоре это почувствовали все на фабрике. И соседи заметили. Он начал забывать о той женщине, начал успокаиваться. Никто не мог себе представить, что его спокойствие приведет к тому, что однажды днем, когда Фаня была на работе, он найдет свободный час, чтобы зайти к Лее. И не потому, что Лея — Фанина дочь, а потому, что Лея его ребенок. Он истосковался. Теперь Майрам уже настолько спокоен, что он может Фаню отделить от ее дочери.

Когда Лея его увидела, она задрожала и застыла на месте. Его приход был для нее неожиданным. Но не только поэтому смотрела она на него неподвижными и испуганными глазами. Она хорошо запомнила, как дядя Майрам в то утро стоял с тортом в руках, а мама ему говорила: «Мой жених приехал, Мотеле!» Каждый раз, как только это встает перед ее глазами, ей становится жалко Майрама. Мама не права. Дядя Майрам хороший, она скучает по нему. И вот он стоит живой.

— Леенька, дитя мое...

Она кинулась к нему и расплакалась.

— Почему ты плачешь?

— Я боюсь, что мама опять тебе что-нибудь скажет.

— Леенька, я ж не к маме пришел, я к тебе. Хотел посмотреть, что ты делаешь, как живешь. Я тебе принес шоколадок.

— Я боюсь, мама будет ругать меня.

— За что? Будь спокойна, дитя мое.

Несколько дней спустя он снова пришел. Лея очень обрадовалась, подбежала к нему, схватила за руку.

— Дядя Майрам...

Немного погодя он спросил:

— Мама тебя ругала?

— Нет. Она не знает. Я не рассказала.

И Майрам не знал: хорошо это или плохо?..

Он принес Лее маленькую куклу с закрывающимися глазами. Лея была счастлива. Ее мать куклу не заметила, и Лея ей ничего не сказала. Вышло, что не только у матери есть тайны от дочери, но и у дочки есть тайна от мамы.

В последнее время Фаня занята одной собой. Пусть Лея играет с какими хочет куклами, только бы оставила ее в покое. Утром Фаня торопится на работу. Вечером, когда приходит, Лея часто уже спит.

О Майраме Фаня забыла. Она легко привыкает и так же легко забывает.

Майрам стал чаще заходить к Ратнерам. Рохочка тоже там бывает. Ита, которая, можно сказать, своих дочерей уже обеспечила (все три с женихами), очень хочет, чтобы Рохочка поправились Майраму. Рохочка скромна, застенчива. Она даже боится молодых людей. Если бы молодой человек взял ее за руку, она сгорела бы от стыда. Она не может этого позволить. Единственный, для кого она бы сделала исключение, это Майрам. Ее любовь к нему сильнее всего. Но он к ней равнодушен.

Ита понимает Рохочку. Она ей немного напоминает собственное девичество в доме набожных родителей. Иногда ей кажется, что Майрам стал в последнее время внимательнее к Рохочке. Разговаривает с нею. Стоит ему что-нибудь ей сказать, лицо Рохочки загорается, заливается краской. Иногда Итины дочери идут в кино, они зовут с собою Майрама и Рохочку. Но Майрам ведет себя с нею сдержанно. И когда случается, что по дороге из кино домой девушки неожиданно исчезают и оставляют их вдвоем, они оба идут словно пемые и смотрят в разные стороны.

Ита иногда говорит Майраму:

— Майрам, сколько можно оставаться холостяком? Оглянитесь и увидите, кто на вас смотрит влюбленными глазами. Жизнь, Майрам, уходит — обратно не повернешь. Упущенные годы упрекают, требуют... Но трудно наверстать.

Он не отвечает. Ему понятно, кого Ита имеет в виду, кто «смотрит влюбленными глазами». Да, годы уходят. Но если Фаня быстро привыкает и так же быстро забывает, то Майрам, наоборот, трудно привыкает и еще труднее ему забыть.

Фаня уже не влечет его так, как раньше. Он гонит от себя мысли о ней. Он вспоминает ее счастливый вид в тот день, когда она попросила больше не приходить, потому что выходит замуж за Мотла. Обида помогает ему стать равнодушным.

Но Лея... Она его любит. Она тянется к нему, как к отцу. Ему трудно отвыкнуть от нее. Он не может. Не хочет. Она — его. Любовь отца в нем теперь сильнее, чем любовь мужчины. И когда Ита спрашивает, сколько можно быть холостяком, он ей ничего не отвечает, но про себя думает, если бы Рохочка была Леиной матерью, он бы на ней сразу женился.

Майрам часто приходит к Лее. Это остается их тайной. Мама этого не знает. Она теперь живет, оправдываясь перед собою: у нее горькое счастье.

Сегодня воскресенье, можно дольше полежать в кровати. Вчера она вернулась домой поздно и даже не видела Лею. Ей

досадно, что она так редко видит свою дочь. Фаня вспоминает вчерашний вечер. Он был ясный, сухой и даже еще теплый, хотя осенний. В такие вечера душа одинокого человека тоскует, тянется к добру, к доброму слову, к доброму другу. Вчерашние желтолистые сумерки начались для Фани беспокойством и одиночеством. Подумала, зайти бы к подруге. Там весело. Девушки и парни сидят вокруг освещенного стола в уютной квартире. Войдя в комнату, Фаня забывает о тоске и одиночестве, веселье и свет охватывают ее, и лишь одно остается: желание хорошо выглядеть, иметь успех, нравиться, хоть на один вечер вырваться из тоски и одиночества. Она ведь молода. И сразу, в первое же мгновение, она замечает молодого человека с маленькими усиками. Как только она вошла сюда, он сразу обратил на нее внимание. Прошло очень немного времени, и он уже сидел возле нее. Подруга, которая знает, что Фаня хорошо поет, просит ее показать свое искусство. Фаня любит компанию, любит веселье и не заставляет себя долго упрашивать. А молодой человек уже берет ее за руку и говорит комплименты. Фаня улыбается. Улыбается, потому что все знает заранее. Вскоре она даже начинает смеяться — оттого, что угадала. Он пододвигается еще ближе. Она его не отталкивает. Позже, когда они выходят погулять, он тоже не отходит от нее, ведет ее под руку. Они бродят по Советской улице, от польского костела к железнодорожному мосту у Ляховки и от моста — к костелу. Потом они заходят в садик у городского театра. Обоим нравятся желтые листья вокруг светлых фонарей. И они нравятся друг другу. Допоздна гуляют они. Он ее целует.

Все это Фаня вспоминает теперь, лежа в постели. Она оправдывается перед собой. Хорошо ли поступает? Знакомство ненадолго. Разве она не хочет жить спокойно и устроенно, как ее подруги... С мужем, с детьми... Но всегда кто-то становится поперек дороги. К тому же получается будто нарочно: те, кто могут быть хорошими мужьями, — невеселые, безжизненные. И как раз те, кто хотят только пошутить, поиграть, — веселы, жизнерадостны. Чем она виновата? Такова ее доля.

Лея смотрит на маму. Мама не спит. Она думает, улыбается, что-то шепчет. Но неожиданно мама садится и говорит:

— Доброе тебе утро, Леенька, я уже давно тебя не видела...

В любви Лей к маме возник холодок, кусочек льда. Зачем она обидела дядю Майрама? Но стоит маме сказать: «Леенька, иди ко мне, мы уже давно с тобою не разговаривали», как лед тает и холодок превращается в тепло. Лея прыгает к маме в кровать. Лея уже давно не была такой счастливой, как сейчас. И Фаня забывает о вчерашнем, о молодом человеке с маленькими усиками, обо всем на свете. Одно теперь есть — ее дитя, ее Лея.

Потом она готовит еду. Обе садятся за стол, завтракают, радуются и смеются.

После завтрака они играют в «дочки-матери». И только теперь Фаня замечает новую куклу с закрывающимися глазами. Откуда она взялась?

— Новая кукла?

Лея так рада маме, что забывает о своей тайне.

— Дядя Майрам...

— Что дядя Майрам?

— Не будешь меня ругать?

— Нет.

— Дядя Майрам принес мне эту куклу.

— Дядя Майрам...— И неясно, то ли она спрашивает, то ли удивляется, или, может быть, что-то вспоминает.

Игре конец. Мама задумалась: если бы не Мотл, Майрам теперь был бы ее мужем. Нет счастья.

15

Лея учится в школе, в первом классе. Она высоконькая, худощавая, каждое утро торопится в школу с ученическим портфелем в руках. Хотя из дому она выходит рано, все равно боится опоздать. У нее большие беспокойные глаза, но с подружками она веселая. Только иногда, словно вспомнив о чем-то, становится молчаливой и даже грустной. Но это быстро проходит.

Иногда мама вечером приходит домой поздно. Зато на другой день Лею ждут подарки, которые мама принесла. Вкусные сладости и фрукты. Мама говорит, что была на свадьбе.

Как и раньше, Майрам приходит к Лее. В своей будничной одежде, от которой пахнет кожей, часто небритый, как будто он не обращает на себя внимания. Заглядывает в Лейны тетради, объясняет, когда она о чем-то спрашивает, слушает, как она читает. Майрам всегда спокойный, добрый. С мамой бывает совсем наоборот. Случается, что она недовольна, иногда даже сердита. В такие минуты она сердится еще больше, если Лея ее о чем-нибудь спрашивает. Она может бросить тетрадь. Был даже случай, когда она тетрадь порвала.

— Не морочь мне голову всякими тетрадями. У меня свои беды!

В Лейных больших беспокойных глазах появляются слезы. Она изо всех своих детских сил сдерживается, чтобы не плакать. Мама этого терпеть не может. За слезы она готова толкнуть ее в угол: «Стой и молчи!»

Только однажды случилось такое, из-за чего Лея долго-долго плакала. Мама тоже плакала.

Однажды... Была середина теплого и светлого апреля. В субботу это было, в конце рабочей недели, под вечер, когда темнота начинает густеть, но в окнах еще не видно света. Пришел дядя Миша и принес с собою вина, закусок, сладостей. Мама была недовольна его приходом, но нельзя же выгнать человека. Она добрая. Неожиданно с шумом открылась дверь, и в комнату вошли пятеро: женщина, мужчина и трое детей.

Женщина высоко подняла голову, сложила на груди руки и сдержанно, даже тихо сказала:

— Вот где ты пропадаешь, вот кому ты посишь свой заработок, вот где ты развлекаешься... Хорош муж!

Дядя Миша встал, хотел ответить. Но мужчина (брат его жены) подбежал и схватил его за руку.

— Спокойно. Будешь иметь дело со мною! Чтобы твоей ноги тут больше не было.

Все это произошло без шума, чтобы соседи ничего не слышали. Но как только дядя Миша вышел, женщина закричала:

— Дети, вот эта, — и показала на маму, — хотела забрать вашего отца.

Поднялся крик, шум и плач.

Все трое детей бросились на Фаню.

Фаня плакала тихо, беззвучно, чтобы соседи не слышали. Но они ведь слышали крики и рев детей. Весь дом сбежался.

Все время, пока это происходило, Лея стояла в углу бледная, перепуганная, она не могла выговорить ни слова, не могла двинуться с места. Только дрожала, и в горле стоял ком. Но когда стало тише, когда дети со своей матерью ушли и соседи уложили ее в постель, у Леи вырвался сдавленный плач. Вместе с рыданиями вылетали какие-то слова, которых никто не понимал. И никак нельзя было ее успокоить.

Утром прибежал Майрам.

16

Лея лежала с закрытыми глазами. Время от времени судорога сжимала ей горло. Она молчала, не произносила ни одного слова. Когда Майрам подошел к постели и взял ее за руку, на Леином лице, которое со вчерашнего дня осунулось и потемнело, мелькнула тихая улыбка. Держа его за руку, она уснула. И Майрам смотрел, как сон успокаивал ее.

Напротив, на своей кровати, лежала Фаня и плакала.

Под вечер Майрам снова пришел, но не один — с Рохочкой. Она старалась развлечь Лею, рассказала ей несколько веселых историй и вызвала у нее доверие и симпатию.

Потом Рохочка подошла к Фане, спросила — не нужно ли ей чего-нибудь. «Ничего не нужно», — ответила Фаня.

В понедельник после обеда к Лее пришла ее учительница. Молодая, несколько лет тому назад окончившая Минский педагогический техникум, она была полна любви к детям и желания воспитать здоровое поколение. Она была в том возрасте, когда человек во все влюблен. Дети называют свою молодую учительницу «учительница Дина». Они ее любят. Учительница Дина — рослая, у нее густые светло-каштановые волосы. Говорит она немного нараспев. Учительница ведет дневник. Она в нем записывает все, что касается ее работы в школе и ее учеников. Записи о Лее очень разные:

«Спокойная, слушает и понимает».

«Прилежная».

«Задумчива. Не слушает. Что с нею сегодня?»

«Слова песни запоминает легко. Мелодию — труднее».

«Сегодня она сидела на уроке очень грустная. Но не плакала. Глаза сухие. И все же... Такое впечатление, будто что-то плачет у нее внутри. После урока я ее спросила:

— Леенька, что с тобой?

— Ничего, учительница Дина.

— У тебя что-нибудь болит?

— Нет.

— И мама тебя не ругает?

Она задумалась и ответила:

— Нет.

— Ты любишь сладости?

— Да, учительница Дина. Люблю.

— Вот тебе конфетка, возьми.

— Спасибо, учительница Дина».

И дальше учительница сделала приписку: «Я понимаю, что она мне не все рассказала».

Позже в дневнике записано: «Дети спросили друг друга, как зовут их маму, как зовут отца? Лея ответила: «Мою маму зовут Фаня, мой отец — Майрам».

И учительница добавляет: «У нее же нет отца».

В другом месте записано: «Я спрашивала соседей. У Леи тяжелое детство. Я встретила с Майрамом. Лея стесняется говорить, что у нее нет отца. У ребенка должен быть отец».

Когда учительница Дина пришла к Лее, она была одета по-весеннему. Не стала спрашивать, почему ее ученица лежит в постели. Рассказала Лее, что сегодня учили в классе. А потом добавила, что класс готовит утренник к Первому мая.

— Что ты, Леенька, хотела бы прочитать?

На это Лея ответила:

— Учительница Дина, я больше не хочу ходить в школу.

— Почему?

Лея молчит.

— Тебе не нравится наша школа?

— Нет, нравится.

— Тебе не нравится наш класс?

— Нет, нравится.

— Тебе не нравится учительница Дина?

Лея улыбнулась:

— Учительница нравится. Я вас люблю, учительница.

-- Почему же ты не хочешь ходить в школу?

Лея молчит.

— Давай отложим этот разговор до завтра.

На другой день учительница снова пришла. Опять рассказала, что сегодня учили. Передала привет от всего класса. Но о том, что Лея больше не хочет ходить в школу, речи не было. Учительница разговаривала с соседями и узнала, что тут произошло в субботу вечером. Виделась с Майрамом. Оказалось, что из тех троих детей, которые накиннулись на Фаню, двое учатся в той же школе, что и Лея. И одна девочка, Бейлка, — в одном классе с нею. Вот почему Лея не хочет ходить в школу.

17

Для Леи Бейлка, которая учится с нею в одном классе и которая накиннулась на ее маму, — враг. Главное, Лея боится, что та разболтает всему классу, что произошло в субботу. Но Бейлка тоже боится, что Лея может рассказать, что случилось с ее отцом. Ей тоже не по себе.

Для Майрама, добряка Майрама, девочка Бейлка — недобрый ребенок. Из-за нее страдает Лея.

Но для молодой учительницы обе, Лея Блюм и Бейлка Адлер, — хорошие дети, обе ее ученицы и обе страдают не по своей вине. Она хочет пойти к своим преподавателям в педагогический техникум за советом. Но сначала она поговорит с Итой Ратнер, матерью своих подруг.

Весна. Шагается легко. Парни заглядываются на нее. По дороге она встречает молодого поэта Зундла Тульсина. Он идет ей навстречу, самоуверенно и глупо улыбаясь. Он ее провожает. Вместо того чтобы говорить комплименты Дине, он говорит их самому себе: хвалит свои стихи. Он — словно броская афиша, кричит о себе: я красив и умен. Посередине дороги он останавливается, прощается, — его ждет девушка.

Дина знает ему цену.

Потом, уже недалеко от улицы Розы Люксембург, она встречает еще одного молодого человека, по имени Нотэ Шурин, который в этом году кончает педагогический техникум. Он застенчив. И скромнее Зундла Тульсина. Но слишком расчетлив. Он хочет со всеми жить в мире. Вид у него медово-сладкий. Он

проходит с Диной несколько шагов и сразу поворачивает обратно — боится, что, если их увидят вместе, пойдут всякие толки. И ему Дина знает цену.

Первый вопрос, который Ита Ратнер задает Дине:

— Сядешь за стол?

— Да. Я таки хочу есть. А где девочки?

— Сейчас придут. Как ты поживаешь, Дина, кого видишь?

— По дороге я встретила двух молодых людей: один глуп, второй — зануда.

— Ой, Диночка, на молодого человека надо смотреть прищурив глаза или сквозь пальцы. Не все надо в нем видеть. Ты, дитя мое, надо мной не смейся... Это даже нехорошо, когда девушка слишком умна, видит, что надо и чего не надо.

— Старая теория, тетя Ита.

— Тебя и твоих новых теорий я немного побаиваюсь. Тот не подходит, этот не годится... Но зато, когда любовь налетает, становишься совсем слепой. Тогда уже ничего не видишь.

— Разве что слепой... Хоть не обидно. А прищурив глаза... Нет! Но не о женихах говорить пришла я к вам, тетя Ита. Хочу с вами посоветоваться о другом. Вы слышали, что в субботу вечером случилось в доме Фани Блюм?

— Конечно. Майрам рассказал. Он очень переживает за Лееньку.

— Все гораздо сложнее. И Лея, Фанина дочка, и Бейлка, Мишина дочка, учатся в моем классе.

— Надо же...

— Майрама волнует только Лея. А разве Бейлка не ребенок? Лея не хочет ходить в школу, боится, что Бейлка всему классу расскажет о ее матери, а Бейлка боится, что Лея расскажет о ее отце. Что же я, как учительница, должна делать? С кем раньше поговорить — с детьми или с родителями?

— Выжди, Дина, вчера у меня были Майрам с Рохочкой. Они хотят пожениться. Майрам поставил условие: взять к себе Лееньку.

— И что?

— Я же тебе говорила. Любовь слепа. Рохочка на все согласна. Согласится ли Фаня?

— Мне кажется, что нет. Как это мать может отказаться от ребенка? Почему? Ради чего?

— Понимаешь, Диночка, Фаня несколько легкомысленный человек. Соседи говорят: «легкая пассажирка».

— Судить другого, оговорить человека легко. Но на самом деле все это совсем не просто. Наверно, первая, с кем надо поговорить, — это Фаня.

Дверь весело открылась, все три Итины дочери пришли домой.

Все три Итины дочери, одна моложе другой на полтора-два года, похожи на мать. Все три темноволосые, с серо-зеленоватыми глазами, узкими носиками и розовощекие. Все три могут за себя постоять. Этим они тоже похожи на мать (отец тихий, уступчивый). Если одной из девушек нравился парень, она не дожидалась, пока он ее заметит, а сама старалась, чтобы он обратил на нее внимание. Девушки они красивые, и им это легко дается.

Первым делом его приводят домой к маме: что она скажет? И мама всегда решает одинаково:

— Раз он тебе нравится, то он и мне нравится.

Сейчас Итины дочери пришли с комсомольского собрания. В доме сразу стало веселее и даже светлее.

Внешне девушки очень похожи друг на друга, но внутренне они очень разные.

Самая молодая, Мирьям, хочет походить на мать. Она любит домашний уют. Хочет, чтобы и у нее, как у матери, было не меньше троих детей (правда, не обязательно все три девочки). Как и мама, хочет быть хозяйкой в доме, чтобы муж ее любил и слушался.

Средняя, Юдифь, мечтает приносить пользу людям, обществу, стране. Она готова трудиться, готова далеко уехать, только бы добиться своего. Она не хочет мужа, который бы во всем слушался и уступал. Муж и жена должны быть равными.

У старшей, Ривки, практический ум. Она знает свои возможности и особенно рассчитывать на себя не может. Она знает, что если достигнет в жизни чего-нибудь, то только благодаря будущему мужу, который будет, как она мечтает, ученым.

Пока они, все три,— беззаботные девушки, которые любят гулять по улицам, петь, танцевать, поверять друг другу тайны, позлословить о парнях (только не о своих собственных женихах).

Все три обрадовались Дине.

До недавнего времени, пока она не стала учительницей, Дина была точно такой же беззаботной шалуньей, как три ее подруги. Но с тех пор, как она стала учительницей, в ней, против собственной воли, прибавилось солидности, серьезности. Тем более когда случается такое, как с ее ученицами Леей и Бейлкой. Но теперь, в эти весенние сумерки, когда свет еще не зажжен, когда на душе легко и весь мир прозрачен, теперь она снова та же Дина, как и в педагогическом техникуме. Девушки поют, танцуют, шутят. Дина, когда она в хорошем настроении, может кого-нибудь высмеять, даже обрисовать его в стихах, да так, что все кругом держатся за животы. Сама она при этом едва улыбается. Она рассказывает о своей встрече с Зундлем Тульсиным и Нотэ Шуриным. Подруги смеются, и Ита довольна,

что в ее доме царит веселье. Она тоже смеется. А про себя думает о Дине: «Нехорошо, когда девушка слишком умна...»

Неожиданно приходит Сима Фрайкина. Сразу становится тихо. Зажигают свет. Насмешницы молчат. Что Сима скажет? И Сима говорит:

— Дорогая Ита, я голодна... Накормите меня.

Девушки знают, что Сима Фрайкина любит поесть. А что она скажет потом, после еды? Сима поела и предлагает:

— Давайте поиграем в вопросы и ответы.

Сима — активный комсомольский работник. Но она принадлежит к тем людям, которые перегибают палку. Она забыла, что девушки несколько часов просидели на собрании. Ей кажется, что комсомольца нельзя надолго оставить наедине с собой, его надо постоянно занимать. Особенно девушек и парней, которые предпочитают веселиться и могут из-за своих песен и танцев забыть, что они комсомольцы. Над нею тихонько посмеиваются: «Она набожнее папы римского». Но Сима Фрайкина не из тех, кто боится насмешек. Она идет своей дорогой.

Первая Симе отвечает Мирьям:

— К сожалению, я должна идти на свидание со своим женихом.

— Завтра пойдешь.

— Завтра? Мы договорились на сегодня. Он обидится.

Она быстро одевается и уходит.

Остальные, оказывается, тоже заняты. И тоже уходят.

— Ита,— говорит Сима,— я немного прилягу на вапу кушетку.

Несколько минут спустя она уже спит.

19

В воскресенье учительница Дина снова пришла к Лес. На самом деле в этот раз Лея была только предлогом. Главное — Фапя.

Фапя у всех на языке. Но никто из тех, кто о ней судачит, не может себе представить, как была разбита и несчастна Фапя после той субботы, в понедельник утром, когда нужно было идти на работу, нужно было встретиться с соседями, которые смотрят на нее как на распутницу...

Окутав большим шарфом голову, чтобы не видно было расцарапанного лица, с заплаканными глазами, которые ни на кого не могут смотреть, она несколько раз подходила к двери и каждый раз отступала назад. Ослабевшие руки дрожали, когда взялись за дверную ручку. Взялись и отпустили. У нее не хватило

силы духа открыть дверь и пройти мимо соседей, которые ее явно поджидали. И все ж... Должна была!

Фаня знает: все обвиняют ее. А разве она виновата? Ведь она всегда хочет, чтобы было хорошо. Почему получается плохо? Фане не перед кем излить душу. Именно поэтому она так легко откликнулась на первые Динины слова, в которых почувствовала сострадание:

— Я — учительница Лееньки.

— Знаю.

— Лея очень страдает. Она даже не хочет ходить в школу.

— Знаю, учительница. Виновата в этом я. Я старше вас, но ненамного. Просто у меня нет счастья.

— Я вас не обвиняю. И не пришла укорять вас. Хочу только поговорить о Лее и, если вы не против, о вас тоже. Тут все связано: мать и дочь.

А получилось, что о Лее как раз говорили мало.

Говорила в основном Фаня. (Лея была на улице.)

— Я вам скажу всю правду, учительница Дина, больше, чем сказала бы самой себе. Перед собою часто хочется оправдаться, пощадить себя, пожалеть. К тому ж иногда стыдно... Дина, я говорю с вами, как с родной сестрой. До сих пор я шла по жизни, распевая песни и танцуя. Когда кончала школу, все знакомые мальчишки хотели со мною пройтись по улице. Был у меня парень, Мотл. Мы любили друг друга. Вы знаете, Дина, я тогда не чувствовала земли под ногами. Я не ходила, а летала. Небо для нас всегда было голубым и солнечным. Зимой нам было еще веселее. Мы играли в снежки и толкали друг друга в снег. Мотл был очень деликатен со мною, боялся даже коснуться меня. А я как раз хотела почувствовать его близость, хотела, чтобы он меня обнял, прижал к себе. Я нарочно говорила, что рука замерзла, чтобы он ее погрел. Я помню, как мы вместе читали наизусть «Песнь песней» Шолом-Алейхема. Прошли годы, но до сегодняшнего дня я помню, как хорошо, как легко и светло было у меня на душе, когда мы наизусть повторяли, как Шимек и Бузя берутся за руки и бегут с горы. Мы тоже брались за руки.

— В ваших словах много поэзии, Фаня...

— У меня все начинается поэзией и кончается горькой прозой. Так продолжалось, пока Мотл не ушел в Красную Армию. Мы договорились, что, когда он вернется, поженимся. Только это не было нам суждено. Виновата только я. Но поверьте мне, Дина, что я не виновата. Такая мне выпала доля, что я всегда не виновата и... виновата...

В последних словах Фани звучала боль. И Дина попыталась ее успокоить:

— Не расстраивайтесь, Фаня. Поберегите себя.

— Раз уж я начала, то должна закончить. До сих пор я все держала в себе. Поймите меня, дорогая Дина, я была совсем

молодая. Голова закружилась от красивых парней и от их красивых слов, от кино, театра, от удовольствий... И получилось, что я виновата. Мой ребенок без отца. Лея мне этого не простит.

— Я вам должна сказать, Фаня, что Лея скучает по отцу. Когда дети спрашивают ее, как зовут ее отца, она отвечает: Майрам.

— Майрам...— повторила Фаня.— Он, конечно, мог быть Лее отцом, мне — мужем. Уже почти так и было. Майрам может быть хорошим мужем, но он плохой жених. У него выхватывают невесту из рук. Он добрый, честный, мягкий. Но он ждет, чтобы счастье само пришло. Ой, Дина, дорогая, счастье само не приходит, счастье надо завоевать.

Фаня говорила взволнованно и прислушивалась к собственным словам. Она не заметила, как Дина стала краснеть. То, что Фаня говорит: «Счастье не приходит само, счастье надо завоевать», ведь можно сказать и о ней, о Дине. Она тоже ждет, пока счастье само придет. Никто этого не знает, она даже самой себе не признается, что ей нравится молодой человек, добрый и деликатный. Сам он ничего не скажет, не решается даже взглянуть на нее. Он смотрит на нее, когда она этого не замечает. Но она все равно чувствует. Только молчит. Он молчит, и она молчит.

На несколько мгновений роли поменялись. Будто Фаня не рассказывает о своей тяжелой жизни, а учит Дину, что такое жизнь. Дина сразу берет себя в руки. Она учительница, пришла поговорить о своей ученице.

20

Пока, однако, она что-то прослушала и не уловила связи того, о чем Фаня рассказывала раньше, с тем, о чем она говорит теперь.

— Какие это были хорошие часы,— продолжает Фаня исповедоваться.— Я опять почувствовала, что не хожу, а летаю. Легкость разлилась по всему телу, готовность жить и любить. Пришел Мотл, мой жених... Потом получилось, что ни Майрам, ни Мотл.

— Майрам ведь приходил.

— Не ко мне... К Лее. Он ее любит, как собственного ребенка.

— И вы уверены, что не к вам?

— Если бы ко мне... я бы перестала его уважать.

— Почему?

— У мужчины должен быть характер. Дважды я обманула его... Нет, он не должен ко мне приходить.

— А чтобы он приходил к Лее или даже Лея к нему — не возражаете?

— Нет, конечно.

Теперь Фаня показалась Дине совсем другой. Ита не права, когда говорит, что Фаня «легкая пассажирка».

Дина заранее знает, что затевать с Фаней разговор о том, чтобы она отдала Лею Майраму, не имеет смысла. А все же она не выдержала, послушалась Иту... И в то же мгновение пожалела. Фаня посмотрела на нее, широко раскрыв удивленные глаза, в которых засверкал огонь, и замолчала. Она смотрела так презрительно, что Дина даже вздрогнула. Потом Фаня тихо, но ехидно спросила:

— Вы уже давно торгуете детьми, учительница Дина?

И добавила:

— Прошу вас, оставьте мой дом, иначе я закричу... Вся улица сбежится.

Дина сразу ушла.

«Ты глупая, очень глупая,— говорила себе Дина, когда шла от Фани.— Неужели ты не понимаешь, что о таком с матерью не говорят. Мать всегда мать. А ты...»

Дина сердится на себя. Она не может забыть полный ненависти взгляд Фани, ее голос, ехидный вопрос: «Вы уже давно торгуете детьми, учительница Дина?»

На улице, далеко от Фаниного дома, Дина снова вздрагивает от этого вопроса.

Но она не обижена. Ей по душе человечность Фани, ее горестный возглас. И чем больше она отдаляется от Фаниного дома, тем сильнее Дину мучает желание вернуться и извиниться. Только не хочется этого делать по горячим следам, чтобы Фаня на самом деле не раскричалась. Но Дина подумала, что Фаня может свою обиду выместить на Лее. Так уже бывало. И сразу, как только эта мысль пришла в голову, Дина повернула назад.

Лея все еще сидит на улице. Она играет сама с собою, избегает подруг. Соседи смотрят на нее с жалостью. Она чувствует себя униженной, одинокой, никому не нужной. Даже с мамой ей теперь уже не так хорошо, как прежде. Мама для нее стала какой-то чужой. Побитая, обруганная мама, которая хочет отнять чужого, Бейлкиного отца. Лея хорошо знает, что один отец — это лучше, чем много дядей. А кто ее, Леин, отец? Спросить об этом она никого не может. Маму тоже.

21

Лея сидит на камне и маленьким прутиком выводит на песке: «Кто мой отец?» И сразу стирает. Она боится, что чужие глаза могут увидеть это. Лея запомнила, как толстая Хиена недавно сказала худой Кейлке:

— Где Фаня возьмет ей отца? Добрый ангел с неба прилетит?

Проходит несколько минут, и тем же прутиком Лея выводит: «Майрам». Лея не замечает, как к ней подходит учительница. А увидев ее, так радуется, что забывает стереть написанное.

— Леенька, мама еще дома?

— Дома, учительница Дина.

— Фаня, я пришла извиниться,— еще в дверях сказала Дина.

— Я тоже прошу прощения, Дина. Я знаю, вы мне желаете добра. Но делать это надо умеючи.— И предложила:— Давайте, Дина, пообедайте с нами. Я сейчас позову Лею.

За эти короткие полчаса, от ухода Дины до ее возвращения, Фаню истерзала мысль — не могут ли у нее отобрать Лею? Не могут ли обвинить ее в том, что она плохо воспитывает ребенка? (Она слышала о таком случае.) Может быть, именно поэтому учительница сказала о том, чтобы отдать Лею Майраму. Она этого не допустит. У Леи нет отца, но мать у нее есть!

Возвращению Дины Фаня очень обрадовалась.

Во время обеда пришел Майрам.

— Садитесь к столу, Майрам,— сказала Фаня очень спокойно. Даже равнодушно.

— Спасибо, я уже обедал,— Майрам тоже ответил спокойно.— Сегодня, Фаня, хорошая погода, может быть, мне немного погулять с Леей?

— Почему же нет? — ответила Фаня.— Она все время сидит дома и никуда не выходит.

После обеда Майрам пошел с Леей гулять. Дина тоже ушла. Фаня пошла на кухню мыть посуду. И тут она снова стала думать о том, что у нее могут отобрать Лею. Не зря учительница вернулась. Не зря пришел Майрам. И почему он пошел с Леей гулять? Ее охватил страх. Она выбежала на улицу. Куда? Куда идти искать дочку? Она знала, где Майрам живет, и поспешила на улицу Розы Люксембург. Майрама дома не было. Фаня знала, что он часто заходит к Ратнерам, и она пошла туда. Как только открылась дверь, она крикнула:

— Мой ребенок у вас?

— У нас, у нас! Успокойтесь, заходите, Фаня, заходите.— И Фаня услышала в комнате веселый Леин смех. Фаня зашла. Комната полна людей. Три дочери Иты, Рохочка, Майрам, муж Иты. И все заняты Леей.

Встретили Фаню хорошо. Но она чувствует себя чужой. Сидит на мягкой кушетке и смотрит, как все играют с Леей. Только почему-то не рада этому. Лея, дома такая грустная и тихая, здесь очень подвижна, бежит от Майрама к Рохочке, от

одной Итиной дочери к другой. Ее бледное, тонкое личико покраснелось, и в глазах светятся огоньки. Фаня думает: нет, никто не забирает Лею, она сама ушла...

22

Несколько дней спустя Дина пришла к Адлерам. Дома была только Бейлка — невысокая, полная девочка с черной косичкой.

— Ты одна, Бейлка?

— Одна, учительница. Я убираю комнату, помогаю маме.

— Очень хорошо, Бейлинка, очень хорошо.

— Учительница, как поживает Лея? Она еще больна?

— Да.

— Все еще больна?.. Жаль! Я договорилась с ребятами побить ее.

— Побить? За что? Что ты говоришь, Бейлка?

— Ее мать хотела забрать моего папу.

— Забрать? Что значит забрать?

— Учительница, я знаю, что это значит...

— Вот видишь, Бейлка, ты думаешь, что Леина мама хотела забрать твоего отца, а Лея думает, что твой отец хотел забрать ее маму.

Для Бейлки это большая новость. Она говорит:

— Этого не может быть! Мой папа хороший. Мама придет и все вам расскажет.

В семье Адлеров принято считать: отец, Миша, добрый. Мама, Неха, очень хорошая хозяйка, мастерица на все руки. Неха предана детям и мужу. Она не жалеет сил, чтобы дома было чисто и уютно. Если ребенок болеет, она не спит ночами.

Маму боятся. Папу любят.

Миша — заготовщик, хороший работник. В свободное время ему хочется немного повеселиться, хочется развлечений и удовольствий. А его жена, Неха, как раз наоборот, терпеть не может веселья и скупа на ласку и удовольствия. Она вечно чем-то озабочена. Муж ходит по дому какой-то неприкаянный, недовольный. Ему хочется петь, а жена этого не любит. Ему охота пошутить, а жена этого терпеть не может. Ему хочется взять жену за руку, почувствовать тепло ее тела, а жена это считает глупой шалостью.

— Отец семейства, а все еще как мальчишка.

Это правда, он все еще хочет быть мальчишкой, молодым, влюбленным. Ему мало той любви, в которой жена ему по закону не может отказать. Он домосед, не ищет развлечений вне дома. Но он хочет, чтобы его жена немного принарядилась, красивее одевалась. И, наверно, именно поэтому в нем однажды что-то вспыхнуло, когда случайно встретил Фаню, чье тело взывает: «Мы рождены для удовольствий!» Он стал ходить за

нею. Его влекло, тянуло. Его околдовали ее ласковая улыбка, добрый взгляд, ее теплые женственные руки, которые могут дать столько тепла, ее красивая грудь, которая может дать жизнь. Он был пленен.

Она его не звала. Он сам пришел. И он может сказать то же самое, что и Фаня: его вина, но виноват не он.

23

Назавтра, когда учительница Дина снова пришла к Бейлке, ее мать, Неха, была дома. Дина увидела высокую полноватую женщину с натруженными руками и крепкими ногами, с головы до ног одетую в черное. Первым впечатлением Дины было: она имеет дело не только со строгой, но и злой женщиной. Из-за своей молодости Дина чувствовала себя немного беспокойно и неуверенно.

— Вы — учительница моей дочери? Вы вчера у нас были?

Вопросы Неха задавала с особой серьезностью, как будто она собиралась высказать претензии или, может быть, даже поссориться. Она не предложила Дине сесть. Распрямилась, подняла голову и, глядя учительнице в глаза, сказала:

— Вы тоже считаете, что не только та женщина хотела у моих детей забрать отца, но и мой муж хотел забрать Леину маму...

Она ждала ответа, но учительница молчала.

— Бейлка мне рассказала. Дети не виноваты.

— А сами вы об этом не подумали?

— Ой, учительница, учительница, разве у меня есть время думать? Надо делать, не надо, — я делаю, работаю. Все время занята. Когда мне думать?

В словах Нехи слышалась не жалоба, а почти мольба.

— Учительница, почему вы стоите? Садитесь, пожалуйста.

Дина села. Неха тоже взяла табуретку. Однако Неха, оказывается, не может сидеть просто так, она и сидя должна что-то делать, работать.

Она вяжет рукав детской кофты.

— Вы уверены, учительница, что мой Миша... Такой тихий и вежливый... Это невозможно. А может быть... Знаете, учительница, я моложе его, но молодой всегда он...

И Неха начинает рассказывать историю их жизни. У них с Мишей была любовь еще до революции.

— Он тогда был совсем молодой, — рассказывает Неха, — можно сказать, мальчишка — худой, с горящими глазами. В них трудно было смотреть. Зарабатывал он тогда на воду для каши, — продолжает Неха. — Наша семья была очень набожной.

Все было запрещено. Носить короткое платье нельзя. Короткие рукава — тоже нельзя. Разговаривать с мужчиной грех, бог накажет. Что можно было, сама не знаю — только молиться богу, восхвалять его... И этот вот Мишка вцепился как клещ, житья от него не стало. Он меня любит! И не отставал. Где я ни появлюсь, там и он. Стоит нам на минутку остаться одним, он начинает меня так целовать, что потом щеки долго горят. Что оставалось делать? Выйти замуж... Учительница, извините меня, вы хоть и учительница, но еще совсем молодая. Может быть, я не должна вам все это рассказывать...

Неха об этом спросила потому, что, сказав, как от Мишиных поцелуев у нее пылали щеки, она заметила, что Дина покраснела. Ее, Дину, видно, никто еще не целовал.

— Нет, нет, рассказывайте, — Дина еще больше покраснела.

Все-таки Неха об остальном поведала вкратце. С тех пор как родился первый ребенок, она хотела, чтобы он стал более серьезным. Нечего целоваться, нежничать, миловаться... У ее родителей такого не признавали. К тому же вечные заботы, как прокормить семью... Мише это было не по душе. Но она настояла на своем. Она думала, что отучила его навсегда. Оказывается... Жизнь берет свое.

Неха перестала вязать. Для нее были новыми и неожиданными ее собственные слова. Она задумалась. Потом снова стала быстро-быстро вязать детскую кофточку.

— Глупо, глупо жила... Хотела щепкой перекрыть реку. А выходит, когда мужчине нужна ласка, он ее находит... И я сама виновата... Ой, учительница, учительница, но разве виновата я? Разве я хотела, чтобы так было?

24

Возвращаясь от Нехи домой, Дина чувствовала, что она как будто стала старше. Ей прибавился опыт чужой жизни. Детей она учит, у их родителей учится сама. Но нелегко быть старше своих лет. И трудно нести в себе чужой опыт.

По дороге, на углу Комсомольской улицы, она и сегодня встречает поэта Зундла Тульсина. Но сегодня, вместо того чтобы хвалить самого себя и свои стихи, он говорит любезности Дине. Она довольна, смеется. Но неожиданно Тульсин останавливается, говорит, что его ждет девушка, и уходит. На этот раз Дине уже не все равно, что он ушел. Но ей суждена еще одна встреча. Недалеко от дома она увидела, что Нотэ Шурин ходит туда-сюда, будто ждет кого-то. Этой встрече она рада. Пусть он подойдет, что-нибудь скажет. Или пусть просто, как всегда, помолчит. Но на этот раз он смело подошел и сказал, что ждет ее. Она остановилась.

— Я должен вам что-то сказать,— вымолвил он, собравшись с духом.

— Пожалуйста.

— Идемте. На ходу легче будет говорить.

Много улиц прошли они, а Нотэ все молчал. Его снова одолевала робость. Дину его молчание не задевало. Для нее сегодня достаточно того, что он ее ждал и хотел что-то доверить. Что? Это уже не важно.

Домой она вернулась довольная. И в тот самый вечер записала в свой дневник: «Все считают, что они виноваты, но виноваты не они. Но кто ж тогда? Может быть, на самом деле никто...»

Сейчас она не настроена заниматься этим вопросом. Не настроена... Да и нелегко это. Она закрывает свой дневник и выходит к родителям. Дина — их единственная дочь, их сокровище. Сколько бы раз в день они ни видели дочь, у них светлеют лица.

— Диночка...— Больше они ничего не говорят. Но в том, как они произносят ее имя, столько любви, что уже нечего добавить.

Отец только добродушно шутит, повторяя слова, которые она говорила в детстве, когда кто-нибудь хотел дотронуться до ее игрушек:

— Ниизя, ниизя, ниизя...

Они смеются.

Во время войны, в 1915 году, родители Дины переехали из Вильнюса в Минск. Динин дед в Вильнюсе был «вашевником»¹. С ранней весны до поздней осени стоял он вместе с другими «вашевниками» по колено в воде, сгружал бревна с плотов, которые сплавляли по Вилии, и складывал эти бревна на берегу в штабеля. Работа была очень тяжелая и только очень здоровым людям под силу. Заработать можно было по рублю в день. Динин дед был не только сильным, но и справедливым человеком, поэтому он часто бывал старшим в партии «вашевников». Зимой, когда не было работы, он грел свои кости на печке и читал еврейские книжки. Детей отправил учиться. Отец Дины, Шолом, окончил еврейскую казенную школу, а потом изучил бухгалтерию. Он до сих пор работает бухгалтером. Мать Дины, Хана, тоже бухгалтер. В жизни обоих есть одна забота — их дочь.

Между собою, когда Дины нет, Шолом может бросить жене:

— Знай, Хана, когда красивая девушка засиживается, она становится некрасивой.

Говорит он это просто так, как афоризм. Но оба понимают

¹ В а ш е в н и к и — так назывались чернорабочие, которые занимались выгрузкой и укладкой бревен.

почему. Они, правда, не могут себе представить, что их Диночка может засидеться и стать некрасивой. Грешно так думать. Но они знают, что у времени есть привычка двигаться вперед и уходить. И отец с матерью думают о будущем дочери заранее. Подумали они об этом и три-четыре месяца назад, когда к ним зашел вильнюсский молодой человек передать привет от тамошних родственников.

Привет этот взволновал Шолома и Хану, они вспомнили свою молодость. Они тосковали по городу, в котором родились, сами выросли и растили свою дочь. Они наперебой расспрашивали, разузнавали о людях, улицах, домах.

— Как теперь выглядит городской сад, «Телятник»?

Дина спросила, кто из знакомых девушек учится в реальной гимназии.

Молодой человек, невысокий, черноволосый, с большими карими глазами, на все отвечал точно, спокойно и умно.

Родителям он понравился. «Если б он понравился и Диночке!» — думали они.

В Вильнюсе, в одном из домов на Большой Стефановской улице, есть небольшая граверная мастерская, где в маленькой витрине выставлены разные не очень дорогие ювелирные изделия. В окно часто видно, как ювелир, худой человечек с маленькой остренькой бородкой, Мордха Рузовский, гравировал буквы на металлических пластинках. Больших заработков у него нет, зато, слава богу, есть много детей. Самого младшего зовут Даниэлем. За комсомольскую деятельность он отсидел три года в тюрьме. Когда вышел, подпольная организация послала его в Советский Союз учиться. И это именно он, младший сын Мордхи Рузовского, привез Дининым родителям привет из Вильнюса.

Даниэль несколько раз был в гостях у Шолома и Ханы. И Дину удивляло, что смелый и умный Даниэль теряет смелость и ум, когда они остаются наедине. Тогда он не говорит, а бормочет. И не смотрит на нее. Дина это, конечно, замечает и удивляется. Себя ей не видно, поэтому она не только не удивляется, но даже не знает, что сама она тоже смотрит в сторону и стесняется.

25

С того воскресенья, когда Лее было так весело в доме Иты Ратнер, она стала часто приходить туда, и все — Ита с мужем и три их дочери — ей очень рады. Майрам с Рохочкой тоже приходят поиграть с нею.

Ходить в школу Лея не хочет. Сколько мама ни говорит и ни упрасивает, она: нет и нет! Почему? Она молчит. Быть дома ей тоже тяжело. Мама уже не та прежняя мама, которая была единственной и самой хорошей.

Двух событий Лея не может забыть. Она не может забыть, как мама обидела Майрама, велела ему больше не приходить, и как в тот субботний вечер Бейлкина семья набросилась на маму. Когда она об этом вспоминает, ей хочется кричать, кусать пальцы и плакать.

А однажды к Лее пришли в гости ученицы ее класса — узнать, как она поживает, когда собирается снова в школу. Среди пришедших была и Бейлка Адлер. Полненькая и упругая, с черной косичкой. В первое мгновение Лея ее не заметила. Она улыбалась детям, попросила их сесть. Стала им показывать свою куклу с закрывающимися глазами. И тут она услышала Бейлкин голос:

— У меня тоже есть такая кукла. Точно такая же!

Вдруг девочка Лея, которая только что показывала детям свою куклу, становится взрослой, серьезной: как это Бейлка могла прийти к ней в гости? Как ей не стыдно? Они же в ссоре! Ее надо выгнать. Только на это у Леи не хватает ни воли, ни сил. Но очень велика обида и очень строгим становится ее взгляд. Она молчит, как немая.

Девочек это удивляет. Что случилось? Бейлка тоже удивлена. Она не понимает, что значит молчать. Если Лея виновата, что ее мама хотела забрать Бейлкиного отца, — надо ее побить. Если она не виновата — надо с нею дружить.

— Что с тобою, Леинька, ты все еще больна?

Бейлка, такая же ловкая, как ее мама Неха, знает, что в таком случае надо делать — коснуться губами Леино лба и узнать, есть ли у нее температура. Бейлка так и делает. Лея испугана — ей показалось, что Бейлка хочет ее поцеловать. Она кричит: «Мама, мама!»

Дети тоже испугались. Может быть, надо позвать врача?

26

Ита Ратнер и ее дочери очень заняты.

Пришел веселый праздник май, теплый и светлый. Уже за несколько дней до этого город стали украшать разноцветными электрическими лампочками, портретами, лозунгами на свежескрашенных стенах. В квартирах мыли окна и вешали только что выглаженные занавески. Убирали комнаты, наводили чистоту. Праздник входит в каждую квартиру.

В магазинах допоздна многолюдно и шумно. На рынке полно деревенских телег, на которых привезли к празднику кур и

гусей, масла и сыры... В мастерских срочно дошивают заказанную одежду и обувь для взрослых и детей.

Ита и ее дочери с самого утра заняты подготовкой к празднику. Они принесли с рынка большие, доверху набитые корзины.

— Праздник уже дома! — сказала Ита, войдя. И добавила: — Свадьба тоже...

Целый день Ита и ее дочери готовили — жарили мясо, фаршировали рыбу, терли хрен, разливали по тарелкам холодец. Водку и вино закупил Шлема, муж Иты.

Дочери одолжили у соседей на завтра стулья и табуретки, стаканы и рюмки, тарелки и вилки с ножами.

Ита любит, когда кругом все радуются. Она добрый, преданный друг.

— Вот мы и дожили до свадьбы Майрама и Рохочки. Дай бог дожить до свадеб своих детей.

Вечером, накануне праздника, на всех улицах гуляли нарядно разодетые люди.

Назавтра, Первого мая, Итины дочери пошли на демонстрацию. Они увидели, что сразу за колонной обувной фабрики, где Майрам с Рохочкой шагают вместе в первых рядах, идет швейная фабрика. Оба коллектива вливаются в огромный поток людей, который все ближе и ближе подходит к главной улице. Тут они останавливаются. А мимо идут и идут ряды со знаменами и оркестрами.

Сестры заторопились к своей колонне. Но сюда приближаются физкультурники. Девушки в красных косынках, в зеленых майках и синих юбках. Парни в таких же зеленых майках и синих спортивных брюках. Их шаги размеренны и певуче легки, они шагают гордо и красиво. И Итиных дочек, как всех вокруг, охватывает желание петь и маршировать, как это описано у Давида Гофштейна:

Мы с ясным взором,
Уверенно и смело
Идем за шагом шаг¹.

Вслед за физкультурниками колонны обувщиков и швейников свернули со своими оркестрами и знаменами на главную улицу. Теперь самое время сестрам поспешить к своим товарищам. Но неожиданно послышался шум, топот, смех.

— Что случилось?

— Камерный театр! Московский еврейский камерный театр, он в Мипске на гастролях.

— Вот тот — Михоэлс!

¹ Из стихотворения «Процессия». Перевод В. Элинга.

— А этот — Зускин!

Большая группа артистов в разноцветной одежде появилась на демонстрации с пением и танцами.

— С праздником вас, швейный люд! — приветствовали артисты рабочих швейной фабрики.

Толпа окружила артистов. Все пели и танцевали. Колонны двинулись дальше.

— Товарищ Со-о-рокер, вы же портной, идемте с нами!

И Михоэлс встал в первый ряд работников швейной фабрики. Итины дочери пошли вместе с ними.

Когда сестры вернулись домой, столы уже были накрыты. Три стола под белыми скатертями, составленные буквой «П». Но и сестрам еще осталось немало работы, чтобы все на столах и в комнате выглядело празднично — красиво и нарядно.

Почти сразу после демонстрации стали собираться гости. Вместе с гостями пришли и жених с невестой, Майрам с Рохочкой. Все очень радостные, все голодные. Поэтому Ита сказала:

— Гости дорогие, первым делом закусите чем-нибудь... Чтобы не сосало под ложечкой.

И все послушались. Тогда Ита велела наполнить бокалы. Никого из гостей не удивило, что не Шлема, а его ловкая и умная жена тут главная хозяйка.

— Давайте, друзья, выпьем за жениха и невесту, за Майрама и Рохочку... Пусть у них всегда будет празднично на душе!

Гости сразу стали кричать «горько». Жених с невестой поцеловались. И видно было, что Рохочка очень счастлива.

После второго бокала стало еще веселее. За столами запели: «Почтим все вместе жениха и невесту».

Кроме гостей со стороны жениха и невесты, пришли и все три жениха Итиных дочерей. Девушки сидят веселые, покрасневшие. Отец с матерью не могут нарадоваться на своих детей. Шлема — с легкой и спокойной улыбкой, больше про себя, не навязывая никому своей радости. Ита, наоборот, — пусть все видят, осознают и понимают, как счастлива мать, когда за ее столом сидят три дочери со своими женихами.

За столом сидят и учительница Дина, и вильнюсский молодой человек Даниэль. И Дина и Даниэль, которые молчат и избегают смотреть друг на друга, когда остаются одни, здесь, на свадьбе, среди такого множества людей, чувствуют себя свободно и уютно. Даниэль снова спокоен. Он доволен, что Дина заглядывает в его большие карие глаза. Ему становится хорошо и тепло, когда она смеется в ответ на его остроумное словечко. Дина не замечает, как она любит смеяться и как часто она сегодня смеется. Ее смех очень сочный и звонкий. В нем слышится удовольствие, сердечность и искренность. Она слушает Даниэля очень внимательно. Оказывается, Даниэль, который мол-

чит, когда он с нею наедине, среди людей совсем другой. Дина сияет от радости.

На свадьбе Майрама и Рохочки были и родственники Даниэля — муж и жена Бернштейны. Они из Вильнюса, происходят из знатного рода. Но эта знатность — их враг. При первом знакомстве они сразу сообщают:

— Ну, мы же приходим... Наш род идет от вильнюсского гаона.

На самом ли деле это так — неизвестно. И хотя в Минске после революции вильнюсский гаон — не фигура, Бернштейны очень кичатся этим. Они не набожны, не старомодны, но не помнят о такой родословной, как вильнюсский гаон, они не могут. Особенно накануне женитьбы кого-нибудь из детей. Дети, правда, все это отрицают — и знать не знают, и ведать не ведают — им не нужна эта знатность.

Увидев, как Даниэль и Дина улыбаются, смеются, смотрят друг другу в глаза, Бернштейны забеспокоились. Это уже похоже на любовь. А они ведь знают, кто Динины родители, они знают, что Динин дедушка был Яша-«вашевник», который все лето стоял в воде и таскал бревна. К тому же весь Вильнюс знает, что «вашевники» любят заглянуть в бутылочку. Как может Яша-«вашевник» породниться с вильнюсским гаоном?

Муж и жена Бернштейны вообще-то люди добрые, готовые оказать услугу, посочувствовать, помочь соседу. Но знатность! И оба решают: надо предупредить Даниэля. И дать знать его родителям в Вильнюс.

27

Майрам и Рохочка заняты собой.

В школе каникулы, и учительницы Дины не видно. Она тоже занята собой.

Фаня уже привыкла к тому, что Лея самостоятельна. Остается одна дома, мало расспрашивает и мало говорит сама. И еще Фаня знает, что Лея ходит в гости к Ите Ратнер и ее дочерям. Там ей хорошо.

Но после свадьбы Майрама старшая дочь Иты Ратнер стала готовиться к своей свадьбе. Ее родители довольны: лед трогается, после старшей придет черед средней. Теперь в Итином доме уже меньше времени уделяли Лее. И она часто целыми днями сидит во дворе на камне и водит прутиком по песку. Или ходит по улице и разглядывает витрины. Однажды она увидела, что учительница Дина гуляет с мужчиной. Она его узнала: это тот самый молодой человек, с которым учительница сидела у Майрама на свадьбе. Лея остановилась и посмотрела им вслед.

— Лея, это учительница со своим женихом...

Около Леи стояла Бейлка, которая тоже смотрела на Дину и Даниэля. Лея не хотела у Бейлки спрашивать, но не могла удержаться:

— С женихом?

— Весь класс об этом говорит. Его зовут Даниэлем.

— Откуда ты знаешь?

— Всему классу известно. Он приехал из Вильнюса.

— Из Вильнюса?

— Давай пойдем за ними. Может, они будут целоваться...

— Почему ты думаешь, что они будут целоваться?

— Они ведь жених и невеста. Как же иначе?

Тут Лея вспомнила, как Майрам и Рохочка целовались, когда на их свадьбе кричали «горько», и пошла вместе с Бейлкой. Учительница не целовалась со своим женихом.

Бейлке захотелось есть.

— Я пойду домой,— сказала она.

— Я тоже пойду домой,— ответила Лея.

Они пошли вместе. Лея, как обычно, задумчивая и молчаливая. Бейлка — разговорчивая и подвижная.

— Ты знаешь, Лея, что Итина дочь, Ривка, скоро выйдет замуж?

— Замуж? Откуда ты знаешь?

— Весь город знает. Потом выйдет замуж средняя, Юдифь. У нее уже есть жених.

— Жених?

— У всех Итиных дочерей есть женихи. Лея, приходи ко мне завтра, мы снова пойдем гулять.

— Лучше ты приходи ко мне.

— Хорошо. Я приду.

У Леи уже не было сильной вражды к Бейлке. Но совсем она не прошла. Лее даже было обидно, что сама позвала Бейлку к себе домой. Но назавтра ждала ее с самого утра. Правда, не дома, а во дворе. С Бейлкой — это же значит не быть одной, не так скучно. Бейлка все знает, она может обо всем рассказать.

Несколько дней спустя Бейлка с Леей, гуляя, снова встретили на улице Дину с Даниэлем. Дина была очень довольна, что девочки дружат. Она остановилась и обеих погладила по головкам.

— Очень хорошо, дети, что вы гуляете вместе. Очень хорошо. Спасибо вам за это.

Бейлка тряхнула своей косичкой и, глядя на Даниэля, спросила Дину:

— Учительница, его зовут Даниэлем?

— Даниэлем.

— Он из Вильнюса?

— Из Вильнюса.

— Учительница, он ваш жених?

От неожиданности учительница растерялась.

Правда, она часто гуляет с Даниэлем, они тянутся друг к другу, нравятся друг другу, можно даже сказать, что друг в друга влюблены. Но это знает каждый про себя. С губ признание еще не сорвалось. Это еще не стало общим. И тут является девочка и спрашивает: «Учительница, он ваш жених?»

Она не знает, что ответить. Отвечает Даниэль.

— Как вас зовут, девочки?

— Меня зовут Бейлкой, а ее — Леей.

— Меня действительно зовут Даниэлем. И я жених вашей учительницы. Ну, а сладости вы любите, девочки?

— Очень! — громко отвечает Бейлка.

— Очень, — тихо отвечает Лея.

И новоявленный жених повел всех в кондитерский магазин и угостил их сладостями.

28

То, что нравится Дининым ученицам, не нравится родственникам Даниэля. Они понимают, что Дина — хорошая девушка, но в их глазах единственный недостаток перевешивает все ее достоинства.

Ее предок — вильнюсский «вашевник». Муж и жена Бернштейны, кажется, не глупые люди, современные. Но к прошлому они привязаны тяжелыми цепями — родословная! Их знакомые удивляются: неужели Бернштейны не понимают, что то, что в Вильнюсе почетно, в советском Минске не имеет значения.

Они, Бернштейны, убеждены: деньги круглы, счастье изменчиво, времена меняются, ум глупеет. Вечна только родословная.

Им не лень, оба приходят к Дининым родителям поговорить: Иегуда Бернштейн (боже упаси назвать его — Юда), который со своей черняво-седой бородкой, с очками в позолоченной оправе, в мягкой круглой шляпе с широкими полями выглядит, как давний казенный раввин или уважаемый врач, и его жена Сара (не Сорэ, а Сара), у которой молодое лицо и копна черных волос, однако она полновата и ступает слишком тяжело, из-за чего очень переживает.

Вошли они настроенные дружелюбно и серьезно.

Родители Дины, Шолом и Хана, принимают гостей с большим уважением. Они понимают, что Бернштейны пришли, чтобы ближе познакомиться. Их дочь и Даниэль дружат. Хана ставит на стол угощение. Но гости ни до чего не дотрагиваются.

— Почему вы ничего не пробуете? Угощайтесь, пожалуйста.

— Мы к вам пришли...— говорит Иегуда Бернштейн и смотрит при этом на свою жену.— У нас к вам серьезный разговор.

— Мы это понимаем,— так же спокойно и сдержанно отвечает Шолом,— наверно, поговорить, ближе познакомиться...

— Вообще-то да...— отвечает Иегуда и снова смотрит на свою жену Сару, как бы ожидая одобрения.— Но мы же с вами знакомы. С вами, Шолом, и вашим отцом Яшей. Ведь мы из Вильнюса.

Однако Шолом и Хана не поняли, что имеет в виду Бернштейн. По их понятиям все иначе. Ведь Яша-«вашевник», работника, который зарабатывал свой хлеб тяжелым трудом, теперь почетнее, чем гаон. И Шолом гордится отцом. Он доволен, что Бернштейны это понимают и ценят. И он говорит с уважением к самому себе:

— Мой отец, Яша-«вашевник»...

— Да, да, мы знаем,— отвечает мадам Бернштейн,— конечно, знаем. Но подумайте сами, куда ему до вильнюсского гаона?

И Шолом и Хана воспринимают это как шутку. Они по-своему понимают Сарины слова: теперь в почете Яша-«вашевник», а не вильнюсский гаон. Они улыбаются.

— Правильно сказано, хорошо сказано,— отвечает Хана.— Времена меняются. Главное — человек.

— Но человек ведь не рождается в пустом поле,— многозначительно произносит мадам Бернштейн и при этом любителю собственными словами.— Все зависит от происхождения. На хорошем дереве растут хорошие плоды.

— Ведь не зря говорят,— подхватывает ее муж Иегуда,— яблоко падает недалеко от яблони.

Родителям Дины трудно поверить: больше десяти лет прошло после революции, а есть еще люди, которые так думают. Этого не может быть...

— Так вот,— снова заговорила мадам Бернштейн,— мы подошли к главному. Подумайте сами, как могут породниться гаон и Яша-«вашевник»? В Вильнюсе будут смеяться.

Теперь Шолом и Хана уже понимают, зачем Бернштейны пожаловали. Хане очень обидно. Какая наглость! И она в сердцах говорит:

— Знаете, мадам Бернштейн, смеяться и в Минске не запрещено. И в самом деле, не могут породниться гаон и «вашевник». Они уже оба на том свете. Но если Давид и Дина... Если они друг другу нравятся...

— Нет, нет! Мы против, категорически против! Да будет это вам известно.

На это Шолом ответил, сдерживая гнев:

— Вы делите шкуру медведя, который еще в лесу. Вы гово-

рите, будут смеяться... Еще не над чем смеяться. Мы еще ничего не знаем...

— И вообще...— добавляет Хана,— скорее всего, ни вас не спросят, ни нас. Новый мир. Новые люди. И разговоры наши ни к чему,— при этом она чуть зевает.— Спать хочется. Рано встали.

Бернштейны поняли намек.

— Где в Минске завалялись такие люди? — говорит Шолом.— Действительно смешно. О, если бы был жив Шолом-Алейхем...

— Ах, Шолом, муженек мой, если бы тот золотой Шолом-Алейхем был жив... Но этим людям уже ничего не поможет. Ты ведь знаешь, говорят — кривой исправится, когда мессия придет. А когда он придет?

29

Лея все больше привыкала к Бейлке. Ведь Лея одна. Все лето одна.

Утром мама встает и торопится на работу. Быстро-быстро говорит Лее, что поест, чего попить, где что лежит, и сразу уходит. Лея остается в постели, ей лень вставать. Единственная мысль, которая шевелится: Бейлка сегодня придет? С нею веселее, легче. Лея чувствует к себе Бейлкину почти материнскую заботу. При этом у Леи одно желание: чтобы Бейлка не пришла, когда мама дома. Бейлка это тоже понимает.

Лея лежит в кровати, пока под окном не раздаются Бейлкины торопливые шаги и песенка:

Ля-ля-ля,
Тра-ля-ля...

Лее становится неловко, что уже так поздно, а она все еще лежит. Она вскакивает, начинает одеваться и тоже мурлычет: ля-ля-ля, тра-ля-ля. С Бейлкиным приходом исчезает одиночество. Вместе с Бейлкой в комнату врывается ветер и шум.

— Что сегодня будем делать, куда пойдём? Пошли к нам! Лея качает головой: «Нет».

— Моя мама говорит, чтобы ты пришла к нам. У нас сегодня вкусный обед.

Лея качает головой: «Нет».

Но однажды они, обе усталые и голодные после долгой прогулки, довольные разговорами и весельем, сами не заметили, как пришли к Бейлке домой.

— Мама, дай нам поесть!

Это «мама» резануло Лею по сердцу. Она растерялась, даже испугалась. Как же она сюда пришла? Лея этого совсем не помнит. Она хотела сразу убежать, но было поздно. Бейлкина мама, Неха, вышла им навстречу, взяла обеих за плечи, проследила, чтобы они помыли руки, и усадила за стол.

Неха больше не одевается с головы до ног в черное. На ней белая кофточка и короткая юбка, которая открывает крепкие ноги в красивых чулках. Это все Лея заметила не сразу, но запах сладкого одеколона, такого же, как у мамы, ей сразу ударил в нос.

— Где вы так поздно были? — спрашивает Неха.

И Бейлка начинает своей скороговоркой рассказывать, где они были, что видели.

— Очень хорошо, очень хорошо. Ешьте, девочки.

Это несколько улучшает Леино настроение.

Больше Лея к Бейлке не заходила, но Бейлка к ней приходит часто. А однажды к ней пришел с подарками Майрам. Уже был август. Лето еще лето, солнце еще солнце, но и осень уже нависает над головой. Дни, правда, сухие, светлые и красивые. Сердца людей еще согревает лето, но каждый подумывает о заготовке дров на зиму. Чаше падают желтые листья, от фруктовых садов веет густым ароматом спелости. Приходит время, когда все начинают сокрушаться — как незаметно пробежало лето.

Майрам вспомнил о Лее.

Майрам с Рохочкой живут хорошо. Он уже знает, что скоро станет отцом. На душе радостно. Если бы ребенок уже лежал у матери на коленях, он был бы занят только этим и только этим жил бы. Сейчас ему этого недостает. Увидев мать с младенцем на руках или в коляске, обязательно всматривается и старается угадать, как будет выглядеть его ребенок. Он любит детей. Он приносит Лее подарки. Оба довольны встречей, но чего-то недостает. Теперь Лея у Майрама не единственная. И для Леи он уже не тот Майрам, чье имя она называла, когда ее спрашивали, как зовут ее отца. Кроме того, Майрам пришел, когда Фаня была дома. Они с Фаней встретились спокойно, спросили друг у друга, как поживают. И Майрам удивился: чем же она ему раньше так нравилась?

В конце августа Бейлка прибежала к Лее с новостью:

— Учительница Дина выходит замуж!

— Откуда ты знаешь?

— Все знают. Кто этого не знает?

Бейлка рада, что Дина выходит замуж. Она вообще рада новостям. А Лея не знает... Рада ли она? Учительница тоже может забыть о ней...

Весенний предвечерний час. На молодых березках появились первые густо-зеленые листочки. Заходящее солнце красит в розовый цвет плывущие на запад маленькие облака. Под высоким небом царят тишина и покой, обнимающие всю землю. У каждого в сердце греется доброта. На длинных свежевывкрашенных скамьях по обеим сторонам сквера сидят молодые мамы и пожилые бабушки с детскими колясками. И мамы и бабушки сияют от счастья.

В весенние дни, в один и тот же предсумеречный час, в сквере стали собираться ученицы четвертого класса. Их учительница Дина сидит на скамейке с детской коляской. Бейлка всех предупреждает, что подходить к учительнице надо тихо и разговаривать следует тихо, чтобы не разбудить ребенка. Осторожно, почти на цыпочках, подходят девочки к учительнице. Она их заметила еще издали и кивает им головой, подзывая подойти поближе. Учительница, веселая и красивая молодая мама, смотрит на младенца в коляске, и ее серо-зеленые глаза светятся радостью.

Девочки обступают учительницу и коляску. Заговаривает, конечно, Бейлка.

— Добрый вечер, учительница.

— Добрый вечер, девочки. Вы гуляете?

— Мы пришли посмотреть на вас и на вашего ребенка... Скажите нам, учительница, мальчик или девочка?

— Мальчик.

— А взглянуть на него можно? Мы не сглазим.

Потом дети уходят. Впереди шагает Бейлка. Учительница, довольная, смотрит им вслед. Позже она спохватывается: Леи не было. Почему? Жаль, что не спросила у Бейлки.

Бейлка знает, почему Лея не пришла.

Несколько дней тому назад она, Бейлка, ворвалась к Лее, будто ею из пушки выстрелили. Еле перевела дух и сразу выпалила:

— Знаешь, твоя мама выходит замуж!

Лея не поняла, что Бейлка ей говорит.

— Моя мама?

— Твоя мама. Фаня Блюм.

— Моя мама... — Лея только смогла выговорить: — Не может быть!

— Я же лучше тебя знаю, — Бейлка тряхнула косичкой.

— Откуда ты знаешь?

— Все знают. Весь город знает. Она выходит за веселого Бенчика. Его жена умерла.

Это замужество было неожиданным и для самой Фани.

Последнее время Фаня ни с кем не встречалась. Она завидовала Рохочке. И Майрам уже отец — заботливый, преданный. А он ведь мог быть ее мужем. Так сглупить!

Теперь Фаня остерегается мужчин. Она их избегает. Она отлично понимает, что они ценят ее красоту. Правда, приятно, когда они смотрят на нее. Нравится, когда ей говорят комплименты. Но больше она не натворит глупостей. Нет и нет!

Фаня добрая. Она забывает, не держит зла, прощает. Она и самой себе прощает. Ведь все равно не вернешь. А забывать плохое надо, чтобы выглядеть молодой и красивой. Годы идут, морщины могут появиться неожиданно.

Недавно ей приснилась мать, она сказала: «Не горюй, дитя мое! Скоро будешь избавлена».

Фаня поняла, что это значит: она выйдет замуж. За кого? Не за кого. Она часто думала об этом — кем она будет избавлена. Всерьез и навсегда. Как когда-то говорили: перед богом и перед людьми. Она этого всей душой хочет.

Однажды в еврейском театре на представлении пьесы Кушнирова «Гирш Лекерт» она в антракте увидела, что рядом с нею сидит веселый Бенчик. Он повернул к ней голову и сказал:

— Фаня? Очень хорошо...

Почему «очень хорошо...», Фаня не поняла. Бенчик любит шутить.

Не только знакомые, но, кажется, и сам Бенчик не помнит, что у него простая и хорошая фамилия: Шустер. Все его зовут «веселый Бенчик». Иные даже считают, что в него вселился дух какого-нибудь Шайки Файфера, Мотке Хабада: веселый балагур, мастер смешить людей. Его словечки повторяют, добавляя: «как Бенчик говорит». Все смешное приписывают ему. Если он даже этого не хочет.

Когда у кого-нибудь пусто в кармане:

— Ни копейки, ни пфеннига, ни гроша, как Бенчик говорит.

Кто-то шумит по пустякам:

— «Резник, зарежьте моих гусей!» — «Сколько у тебя гусей?» — «Полкурицы», как Бенчик говорит.

Кому-то охота выпить:

— Бог всем дает на водку. Кто виноват, что это тратят на хлеб, как Бенчик говорит.

О неумном:

— Высекли... И до головы не дошло, как Бенчик говорит.

Все забавные истории и веселые словечки относят за счет веселого Бенчика. Он сам удивляется... Каким образом?

Вообще трудно понять: то ли у Бенчика с его моложавым лицом и маленькими смолянисто-черными усиками характер веселый, то ли он строит из себя весельчака, потому что в глубине души сильная тоска его гложет. Всю жизнь он хотел стать артистом. Конечно, комиком. Но оказалось, что на сцене он немой, неуклюжий. Не может толком выговорить слова, не умеет повернуться. Зато он частый гость в театре Рафольского. Со всеми артистами запросто. И все требуют от него шуток. Только потому у него бывают странные выходки — он обязательно что-нибудь делает наоборот, не по-людски. Но он должен. Он — Бенчик.

Бенчик — портной, хороший дамский портной. Профсоюзный активист. Год тому назад умерла его жена. Жили они хорошо. После ее смерти он целый год нигде не появлялся. Ни среди людей, ни в театре, ни в кино. Год траура. К годовщине поставил памятник. За то время, что сидел дома, много прочитал книг. Ему очень понравилась история Ифтах и его единственной дочери¹. Он сказал себе: это мысль, интересная мысль. Он тоже должен так поступить. Он же Бенчик! Его обет будет состоять в том, что первая свободная женщина, которую он встретит, должна стать его женой. И пошел в театр. Первая, кого он встретил, была Фаня Блюм.

— Очень хорошо... — сказал он.

— Почему очень хорошо, Бенчик?

— Потому что я дал обет...

— Какой обет, если позволено знать?

— Первая свободная женщина, которую я встречу, будет моей женой. Вы первая.

— Вы шутник, Бенчик.

— Я говорю серьезно. Давно известно — когда долго выбирают, прогадывают. Что суждено — само приходит. Не смейтесь... Я серьезно. Вы же знаете, что год тому назад умерла моя жена.

— Знаю. Но при чем тут я?

— Разве вы не хотите выйти замуж?

— Этого я не говорю.

— Я вам не нравлюсь?

— Чудной вы человек, Бенчик. Задаете такие странные вопросы...

¹ По библейскому преданию, Ифтах, отправляясь на войну, дал обет — в случае победы принести в жертву первое существо, которое он встретит при возвращении в родной город. Первой навстречу вышла его единственная дочь.

— Ничуть не странные. Просто: я вам не нравлюсь?

— Я этого не говорю. Вы всем нравитесь.

— Всем... Не годится. Вам я нравлюсь?

— Допустим... да.

— Работник я хороший?

Фаня кивает головой — «да».

— Я веселый?

— Так говорят.

— Почему вы не хотите выйти за меня замуж?

— Бенчик, хватит шутить.

— Я не шучу. Только хочу, чтобы у нас было много детей.

Фаня рассмеялась. И только потом сказала:

— Вы ведете нескромные речи.

После представления он проводил ее домой. У двери сказал:

— Фаня, я говорю серьезно.— Он перешел на «ты».— Ты мне нравишься. Давно нравишься. Подумай. Завтра я приду за ответом.

— Хорошо,— ответила она,— буду думать.

Лея уже спала. Фаня легла в свою постель и спросила: «Мама, это мой суженый?» И хотя мать ничего не ответила, она себе сказала: я ему нравлюсь. Уже давно нравлюсь. Человек он честный, с добрым именем, хорошо зарабатывает. Может быть, на самом деле он...

Назавтра он пришел за ответом.

— Так неожиданно,— сказала она,— я должна хотя бы привыкнуть к этой мысли.

— У тебя есть время до завтрашнего дня.

Назавтра Фаня уже привыкла к этой мысли.

32

Фане хорошо. Она вызволена. Соседи ее уважают. Муж, Бенчик, ею доволен. Они живут спокойно, в уюте. Она хозяйка в своем доме.

Фаня любит красиво одеваться, чтобы на нее обращали внимание. Раньше это у соседей называлось: она наряжается для чужих мужчин, чтобы кого-то завлечь. Теперь это называется: она любит своего мужа и хочет ему нравиться. Теперь все увидели, что Фаня хорошая, добрая, отзывчивая, хочет людям делать добро. К тому ж она и веселая, певунья. Их часто приглашают в гости, Бенчика с Фаней.

Лея остается дома одна. Она к этому привыкла, она даже чувствует себя лучше, когда одна.

С каждым днем Фаня все больше любит Бенчика. Она так занята собой и своим счастьем, что ей теперь трудно заметить кого-то, кроме себя, даже собственную дочь. Она хочет, чтобы Лея называла Бенчика папой. А Лея не может, она давится этим словом. Несколько лет тому назад, особенно если бы она должна была так называть Майрама, ей бы это далось легко. Но теперь, когда у нее уже было так много дядей, она очень хорошо понимает, что Бенчик — мамин муж, но не ее, Леи, отец. И как раз потому, что у нее, Леи, никогда не было отца, это слово «папа» — для нее святое. В ней растет большая скрытая тоска по настоящему отцу. Особенно тяжело Лее, когда мама с Бенчиком возвращаются из гостей, веселые, довольные, занятые только друг другом.

Бейлка по-прежнему приходит к Лее. Как обычно, приносит новости. Но и сама расспрашивает:

— Они целуются? (Кого она имеет в виду — понимают обе.)

Этот вопрос смущает Лею. Ее бледные щеки заливаются краской, ее огромные глаза опущены.

— Чего ты стесняешься? — не отстает Бейлка.

— Я не знаю, сплю.

— А я и во сне слышу, как целуются.

— Я — нет.

— И ты его называешь папой?

— Нет.

— А как ты его называешь?

— Я его не называю.

— Учительница о тебе спрашивала. Моя мама просила тебя прийти. У нас всегда есть что-нибудь вкусное на обед.

— Хорошо.

— Помни, ты обещала! — восклицает Бейлка и быстро уходит.

Вечером Лея пришла в сквер к учительнице. Как вчера и позавчера, сегодня в зеленеющем сквере с длинными свежеевыкрашенными скамьями тоже гуляют мамы и бабушки. Но теперь темнее и прохладнее из-за тяжелой и черной тучи, вытянувшейся над узкой вишневого цвета полосой на небе. Тишина в сквере уже не такая спокойная.

Лея осторожно приблизилась, и Дина сначала ее не заметила. Учительница сидела возле коляски и смотрела на спящего ребенка. То и дело, но каждый раз с новой интонацией, тихо произносила: «Иосенька». Она забавлялась именем своего ребенка. Дина увидела Лею и рассмеялась:

— Мы играем...

— Но он же спит! — сказала Лея удивленно.

— Ну и что? Мы друг друга отлично понимаем.

— Учительница, он по ночам плачет?

— Нет, Леенька, он спит.

— А днем?

— Тоже не плачет. Он не хочет меня огорчать.

— Ой, какой умный. И красивый.

От Леиных слов учительница чувствует себя счастливой. Тепло растекается по всему ее телу. Она готова танцевать. Совсем так же, как счастливы бывают дети, когда они слышат доброе слово от учительницы. Обе — и Дина и Лея — теперь чувствуют себя подругами, одноклассницами. Учительница забыла, зачем она звала Лею, и Лея забыла, зачем пришла к учительнице. Обе тихонько разговаривают и смеются... Пока не замечают, что мамы и бабушки со своими колясками покидают сквер — собирается дождь. Лея проводила учительницу домой. К себе она вернулась в хорошем настроении, довольная.

Ее мама убирает и украшает квартиру. При этом весело поет. От каждого ее движения веет счастьем. Она не должна никого стесняться, никого остерегаться. Она вызволена. Бенчик во всем идет ей навстречу. Она тоже хочет приносить ему радость. И как только Лея зашла, мама ей говорит:

— Леенька, дорогая, скажи сама... Почему бы тебе не называть его «папа»?

Именно сейчас это для Леи неожиданно. Ее разбудили от хорошего и веселого сна. Она смотрит своими большими беспокойными глазами на маму и молчит.

— Молчишь. Взяла себе привычку: молчать. Ты забываешь, что ешь его хлеб.

Лея не отвечает.

— В кого ты пошла? — говорит Фаня с досадой. — Я добрая, почему ты такая злая? Говори ему «папа». Он будет на седьмом небе.

С первых детских лет в Лее теплится надежда, что у нее будет отец, собственный отец. Ей очень хочется быть такой, как все дети. Но чужого... Она бы хотела сделать маме приятное. Только не может. Ну никак не может. Это выше ее сил.

— В кого ты пошла? Ну, скажи, в кого?

И у Леи вырывается:

— Мама, может быть... в моего отца!

Эти слова Фаню так ошеломили, что она на мгновение оцепенела. Откуда у Леи такие мысли? И как раз теперь, когда ее, Фанины, раны стали затягиваться, когда она распрямляется и становится такой, как все, как раз теперь дочь растравляет ее раны, ворочает былое. Нет. Она не допустит, чтобы дочь встала между нею и ее мужем. Достаточно она хлебнула в своей жизни горя. И в большой досаде мать изрекает, словно наказывая Лею:

— Так знай же, у тебя никогда не было отца!

Лее плохо. Она снова пришла в сквер к учительнице. Едва поздоровавшись, она сразу спросила:

— Учительница, скажите, пожалуйста, может ли так быть, чтобы у человека совсем не было отца?

Учительница знает, как важен для Леи ответ. Иметь отца — это Леина мечта и надежда. Учительница знает также, как осторожно надо об этом говорить с Леей.

— Почему ты задаешь мне этот вопрос?

— Мама мне сказала, что у меня никогда не было отца.

— Мама? Как это может быть? Она была сердита на тебя?

— Да, была.

— Случается, что человек, когда взволнован, говорит несправедливые слова. Это тебе сказала мама? Как она могла? Добрая, умная...

— Она хочет, чтобы я называла Бенчика папой.

Учительница отвечает не сразу. С такой проблемой она сталкивается впервые. И она только спрашивает:

— А ты?

— Я не могу, учительница. — В уголках Леиных глаз появились слезы. В каждом глазу по слезе, по маленькой бриллиантовой пуговке.

— Успокойся, девочка, мы об этом еще поговорим... Вот я, Леенька, уже сама мама и знаю, что маму тоже надо уметь понять.

Дина понимает, что сегодня Лея впервые говорит с нею искренне о том, что до сих пор таила в себе. Она хочет Лею успокоить и, как вчера, вовлечь в игру. Но ее ученица теперь взрослая, у нее печали взрослого человека, и ей не до игры. Лея вздохнула и грустно молчит.

Назавтра учительница Дина пришла к Леиной маме.

— Я знала, что вы придете, — встретила ее Фаня.

— Знали?

— Моя девочка была у вас?

— Была.

— Я вчера сделала глупость. Садитесь, учительница, садитесь. У вас мальчик? Пусть растет счастливым.

— Спасибо. Знаете, Фаня, я вам очень удивилась. Вы — и сказать такое! И кому? Лее... Только услышав слово «отец», она начинает дрожать. Как вы могли, что на вас нашло?

— Как я могла? Когда находит — бежит на четвереньках, как Бенчик говорит. Дорогая Дина, однажды я перед вами исповедалась, как перед родной старшей сестрой, хотя вы и мо-

ложе меня. Сегодня я снова хочу излить вам всю душу, все вам рассказать...

— Я вас слушаю.

— Что мне вам сказать... Теперь я лучше вижу свое вчера, и, когда о нем вспоминаю, у меня темнеет в глазах... Вечно остерегалась, пряталась, воровала чужое счастье. Настоящий ад! Теперь я словно заново родилась. Могу всем смотреть в глаза. Должна вам сказать, учительница, я счастлива. Такого хорошего человека, как Бенчик, еще поискать надо. С первой женой у него детей не было, и он до смерти хочет ребенка. Но пока я хочу, чтобы он в Лее увидел свою дочь. Почему бы не дать ему эту радость?

— Ну?

— Сперва я ее просила по-хорошему... Но она заупрямилась: нет и нет!

— Тогда вы рассердились и сказали это?

— Сказала, учительница, сказала. А слово обратно не поймашь. Сглупила, моя вина! Войдите и в мое положение, я ведь хочу, чтобы все было как можно лучше.

— Вы же знаете, я вас не обвиняю. Вы говорите, что распрямились,— это очень хорошо. Но не ломайте Лею. У нее свой характер, не всегда она дает себя гнуть, обида может остаться на всю жизнь. Не забывайте об этом, Фаня. Вы мне обещаете?

— Ведь я вам говорю: вина моя, но только не знаю, виновата ли я?

— Но Лея тоже не виновата...— Она поднялась.— Приходите как-нибудь со своим мужем к нам, посмотреть на моего мальчика.

— Спасибо, спасибо! — Фаня обняла Дину, расцеловала ее.

Через несколько дней оказалось, что Лее не только трудно сказать «папа», но нелегко сказать и «дядя».

Папа — несбыточная мечта.

Дядя — тяжелое воспоминание.

Мама, конечно, будет удивляться: в кого она пошла? Она, Фаня, может быстро все простить, отвыкнуть и привыкнуть. Лея не такая. Когда надо сказать «дядя» — она вспоминает Гришу и Мишу, Майрама и Мотла... Мама думает, что она не помнит, но Лея помнит.

Дома у Фани нарядно и уютно. Новые занавески на окнах, новые стулья вокруг стола. На столе лежит новая белая скатерть с розовой каймой. В буфете со стеклянными дверцами выставлен разноцветный сервиз, тарелки и тарелочки, чашки и блюдца, рюмки. На стене висит большое фото: Фаня и Бенчик. В доме все дышит достатком и любовью. С Леей мама ласкова и нежна. Она ее называет не иначе как Леенька, доченька, девочка моя...

Но вдруг, совершенно неожиданно, мама к ней охладела. Это случилось в тот день, когда Фаня почувствовала, что у нее будет ребенок. С этого дня для нее больше ничего не существовало, кроме предстоящего материнства. Она начала готовить приданое для будущего ребенка.

Они с Бенчиком только и делают, что гадают: мальчик или девочка...

34

И вот наступило время, когда все заметили, что Фаня готовится стать матерью. Тогда она стала еще чаще ходить с Бенчиком в гости. По улице Фаня идет с высоко поднятой головой, ступает с большим достоинством, как бы желая, чтобы не только улица, не только Минск, чтобы весь мир видел ее счастье. Вся Динина семья выходит ей навстречу. Дина идет с ребенком на руках.

— Фаня, вы цветете. — Со всех сторон сыплется похвалы, но Фане все еще мало. Ей причитается больше. Выходит, что она и ее муж осчастливят весь мир. Это тоже можно понять. С первой женой у Бенчика детей не было, так что чье счастье теперь может сравниться с его... У Фани другое: раньше она боялась забеременеть, это значило бы — опять без мужа, опять без отца... А теперь муж, отец, законно и как у всех людей.

Все сидят вокруг стола, Хана и Шолом всех угощают. Дина сидит со своим малышом на диване. Она очень хочет услышать от гостей хоть одно слово о ее мальчике, но гости молчат. Дина сдержанна. Ей хватает сил молчать, она делает вид, что не замечает этого. Ее мать, Хана, не умеет быть сдержанной. Она позволяет себе спросить гостей:

— Как вам нравится мой внучек?

— Красивый ребенок, — отвечает Фаня, но без того восторга, которого так ждут мать и бабушка. При этом Фаня спешит сама спросить: — Диночка, меня беременность на самом деле не портит?

Дина могла бы обидеться, но она понимает: Фаня пьяна от счастья и ничего не видит.

— Вы моего внучонка сегодня видите впервые? — спрашивает Хана, чтобы снова вернуться к тому, что ее интересует.

— Впервые. Как вы думаете, Хана, у меня будет мальчик или девочка?

— Что вы заказали, Бенчик? — спрашивает Хана.

— Двойняшек. Мальчика и девочку.

Фаня смеется.

Но бабушка не хочет сдаваться:

— Ну-ка, Диночка, покажи нам своего сыночка. Что вы скажете, дорогие гости?

Дорогие гости что-то сказали, но очень коротко. Вскоре они начали прощаться.

После ухода всем в доме стало не по себе. Даниэль, недовольный, сказал:

— Не понимаю, почему Бенчика считают веселым и умным. А что касается Фани... Должен вам сказать, что не люблю раскаявшихся грешниц.

— Я вижу, Даниэлька, что тебе очень обидно, что гости не обратили внимания на твоего сына.

— Верно, Диночка, верно.

Фаня с Бенчиком не расстаются. Вот они вместе, держась за руки, как молоденькие влюбленные, пошли в гости к Ите Ратнер и ее дочкам. Воскресный осенний день. Над головой висит дождь. Темные, тяжелые, набрякшие тучи ползут по небу, словно слепые горы. Первые капли падают и торопят прохожих, но ветер прогоняет тучу.

Переступив порог Итиного дома, Фаня и Бенчик сразу почувствовали тепло домашнего уюта. Войдя, они радостно поздоровались, уверенные, что и тут им, как у учительницы Дины, выйдут навстречу. Но здесь встреча была более сдержанной. У Иты в доме вовсе не считают, что Фаня осчастлиливает весь мир тем, что у нее есть муж и она беременна. В семье Иты это довольно обычное дело. К тому же гости пришли без приглашения и неожиданно.

Конечно, Фаню и Бенчика усадили за стол, спросили, как они поживают, угостили чаем и свежим сливовым вареньем. Но прошло несколько минут, и семья Ратнер снова вернулась к прерванному разговору.

Кроме Иты, ее мужа Шлемы, младшей дочери Мирьям и ее жениха, тут и старшая дочь Ривка и средняя Юдифь с мужьями и первенцами — мальчиками. Есть еще несколько гостей. Ривка недовольна своим мужем и жалуется на него родителям. Ее муж, Айзик Шапиро, — доцент Минского университета, где его жена Ривка — студентка. Пока они не были мужем и женой, он ей ставил хорошие отметки. Теперь — ставит заниженные, чтобы не говорили, что он делает поблажки своей жене.

Всех в Итином доме это удивляет. Куда годится такая честность?

Муж Ривки, доцент Айзик Шапиро, слушает и не отвечает. Он вообще принадлежит к тем молчунам, которые реагируют не сразу. Про себя он думает, что иначе не может. Такой уж он.

Муж Юдифи, Арик Гинцбург, подвижный, живой, в карман за словом не полезет. Он шутит:

— Ой, отец, чего ты хочешь от мамы, как Бенчик говорит.

О Бенчике и Фане почти совсем забыли. Они сидят в сторонке, отдельно. И когда Арик Гинцбург вспоминает имя Бенчика, это замечает только Фаня. Она смотрит на своего мужа довольная, взгляд ее словно говорит: видишь, дорогой мой, твои слова повторяют. Но Бенчик ни на кого не смотрит. Не говорил он такого.

Фаня с Бенчиком сидят, как на чужом веселье. Им бы, наверно, сказали спасибо, если бы они ушли. Но они не трогаются с места.

— Дети,— спрашивает Ита,— есть хотите?

Дочки отвечают:

— Хотим.

Айзик молчит. Жених Мирьям тоже молчит. Муж Юдифи сразу встает, он уже готов мыть руки и садиться за стол.

— Друзья мои, еда — лучшая молитва, как Бенчик говорит.

Фаня снова довольна. А Бенчик снова молчит.

Все рассаживаются вокруг стола. Фаня с Бенчиком тоже.

В следующее воскресенье они пошли в гости к Майраму и Рохочке, но никого не застали дома.

35

Лея и Бейлка учатся в пятом классе. У них уже другие учителя. Но и Лея и Бейлка не могут забыть учительницу Дину.

Канун Нового года. В зимних лесах вокруг Минска светит солнце и окрашивает в розовый цвет снег на деревьях. Снежинки сверкают, как огоньки. Мороз слабый, тихо. Тишину нарушают только согревшиеся пласты снега, которые время от времени сваливаются с веток. Но вот в лесу слышались детские голоса. Учительница Дина пришла со старшеклассниками в ближайший лес, в Комаровку, выбрать для школы елку к Новому году. Лея с Бейлкой тоже здесь. Лесная прохлада бодрит, и дети бегают, прыгают, смеются, радуются. Потом они начинают осматривать, измерять, выбирать молодые елочки.

— Вот эту, учительница, эту.

— А эта еще лучше.

— А эта еще красивее.

Кругом стоят молодые, стройные, покрытые снегом елки. Дети находят, что все как раз подходит по размеру, именно такие им и нужны.

— Какую выберем?

— Вот эту! — говорит одна девочка и протягивает руки, будто хочет схватить елку.

— Ой, учительница, жалко... Такое молодое деревце. Пусть еще подрастет, — просит Лея.

— Вот эту! — предлагает другая девочка и прыгает от радости.

— Нет, нет, учительница, — кричит Бейлка. — Такая красивая, пусть растет.

— Вот эту! — отзывается третья, но советчице сразу самой становится жалко. — Пусть елочка остается до будущего года. Мы же в будущем году снова придем.

Учительница Дина довольна, что дети выискивают причины, чтобы не трогать молодые деревья. Она и сама не может этого. Сердце не позволяет. Такие красивые елочки! Дине они кажутся маленькими детьми, которые пришли в лес. Нет, Дина не может погубить такую молодость и красоту.

А короткий зимний день проходит. Огненно горящее солнце начало заходить. Учительница Дина выходит с детьми из Комаровского леса, они возвращаются в город, и тут Дина очень ясно представляет себе, как над нею будут смеяться: пошла за елкой к Новому году, а пришла с пустыми руками. Дети тоже недовольны.

— Учительница, как же мы без елки?

— Без елки мы не придем, — отвечает Бейлка и с хитрецей поглядывает на учительницу.

Дина ведет детей к площадке, где у стены выставлены елки для продажи. Учительница выбирает, расплачивается и весело говорит:

— Берите, дети.

Каждый хочет участвовать в подготовке новогоднего праздника. Помочь украсить школу как можно наряднее.

Лея с Бейлкой возвращались довольные. Они сегодня что-то сделали. Теперь спешат к Бейлке домой. Там их ждет вкусный обед.

Беспокойная, подвижная и крепкая Бейлка, которая в последнее время заметно вытянулась, должна о ком-нибудь заботиться. Так она заботится о Лее. Если в классе кто-то скажет о Лее обидное слово, Бейлка сразу встает на ее защиту. Теперь, когда Бейлка приносит новость, Лея уже не спрашивает: «Откуда ты знаешь?» Бейлка все знает. И поэтому Лея не задала никаких вопросов, когда Бейлка через некоторое время сообщила:

— Ита Ратнер выдает замуж свою самую младшую.

Лея с Бейлкой тоже готовились к этой свадьбе. Там будет много знакомых, будет весело. Учительница Дина тоже приглашена.

Гости, которые пришли на свадьбу Мирьям и электротехника Шимона, не знают, на кого раньше смотреть: на невесту с женихом, которые сидят во главе стола, как самые счастливые на свете, держатся за руки и еще до того, как им собираются крикнуть «горько!», уже целуются, или на молодых мам, разодетых, сияющих, с детьми на коленях, которые сидят по обеим сторонам от молодых, — на Ривку и Юдифь со своими малышами, Рохочку с ребенком, Дину со своим мальчиком. За ними их мужья — молчаливый и спокойный Айзик Шапиро и подвижный, беспокойный Арик Гинцбург, Майрам, Даниэль и другие.

Ита с мужем встречают гостей.

Лея вездесуща. Все ей нравится. Одного она не понимает: почему Бейлка не пришла? Что случилось? Она все время смотрит на дверь и ждет... Бейлки нет. Но в самый разгар веселья вдруг открывается дверь и, словно ветер, влетает Бейлка. Все ее замечают, и почему-то сразу становится тихо. И в этой тишине Бейлка выпаливает:

— Леенька, твоя мама родила мальчика!

37

Середина января, мороз, отчетливо ясно виден далекий горизонт. Светит солнце, холодно и тепло одновременно, и дышится легко и свободно. В такой день особенно заметно, что другого такого счастливого дома, как у Фани и Бенчика, не найти. Счастливее всех Лея. У нее есть мама, отец и брат. Нет, не брат, а братик. Хорошенький, красивый, умненький. А ведь еще совсем недавно она была одна, без отца, без братика, только с мамой, которая была ею, Леей, недовольна. И конечно, где Лея, там и Бейлка. Обе не отходят от малыша, и кому он улыбнется, та счастлива. Малыш делает первые шаги. Он в легоньких туфельках, на полу постелен ковер. Девочки стоят по обе стороны ковра и зовут:

— Аврамик, иди ко мне.

— Нет, Аврамик, ко мне.

Аврамик стоит неуверенно на ножках и не знает, к кому идти. Потом делает шаг и сразу шлепается на ковер. Все трое смеются.

Лея и Бейлка то вместе, то по отдельности приходят к учительнице Дине рассказать о Леином маленьком братике. Учительница не нарадуется на девочек («мои девочки», как она их называет). Еще на свадьбе Мирьям, когда Бейлка принесла весть о рождении малыша, Дина подумала: как Лея будет отно-

ситься к ребенку? Будет ли этот мальчик Лее братом? И еще она тогда подумала: станет ли Бенчик Лее отцом?

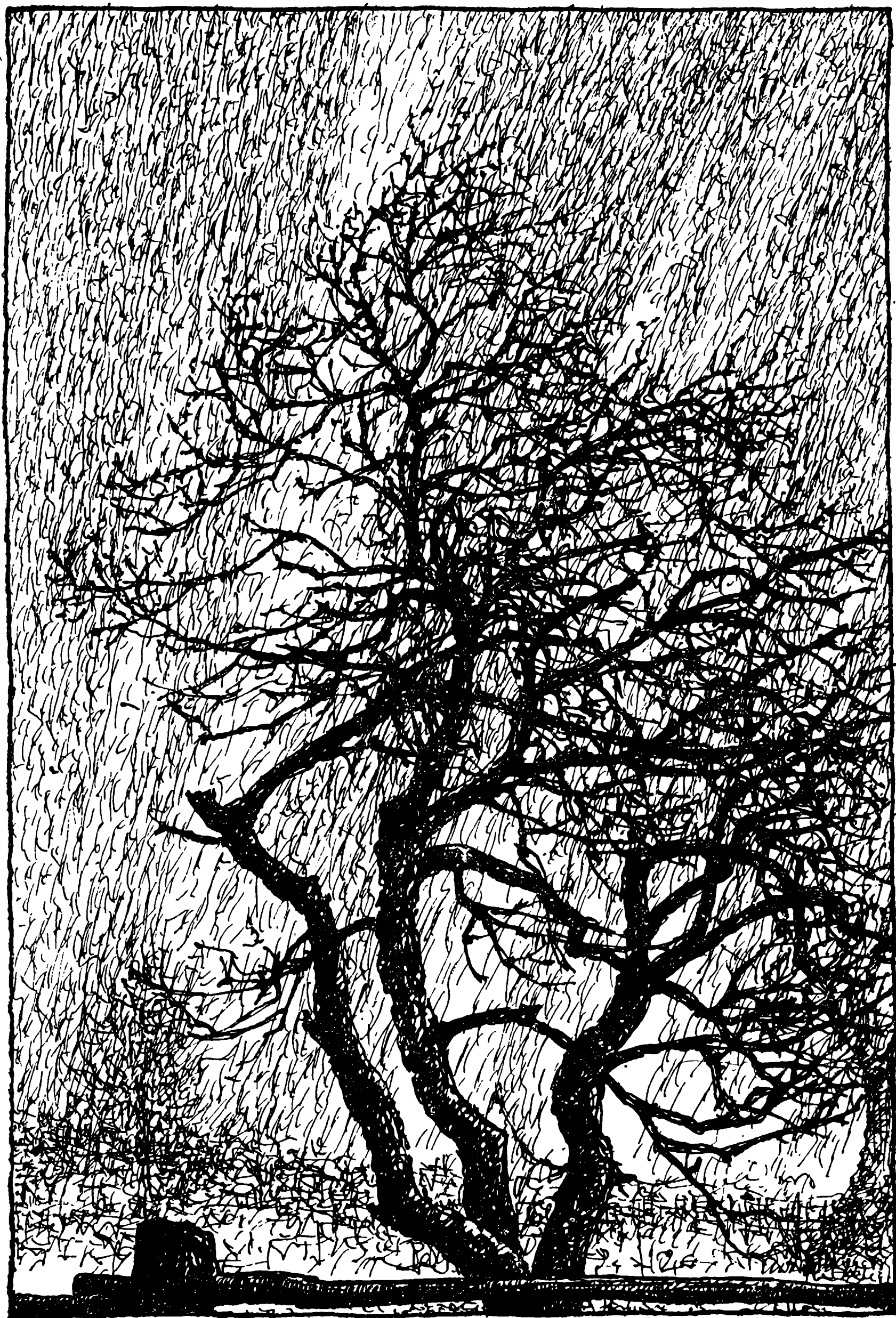
К учительнице первой прибежали Лея с Бейлкой сообщить добрую весть:

— Он уже ходит... Он делает первые шаги.

Девочки смеются. Глядя на них, учительница понимает, что это маленькое существо в легоньких ботиночках, которое делает шаг и сразу шлепается, для Леи — брат, а Бенчика он сделал Леиным отцом.

И еще она думает о том, что обе, Лея и Бейлка, уже не маленькие дети, а девушки. Они уже смотрятся в зеркало, хотят быть красивыми, нравиться мальчикам. Как быстро дети растут, как быстро девушки хорошеют!

*Москва,
1972—1973*

РАССКАЗЫ

ХЛЕБ В ПЕЧИ

Памяти моего деда Аврома Мазовера

1

За городом, у воды и леса, жила еврейская семья — семья рыбаков. Отец, два сына, жена и невестки, внуки. Были они люди простые, знали, что мир живет по своим законам, мудреных вопросов не задавали — некогда было. В дни, когда в доме пекли хлеб и ковриги сидели в печи, все семейство находилось на кухне, слушало, что рассказывает отец. Отцу семьи — Гершону — было лет под семьдесят. Но он еще обладал и большой физической силой, и еще большей силой духа. Про него рассказывали, что в молодости он однажды, в гневе, чуть не убил человека, который оскорбил его. С тех пор, чтобы искупить, видимо, свой грех, он ни с кем не ссорится, никого не трогает, никому худого слова не скажет. Так велит бог.

По привычке накручивая на палец волос из бороды, Гершоп, бывало, говорил сыновьям:

— Конечно... Не спорю... Не должна на земле литься зря кровь. Но еврей должен все прощать. Он прощает... Потому-то и живет.

— Потому-то его и бьют, — возражает один из сыновей.

— Потому-то Гитлер проливает нашу кровь, — возражает другой.

Но Гершон на своем стоит:

— Поступали бы мы не так, вряд ли сохранилась бы даже память о евреях...

Сыновья, как и отец рослые, плечистые, не соглашались с ним, спорили, но, как и он, никого никогда не трогали, нередко поступались своим, хотя с неохотой, досадуя, но обиды прощали, отца слушались.

Старшего сына зовут Волф.

Младшего — Бер.

У Волфа парень растёт лет шестнадцати, зовут его Мейлех. У Бера подрастает дочь лет четырнадцати, зовут ее Малкой. Любят дети друг друга. Оба красивые. Глаза с нежностью, брови черные. Золотится на дворе ранняя осень. Идут Мейлех с Малкою в лес по грибы. Плетеные лукошки несут, за руки держатся. Ее лукошко на солнышке светится и полно веселья и тепла, его лукошко в тени держится и вид имеет грустный и задумчивый. Идут они медленно, друг на друга глядят. Когда же остановятся, плетеные лукошки сближаются, будто повстречаться хотят.

Гершон тоже пришел в лес. Любит он осенью побродить лесными тропами, лесную тишину послушать, наедине со своими мыслями побыть. Хотя волосы у него еще не поседели и силы вроде не поубавились, но, знает он, наступила уже и для него пора осени. Осени, не похожей на лесную, что приходит и уходит каждый год. К нему весна уже не придет. И лета не будет. Значит — жизнь прожита. Что он видел в жизни? Чего достиг? С чем уйдет из нее?

Дворцов он не строил, плотин не возводил. Но и плохого не делал. Не нажил ни золота, ни серебра, но зато ни на кого зла не таил... Всех прощал, всех извинял, чтобы до беды не дойти. Гершону хотелось бы, как всегда, когда в лесу стоит тишина, сказать: «Создатель! Ты велишь жить в мире, жить красиво. Благо тому, кто исполняет твою волю». Но нет, сегодня он этого не скажет. Не так уж и тихо в лесу, и у него на душе не так уж спокойно, а мир — мир вовсе в смятении.

Вечер студит голову, сгущает тени. Лес пробуждает мысли, разворачивает картины. Гершон видит, как заходящее меж деревьев пламя надвигается, наступает на него. Так надвигается и преграждает ему путь зажженный Гитлером пожар. На днях у Гершона пробился седой волос в бороде — знак раздумий и сомнений. А не прожил ли он жизнь в заблуждении? Можно ли в этом мире опираться лишь на веру, на любовь и прощение? В самом ли деле так уж грешно сопротивляться и противоборствовать?

Гершон торопится выйти из леса. По дороге он нагоняет своих внуков, несущих плетеные лукошки, полные грибов.

— Дети мои, пусть минует вас беда...

Так как семья жила за городом, о ней как-то позабыли. Но каждый день приносил худые вести. Когда Гершон и его внуки возвращались из леса, им навстречу попался мальчик лет восьми. Он блуждал в лесу.

— Спрячьте меня,— попросился мальчик.— Спасите...

— Чей ты? Как попал сюда?

— Я бежал от смерти, из ямы выбрался...— Шея у мальчика была в кровавых ссадинах.

Его зовут Мойшеле. Он мог бы многое рассказать, но ему трудно говорить. Ему все кажется, что за ним гонятся. Вот-вот изловят и снова бросят в яму. Удастся ли ему еще раз выбраться из нее?

Гершон повел мальчика к себе.

Потом пришел еще один мальчик. Тех же лет примерно, что и Мойшеле. Его звали Ареле.

— Спрячьте меня, люди добрые. Вы евреи, вам тоже надо спрятаться, а то убьют вас.

Оба мальчика забрались в дом и не хотели показываться на свет божий. Эти мальчики знали такое, чего не знали взрослые рыбаки.

— Евреи,— говорил Мойшеле,— если вам дорога жизнь, бегите отсюда, спасайтесь...

— Люди добрые,— говорил Ареле,— если вы не хотите погибнуть, доставайте оружие. В убийц надо стрелять. Если бы у евреев в городе было оружие, мой папа и моя мама жили бы...

Гершон молчал. Жизнь не так просто дает себя повернуть... И могут ли два мальчика, Мойшеле и Ареле, даровать другое учение, нежели пророк Моисей и верховный жрец Аарон?

— Топоры у вас есть? А ножи? А винтовки? — спрашивают мальчики.

Гершон молчит.

— Отец,— говорят сыновья,— надо испечь хлеб и уйти в лес.

— Уйти? Я не уйду!

Сыновья готовятся в дорогу. Гершон держится в стороне. Женщины пекут хлеб. Гершон помогает им.

Топится печь, трещит в печи огонь. Женщины месят тесто и готовят хлебы. Казалось бы, ничего не изменилось, все как бывало раньше, но все падает из рук.

Бывало...

Гершон заходил принарядившийся, праздничный, и все знали: сейчас на весь дом запахнет свежим пеклеванным хлебом.

Сегодня Гершон путается под ногами. Он не больше чем по-

дручный у женщин на кухне. Но вот уж и хлеб в печи, и день занимается ясный, погожий.

Вдруг вбегает с криком Мойшеле:

— Полиция!

В кухне воцаряется мертвая тишина. Все ждут: вот-вот раздается гром.

— Полиция? Немцы? — спрашивает Гершон, как бы желая опровергнуть страшную весть.

— Полицай! — вбегает с криком Ареле.— Он гонится за Малкой и Мейлехом.

Гершон выскакивает из кухни и видит: полицай тащит куда-то его внуков. Гершон бежит ему наперерез. Он не даст в обиду своих внуков. Полицай ударяет его по голове. Гершон покачнулся. Успел лишь увидеть, как сыновья бросились к нему на помощь, и упал.

Когда Гершон очнулся и зашел в дом, он спросил:

— Не горит?

Оказалось, женщины забыли про хлеб. Они тут же открыли заслонку, взяли за лопаты. Хлеб действительно подгорел.

— Не беда,— сказал Гершон.— Убить полицая — дело, угодное богу. Не беда, если при этом хлеб подгорает.

А когда хлебы были вынуты из печи и все было готово, чтобы тронуться в путь, он попросил:

— Присядьте, дети, перед дорогой, и вам будет сопутствовать счастье. Я же остаюсь.

И старшие и младшие упрашивали старика, звали его с собой, доказывали, что он должен идти с ними. Не помогло.

— Тут я родился, тут и умереть хочу. Бог не оставит нас. С ним и старушка осталась.

Конец?

Старик погиб в своем доме. Пал жертвой от рук палачей. Сыновья погибли в лесу. Смертью храбрых пали.

А внуки?

Внуки хранят память о погибших.

1944

ЧТО СКАЖЕТ МАЙЯ?

1

В конце войны Давид Лившиц был ранен вторично. Три месяца он пролежал в госпитале, пока нога почти не зажила. Но не настолько, чтобы он мог свободно передвигаться. Давид не знал, где находится его семья, поэтому он буквально рвался в свой родной город.

За сорок лет жизни Давид Лившиц очень редко пользовался словами «может быть». Напротив, он любил во всем ясность и определенность. Теперь он живет только по принципу «может быть». Он едет в свой родной город, и, хотя большой веры в то, что найдет семью, застанет в целости свой дом, у него нет, он все же надеется — «может быть»... Он уже несколько раз представлял себе, как снимает большой замок с дверей своего дома.

Давид Лившиц обыкновенный человек, простой смертный. А человек устроен так, что, хоть он и не верит и в разговоре с людьми рисует все в самых мрачных тонах, в глубине его души всегда живет искорка надежды. То ли чтобы себя обманывать, то ли чтобы себя утешить, то ли потому, что без надежды жизнь теряет всякий смысл.

2

Замок от своей двери Давид Лившиц нашел. Вместе со скобой он валялся заржавленный, заросший грязью. Замок без дома, без жилья. Дверь, на которой он раньше висел, была распахнута и сломана. Дом стоял совершенно пустой, с выбитыми стеклами и вырванными рамами... Давид на все махнул рукой. Где его семья?

Целые дни он мечется по городу, волоча правую ногу. В конце концов ему удалось узнать, что из всей семьи уцелел один ребенок — младшая девочка. Она живет в селе.

Когда Давид вошел в это село, из всех окон и дверей с любопытством следили за солдатом, слегка тащившим ногу. К кому он направляется? Кто он вообще? Какой-то незнакомец, чужой. Но все хотят знать, кто такой и зачем пришел.

Давид шагает по улицам села. Он уверен, что дочурка его сразу узнает, бросится на шею, крикнет «папа!», будет смеяться и плакать одновременно.

Но его то ли не узнают, то ли не замечают, то ли не хотят замечать... На улице столько детей, но никто не бросается ему на шею.

Давид входит в дом, где живет его ребенок. Дом просторный, светлый. В углу висит икона. На стене портрет Калинина. За столом сидят трое и едят — мужчина, женщина и девочка. Девочка эта — его дочь! По всему телу проходит горячая волна. Потом появляется ощущение странной слабости.

— Папа,— говорит девочка.

«Узнала!» — такова была первая мысль. Но сразу его охватил озноб. «Папа» — это было сказано не ему, чужому.

— Кто вам нужен? — спрашивает хозяйка.

Чтобы ответить на этот вопрос, он должен сначала присесть и попросить немного воды.

Майе Лившиц восемь лет. На первый взгляд ей больше и не дашь. Но если к ней приглядеться внимательно, покажется, что она старше. Большая умница. В глазах — немое ожидание и покорная готовность услышать то, что не хочется и неприятно слышать. В уголках рта притаилось что-то, напоминающее морщинку, готовое просить о снисхождении или справедливости.

Целый год прятала ее мама от немцев. Целый год учила ее, что нельзя плакать, — могут услышать и обнаружить их. Нельзя просить есть, когда нечего есть. Если их увидят, их убьют. Если они не будут прятаться, то погибнут, потому что они евреи. Целый год разговоры шли только о смерти, об убийствах, ужасах. И Майя научилась не разговаривать, не просить, не возражать, не плакать.

Однажды она пролежала на темном чердаке двое или трое суток одна-одинешенька. По вечерам ей приносили ломоть хлеба. Она лежала на чердаке, прикрытая одеялом, поверх которого были насыпаны груды сена, соломы и всякой рухляди. И она не пикнула. Чтобы не услышали ее дыхания, она держала ручки возле рта и тихонько дрожала всем телом.

И потом она была готова слушаться маму, только бы выжить. Но к концу года мама сказала:

— Доченька, маленькая моя, со мной ты погибнешь. Вот эта тетя будет твоей мамой. Может быть, ты уцелеешь.

Как это другая мама? И разве новая мама лучше? Она заплакала. Но сразу спохватилась, и слезы у нее застряли в горле. И после того как новая мама увела ее к себе, после того как она вошла в другой дом, ее давили слезы. Даже сегодня она ощущает эти невыплаканные слезы.

Новая мама относилась к ней хорошо. Муж новой мамы ее баловал и оберегал как зеницу ока. На чердаке ей больше не пришлось лежать, не надо было даже прятаться. Она должна была лишь таиться от своих прежних родителей. Давид Лившиц — не отец ей. Эстер Лившиц — не мать ей. Братьев и сестер у нее нет. Ее отец — Антон Колосов, ее маму зовут Варя. Упаси боже забыть это хоть на мгновение. Тогда погибнут все трое. С подружками играть нужно поменьше и ничего им не рассказывать. Лучше всего держаться отдельно. А главное, если кто-нибудь спросит, если кто-нибудь придет, твердо помнить: зовут ее Майя, фамилия — Колосова, она русская. Она даже не знает, что такое еврей.

Новый папа и новая мама ее хвалили: Майя умная, она все понимает. Но когда в комнатах темнеет, когда она лежит под одеялом, то кладет ручки ко рту и видит маму Эстер и сестренку. Майя беззвучно дрожит всем телом. Девочка понимает:

надо все скрывать, так как она еврейка. Если хочет спастись, то должна запомнить: она не еврейка.

Прошло два года.

Ее зовут Майя, Майя Колосова. У нее есть отец и мать. Она у них единственная. Она вся их радость, их надежда и утешение. Пусть только Гитлер свернет себе шею, и все будет хорошо.

Прошел еще год. Майя уже играет с подружками, учится в школе. Она уже умеет читать. Книги она любит.

Жизнь есть жизнь.

Лишь изредка неожиданно врывается в ее жизнь образ ее еврейской матери и вдруг звучит ее имя — Эстер.

4

Когда Давид Лившиц объяснил, кто он и зачем прибыл, в комнате воцарилась удивительная тишина. Майя смотрела на него, но не трогалась с места. Она сидела как привороженная. У Вари дрожали руки. Недаром, значит, видела она дурной сон. И вот случилось несчастье: пришли отнять ее радость, ее утешение, ее единственного ребенка — Майю. И Антону тоже стало не по себе, кусок застрял у него в горле.

— Доченька, иди к папе, — говорит Давид Майе.

Майя сначала смотрит на Варю и Антона, она просит у них разрешения.

Майя подходит к отцу, становится возле него и ничего не может сказать. Давид гладит ее по головке и тоже не может произнести ни слова. Майя горько плачет.

К вечеру все немного успокоились. Майя уже знала о своей маме, о своих сестрах. Антон и Варя несколько раз вполголоса заговаривали между собой. Теперь они завели разговор с Давидом. Начал Антон:

— Товарищ Лившиц, понимаете ли... Как бы это сказать... Трудно говорить. Майя нам как родная. У нас со старухой нет своих детей. Мы просим вас, оставьте нам Майю. У вас ведь у самого нет крыши над головой.

— Ей у нас будет хорошо, — говорит Варя. — Спросите Майю, как она у нас живет. Если не навсегда, то хотя бы пока что...

— Родные вы мои, — отвечает Давид, — вы спасли моего ребенка. Нет таких слов, которыми можно было бы отблагодарить вас. Но отдать Майю все равно что отдать свою голову...

После короткого молчания Антон говорит:

— Мы понимаем... Разве может быть иначе? Но, товарищ Лившиц, в ней вся наша жизнь. Оставайтесь у нас вместе с Майей.

— Вместе, вместе оставайтесь! — подхватывает Варя. Она видит в этом единственный выход.

— Ну, а ты, доченька, что ты скажешь? — спрашивает Давид.

В эту минуту Варя думает, что не все потеряно. Есть еще надежда.

— Родненькая, — пододвинулась она к Майе, — скажи, скажи, дочка.

По лицу Майи сейчас видно, что ей отнюдь не восемь лет. Она много старше. В глазах появляется молчаливое ожидание чего-то ее путающего. В уголках рта вырисовываются едва уловимые морщинки, просящие о снисхождении или справедливости.

Вот сидит перед ней отец, которого она лишь смутно помнит. А вот сидят те, что были ей отцом и матерью. Ей хорошо жилось у них.

Что ответит Майя?

Все ждут. И потому, что ответа долго нет, ибо Майя молчит, растет напряжение. От нее сейчас все зависит. Какой отец будет ее отцом? Она останется здесь или уйдет? Что скажет Майя?

— Папа, — говорит Майя, и Давид с Антоном одновременно поворачивают к ней лицо. Оба ждут своей судьбы. Кто останется отцом?

Майя плачет и молчит. Плачет и вытирает слезы. Потом она произносит очень тихо:

— Я не знаю... — И снова плачет.

1945—1946

ТРАКТОРИСТ

1

Ветер в Алтайской степи бушевал весь день. Он гудел и злился, подталкивал и подгонял пешеходов так, что те должны были пускаться бегом. Пыль набегала, как волна в море, и приносила тьму. В воздухе носились одинокие листья, сбитые ветром с жидких кустов, и сломанные ветки берез. В деревне ветер жался ближе к земле, стучал в стекла, пугал птиц, загонял собак в конуры.

Вечером выглянуло солнце. В степи стало тихо. В деревне на улице показались дети; на дворы вывели телят, которые глупо, удивленно оглядывались вокруг и по-детски беспомощно стояли на растопыренных ножках. На изгороди вывесили сушить кувшины и горшки.

Голда Шехтман вышла в огород. Ей казалось, что ветер разворотил все грядки, вышвырнул посаженные картофелины, вы-

дул все огуречные семена и засыпал пылью первые побеги зеленого лука. Столько труда это стоило! Так ждали урожая! Однако оказалось, что на огороде все на месте. Грядки остались грядками, а побеги лука по-прежнему зеленеют. Голда успокоилась. Она бы уже могла вернуться в дом, но ей захотелось еще немного постоять и поглядеть на дорогу, которая ведет к станции.

Поезд уже должен прийти. Сейчас на дороге, наверно, покажутся люди с узлами, с мешочками, с пустыми бидонами и корзинами. Деревенские жители возвратятся из города, а вместе с ними должен приехать и тракторист из МТС. Тракторист... Так зовет она его, хотя знает имя и фамилию и всю историю его жизни. Его зовут Шахно Берман. Но в мыслях своих она хочет отдалить его от себя, она чувствует, что назвать его по имени — значит допустить близость, которую она не должна, не смеет допустить. Много схожего есть в их судьбах. Он тоже эвакуированный, его семья тоже попала в руки к гитлеровцам и погибла.

Он появился здесь больше года назад, зашел в госпиталь, где она работала, чтобы перевязать рану.

— Сестра, — сказал он очень равнодушно, — я хочу попросить вас... — Взглянул на нее и вдруг обрадовался. — Ваше лицо мне как будто знакомо. Откуда вы?

— Знакомо? — переспросила Голда, посмотрела на его шинель и старую пилотку, которая по краям была как будто задымлена. — А вы откуда?

Узнав, что они земляки, из одного города, Берман обрадовался, совершенно забыв, зачем пришел сюда, и стал расспрашивать, не слыхала ли она случайно о его семье. Нет, она ничего не слыхала. Не знает она также, что случилось и с ее семьей. Она перевязала ему рану, и он сказал ей, что приехал из армии и теперь будет работать в МТС. Она поняла, что этот человек ищет кого-нибудь, перед кем мог бы излить свою душу.

С тех пор началось их знакомство. Иногда по вечерам он заходил к ней. У них было о чем поговорить. Он рассказывал о своей жене и ребенке, она — о своем муже и двух детях.

— А яблоню в городском парке вы помните?

— А старый колодец?

— А новый театр? Один из самых красивых в Советском Союзе.

Они мечтали о той счастливой минуте, когда возвратятся в родной город, к своим семьям.

В таких случаях она, бывало, думала: «Младшенькая, верно, очень скучает по мне». Вслух она этого не говорила, чтобы не задеть отцовское чувство Шахно.

Зимой она узнала точно, что ее семья погибла. Он пришел утешить ее. И не раз после этого заходил. Часто, сидя у нее, он просто молчал, думал о чем-то. Но как-никак бывало легче на

душе оттого, что рядом с ней находился знакомый человек. Конечно, она и раньше догадывалась об ужасной участи своей семьи. И все же, когда ей рассказали о подробностях этого несчастья, ей стало так плохо, так душно, так страшно, что хоть возьми и протись со светом.

Весною тракторист помогал ей вскапывать огород, сажать картофель и овощи. Одна, одинока, и хорошо, что иногда заходит знакомый. Но называла она его не иначе как «тракторист».

Сейчас она стоит на огороде и глядит на дорогу.

По наружности в ней сразу можно узнать городскую жительницу. Одета она в черное. Это выделяет ее белую шею и делает еще светлее лицо. Она — рослая. По виду ей можно дать лет тридцать, хотя на самом деле она лет на пять старше. До войны ей давали не больше двадцати пяти лет. В ее семье все выглядят не по возрасту молодо. Сейчас она считает, что уже стара и отжила свое, но иногда... Мало ли что когда-то было!.. Ей совсем не по душе вспоминать, что когда-то самые красивые парни бежали за ней.

На дороге появляются первые пассажиры. Они еще далеко. Сейчас они спустятся с холма и скроются с глаз, затем поднимутся на другой холм и снова покажутся. Неделю назад, когда она так же смотрела со своего огорода на дорогу, она еще издали узнала тракториста. Сегодня она его не видит. Может быть, он не приехал с этим поездом?

Однако зачем, собственно, стоит она здесь? Чего ищет она? Голда застеснялась самой себя и направилась в дом. Но перед тем как уйти с огорода, она еще раз бросила взгляд на дорогу, не увидит ли широкоплечего тракториста, который размашисто шагает, глядя себе под ноги.

Его не видно. И не надо. Придет — будет гостем. Может быть, он занят. У него свои заботы, у нее — свои. Она входит в дом и сообщает хозяйке, что уже идут со станции.

— Идут... значит, мой старик приехал. — Старуха выходит встретить мужа.

Голда вертится по дому, но чего-то ей недостает. Чего? «Ах, да... Ведь тракторист принесет свежие газеты, расскажет новости». Она выходит на улицу и становится рядом с хозяйкой. Обе глядят на дорогу. Одна группа людей уже пошла в деревню, по дороге тянутся остальные. Шапно не видно. «Не случилось ли чего?.. — Вдруг Голда вздрагивает. — Разве это он?..» Верно, это он, но она его не узнает. Он стал как-то ниже, весь сгорбился, явно расстроен.

— Что с вами?

— Ничего.

— Вы больны?

Он не отвечает. Молча постояв, уходит.

Вечером Берман не пришел к Голде и газет не принес. Не принес он и на следующий день. «Не болен ли? Не случилось ли чего с ним?»

Вечером Голда вышла погулять на улицу и через минуту заметила, что повернула на дорогу в МТС. Деревня большая, три длинные улицы. Дома — со светлыми окнами, крыши большей частью крыты жостью. У домов редкие деревья. Изгороди — низкие, сплетенные из прутьев или сделанные из реек. Огороды стоят совсем без изгородей, но со всех сторон окопаны глубокими канавами, чтобы коровы и лошади не повадились туда в гости.

Голда выходит за деревню. В степи так тихо, что может показаться: здесь только и есть — земля, небо и тишина. Ближе к Голде трава розовая, дальше — розовато-желтая, еще дальше — красная. Начинает казаться, что у горизонта земля горит и, плавясь, растекается в золотое озеро.

Голда идет медленно. Здесь, в степи, незачем торопиться. На минуту она останавливается и закрывает глаза. И ей кажется, что она сама — часть этого недвижного покоя.

Издали доносится шум МТС. Потом показались ремонтная мастерская, кузница, столовая, склады, контора. На большой энтээсовской усадьбе женская бригада ремонтирует комбайн. «Не спросить ли у них о трактористе?» У конторы на стене висит большая доска показателей работы МТС за день. На четвертом месте — Берман. Хорошие проценты. Голда думает: «Здоров!» Она довольна такой хорошей вестью. Она решает, поговорив немного с женщинами у комбайна, пойти обратно домой.

Однако на дворе МТС появляются два брата-электрика. Старшему пятнадцать лет, младшему — тринадцать. Мать их умерла, отец — на фронте. Оба брата работают в МТС. Они очень способные, почти без посторонней помощи стали электротехниками, и теперь без них не могут обойтись. Однако умыться вовремя, починить обувь, положить заплатку на штаны — на это они не обращают внимания. Иногда кто-нибудь из работниц вытащит их силой из цеха и заставит вымыть головы, кто-нибудь из соседок пришьет им пуговицу. Но чаще всего оба брата неряшливо одеты, измазаны. И сейчас лица у них грязные.

Каждый раз, когда Голда видит оборванного, заплаканного измазанного ребенка, ей кажется, что это ее дитя, и она простирает руки, чтобы обнять его.

К местным жителям братья не питают никакого почтения, но к фельдшерице относятся с большим уважением. Они останавливаются, потупя голову.

— Куда вы идете? — спрашивает Голда.

— Домой.

— Обедали?

— Обедали.

— А еще хотите?

Оба молчат.

— Идемте, дети, идемте к кухарке.

Оба утирают носы черными руками. Глаза их веселеют.

Озабоченная кухарка Настя смотрит на вошедших с удовольствием и досадой: с удовольствием — оттого что пришла фельдшерица, с досадой — оттого что она ведет с собой братьев. Все же берет верх удовольствие.

— Вот так гостья,— говорит она Голде.— Садитесь. От вас хоть услышишь доброе слово.

— От меня?

— Вы всё знаете... Скоро разобьют фашистов?

— Нужно надеяться, что скоро.

— Хоть бы скорее, хоть бы скорее! — Теперь она оглядывается на мальчиков, которые стоят в сторонке.— Сейчас, сейчас,— бросает она им, быстро входит на кухню и выносит оттуда две тарелки с пшенной кашей.— Кушайте, дети!

— Подождите, подождите! — говорит Голда.— Покушать они успеют. Вода у вас есть?

— Есть.

— А мыло?

— Тоже есть.

Голда берет мальчиков за руки и ведет их умываться. Она следит, чтобы Николай и Павел не хитрили, хорошо вымыли себе шею и уши.

Потом ребята едят.

Когда она возвращается домой, уже и признака солнца нет. Темнота становится гуще, воздух — прохладней, но тишина та же.

На следующий день тракторист опять не пришел. С человеком что-то происходит. С ним что-то случилось. А она? Она думает только о том, что скажут люди о женщине, которая приходит в гости к одинокому мужчине. Голда быстро одевается и опять уходит в МТС.

На большом дворе МТС ее глаза ищут доску на стене конторы. Берман работал. «Здоров!» Но сегодня он только на шестом месте. «С ним что-то случилось недоброе...»

Когда она вошла к нему в комнату, Берман лежал на кровати одетый, с открытыми глазами.

— Что с вами? Вы больны?

Он ничего не ответил. Голда стояла посреди комнаты и не знала, сесть ли, продолжать стоять или уйти.

— Товарищ Берман, что с вами? Вы больны?

— Здоров. К сожалению, здоров...

— К сожалению?

— Понимаете,— он быстро поднялся.— Я знал это уже давно. Погибли. И жена и ребенок. Но в городе мне об этом опять напомнили. Кто просит, кто их просит рассказывать, когда я не верю, не верю!

3

Последнее время Шахно Берман стал выглядеть старше своих лет. Он мало обращает на себя внимания, часто ходит после работы в спецовке. А когда-то он любил принаряжаться. Однако ему кажется, что это было очень давно, еще до войны, до того, как он потерял свою семью.

Берман снова стал по вечерам заходить к Голде. Она снова угощает его чаем. Они опять говорят о родных местах. Иногда они подолгу молчат. Случается, что среди молчания он так взглянет на нее, что она тотчас же должна отвернуться.

Осенью он помог ей снять урожай с огорода, таскал в амбар картофель. Хозяйка Голды не выдержала.

— Дорогая,— сказала она ей,— ведь вы живые люди. Зачем же терзаете себя? Мертвые не встают.

Голда притворилась, что не слышала этих слов. Она подумала: «Мертвые? Они живы!»

В зимней степи бушевала вьюга. Ветер гнал и мчал снег, швырял его во все стороны. Пешеходы не видели, что делается на шаг впереди.

И Голда и Шахно ждали писем. Они беспрерывно отправляли письма на разные адреса в их освобожденный город и хватались за тень надежды. Но и в официальных ответах и в письмах земляков никаких добрых вестей не было.

Однажды вечером он зашел к ней.

— Выпьете чаю?

— Нет.

— А может, все-таки выпьете? — просила она. Ей хотелось, чтобы он пил чай и молчал. Сегодня она боится его разговоров.

— Голда, война скоро кончится.

— Наверно.

— Мы поедем домой.

— Вероятно.

— Возможно, мы никого из родных не найдем.

— Возможно...

— Ну?

— Что «ну»?

— Что тогда будет?

— Товарищ Берман, зачем вы задаете мне такие вопросы?

— Я задаю их не вам. Я задаю их самому себе.

— Самому себе? Я думала, что вы серьезный человек, солидный.

— Допустим, мы оба ошиблись.

— Будете пить чай?

Оба знали, что их семьи погибли. Оба чувствовали, что они привыкают друг к другу. Оба понимали, что жизнь есть жизнь... Но говорить об этом, думать об этом нельзя.

Минула зима. На полях день и ночь гудели трактора. Девятого мая вечером деревня оглушена была песнями и танцами. Матери ходили с детьми и без конца твердили:

— Папа приедет!

Старые крестьянки, которые давно уже по вечерам никуда не показывались, в тот день вышли повеселиться.

— Одну бы только весточку получить с фронта, что остались живы, — было у всех на устах.

Шахно и Голда вместе со всеми односельчанами допоздна гуляли по длинной улице.

4

Приближался день отъезда на родину. Оба готовились в дорогу, но каждый сам по себе. На станции они встретились словно случайно. Знакомые пришли проводить их. Среди провожавших были и оба брата-электрика, оба умытые, в начищенных ботинках, с пришитыми пуговицами. Это был их сюрприз фельдшернице. Она очень обрадовалась им.

Путь на родину был длинен. Мимо окон вагона пробежали поля и леса, реки и речушки. Они проехали много городов и деревень.

Часто можно было видеть, что Голда задумывалась, Шахно о чем-то грезил. На минуту они как будто отрывались от окружавшего их мира и улетали мыслями куда-то далеко-далеко.

Голда помнила — однажды зимним вечером Шахно пришел к ней и сказал:

— Голда, война скоро кончится.

И она ответила:

— Наверно.

— Мы поедем домой.

Она ответила:

— Вероятно.

— Возможно, мы никого из родных не найдем...

Война кончилась. Они едут домой. Неужели они никого из родных не найдут? Дай бог, чтобы Лахно оказался не прав. Мало ли что может прийти в голову трактористу. Возможно, что кто-нибудь из семьи остался жив. Она чувствует, что это «возможно» отдаляет ее от Шахно. Верно, что они друзья, она всегда будет ему благодарна за помощь.

Берману также кажется, что они едут вместе в их родной город, чтобы там стать совсем чужими друг другу. Она найдет свою семью, он — свою.

А попутчики в вагоне называют их, как назло, «мужем и женой». Обоим неудобно отрицать это. Они молчат. Им кажется, что никогда еще не были они так далеки друг от друга, как сейчас.

После приезда в родной город они долгое время не виделись. Каждый был занят своими заботами. Встретились они случайно на улице. Каждый из них знал, что надежда их не оправдалась. Об этом они не стали говорить.

— Вы совсем пропали, Шахно. Вас не видно. Зайдите как-нибудь. Хоть чаю выпить.

— Голда, на этот раз я хочу, чтобы вы пришли ко мне на чашку чая.

Она спокойно, неторопливо кивнула головой:

— Хорошо, Шахно.

В эту минуту она совсем забыла, что когда-то называла его не по имени, а «трактористом».

1946

ДО ЗАХОДА СОЛНЦА

1

Построенные в шеренгу, стоим мы — более трехсот человек — во втором районе гетто. Сзади нас — наши дома, оставленные нами родные очаги. Нам туда больше никогда не вернуться.

На дворе лето. Откуда же взялся этот въедливый осенний дождик? Мелкий и нудный. Под ногами — лужи. Течет в карманы. Лицо и руки — мокры. Одежда в грязи. А на душе, под стать погоде, пасмурно и тошно. Триста человек, по которым льется ручьями вода — с шапок на лица, с одежды на ноги, — знают, что их сегодня обманули, как не раз до этого обманывали других обитателей гетто. Их выгнали из домов, будто бы для того, чтобы проверить, все ли на месте, и, как это не раз проделывали с другими, построили в ряды, окружили полицейскими... И судьба их предрешена.

Только мертвым не страшна смерть. Живые, какие бы муки и страдания ни ждали их, боятся небытия. Стоя в строю обреченных, когда все кругом стало чужим и ненужным и жизнь остановилась у последней черты, я не хочу видеть того, что творится вокруг меня. Я закрываю глаза и вижу лишь то, что хочу. Я вижу: тихим вечером — то было несколько дней назад — сидим мы, человек пять, сгрудившись в углу тесной комнатухи.

Усталые, изголодавшиеся, мы по очереди курим одну на всех махорочную сигарку. Огонь в комнате не зажжен. Сквозь окно светит добрая, ясная луна, улыбаясь во все лицо, будто желает зачаровать нас. Мы смотрим в окно и молча передаем друг другу сигарку. В моем затуманенном от махорочного дыма, от голода, от лунного света мозгу одна лишь мысль: попросить бы у луны оружия, отчего бы ей, чародейке, не сбросить нам винтовок, пулеметов, даже танк... Может быть, мои товарищи думают о том же, но никто ничего вслух не говорит. И только сапожник Гирш (он сапожничал в молодости, а прозвище прилепилось на всю жизнь), человек, далекий от сантиментов и видящий жизнь со всеми ее тяготами, только сапожник Гирш — кто бы мог подумать? — глубоко затянувшись сигаркой (значит, сильно волнуясь, потому что затягиваться следует легко, чтобы и другому досталось), говорит:

— Испокон веку луна только тем и занята, что прихочивает юношей и девушек целоваться. Не пришло ли время сменить ей занятие и помочь нам достать оружие? — И, снова затянувшись — на этот раз осторожно, легко, даже легче, чем то предполагается, добавляет: — Иногда мне кажется, что это единственный выход. Только чудо может нас спасти. Все дороги к нам и от нас закрыты, мы отрезаны от всего мира...

Гирш передает сигарку дальше по кругу, но минуту спустя начинает искать по карманам курево. Двумя пальцами он достает из карманных глубин крохи махорки и дрожащими руками, как бы, упаси боже, пылинка не пропала, укладывает их на бумажку. Закурив, он, теперь уже деловым, торжественно-сухим тоном, каким, бывало, открывал партийные собрания (он был секретарем парторганизации), продолжает:

— Товарищи, все же я надеюсь получить на днях оружие. Вероятно, чрезвычайно мало. Но это будет началом. Во всяком случае, стрельнуть, чтобы дать знать о себе, сможем. Нам бы произвести один выстрел в гетто! Пусть враг знает, что, хотя нам нечем стрелять, мы умеем это делать...

Он умолкает. Молчим и мы.

Не знаю, чем объяснить, почему я тогда увидел себя тринадцатилетним мальчишкой на своей улице в день Первого мая.

По нашей улице возвращаются с демонстрации. Знамена свернуты. Оркестры молчат. Народ идет как попало — и по мостовой, и по тротуарам. Все порядком устали, но чувствуют себя по-праздничному и спешат попасть поскорее домой к накрытым столам. Кто-то поет, кто-то смеется. Все радуются. Только я один не в духе. В детстве меня почему-то огорчало то, что я живу на улице, по которой идут с демонстрации. Почему? И надо же так случиться, что рядом со мной оказался парнишка с той «счастливой» улицы, по которой идут на демонстра-

цию. Он постарше меня и, должно быть, посильнее, но на нашей улице я никого не боюсь. Стоит мне крикнуть, и все мои товарищи прибегут на помощь. Во всех окнах я вижу знакомых, они будут на моей стороне. Я хватаю парнишку, который посильнее меня, за руку и спрашиваю, как мне его ударить: по голове или по лицу?

— Ты куражишься на своей улице,— говорит он.— Погоди, я поймаю тебя на моей, тогда попомнишь меня! — Он вырывается из моих рук и убегает...

С тех пор как я очутился в гетто, я чувствую себя попавшим в плен солдатом: отняли винтовку, сняли сапоги и обули в деревянные башмаки, отобрали шинель и одели в бабий ватник, даже ремень забрали. Я перестал быть не только солдатом, но и мужчиной. Я вообще не человек больше. И не только я один. Нас много здесь, пленных...

Однажды мне пришлось видеть, как два солдата вели роту пленных. Что такое два солдата против роты? Но пленные не солдаты больше, не мужчины, они не чувствуют себя даже людьми — голодные, раздетые, босые, обезоруженные, униженные, потерявшие надежду, беспомощные... Но в тот вечер, когда затеплилась надежда, что друзья пришлют нам оружие, я снова ощутил в своих руках винтовку, и сапоги были мне впору, и ремень туго перехватывал талию. Я готов. Пойдемте бить врага!

...Триста человек, стоим мы во втором районе гетто, и судьба наша предрешена.

2

Выглянуло солнце.

Когда оно зайдет, этих трехсот человек не станет. И все-таки... Пока в жилах стучит кровь, надежда не угасает: может, поведут на работу, может, как раз сегодня их не обманут, может, свершится чудо, может...

Палит солнце, сохнет во рту. Из домов и домишек смотрит прошлая жизнь. Где-то на одном из окон торчит горшок с засохшими цветами, у распахнутой двери мяукает кошка.

Вдруг показался человек. Черноволосый молодой еврей, коренастый, ладный, идет быстрым шагом, почти бежит, будто куда-то опаздывает.

— Halt¹,— останавливает его немец.— Куда бежишь?

¹ Стой (нем.).

- На работу.
- А кто ты такой?
- Сапожник.
- Удостоверение!
- Вот...

— Ja¹. Ты работаешь, верно,— огорченно говорит немец, досадуя, что не к чему придраться.— Ну да, работаешь,— повторяет он, и в его тоне звучит как бы намек: сегодня, мол, тебе, сапожник, повезло, но завтра не будет пощады — закон есть закон. Немец отдает сапожнику бумажку.— Живи пока, и твоя жена и дети могут пока жить. Ты имеешь здесь жену? Имеешь здесь ребенка?

— Да,— твердо отвечает сапожник.

— Возьми их и иди своей дорогой!

У него действительно были, у этого молодого коренастого сапожника, и жена и ребенок. Были...

Месяц назад их вместе с другими поставили в строй и увезли. Он не знает даже, в какой стороне находится яма, где их умертвили. Сегодня он пришел сюда, чтобы спасти чужого ребенка и чужую жену.

Триста человек не отрываясь смотрят на него. Все знают, что он может назвать любую женщину своей женой, любого ребенка, мальчика или девочку, своим ребенком. У него нет родных, и ему все равно, кого спасти. Триста человек как бы очнулись от дремоты, стряхнули с себя призрак смерти и ухватились за тонкую соломинку надежды. Каждый из трехсот думает: быть может, спасение ждет его ребенка, его жену, его внука... Пусть хоть кто-либо останется жить... Чтобы продлить нить жизни... чтобы был свидетель... чтобы вырос мститель... Лица оживают, загораются глаза, приходят в движение руки. Вот-вот эти люди взмолятся: возьми моего ребенка, возьми мою жепу. Спаси!

Кажется, не будет конца этому напряженному ожиданию. Проходит мгновение, второе, третье... Время потеряло счет. Все стоят неподвижно на своих местах, но каждому из них кажется, что он взлетает над землей.

Человек, желающий спасти женщину и ребенка, видит перед собой лишь множество глаз. Он не узнает лиц, хотя здесь стоит много его знакомых. Он видит лишь глаза, полные боли и мольбы, слез и надежды. Каждый взгляд зовет, жаждет, просит счастливого жребия... У человека, ищущего кого спасти, подкашиваются ноги, кружится голова. Но он должен держаться, должен спасти... Сознание долга придает ему сил. Вот он видит, как муж подталкивает свою молодую жену, готовится

¹ Да (нем.).

передать ее ему: «Бери ее!» Отец взял на руки ребенка, чтобы отдать его ему: «Спаси его». Но молодой сапожник кого-то ищет. Он ведь вправе отыскать среди стольких людей свою жену, своего ребенка. Он приближается ко мне. Теперь я явно вижу сапожника Гирша. Он останавливается возле моей жены и ребенка. Я замер. Я ничего не чувствую, ничего не вижу. Слезы застлали глаза. Но я беру себя в руки и подталкиваю жену и ребенка к Гиршу: «Бери их». Гирш вплотную подходит ко мне и, нащупав мой карман, что-то кладет туда, шепча при этом скороговоркой, так, чтобы только я один мог его слышать:

— Получил. Я вас встречу. Остальное вы сами знаете...

Он берет за руки мою жену и ребенка и удаляется. Триста человек провожают их взглядами. О чем они в эту минуту думают — кому это дано знать? Я не знаю, о чем думаю я. Но вскоре до моего сознания доходит, что мои руки свободны, я нащупываю в кармане револьвер, и тогда я вдруг постигаю, что перестал быть рабом, перестал быть обреченным. Я ощущаю в себе силу. Мы не одни. О нас заботятся, думают. Все вокруг снова становится родным. Земля под ногами — наша. Мои товарищи, которым переданы по цепи слова Гирша: «Остальное вы сами знаете», — обрели совсем другой вид — вид людей, готовых ринуться в бой.

Мы теперь более нетерпеливы, чем немцы. Чего они ждут? Почему не ведут нас? Мы теперь следим за немцами и полицейскими настороженнее, чем они за нами. Мы прикидываем, как и что... Каждый из нас знает свое место, свою задачу.

Мы вышли в поле.

Можете ли вы себе представить, какую силу имеет выстрел, когда не «они» стреляют в нас, а мы в «них»? Можете ли вы понять, какую силу ощущаешь, когда видишь убитого тобой гитлеровца? наших конвойных обуял страх. «Евреи стреляют?!» Теперь представьте себе, как они выглядели, когда мы их окружили и их винтовки и автоматы перешли к нам. Они упали к нашим ногам. Теперь они стали беззащитными, пленниками.

Солнце еще не заходило, когда Гирш нас встречал. Мы вошли в лес. Я увидел жену и ребенка. Моей радости не было границ. Но поверьте мне, я говорю не кривя душой, не это было главным. И мною и моими товарищами, обретшими оружие в бою, владело только великое чувство — чувство приобщения к священной борьбе.

1960

*Посвящается памяти
доброго человека,
полковника медслужбы
Льва Лазаревича Зака*

Понедельник

Осень. После дождя на ветвях голых деревьев повисли большие капли. Я долго стояла у окна и смотрела в сад. Ждала, чтобы хоть одна капля упала на землю. Но нет, они почему-то не падали. Я вышла в сад и легонько трянула яблоню. Посыпался дождь и облил меня всю. Но когда немного погодя я опять выглянула в окошко, на ветвях снова висели капли.

На сердце так легко, хорошо... Вчера Янек взял меня за руку и сказал:

— Кристина, я люблю тебя.

Я вырвала руку и убежала. По правде сказать, я давно знала, что он скажет это, и ждала... Весь вечер чувствовала себя самой счастливой на свете. Потом снова вышла на улицу, а сердце билось часто-часто. Может быть, Янек меня заметит и снова скажет эти слова. Но больше я его не встречала. Один раз всего-навсего он сказал мне... А я хотела бы слышать эти слова много-много раз.

Вторник

Сегодня к нам пришла мать Янека. Вдвоем с моей мамой они сидели на кухне, о чем-то шептались, кажется даже поспорили. Но вот мать Янека ушла, и моя мама посмотрела на меня так, как я вчера на дождевые капли, когда ждала, что они упадут, но они не падали. Вид у нее был растерянный. Почему? Она ничего не говорит.

Вечером я прогуливалась возле нашего дома, думала, что встречу Янека, но он как в воду канул. Только очень поздно, когда я уже собиралась возвращаться домой, он вышел навстречу. Всегда Янек такой живой, веселый, а сегодня он почему-то грустный.

— Что с тобой, Янек?

— Ничего.

Мне хочется, чтобы он взял мою руку в свою большую крепкую руку, а он, как назло, засунул руки глубоко в карманы. Правда, всегда, когда он берет меня за руку, я ее отдергиваю. Но в душе-то я рада. На сердце сразу становится теплее. Теперь же он стоит рядом и молчит.

— Ты сегодня какой-то невыспавшийся, Янек,— говорю я ему.— Иди и поспи.

— Не хочу спать... Хочу тебя спросить. Правда ли, что ты цыганка?

Я рассмеялась. Мне так смешно, что я прямо-таки захлебывалась от смеха.

— Повтори еще раз, Янек,— прошу я его.

— Скажи правду. Моя мама...

— Твоя мама была сегодня у нас и разговаривала с моей мамой.

— Моя говорит, что твоя мама -- вовсе не твоя.

— Янек, иди к врачу. Ты болен.

— Не смейся надо мной, Крестя, не смейся.— Он берет меня за руку, и я не сопротивляюсь.— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Янек.

— А моя мать этого не хочет. Она говорит: ты цыганка. Она помнит, как во время войны тебя принесли — совсем еще крохотную. Помнит даже платице, в котором ты была,— беленькое, в розовую полоску...

— Янек, я тебя ненавижу. Ты смеешься надо мной.

— Крестя, я люблю тебя. Мама говорит, что не разрешит нам пожениться — ты чужая. Она помнит, как тебя сюда принесли.

— Янек, ты смеешься надо мною. Я ненавижу тебя... — выпалила я и убежала.

Не знаю почему, но как только я вошла в комнату, то сразу подбежала к окну, чтобы взглянуть на дождевые капли, повисшие на ветвях. В саду было темно, и я ничего не увидела.

— Что с тобой, Кристина? — спросила мама. Она снова была чем-то встревожена.— Встретила кого-нибудь?

— Янека, мама.

— Янек хороший парень.

— Он сумасшедший.

— Ах, вот что... Сумасшедший? Но он тебе нравится.

— Он болтает всякую ерунду.

— Болтает ерунду?.. Какую же?..

— Он говорит, что я цыганка и что ты вовсе не моя мама.

— Ну, если так... он еще хуже сумасшедшего,— отвечает мама, глядя куда-то в сторону.

— Подожди, подожди... А ведь у нас в шкафу в самом деле висит белое платице в розовую полоску...

Мама вздрогнула и побледнела.

— Висит, родненькая... Висит. Твое первое платице. А мать Янека злюка, у нее дурной язык. Ей досадно, что Янек любит тебя. Но есть парни и получше Янека. Ты ведь у нас красавица. Не принимай все близко к сердцу, доченька.

Среда

Ко мне пришла подруга Зося и позвала меня, чтоб сказать по секрету:

— Янек женится, Кристина.

— Ну и пусть женится.
— Он тебя любит.
— А я его ненавижу.
— Ты говоришь неправду. Ты его тоже любишь.
— Ну и что из этого?..
— Его мама ходит по всем знакомым и всюду рассказывает, что ты цыганка.

— Это ложь.
— «Помню,— говорит она всем,— как ее принесли, когда здесь были немцы. В белом платье в розовую полоску...»

— Мое первое платье.
— Она говорит, что тогда тебе было два года. Значит, до двух лет ты ходила без платья? Так говорит мать Янека.

— У нее дурной язык. Она не хочет, чтобы Янек со мною встречался.

— Я тоже так думаю. И все так говорят. Янек просил передать тебе, что он ни на ком не женится, кроме тебя. Только одну тебя он любит.

Выпал снег. Земля покрыта белым, деревья тоже белые. И все еще можно различить дождевые капли — они замерзли и слезинками свисают с ветвей. Не знаю почему, мне так хочется выбежать в сад и сорвать их. Но вместо того, чтобы идти к двери, я иду к шкафу. Вынимаю свое самое первое платье. Закрываю шкаф и снова открываю его. Еще раз вынимаю платье и внимательно осматриваю со всех сторон. Ощупываю ткань и обнаруживаю, что внутри пришит кармашек, а в нем — бумажка. На ней какие-то странные письмена. Я не могу их прочесть, это не польские буквы. На каком языке составлена записка? А может быть, это вовсе не буквы, а какие-то знаки?

— Что за бумажка, мама?

— А... эта бумажка... Ты разве не знаешь?

— Нет, не знаю.

— Ну что ты говоришь... Я ведь тебе рассказывала.

— Нет, мама.

— Ну, если так... Слушай внимательно. Когда ты была совсем маленькой, то очень тяжело заболела. Я звала врачей, обращалась к знахарям — никто не мог помочь. Ты таяла буквально на глазах. Что тут делать? Мы ночей не спали. К счастью, в наших местах появились чужие люди, странники. Одна старушка зашла к нам и спрашивает: «У тебя болен ребенок?» — «У меня». — «Покажи мне его». Она пошептала, поколдовала над твоей колыбелькой, потом дала мне эту бумажку и велела ее положить у изголовья. «Ребенок скоро поправится,— сказала она.— А бумажку эту береги, и тогда твоя девочка никогда не будет болеть». И слава богу, бумажка помогла, ты сразу выздоровела.

— На каком языке здесь написано?

— Кто его знает... По-татарски или по-цыгански...

Вечером, когда отец пришел с работы, мать отозвала его в сторону, и они о чем-то долго шептались. Он сразу же ушел. Вскоре из дома Янека стали доноситься крики. Отец мой ругался:

— Ты — старая ведьма, у тебя поганый язык...

Мать Янека отвечала:

— Мне не нужна такая невестка. При немцах я молчала, а сейчас ее никто не тронет...

Отец вернулся домой очень расстроенный. Он не стал ни есть, ни пить, не смог даже уснуть.

Четверг

Снег растаял, и с деревьев снова свисают большие капли. Днем к нам зашел сосед. Еврей. Единственный на нашей улице, а может быть, и во всем городе...

— Вы умеете читать по-цыгански? — спросила я его.

— Нет.

— А по-татарски?

— Тоже нет.

И все же я показала ему бумажку. Он взглянул на нее, и я увидела, что он читает.

— Вы читаете?

— А почему бы нет? Я еврей и читаю по-еврейски. Кто это написал?

— Цыганка.

— Не смейся надо мной, паненка. Где ты взяла эту записку?

— Нашла. Что там написано?

— Здесь написано: «Мы все погибнем. Останься хоть ты в живых».

В тот же день вечером

Ко мне зашла Зося и сказала, что Янек ждет меня. Я вышла.

— Кристина, все, что мать говорила, — ложь. Она это выдумала. Я люблю тебя, Кристя. Ты будешь моей женой?

— Буду.

Когда я вернулась домой, мама мне сказала:

— Доченька, родная... Выслушай меня, ведь ты уже взрослая. Чем ждать, когда злые языки наговорят невесте что, лучше я сама скажу всю правду. Твоя мать и твой отец были евреями. Когда тебе было два годика, твои родители принесли тебя ко мне, чтобы я спасла тебя. Их убили немцы. Как звали тебя раньше, я не знаю. Тебя зовут Кристина, я твоя мать, у тебя есть отец. Мы тебя любим, и ты нас любишь. Кристя, родная, не плачь...

Пятница

Как меня зовут? Как узнать мое настоящее имя?

У меня такое ощущение, будто кто-то всадил мне в голову ржавый гвоздь и он сверлит мозг: «Как тебя зовут? Твое настоящее имя?»

Пришла Зося и рассказывает: мать Янека всем объясняет, что все, что она говорила обо мне, — ложь. Она это все выдумала, чтобы разлучить меня с Янеком. Но если Янек меня любит... Ну что ж, она не против. Она клянется, что очень хорошо помнит, как я родилась. Говорит, что сама присутствовала в костеле, когда меня крестили.

Суббота

В детстве у меня была игрушка — большое деревянное яйцо. Наполовину красное, наполовину синее. Оно разнималось на две половинки, а внутри лежало еще одно яичко, только поменьше, зеленое и розовое. И это яйцо разнималось, и внутри лежало еще одно маленькое яичко — желтое и черное. И только внутри его находилось белое яичко, которое не разнималось.

Я тоже как та игрушка — когда разнимешь ее, появляются все новые и новые цвета. У меня есть отец и мать, но оказывается, что мои первые родители были евреями. Меня зовут Кристина, но когда-то у меня было другое имя. Доберусь ли я когда-нибудь до белого яичка, которое не разнимается?

Своих вторых родителей я люблю больше прежнего. Ведь они не только мои родители — они и мои спасители. Рисковали своей жизнью, чтобы я осталась в живых.

И все же... Кто были мои первые отец и мать? Может, у меня есть где-то брат или сестра?

По субботам к нам заходит сосед-еврей. Он всегда желанный гость. Вместе с моим отцом был в польской армии, сражался с гитлеровцами. У нас все зовут его по фамилии. Я спросила, как его имя. Его имя, оказывается, Мойше. Потом я спросила, какие бывают имена у еврейских девушек, — может быть, вспомнится мое прежнее имя. Он называл мне много разных имен, и я все старалась одно из них применить к себе.

Вечером я вышла к Янеку.

— Кристина, почему ты стала такой нехорошей?

— Я такая же, какая была.

— Почему ты выходишь так поздно? Не хочешь меня видеть? Не любишь?

Янек берет меня за руку. Мы стоим и молчим. Потом он спрашивает:

— Ты сердишься на мою мать?

— Нет. Как говорится, нет худа без добра. Сейчас, может быть, я узнаю свое прежнее имя.

- Кристина, что с тобой? Что значит — прежнее имя?
- Раньше меня звали по-другому.
- Как это может быть? — спрашивает Янек и гладит мою руку. — Что ты говоришь?
- Когда-то у меня были другие родители.
- Ты смеешься надо мной, Кристина.
- Я не смеюсь, Янек. Это правда. Мои первые родители были евреями.
- Что ты говоришь, Кристина, родная... Моя мать хорошо помнит, как ты родилась и как тебя крестили. Она была тогда в костеле.
- Твоя мать это выдумала. Может быть, для того, чтобы ты меня любил.
- В его глазах промелькнуло не то удивление, не то растерянность, я не успела определить. Я только поняла: он что-то знает, и отрицать это ему будет нелегко.
- Если ты мне не скажешь правду, я к тебе больше никогда не выйду.
- Он молчит. Я хочу вырвать свою руку, но он держит ее крепко.
- Я уже знаю это, Кристя. И твои подруги знают. Никто не хотел бередить старые раны. Мы думали — ты ничего не знаешь, ну и хорошо. К чему это тебе знать...
- А мое прежнее имя?
- Этого не знаю. Но я узнал, где жили твои первые родители. Завтра я покажу тебе тот дом.
- Ты хороший, Янек. Я люблю тебя.
- Он порывисто обнял меня и поцеловал. Я не шевельнулась.

Воскресенье

Я и не подозревала, что Янек так заботлив. Он разузнал, где находится дом, в котором мы когда-то жили. Больше того, Янек узнал, что вывеска, на которой изображены ножницы, игла и утюг, принадлежала моему первому отцу. Он был портным. Вывеска насквозь проржавела. Фамилия на вывеске не сохранилась, некоторые буквы совсем стерлись. Не знаю, как читать — Зисман, Зальцман, а может быть, совсем по-другому.

Я плакала, а Янек меня даже не утешал. Он стоял передо мной какой-то беспомощный, будто сам был в чем-то виноват. Мне даже показалось, что у него на глазах блестели слезы.

От всего, что здесь когда-то было, от семьи, родителей, друзей, имени и фамилии осталась только старая вывеска. Буквы стерлись, лишь кое-где они свисают, как большие ржавые капли, которые вот-вот упадут, но не падают.

Вдруг я увидела еврея-соседа. Он стоял напротив меня и тоже смотрел на вывеску. Мы стояли и молчали.

Домой возвращались втроем. Я шла посредине. С одной стороны — Янек, с другой — Мойше. Оба мне дороги. В них — мое прошлое и будущее.

1960

ПИСЬМО К ПОДРУГЕ

Дорогая Сима!

Я к тебе за советом. Ты ведь помнишь, что в молодости меня называли красивой, а тебя — умной. Мою красоту давно унесло ветром, твой ум остался при тебе. И я прошу тебя... Прочти внимательно и напиши мне ответ.

В самом начале войны, когда немцы вдруг напали на нас, как собаки, сорвавшиеся с цепи, они бомбардировали и наш город. Многие районы горели. Мой муж Исай был в армии, а я с Вовой на руках побежала спасаться в лес.

Таких матерей, как я, с малыми детьми на руках, было много. Спасаясь вместе от общей беды, мы быстро сдружились. Особенно я сблизилась с одной русской женщиной с двухлетней девочкой на руках, такой, как мой Вовка. Мать называла ее Ирочкой. В пути эта женщина успела мне рассказать, что муж ее на фронте и она еще не получила ни одного письма. И еще она сказала, что хочет, чтобы мы были вместе, так как она одинокая, у нее нет родных. Я не успела ответить, как начался немецкий обстрел.

— Ложись! — крикнул кто-то. Все мы с детьми легли на землю.

Знаешь, у меня нет сил, чтобы снова рассказывать о том ужасе, который мы пережили, мне уже в эту ночь не уснуть. Скажу коротко: эта женщина с земли уже не поднялась. Просто чудо, что ее ребенок остался жив. Я схватила обоих детей и из последних сил побежала к лесу.

Фамилию Ирочки я не знала и записала ее на свою — Дворкина. Имя своего отца Ирочка запомнила: Ванюша. Так, видно, ее мама называла мужа, и я записала в документах: Ирина Ивановна. Оба ребенка маленькие, одного возраста, и все у меня спрашивают:

— Двойники?

— Да, — отвечаю я, — близнецы.

От людей я не раз слышала, что хорошие годы быстро проходят, не успеешь оглянуться, они позади. Другие же толкуют, наоборот, что плохие годы не замечаешь, как они бегут. Мне кажется, что правы и те и другие, особенно когда все позади. Дети росли, война закончилась, и я со своей «двойней» вернулась домой. Мой муж, как тебе известно, с войны не при-

шел. Я работала и растила детей. Когда моя Ирочка перешла в пятый класс, она однажды пришла ко мне с претензией:

— Мама, как так может быть?

— Что, доченька?

— Почему я — «Ирина Ивановна», а Вова — Владимир Исаевич? Это же невозможно. Брат и сестра. Близнецы. Один отец. Почему же у меня другое отчество? Все удивляются. А я не знаю, что сказать.

— Нашла чему огорчаться. В загсе перепутали. Исай, Иван... Очень похоже.

— Перепутали! Можно исправить.

— Как? Когда все архивы и метрики уничтожили немцы. ...Вчера начала писать, а сегодня продолжаю.

Ты знаешь, что я неверующая, религиозных праздников не отмечаю, но, когда приходит пасха, я приношу старшему брату Симхе килограмм мацы. А когда я в настроении, то пеку гоменташа, но отнюдь не пурим... Вова к маце равнодушен, Ирка же готова жевать ее целый год. Гоменташа любят оба. У Симхи Ирка узнала, почему евреи едят мацу и по случаю чего пекут гоменташа. И она через день стала приставать ко мне с вопросом: «Когда наступит праздник, когда пекут пироги с маком?» Вообще она зачастила к моему брату Симхе и чувствует себя там как рыба в воде.

У Симхи дома говорят по-еврейски. Там наша старенькая мама. И вот однажды Ирка прибегает оттуда радостная, сияющая: она уже знает два слова по-еврейски.

— «Йо» — это «да».

— Верно.

— «Иид» — это еврей.

— Да, — отвечаю я.

— Не «да», а «йо». Мы можем говорить с тобой по-еврейски. И обе рассмеялись.

Однажды, вернувшись с работы, я застаю своих детей за столом, а на столе — торт и ваза с цветами. Вова и Ирка обнимают меня и целуют:

— Читай, читай...

К цветам приколата записка: «Нашей молодой маме от взрослых детей. У нас уже есть паспорта».

И оба протягивают мне свои новые, пахнущие типографской краской паспорта. Устроили мне сюрприз. Открываю и читаю:

— «Дворкина Ирина Ивановна».

— «Дворкин Владимир Исаевич».

Детям я старалась не подавать виду, но именно в тот вечер мне было как-то не по себе. Я спорила сама с собой: может быть, мне надо было сказать Ирочке правду? А может быть, хорошо, что не сказала? Она ведь еще ребенок. Успеется.

Но главное произошло потом, годом позже.

Семья Симхи отдыхала летом в Паланге, на побережье Балтийского моря. Нас пригласили приехать погостить. Когда наступил отпуск, я взяла детей и поехала к брату. Ирка и Вовка перешли уже в десятый класс. Оба комсомольцы. Вовка очень возмужал, окреп и вырос. А Ирочка — чтоб не сглазить... тоже писаная красавица. И к тому же веселая, хохотушка, плясунья... И за словом в карман не полезет.

О чем тут говорить... Когда я выходила с «близнецами» на улицу, прохожие не отрывали от них глаз. Трудно тебе описать мою радость. У Ирки и Вовы появилось много друзей и знакомых. По соседству жило несколько семейств из Каунаса, чудом спасшихся из гетто. На женском пляже мы с Иркой часами выслушивали кошмарные истории из их жизни. Ирка вся пылала. Она дрожала от гнева, она рвалась в бой. И, входя в море, она хватала меня за руку и спрашивала:

— Почему немцы так нас ненавидели?

— Не немцы, а фашисты.

— Пусть будет так. Но почему?

И, сердитая, разгневанная, она бросалась, сжав кулаки, в воду.

...Уже третий вечер пишу тебе письмо.

Однажды вечером мы идем к морю. Гуляем по мосту, к которому подходят корабли. Тут уже такой обычай. Вечером, когда становится холодно, все одеваются потеплее, принаряжаются и идут любоваться закатом. Солнце клонится к закату, но все еще висит над морем, а по воде стелется золотая дорожка к берегу. Огненный шар опускается все ниже и скоро окунется в воду. Вода кругом молочная, а огненная солнечная дорожка качается на невысоких прибрежных волнах, как качели. Ирка счастлива. Она любит красоту. У нее красивая душа. Солнечный закат приводит ее в восторг.

— Смотри, мама, смотри... Величайший художник такое не выдумает и не нарисует. Присмотрись хорошенько... — И она говорит вслух о том, что видит: — На горизонте солнце уже на треть погрузилось в воду и кажется золотым яичком на бескрайнем синем подносе. А вот оно ушло уже наполовину в море и сейчас похоже на кораблик... А вот спустилось еще ниже и стало как китайская крыша... А вот совсем упало в воду, опустилось на дно.

Солнце закатилось. Выплывает луна.

Домой никто не торопится. Люди расхаживают по мосту туда и обратно. Знакомятся, здороваются, прощаются. Встречаем знакомых, и моя Ирочка знакомится с парнем и девушкой. Они становятся у перил, где просторнее, меньше людей. После заката у Иры душевный подъем. Протянув парню руку, она представляется, называя полностью свой «титул»:

— Дворкина Ирина Ивановна.

Парень держит ее руку и глядит ей в глаза. И трудно понять — в глазах его улыбка или хорошо маскируемая издевка. А может быть, он просто ошеломлен. Но девушка, стоящая рядом, говорит:

— Как не стыдно, Ирина!

Ирка тотчас выхватывает свою руку. Она думает, что ее пристыдили за то, что она слишком долго задержала свою руку в руке парня. Но Ирочка ошиблась.

— Как не стыдно... — продолжает девушка. — Мы ведь знаем, как звали вашего отца, так как знакомы с вашим братом. И своего родного отца вы гнушаетесь! Вы скрываете его имя, вы стыдитесь... Исаевна — это, по-вашему, неблагозвучно?

Ирка побледнела, потом залилась краской. Она не могла вымолвить и слова. Глаза ее наполнились слезами. Я схватила ее за руку, и мы пошли домой. Она почти бежала и всю дорогу плакала. А дома она закатила мне концерт... Из-за ошибки паспортиста она должна страдать. Ее считают предательницей (она нарочно выбирала самые острые выражения), считают, что она стыдится своего отца и своего народа. У нее ничего такого и в мыслях не было. С какой же стати ей терпеть такую обиду. Едва ее успокоила.

Я была уверена, что с девушкой, которая ее оскорбила, она не захочет больше встречаться. Но уже на следующий день Ира пошла к ней и объяснила, какую ошибку допустил загс. Они даже сдружились. У нее Ира научилась писать свое имя и фамилию по-еврейски. Глядя на Иру, и Вова научился писать свое имя и фамилию по-еврейски.

* * *

Еще в тот день, когда мы вернулись из Паланги, Ирка пошла к Симхе и нашла у него русские книги по еврейской истории, русские переводы еврейских писателей. Они с Вовой читали, спорили, объясняли друг другу. И даже я от них услышала о таком, чего раньше не знала.

Случилось так, что, уже будучи студенткой, Ира случайно услышала в доме Симхи несколько слов, касавшихся лично ее. Ей пальца в рот не клади... Она тут же сообразила, что в руках у нее ключ к пониманию того, почему она — Ивановна, а Вова — Исаевич. Короче говоря, она прибежала домой и потребовала, чтобы я ей рассказала правду. И я все рассказала. Я боялась, что на нее это плохо повлияет, опасалась, что она заболит. Но слава богу... Ирочка меня обхватила и истерически закричала:

— Мама, мамочка, дорогая...

Когда она немного успокоилась, то попросила меня, чтобы я ничего не говорила Вовке. Я обещала.

Вова был очень преданным братом. С тех пор как она стала барышней, он считает своим долгом опекать ее. С этим не ходи, с тем не гуляй... Этот — нахал, тот — грубиян. Ирка его слушалась. Если она поздно возвращалась, он беспокоился. И не ленился идти на улицу встречать ее. Она шутливо называет его «мой милиционер». Но с тех пор как Ира узнала, почему она Ивановна, она стала его избегать. В его присутствии Ирочка чувствует себя сейчас стесненно, неуютно, не так, как прежде. Потом она начала делать все ему назло. В кино ходит только с теми, с кем он не разрешает... Дошло до того, что он стал на Ирку ябедничать, оговаривать ее, чего никогда раньше не было.

— Запомни,— сказал он как-то Ирке в моем присутствии,— если я еще раз увижу тебя с этим нахалом, не посмотрю на то, что ты взрослая, привяжу тебя косой к постели и не выпущу.

— Что ты хочешь, чтобы я одна шла в кино? — оправдывалась она.— Почему ты никогда не пойдешь со мной в театр, на концерт?

— Действительно... Очень интересно. Как десятилетние дети. Идти с сестрой в кино.

И все же Ирка снова его слушается. По вечерам она вообще сидит дома. Никуда не идет. К ней приходят подруги и все ждут Вовку. Когда он приходит, становится весело — все танцуют, играют. Вот я и подумала: хорошо, что дети успокоились. Но оказывается... Неделю назад приходит ко мне Ирка — она хочет меня о чем-то спросить.

— Обещай, мама, что ты выполнишь.

— Что именно?

— Нет, ты сначала обещай.

— Хорошо.

— Расскажи Вове, почему я Ивановна.

— Сумасшедшая! Ты же просила, чтобы я не рассказывала.

— А теперь это нужно. Ты бы видела, мама, с какими уродинами он гуляет.

— Какое это имеет отношение?

— То же, что Иван к Исаю... — и выбежала из комнаты.

Скажу тебе правду, Симочка, что в ту минуту у меня внутри все оборвалось. Я догадалась, что Ирка задумала. Ты только подумай!.. Они же оба мои родные дети, брат и сестра. Двойня. Если даже Ирка шутила, каково мне это слышать. Напиши, пожалуйста, сразу же, что я должна делать. Посоветуй. Ты ведь умная... А может, зря я пишу тебе все это. Может, они и спрашивать меня не станут...

РАХИЛЬ И ЕЕ ДЕТИ

Ночью выпал густой снег. Ветви на деревьях казались засыпанными пушисто-белыми птичьими гнездами. Утром засверкало солнце. Воздух стал легким и прозрачным, с ветвей все чаще срывались вниз снежные хлопья. Позднее тополя запахли горьковатым запахом коры. То была слегка подслащенная горечь близкого пробуждения.

В этот день особенно радостно прозвучал вопрос:

— Мальчик или девочка?

И даже те, кто спешил, замедляли шаги и с любопытством выслушивали ответ моего соседа:

— Или мальчик, или девочка... А в итоге, значит,— Рахиль и семеро детей.

Не могу понять: сосед добродушно острит или говорит с издевкой.

Сосед мой, низенький, щуплый человек, седовласый, со спокойными и внимательными глазами (все зовут его по-мальчишески — Авремеле), — художник. Кажется, не лишен таланта. Но потому, что сосед сам о себе лучшего мнения, чем другие о нем, он зол на весь мир. Мне кажется, что он завидует даже нашей соседке Рахили — детскому врачу, матери шестерых детей и ожидающей седьмого ребенка. Наш сосед считает, что в нашем дворе он должен быть первым человеком. Кто одарен природой, у кого талант? Не каждый ведь может стать художником. А врачей много, этому можно научиться...

Все мы — соседи по новому дому. Улица еще строится и пока не имеет названия. Ее называют «Новой улицей» или «Новостройкой». Дома еще не получили нумерации, и каждый дом пока называют по его самым приметным жильцам:

— Дом прораба.

— Дом учителей.

Я был уверен, что наш дом назовут моим именем — «дом электромонтера». Я ведь делаю проводку в новых домах.

Но когда открывается калитка нашего двора и входит человек, он чаще всего спрашивает врача, реже — электромонтера и совсем редко — художника. Авремеле, понятно, досадно. Он, видимо, досадует еще и потому, что все говорят о Рахили: хороший человек и хороший врач — лучший в детской поликлинике. Для своих маленьких пациентов она вторая мама. Малыши, которые обычно плачут, когда их ведут к врачу, а при виде белого халата норовят убежать, к ней идут охотно, безо всяких уговоров.

Однажды к художнику пришли друзья. Они долго искали наш дом, ходили от подъезда к подъезду и всюду спрашивали: где живет художник? Никто не знал. И когда они в конце концов его нашли, то в сердцах сказали Авремеле: «Почему ты не

мог объяснить нам, что мы должны спрашивать: «Где живет детский врач?»

С тех пор он даже не смотрит в сторону Рахили. Не хочет с ней знаться и едва отвечает кивком головы на ее дружеское «здравствуйте». На вопрос, где он живет, художник отвечает, усмехаясь:

— В доме многодетной матери.

Рахиль родила мальчика.

Целый день после возвращения из родильного дома не закрывается дверь ее квартиры. С утра до вечера идут люди с поздравлениями. Пришел председатель Совета, за ним — главный врач поликлиники, в которой Рахиль работает, затем — учитель школы, где учатся ее дети. Пришли друзья, знакомые... Всех опередила представительница собеса Мария Гавриловна, которую здесь зовут «матерью матерей». Поздравлять роже-ниц — ее призвание.

Авремеле стоит во дворе и считает гостей.

Сыплет снег. Каждая снежинка, медленно покружившись, неохотно падает на землю, как бы о чем-то думая. И так как мысленно эти снежинки еще витают в небесах, они не видят и не чувствуют, как падают... Авремеле с ног до головы облеплен снегом. Заснеженный двор весь в следах его ботинок. Как только открывается калитка, художник останавливается и ждет вопроса:

— Здесь живет докторша?

— Здесь.

А тем, кто не сразу спрашивает, он, не дожидаясь вопроса, услужливо говорит:

— Тут, тут.

В этот вечер, когда окна квартиры Рахили празднично светятся огнями, а гости непринужденно веселятся, Авремеле все еще слоняется у дверей своей соседки.

— Зайдите поздравить ее, — говорю я ему.

Он не хочет. Он, видите ли, стесняется. Он еще с ней двух слов не вымолвил, так на кой ляд он туда пойдет? Кто он ей, в конце концов, брат или сват? И все же, когда все гости ушли, он передумал:

— Мать как все матери... Какие у меня могут быть претензии к новорожденному? Вместе войдем и поздравим.

Мы вошли вместе.

Рахиль сидела на самом почетном месте, как на троне. Ее помолодевшее лицо светилось радостью и добротой. И гордостью, что рядом с ней сидит муж, а вокруг них шестеро детей. Новорожденный лежал в колыбельке.

Авремеле взглянул на Рахиль так, будто увидел ее впервые. Он поздравил ее и при этом тихо извинился за беспокойство — и без него, мол, много гостей.

— Гостей? — Рахиль посмотрела на него с удивлением. — Каких гостей? Это же мои дети!

Все за столом громко засмеялись.

Художник стал незаметно подвигаться к двери. Рахиль тотчас поднялась и загородила дорогу.

— Садись за стол.

Он послушно вернулся. Рахиль усадила его рядом с собой и, глядя на него своими живыми черными глазами, сказала:

— Мы смеялись не над вами, а над собою. Неужели даже опытный глаз художника не видит сходства?

Говоря это, она непроизвольно снова засмеялась. Авремеле тоже улыбнулся.

Выходя во двор, он спросил:

— Как вы думаете... они больше надо мной не смеются?

Что случилось с моим соседом? Он стал еще молчаливее, на людях показывается еще реже. Мне кажется, его уже не трогает, что Рахиль хороший врач и хороший человек, что дом называют по ее имени. Как видно, он завидует сейчас тому, что у нее дети.

И вот... Однажды открывается моя дверь, и впервые за все время ко мне входит Авремеле. Он, точнее сказать, вбегает, не здоровается даже и говорит так, будто продолжает ранее начатый разговор:

— ...Этот смех еще до сих пор звучит в моих ушах. Все понятно. И вы надо мной смеялись. Как часто мы, сами того не замечая, попадаем в глупейшее положение. Посудите сами... Она велит мне остаться — я остаюсь. Она велит мне присесть — я сажусь. Она смеется — я улыбаюсь. Разве это не глупо с моей стороны? Но что поделаешь, если умнеем мы лишь на завтра. Товарищ электрик, я знаю, что вы обо мне думаете: старый упрямец, старый завистник... Это вам только кажется. Все происходит из-за моей слабости. Я хочу очень многого, но пока ничего не достиг. А волосы, как видите, седеют. Много лет я мечтал нарисовать такую картину, чтобы люди приходили и спрашивали, поздравляли. Чтобы дверь не закрывалась. И вот видите... Поздравлять приходят мамашу с новорожденным. Дверь не закрывается... И я теперь решил: буду рисовать детей Рахили, чтобы приходили и поздравляли. Как вы думаете?

С этого дня рисовать ее детей стало для Авремеле целью жизни, его страстью, его надеждой. Раньше он их почти не замечал, а теперь не отходит от них ни на шаг. Если он их долго не видит, ему чего-то не хватает. Он тоскует без них. Авремеле уже не смотрит на них как на детей врачихи, а как на своих родных детей: это его будущие портреты. Они, эти

будущие портреты, расхаживают, едят, учатся, и все, чем они заняты, ему близко и дорого.

Первым он рисует портрет старшего сына.

Отец с матерью черноволосые, у сына же волосы темные со светлым глянцем. Таким он изображен и на портрете. Волосы подстрижены, а впереди торчит небольшой вихор, он упрямо тянется кверху. Он такой подвижный и так предельно зримо изображен, что, когда смотришь на картину, кажется, что вихор сию минуту подыметсЯ и улетит. И вместе с ним оторвется от полотна и полетит первенец Рахили — студент Залман. В его глазах, тоже темных со светлым отблеском, — беспокойство. Они не смотрят, а пытливо всматриваются, ищут дорогу, а быть может, уже видят ее. По отроческому лицу и пухлым детским щечкам видно, что Залман принадлежит еще маме, слушается ее, но у него уже завелись свои секреты. Не исключено, что в один прекрасный день он со стыдливо опущенным взором поведаст маме, что влюблен, но просит пока об этом не говорить отцу. Может быть, он уже задумал сразу после окончания института оставить отчий дом и отправиться на Север или на Дальний Восток. Трудно пока определить, чего в этом парне больше — материнской мягкой доброты или отцовской строгости.

— Знаете что... — говорит Рахиль, — таким, пожалуй, я бы сама изобразила сына. Именно таким. Спасибо, Авремеле, что вы любите Залмана. Вы рисовали его с любовью.

На второй картине изображена девушка в коричневой ученической форме с белым фартуком. Прежде всего, даже если глядеть издали, бросаются в глаза две краски: черная и красная. Черные густые волосы и красный пионерский галстук.

На лице выделяются черные красивые глаза, и они, глаза эти, уже знают, что нравятся мальчикам. Видно, что внутренний мир девушки часто заполнен думами о своей внешности... Она нежна, добра, никому не скажет дурного слова. Но если мальчик, который ей понравится, не поймет этого, она его зло высмеет. Нетрудно догадаться: она уже знает, что хороша собой. А красота имеет свои права...

Потом был закончен третий портрет. Тоже девочки, но еще совсем ребенка с небольшой каштановой косичкой. Ее умные тихие глаза ни к кому не обращаются и никого не ищут, они довольствуются тем, что созерцают. Она подобна почке на ветке, всецело принадлежащей этой ветке, неотделимой от нее. Долго придется ждать, пока почка раскроется и станет самостоятельным растеньицем.

В чем сила этого ребенка? Художник нашел средство передать нам, зрителям, ее секрет. Рука девочки опирается на столик. Рука лежит спокойно, и все же она как бы играет. Пальцы напряжены, полны движения и ритма. Детская ручонка уже натренирована, она крепка, мускулиста. Рука теплая, и если

вы внимательно прислушаетесь, услышите биение пульса. И главное — для вас не будет неожиданностью, если эта рука вдруг подымется кверху и начнет дирижировать.

Первый, кому художник доверяет, показывая портреты, — это я. Мне они нравятся. Я его хвалю. Но всей правды не говорю. Мне трудно сказать Авремеле, что в портретах детей Рахили он изображает их мать. В каждом портрете — одну какую-нибудь ее черту.

Но вот он принялся за портрет самой Рахили. И снова померчал. Что случилось? Неужели художник разуверился в своих силах.

— Что с вами, Авремеле?

— Дети мне удались. А мать... не получается.

Меня это очень удивляет. В портретах детей легко увидеть мать. Почему же не удастся ее портрет?

Спустя несколько дней Авремеле нагнал меня на улице и, счастливый, сообщил:

— Получится! Я уловил ту деталь, которой мне так не хватало... Уже сегодня будет готово.

В разгар работы, когда «деталь», которую художник так долго и мучительно искал, нашлась, он не только увидел ее глазами, но и почувствовал кистью... Вот, вот, еще мгновение — и не отличить оригинала от портрета. Но в эту минуту пришли за Рахилью: ее позвали к больному ребенку. Она поднялась со стула.

— Не трогайтесь с места! Одна минутка... — Авремеле был так поглощен работой, что, видимо, не понял, почему она встала. — Одну минутку, — упрашивал он.

— Не могу. Не имею права..

— Что значит — «не могу»?! — закричал он. — Садитесь!

Его голос прозвучал так требовательно, что Рахиль невольно присела. Но сразу снова поднялась и направилась к двери. Он схватил ее за руку:

— Прошу вас, умоляю... Одну минутку... Я уже держу это в руках, оно уже на кончике кисти... А если убежит, не вернется. Дорогая Рахильюшка...

Он произнес это с таким чувством, с такой мольбой, что Рахиль заколебалась. Она сделала шаг назад, второй... И при каждом шаге он целовал ее руку.

— Одну минутку...

— Авремеле! — воскликнула она. — Болеет ребенок. Надо ему помочь.

— Ребенок? — недоуменно пожал он плечами. Как будто услышал впервые. — А я? Почему вы хотите меня погубить? Еще одна минута — и вы меня спасете. Еще одна минута — и вы будете увековечены...

Рахиль вырвала руку и убежала.

Авремеле закрыл глаза, и с закрытыми глазами он увидел

Рахиль такой, какой она должна быть на картине. Та «деталь», которой ему не хватало и которую, как показалось ему только что, он почувствовал пальцами и кистью, сейчас выглядела не совсем достоверной. Лишь в это мгновение, после ухода Рахили, он увидел ее подлинную, настоящую... Художник быстро подошел к полотну и взялся за кисть.

Авремеле ни за что не хочет показать мне сейчас портрет Рахили. Я намекал, говорил открыто о своем желании — не помогло. Но однажды, когда все соседи вышли во двор взглянуть, как прибывают померной знак к воротам нашего дома и табличку с названием улицы, и Рахиль тоже вышла с ребенком на руках, я спросил ее:

— Как понравился вам портрет?

Она ответила:

— Очень! Но...— Она обратилась к художнику: — Вы хотите, Авремеле, поссорить меня с мужем. Каждый, кто взглянет на портрет, сразу скажет — вы влюблены в меня.— Рахиль так сердечно и громко рассмеялась, что ребенок на ее руках заплакал.

СОДЕРЖАНИЕ

В РАЗНЫЕ ГОДЫ. Роман

Часть первая. Перевод М. Шульмана	4
Часть вторая. Перевод И. Гена	148
Часть третья. Перевод И. Гена	273
ЛЕЯ И ЕЕ МАМА. Маленький роман. Перевод М. Рольникайте	365

РАССКАЗЫ

Хлеб в печи. Перевод М. Шульмана	420
Что скажет Майя? Перевод автора	423
Тракторист. Перевод С. Родова	427
До захода солнца. Перевод М. Шульмана	434
Семь дней недели. Перевод автора	439
Письмо к подруге. Перевод автора	445
Рахиль и ее дети. Перевод автора	450

Иосиф Израилевич Рабин

В РАЗНЫЕ ГОДЫ

М., «Советский писатель», 1981, 456 стр.
План выпуска 1981 г. № 283

Редактор В. Г. Левченко
Худож. редактор Г. В. Алимов
Техн. редактор И. М. Минская
Корректор И. Ф. Сологуб

ИБ № 2679

Сдано в набор 11.05.81. Подписано к печати 09.11.81. А 12511. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 30,12. Тираж 30 000 экз. Заказ № 359. Цена 2 р. 10 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.

2 р. 40 к.

П